МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ

103

М. Грушевскій.

БАРСКОЕ СТАРОСТВО,

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

(XV—XVIII в.).

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
В. І. Завадзкаго Большая-Васильковская, д. №№ 29—31.
1894.

М. Грушевскій.

БАРСКОЕ СТАРОСТВО,

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

(XV—XVIII в.).

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
В. І. Завадзкаго Большая-Васильковская, д. №№ 29—31.
1894.

Печатано по распоряженію Предсѣдателя Кіевской Археографической Коммиссіи.

Выпуская въ свѣтъ настоящую работу, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ по поводу выбора темы и способа ея обработки. Руководили мною двоякіе мотивы. Съ одной стороны—убѣжденіе въ томъ, что южнорусская исторія, обрисованная уже въ общихъ контурахъ на всемъ своемъ протяженіи трудами предшествующихъ поколѣній историковъ, требуетъ для провѣрки и болѣе прочнаго обоснованія многихъ своихъ положеній возможно-детальныхъ изслѣдованій, которыя, на ряду съ широкимъ примѣненіемъ сравнительнаго метода, одни могутъ удовлетворительно объяснить многіе весьма важные вопросы, доселѣ рѣшаемые совершенно различно смотря по тому, подъ какимъ угломъ зрѣнія разсматриваются. При этомъ на ряду съ изученіемъ сходныхъ явленій въ разныя времена и въ разныхъ мѣстностяхъ, я признавалъ бы весьма полезнымъ возможно-детальное изученіе различныхъ явленій внутренней исторіи въ ихъ территоріальной связи: на опредѣленной территоріи можно наблюдать тѣ конкретныя отношенія, въ какія вступали между собою при встрѣчѣ различные историческіе факторы, ихъ взаимодѣйствіе и связь, между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ они изучаются болѣе или менѣе in abstracto. Это будутъ какъ бы пробныя скважины, дающія возможность прослѣдить въ почвѣ расположеніе пластовъ.

Если такимъ образомъ я признаю весьма полезнымъ детальное изученіе общественнаго строя и отношеній во всякомъ опредѣленномъ районѣ, располагающемъ достаточнымъ количествомъ матеріала, то выборъ именно Барскаго староства въ данномъ случаѣ не былъ случайнымъ. Этотъ юго-восточный уголъ стараго Подольскаго воеводства заслуживаетъ особеннаго вниманія: въ этнографическомъ обликѣ мѣстной шляхты, въ сословной организаціи,

въ строѣ управленія здѣсь до самого позднѣйшаго времени сохранялось много оригинальнаго, такого, что своимъ началомъ восходитъ къ весьма отдаленнымъ временамъ, временамъ до распространенія польской культуры, польскаго права, покрывшихъ своимъ налетомъ туземное прошлое. Оригинальныя особенности этого края въ XVIII в. (на которыя впервые указалъ мнѣ еще въ годы моего студенчества проф. В. Б. Антоновичъ) заинтересовали меня и обратили къ его изученію. Познакомившись съ сохранившимися барскими книгами Кіевскаго Центральнаго Архива, я обратился къ актамъ каменецкимъ и летичевскимъ, затѣмъ къ Коронной Метрикѣ Московскихъ Архивовъ Министерства Юстиціи и Иностранныхъ Дѣлъ и Варшавскаго Главнаго Архива и къ нѣкоторымъ другимъ собраніямъ; наконецъ я неоднократно посѣтилъ изучаемую территорію и собиралъ у мѣстныхъ священниковъ статистическія и этнографическія свѣдѣнія непосредственно и чрезъ посредство Подольскаго епарх. ист.-статистическаго комитета (при любезномъ содѣйствіи его члена—Е. О. Сѣцинскаго). Архивные поиски доставили мнѣ значительный документальный матеріалъ, которому открыла страницы своего „Архива", благодаря любезному посредничеству главнаго редактора—М. Ф. Владимірскаго-Буданова, Кіевская Археографическая Коммиссія. Сборникъ барскихъ актовъ образовалъ здѣсь 1 и 2-ой томы 8-й части, предисловія къ нимъ составили настоящее изслѣдованіе [1]. Первыя шесть, и двѣ послѣднія главы этого изслѣдованія были выпущены порознь [2]); въ настоящей книгѣ соединены тѣ и другія.

---

[1]) Архивъ Юго-Западной Россіи, часть VIII, т. I. Матеріалы по исторіи мѣстнаго управленія въ связи съ исторіею сословной организаціи. Акты Барскаго староства XV—XVI в., К. 1893, 126+372. Т. II—Акты Барскаго староства XVII—XVIII в., К. 1894, 274+497.

[2]) Барское староство, истор. очерки, К. 1894, VI+310, Дополнительныя главы къ изслѣдованію: „Барское староство, ист. очерки", К. 1894, с. 309—400.

Исходнымъ пунктомъ для занятій внутреннимъ строемъ Барщины послужила мнѣ мѣстная околичная шляхта XVIII в. и ея устройство (небольшой историко-этнографическій очеркъ ея я представилъ въ Кіевской Старинѣ за 1892 г., кн. II, и въ непродолжительномъ времени надѣюсь возвратиться къ этому вопросу на страницахъ „Записок Науковаго товариства ім. Шевченка“). Занятія эти привели меня къ изученію колонизаціи, организаціи шляхетскаго землевладѣнія, сословныхъ отношеній и мѣстнаго управленія въ этомъ краѣ отъ введенія польскаго права. Въ мои виды не входило составленіе полной исторіи Барскаго староства; само оно интересовало меня по стольку лишь, по скольку представляемые имъ факты дополняли, уясняли, иллюстрировали болѣе общія явленія южнорусской исторіи въ польскій періодъ. Такими я считаю данныя по исторіи колонизаціи въ XV—XVI., туземнаго землевладѣнія и туземной шляхты, организаціи служилаго землевладѣнія, сословныхъ отношеній, старостинскаго и сельскаго управленія. Изслѣдованіе этихъ вопросовъ должно было опираться на изученіе съ одной стороны—польскихъ учрежденій, съ другой—общественной жизни другихъ областей Южной Руси (въ особенности Подолья вообще и Галичины); то и другое выполнялось мною, но все таки въ этомъ отношеніи остались, несомнѣнно, пробѣлы вслѣдствіи обширности предмета и недостаточной разработанности многихъ вопросовъ (притомъ многаго изъ польской литературы даже и добыть, не смотря на всѣ старанія, было невозможно). Главною задачею моею все же оставалась обработка собраннаго документальнаго матеріала, частью изданнаго мною въ упомянутомъ сборникѣ „Актовъ Барскаго староства“, а большею частью остающагося неизданнымъ, обработка, которая въ результатѣ должна дать извѣстный запасъ фактическаго матеріала для изученія вопроса о воздѣйствіи польскаго государства и общества на общественную жизнь Южной Руси.

Издаваемые въ настоящей книгѣ очерки имѣютъ предметомъ колонизацію юго-восточнаго Подолья въ XV—XVI в., исторію туземныхъ шляхетскихъ родовъ, организацію служилаго зе-

млевладѣнія, сословный строй и мѣстное управленіе до обращенія Барскаго староства въ дѣдичное владѣніе, т. е. до пол. XVII в., обзоръ послѣдующихъ измѣненій въ строѣ староства и организацію старостинскаго и околичнаго управленія въ XVIII в. Къ этому присоединены двѣ вводныя главы: одна (1-ая) вкратцѣ имѣетъ представить судьбу колонизаціи и общественнаго строя въ Подольѣ до утвержденія польской власти, другая (4-ая) сообщаетъ свѣдѣнія по вопросу объ организаціи управленія и служилаго землевладѣнія въ Галичинѣ и Подольѣ.

Что касается изданія документовъ, то приняты были мѣры къ возможно точному воспроизведенію оригиналовъ; только въ разстановкѣ знаковъ препинанія и заглавныхъ буквъ, да въ передачѣ такихъ знаковъ, какъ y вм. ij, u вм. v, w вм. vo и vu, отступлено было отъ буквальнаго воспроизведенія. Пересматривая теперь печатный текстъ я убѣдился, что хотя онъ заключаетъ иногда мелкія, корректурныя ошибки, но свободенъ отъ искаженій смысла; нѣкоторыя, болѣе важныя опечатки, указанныя въ концѣ, я просилъ бы читателя исправить напередъ.

Въ заключеніе считаю долгомъ принесть благодарность лицамъ, своимъ просвѣщеннымъ отношеніемъ облегчавшимъ мнѣ пользованіе архивнымъ матеріаломъ: хранителю Кіевскаго Центральнаго Архива И. М. Каманину, завѣдывающимъ отдѣломъ Литовской Метрики въ Московскомъ Архивѣ Юстиціи Н. Н. Оглоблину и В. В. Нечаеву, Начальнику Главнаго Варшавскаго Архива А. И. Павинскому и чиновнику того же Архива А. Рачинскому и Управляющему Варшавской Казенной Палатой И. Я. Рудченку, а также всѣмъ лицамъ, такъ или иначе содѣйствовавшимъ мнѣ въ настоящихъ занятіяхъ.

I.

Вмѣсто вступленія.

При взглядѣ на карту, старое Подольское воеводство представляетъ нѣчто въ родѣ прямоугольника, опирающагося на прихотливо извивающееся русло Днѣстра. На сѣверѣ его граница почти доходитъ до гребня гранитной гряды, составляющей водораздѣлъ бассейновъ Припети, Буга и Днѣстра, и отъ „Гончарихи“, на востокѣ, поварачиваетъ на югъ, направляясь почти параллельно меридіану (приблизительно 2°15'), до Мурахвы, служившей границею отъ устья Мурашки до впаденія своего въ Днѣстръ. На западѣ (не включая староства Теребовльскаго, занимавшаго какое-то межеумочное положеніе между Подольемъ и землею Галицкою) воеводство замыкалось областью нижняго Серета, къ которой примыкала небольшая наддністрянская полоса между низовьями Джурина и Стрипы [1]). Заключенную въ такихъ приблизительно предѣлахъ територію современные географы исчисляютъ въ 350—400 кв. миль [2]).

---

[1]) Я имѣю здѣсь въ виду главнымъ образомъ данныя XVI в.: обводъ в. кн. Литовскаго 1546 г. и разграниченіе Браславскаго воеводства 1570 г. (Акты Барскаго староства т. I № 122) для сѣверной и восточной границъ, поборовые реестры Подольскаго воеводства (особенно 1530 и 1542 гг.—Żródła dziejowe t. XIX p. 159)—для западной; о послѣдней см. у Стадницкаго Synowie Gedymina I (wyd. 1881) p. 133, о сѣверной границѣ и Гончарихѣ — замѣтку въ Чтеніяхъ Истор. Общ. Нестора т. VII с. 5.

[2]) Żródła dziejowe t. XIX, wstęp p. 12.

Всю юго-восточную часть только что очерченнаго прямоугольника занимало въ періодъ своего процвѣтанія, какимъ для него была половина XVI в., Ровско-Барское староство; оно впрочемъ было тогда не просто староствомъ, а „повѣтомъ“, притомъ едва ли не самымъ обширнымъ изъ повѣтовъ воеводства, хотя территорія его и не была сплошною. Сформировалась она, какъ кажется, довольно случайнымъ образомъ, и это отразилось на ея составѣ. Ядро повѣта составляла Ровщина въ тѣсномъ смыслѣ, та область, которая и въ болѣе позднее время удержала имя Барскаго староства; она обнимала бассейнъ р. Рова, праваго притока Буга, и верховья днѣстровскихъ притоковъ Лядавы и Мурахвы. На западѣ къ ней примыкала довольно значительная территорія по верховьямъ притоковъ Днѣстра—Тарнавы, Студеницы, Ушицы, доставшаяся по наслѣдству послѣ Зиньковскаго, какъ кажется, и болѣе древняго—Смотричскаго повѣта, а на югѣ къ Бару тянуло обширное, тогда еще почти вовсе пустынное Приднѣстровье по теченію Карайца, Лядавы, Неміи, Лозовой—быть можетъ, наслѣдство послѣ захудавшей Бакоты, къ которой тянули нѣкогда надднѣстрянскія земли.

Вся эта мѣстность, равно какъ и остальная территорія воеводства, расположена на южномъ склонѣ упомянутого выше плоскогорія, именуемаго Авратынскимъ или Галицко-волынскимъ. Глубокія рѣчныя долины придаютъ ей, особенно въ южной, приднѣстрянской части, холмистый, или даже гористый видъ, но на самомъ дѣлѣ мѣстность эта имѣла равнинный характеръ. Это плато, достигающее на сѣверо-западѣ, въ наиболѣе возвышенныхъ пунктахъ 1100—1300 ф. и постепенно понижающееся въ юго-восточномъ и южномъ направленіи. Плато это покрыто слоемъ леса (желтой диллювіальной глины); основаніемъ его служатъ гранитныя породы, поверхность которыхъ слегка понижается относительно горизонта въ западномъ и юго-западномъ направленіи; по теченію Буга и къ сѣверу отъ него гранитныя породы выходятъ наружу, и въ области правыхъ притоковъ его третичныя отложенія лежатъ непосредственно на гранитѣ, между тѣмъ какъ по теченію Днѣстра послѣднія опираются на пласты верхней силлуріи и мѣловыхъ формацій.

Небольшой гребень, прорѣзывающій наискось территорію воеводства въ юго-восточномъ направленіи, составляетъ границу между бассейнами Днѣстра и Буга.

Различія въ орографическомъ и геологическомъ строеніи этихъ двухъ бассейновъ отразились на внѣшнемъ видѣ ихъ поверхности. Ограниченный съ двухъ сторонъ небольшими грядами, постепенно склоняющійся въ юго-восточномъ направленіи, бассейнъ Буга не подвергся такому размыву почвы, какъ бассейнъ Днѣстра. Рѣчныя ложа не глубоки, особенно въ верхнемъ теченіи; прирѣчныя возвышенности весьма отлоги; рѣки текутъ плавно и извилисто, широко разливаясь по мѣстамъ, образуя часто мочары, болота и обширные пруды. Далѣе на востокъ, по направленію къ Браславщинѣ, мѣстность дѣлается разнообразнѣе, рѣчныя долины углубляются и становятся круче, но въ общемъ барское Побужье имѣетъ довольно однообразный видъ, хотя эта слегка волнистая мѣстность, съ широкими и отлогими рѣчными долинами, покрытыми лѣсами, съ уходящими далеко въ даль серебрящимися рѣками, запечатлѣна высокою прелестью. Почву составляетъ бурый суглинокъ, плодородный, но требующій унавоженья. Остатки лѣсовъ сохранились и понынѣ еще порядочные; по разсказамъ жителей, недалѣе, какъ двадцать лѣтъ назадъ они были несравненно значительнѣе, а документальныя извѣстія показываютъ, что въ XVI в. Барщина была богата лѣсами, служившими странѣ защитою отъ набѣговъ кочевниковъ, таковы: лѣсъ Згарскій около Радіевецъ и Волковинецъ, лѣсъ Шелеховскій—у Каричинецъ, лѣса Кладно, Медвѣжій, Турій Рогъ—около Бара, Качмазовскій—у верховьевъ Мурахвы, Молоховскій—у Межирова и т. п. [1]).

Переходъ изъ Побужья въ барское Поднѣстровье не ощутителенъ. Проѣзжая по водораздѣлу этихъ двухъ бассейновъ, по обѣимъ сторонамъ, къ югу и сѣверу, видишь одинаковыя широкія, от-

---

[1]) Акты Барск. стар. I № 7, 56, 62, 68, с. 264, Археограф. Сборн. виленск. I с. 124—5.

логія рѣчныя долины, изчерченныя четвероугольниками посѣвовъ; та же суглинистая почва и значительные остатки лѣсовъ. Но чѣмъ далѣе на югъ, ближе къ Днѣстру, тѣмъ болѣе измѣняется видъ поверхности; рѣчныя долины становятся все глубже, придавая все болѣе волнистый, даже гористый видъ мѣстности. Днѣстръ быстро течетъ въ узкой и глубокой долинѣ, разрушая правый берегъ и оставляя по лѣвому узкую полосу наносовъ; онъ не образуетъ большихъ извилинъ, но мелкіе извороты, которыми характеризуется его теченіе, весьма удлинняютъ его. Притоки его текутъ почти параллельно меридіану и лишены значительныхъ поперечныхъ притоковъ, особенно въ нижнемъ теченіи (въ верхнемъ встрѣчаются небольшіе поперечные притоки). Эти параллельные притоки весьма многочисленны—рѣчныя долины рѣдко гдѣ отстоятъ больше, чѣмъ на десять верстъ одна отъ другой; Приднѣстровье такимъ образомъ является изрѣзаннымъ цѣлою сѣтью параллельныхъ рѣчныхъ долинъ, словно системою каналовъ. Рѣки текутъ быстро, но благодаря незначительнымъ размѣромъ своихъ бассейновъ онѣ не многоводны. Когда смотришь на эти глубокія, обширныя рѣчныя долины, прорытыя въ мощныхъ осадочныхъ пластахъ, и на струящіеся на днѣ ихъ незначительные потоки, невольно вспоминаешь пигмея, залѣзшаго въ панцырь великана. Эти рѣчныя долины играли немаловажную роль въ колонизаціи; по нимъ естественно двигалось населеніе въ пустынное Поднѣстровье съ сѣвера и запада, и высокіе водораздѣлы, какъ въ горныхъ странахъ кряжи, раздѣляли страну на замкнутыя порѣчья [1]). Мѣстность эта менѣе лѣсиста. Главными статьями хозяйства въ давнія времена служили пасѣки и пастбища. Суглинистый черноземъ, съ примѣсью хряща, не уступаетъ въ плодородіи сѣверной части Барщины, но хлѣбопашество могло окончательно утвердиться здѣсь лишь очень недавно.

Извѣстны восторженные расказы старыхъ писателей о необыкновенныхъ естественныхъ богатствахъ Подолья, о хлѣ-

---

[1]) См. о нихъ въ „Путевыхъ очеркахъ Подолья“ Кіевск. Стар. 1884, V с. 16.

бахъ, которые при самой плохой обработкѣ возвращаютъ посѣвъ въ нѣсколько сотъ разъ; о необыкновенныхъ пастбищахъ, въ травѣ которыхъ не видно бывало скота; объ удивительномъ обиліи дикихъ пчелъ, гнѣздившихся въ дуплахъ и даже въ ямахъ; о множествѣ скота и дичи; въ ихъ устахъ этотъ край превращался въ настоящую сказочную страну съ медовыми и молочными рѣками [1]). Люстраторы королевщинъ тоже съ удивленіемъ говорятъ о привольной жизни на украинскихъ займанщинахъ, гдѣ былъ „богатшый и пышнѣйшій мужикъ, нижли панъ“ [2]), по заявленію впрочемъ сего послѣдняго; объ обиліи земель, гдѣ вольно было пахать каждому желающему, о множествѣ удобныхъ мѣстъ для осадъ, „лишь бы эти мѣста были въ покоѣ“ [3]). Для населенія болѣе или менѣе густо заселенной Волыни и Галицкой Руси Подолье являлось непочатымъ угломъ, манившимъ своимъ привольемъ, и населеніе свободно двигалось по этимъ „пустынямъ“, не обращая вниманія на политическіе рубежи и избѣгая какихъ-либо стѣсненій. Побужье и верхнее Поднѣстровье служило этапами для двигавшагося на югъ люда. Тутъ еще болѣе или менѣе постоянно держалось населеніе, имѣя за собою старыя, плотно заселенные края, прикрытое лѣсами и болотами (на Побожьи), но далѣе къ югу отъ времени до времени безпощадно разметалъ его какой-нибудь степной ураганъ. Въ половинѣ XVI в. вспоминали, напримѣръ, что Жванъ (на р. Жванѣ ок. Днѣстра) и Голчедаевъ (на Лядавѣ), бывшіе тогда заброшенными городищами, нѣкогда составляли колонизаціонные центры, около которыхъ группировались многочисленное населеніе [4]). И дѣйствительно, нельзя

---

[1]) См. напр. у Длугоша an. 1396 (t. III p. 519 ed. Przezdziecki), Гваньини p. 40—41 (ed. 1581), Виженера (въ Мемуарахъ относящ. до ист. Южн. Руси I с. 70), Целларія p. 22 и т. п.

[2]) Źródła dz. t. VI p. 116.

[3]) См. особенно описаніе Браславскаго замка въ Źródła dz. VI p. 127, ср. Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. VII, т. II с. 21, 130—1, 272, Акты Бар. с. I с. 262.

[4]) Мемуаръ Претвича въ Biblioteka Warszawska 1866, III p. 52.

сомнѣваться, какъ увидимъ ниже, что въ первой четверти XV в. колонизація стояла прочною ногою на Днѣстровскомъ побережьи. А въ XVI в. оно представляло уже пустыню, гдѣ были только „уходы“—пасѣки, пастбища, безъ осѣдлаго населенія, и Баръ, по представленію современниковъ стоялъ „у самаго входа въ Скиѳію“; даже польная сторожа въ началѣ XVI в. не выдвигалось на югъ дальше его окрестностей [1]). Онъ стоялъ тогда дѣйствительно „въ пасти враговъ христіанскаго имени“, между страшными „татарскими шляхами“: къ сѣверу пролегалъ Черный шляхъ, по водораздѣлу Буга и днѣпровскихъ притоковъ—Роси, Тетерева и Случи направляясь на Волынь и въ Галичину; чрезъ самую Барщину, по водораздѣлу Буга и Днѣстра и далѣе, мимо Зинкова и Шаравки въ Галичину—проходилъ шляхъ Кучманскій [2]); Межировъ, Молоховъ, Кудіевцы, Баръ, Елтушковъ и др. такимъ образомъ стояли надъ самымъ шляхомъ, отъ котораго вправо и влѣво, на нѣсколько десятковъ верстъ простирался раіонъ загоновъ, отдѣлявшихся при набѣгѣ отъ главнаго корпуса [3]). Только къ концу XVI, въ началѣ XVII в. колонизаціонное движеніе успѣваетъ своимъ напоромъ преодолѣть опустошенія и овладѣть Поднѣстровьемъ; возобновлены были запустѣвшія селища, и по теченію днѣстровскихъ притоковъ и самого Днѣстра появились небольшіе замки. А во второй половинѣ XVII в. турецкая оккупація и послѣдующія невзгоды

---

[1]) См. напр. Descriptio Poloniae Сарницкаго (при лейпцигскомъ изданіи Длугоша р. 1891); Мемуаръ Претвича I. с. р. 48.

[2]) Описаніе шляховъ, до извѣстной степени справедливое дано у Сарницкаго Descriptio р. 1923; направленіе Чорнаго шляха указано очень точно въ разграниченіи Браславщины—Ак. Бар. с. I с. 263, см. также с. 241—2, Архивъ Ю.-З. Р. II, I с. 244, V, I с. 78, VI, I, прилож. с. 551. Для Кучманскаго шляха см. виленск. Археограф. Сборн. I с. 124, Ак. Бар. с. I с. 233, 253, 255, 261, 264, Лѣтоп. Самовидца с. 162. Сарницкій черезъ Барщину, по верховьямъ Жвана и Ушицы, ведетъ и третій шляхъ—Волоскій.

[3]) А. Б. с. I с. 154, 259, Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 270.

снова разгоняютъ приднѣстровское населеніе на сѣверъ и на югъ, снова появляются въ началѣ XVII в. „пустыни" и „слободы". Но это были уже послѣднія перипетіи происходившей здѣсь великой колонизаціонной борьбы, длившейся долгіе ряды вѣковъ, изъ которыхъ только двумя или тремя послѣдними успѣла вполнѣ овладѣть исторія.

О заселеніи изучаемой территоріи изъ древнихъ писателей сколько-нибудь содержательныя свѣдѣнія находимъ мы лишь у Геродота, по словамъ котораго въ области верхняго Буга обитало племя скиѳовъ пахарей (σκύθαι ἀροτῆρες), а въ области средняго Буга и Днѣстра—скиѳское же племя алазоновъ; границу между ними составлялъ потокъ Екзампей, впадавшій слѣва въ Бугъ тамъ, гдѣ теченіе послѣдняго наиболѣе приближается къ теченію Днѣстра; племена эти были осѣдлыя и земледѣльческія, хотя скиѳы пахари сѣяли хлѣбъ не для пропитанія, а для продажи; они были подчинены власти кочевниковъ—скиѳовъ βασιλεῖς [1]). Сбивчивыя извѣстія послѣдующихъ классическихъ и средневѣковыхъ писателей представляютъ для насъ мало интереса. Археологія, которая могла бы въ этомъ вопросѣ притти на помощь письменнымъ памятникамъ, не представляетъ пока почти вовсе данныхъ: Подольская губернія одна изъ наименѣе обслѣдованныхъ въ археологическомъ отношеніи [2]). Многочисленныя находки на всемъ протяженіи Подолья каменныхъ орудій, отбивныхъ и полированныхъ, при чемъ извѣстны даже случаи совмѣстнаго нахожденія орудій съ костями мамонта [3]),

---

[1]) Herodoti lib. IV c. 17, 20, 52.

[2]) Я пользовался археологическими матеріалами, собранными проф. В. Б. Антоновичемъ, который съ обычною любезностью сообщилъ ихъ мнѣ.

[3]) Въ с. Студеницѣ (Труды VI археол. съѣзда т. I с. 95) и Врублевкѣ Каменецкаго у. (см. Музей Кіевскаго Университета). Къ каменному вѣку (неолитической эпохи) относятся и нѣкоторыя изъ вскры-

свидѣтельствуютъ объ обитаніи здѣсь населенія въ весьма ранніе эпохи. Извѣстно нѣсколько находокъ изъ эпохи бронзовой культуры [1]), изъ періода переходнаго къ желѣзному вѣку и этого послѣдняго, но всѣ эти находки доселѣ носятъ настолько отрывочный или случайный характеръ, что по нимъ совершенно невозможно ни опредѣлить распространенія и послѣдовательной смѣны этихъ культуръ, ни пріурочить ихъ этнографически.

Не много мы выигрываемъ и съ появленіемъ туземныхъ историческихъ источниковъ. Для древнѣйшаго періода они предлагаютъ для этой мѣстности извѣстный вопросъ объ уличахъ и тиверцахъ. Краткость основнаго извѣстія, существованіе весьма важныхъ варіантовъ въ передачѣ его (самое имя уличей является съ такими варіантами—улучи, лутичи и под., что возникаетъ сомнѣніе, съ однимъ ли народомъ мы имѣемъ дѣло), отсутствіе надежнаго критерія въ опредѣленіи достовѣрности извѣстій позднѣйшихъ сводовъ, все это дѣлаетъ вопросъ о мѣстѣ обитанія этихъ племенъ едва ли не безнадежнымъ при наличномъ количествѣ данныхъ.

Этнографическій обзоръ Начальной лѣтописи по сѣверному изводу сообщаетъ, что уличи и тиверцы жили по Днѣстру, причемъ поселенія ихъ простирались до Дуная—съ одной стороны и Чернаго моря—съ другой. Южный изводъ помѣщаетъ ихъ вмѣсто Днѣстра по Днѣпру и Бугу. Сверхъ того Начальная лѣтопись сообщаетъ, что Олегъ воевалъ съ тиверцами и уличами, и тиверцы участвовали въ походахъ Олега и Игоря (944 г.) на грековъ [2]). Позднѣйшіе своды къ этому прибавляютъ, что Аскольдъ и Диръ

тыхъ доселѣ могилъ—таковы гробницы с. Закадинецъ Каменец. у., обслѣдованная г. Пуласкимъ (Zbiór wiadomości XIV. I) и гробница винницкаго замка.

[1]) Таковъ напр. могильникъ с. Молокишъ Балтск. у. (Музей Кіевск. Унив.), курганы с. Керничекъ Балтск. у., обслѣдованные г. Б. Зборовскимъ.

[2]) Лавр. с. 12, 24, 29, 44; Ипат. с. 7, 14, 17.

по прибытіи въ Кіевъ воевали съ древлянами и угличами, что Игорь также воевалъ съ угличами, жившими тогда по Днѣпру; Игоревъ воевода Свинельдъ примучилъ угличей и разрушилъ городъ Пересѣченъ [1]), и послѣ того они перешли въ страну между Бугомъ и Днѣстромъ [2]). Эти извѣстія сводовъ не противорѣчатъ показаніемъ Начальной лѣтописи, и комбинируя ихъ, г. Ламбинъ напр. построилъ довольно стройную гипотезу, по которой угличи, восточная вѣтвь улицкаго племени, обитали первоначально въ Приднѣпровьи, въ области р. Ингула и Ингульца (ингулъ=углъ), а затѣмъ подъ напоромъ печенѣговъ передвинулись на сѣверо-западъ, въ область верхняго Буга и Днѣстра, куда укрылись также и прочіе уличи съ тиверцами, исконными обитателями Поднѣстровья [3]). Эта гипотеза даетъ удобное объясненіе какъ раннимъ столкновеніямъ кіевскихъ князей съ уличами—угличами, такъ и варіанту южнаго извода, замѣняющему Днѣстръ Днѣпромъ. Возникаетъ только въ этомъ послѣднемъ пунктѣ вопросъ, не возникли ли извѣстія позднѣйшихъ сводовъ о передвиженіи угличей изъ стремленія согласить противорѣчивыя показанія изводовъ Начальной лѣтописи?

Кромѣ приведенныхъ выше данныхъ лѣтописей, мы имѣемъ одно любопытное показаніе у Константина Порфиророднаго. По его словамъ, печенѣги сосѣдили съ „подвластными Руси странами, *τοῖς τε οὐλτίνοις καὶ δερβλενίνοις καὶ λενζενίνοις* [4]). Не будетъ натяжкою сближать первый изъ перечисленныхъ народовъ съ ульцами—уличами, а послѣдній съ лучанами, Лучскомъ и—съ улучами. Въ этомъ показаніи, если положиться на его точность, мы видимъ ульцовъ и улучей стоящихъ рядомъ, какъ два отдѣльные народа, при чемъ,

---

[1]) Относительно Пересѣчна см. впрочемъ замѣчаніе г. Молчановскаго (Очеркъ изв. о Подол. зем. с. 33).

[2]) Журналъ Мин. Нар. Просв. 1876, V и VI.

[3]) 1 Новгор. (изд. 1888) с. 7—8, 1 Соф. с. 88, 97, Воскр. I с. 269, 277, Никон. I с. 26, Твер. с. 31, 47.

[4]) De admin. imperio c. 37 (p. 166 ed. Bonn.).

слѣдуя порядку текста, ульцовъ придется помѣстить въ Приднѣпровьи, къ югу отъ полянской Руси, то есть тамъ же, гдѣ помѣщаетъ угличей Ламбинъ, далѣе на западъ будутъ выдвигаться южныя поселенія древлянъ, еще западнѣе—поселенія лучанъ, которыя дѣйствительно могли бы быть отраслью дулѣбскаго племени, какъ недавно предположилъ г. Соболевскій [1]). Существованіе двухъ разныхъ народовъ сходнаго имени—ульцевъ и улучей (при чемъ нѣтъ надобности непремѣнно принимать ихъ за цѣлое и часть, какъ дѣлаетъ г. Ламбинъ) опять-таки можетъ объяснить намъ происхожденіе отмѣченнаго выше варіанта въ изводахъ Начальной лѣтописи о мѣстѣ обитанія уличей и тиверцевъ (который не можетъ быть объясненъ простою опискою): могли быть смѣшаны восточные ульцы и западные улучи.

На основаніи такихъ свѣдѣній можно строить по данному вопросу лишь болѣе или менѣе правдоподобныя гипотезы. Обыкновенно тиверцовъ помѣщаютъ въ области Днѣстра, сближая ихъ имя съ именемъ Днѣстра (Τύρας, Τροῦλλος, Turlu); существованіе Тыврова на Бугѣ заставляетъ впрочемъ нѣкоторыхъ распространять ихъ поселенія и въ область Буга [2]). Относительно уличей дѣло стоитъ еще хуже; гипотеза объ обитаніи ихъ въ „углу" между Днѣстромъ и моремъ не пріобрѣла гражданства въ наукѣ, и уличамъ предстоитъ, вѣроятно, еще долгое странствованіе по юго-западной Руси.

За то изъ данныхъ источниковъ можно сдѣлать несомнѣнный выводъ, что область верхняго и средняго Буга и Днѣстра въ періодъ, предшествующій натиску кочевниковъ, была заселена славянами. Это вытекаетъ изъ показаній объ интензивной колонизаціи степей вплоть до Дуная и Чернаго моря, о „множествѣ" тиверцевъ и улучей и сохранившихся „до сего дня" городахъ ихъ. Но какія

---

[1]) Чтенія ист. общ. Нестора V с. 3—5. Кромѣ указанныхъ, изъ болѣе новыхъ работъ объ уличахъ и тиверцахъ см. Барсова Геогр. нач. лѣтоп. 96 сл., Дашкевича Замѣтки по ист. Литов.-рус. госуд. с. 65 сл., Молчановскаго Очеркъ изв. о Под. зем. с. 17 сл.

[2]) См. напр. Барсова Геогр. Нач. лѣт. с. 96.

именно племена заселяли область той и другой рѣки, гдѣ оканчивались южныя разселенія древлянскаго и дулѣбскаго племени, гдѣ начинались поселенія тиверцовъ и уличей, какъ далеко на югъ простирались эти поселенія въ область Буга (по Днѣстру, судя по лѣтописи, они простирались до моря)—на всѣ эти вопросы можетъ со временемъ дать отвѣтъ только археологія.

Во время составленія этнографическаго очерка русскихъ племенъ, вошедшаго въ Начальную лѣтопись, приведенныя выше свѣдѣнія о заселеніи Поморья были уже преданіемъ прошлаго; авторъ говоритъ о немъ въ прошедшемъ времени: „сѣдяху", „бѣ множество ихъ"; отъ былого заселенія оставались только „городи", въ большинствѣ случаевъ—вѣроятно, брошенныя городища (въ Переяславск.—„градъ ихъ спы" т. е. валы [1])). Съ разсказомъ о взятіи Пересѣчна и переселеніи угличей на Днѣстръ (подъ 914 г.) прекращаются всякія извѣстія объ уличахъ; послѣднее упоминаніе о тиверцахъ относится къ легендарному походу Игоря 944 г.

Къ половинѣ X в. утверждаются въ южныхъ степяхъ, вплоть до дунайской Болгаріи, печенѣги, и Черноморье выходитъ за горизонтъ политики кіевскихъ князей. Отношенія послѣднихъ къ уличамъ и тиверцамъ въ болѣе раннее время остаются неясными; лѣтопись не говоритъ объ исходѣ борьбы съ ними Олега; участіе тиверцовъ въ походахъ на грековъ, какъ то было доказано, не можетъ свидѣтельствовать о подчиненіи ихъ кіевскимъ князьямъ [2]). Судя по тому, что мы знаемъ о распространеніи власти послѣднихъ до половины X в., подчиненіе ими области Днѣстра и средняго Буга является мало вѣроятнымъ; иное дѣло относительно уличей или ульцовъ приднѣпровскихъ, но и тѣ, по свидѣтельству того же лѣтописнаго разсказа, не долго оставались въ подчиненіи у кіев-

---

[1]) Лѣтоп. Переяслав. с. 3. Ср. извѣстіе о покинутыхъ городахъ (ἐρημόκαστρα) у Константина Порф. De admin. c. 37 (p. 167).

[2]) Монографіи В. Б. Антоновича I с. 122, Труды III археологич. съѣзда I с. LIII.

скихъ князей и передвинулись на западъ. Прекращеніе непосредственныхъ сношеній Кіева съ черноморскимъ населеніемъ само по себѣ могло бы объяснить отсутствіе извѣстій о послѣднемъ въ нашихъ источникахъ.

Но напоръ кочевниковъ сопровождался повсюду большими перемѣнами въ разселеніи южныхъ племенъ. Лишь меньшинству удавалось удержаться на старыхъ обиталищахъ въ степяхъ; главныя массы населенія принуждены были отодвигаться за предѣлы ихъ. То же должно было произойти въ Побужьи и въ Приднѣстровьи. Населеніе могло удержаться кое-гдѣ въ приморскихъ городахъ, по низовьямъ судоходныхъ рѣкъ, обезпечивавшихъ безпрепятственное сообщеніе съ морскимъ берегомъ; кое-гдѣ и въ глубинѣ степей могли представиться исключительно-удобныя условія безопасности, и нѣкоторая часть населенія могла остаться среди кочеваго населенія, устроивъ съ нимъ сносный modus vivendi, какъ извѣстные „бродники“ [1]). Если въ общемъ итогѣ эти фрагменты осѣдлыхъ славянскихъ поселеній въ степной полосѣ были въ то время, какъ бывали и позже, не малочисленны, то все же это было меньшинство. Массы уличей и тиверцевъ должны были постепенно отодвигаться на сѣверъ, сначала осаживаясь по закраинамъ поселеній своихъ сѣверныхъ сосѣдей, потомъ проникая въ ихъ области или оттѣсняя ихъ поселенія далѣе на сѣверъ. Уже въ извѣстіи Константина Порфиророднаго, относящемся къ серединѣ X в., мы видимъ поселенія улучей и ульцевъ въ одной линіи съ древлянскими, но переселеніе, вѣроятно, не закончилась на этомъ и продолжалось и во второй половинѣ X в. Примкнувши къ поселеніямъ древлянъ, дулѣбовъ, хорватовъ, или смѣшавшись съ ними, улицкіе и тиверскіе переселенцы, подобно своимъ собратьямъ, затеряннымъ среди кочевниковъ, вѣроятно, скоро утратили и свои племенныя имена и сознаніе племенной особно-

---

[1]) Объ остаткахъ осѣдлаго населенія въ Черноморьи см. особенно у П. В. Голубовскаго—Печенѣги etc. с. 200 и сл.

сти, хотя, быть можетъ, въ позднѣйшихъ автономическихъ стремленіяхъ Понизья, Побожья и Болохова сказались и слѣды этой миграціи.

Какъ далеко на сѣверъ отодвинулись осѣдлыя поселенія, мы совершенно не находимъ указаній въ нашихъ скудныхъ источникахъ. Судя по аналогіи съ землею полянъ, гдѣ въ концѣ X в. укрѣпленная граница осѣдлыхъ поселеній почти совпадала съ полосою лѣсовъ, можно предполагать, что и въ изучаемой мѣстности прочныя осѣдлыя поселенія едва ли выходили за границы лѣсистой и болотистой области верхняго Буга, едва ли достигали береговъ Днѣстра. Впрочемъ и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, въ нейтральной полосѣ, отдѣлявшей поселенія отъ кочевниковъ (по словамъ Константина Порфиророднаго, орды кочевали въ разстояніи одного дня отъ поселеній Руси [1])), существовало, вѣроятно, славянское населеніе, но болѣе рѣдкое, подвижное, неустойчивое, то приливавшее, то отливавшее на сѣверъ, смотря по тому—усиливался или ослабѣвалъ временно напоръ кочевниковъ.

Затѣмъ въ нашихъ извѣстіяхъ о Побожьи и Поднѣстровьи слѣдуетъ огромный промежутокъ съ X до половины XII в. Въ концѣ X в. власть кіевскихъ князей утверждается въ земляхъ древлянъ, дулѣбовъ и хорватовъ; вліянію ихъ должны были подчиниться и южныя окраины, но вліяніе это не могло быть особенно прочно и чувствительно—и тѣ, коренныя земли еще слабо были связаны съ Кіевомъ. Въ первой половинѣ XI в. напоръ кочевниковъ ослабѣваетъ; силы печенѣговъ сокрушены въ борьбѣ съ Русью и торками, а замѣстившія ихъ торкскія орды не были сильными и грозными. За то половцы, смявъ печенѣговъ и торковъ, со всею силою обрушились на русскія поселенія. Подъ вліяніемъ этихъ условій мы видимъ въ Приднѣпровьи движеніе осѣдлаго населенія на югъ въ половинѣ XI в. и отливъ въ концѣ того же столѣтія; подобное явленіе, вѣроятно, происходило и въ области Днѣстра и

---

[1]) De administr. c. 37 (p. 166).

Буга. Къ концу XI в. половцы занимаютъ все степное пространство вплоть до Дуная; остатки побѣжденныхъ печенѣжскихъ и торкскихъ ордъ осаживаются на окраинахъ осѣдлыхъ поселеній подъ покровительствомъ русскихъ князей, какъ ихъ подручники. Собственно мы имѣемъ ясныя указанія на такія поселенія только для Поросья, но едва ли они ограничивались одною этою областью; планы Василька Ростисловича—воевать съ поляками при помощи берендичей, торковъ и печенѣговъ [1]), намекаютъ на существованіе подобныхъ поселеній и въ западныхъ волостяхъ. Эта военная граница со смѣшаннымъ кочевымъ и осѣдлымъ населеніемъ впрочемъ едва ли простиралась далеко на югъ—судя по нѣсколькимъ намекамъ источниковъ, область средняго Буга была въ концѣ XI и половинѣ XII в. еще степью, гдѣ кочевали половцы [2]).

Лишь въ половинѣ XII в. выступаетъ мелькомъ верхнее Побожье. Оно принадлежитъ въ это время къ Кіевскому княжеству; здѣсь находимъ кіевскіе города—Межибожье, Божскій и Прилукъ (на Деснѣ, правомъ притокѣ Буга) [3]). Межибожье и Божскъ вмѣстѣ съ Котельницею на Гуйвѣ и еще двумя неизвѣстными городами составляли какую-то прочно сложившуюся волость, служившую какъ бы бастіономъ Кіевской земли на юго-западѣ [4]); какъ далеко простиралась эта волость къ югу, мы рѣшительно не знаемъ. Почти одновременно (въ 1144 г.) выступаетъ и среднее Приднѣстровье— „Понизье“, впрочемъ въ скромныхъ размѣрахъ: городъ Калиусъ (Калюсъ) есть крайній извѣстный намъ пунктъ на юго-востокѣ его въ XII—XIII в. [5]); кромѣ того упоминаются еще Ушица и Бакота.

---

[1]) Ипат. с. 174. Такое предположеніе относительно Побожья было высказано уже г. Молчановскимъ—Очеркъ с. 91—2.

[2]) Лавр. с. 241: „на Богъ идохомъ съ Святополкомъ на Боняка за Рось“, это одна фраза—ходили за Рось на Богъ, т. е. въ область средняго Бога; см. также ibid. с. 344.

[3]) Ипат. с. 234, 243, 257; Лавр. с. 296; о Божскомъ см. Очеркъ ист. Кіевск. земли с. 45.

[4]) Ипат. с. 258.

[5]) Ипат. с. 226, 341, 506, 525—7; Лавр. с. 295—6.

Область эта была „украиною" Галицкаго княжества [1]). Подобно тому какъ Бугъ, своими притоками сближающійся съ притоками кіевскихъ рѣкъ—Роси, Тетерева и Случи, служилъ колонизаціонною артеріею для Кіевской земли, такъ по Днѣстру происходило колонизаціонное движеніе изъ земли Галицкой; только это послѣднее, не ослабляемое слишкомъ большимъ протяженіемъ украинной линіи, какъ въ Кіевской землѣ, въ области Днѣстра вѣрно было болѣе концентрировано и интензивно, особенно по мѣрѣ роста и усиленія Галицкаго княженія. Колонизація перешла за Днѣстръ въ области Прута и нижняго Дуная [2]); тутъ она встрѣчалась съ остатками стараго уличско-тиверскаго населенія, усиливавшими собою колонизаціонные контингенты; такого происхожденія, вѣроятно, были вольныя дружины берладниковъ, бродниковъ, „галицкихъ выгонцевъ". Населеніе это было, очевидно, не малочисленно, если въ походѣ Ивана Берладника могло принять участье, по лѣтописи, 6000 берладниковъ [3]). Въ первой половинѣ XIII в., съ упадкомъ половецкаго могущества, колонизаціонное движеніе изъ Галичины должно было особенно оживиться. Въ это время галицкое Понизье было настолько прочно колонизовано и (сравнительно) благоустроено, что составило отдѣльную княжескую волость, которую взялъ подъ конецъ Мстиславъ Мстиславичъ, отказавшись отъ притязаній на галицкій столъ [4]). Подобное же колонизаціонное оживленіе, хотя вѣроятно и въ меньшихъ размѣрахъ, должно было замѣчаться и въ Побужьи.

Такимъ образомъ въ XII—XIII в. на водораздѣлѣ Днѣстра и Буга встрѣчались два колонизаціонныя теченія—кіевское и галицкое;

---

1) Ibid. с. 447.

2) Ипат. с. 341, 491. Отъ пользованія грамотою Ивана Берладника 1134 г. послѣ рефератовъ VIII археологическаго съѣзда слѣдуетъ отказаться.

3) Ипат. с. 341, 346, 496; иностранныя извѣстія о бродникахъ см. у П. В. Голубовскаго ор. с. с. 195 сл.

4) Ипат. с. 501.

при тѣсной связи обоихъ бассейновъ столкновеніе было неизбѣжно. Уже въ первой половинѣ XII в. видимъ попытку, галицкихъ князей хотя и не удачную, утвердиться въ Побужьи (захватъ Прилука [1])). Попытки эти не прекращались, несомнѣнно, и позже: хлопоча подъ шумъ борьбы за кіевскій столъ объ округленіи своихъ владѣній землями погорыньскими, не могли галицкіе князья упускать изъ виду Побожья. Имѣя въ виду интензивность галицкой колонизаціи и упадокъ и захуданіе Кіевскаго княжества, можно было предвидѣть исходъ, особенно послѣ соединенія Галича съ Волынью. Уже въ первой половинѣ XIII в. Побожье видимъ во власти галицко-волынскихъ князей: около 1230 г. Романовичи распоряжаются Межибожьемъ, какъ своею волостью [2]). Однако утвердиться галицкимъ князьямъ здѣсь не удалось; главнымъ препятствіемъ были автономныя стремленія мѣстнаго населенія, обнаружившіяся особенно въ половинѣ XIII в. [3]).

Стремленія эти, глубоко залегавшія въ народной жизни вообще, имѣли возможность съ особенною силою обнаруживаться на степныхъ окраинахъ, жившихъ бурною, напряженною жизнью въ вѣчной борьбѣ съ кочевниками, предоставленныхъ своимъ собственнымъ силамъ и не привыкшимъ къ княжеско-дружинной опекѣ. На Понизьѣ нѣкоторые симптомы ихъ можно подмѣтить еще въ половинѣ XII в., въ томъ содѣйствіи какое мѣстное населенія оказывало Ивану Берладнику (хотя послѣдній пользовался расположеніемъ и галицкаго земства) [4]), а въ ближайшемъ сосѣдствѣ Побужья и отчасти—на его собственной территоріи, въ первой половинѣ XIII в. разыгрывается знаменитое болоховское движеніе [5]).

---

[1]) Лавр. с. 296.

[2]) Ипат. с. 502.

[3]) По этому вопросу кромѣ изслѣдованій гг. Дашкевича и Молчановскаго см. еще статью въ Запискахъ Товариства імени Шевченка, т. I—„Громадський рух на Вкраїні Русі в XIII в.“.

[4]) Ипат. с. 341, 226; ср. Монографіи В. Б. Антоновича с. 122.

[5]) О мѣстоположеніи Болохова см. еще замѣтку въ Чтеніяхъ общ. Нестора т. VII.

Наибольшей выразительности движенія эти достигаютъ въ половинѣ XIII в., когда татарское нашествіе ввело въ политическую жизнь Южной Руси новый элементъ, на который могли опереться стремленія общинъ. На Понизьи это направленіе проявляется въ союзѣ съ татарами Милѣя бакотскаго. Побожье въ 1250 годахъ выступаетъ въ ряду земель, отказавшихся отъ повиновенія галицко-волынскимъ князьямъ и подчинившихся непосредственной власти татаръ [1]). Такая политика сохранила эти земли отъ бѣдствій татарскаго разоренья, за то вызвало грозу со стороны галицко-волынскихъ князей; въ особенности, строго отнеслись они къ Побожью: быть можетъ, здѣсь враждебное имъ движеніе выразилось рѣшительнѣе и рѣзче; борьба съ обѣихъ сторонъ была упорная и безпощадная; но послѣ кампаніи 50-хъ гг. мы больше о ней не слышимъ—быть можетъ, она прекратилась. Даніилъ принужденъ былъ отложить мысль о сопротивленіи татарамъ, и судя по нѣкоторымъ намекамъ лѣтописи, Побожье послѣ похода Бурундая осталось подъ непосредственною властью татаръ [2]). Что касается Понизья, то всякія извѣстія о немъ прекращаются съ эпизодомъ о Милѣѣ; оно, вѣроятно, раздѣлило судьбу Побожья. Эти двѣ территоріи, тянувшія доселѣ врозь по своимъ географическимъ и историческимъ условіямъ, теперь объединяются, связанныя, можно думать, единствомъ стремленій къ общинной автономіи, единствомъ протеста противъ княжско-дружиннаго уклада [3]); является для нихъ впервые и общій географическій терминъ—Подолье, оставшійся за ними навсегда. Терминъ этотъ, тождественный по смыслу съ „Понизьемъ“, подобно этому послѣднему указывалъ на историческую связь этой территоріи съ „горною страною“ Поднѣстровья галицкаго; Побожье примкнуло къ Поднѣстровью.

¹) Ипат. с. 549 и 555.

²) Ипат. с. 588, 613; чтобы не повторяться, см. объ этомъ Очеркъ истор. Кіевск. з. с. 48 и 460.

³) Быть можетъ, начало этого объединенія относится именно ко времени борьбы съ Даніиломъ?

Отъ борьбы Даніила съ „людьми татарскими“ вплоть до завоеванія Подолья литовскими князьями въ нашихъ извѣстіяхъ опять идетъ огромный перерывъ. О жизни Подолья за это время можно высказать только нѣсколько болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній.

Все это время, около столѣтія, земля находилась подъ непосредственнымъ верховенствомъ татаръ. Подчиненіе съ самого начала было добровольное, населеніе видѣло въ переходѣ отъ княжеско-дружинной опеки къ „зверхности татарской“ прямую выгоду для себя; насколько такія надежды могли оправдаться, вопросъ другой. Любопытно, что 10—15 лѣтъ пребыванія подъ верховенствомъ татарскимъ не заставили болоховскія общины сожалѣть о старомъ княжеско-дружинномъ режимѣ. Съ другой стороны тотъ фактъ, что занатіе Подолья Коріатовичами не вызвало сопротивленія со стороны туземнаго населенія, показываетъ, что населеніе въ ту пору не было особенно привязано и къ татарскому верховенству; впрочемъ утвержденіе Коріятовичей, судя по извѣстію нашихъ источниковъ, не было возвращеніемъ къ княжеско-дружинному строю, и statu quo земскаго уклада на первыхъ порахъ не подверглось нарушенію.

Объ этомъ земскомъ строѣ нѣкоторыя указанія мы находимъ лишь въ извѣстіи литовско-русской лѣтописи [1]). Изъ нея видно, что татары ближайшимъ образомъ не вмѣшивались въ общественную жизнь подольскаго населенія; сами татарскіе „отчичи и дѣдичи“ не жили среди него, и зависимость отъ нихъ населенія выражалась въ сборѣ дани періодически наѣзжавшими баскаками. „Завѣдывали“ общественною жизнью атаманы, представители общинъ. Такимъ образомъ стремленіе населенія къ широкой общинной автономіи, побудившее его къ подчиненію татарскому верховенству, нашло себѣ, надо думать, полное удовлетвореніе. Это стремленіе, приводившее неизбѣжно въ тогдашнемъ состояніи

---

[1]) Лѣтопись изд. Поповымъ с. 44, изд. Даниловичемъ с. 49—50.

общественной культуры къ разрозненности, къ ослабленію связи между общинами, было очень на руку татарскимъ „дѣдичамъ“, и они могли только покровительствовать этому теченію. Другою гарантіею татарскаго господства служило отсутствіе городскихъ укрѣпленій на Подольѣ (хотя это извѣстіе лѣтописи, быть можетъ, не чуждо тенденціи); мы видимъ, что и въ борьбѣ съ Даніиломъ татары начинаютъ съ разрушенія городскихъ укрѣпленій [1]. Далѣе едва ли шли они въ заботахъ объ обезпеченіи своего господства. Мы не находимъ нигдѣ указаній напр. на существованіе татарскихъ гарнизоновъ. Хотя татарскій элементъ несомнѣнно проникалъ въ среду населенія, какъ это было раньше съ черноклобуцкими насельниками, однако нѣтъ поводовъ предполагать колонизаціи массовой, еще менѣе—колонизаціи изъ политическихъ соображеній. Слѣды тюркскихъ насельниковъ сохранились въ названіяхъ поселеній [2], но трудно отнести ихъ къ опредѣленной эпохѣ, потому что тюркская иммиграція хоть въ слабой степени могла постоянно происходить и происходила на протяженіи съ XI и до XVI в.

Тюркскій элементъ долженъ былъ усиливаться по мѣрѣ того, какъ туземное населеніе подвигалось въ степныя пространства, въ ближайшее сосѣдство кочевниковъ. Татарское верховенство благопріятствовало такому поступательному движенію, гарантируя населеніе въ извѣстной мѣрѣ отъ нападеній кочевыхъ ордъ. Границы осѣдлыхъ поселеній должны были въ этотъ періодъ значительно расшириться, и широкіе колонизаціонные планы нѣкоторыхъ позднѣйшихъ литовскихъ и польскихъ государей, по всей вѣроятности, опирались уже на фактически существовавшую, въ предшествующій періодъ развившуюся колонизацію. Любопытно, что и русско-

---

[1]) Ср. Ипат. с. 562. Проф. Дашкевичъ впрочемъ справедливо указываетъ (Замѣтки с. 73) на то, что болоховскіе города были пощажены татарами (Ипат. с. 526).

[2]) Для Барщины можно указать напр. Агдашовъ, Берладку, Голчедаевъ, Карачинцы, Карачеву Луку, Кумановцы, Татарскій Мукаровъ, Татарище (къ с.-в. отъ Вербовца), Татаринку (у верховья Калюса).

литовскій лѣтописецъ, изображающій заслуги и права литовскихъ князей на Подолье, не говоритъ о заселеніи страны, а только объ укрѣпленіи ее замками и крѣпостями; очевидно, дѣло шло главнымъ образомъ о закрѣпленіи колонизаціи уже существовавшей. Впрочемъ, какъ оговорился я, татарское верховенство было гарантіей лишь въ извѣстной степени и не обезпечивало населенія отъ временныхъ притѣсненій, реквизицій, а то и разореній, особенно во время борьбы за власть разныхъ хановъ и эмировъ, наполняющей исторію Золотой орды, особенно со второй четверти XIV в. Возможность такихъ „пополоховъ“ должна была держать населеніе на сторожѣ, поддерживать въ немъ типъ порубежника, чуткаго, настороженнаго, всегда готоваго къ борьбѣ—типъ, выработанный уже вѣками тревожной украинной жизни и удержавшійся здѣсь едва не до кончины Рѣчи-посполитой.

Свѣдѣнія о водвореніи литовскаго верховенства въ Подольѣ даетъ небольшой эпизодъ древней литовско-русской лѣтописи, составленный въ половинѣ XV вѣка, въ разгаръ споровъ о правахъ на Подолье между Польшею и Литвою и носящій нѣсколько партійную окраску [1]). Любопытно, что хотя утвержденіе литовскихъ князей на Подольѣ поставлено здѣсь въ связь съ пораженіемъ, которое Ольгердъ нанесъ на Синей водѣ татарскимъ ханамъ, „отчичамъ и дѣдичамъ Подольскои земли“ (по всей вѣроятности—около 1363 г.), но самое занятіе Подолья отнюдь не было завоеваніемъ силою оружія и не сопровождалось переворотомъ въ земскомъ строѣ; въ этомъ случаѣ мы вполнѣ можемъ вѣрить нашему источнику, такъ какъ для его цѣли было гораздо выгоднѣе представить Подолье страною завоеванною. Князья Коріатовичи, племянники Ольгерда, явившись послѣ пораженія татаръ на Подолье „со князя великого Ольгирдовымъ прозволениемъ

---

[1]) Неточности разсказа съ особою обстоятельностью (хотя не безъ преувеличеній) указаны проф. Дашкевичемъ—Замѣтки с. 75.

и с помочію Литовьскои земли", „вошли у пріязнь со отаманы, почали боронити Подольскую землю отъ татаръ, а боскакомъ выхода не почали давати" [1]). Такимъ образомъ водвореніе литовскихъ князей и дѣятельность ихъ опирались на поддержку населенія, на союзъ съ общинными атаманами, и прежній земскій строй, созданный стремленіями самого населенія, очевидно, не долженъ былъ потерпѣть сильныхъ измѣненій. Дѣятельность князей обращена была главнымъ образомъ на организацію военныхъ силъ земли. Мѣстное самоуправленіе должно было по прежнему остаться въ вѣдѣніи общинъ и ихъ представителей. Однако предпринятое князьями устройство военныхъ силъ и созданная или возобновленная общеземская военно-административная организація неминуемо вносили нѣкоторыя измѣненія и въ строй общинъ. Организація военныхъ силъ необходима была прежде всего для обороны отъ татаръ, которые, не въ состояніи будучи возвратить себѣ бывшій улусъ, начинають опустошительные набѣги. Коріатовичи то откупались отъ нихъ платою „дани", которая собиралась въ такомъ случаѣ со всего подольскаго населенія [2]), то оборонялись оружіемъ. Однимъ изъ главныхъ средствъ обороны была постройка замковъ; лѣтописецъ упоминаетъ только о замкахъ западнаго Подолья, на которое ближайшимъ образомъ предъявляли претензіи поляки: Смотричь, Бакоту и Каменецъ, и затѣмъ глухо прибавляетъ, что потомъ Коріатовичи „вси подольскыи городы умуровали и всю землю Подольскую осели". Въ разсказѣ объ изгнаніи Федора Коріатовича и въ жалованной грамотѣ Спытку упоминаются еще замки: Червоноградъ, Скала, Браславъ, Соколецъ, Межибожъ, Божскъ и Винница [3]), но замковъ было, вѣроятно, гораздо больше. Усиленію

---

[1]) Лѣтоп. изд. Поповымъ с. 44, изд. Даниловичемъ с. 50.

[2]) О сборѣ серебра для дани татарамъ см. въ грамотахъ Коріатовичей 1375 и 1392—Акты Зап. Рос. I № 4, Żródła dziejowe V p. 21, и въ грамотѣ Свидригайла 1405 г.—Podole I p. 194.

[3]) Лѣтоп. изд. Поповымъ с. 45, изд. Даниловичемъ с. 51—2, Codex epist. Vitoldi p. 38.

средствъ земской обороны служила также раздача помѣстій съ обязанностью военной службы; намъ впрочемъ извѣстно лишь два случая: пожалованіе Бакоты Немирѣ (1389) и Затерминецъ и др. селъ Бедрышку (1392) [1]. Въ концѣ концовъ правленіе Коріатовичей, не смотря на весь тотъ консервативный характеръ, который оно должно было имѣть, оставило глубокіе слѣды въ строѣ и жизни земли: земля получила бо́льшую сплоченность и единообразіе въ устройствѣ; если не вновь заложены, то усилены и развиты были задатки сословности; наконецъ подготовлено было культурное сближеніе съ Польшею (разумѣю дарованіе магдебургскаго права Каменцу, заботы о развитіи торговли съ Краковомъ, появленіе доминиканъ и т. п. [2])

Правленіе послѣдняго изъ Коріатовичей—Федора окончилось въ 1393 г. походомъ Витовта на Подолье. Но овладѣвъ Подольемъ, Витовтъ непосредственно затѣмъ долженъ былъ подѣлиться своимъ пріобрѣтеніемъ: верхнее Побожье (Межибожье, Божскъ, Винница) осталось за Ягайломъ; западное Подолье Ягайло, получивъ отъ Витовта, передалъ въ наслѣдственное владѣніе, pleno jure ducali, Спытку изъ Мельштына (быть можетъ впрочемъ—въ качествѣ лена литовскаго, а не польскаго [3])). Наконецъ есть извѣстіе, что Браславъ и Соколецъ были отданы Дмитрію Корыбу-

---

[1]) Stadnicki Synowie Gedymina I (1881) p. 150; Zródła dziejowe V p. 21.

[2]) Грамота Каменцу у Пшездзецкаго—Podole I p. 140 и Молчановскаго с. 207; грамота доминиканамъ смотричскимъ у Пшездзецкаго I p. 119, Акт. Зап. Рос. I № 4, у Житецкаго Очеркъ звуков. ист. с. 355 и Молчановскаго с. 220; грамоты краковскимъ купцамъ (1375 и 1385 г.)—Codex diplom. civ. Cracoviensis I № 47 и 60. О дѣятельности Коріатовичей см. у Стадницкаго ор. с. с. 143 сл., Молчановскаго с. 192 сл., Antoni I.—Zameczki Podolskie I p. 55 sq.

[3]) Къ такой мысли пришелъ уже Каро (Geschichte Polens III p. 202—3), затѣмъ Смолька (Szkice I p. 61—2), В.-Будановъ (Населеніе Ю.-З. Р. до XV в. с. 80), Барбашевъ (Витовтъ до Грюнвальд. битвы с. 147); основаніемъ для этого служатъ слова Ягайловой грамоты, гдѣ

товичу [1]). Осталось ли что нибудь изъ подольскихъ волостей въ непосредственномъ управленіи Витовта, неизвѣстно. Единственнымъ памятникомъ Витовтоваго господства служитъ жалованная грамота его Василію Карачевскому на урочище Княжью Луку 5 мая 1593 г., но грамота могла быть выдана въ промежутокъ между завоеваніемъ Подолья и раздѣломъ его между конкуррентами, или за Витовтомъ остались земли въ районѣ Барщины, къ которому относится упомянутое пожалованіе

Созданныя въ 1393—5 г. отношенія просуществовали очень не долго. Въ 1399 г. погибъ Спытко; въ 1403 г. подольскія волости выкуплены были Ягайломъ у его жены и отданы Свидригайлу, еще раньше получившему какія-то земли на Подольѣ. Но положеніе его въ общемъ было такъ неустойчиво, что мы не можемъ съ точностью опредѣлить ни періода его дѣйствительнаго господства на Подольѣ, ни предѣловъ его владѣній. Съ 1402 по 1410 г. мы имѣемъ цѣлый рядъ жалованныхъ грамотъ Ягайла на земли въ Подольѣ, особенно западномъ; кромѣ пожалованій, перечислен-

---

Спытко приравнивается къ ceteri nostri duces Lithuanie et Russie, и при такомъ толкованіи получаетъ полный смыслъ и принятіе Витовтомъ Каменца въ ленъ отъ Ягайла въ 1394 г. (Daniłowicza Skarbiec № 649), и негодованіе возбужденное въ кружкѣ Ядвиги пожалованіемъ Подолья Спытку, о которомъ говоритъ Длугошъ (an. 1396—t. III p. 519), и участіе Спытка въ битвѣ на Ворсклѣ.

[1]) Stryjkowski II p. 101; въ число владѣній Димитрія включена и Винница. Извѣстіе Стрыйковскаго принимаютъ Молчановскій (с. 248, 249, 255, не безусловно), Барбашевъ (с. 148); г. Молчановскій указываетъ на то, что Өедько Несвицкій (котораго онъ, основываясь на указаніи въ Scarbiec № 1592, считаетъ сыномъ Димитрія Корибутовича), является своимъ человѣкомъ на Подольѣ. Өедько въ своей присяжной грамотѣ (Собраніе госуд. и частн. грамотъ Круповича № 16) называетъ своею отчиною Збаражъ, Винницу и Хмельникъ; Брацлавъ съ Кременцемъ являются его старостинскимъ держаньемъ, а Соколецъ—повидимому, наданьемъ Ягайла.

ныхъ у Стадницкаго и Молчановскаго [1]), укажу кстати еще грамоты: 1402 г. Георгію, мѣщанину львовскому, на войтовство въ Каменцѣ и с. Кормильче [2]), 1403 г.—на Ольховецъ и Михалковцы Яну Пудло [3]), 1404 г.—Петру Шафранцу на Сатановъ и др. помѣстья [4]); любопытно, что въ числѣ послѣднихъ нѣкоторыя лежатъ внѣ западнаго Подолья, какъ Зиньковцы съ Гринечкою и Нижнимъ Мукаровымъ и Чесь въ пов. Летичевскомъ; наконецъ 1410 г.—грамоты на Кормильче и Ходковцы Грицку Кердеевичу [5]) и Сеньку Волосу на Лядаву [6]).

Правленіе Свидригайла прекратилось съ заключеніемъ его въ 1408 г. и смѣнилось двадцатилѣтнимъ управленіемъ Витовта. Въ дѣятельности послѣдняго для насъ прежде всего важны его отношенія къ татарамъ, въ особенности къ сосѣднимъ ордамъ крымскимъ и черноморскимъ [7]). Поддерживая ихъ въ борьбѣ съ золотоордынскими ханами и временщиками и подчиняя своему вліянію,

---

[1]) Пожалованья Устья 1403 г., Сокола 1406, Ярмолинецъ, Купина и Черной Воды 1407, Фрыдровецъ и Кадіевецъ 1410; грамоту на Ярмолинцы см. въ А. Б. с. I № 2, о прочихъ—Synowie Gedymina I p. 193, Молчановскій ор. с. с. 266—7.

[2]) Книга ревизіи документовъ Подольской земли въ Кор. Метр. Москов. Архива Мин. Юст. (при Лит. Метрикѣ) Переписи В. № 17 f. 42 v.; изъ этого документа (датированнаго 9 августомъ—in vigilia s. Laurentii, въ Червоногродѣ) видно, что Ягайло вступилъ въ обладаніе Подольемъ раньше выплаты денегъ Спытковой въ 1403 г.

[3]) Коронная Метрика варшав. № 138 f. 26 v. (подтвержденіе 1603 г.), то же въ кн. ревизіи 1564 г. f. 20 v.

[4]) А. Б. с. II, R. 1404.

[5]) Кіевскій Центральн. Архивъ № 3599 f. 172 v.

[6]) Объ этой грамотѣ см. у Яблоновскаго (Podole ŭ schyłku XV w.—Ateneum 1880 VI p. 537, VII p. 88), который впрочемъ дату ея отмѣтилъ вопросомъ.

[7]) О татарской политикѣ Витовта см. библіографію въ Очеркѣ исторіи Кіевской земли с. 496; прибавлю еще Барбашова—Витовтъ послѣ Грюнвальда гл. VI.

Витовтъ имѣлъ, какъ видно, очень важную и опредѣленную цѣль— утвержденіе въ южнорусскихъ степяхъ и на черноморскомъ побережьѣ [1]); такой смыслъ должны были имѣть его походы въ южнорусскія степи и созданіе въ нихъ и на побережьѣ укрѣпленныхъ замковъ, позднѣйшія преданія о которыхъ находятъ себѣ подтвержденіе въ такихъ несомнѣнныхъ фактахъ, какъ построеніе по распоряженію Витовта замка на днѣстровскомъ лиманѣ, у Аккермана, существованіе при Витовтѣ въ Качибеѣ, на днѣпровскомъ лиманѣ, польскаго, справедливѣе—подольскаго порта, претензіи Литвы и Польши на черноморскія степи, включавшіяся въ обводы границъ не только XV, но и XVI в., и т. п. [2]). Но эти обширныя пространства въ дѣйствительномъ обладаніи Литвы и Польши пробыли очень недолго по смерти Витовта, и претензіи на нихъ сдѣлались пустымъ звукомъ хотя при Витовтѣ, быть можетъ, были поставлены не только, такъ сказать, граничные столбы новымъ владѣніямъ, но приступлено и къ колонизаціи послѣднихъ. Пожалованіе Теодорику Бучацкому въ 1442 г. черноморскихъ замковъ—Чернаго города (Аккермана) и Качибея, и Каравула на Днѣстрѣ для устройства тамъ укрѣпленій [3]) было уже безслѣднымъ отзвукомъ прошлаго; упоминаемые въ немъ oppida и villae были, вѣроятно, лишь канцелярскою формулою.

---

[1]) Объ этомъ подробнѣе см. у Антоновича Моногр. I с. 245, Молчановскаго с. 294 сл., В.-Буданова Населен. Ю.-З. Р. до пол. XV в. с. 55.

[2]) Гильберъ де Ляннуа—отрывокъ въ Запискахъ Одесск. общ. ист. и древн. т. III с. 438—9; Длугошъ an. 1415 (t. IV p. 189); обводы границъ—Акты З. Рос. II № 199 („а Очаковъ на земли вашей милости господарской стоитъ"), виленск. Археограф. сборникъ т. I с. 126 и Акты Бар. стар. I с. 265; списокъ Свидригайловыхъ городовъ (Skarbiec № 746), въ числѣ которыхъ Czarnigrad, Kaczakenow (вѣроятно испорчено изъ Качубеевъ ср. Kazubinyow ibid. № 1562), Mayak, Karawull.

[3]) Привожу этотъ интересный документъ цѣликомъ по копіи изъ кн. ревиз. 1564 г. (f. 217): Vladislaus, rex Hungariae, Poloniae etc. Significamus

Но если колонизація степей, быть можетъ, и осталась въ области предположеній, за то принятыя Витовтомъ мѣры къ утвержденію въ

---

etc., quomodo attendentes gratae fidelitatis studiosa obsequia, quibus maiestati nostrae et coronae regni Poloniae ac terr(arum) Russiae et Podoliae, eas ab hostibus pro suis viribus defendendo, ac novissime pro ipsarum terrarum pace perpetua disponenda in Thartaria, fatigis et sumptibus suis non parcendo, in periculis multis equitando, magnificus Theodricus de Buczacz, castellanus camenecensis et terrarum Podoliae capitaneus generalis, grate nobis dilectus, complacuit, ac aucto fidei suae studio praestancius complacebit in futurum, horum intuitu volentes ipsum gratiarum nostrarum prosequi favoribus et ad obsequia nostra redderre promptiorem, sibi castra nostra: Caravul, super Dniestr fluvio, Czarnigrad, ubi Dniestr fluvius dictus mare intrat, et Caczibieiow, in littore maris sita, cum omnibus oppidis, portibus, theloneis aquatibus et terrestribus, ac etiam solis, villis et omnibus pertinentijs et coherentijs universis, quibuscunque censeantur nominibus, damus, donamus, largimur ac praesentibus inscribimus gratiose ad tempora vitae suae habenda, tenenda, utifruenda, possidenda pacifice et quiete. Sed ut ipsa castra, civitates, oppida, villas, portus, thelonea et pertinencias eorum universas nobis et illis terris nostris Podoliae possit ducere in perfectum edificetque et melioret, prout nobis se obtulit haec facturum, propter sua servitia supradicta tria millia marcarum monetae et numeri polonicalium communium, 48 gr. in marcam quamlibet computando, in eisdem castris, civitatibus, oppidis, villis, theloneis, portibus successoribus legitimis praefati Theodrici inscribimus, assignamus et demonstramus, per ipsos habendum, tenendum et pacifice possidendum cum omnibus proventibus, pertinentiis et obventionibus universis, superius expressis, tamdiu, quousque per nos aut nostros successores eiusdem Theodrici successoribus praefata tria millia marc. fuerint realiter ad plenum persoluta. Quia vero eidem Theodrico praedicta castra et civitates edificare, restaurare, marcis (sic) circumdare, de legabilitate et industria suis confidendo, commisimus, ut exinde utilitatem et honorem regno Polonie procuremus, igitur volentes, ut ipse Theodricus pro suis laboribus et impensis, ut sui posteri—condignam recipiant satisfactionem, postquam a suis praedictis successoribus recipere seu exemere praedicta castra, oppida, villas, thelonea, portus et pertinentias universas eorundem volu-

нихъ своей власти, безопасность отъ татарскихъ вторженій (о нихъ по крайней мѣрѣ при немъ на Подольѣ ничего не слышно)—должны были благодѣтельно влiять на колонизацію Подолья. Объ успѣхахъ ея въ извѣстной степени можетъ служить свидѣтельствомъ развитіе земянскаго класса: для времени Витовта мы имѣемъ значительное число земельныхъ пожалованій [1]). Позднѣйшія данныя также свидѣтельствуютъ, что районъ заселенія въ это время былъ го-

erimus, extunc prius non debemus nec possumus ea ab ipsis removere seu exemere in se, primo ipsi quatuor et nos quatuor homines bonae famae locabimus, qui de impensis, super ipsa castra, oppida et portus per eundem Theodricum appositis, discernere et iudicare debent, quorum edicto tam ipsi, quam nos parere debebimns et debemus, ita quod non poterimus praedicta castra, oppida, villas et portus alienare ab ipsis, nisi prius ea, quae fuerint (dest)inata per praefatos arbitros, ipsius Theodrici successoribus exolvemus cum summa trium millium marc. praedictarum. Datum Budae dominica die ipsa in crastino festivitatis s. Michaelis archangelij anno Domini 1442. Relatio magnifici Petri de Szczekoczin, r. P. vicecancellarij. Lectum per Albertum de Zichlin, r. P. vicecanc. (Поправки: damus—inscribimus повторено, вм. universas universis, вм. parere parare).

[1]) Кстати дополню, на основаніи книги ревизіи 1564 г., списокъ Витовтовыхъ пожалованій, сдѣланный г. Молчановскимъ (ор. с. с. 318—320): въ 1420 г. записано было Витовтомъ 100 гр. Григорію Багавскому на с. Малиничи и Свиняче въ пов. Каменецкомъ (f. 19 v.) и 40 грив. Николаю Бедриху на пустынѣ Плоска въ пов. Смотричскомъ (f. 197 v.), въ 1422 г. 60 грив. шл. Янушу на с. Нова Руда въ пов. Каменецкомъ (f. 132 v.), въ 1427 г. 100 грив. Ивашку Гинковичу на селѣ Толстое въ пов. Червоноградскомъ (f. 163 v.), въ 1428 г. 30 грив. Николаю Bozi de Babinicze на Сапаговъ (f. 51 v.), 1429 г. 30 копъ неизвѣстно кому на с Гугринѣ въ пов. Червоногродскомъ (f. 165), 1430 г. (thisziącznecho osmdziesiątego tridcziatocho) слугѣ Волосу 100 копъ на селищѣ Волоска и дворищахъ на Калюсѣ, на Песчѣ и Каменной Кучѣ въ пов. Бакотскомъ (f. 61 v.). Въ 1425 г. Витовтъ разрѣшилъ Ник. Бедриху промѣнять отчины—с. Ольховецъ и Сутриминцы—и Мелевцы, stho maieth od nass w piączidziessiath hriwen, Кузю (Kudzewi) на Kudziewczi a nasse pridanie Czorny Ostrow a Mikitince (f. 198).

раздо значительнѣе, чѣмъ въ послѣдующее время, что напр. Поднѣстровье къ востоку отъ Калюса не было при немъ „пустынею“. Къ этому вопросу я возвращусь ниже, а теперь упомяну еще объ одномъ фактѣ связанномъ также съ татарскою политикою Витовта,—поселеніи татаръ въ земляхъ в. кн. Литовскаго. Колонизація эта, о которой мы, къ сожалѣнію, почти не имѣемъ современныхъ извѣстій, могла начаться еще при Ольгердѣ, и при Витовтѣ получить лишь дальнѣйшее развитіе. Повидимому, происхожденіе ея было двоякое—частью это были плѣнники, приведенные изъ походовъ въ степи, частью добровольно выселившіяся орды побѣжденныхъ въ ордынскихъ смутахъ сторонниковъ Витовта [1]). Въ одномъ изъ писемъ Витовта (1427 г.) упоминается о татарахъ, пришедшихъ въ его земли, между прочимъ и на Подолье, чтобы найти себѣ болѣе спокойныя мѣстожительства [2]). Существованіе при немъ татарской колонизаціи въ Подольѣ весьма вѣроятно; во всякомъ случаѣ позже несомнѣнно уже, какъ увидимъ ниже, были переселены въ Барщину, подъ именемъ чемерисовъ или черемисовъ, часть волынскихъ татаръ—правдоподобно изъ Витовтовыхъ колоній.

Со смертью Витовта прервано было мирное развитіе края. Наступила ожесточенная борьба за Подолье между Свидригайломъ и Ягайломъ, интересная по тому національному характеру, которымъ она несомнѣнно была запечатлѣна. Предшествующая колонизаціонная дѣятельность Ягайла не прошла даромъ; въ землевладѣльческую и мѣщанскую среду западнаго Подолья введены были въ значительномъ количествѣ польскіе или тянувшіе къ Польшѣ изъ политическихъ и иныхъ видовъ элементы, которые теперь могли оказать серьезную поддержку ея притязаніямъ. Съ тою же цѣлью и непосредственно по смерти Витовта Ягайло производитъ щедрую

---

[1]) О татарской колонизаціи см. статью Мухлинскаго въ Актѣ С.-Петербург. Универ. 1857 г. и Смирнова Крымское ханство с. 153. Трактатъ XVI в. о литовскихъ татарахъ (Рисалэ-и-Татари-лэхъ) былъ изданъ Мухлинскимъ въ переводѣ въ Вильнѣ въ 1858 г.—см. Bibliografia histor. polskiej Finkla t. I № 2920.

[2]) Codex epist. Vitoldi p. 759.

раздачу земель въ Подольѣ (въ нѣкоторыхъ изъ этихъ грамотъ прямо упоминается о заслугахъ, оказанныхъ въ начавшихся на Подольѣ войнахъ, и по обыкновенію выражается надежда на дальнѣйшія услуги) [1]. Благодаря всему этому въ западномъ Подольѣ Польша достигаетъ безусловнаго преобладанія, но въ восточномъ, гдѣ польскіе партизаны были лишь in partibus, всецѣло господствуетъ туземный элементъ, выставившій своимъ представителемъ Свидригайла. Такимъ образомъ западное и восточное Подолье, Поднѣстровье и Побужье, раздѣленныя изначала историческими условіями колонизаціи, но колонизованныя доселѣ разными отраслями одного и того же народа, теперь получаютъ нѣкоторое этнографическое различіе—нѣкоторое, потому что польская окраска налегла очень тонкимъ слоемъ, коснувшись, и то еще не слишкомъ сильно, только верхнихъ слоевъ общества. Уже въ условіяхъ перемирія 1431 г. сказалось это различіе: за поляками остались: Каменецъ, Смотричъ, Скала и Червоногродъ съ ихъ повѣтами, простиравшимися на востокъ до Голчедаева и Елтушкова включительно, за Свидригайломъ—Качубеевъ, Дашковъ, Звенигородъ, Браславъ, Соколецъ и Летичевъ—вѣроятно, крайній замокъ на западѣ [2].

---

[1]) Такъ въ 1431 г. выданы были грамоты: Франчку на Карачинцы, Ціолкамъ на Гричковцы, Шагутинцы, Носковцы и Яроміевцы (А. Б. с. I № 4 и 5), Sventoslao de Zadowya на Озаринцы, Петру Одровонжу на Сатановъ и пр. за заслуги praesertim gwerrarum temporibus, quas praeclaro principi Boleslao alias Swidrigal pro notariis et evidentibus movimus iniuriis (А. Б. с. II R 1404 и 1431), Jacobo de Jaczko pro servitiis, quibus his temporibus gwerrarum, in terra Podoliae vigencium, placere meruit, на Румкушовцы (кн. рев. 1564 г. f. 58 v.), Франчку изъ Степаниковецъ на Степаниковцы (ib. f. 181), Stanislao, familiari Ianussii Kierdijowicz, capitanei scalencis, ratione servitiorum tempore gverrarum, in partibus Podoliae exortarum, на Покляки, (f. 182 v.), Юрку Свирчовичу на Балванецъ (f. 194).

[2]) Scarbiec № 1562, Supplementum ad histor. Russiae Monum. № 118.

Въ этихъ перемирныхъ условіяхъ даетъ себя чувствовать перевѣсъ силъ Польши надъ силами Свидригайла, такъ какъ въ предѣлы польскаго Подолья оказываются включенными области Жвана и Лядавы, несомнѣнно чуждыя польской колонизаціи. Въ дальнѣйшемъ этотъ перевѣсъ еще болѣе усилился, и границы польскаго Подолья еще далѣе подвинулись на востокъ. Это и не удивительно, такъ какъ восточное Подолье было предоставлено почти исключительно своимъ собственнымъ средствамъ, и талантовъ и энергіи князя Ѳедька Несвицкаго, руководившаго этой борьбою со стороны Свидригайла, было недостаточно, чтобы уравновѣсить силы партій; туземной партіи съ начала и до конца пришлось стоять въ положеніи скорѣе оборонительномъ, чѣмъ наступательномъ. Послѣ 1434—1435 г., когда борьба нѣсколько утратила свой бурный характеръ, дѣло западнаго Подолья было проиграно окончательно. Восточное также находилось въ опасномъ положеніи. Переходъ кн. Ѳедька на сторону Польши и подчиненіе своихъ владѣній (Винница, Хмельникъ, Соколецъ) коронѣ польской [1], правда, какъ кажется, не имѣли реальнаго значенія; но при содѣйствіи молдавскаго воеводы полякамъ удалось захватить Браславъ, который литовцы, по извѣстію Длугоша, отвоевали лишь спустя нѣкоторое время. Въ 1447 г. поляки завладѣли верхнимъ Побужьемъ—взяли Хмельникъ, Межибожъ и Караулъ, и несмотря на неудовольствіе Казимира, эта область такъ и осталась за Польшею [2]) Для насъ ближайшимъ образомъ интересно было бы знать, когда перешла окончательно во власть Польши Ровщина, но при отрывочности нашихъ свѣдѣній вопросъ этотъ можно рѣшить только приблизительно. Во время перемирія 1431 г., судя по тексту договоровъ, юго-восточное Подолье [3]), какъ кажется, было раздѣлено

---

[1]) Присяжныя грамоты Ѳедька у Круповича—Собраніе государств. и частн. актовъ № 16 и 17 (1434 и 1435 г.).

[2]) Длугошъ an. 1436 и 1447, t. IV p. 575, V p. 38.

[3]) Здѣсь и ниже подъ Подольемъ будемъ разумѣть территорію Подольскаго воеводства.

между борющимися сторонами—юго-западная часть принадлежала полякамъ (Елтушковъ и Голчедаевъ), сѣверная часть, вѣроятно, отошла съ прочимъ Побожьемъ Свидригайлу, которому принадлежалъ Летичевъ. Еще въ 1438 г., какъ видно изъ пожалованія Свидригайломъ Слободки и Бѣликовецъ Григорію Стреченовичу [1]), этотъ уголокъ Ровщины принадлежалъ ему, но послѣ завоеванія поляками Межибожа и Хмельника, къ нимъ должно было отойти и все Ровское Побожье, вмѣстѣ съ самимъ Ровомъ; этотъ послѣдній въ качествѣ несомнѣнно-польскаго замка упоминается въ 1452 г. Быть можетъ, завоеваніемъ верхняго Побожья 1449 г. завершились польскія пріобрѣтенія, и демаркаціонная линія польскаго и литовскаго Подолья установилась около этого времени по принципу uti possidetis; юго-восточною границею польскаго Подолья Мурахва была уже при Семенѣ Олельковичѣ, въ третьей четверти XV в. Борьба за Подолье изъ вооруженной перешла въ дипломатическую и литературную, которая просуществовала до самой Люблинской уніи.

---

[1]) Акты Ю.-З. Р. т. I № 20.

II.

Заселеніе юго-восточнаго Подолья въ XV и началѣ XVI в

Такимъ образомъ съ половины XV в. юго-восточное Подолье было окончательно инкорпорировано польскому государству, и въ дальнѣйшемъ край этотъ долженъ былъ жить и развиваться подъ культурнымъ и правовымъ польскимъ вліяніемъ. Переходя теперь къ изученію результатовъ этого вліянія на общественное устройство, составляющему предметъ настоящей работы, начну съ обзора заселенія этого края за время, предшествующее колонизаціонной и организаціонной дѣятельности кор. Боны—до 30-хъ годовъ XVI в., извиняясь впередъ за излишнюю, быть можетъ, иногда детальность своихъ историко-топографическихъ соображеній, необходимыхъ для уясненія предмета. При этомъ свѣдѣнія о заселеніи наиболѣе удобно будетъ сгруппировать отдѣльно для каждой изъ областей, на которыя распадается Барщина въ ея максимальномъ объемѣ; мы начнемъ съ Поднѣстровья, какъ располагающаго наибольшею суммою данныхъ именно для древнѣйшаго времени—1-й пол. XV в.

Изъ предшествующаго было видно, что до конца XIV в. мы не имѣемъ вовсе спеціальныхъ извѣстій о Барской территоріи. Древнѣйшее датированное извѣстіе, относящееся непосредственно къ ней, есть пожалованіе Витовтомъ Княжеей Луки 1393 г.: Витовтъ разрѣшаетъ слугѣ своему Василію Карачевскому „садити село Княжую Луку на сыромъ корени", предоставляя ему землю въ

углу между р. Морашкою Великою и Морашкою Сенковскаго (это, вѣроятно, рѣка, на которой стоятъ Пасенки, извѣстные съ к. XVI в. [1])) съ лѣсомъ Стрыевъ Рогъ и Куликовыми лѣсками [2]. „Княжа Лука“ есть село Плебановка, существующее и въ настоящее время, на водораздѣлѣ р. Мурашки и Лозовой, къ с.-з. отъ Шаргорода, получившее это имя послѣ того, какъ было отдано въ к. XVI в. шаргородскому плебанату [3]). Неизвѣстно впрочемъ, „осадилъ“ ли Карачевскій Княжу Луку. Изъ позднѣйшей грамоты, которую исхлопотали себѣ его потомки въ 1468 г. у старосты подольскаго Станислава изъ Ходча, видно, что Княжа Лука тогда была пустынею, которую опять предполагалось осажи-

---

[1]) А. Б. с. I с. 308.

[2]) Грамота издана у Пшездзецкаго (Podole II p. 51), въ Źródła Грабовскаго и Пшездзецкаго и въ Актахъ Зап. Рос. (I № 6) съ датою 1383 г., въ Полоцкѣ вмѣсто Луцка; истинная дата возстановлена въ Codex epist. Vitoldi p. 34. Съ тою же датою 1383 г., въ Полоцкѣ, внесена была грамота въ 1778 г. въ протоколъ процесса объ имѣніяхъ Барскаго староства (Кіев. Центр. Арх. кн. № 5648 p. 362); такое согласіе въ датировкѣ едва ли могло имѣть основаніемъ лишь ошибку при чтеніи, какъ, повидимому, объясняетъ г. Прохаска.

[3]) А. Б. с. I с. 343; въ процессѣ 1778 г. объ имѣніяхъ Барскаго староства: wsi Kniazia Łąka przed tym, a teraz Plebanowka zwaney, w kluczu Szarogrodzkim sytuowaney (p. 18). Что Княжа Лука есть Плебановка, а не Карчмаровъ и Шаргородъ, съ которыми отождествлялъ ее Пшездзецкій (II p. 53—54), а за нимъ Балинскій и Липинскій (Starożytna Polska, wyd. 2, III p. 227),—зналъ уже dr. Antoni I. (Zameczki Podolskie III p. 254 sq. 261), хотя и высказалъ это не довольно опредѣленно; но и онъ вмѣстѣ съ ними отождествляетъ Княжу Луку съ с. Карачовою и относитъ къ ней документы, опубликованные Пшездзецкимъ (II p. 53); что с. Карачева и Карачова Лука, хотя быть можетъ и стоятъ въ какомъ-нибудь отношеніи къ имени Карачевскихъ, были отдѣльными поселеніями, видно напр. изъ А. Б. с. I с. 343, II R. 1598 и перечней селъ Шаргородскаго ключа 1682 г.—Pamiętniki o Koniecpolskich p. 368 и 372.

вать in nova radice, для чего и записано было на ней 20 грив. [1]; впрочемъ упоминаніе здѣсь о пасѣкахъ (Княжа пасѣка, пасѣка Грелина) заставляетъ думать, что Карачевскіе точно пользовались этимъ урочищемъ для „уходовъ", только не заселяли. Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы и позже, въ XVI в., оно было заселено; въ дарственной записи Алексѣя Карачевскаго 1582 г. Княжа Лука названа еще пустынею. Отъ Корачевскихъ она перешла къ Хорушкамъ, затѣмъ была продана Замойскому, который и пожертвовалъ ее шаргородскому костелу [2]).

Если такимъ образомъ выходитъ, что Княжа Лука едва ли была заселена при Витовтѣ, то содержаніе самой грамоты таково, что заставляетъ предполагать существованіе уже здѣсь колонизаціи: точное обозначеніе границъ, съ перечисленіемъ угодій, не можетъ относиться къ „землѣ невѣдомѣ", куда лишь прокладываютъ путь піонеры; такое обозначеніе, какъ Морашка *Сенковская*, свидѣтельствуетъ о существованіи поселеній (такихъ Мурашекъ, различавшихся по именамъ селъ, мы знаемъ нѣсколько—Мурашка Поповская, Кочмазовская [3])). Эти соображенія о заселеніи днѣстровской Барщины, восходящемъ, по моему убѣжденію, ко временамъ до-литовскимъ, находятъ себѣ подтвержденіе и въ пожалованіи Витовтомъ Карчамаровской волости.

Древнѣйшее извѣстіе объ этомъ фактѣ мы находимъ въ подтвердительной грамотѣ кор. Яна Альбрехта на столовыя имѣнія Каменецкой католической каѳедрѣ, выданной въ 1498 г. взамѣнъ

---

[1]) А. Б. с. I № 3; здѣсь осталась неисправленною ошибочная дата подлинника; истинная дата опредѣляется тѣмъ, что воеводою русскимъ и старостою подольскимъ и галицкимъ Стан. изъ Ходча былъ только отъ 1467 по 1472 г., см. Akta grodz. i zem. t. XII, index: Halicz, Podolia.

[2]) А. Б. с. I с. 343, II R. 1582, 1591, 1596; о продажѣ Замойскому я встрѣтилъ указаніе только въ процессѣ 1778 г. (р. 132 и 364—II R. 1598): donacya внесена была въ зем. книги Каменецк. 1598 г., но эта часть ихъ не сохранилась.

[3]) А. Б. с. I с. 329, II с. 20.

сгорѣвшихъ документовъ. Въ числѣ этихъ имѣній находимъ: „Карчмаровцы, Поповцы, Василевцы, Гавдыковцы, Канчинцы и Микулинцы въ повѣтѣ Ровскомъ". Эта группа селъ затѣмъ много разъ повторяется въ относящихся сюда документахъ безъ всякихъ подробностей и измѣненій, всегда въ томъ же составѣ и порядкѣ [1]); очевидно, ее повторяли всякій разъ по документальной традиціи, безъ справокъ съ дѣйствительностью, несмотря на то, что одни изъ этихъ селъ исчезли вовсе, другія перемѣнили имена. Уже во время выдачи подтвердительной грамоты эта мѣстность была въ запустѣніи; села существовали или въ моментъ пожалованія этой волости Витовтомъ или, пожалуй, были осажены вскорѣ послѣ этого пожалованія. Въ самомъ фактѣ пожалованія Витовтомъ этихъ имѣній нѣтъ ничего невѣроятнаго; именно при немъ каѳедра Каменецкая изъ номинальной превратилось въ реально-существующую, такъ что надѣленье ея имѣніями было очень умѣстно; зная, что одинъ изъ епископовъ—Павелъ изъ Боянчицъ, каноникъ виленскій, былъ посвященъ въ епископы каменецкіе по спеціальной просьбѣ Витовта (въ 1427 г.) [2]), можно, пожалуй, указать на поставленіе и правленіе его, какъ возможное время пожалованія. Умышленно относить ко времени Витовта эту дотацію каменецкимъ епископамъ не было поводовъ; изобрѣтать въ частности пожалованіе Карчмаровской волости тоже не было причинъ: со второй половины XV в., какъ и во все послѣдующее время, для каменецкихъ епископовъ она должна была оставаться бездоходною пустынею, какою оказывается при Баторіѣ, при обмѣнѣ на половину Праги [3]).

Изъ перечисленныхъ селъ „Карчмаровскихъ добръ" (bona Karczmarowiensia), какъ ихъ называли въ XVI в., можно опредѣлить мѣстоположеніе трехъ: Карчмаровцы есть нынѣшнее Коцма-

---

[1]) См. напр. А. Б. с. I с. 283, 288, 291 и т. п.

[2]) См. у Стадницкаго Synowie Gedymina I p. 199.

[3]) Кор. Метр. варшав. № 129 f. 401 v. (текстъ приведенъ будетъ ниже).

зово (на границѣ Могилевскаго и Ямпольскаго у.); какъ кажется, село пустовало весь XVI в.: въ обводѣ границъ 1546 г. оно названо селищемъ, въ обводѣ 1570 г. выступаетъ только Коцмазовскій лѣсъ [1]), и только въ перечнѣ селъ Шаргородской волости 1599 г. появляется снова „село“ Качмазовъ [2]). Поповцы—нынѣшніе Поповцы около мѣст. Копайгорода; наконецъ Канчинцы, по моему мнѣнію, есть искаженіе, вмѣсто „Кавчинцы“—теперешніе Гальчинцы (въ ближайшемъ сосѣдствѣ Поповецъ), которые во второй половинѣ XVI в. упоминаются въ формѣ „Гавчинцы“ [3]). Оффиціальныя извѣстія о заселеніи Поповецъ восходятъ ко временамъ кор. Боны, къ которой возводила свои права утвердившаяся здѣсь (несомнѣнно, еще раньше) фамилія Поповскихъ [4]); что касается Гальчинецъ, то здѣсь въ неизвѣстныя времена водворились Кунатовскіе, имѣли пасѣки и пастбища, но весь XVI в. Гальчинцы значатся пустынею [5]). Остальныя села исчезли безслѣдно, не будучи возстановлены послѣ запустѣнія во второй половинѣ XV в., или возобновленныя подъ другими именами; по крайней мѣрѣ за весь XVI в. они ни разу не встрѣчаются нигдѣ помимо стереотипныхъ перечисленій „Карчмаровскихъ добръ“ [6]). Поэтому возстановить

---

[1]) Археограф. сборн. вилен. I с. 125, А. Б. с. I с. 264.

[2]) Акты Барск. с. I с. 343; въ этотъ списокъ вошли только села дѣйствительно существовавшія и принадлежавшія къ Шаргороду, почему исключены какъ давно исчезнувшія села Карчмаровской волости (какъ Василевцы, Гавдыковцы, Микулинцы), такъ и села, оставшіяся за шляхтою (Поповцы, Гальчинцы).

[3]) Акты Барск. с. I с. 299, Архивъ Ю.-З. Р. VII т. II с. 269 (на с. 264—Hučzincze). Этимъ объясняется показаніе въ процессѣ 1778 г., что Канчицы—это Кунатовцы (р. 37): Кунатовцы и Гальчинцы принадлежали одному и тому же роду Кунатовскихъ.

[4]) Акты Барск. с. I с. 260, Żródła dz. V р. 31.

[5]) Акты Барск. с. I с. 262, 275, 299, 321 (с. 110—villa—вѣроятно, ошибочно); Архивъ Ю.-З. Р. VII т. II с. 264, 269.

[6]) Упоминаніе ихъ въ перечнѣ Шаргородской волости 1682 я поэтому также считаю анахронизмомъ (Pamiętn. o Koniecpolsk. р. 368, 372).

пространство этой волости въ точности невозможно. Шаргородъ въ документахъ представляется основаннымъ въ „добрахъ Карчмаровскихъ“ [1]), и Шаргородская волость замѣщаетъ собою Карчмаровскую, но въ составъ Шаргородщины вошли и купли, да могли прихватываться и вовсе не принадлежавшія къ Карчмаровщинѣ пустыни.

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ Карчмаровской волости расположена была еще одна группа имѣній, восходившая отчасти тоже къ Витовтовому пожалованію, именно земли Буцней. Изъ грамоты Теодорика (Федора) Бучацкаго 1450 г. [2]) мы узнаемъ, что земли эти были получены Буцнями отъ Витовта и Владислава—какого, грамота не поясняетъ, скорѣе можно думать, что Владислава III [3]). Во время борьбы за Подолье, вслѣдствіе какихъ то притѣсненій (propter quasdam injurias, sibi illatas), Сима и Берло, сыновья Васька Буцня, бѣжали въ Валахію; оттуда ихъ вызвалъ Бучацкій въ 1450 г. и, разсмотрѣвъ ихъ документы, возвратилъ имъ имѣнія. Это были: Иваниковцы у устья р. Дерла, слѣдовательно на мѣстѣ теперешняго г. Могилева, село нынѣ не существующее, Грушовецъ на Мурахвѣ—вѣроятно Грушки, въ ближайшемъ сосѣдствѣ Могилева, урочище Лядава между р. Лядавою и Примощеницею—теперь с. Буцни, до конца XVI в. сохранявшее свое старое имя [4]), Васьковцы (есть Ивашковцы, къ з. отъ Шаргорода, но имя это едва ли не позднѣйшее), Берладка на Мурашкѣ (теперь есть Берладка, но на Немiѣ), наконецъ Буцневцы и Мординъ—уже на Побужьи (оба на истокахъ Згара, въ Летичевскомъ у.). Какія изъ этихъ урочищъ были пожалованы Витовтомъ,

---

[1]) Акты Барск. с. I с. 291.

[2]) Ibid. I № 12.

[3]) Имя государя безъ ближайшаго опредѣленія естественно всегда отнести къ ближайшему по времени; при томъ Витовтъ поставленъ на первомъ мѣстѣ, Владиславъ на второмъ, что можно объяснить хронологическою преемственностью.

[4]) См. Акты Барск. с. I № 106.

какія Владиславомъ, неизвѣстно, да это и не такъ важно, хронологическая разница не велика; для насъ важнѣе было бы знать, были ли то населенныя имѣнія или пустыни, но объ этомъ грамота умалчиваетъ; только Лядава названа урочищемъ (uroczysko), но это опредѣленіе такъ приросло къ имени, что держалось и тогда, когда мѣстность была населенною [1]).

Подберемъ остальныя данныя, относящіяся до заселенія барскаго Поднѣстровья въ первой половинѣ XV в. Начнемъ съ ссылки на пожалованіе Свидригайла, неизвѣстнаго времени: во время ревизіи 1564 г. Козловскіе предъявили грамоту Свидригайла, изъ которой видно было, что с. Козловъ дано было ихъ предкамъ въ вѣчное владѣніе. Козловъ существуетъ понынѣ на Днѣстрѣ, у устья р. Карайца. По словамъ тѣхъ же Козловскихъ, здѣсь было нѣкогда село, но оно затѣмъ было разорено татарами, а волохи не позволили возобновить осаду, почему владѣльцы ограничивались пользованіемъ пасѣками и сѣнокосами. Запустѣлъ Козловъ, вѣроятно, еще въ XV в., такъ какъ не внесенъ въ реестръ 1493 г., а въ реестрахъ 1530 и 1542 г. значится пустынею [2]). Отъ 1410 г. извѣстна грамота Ягайла Сеньку Волосу на Лядаву въ пов. Бакотскомъ (вѣроятно, у устья р. Лядавы) [3]). Въ 1442 г. Лядаву видимъ въ держаньи нѣкоего Былины (tenutarius in Liadawa), который тогда же получилъ въ наслѣдственное владѣніе село Сребрну [4]); мнѣ кажется, что здѣсь идетъ рѣчь о Серебріи, селѣ надъ Днѣстромъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Лядавою, хотя есть и с. Серебринцы (къ в. отъ р. Лядавы). Ко времени Ягайла восходятъ извѣстія и объ Озаринцахъ (на р. Неміѣ): въ 1431 г. на этомъ „селѣ" Ягайло записалъ 50 грив. Свентославу de Zadowya. Сосѣдніе Юрковцы (на Серебріи) извѣстны со времени Владислава III: въ 1440 г.

---

[1]) Villam Bucnie, alias wroczysko Ladawa (1646)—Кіевск. Ц. А. № 5245 f. 81 v.

[2]) Архивъ Ю.-З. Р. VII т. II с. 271, Żródła dz. XIX p. 170.

[3]) См. у Яблоновскаго въ Ateneum 1880, VI p. 537.

[4]) А. Б. с. I № 9; въ 1778 г. эту грамоту относили къ Серебріи (К. Ц. А. № 5510 f. 27 v.).

Игнату Нешевичу выдана была грамота на haereditas Jurkowcze. Отецъ этого Игната, а можетъ быть—онъ же самъ, шл. Нешъ (noh. Niesz) получилъ въ 1448 г. пустыню Агдашовъ вмѣстѣ съ р. Серебріею и ея устьемъ; изъ люстраціи 1570 г. узнаемъ, что пустыня эта лежала надъ самымъ Днѣстромъ, но ближе ея мѣстоположенія не знаемъ [1]). Быть можетъ, этому роду Нешей, угнѣздившемуся на Поднѣстровьѣ, обязано своимъ происхожденіемъ село Нешовцы на Жванѣ (извѣстное съ XVI в.); не здѣсь ли было и „дворыще Ярополково пустое", пожалованное въ 1427 г. Витовтомъ Еську Нешевичу [2])?

Не извѣстно въ точности, къ какому времени восходили права Иляшовскихъ. Бартошъ Бучацкій, староста подольскій, въ своей подтвердительной грамотѣ 1456 г. [3]) говоритъ, что отецъ его, т. е. Теодорикъ Бучацкій, записалъ Иліи Черленевичу 20 гривенъ на урочищѣ Иляшовцахъ, очевидно, получившемъ свое названіе отъ имени Черленевича. Бартошъ прибавилъ къ владѣніямъ Черленевича еще земли отъ Иляшовецъ внизъ по Днѣстру до устья Серебріи, по дорогѣ, шедшей изъ Лядавы (здѣсь, должно быть, разумѣется село этого имени, а не рѣка), и приписалъ къ прежнимъ 20 гривн. еще 20. Иляшовцы—теперешніе Ляшовцы на Днѣстрѣ; вѣроятно, отъ нихъ Черленевичи потомъ получили имя Иляшовскихъ. Можетъ быть, къ этимъ же временамъ восходитъ и пожалованіе Иляшовскимъ Прачовецъ на Лядавѣ (мѣстность неизвѣстная), которыми они владѣли въ нач. XVI в. [4]), но объ этомъ ближе ничего не извѣстно.

Изъ перемирныхъ грамотъ 1431 г., о которыхъ было упомянуто въ предшествующей главѣ, мы знаемъ, что въ то уже время существовалъ Голчедаевъ (теперешній Верхній Голчедаевъ,) на Ля-

---

[1]) А. Б. с. II R 1440, 1448.

[2]) Акты Ю. и З. Р. I № 17.

[3]) А. Б. с. I № 14.

[4]) А. Б. с. I № 28.

давѣ); судя по тому, что въ текстѣ онъ вмѣстѣ съ Елтушковымъ противополагается селамъ, тянувшимъ къ Каменцу, слѣдуетъ думать, что это были небольшіе замки на окраинѣ Каменецкаго повѣта. Къ этому же времени, вѣроятно (czasów tych, gdy Row nie był spustoszon), относится упомянутое выше извѣстіе Претвича, что Голчедаевъ и Жванъ (на р. Жванѣ) были замками, около которыхъ сидѣло много народа. [1]). Но во второй четверти XV в. оба эти замка, очевидно, были разорены, и въ 1452 г. *villa* Alczidaiow и городище (grodzisko) Жванъ съ обширною волостью, тоже запустѣвшею, пожалованы были кор. Казимиромъ Теодорику Бучацкому, съ обязательствомъ выстроить de novo каменный замокъ въ Голчедаевѣ для отраженія враговъ [2]). Въ составъ этой волости вошли Старое и Новое дворища Голчедаевскія (вѣроятно, теперешній Нижній Голчедаевъ) и цѣлый рядъ селищъ, изъ которыхъ можно опредѣлить мѣстоположеніе только нѣкоторыхъ: Михаловцы—теперешніе Михайловцы (на границѣ Могилевскаго и Ушицкаго у.), Долины—вѣроятно, Долиняны (ок. Сниткова), Куриловцы—теперь Мурованые Куриловцы, на Жванѣ, Высочекъ—позднѣйшіе Берлинцы (Берлинцы Полевые и Лѣсовые на Лядавѣ) [3]), все теченіе р. Жвана до впаденія въ Днѣстръ, Лядава, съ пещерами, Сребрна, Озаринцы, Карачовцы (тоже были гдѣ то на нижнемъ теченіи Неміи, въ двухъ миляхъ отъ Лядавы [4]), теперь не существуютъ), Романово дворище—вѣроятно Романки на Неміѣ (ок. Копайгорода—существовали уже въ половинѣ XVI в. [5])), Мухеково дворище, Олатковцы (мѣстности не извѣстныя), Гричовцы (вѣроятно—Гричовцы на верхнемъ Калюсѣ, тепереш-

---

[1]) Biblioteka Warszawska 1866, III p. 52.

[2]) Содержаніе грамоты 1452 г. передано въ подтвердительной грамотѣ 1553 г.—Акты Барск. с. I № 87; подлиннаго текста мнѣ не удалось встрѣтить.

[3]) А. Б. с. II R 1591.

[4]) См. описаніе ихъ мѣстоположенія въ А. Б. с. I № 91.

[5]) А. Б. с. II R 1554.

ніе Карачіевцы) [1]), Кудовцы—извѣстны только Кудовцы около Бара; если это они, то Олатковцы могутъ быть с. Голодками, тамъ же. Таковъ составъ Голчедаевской волости 1452 г., захватывающей обширное пространство между р. Жваномъ и Немiею, отъ Днѣстра до верхняго теченія Лядавы (хотя впрочемъ мы не имѣемъ основаній утверждать, что пространство это было сплошное).

Спустя столѣтіе послѣ перваго пожалованія, въ 1553 г., выдана была жалованная грамота на Голчедаевскую волость Бернарду Претвичу [2]). Хотя пожалованіе это не имѣло реальнаго значенія, какъ сдѣланное ad malam informationem, но для насъ оно интересно по своему перечисленію селъ—это bona regalia, deserta a longo tempore, Голчедаевъ съ селами: Сребрна, Кидинцы, Михалковцы, Лядава—въ повѣтѣ Бакотскомъ, городъ Жванъ, Якимовцы и Влайковцы—въ Каменецкомъ. Уже самое имя Бакотскаго повѣта, совершенно анахронистичное для XVI в., показываетъ, что мы имѣемъ дѣло со спискомъ селъ XV в. или точнѣе—запустѣвшихъ уже въ XV в.; Сребрну, Михалковцы, Лядаву и Жванъ мы видѣли въ составѣ Голчедаевской волости 1452 г., Кидинцы едва ли не Кудовцы этой послѣдней; безъ большого риска мы можемъ отнести къ разряду селищъ XV в. и Влайковцы, теперешніе Галайковцы, на р. Жванѣ, и Якимовцы, мѣстоположеніе которыхъ опредѣлить я затрудняюсь. Интересно также замѣчаніе документа, относящееся, вѣроятно, ко времени пожалованія, что эти имѣнія, какъ и Голчедаевъ, съ давнихъ временъ запустѣли.

Эти данныя о заселеніи барскаго Поднѣстровья въ 1-ой половинѣ XV в. дополнимъ еще нѣсколькими извѣстіями. Отъ 1448 г. имѣемъ запись 100 грив. кор. Казимира на пустыняхъ: Ломаза—теперь с. Ломозовъ на Лядавѣ, и Толстосвина пасѣка Гаврилу Колчковичу съ товарищами; позже эти урочища совершенно не упоминаются, и только изъ того факта, что во время ревизіи правъ 1564 г. на нихъ

---

[1]) О нихъ см. А. Б. с. I № 5 и 91.
[2]) А. Б. с. I № 74.

представили документы Радіевскіе, можно заключить, что они владѣли этими урочищами [1]). Къ тѣмъ же временамъ возводили Кунатовскіе свои права на Кунатовцы (на водораздѣлѣ Неміи и Лозовой): они ссылались на запись старосты подольскаго Михаила Бучацкаго 1448 (?) г. [2]). Существовалъ тогда уже Вербовецъ—теперешнее мѣстечко на р. Вербовцѣ, притокѣ Жвана: уже въ 1439 г. записано было на немъ и Легневцахъ (теперь городъ Н. Ушица) 40 грив. шл. Сеньку изъ Вербовца; есть и позднѣйшія пожалованія на него. Вѣроятно, существовалъ и сосѣдній Ольховецъ—въ реестрѣ 1530 г. онъ показанъ, вмѣстѣ съ Вербовцомъ, уже запустѣвшимъ, такъ что основаніе его нужно отнести къ болѣе раннему времени; быть можетъ, къ нему относится запись 50 грив. шл. Жидовской 1433 г., но утверждать этого нельзя, потому что въ текстѣ нѣтъ ближайшаго опредѣленія, а Ольховцовъ на Подольѣ было нѣсколько [3]). Въ 1442 г. Сеньку изъ Верховца было записано 100 грив. на пустыняхъ Бахтинѣ (на границѣ Ушицкаго и Могилевскаго у.) и Щербовцахъ (на р. Вербовцѣ, къ ю.-в. отъ Н. Ушицы) [4]); но эти мѣстности уже выходятъ за предѣлы Барщины.

Если свести всѣ эти данныя о колонизаціи барскаго Поднѣстровья, получимъ довольно значительное (сравнительно) количество пунктовъ (около сорока). Значительная часть ихъ выступаетъ въ качествѣ селищъ, пустынь, раздаваемыхъ для заселенія, но при этомъ часто самое содержаніе грамоты, названія урочищъ указываютъ на существованіе здѣсь колонизаціи, предшествующей или современной; таковы всѣ „пасѣки", „дворища", всѣ эти Гричовцы, Михайловцы, Иванковцы, Васьковцы и т. п., ведущіе свои названія отъ именъ насельниковъ, даже всѣ вообще имена на *овцы* и *инцы*. Да и на свидѣтельство грамотъ о запустѣніи не всегда можно положиться: получателю всегда выгодно было пред-

---

[1]) А. Б. с. I № 11, II R. 1564; вм. Tolostosvina вар. Tolostosicina.

[2]) Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 271.

[3]) Кн. ревиз. 1564 г. f. 2 и 134.

[4]) А. Б. с. II R. 1442; этотъ Сенько изъ Верховца есть, очевидно, одно лицо съ Сенькомъ изъ Вербовца.

ставить имѣніе менѣе цѣннымъ, пустыннымъ; весьма часто полученіе жалованной грамоты, особенно для туземцевъ, служило лишь санкціею уже раньше осуществившагося завладѣнія, заселенія, и обычная запись денежной суммы служила владѣльцу лишь гарантіею, что имѣніе не будетъ выпрошено „подъ нимъ“ кѣмъ-либо другимъ. Въ общемъ, данныя приведенныхъ грамотъ свидѣтельствуютъ о существованіи здѣсь значительной колонизаціи въ первой четверти XV в.—колонизаціи, по всей вѣроятности, происхожденія до-литовскаго, упрочившейся и усилившейся при Коріатовичахъ и Витовтѣ; на эту, уже существовавшую колонизацію опиралась правительственная раздача земель въ первой половинѣ того же вѣка. Но уже во второй четверти XV в., какъ видно, состояніе колонизаціи ухудшилось, благодаря войнѣ за Подолье и послѣдующимъ татарскимъ погромамъ; „пустыни“ (vastitates) фигурируютъ именно въ документахъ середины XV в.; для второй половины столѣтія (послѣ 1452 г.) я вовсе не знаю случаевъ пожалованія земель на барскомъ Поднѣстровьи; вѣроятно, если и бывали случаи, то весьма немногочисленные, а можетъ быть—раздача прекратилась вовсе: условія были таковы, что не могли привлекать насельниковъ со стороны, а мѣстные жители могли пользоваться „уходами“, не заботясь о правительственной санкціи. Въ реестрѣ подымнаго 1493 г. Поднѣстровье отъ Калюса до Мурахвы представляется одною сплошною „пустынею“; въ такомъ же положеніи этотъ край выступаетъ и въ реестрахъ 1530 и 1542 г. [1]).

Объ упадкѣ колонизаціи свидѣтельствуетъ и тотъ фактъ, что на Поднѣстровьѣ до послѣднихъ десятилѣтій XVI в. мы почти вовсе не встрѣчаемъ новыхъ именъ поселеній или селищъ сравнительно съ первою половиною XV в. (нужно же еще принять недостаточность свѣдѣній нашихъ для этого послѣдняго времени); очевидно, только къ концу XVI в. край достигъ той степени заселенія, въ которой, по нашимъ соображеніямъ, находился въ началѣ XV в.

---

[1]) Реестръ 1493—А. Б. с. П К. 1493; Żródła t. XIX p. 170—1.

Конечно, онъ не былъ пустынею въ собственномъ смыслѣ: въ оффиціальной терминологіи „пустыня“ означала лишь отсутствіе крестьянской „осады“; пасѣки, „уходы“, хутора продолжали существовать здѣсь; о существованіи населенія, хотя не многочисленнаго, свидѣтельствуетъ уже фактъ сохраненія въ памяти народа топографическихъ названій, а также (впрочемъ до нѣкоторой степени только) традиція владѣльческихъ правъ у туземныхъ землевладѣльцевъ: такъ были во второй половинѣ XVI в. представляемы документы на Княжу Луку, Козловъ, Иляшовцы, Юрковцы, Агдашовъ, Ломозовъ и т. п.

Переходя затѣмъ къ сѣвернымъ частямъ Барщины, мы, конечно, ожидали бы встрѣтить данныя о гораздо болѣе интензивной колонизаціи, такъ какъ мѣстность эта, защищенная лѣсами и болотами отъ татарскихъ погромовъ и непосредственно примыкавшая къ областямъ прочно заселеннымъ, находилась въ гораздо лучшихъ колонизаціонныхъ условіяхъ. Но сводя наличныя данныя, получаемъ результаты далеко не блестящіе: нанеся на карту села и селища 1-ой пол. XV в., получимъ сѣть едва ли не болѣе жидкую, чѣмъ на Поднѣстровьѣ. Это зависитъ отъ недостаточности нашихъ свѣдѣній: въ данныхъ конца XV и первой половины XVI в., когда край находился въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ въ первой четверти XV в., выступаетъ много неизвѣстныхъ раньше, хотя, вѣроятно, и существовавшихъ уже поселеній. Во всякомъ случаѣ, колонизація сѣверной Барщины отличалась большею устойчивостью, и если въ началѣ XV в. она и не многимъ превосходила въ интензивности Поднѣстровье, за то въ послѣдующее время мы не замѣчаемъ здѣсь такой разницы, такого рѣзкаго упадка колонизаціи, какъ тамъ. Лихолѣтья не оказывали здѣсь такого продолжительнаго вліянія, не приводили края въ запустѣніе, и населеніе возстановлялось болѣе или менѣе.

Начнемъ обзоръ съ Побужья, съ Барщины par excellence. Здѣсь древнѣйшій по наличнымъ документамъ населенный

пунктъ — самый Ровъ: въ числѣ свидѣтелей на грамотѣ Свидригайла доминиканамъ каменецкимъ, въ изданіи Пшездзецкаго помѣченной 1405 г. [1]), подписался Альбертъ Ровскій. По этому упоминанію нельзя судить, былъ ли Ровъ тогда селомъ, или и тогда уже — что, пожалуй, вѣроятнѣе — это былъ замокъ, державцею котораго былъ этотъ Альбертъ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что уже въ 1405 г. Ровъ былъ населеннымъ мѣстомъ, такъ что заселеніе его нужно отнести къ предшествующему времени, можетъ быть — ко временамъ до-коріатовичевскимъ. Отъ 1435 г. извѣстна запись 100 грив. Ioanni Kmicowicz super *villa* Row; эту грамоту, по всей вѣроятности, слѣдуетъ относить къ гор. Рову (хотя есть село этого имени на р. Ровѣ, ниже Межирова, но оно, кажется, новаго происхожденія); въ такомъ случаѣ она свидѣтельствуетъ о скромной роли тогдашняго Рова. Тѣмъ не менѣе нѣсколько позже онъ, несомнѣнно уже, былъ замкомъ, къ которому тянулъ окрестный повѣтъ. Въ 1443 г. Ровъ перешелъ въ новыя руки: король записалъ 100 грив. на Ровѣ и Елтушковѣ Стогнѣву Рею изъ Шумска [2]). Держава Стогнѣва окончилась печально: подъ 1452 г. Длугошъ разсказываетъ, что татары, напавъ въ іюнѣ мѣсяцѣ на Подолье, взяли крѣпость (castellum) Ровъ и въ ней захватили въ плѣнъ Стогнѣва Рея изъ дома Окша, съ женою и дѣтьми [3]). Рей, вѣроятно, такъ и не вернулся изъ плѣна, и въ 1456 г. кор. Кази-

---

[1]) Podole I p. 193 прим. Dr. Antoni (Zameczki I p. 68) и г. Молчановскій (с. 268) отвергаютъ дату 1405 г., какъ несогласную съ хронологическими данными господства Свидригайла на Подольѣ, и ссылаясь на Садока Барончя, относятъ грамоту къ 1401 г. До сихъ поръ грамота эта извѣстна только по изданію Пшездзецкаго, который, по его словамъ, напечаталъ ее по оригиналу каменецкаго доминиканскаго архива; по содержанію своему она не возбуждаетъ подозрѣній относительно подлинности.

[2]) Inventarium omnium privileg. in Archivo Regni a. D. MDLXXXII f. 628—630 (рукопись Варшав. Гл. Арх.), с. 274 парижск. изд.

[3]) Hist. Polon. t. V p. 112—113.

миръ разрѣшилъ выкупить у его наслѣдниковъ Ровъ и Елтушковъ съ Ивановцами, Кумановымъ и др. селами Андрею Одровонжу, воеводѣ русскому, и записалъ затѣмъ ему на нихъ 100 грив. и 80 дукатовъ [1]. Оправился ли Ровъ послѣ погрома 1452 г., неизвѣстно; въ первой половинѣ XVI в. видимъ его въ совершенномъ упадкѣ, и документы 30-хъ годовъ XVI в. называютъ его запустѣвшимъ съ давнихъ поръ [2].

Рядъ поселеній Побужья выступаетъ въ качествѣ пожалованій Ягайла, то датированныхъ, то не датированныхъ, но подобно первымъ, относящимся, какъ кажется, ко второму періоду его господства надъ Подольемъ. Такъ въ 1431 г. онъ записалъ 40 грив. Франчку, земянину подольскому, на Карачинцахъ, а нѣкоему Дедриху 100 грив. на Деражнѣ. Неизвѣстно, въ какомъ году были пожалованы имъ же с. Станковичи, позднѣйшіе Гермаки (къ с.-з. отъ Бара), Стахнику Урбановичу, за заслуги въ борьбѣ противъ татаръ, и Дашковцы (на ю.-з. отъ Бара)—предкамъ Өеофила Елтуха [3].

Прослѣдить участь нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ поселеній не легко, благодаря обилію одноименныхъ или подобоименныхъ селъ; такъ уже при выкупѣ Боною барскихъ имѣній въ числѣ этихъ послѣднихъ оказалось три Деражни, двое Каричинецъ, три Слободки, два Мукарова [4], а у насъ при сводѣ разновременныхъ данныхъ можетъ оказаться и того больше; то же обстоятельство затрудняетъ ихъ географическое пріученье: вѣдь существуетъ напр. теперь четыре Деражни, двое Карачинецъ, три Мукарова и т. п.; тѣмъ не менѣе попробуемъ въ нихъ разобраться.

Въ 1440 г. Владиславъ III записалъ 50 грив. Яну изъ Степониковецъ на с. Каричинцахъ на р. Рову; какъ кажется, это и есть „другіе Каричинцы“ кор. Боны и Ст. Одровонжа, оказав-

---

[1]) Inventarium Archivi Regni f. 629.

[2]) А. Б. с. I № 43, 46.

[3]) А. Б. с. I № 4, 6, 20 и с. 69.

[4]) А. Б. с. I с. 115.

шіяся вторыми благодаря тому, что Карачинцы не всегда отличали отъ Каричинецъ. Каричинцы 1440 г.—это, вѣроятно, Шляховые и Пилиповскіе Каричинцы, хотя не на самомъ Рову, но неподалеку отъ него, Karyczyncze nobilium, Kosrmynczicze seu Karyczincze, какъ они обозначаются въ документахъ 1-ой полов. XVI в. Въ этомъ селѣ утвердился туземный родъ Каричинскихъ (принявшій, очевидно, и имя отъ названія села) и владѣлъ имъ до 1538 г., когда вмѣсто Каричинецъ, присоединенныхъ къ Барскому староству, имъ дано было урочище Шелеховъ, отъ котораго они приняли потомъ имя Шелеховскихъ [1]). А другіе Каричинцы—или собственно Карачинцы, какъ они названы въ грамотѣ 1431 г. и какъ называются доселѣ, это нынѣшніе Рымовые и Домскіе Карачинцы (ок. Волковинецъ). Они въ 1469 г. заложены были кор. Казимиромъ Яну Одровонжу, отчего и получили прозвище Одровонжевыхъ, съ которымъ являются иногда въ XVI в. Карачинцы Рымовые, упоминающіеся уже съ половины XVI в., были, вѣроятно, обособившимся поселкомъ ихъ. Выкупленные кор. Боною у Ст. Одровонжа, Карачинцы также вошли въ составъ Барскаго староства [2]).

Деражня, пожалованная въ 1431 г. Дедриху, вмѣстѣ съ другою Деражнею была заложена въ 1469 г. Яну Одровонжу; во владѣніи потомковъ послѣдняго вторая изъ Деражень оставалось вплоть до выкупа Бара. Деражня же 1431 г. переходитъ во владѣніе Ласкарія Лаца, которому кор. Казимиръ записалъ на ней въ 1485 г. 50 гривенъ [3]). Потомъ ею владѣлъ Андрей Лацъ, Катерина Лацева (до 1522 г.), называемая иногда Деражинскою отъ имени села,

---

[1]) А. Б. с. I № 8, 49 и 56. Żródła t. XIX p. 171.

[2]) А. Б. с. I 157, 159, Żródła t. c. 70.

[3]) А. Б. с. I № 17; важны для возстановленія судьбы Деражень и Каричинецъ показанія Одровонжа ibid. с. 69—70; грамота 1440 г. на Каричинцы, Деражню и пр., о которой здѣсь говорится, до насъ не дошла, и не извѣстно, кому была выдана; это не грамота на Зиньковскую волость 1440 г., о которой ниже. Въ концѣ концовъ представленныя пріуроченья Каричинецъ и Деражень предлагаются лишь, какъ гипотезы.

вдова какого-то Матвѣя, вѣроятно Лаща, по второму мужу Франкова. По смерти Катерины Деражня, вмѣстѣ съ Заинцами, была раздѣлена между дочерьми ея—Евою Сановичевою и Маргаритою Подчашиною; Маргарита и сыновья ея владѣли своею частью, вѣроятно, до выкупа Боны, а у Сановичевой выкупилъ ея часть въ 1532 г. за королевскимъ дозволеніемъ Фридрихъ Калинскій, и отъ его имени Деражня, называвшаяся также Мацѣевою отъ имени упомянутаго Матвѣя, получила названіе Калинской—нынѣшняя Кальна Деражня [1]). Прочія Деражни (Лука, Выселокъ, Дворецкая) были, очевидно, выселками другой, Одровонжевой Деражни, позднѣйшаго города, теперь мѣстечка Деражни. Въ пол. XVI в. всѣ Деражни (числомъ пять) входили въ число королевщинъ, непосредственно принадлежавшихъ къ Барскому старостству.

Что касается Дашковецъ и Гермакъ, то первые оставались за Елтухами до 1-ой четв. XVI в., когда перешли къ Карачевскимъ, а на Гермакахъ записано было въ 1485 г. 100 грив. Яну Струсю изъ Коморова; потомъ, не извѣстно, какимъ образомъ, село это перешло во владѣніе туземнаго рода Ярмолинскихъ (изъ Ярмолинецъ, въ западномъ Подольѣ); въ 1534 г. они исхлопотали себѣ подтвержденіе первоначальной грамоты Урбановича, считая, очевидно, себя наслѣдниками правъ этого послѣдняго [2]). Въ 1538 г. Гермаки были вымѣнены у нихъ и присоединены къ Барскому старостству.

Сверхъ перечисленныхъ мѣстностей въ 1-ой половинѣ XV в. въ Барскомъ побужьи мы знаемъ не много поселеній. Отъ 1438 г. сохранилась жалованная грамота Свидригайла [3]) Гринку Стреченовичу на села Бѣликовцы и Слободку, на которыхъ ему запи-

[1]) А. Б. с. I № 34, 37, 42, II R 1530, см. еще К. Ц. А. № 3599 f. 284 a. 1534: Procurator a nob. Margaretha Podczaszyna in et contra magn. d. Odrawąz de Sprowa proposuit pro eo, quia ipse violente possedit et tenet propinquitatem ipsius, videlicet medietatem ville Zaycze, ad quam ipsa est post nobilem olim Catherina Lasczowa, matrem suam, propinquior.

[2]) А. Б. с. I № 6, 20, II R. 1485; Źródła dz. XIX p. 170.

[3]) Archiwum ks. Sanguszków I № 36, также въ Актахъ Ю. и З. Р. I № 20.

сана была огромная и рѣдкая по тому времени сумма 300 копъ широкихъ (Слободка—теперешній хуторъ Слободка у с. Барскихъ Лукъ, на р. Думкѣ, съ с.-в. отъ Бара [1]), Бѣликовцы—у границы Литинскаго и Винницкаго у.). Но Гринку, вѣроятно, не долго пришлось пользоваться этимъ пожалованіемъ, потому что вслѣдъ за тѣмъ мы видимъ эти села во владѣніи нѣкихъ Мрочка и Якова изъ Яворжна; такъ какъ трудно предположить, чтобы между польскими насельниками нашлись охотники заплатить огромную записную сумму, то приходится думать, что Гринко утратилъ свои имѣнія во время борьбы за Подолье, вѣроятнѣе всего—при завоеваніи Бучацкимъ Побужья въ 1447 г. Когда состоялось пожалованье этихъ селъ Мрочку, я не знаю, но отъ 1456 г. мы имѣемъ уже разрѣшеніе кор. Казимира Яну Лащу изъ Полвесекъ выкупить Слободку, Бѣликовцы и Илятку (село Летичевскаго повѣта) у наслѣдниковъ покойнаго Мрочка и Якова de Iaworzno (изъ текста не видно, относится ли olim и къ этому послѣднему) вѣроятно, это тотъ самый terrigena Morczko, который погибъ въ татарскій набѣгъ 1452 г., когда взятъ былъ Ровъ [2]). О дальнѣйшей судьбѣ этихъ селъ я не встрѣтилъ указаній; возможно, что и позже они оставались во владѣніи Лащей, такъ какъ родъ этотъ мы видѣли въ Барщинѣ до 2-ой четверти XVI в.

Почти одновременно съ Биликовцами упоминается въ первый разъ село Внучковцы или Онучковцы, позже одна изъ самыхъ крупныхъ шляхетскихъ околицъ—Радіевцы; отъ 1439 г. мы имѣемъ запись 100 грив. на селѣ Внучковцы у Згарскаго лѣса Яну Фіолю изъ Конарьова. Объ этомъ Фіолѣ мы затѣмъ не имѣемъ свѣдѣній [3]);

---

[1]) Это мѣстонахожденіе Слободки ясно изъ разграниченія ея съ сосѣдними селами—Радіевцами, Петранями и Радзеповцами—А. Б. с. I № 33 и II № 41.

[2]) А. Б. с. I № 13; Długosz t. V p. 113: terrigenam Mroczkonem cum aliis terrigenis interficiunt.

[3]) Кромѣ того, что въ 1444 г. онъ (Ioannes de Conarzow) получилъ с. Березну въ Хмельницкомъ пов. отъ Т. Бучацкаго за заслуги при оборонѣ Подолья) кн. рев. 1564 f. 72.

упомянутую грамоту представили для подтвержденія въ 1505 г. Радіевскіе, возводившіе, очевидно, свои права на владѣніе къ этому пожалованію 1439 г.; при пожалованіи имъ леннаго права въ 1559 г. было прямо заявлено, что владѣютъ они Внучковцами со временъ Владислава Ягайла [1]). Что касается самаго села, то оно, по показаніямъ мѣстныхъ жителей, находилось на ю.-з. отъ нынѣшнихъ Радіевецъ; по извѣстію люстраціи 1570 г., Внучковцы находились на самомъ шляху татарскомъ, и татарскіе набѣги заставили Радіевскихъ переселиться для безопасности на мѣсто нынѣшнихъ Радіевецъ, а Внучковцы остались пустынею [2]).

Остается наконецъ село Ивановцы, около Бара. Какъ подгородное, оно вѣроятно было замковымъ селомъ Рова; какъ мы видѣли уже, въ 1456 г. вмѣстѣ съ Ровомъ разрѣшено было выкупить Андрею Одровонжу у наслѣдниковъ Рея и Ивановцы. Данное королемъ въ 1462 г. разрѣшеніе Николаю Рахенбергу на выкупъ Ивановецъ и „другихъ селъ, принадлежащихъ къ замкамъ и королевскимъ повѣтамъ Хмельнику, Рову и Смотричу“, очевидно, не было осуществлено, и Ивановцы остались во владѣніи Одровонжа [3]).

На верховьяхъ днѣстровскихъ притоковъ Мурахвы, Мурашки, Лядавы, Примощеницы, территорія которыхъ тянула всегда къ Бару, въ первой половинѣ XV в. намъ извѣстно также очень не много поселеній. Объ „урочискѣ Лядавѣ“, позднѣйшихъ Буцняхъ, было уже упомянуто. Въ спискѣ селъ Голчедаевской волости видѣли мы также Кудовцы; другого села такого имени кромѣ Кудовецъ или Кудыевецъ у верховья Мурахвы не только въ этомъ раіонѣ, но и вообще на Подольѣ не извѣстно; между тѣмъ существуютъ грамоты Витовта 1425 г., разрѣшающія нѣкоему Кузю (Kudzewi) промѣнять свои села Kudziew или Kudziewczi, „а наше приданье—Чорный островъ и Микитинцы“ Ник. Бедриху, а въ спискѣ подымнаго 1493 г. рядомъ

---

[1]) А. Б. с. I № 7, 109 (proavus для Сигизмунда Августа былъ Ягайло).

[2]) А. Б. с. I с. 257—8.

[3]) Inventarium Archivi Regni p. 628—630.

съ Гермаками, видимъ Cudzowcze, большое село (15 домовъ), съ тремя „кутками“ (anguli), принадлежащее тому же владѣльцу, что и Гермаки [1]). Весьма возможно, что все это Кудовцы на Мурахвѣ. Отъ 1448 г. мы имѣемъ жалованную грамоту Казимира nobili Danilo на пустыню Хорошовцы или Горошовцы (Horossowcze) при впаденіи какого-то потока въ Мурахву [2]); во время процесса объ имѣніяхъ Барскаго староства 1778 г. одинъ изъ претендентовъ на с. Коростовцы (ок. Межирова, у верховья р. Мурахвы) ссылался на эту грамоту, какъ относящуюся къ Коростовцамъ [3]); урочище Хоростовцы (Horostowcze) извѣстно съ конца XVI в. [4]); сближеніе ихъ съ Хорошовцами грамоты 1448 г. кажется мнѣ довольно вѣроятнымъ.

Главнѣйшимъ пунктомъ въ этой полосѣ былъ Елтушковъ, который мы видѣли уже въ 1431 г. въ качествѣ, небольшаго, вѣроятно, замка, тянувшаго къ Каменцу, подобно Голчедаеву [5]). Но въ 1440—50-хъ годахъ онъ, какъ было указано, тянулъ уже къ Рову и раздѣлялъ его судьбу: вмѣстѣ съ нимъ былъ отданъ въ 1443 г. Рею, а въ 1456 г. перешелъ къ Андрею Одровонжу и въ составѣ Одровонжевыхъ маетностей оставался до выкупа кор. Боною [6]). Едва ли не одновременно съ Ровомъ онъ былъ и разоренъ; по крайней мѣрѣ позже видимъ мы и его въ полномъ упадкѣ [7]).

Относительно западной Барщины, по верхнему теченію Калюса,

---

1) Кн. ревизіи 1564 f. 198, А. Б. с. II R. 1493. Ал. Яблоновскій, сообщившій въ статьѣ Podole u schyłku XV в. свѣдѣнія изъ реестра 1493 г., также относитъ это извѣстіе къ Кудіевцамъ на Мурахвѣ (Ateneum 1880 VI p. 535).

2) А. Б. с. I № 10; ему же тогда были пожалованы Копыстеринъ (на Мурахвѣ) и Верхняки—Akta grod. i zem. V p. 165.

3) К. Ц. А. № 5510 f. 26.

4) А. Б. с. II R. 1591 (Chorostowa).

5) Scarbiec № 1562, Supplementum ad hist. Rus. mon. № 118.

6) Inventarium p. 628—630.

7) Źródła t. XIX p. 170.

Ушицы и Студеницы, древнѣйшій документъ датированъ 1404г.— это пожалованье donatione perpetua Петру Шафранцу огромныхъ маетностей на Подольѣ, въ томъ числѣ волости Зиньковской— villa Zankowcze съ принадлежащими къ ней селами: Гринечкою, Барсуковымъ, Мезяковымъ, Скваржищемъ и др., Нижняго Мукарова и „Богатого Якуша дворища" [1]). Зиньковцы (Zinkowcze въ грамотѣ 1431 г.) есть, несомнѣнно, нынѣшній Зиньковъ на Ушицѣ; изъ остальныхъ пунктовъ Гринечка—теперь Гремячка, къ с. отъ Зинькова, Нижній Мукаровъ—по всей вѣроятности, теперешній Мукаровъ Полевой, на Ушицѣ, „Великій Мукаровъ" XVI в., называвшійся нижнимъ, очевидно, для отличія отъ Мукарова Татарскаго (теперь Тарриска). На мѣстоположеніе Скваржищъ указываетъ лѣсъ Skwarn ок. Синяковецъ. Вмѣсто Борсукова въ грамотѣ 1431 г. стоитъ Buzukowce: это вѣроятнѣе, а то Барсуковъ (къ ю.-з. отъ Н. Ушицы) слишкомъ удаленъ отъ Зинькова, а Бузуковцы (Божиковцы у верховья Ровка) извѣстны съ конца XV в. Эти имѣнія затѣмъ были выкуплены Витовтомъ у П. Шафранца за тысячу копъ широкихъ (пражскихъ) грошей, которыя, очевидно, шли черезъ руки Ягайла, и тотъ выплатилъ эту сумму Шафранцу не сполна. По смерти Витовта Ягайло пожаловалъ эти имѣнія Петру Одровонжу за его заслуги въ ойнѣ противъ Свидригайла, съ обязательствомъ уплатить Шафранцу остальную сумму (150 грив.). Сынъ Петра—Андрей Одровонжъ выхлопоталъ въ 1436 г. у кор. Владислава грамоту на нѣмецкое право для своихъ подольскихъ имѣній; древнѣйшая грамота на нѣмецкое право Зинькову восходитъ прочемъ лишь къ 1458 г. Въ упомянутой грамотѣ 1436 г. кромѣ перечисленныхъ селъ Зиньковской волости упоминается еще Zanycze—м. б. Загинцы къ с.-в. отъ Зинькова [2]). Обширная Одровонжевская волость увеличилась еще при Казимирѣ, когда Янъ Одровонжъ въ 1469 г. получилъ въ заставъ, въ числѣ

[1]) А. Б. с. II R. 1404; вм. Iakussa въ грам. 1404 г.—Fakussa.

[2]) А. Б. с. II R. 1431 и 1436; въ 1440 г. было выдано новое подтвержденіе на имѣнія Одровонжа—Кн. рев. 1564 f 215; грамота 1458 г. въ Кор. Метр. Варшав. № 99 f. 275, содержаніе въ Staroz. Pol. III p. 210.

другихъ имѣній, Покутинцы (къ ю.-з. отъ Зинькова) и Новосельцы— теперь Новоселка (на р. Волчкѣ къ ю.-з. отъ Деражни) [1]. Изъ другихъ пунктовъ этой мѣстности нужно упомянуть еще о Мукаровѣ Татарскомъ: къ нему относится запись Владислава III Николаю Виндикѣ изъ Шлюбичъ 100 грив. super villa regali Mukarow [2].

Другую группу старыхъ „осадъ“ имѣемъ къ юго-востоку отъ Зиньковской волости. Во время экзекуціи подольскихъ королевщинъ, въ 1569 г. Карачевскими были представлены, въ доказательство владѣльческихъ правъ, три подлинныхъ пергаменныхъ грамоты Витовта Карачевскому, очевидно—Василію, на Княжу Луку, Глибовъ и Симяковъ (Глибовъ къ с.-з. отъ г. Новой Ушицы, Синяковцы—около р. Ушки, притока Ушицы, къ ю.-з. отъ Глибова), и послѣ присяги въ ихъ подлинности они были утверждены въ своихъ правахъ. Грамота на Глибовъ остается неизвѣстною; грамота на Княжу Луку сохранилась въ подлинникѣ, о которомъ мы говорили уже; грамота на Симяковъ дошла въ польскомъ переводѣ, включенномъ въ подтвердительную грамоту 1566 г., съ невѣроятною датою 1386 г. [3]. Должно замѣтить, что во время ревизіи правъ 1564 г. Карачевскіе, очевидно, не имѣли грамоты Витовта на К. Луку и представили грамоту Стан. изъ Ходча; но такъ какъ послѣдняя вполнѣ удовлетворила ревизоровъ [4], то Витовтово пожалованіе К. Луки для нихъ не представляло большого интереса; напротивъ, на Глибовъ и Семяковцы во время ревизіи они могли предъявить только свои грамоты на права вѣчнаго владѣнія отъ кор. Сигизмунда Августа, которыя, какъ выданныя послѣ статута кор. Александра de non alienendis bonis regalibus, не имѣли

---

[1] А. Б. с. I с. 69; о мѣстонахожденіи Новоселецъ см. указаніе ibid. с. 249.

[2] А. Б. с. I с. 69.

[3] А. Б. с. I № 1, см. II R. 1569.

[4] А. Б. с. I № 3. Въ ревизіонной книгѣ (Кор. Метр. моск. IV, В. № 8 f. 189) помѣта: S(umma) st(ara): sexag. pol. 20, st(ara), ср. А. Б. с. II R. 1564.

законной силы, и эти имѣнія Карачевскихъ подлежали отобранію [1]); тутъ-то, вслѣдъ за ревизіею правъ, и отыскиваютъ Карачевскіе упомянутыя грамоты Витовта. Это обстоятельство, равно и невозможная дата, аналогичная съ прежнею, отвергнутою датою грамоты на Кн. Луку, возбуждаютъ, конечно, сильное подозрѣніе относительно подлинности грамоты на Симяковъ. Не имѣя грамоты на Глибовъ и не видѣвъ своими глазами грамоты на Княжу Луку, не берусь произносить рѣшительнаго сужденія, ограничусь только нѣсколькими замѣчаніями. Фактъ подтвержденія ея королемъ не имѣетъ большого значенія, хотя при ревизіи правъ такія подтвержденія должны были совершаться съ большею осторожностью; важно вотъ что: если грамота на Кн. Луку подлинная, то двѣ остальныя грамоты должны были поддѣлываться по образцу ея; но грамота на Симяковъ сильно разнится отъ грамоты на Кн. Луку [2]); при томъ было бы очень рискованно со стороны фальсификаторовъ представлять оригиналъ вмѣстѣ съ поддѣланными подъ него фальсификатами, какъ сдѣлали Карачевскіе; содержаніе грамоты на Симяковъ, на мой взглядъ, не содержитъ въ себѣ несообразностей; что касается датировки, то искаженіе датъ въ копіяхъ явленіе слишкомъ обычное.

Не рѣшая такимъ образомъ вопроса категорически, я полагаю, что мы пока не въ правѣ будемъ пренебречь извѣстіями объ этихъ

---

[1]) А. Б. с. № 119; въ ревизіонной книгѣ (f. 189 v.) помѣта: wiecz(nosc)—na rewisią, ср. А. Б. с. II R. 1564; Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 265, 270; „вѣчности" на Симяковцы я не встрѣчалъ, а лишь доживотье (см. № 103).

[2]) Вопросъ о подлинности грамоты на Кн. Луку имѣетъ очень важное значеніе въ данномъ случаѣ: насколько мнѣ извѣстно, пока только одинъ К. Стадницкій, на основаніи шаргородскаго трансумпта, заявилъ сомнѣніе въ ея подлинности (Synowie I p. 187), но почтенный ученый вообще былъ слишкомъ щедръ на подобныя заявленія, да и побудила въ данномъ случаѣ его къ нему старая дата. Др. Прохаска, исправляя дату, не заявилъ подозрѣній (Cod. ep. Violdi № 105); но вопросъ о происхожденіи старой даты (1383 г.), существенно важный для вопроса о грамотѣ на Симяковъ, еще нуждается въ разъясненіи.

Витовтовыхъ пожалованіяхъ. Только судя по подписи Гедыгольда въ качествѣ старосты подольскаго, грамоту на Симяковъ пришлось бы отнести уже ко времени послѣ 1410 г.—о Гедыгольдѣ на Подольѣ извѣстія идутъ съ 1414 по 1422 г. [1]). Объ этихъ пожалованіяхъ— Глибовѣ и *селъ* Симяковѣ, у верховья долины Дзюрдзевой (ср. теперь Журжевку на Калюсѣ ок. Синяковецъ), съ лѣсомъ Скварномъ (ср. Скваржище въ грамотѣ 1404 г.) и другими угодьями долгое время затѣмъ нѣтъ никакихъ упоминаній. Глибовъ упомянутъ въ реестрѣ 1493 г.; въ началѣ XVI в. владѣла имъ Паранка Котковичева, отъ которой въ 1509 г. перешелъ онъ по наслѣдству племянницѣ ея, тоже Паранкѣ, и только около 1532 г., перейдя еще черезъ нѣсколько рукъ, былъ выкупленъ Лазаремъ Карачевскимъ [2]). Что до Симякова, то имъ въ началѣ XVI в. завладѣлъ было Одровонжъ, село было въ запустѣніи, и только въ половинѣ XVI в. тамъ водворились (снова?) Карачевскіе [3]).

Кромѣ того къ 1-ой полов. XV в. восходятъ въ этой мѣстности еще Гричковцы, Кужелева, Поросятковъ. Отъ 1431 г. мы имѣемъ запись 80 грив. отъ Ягайла Лаврентію Ціолку и сыну его Петру изъ Клодницы на villae Гричковцы и Шагутинцы въ пов. Каменецкомъ, Яроміевцы—въ Бакотскомъ и Носковцы—въ Браславскомъ. Гдѣ находились Яроміевцы, я не знаю; Гричковцы или Речовцы—это ны-

---

1) Самое ранее, мнѣ извѣстное, упоминаніе о Гедыгольдѣ на Подольѣ—въ грамотѣ Ягайла 1414 г. (кн. ревиз. 1564 г. f. 112), гдѣ говорится, что нѣкій Nicolaus Czieszielski 50 marcas mutuasset королю и eas de mandato nostro manibus strenui Gedigoldi, capitanei podoliensis, assignasset; въ качествѣ виленскаго воеводы (куда онъ былъ перемѣщенъ изъ Смоленска) упоминается Гедыгольдъ въ 1426 г.—Skarbiec № 1427, ср. Wolff—Senatorowie p. 49. Если справедливо извѣстіе 1-ой русско-литовской лѣтописи, что Гедыгольдъ былъ уже третьимъ старостою послѣ перехода Подолья къ Витовту (Лѣтоп. изд. Даниловичемъ с. 53), то едва ли Подольское воеводство получилъ онъ значительно раньше 1414 г.

2) А. Б. с. I № 24, 44, II R. 1511.

3) А. Б. с. I № 103, 108, 120.

нѣшніе Карачіевцы на Калюсѣ; Шагутинцы, вѣроятно, находились въ ближайшемъ сосѣдствѣ, потому что позже эти два села соединяются въ одно, и мы встрѣчаемъ уже Schahutincze alias Hriczowcze [1]). Въ 1504 г. разрѣшено было Сеньку и Олексѣ Карачевскимъ выкупить Гричковцы у Петра Ціолка; очевидно, во владѣніи Ціолковъ село оставалось весь XV в.; но въ разрѣшеніи 1504 г. оно называется уже пустынею. Отъ имени Карачевскихъ, которые стали садить здѣсь село заново, оно и было названо Карачовцами [2]). Древнѣйшая извѣстная грамота на Кужелеву (на Ушицѣ) восходитъ къ 1433 г.—запись 100 грив. Матвѣю Шилохосту, на Поросятковъ (В. и М. Поросятковъ на Калюсѣ)—къ 1441 г.: запись 100 гривенъ отъ Владислава III Николаю, судьѣ каменецкому [3]). Отъ 1458 г. имѣемъ грамоту на сосѣдніе Ціолковцы (на Калюсѣ) [4]), но эти села не входили уже въ составъ Барщины.

Любопытно, что во всѣхъ почти пожалованіяхъ первой половины XV в., относящихся до центральной и западной Барщины, мы встрѣчаемъ не fundos и vastitates, а villas; несомнѣнно, что мы здѣсь въ огромномъ большинствѣ (среди извѣстныхъ мнѣ грамотъ единственное исключеніе составляютъ Хорошовцы) имѣемъ дѣло съ раздачею уже заселенныхъ мѣстъ, что опять свидѣтельствуетъ о значительной населенности Подолья въ началѣ XV в.

Рядъ неизвѣстныхъ дотолѣ поселеній, какъ было упомянуто, встрѣчаемъ въ центральной и западной Барщинѣ въ концѣ XV и первой половинѣ XVI в. Такъ въ реестрѣ 1493 г. находимъ: Комаровцы (Коморовцы къ с. Бара), Голузинцы (къ с.-в. отъ Бара), Зинечковцы, Заньковцы, Мазники (къ с.-з. отъ Бара), Воньковцы (у верховья Калюса), Крутибородинцы (на Ушицѣ, выше Зинькова), Плоскировцы (на Ушкѣ, къ ю.-з. отъ Зинькова), Нестеровцы (на

---

[1]) А. Б. с. I № 5, 21, 91.

[2]) А. Б. с. I № 51, 91, II R. 1509.

[3]) Книга ревиз. 1564 f. 10 и 19.

[4]) Книга ревиз. 1564 f. 178.

Тернавѣ)[1]). Въ 1506 г. выдана была подтвердительная грамота Сымѣ Мытковичу на с. Верещатинцы, взамѣнъ грамоты, сгорѣвшей во время татарскаго набѣга; въ ней упоминается о показаніи Станислава изъ Ходча, старосты подольскаго, что Верещатинцы дѣйствительно дѣдичное имѣніе Мытковъ, и грамота на него утрачена; такъ что село это существовало, несомнѣнно, гораздо раньше (фамилія Мытковъ восходитъ къ половинѣ XV в.) Въ настоящее время село это уже не существуетъ; въ позднѣйшихъ документахъ его отожествляютъ съ Мытковцами, нынѣшними Мытками, къ ю. отъ Бара [2]). Этому же Мытку „изъ Верещатинецъ" въ 1504 г. Станиславъ изъ Ходча записалъ 60 грив. на с. Дробышовцахъ, у впаденія р. Любартыхи въ Примощеницу, гдѣ-то въ ближайшемъ сосѣдствѣ Кузминецъ (къ ю. отъ Бара); позже (въ XVIII в.) утверждали, что Кузминцы—это и есть Дробышовцы, иначе Доброшовцы, Дрогобышовцы,—вѣроятно, села слились впослѣдствіи [3]). Въ упомянутой же грамотѣ 1506 г. упоминаются еще, какъ существующія, сосѣднія села: Кузминцы, Матенково (Матыйковъ, къ ю.-в. отъ Бара) и Володіевцы (ок. Копайгорода). Въ 1507 г. получили подтвердительную грамоту, взамѣнъ документовъ, потерянныхъ во время татарскаго разоренія, Волковинскіе; въ это время они представляли довольно уже многочисленный родъ, водворившійся здѣсь, вѣроятно, гораздо раньше. Далѣе, подъ 1520 г. встрѣчаемъ Маниковцы (на р. Рову, къ в. отъ Бара), выселокъ радіовскій Лукаву (позже

---

[1]) Къ сожалѣнію отсутствіе дѣленія по повѣтамъ въ этомъ реестрѣ затрудняетъ пріуроченье многихъ селъ при существованіи двухъ и болѣе подобоименныхъ поселеній.

[2]) А. Б. с. I № 22; Кіев. Центр. Арх. № 5648 f. 79 (процессъ 1778 г.): dobr. wsi Mytek czyli Wereszczatyniec, Kuzminiec, czili Drobyszowiec; ib. № 3607 f. 36 v. (1584): Kossaczowcze alias Breszatyncze sive Mytkowcze. Въ реестрѣ 1493 г. тоже есть Mythcowce: можетъ быть, Верещатинцы.

[3]) А. Б. с. II R. 1504; въ документѣ 1543 г. Кузминцы названы приселкомъ (vlllagium) Доброшовецъ—А. Б. с. II R. 1543.

Васютинцы, къ с.-в. отъ Бара). Въ реестрѣ 1530 г.—Маліевцы, Охримовцы, Бебехи (къ з. отъ Бара)[1].

О состояніи колонизаціи въ концѣ XV в. даетъ представленіе реестръ 1493 г. Какъ упомянуто было уже, все Поднѣстровье представляетъ здѣсь одну сплошную „пустыню“; крайними поселеніями съ запада являются Калюсъ, Ціолковцы, съ сѣвера Володовцы (Володіевцы), Мытковцы (?) и Кудіевцы, затѣмъ на пространствѣ отъ Калюса до Мурахвы нѣтъ ни одной осады[2]) На верховьяхъ Мурахвы и Лядавы кромѣ упомянутыхъ трехъ осадъ находимъ еще только Дашковцы. Сравнительно лучше представлены барское Побожье и западная часть (по верховьямъ Калюса, Ушицы и пр.): все таки здѣсь находимъ около 25 осадъ съ двумя сотнями домовъ, хотя и это число ничтожно для такого обширнаго пространства. Изъ старыхъ осадъ не находимъ здѣсь Биликовецъ, Слободки, Внучковецъ, Мукарова Татарскаго, Гричковецъ, Симякова и Хорошовецъ. И тутъ колонизація сдѣлала, вѣроятно, большой шагъ назадъ сравнительно съ началомъ XV в., и заселеніе съ трудомъ поддерживалось среди непрестанныхъ опустошеній. Изъ реестра 1530 г. видно, что положеніе края и тогда мало улучшилось; если въ разрядъ осадъ попали новыя имена (Мукаровъ Татарскій, Деражня третья, Слободка, Биликовцы, Радіевцы, Волковинцы), за то нѣкоторыя осады реестра 1493 г. превратились въ deserta, какъ Дашковцы, Володіевцы, Галузинцы, Кужелева, Нестеровцы, или исчезли вовсе изъ реестра, какъ Гармаки, Кудіевцы; всего на территоріи Барщины находимъ около 30 поселеній, въ общей сложности заключающихъ до 150 дымовъ крестьянскаго населенія[3]).

Изъ представленнаго свода данныхъ по колонизаціи Барщины можно замѣтить, что наибольшая колонизаціонная энергія у

---

[1]) А. Б. с. I № 23, 33, Żródła t XIX p. 169—170.

[2]) Если не считать Куриловецъ, помѣщенныхъ между Myleyowcze in Zbrucz и Neteczincze (!), за Мурованные.

[3]) Żródła dz. t. XIX p. 169—171.

правительства польскаго замѣчается во второй четверти XV в.: большинство пожалованій, записей и т. д. падаетъ именно на этотъ періодъ; съ половины XV в. количество ихъ уменьшается, и мы въ большинствѣ случаевъ имѣемъ дѣло съ подтвержденіями прежнихъ грамотъ, или съ передачею имѣній изъ однихъ рукъ въ другія. Такъ обстоитъ дѣло съ наличнымъ документальнымъ матеріаломъ. и послѣдній въ извѣстной степени, надо думать, отражаетъ и дѣйствительное положеніе вещей. Съ другой стороны, какъ было уже указано, изученіе этого документальнаго матеріала приводитъ къ мысли, что дѣйствительный разцвѣтъ колонизаціи этого края падаетъ на конецъ XIV и начало XV в.; такимъ образомъ дѣйствительные успѣхи колонизаціи предшествуютъ колонизаціонной дѣятельности правительства, и послѣдняя ослабѣваетъ съ упадкомъ колонизаціи, вызваннымъ неблагопріятными обстоятельствами, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Это, повидимому, странное обстоятельство заслуживаетъ полнаго вниманія. Вообще такъ называемая правительственная колонизація довольно рѣдко имѣетъ въ виду чисто колонизаціонныя задачи, то есть задачи успѣшнаго заселенія и благосостоянія края. Гораздо чаще колонизаціонная политика преслѣдуетъ свои государственныя цѣли—ту или другую организацію заселенія, созданіе обязательныхъ отношеній между населеніемъ и правительствомъ, сословный, національный или партійный подборъ поселенцевъ и т. под., вообще, сообразно своимъ ближайшимъ цѣлямъ, руководится болѣе соображеніями политическими, полицейскими, фискальными, чѣмъ колонизаціонными, почему правительственное вмѣшательство весьма часто является скорѣе тормазомъ, тѣмъ содѣйствіемъ колонизаціи.

Это положеніе вполнѣ можно приложить къ польской правительственное колонизаціи этого края въ XV в. Тенденціозный характеръ ея ясно обнаруживается изъ сравненія пожалованій польскихъ съ пожалованіями Витовта и Свидригайла. Въ то время какъ пожалованія послѣднихъ раздаются представителямъ туземнаго, украинскаго населенія (Василь Карачевскій, Васько Буцень, Кузь, Гринко Стречелковичъ, Есько Нешовичъ, Козловскіе), пожалованія польскихъ ко-

ролей получаютъ главнымъ образомъ поляки и ихъ партизаны, туземные и пришлые: вспомнимъ Шафранца, Франчка, Стахника Урбановича, Яна Фіоля, Дедриха, Рея, Свентослава de Zadowya, Ник. Виндику, Мрочка, Ціолковъ, Бучацкихъ, Одровонжей. Правда, и туземцы не бывали вовсе забываемы при пожалованіяхъ, только тутъ замѣчается одна разница—въ то время какъ поляки и ихъ сторонники получаютъ villas, туземцы получаютъ vastitates; такимъ образомъ польская шляхта избрала себѣ благую часть въ культурной миссіи, предоставивъ дѣйствительную колонизацію туземцамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, обстоятельство весьма любопытное. Пересмотрѣвъ документы за первую половину XV в., мы не встрѣчаемъ ни одного случая пожалованія пустыни—vastitas поляку; я не говорю, конечно, о случаяхъ пожалованія обширныхъ запустѣвшихъ волостей польскимъ магнатамъ—это явленіе иного порядка. За то нѣкій Данило получаетъ пустыни Хорошовцы, Копыстеринъ и Верхняки, Супронъ, Гаврило Колчковичъ, Бакумъ и Нестахъ—пустыни Ломазу и Толостосвину пасѣку, Сенько изъ Верховца—пустыни Бахтинъ и Щербовцы [1]). Конечно, нельзя полагаться на показанія грамотъ о томъ, что̀ было населеннымъ мѣстомъ или пустынею, но для насъ именно интересно, что по представленію правительства пустыни слѣдовало раздавать туземцамъ, населенныя земли—преимущественно полякамъ. При раздачѣ земель послѣднимъ правительство, несомнѣнно, имѣло въ виду не столько заселеніе края, сколько усиленіе польскаго элемента, своей опоры. Поэтому defectus hominum, на который жаловались короли при пожалованіяхъ, и въ которомъ нѣкоторые писатели видѣли доказательство запустѣнія русскихъ земель передъ польскою колонизаціею [2]), едва ли можно принимать за истинный мотивъ относительно пожалованій полякамъ; если и разсчитывали этими пожалованіями устранить какой нибудь defectus, то развѣ defectus nobilium или defectus polonorum. Но заманить

---

[1]) А. Б. с. I № 10, 11; П R. 1442; Akta gr. i zem. V p. 165.

[2]) Напр. A. Stadnicki—Zemia Lwowska, Bibl. Ossolin, pocz. nowy, t. III p. 3.

на Подолье поляковъ для заселенія пустынь трудно было разсчитывать; нужны были имѣнія населенныя, да и то еще цѣль достигалась плохо.

Слѣдя, сколько позволяютъ скудныя данныя, за колонизаціею изучаемаго края, приходится замѣтить, что польскіе колонисты вообще очень непрочно сидятъ здѣсь. Изъ всѣхъ польскихъ фамилій только магнаты, какъ Одровонжи, Бучацкіе-Язловецкіе, да еще Лаци (Слободка, Деражня) и Ціолки (Гричковцы) продержались въ Барщинѣ до XV в., хотя едва ли часто заглядывали сюда, предпочитая свои болѣе благоустроенныя помѣстья въ западномъ Подольѣ и Галичинѣ. Остальные же обыкновенно исчезаютъ совершенно безслѣдно вслѣдъ за пожалованіемъ (явленіе замѣчаемое на первыхъ порахъ и въ Галичинѣ). Не всѣ они, конечно, сложили свои головы, какъ Мрочекъ изъ Слободки; обыкновенно получавшіе пожалованіе имѣли весьма мало расположенія къ роли піонеровъ польской культуры, и большинство, вѣроятно, старалось какъ можно скорѣе реализовать свои права на пожалованную землю и распрощаться съ нею; къ этому побуждала, съ одной стороны постоянная гроза опустошеній (о чемъ рѣчь ниже), съ другой—непріязненныя отношенія туземнаго населенія.

Это послѣднее обстоятельство требуетъ нѣкотораго разъясненія. Передача полякамъ населенныхъ имѣній могла происходить двоякимъ путемъ: вольныя сельскія общины ставились въ зависимыя отношенія къ шляхтичу, которому правительство передавало свои права на повинности—явленіе слишкомъ обычное, чтобы на немъ останавливаться; другимъ способомъ была реквизиція имѣній туземцевъ и пожалованіе ихъ полякамъ. Въ существованіи такой реквизиціи, даже въ широкихъ размѣрахъ, не возможно сомнѣваться; съ точки зрѣнія польскаго правительства, туземные земяне и бояре, не имѣвшіе никакихъ „твердостей“ на свои имѣнія, а основывавшіеся исключительно на фактѣ владѣнія, были nullo jure possessores, которые должны были очистить немедленно свое мѣсто possessori litteratorio; если польское правительство санкцировало иногда (какъ увидимъ ниже) бездокументное владѣніе, то лишь

тогда, когда имѣло поводы дорожить землевладѣльцами - туземцами. Длугошъ, разсказывая о неумѣренной раздачѣ коронныхъ имѣній во время венгерскихъ походовъ Владислава III, обмолвился о „баронахъ“ польскихъ, выпрашивавшихъ себѣ у короля пожалованія городовъ и селъ въ земляхъ Русской и Подольской и изгонявшихъ затѣмъ оттуда прежнихъ жителей и владѣльцевъ (haeredes), которые отъ бѣдности и отчаянія убѣгали къ татарамъ и потомъ побуждали ихъ къ нападеніямъ на русскія земли и свои прежнія имѣнія [1]. Такія явленія, конечно, происходили не при одномъ Владиславѣ III. Изъ позднѣйшаго времени, конца XVI и начала XVII в., когда подъ руками у насъ имѣются болѣе обильныя документальныя данныя, можно будетъ привесть множество случаевъ „виндикаціи“ имѣній у „безправныхъ“ туземныхъ владѣльцевъ, систематически производившейся на самомъ законномъ основаніи, ordinaria juris via. Въ періодъ борьбы за Подолье, когда усиленіе польскаго элемента имѣло для правительства существенную важность, такія реквизиціи должны были происходить въ весьма широкихъ размѣрахъ. Но являвшіеся при такихъ условіяхъ на Подолье польскіе колонисты не могли быть пріятными гостями: и со стороны подчиняемыхъ имъ громадъ, и со стороны лишенныхъ имѣній землевладѣльцевъ они должны были встрѣтить очень недружелюбное отношеніе, и это обстоятельство, въ связи съ постояннымъ страхомъ татарскихъ вторженій, не могло располагать поляковъ къ осѣдлости въ подольскихъ окраинахъ. И шляхта въ огромномъ большинствѣ ретировалась отсюда.

Что дѣлалось затѣмъ съ имѣньемъ? Иногда шляхтичъ, вѣроятно, просто бросалъ его на произволъ судьбы и уходилъ въ болѣе спокойныя маетности, буде таковыя у него были; въ другихъ случаяхъ—продавалъ свое имѣніе или права на него, если имѣніе было пожаловано не на правѣ дѣдичномъ (jure haereditario). Скупали такія опустѣлыя маетности, вѣроятно за безцѣнокъ, т. е. за го-

---

[1]) Hist. Polonica a. 1442, t. IV p. 683.

раздо меньшую противъ записанной на имѣніи сумму, нѣкоторые магнаты; несомнѣнно, многія имѣнія, вошедшія въ составъ огромныхъ волостей Одровонжей и Бучацкихъ-Язловецкихъ, были скуплены такимъ образомъ [1]. Подобнымъ магнатамъ была не страшна вражда туземнаго населенія; о колонизаціи пустынь они не хлопотали, не имѣя охоты прать противъ рожна татарскихъ разореній и ожидая лучшихъ временъ. Покупщики владѣльческихъ правъ заотыскивались, вѣроятно, и между туземцами; прежній владѣлецъ, заплативъ тяготившемуся своимъ пожалованіемъ поляку нѣкоторую сумму за cessio juris, могъ возвратить себѣ свои конфискованныя имѣнія; могли пріобрѣтать такимъ образомъ помѣстья у поляковъ и сторонніе „бояре и земяне". Подобныя сдѣлки, санкцируемыя королевскимъ „консенсомъ", составляли довольно обычное явленіе въ послѣдующее время (изъ болѣе раннихъ укажу напр. консенсъ 1504 г. Карачевскимъ на выкупъ Гричковецъ у Ціолковъ [2]). Въ XV в. онѣ, вѣроятно, обходились безъ подобныхъ консенсовъ (какъ это случалось и въ XVI в. [3]). Существованіемъ подобныхъ сдѣлокъ слѣдуетъ объяснить тотъ фактъ, что туземные роды въ доказательство своихъ правъ ссылались иногда ни грамоты, выданныя какому-нибудь прихожему колонисту: такъ Радіевскіе ссылались на жалованную грамоту Яну Фіолю, Ярмолинскіе—на грамоту Урбановичу [4]).

Татарскія опустошенія были, вѣроятно, главною причиною ослабленія колонизаціонной энергіи правительства, замѣчаемаго во второй половинѣ XV в., такъ какъ въ польской колонизаціи на Подольѣ, для закрѣпленія его политическаго statu quo, продолжала су-

---

[1]) Вспомнимъ напр. выкупъ Рова Одровонжемъ; Язловецкіе въ въ числѣ своихъ „правъ" представили въ 1564 г. грамоты Билинѣ на Сребрну, Свентославу на Озаринцы.

[2]) А. Б. с. I № 21.

[3]) См. напр. А. Б. с. I № 24, 41 (консенсъ испрашивается уже послѣ заключенія сдѣлки).

[4]) А. Б. с. I № 6, 7.

ществовать надобность въ виду споровъ, которые тянулись изъ-за него между Польшею и Литвою и подъ часъ проявлялись въ довольно рѣзкихъ формахъ. Но татарскіе побѣги наводили такую панику на піонеровъ подольскихъ окраинъ, что правительство, вѣроятно, принуждено было оставить свои колонизаціонные планы; неудачныхъ опытовъ 30—40-хъ годовъ было достаточно, чтобы отнять охоту къ продолженію ихъ.

Мартирологъ татарскихъ набѣговъ у польскихъ историковъ начинается съ 1438 г.; разсказавъ о понесенномъ тогда поляками пораженіи отъ татаръ, вторгнувшихся на Подолье подъ начальствомъ Сади Ахмета, при чемъ погибъ и воевода подольскій Михаилъ Бучацкій, современникъ Длугошъ замѣчаетъ, что съ тѣхъ поръ татары стали чаще и съ большею смѣлостью производить свои набѣги, убѣдившись, что поляки не могутъ имъ дать мужественнаго отпора [1]. Дѣйствительно, съ этого времени начинается вереница разореній, тянущаяся вплоть до конца XVI в. Татары приходили въ 1442, 1448, 1450 гг., проникая до Галичины. Въ 1452 г. они разорили Ровъ и затѣмъ въ продолженіи года нѣсколько разъ вторгались, уходили и снова возвращались, разсчитывая захватить врасплохъ жителей. Въ 1453 г. двумя отрядами они вторглись на Подолье и въ Теребовльскій повѣтъ, но потерпѣли пораженіе на полѣ Krasnow, между Зиньковомъ и Острогомъ, отъ отряда, который успѣли собрать Янъ Лащъ, державца зиньковскій, съ другими державцами. Въ 1457 г. новое вторженіе, во время котораго въ кровопролитной битвѣ погибли упомянутый Лащъ и Бартошъ Бучацкій, староста подольскій [2]. Послѣ неболь-

---

[1]) Hist. Pol. t. IV p. 592-3. Перечень татарскихъ набѣговъ на Подолье въ Zameczki podolskie I p. 13-7 начинается съ 1433 г., но подъ этимъ годомъ упоминаются татары въ качествѣ союзниковъ Свидригайла, приведенныхъ послѣднимъ, и изъ извѣстія Длугоша (t. IV p. 515, ср. Бѣльскаго p. 345) выходитъ, что Стефанъ воевода не выгналъ ихъ изъ Подолья, а предотвратилъ набѣгъ.

[2]) Długosz t. IV p. 682, t. V p. 56, 78, 112, 118, 133, 254; Bielski p. 356, 371, 388, 391, 394, 395, 396, 412.

шаго перерыва, достигнутаго, быть можетъ, болѣе серьезнымъ отпоромъ въ послѣднихъ набѣгахъ, рядъ татарскихъ нападеній возобновляется съ 1469 г., когда татары тремя отрядами отправились на Литву, Волощину и Подолье, откуда впрочемъ вернулись, не причинивъ большаго вреда; за то въ 1474 г. крымская орда страшно опустошила Подолье и Русь. Въ 1476 г. навѣдались на Подолье турки во время похода на волоховъ. Татарскій набѣгъ 1478 г. былъ не разорителенъ; татары ушли, провѣдавъ о собранномъ на нихъ войскѣ [1]). Около 1489 г. начинаются страшные, опустошительные набѣги крымскаго хана Менгли Гирея, измѣняющаго своей, прежде дружелюбной по отношенію къ Польшѣ и Литвѣ, политикѣ; въ 1489 г. татары нѣсколько разъ набѣгали на Подолье, но потерпѣли пораженія около Копыстрина (на Бугѣ) и Саврани; они повторили набѣгъ въ 1494 г.; набѣгали также волохи и турки; описаніе замковъ 1494 г. свидѣтельствуетъ о жестокомъ опустошеніи Подолья. Въ 1498 г., послѣ буковинской экспедиціи Яна Альбрехта, воевода Стефанъ съ татарами и турками снова страшно разорилъ Подолье и Русь (насчитывали до 100 т. выведенныхъ плѣнниковъ); татары послѣ того (въ іюлѣ) вторично вторглись въ Подолье и ушли благополучно, не дождавшись посполитаго рушенія, а въ ноябрѣ снова пришло турецкое войско, разорившее въ конецъ верхнее Поднѣстровье. Въ слѣдующемъ году снова пришли крымцы, повторявшіе свои набѣги затѣмъ въ 1500, 1502 и 1503 г. Послѣ того, не смотря на заключенное въ 1507 г. перемиріе съ Сигизмундомъ, который обязался платить имъ ежегодный харачъ въ 15 т. зл., крымцы въ томъ же году вторглись въ Подолье, но на возвратномъ пути были застигнуты и разбиты. Еще неудачнѣе былъ ихъ набѣгъ въ 1512 г., когда они понесли большое пораженіе подъ Вишневцемъ отъ соединенныхъ ополченій Польши и Литвы; за то въ 1516 г. татары обратили Подолье въ „мясныя ятки"; вторичный набѣгъ ихъ въ томъ же былъ году былъ отбитъ. Слѣдуетъ набѣгъ татаръ въ 1520 г.; въ 1524 г. приходили турки съ бѣлго-

[1]) Długosz t. V p. 531, 608, 645, 677; Bielski p. 450, 462, 467, 472.

родскими татарами, разорившіе между прочимъ Зиньковъ (замокъ однако устоялъ), а затѣмъ одни татары въ количествѣ 40 т. разоряли Русь; въ 1528 г. они потерпѣли неудачу, и послѣ этого мы не встрѣчаемъ значительныхъ набѣговъ до 1540 г., когда въ Барщинѣ началъ свою дѣятельность знаменитый Претвичъ [1])

Я нарочно остановился на этомъ перечнѣ, чтобы дать представленіе, какою тревожною, безпокойною жизнью жило населеніе Подолья; хотя не всѣ области ея подвергались разоренію во время каждаго набѣга, но вѣсть о татарахъ повсюду производила панику, побуждая населеніе бросать жилища и скрываться въ разныя трущобы. Если къ этому прибавить еще мелкіе набѣга не упоминаемые обыкновенно въ хроникахъ, да ложные слухи о татарскихъ набѣгахъ, то будетъ понятно, что спокойный годъ на Подольѣ былъ чѣмъ-то необычайнымъ. Перепуганное нѣсколькими набѣгами населеніе иногда не рѣшалось даже и выходить изъ своихъ убѣжищъ, предпочитая сидѣть въ лѣсахъ, пещерахъ, тѣмъ болѣе, что татары иногда дѣйствительно повторяли свои набѣги по нѣсколько разъ сряду, разсчитывая на возвращеніе жителей при вѣсти объ ихъ уходѣ. Въ общемъ татарскія разоренія очень напоминаютъ старые половецкіе набѣги. Въ большинствѣ случаевъ они застигали край врасплохъ и были разсчитаны именно на быстроту и внезапность; въ такомъ случаѣ татары располагались лагеремъ — „кошемъ" и разославъ свои загоны во всѣ стороны, свободно грабили страну, sine ulla resistentia. Серьезный отпоръ дать татарамъ удавалось рѣдко. Часто они успѣвали и уйти безнаказанно; еще чаще мѣстные урядники успѣвали во время ихъ хозяйничанья собрать кое-какіе отряды, которые настигали на обратномъ пути отдѣльные татарскіе отряды и отнимали добычу; то было занятіе не

[1]) Bielski p. 476, 482, 487, 490, 494-5, 496, 507-8, 519, 533, 535, 545, 552, 559; Stryjkowski II p. 288, 297, 305, 310, 318, 319, 345, 388, 391, 393, 394; Сборникъ Руск. Ист. Общ. т. 35 с. 548, т. 41 с. 181, 333, 360, 466, 469; Resignatio castrorum an. 1494 изъ архива Варшавск. казенн. палаты (Архивъ Старопольск., отд. 54, кн. № 19 р. 103); свѣдѣнія изъ него у Яблоновскаго—Podole u s. XV w.

опасное и не безвыгодное—отбитая у татаръ добыча поступала въ пользу отбившихъ ее рыцарей, у которыхъ затѣмъ выкупали хозяева свое имущество. Это вызывало пререканія, обращавшія на себя вниманіе правительства; мы имѣемъ такой „уставъ о выкупѣ добычи“ 1518 г.: король, указывая на то, что жолнеры и обыватели, отбивающіе у татаръ, возвращающихся съ набѣга, воловъ, коней и прочій скотъ, присваиваютъ ихъ и не соглашаются возвращать хозяевамъ ихъ даже за выкупъ, и находя такое поведеніе жестокимъ и не-христіанскимъ, устанавливаетъ таксу для выкупа скота изъ добычи, „чтобы и потерпѣвшіе радовались возвращенію своего имущества, и отбивающіе добычу поощрялись этимъ барышомъ за свой трудъ и впредь къ такому занятію“ [1]).

Средства обороны края противъ татаръ были крайне неудовлетворительны, почти вовсе отсутствовали. Первое мѣсто здѣсь занимали замки, служившіе убѣжищемъ для населенія, но ихъ было слишкомъ мало сравнительно съ территоріей, да и укрѣплены они были и содержались большею частью плохо. Древнѣйшее описаніе подольскихъ замковъ, составленное въ самый разгаръ татарскихъ набѣговъ (1494 г.), такъ напр. отзывается о Каменцѣ: „замокъ этотъ почти весь разоренъ и разрушенъ; продовольствія никакого; всѣ зданія разорены, разрушены, опустошены, всѣ углы пусты, такъ что стыдно такое говорить или писать о столь знаменитомъ замкѣ. Если въ такомъ состояніи находился столичный замокъ воеводства, antemurale christianum, то можно себѣ представить, что дѣлалось въ замкахъ восточнаго Подолья, куда люстраторы даже боялись заглянуть propter timorem tartarorum. Хорошо еще, что татары избѣгали тратить время на осаду крѣпостей; но и они иногда разрушали замки, какъ было и съ Ровомъ. Небольшіе отряды жолнеровъ и служебниковъ, находившіеся при замкахъ, были недостаточны для серьезнаго отпора; съ ними можно было вести, самое большее, партизанскую войну. Если мы слышимъ иногда о болѣе

---

[1]) А. Б. с. I № 31.

значительныхъ отрядахъ, слухъ о которыхъ даже заставлялъ татаръ возвращаться во-свояси, то это были случайно поспѣвшія во-время шляхетскія ополченія. На Сѣрадзкомъ сеймѣ 1452 г. кор. Казиміръ поручилъ каштеляну и воеводѣ краковскимъ организацію обороны земель русскихъ и подольскихъ, снабдивъ ихъ и нѣсколькими тысячами гривенъ для набора войска [1]), но эта реформа едва ли не оказалось мертворожденною; по крайней мѣрѣ ни при описаніи послѣдовавшаго вслѣдъ за тѣмъ нападенія Сади Ахмета, ни при дальнѣйшихъ вторженіяхъ объ этомъ войскѣ ничего не слышно. Въ числѣ оборонительныхъ средствъ нужно упомянуть еще о „польной сторожѣ", но сторожа эта не всегда удовлетворяла своей цѣли—заблаговременно извѣщать о татарскомъ набѣгѣ [2]), да и содержалась не исправно: такъ разоренье 1452 г. объясняли тѣмъ, что староста подольской Теодорикъ Бучацкій, вопреки своимъ заявленіямъ, никогда не ставилъ сторожи [3]).

Это полное безсиліе предъ грозою татарскихъ разореній должно было парализовать энергію правительства. Дѣйствительная колонизація, борьба осѣдлости съ погромами кочевниковъ происходила помимо правительственныхъ вмѣшательствъ и контроля; единственная реальная услуга, которую правительство могло оказать колонизаціи—оборона страны, не была оказана; населеніе предоставлялось своимъ собственнымъ силамъ. Прихожій человѣкъ чувствовалъ себя жутко въ этой тревожной обстановкѣ; еще въ западномъ Подольѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ болѣе прочно колонизованныхъ польскою шляхтою Галичины и Бельзскаго воеводства, гдѣ не такъ страшны были татарскіе набѣги, польская шляхта успѣла пустить корни и удержаться, но восточная, особенно юго-восточная часть Подольскаго

---

[1]) Długosz V p. 117.

[2]) Ср. заявленіе житомирцевъ въ 1552 г.: „ижъ сторожа не вельми велыкая потреба, бо николи сторожа не встережетъ, а хотя тежъ и подстерегутъ татаръ, тогды до замку втичы передъ нимы не могутъ"—Архивъ Ю.-З. Р. VII. I с. 144.

[3]) Długosz t. V p. 113.

воеводства была рѣшительно оставлена ею. Выше упомянуто было о любопытномъ заявленіи люстратора 1494 г., что онъ не рѣшился проѣхать въ Летичевъ, боясь татаръ [1]); послѣ это неудивительно, что получавшіе въ Барщинѣ земли шляхтичи такъ быстро исчезали отсюда. Несомнѣнно, благодаря именно татарскимъ вторженіямъ, пріостановившимъ походъ польской шляхты въ восточное Подолье, полонизація землевладѣнія въ изучаемомъ краѣ была отсрочена на цѣлыхъ 100—150 лѣтъ, и туземное землевладѣніе оставалось господствующимъ до XVII в.

Объ этомъ туземномъ землевладѣніи для XV в. у насъ сохранилось очень мало свѣдѣній, и это понятно. Наши источники—оффиціальнаго происхожденія, преимущественно королевскія грамоты, а туземные землевладѣльцы зачастую обходились безъ правительственной санкціи, довольствуясь фактомъ владѣнія и лишь при благопріятныхъ обстоятельствахъ хлопотали о пріобрѣтеніи „твердостей“, памятуя о возможности реквизицій. Такимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, несомнѣнно, служили татарскіе переполохи, разгонявшіе польскую шляхту и заставлявшіе мѣстныхъ старостъ цѣнить туземное служилое боярство. И все таки лишь меньшинство, вѣроятно, туземныхъ родовъ съ теченіемъ времени обзавелось правительственной санкціей, и обыкновенно эта позднѣйшая санкція безвозвратно скрываетъ отъ насъ прошлое рода и его владѣнія. Любопытно, что многіе старѣйшіе туземные роды изучаемаго края, какъ Мытки, Волковинскіе, Галузинскіе, Поповскіе, появляются въ 1-й пол. XVI в. уже въ качествѣ давнишнихъ владѣльцевъ, хотя болѣе раннихъ документовъ на владѣніе о нихъ не извѣстно. Иногда отвѣчалъ за это татарскій набѣгъ, во время котораго дескать погибали прежнія грамоты (такъ было напр. съ Мытками, Волковинскими, Берлинскими). Въ другихъ случаяхъ дѣло обходилось просто констатированіемъ стародавняго потомственнаго

---

[1]) Resignatio castrorum 1494 г.: in istis bonis (староствѣ Летичевскомъ) non fui propter timorem tartarorum.

владѣнія. Что королевское и старостинское „наданье“ часто бывало на дѣлѣ лишь подтвержденіемъ, оффиціальною санкціею уже существовавшаго владѣнія, на это можно привесть много примѣровъ; возьмемъ хотя бы запись суммы на Галузинцахъ въ 1512 г. Л. Голузичу съ сыновьями, „державцамъ с. Галузинецъ“, извѣстныхъ еще съ XV в., или пожалованіе Михоловскихъ пасѣкъ Войтовичамъ: король подтверждаетъ старостинское наданье, словно идетъ дѣло о совсѣмъ новомъ владѣніи; и тутъ же оказывается, что жалуемыми пасѣками тѣ владѣютъ съ давнихъ поръ: a maioribus obtinent suis iuxta praescriptum literarum serenissimorum antecessorum nostrorum [1]) Уже изъ этихъ примѣровъ видно, какъ сильно мы можемъ ошибаться, возводя по смыслу документа то или другое владѣніе боярина-туземца къ какому-нибудь позднѣйшему пожалованію XVI в.

Вольная, не санкцированная оффиціально заимка, существовавшая и въ XVI в., скорѣе впрочемъ какъ остатокъ прошлаго, въ XV в. должна была имѣть широкое распространеніе. Для аналогіи укажу люстрацію 1545 г. сосѣдней Браславщины, находившейся въ сходныхъ колонизаціонныхъ условіяхъ съ Барщиною, гдѣ заимочное землевладѣніе было тогда еще широко развито: „иншыи, не будучи урожонымъ бояриномъ шляхтою и нѣтъ вѣдома одколь пришедши, бояриномъ называется и селища безъ данины господарское подъ собою держатъ и ужитковъ уживаютъ“; мѣщане также владѣютъ огромными пасѣками, „и нѣтъ вѣдома, одъ кого таковыи вдѣлы особные маютъ, а хто имъ заводилъ и граничилъ [2])“. Для Барщины характернымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи служитъ судьба упоминавшейся уже Карчмаровской волости. До конца XVI в. эта волость числилась пустынею, но когда Я. Замойскій захотѣлъ вступить въ обладаніе ею, оказалось, что на ней осѣлось нѣсколько туземныхъ родовъ, неизвѣстно, съ какого вре-

---

[1]) А. Б. с. I № 25 и 107.

[2]) Żródła dz. t. VI p. 125, 127.

мени; изъ нихъ наиболѣе шуму надѣлали Поповскіе и Гальчинскіе, такъ какъ стали отстаивать свои права. Поповскіе ссылались на грамоту Боны 1547 г., но они, несомнѣнно, осѣлись раньше: въ одной изъ люстрацій грамота эта называется „реноваціей правъ ихъ на село, которыя они имѣли отъ прежнихъ королей“, но такъ какъ о „правахъ“ этихъ сколько-нибудь опредѣленныхъ данныхъ они не сообщали при защитѣ своего владѣнія, то и существованіе ихъ болѣе чѣмъ сомнительно [1]. Гальчинскіе были вѣтвью рода Кунатовскихъ, ссылавшихся на жалованную грамоту Михаила Бучацкаго на Кунатовцы, но на какомъ правѣ они завладѣли Гальчинцами, этого они никогда не объясняли; старѣйшая грамота 1576 г. только подтверждаетъ ихъ владѣніе [2]. Оба эти рода успѣли отстоять себя въ борбѣ съ могущественными магнатами и сохранены были при своихъ владѣніяхъ, хотя non ex juris aliquo debito, verum ex gratia короля (Поповцы) [3]. Но весьма возможно, что они были только болѣе энергичными и счастливыми изъ неоффиціальныхъ колонистовъ Карчмаровскихъ добръ, что нѣкоторые изъ шаргородскихъ земянскихъ родовъ, получившихъ отъ Замойскаго доживотныя записи на земли, подъ условіемъ заявленія, что никакихъ другихъ правъ на эти земли они не имѣютъ, осѣли на этихъ земляхъ еще раньше, и пожалованія Замойскаго были своего рода компромиссомъ.

Укажемъ еще нѣсколько болѣе или менѣе очевидныхъ случаевъ заимки. Въ пожалованіи Бучацкому 1452 г. въ числѣ прочихъ видѣли мы урочище Высочокъ; въ XVI в. мы узнаемъ, что Высочокъ есть село Берлинцы, и владѣютъ имъ Буцни-Берлинскіе [4]. Этихъ Берлинскихъ мы встрѣчаемъ съ 1520 г. (прозвище отъ имени села закрыло первоначальную фамилію); въ 1546 г. Андрей Берлинскій исхлопоталъ

[1]) А. Б. с. I, 260, 288, II с. 74; Żródła dz. V p. 31.

[2]) Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 264, 271; А. Б. с. I № 129, 262; Żródła dz. V p. 32

[3]) А. Б. с. I № 139.

[4]) Ср. жалобу ихъ въ 1570 г., что Язловецкій выгоняетъ ихъ (ibid. с. 255).

у Боны грамоту: по засвидѣтельствованію старостъ барскихъ Старжеховскаго (бывшаго) и Претвича, что „имѣніе или село Берлинцы естъ дѣдичное владѣніе этого Андрея, и онъ и его предки находились въ непрерывномъ и безспорномъ владѣніи имъ“, онъ былъ утвержденъ въ своихъ дѣдичныхъ правахъ. Едва ли можно сомнѣваться, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ заимкою (въ перечнѣ имѣній Буцней 1450 г. этого села нѣтъ); Берлинскіе однако заявляли, что у нихъ были документы, и грамота Боны была выдана имъ „вмѣсто документовъ, данныхъ ихъ предкамъ и утерянныхъ во время войнъ и нападеній татарскихъ“; такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь любопытный примѣръ маскированія заимки [1]. Голодки въ доказательство своихъ правъ на владѣніе с. Голодками могли сослаться въ 1564 г. лишь на то, что въ описаніи границъ г. Бара они названы дѣдичами; дѣйствительно, я не встрѣтилъ указаній на существованіе какого-либо пожалованія, хотя владѣли они своими землями еще до возобновленія Барскаго замка, отбывая послуги старостѣ каменецкому [2].

Вѣроятно, съ менѣе счастливою заимкою встрѣчаемся мы въ Лосковцахъ. Въ 1535 г. встрѣчаемъ тутъ въ одномъ процессѣ нѣкоего Абрама Лосковскаго, котораго величаютъ famatus seu laboriosus и высказываютъ подозрѣніе, что онъ „неосѣлый“, impossessionatus [3]; въ 1538 г. король уже далъ bona regalia Napolne Loskowcze Ярмолинскомъ въ обмѣнъ за Гермаки, и Ярмолинскіе дѣйствительно водворились тутъ [4]; весьма вѣроятно, что Лосковцы

---

[1]) А. Б. с. I с. 48, II R. 1546; Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 264.

[2]) Архивъ Ю. З. Р. VII, II с. 264; древнѣйшее указаніе на ихъ владѣніе, какое я встрѣтилъ, относится къ 1551 г.—въ спорѣ ихъ съ войтомъ барскимъ за прудъ—Метр. Кор. варшав. № 79 f. 502.

[3]) К. Ц. А. № 3599 f. 87 (процессъ Ярмолинскихъ съ Лосковскимъ): de summa praefata, si quam ibi habes inscriptam et assignatam, tamquam possessionato, si autem non, extunc tibi tamquam impossessionato, alias goloczye, mandamus.

[4]) А. Б. с. I № 50; въ К. Ц. А. № 3598 f. 260 v., подъ 1540 г.: nob. Vassyl Jarmolinski, heres ville Loskowcze.

были конфискованы у Лосковскаго, какъ „безправнаго“ поссессора. Аналогичный случай, повидимому, имѣемъ мы и въ пріобрѣтеніи Боною Поповецъ на Бугѣ. Бона хотѣла выкупить ихъ; но владѣлецъ—Алактивонъ Поповскій заявилъ, что владѣетъ Поповцами не по записи суммы, а на дѣдичномъ правѣ, затѣмъ, „желая угодить королю и королевѣ“, отрекся отъ своихъ правъ. Такая уступчивость объясняется, вѣроятно, отсутствіемъ документовъ, такъ какъ полученныя затѣмъ Поповскими пустыни не могли служить достаточнымъ вознагражденіемъ [1]).

Подобные факты, намеки, случайно проскользнувшіе въ нашихъ источникахъ, конечно—только жалкія воспоминанія о широко распространенномъ нѣкогда, можно сказать—господствовавшемъ туземномъ заимочномъ землевладѣніи. Выше было уже указано, какъ позднѣйшія условія не благопріятствовали сохраненію свѣдѣній о немъ; владѣльцы старались затереть самыя о немъ воспоминанія.

Такимъ образомъ на смѣну потерпѣвшему крушеніе мелкому польско-шляхетскому землевладѣнію, съ одной стороны—вступаетъ въ свои права туземное землевладѣніе, заимочное или основанное на сдѣлкахъ съ польскими колонистами, съ другой—развиваются магнатскія латифундіи: на Поднѣстровьи главнымъ образомъ Бучацкіе-Язловецкіе, въ сѣверной Барщинѣ—Одровонжи, пользуясь запустѣніемъ, собираютъ въ своихъ рукахъ огромныя имѣнія. Объ имѣніяхъ первыхъ даетъ представленіе уже Голчедаевская волость; къ Одровонжамъ перешли: Ровъ, Елтушковъ, Ивановцы, Карачинцы, Деражня, Новосельцы, Заинцы, Бузуковцы, Зинковъ, Гремячка, Покутинцы, Н. Мукаровъ, Симяковъ и многія другія, неизвѣстныя намъ поименно. Край превращался такимъ образомъ въ комплексъ нѣсколькихъ латифундій, въ которыя вкраплены были немногочисленныя уцѣлѣвшія имѣнія мелкихъ владѣльцевъ—поляковъ и несравненно болѣе многочисленныя—туземцевъ. Если отъ развитія туземнаго землевладѣнія край могъ только выиграть, пріобрѣтая на-

---

[1]) А. Б. с. I № 52.

сельниковъ, прочно привязанныхъ къ краю, привыкшихъ къ его тревожной жизни, обложенныхъ большими повинностями для его обороны, то вовсе нельзя того же сказать объ имѣніяхъ магнатскихъ: волости Каменецкой каѳедры и Бучацкихъ-Язловецкихъ пролежали бы совершенными пустынями до XVI в., если бы не туземныя займанщины; не отличались колонизаціонными подвигами и Одровонжи. Магнаты всегда страдали абсентеизмомъ и мало интересовались своими окраинными волостями. Дѣйствительная колонизаціонная борьба велась средствами главнымъ образомъ туземнаго населенія.

III.

Дѣятельность Боны въ Барщинѣ и послѣдующая судьба старостства до полов. XVII в.

1537 г. открываетъ новую эпоху въ исторіи Барщины—періодъ колонизаціонной и организаціонной дѣятельности Боны, оставившей глубокіе слѣды въ жизни края.

Намъ нѣтъ надобности подробно останавливаться на личности Боны. Дочь миланскаго герцога Джованни Сфорца, она была высватана 25 лѣтъ своимъ родственникомъ австрійскимъ императоромъ въ 1518 г. за короля Сигизмунда, которому тогда было подъ пятьдесятъ. Польша осталась ей до конца чуждою, какъ и она Польшѣ, хотя ни одна изъ польскихъ королевъ не принимала такого дѣятельнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ. Современное общество относилось къ ней враждебно, обвиняя ее подъ часъ въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ и замыслахъ, но Бона мало заботилась объ этой репутаціи и всегда умѣла составить себѣ послушную и преданную кліентелу. Руководили ея дѣйствіями цѣли чисто личныя и не столько, пожалуй, честолюбіе, сколько корыстолюбіе. Ее обвиняли и обвиняютъ въ продажѣ должностей, въ присвоеніи государственныхъ доходовъ и податей, въ неблаговидныхъ спекуляціяхъ съ коронными имѣніями. Въ результатѣ, въ рукахъ Боны собирались огромныя суммы, которыя она употребляла на пріобрѣтеніе имѣній, путемъ выкупа королевщинъ, покупки и т. д.;

иногда эти пріобрѣтенія она дѣлала съ чисто коммерческою цѣлью, перепродывая ихъ съ выгодою для себя [1]), но въ большинствѣ случаевъ она, очевидно, не имѣла этого въ виду, округляя свои пріобрѣтенія прикупками, мѣною, заводя на широкую ногу хозяйство, принимая дѣятельныя, часто соединенныя съ большими издержками, мѣры для ихъ обороны и колонизаціи. Польскіе историки, такъ неблагосклонно отзывающіеся о ея придворной и политической дѣятельности, признаютъ за нею большія заслуги въ дѣлѣ устройства благосостоянія имѣній, отдаютъ должное ея замѣчательной энергіи, заботливости и практичности, составляющими такой рѣзкій контрастъ съ обычнымъ безсиліемъ колонизаціонной политики польскаго правительства [2]). Какую цѣль имѣла Бона при созданіи этихъ латифундій, довольно трудно сказать: быть можетъ, первоначально ею руководилъ династическій интересъ, забота объ обезпеченіи доменами сына, тѣмъ болѣе, что въ самыхъ грамотахъ, утверждавшихъ ея сдѣлки, оговаривался переходъ ея имѣній въ случаѣ смерти къ мужу или сыну [3]); но послѣ того какъ отношенія къ послѣднему окончательно испортились, едва ли какіе-либо другіе мотивы руководили ею, кромѣ корыстолюбія или неугомонной жажды дѣятельности.

---

[1]) См. такого рода операцію съ Луцкимъ войтовствомъ—Архивъ Ю.-З. Р. V т. I № 10 и 14.

[2]) См. спеціальную монографію Пуласкаго—Gospodarka królowej Bony na kresach (Szkice historyczne p. 137—8), ср. у Бобжинскаго Исторія Польши II с. 56.

[3]) См. А. Б. с. I № 65 (и еще раньше—въ 1537 г., Кор. Метр. варш. № 72 f. 109); то же условіе см. напр. въ грамотѣ 1534 г., утверждающей выкупъ Боною г. Лежайска: ad tempora vitae suae extrema possidenda, post mortem vero ad nos serenissimumque filium nostrum redibit et devolvetur, въ случаѣ смерти ихъ—къ дочерямъ (подлинная грамота въ Москов. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, въ кол. Лит. Метр. № 81). Ср. сеймовое постановленіе 1540 г. объ имѣніяхъ Боны—Volum leg. I p. 273.

Я затрудняюсь указать въ точности первые шаги Боны по части этого собиранія земель. Во всякомъ случаѣ началось оно очень рано: уже въ началѣ 20-хъ годовъ XVI в. мы видимъ въ ея рукахъ значительныя владѣнія. Первое упоминаніе объ неограниченномъ дозволеніи ей выкупать имѣнія королевскаго стола въ земляхъ коронныхъ и в. кн. Литовскаго, какое я встрѣтилъ, относится къ 1528 г. [1]); затѣмъ мы имѣемъ грамоту 1536 г., разрѣшающую ей производить повсемѣстно, у всякаго рода лицъ выкупъ заставленныхъ въ денежныхъ суммахъ королевщинъ [2]). За выдачею этого дозволенія слѣдуютъ обширныя пріобрѣтенія Боны на Краковскомъ сеймѣ 1536—7 г.: у Станислава Одровонжа были выкуплены—староство Львовское, Самборщина и Ровъ [3]).

Съ этимъ совпадаетъ провозглашеніе т. н. экзекуція правъ, которая съ тѣхъ поръ становится лозунгомъ шляхты въ ея борьбѣ съ королевскою властью и можновладствомъ. Подъ этотъ лозунгъ подводились самыя разнообразныя требованія относительно naprawy Rzeczy-pospolitej, но ближайшимъ образомъ здѣсь разумѣлось возвращеніе всѣхъ коронныхъ имѣній и доходныхъ статей, розданныхъ безъ согласія сейма послѣ знаменитаго статута кор. Александра 1504 г. de non alienandis bonis regalibus, по которому король не имѣлъ права дарить или закладывать коронныхъ имѣній безъ согласія сейма, и послѣдній могъ записывать имѣнія только cum conditione extenuationis, т. е. постепеннаго самопогашенія [4]). Болѣе рѣшительные еще въ періодъ изданія статута не останавливались на этомъ, а шли далѣе, проэктируя возвращеніе уже розданныхъ имѣній; въ этомъ отношеніи интересенъ трактатъ конца XV или начала XVI в. польскаго юриста Станислава Заборовскаго:

---

[1]) См. въ грамотѣ 1536 г. (А. Б. с. I № 45): bona redimere.. jam ante annos octo admisimus et consensimus per expressum.

[2]) А. Б. с. I № 45.

[3]) Bielski p. 576.

[4]) Volumina legum I p. 136.

De natura jurium et bonorum regis, проводящій, быть можетъ, взгляды правящихъ сферъ [1]); трактатъ доказываетъ, что король не имѣетъ права отчуждать коронныхъ имѣній въ ущербъ государству, будучи ихъ non dominus, sed administrator, поэтому всѣ имѣнія, отчужденныя безъ достаточно важныхъ государственныхъ нуждъ, подлежатъ конфискаціи [2]). Такая постановка была слишкомъ рѣзка и потому не осуществилась въ 1504 г., но она находила себѣ сторонниковъ не только въ правящихъ сферахъ, но и среди шляхты, являвшейся дѣятельнымъ сторонникомъ экзекуціи правъ не только изъ вражды къ можновладству, на которое всею тяжестью своею должна была лечь экзекуція, но также и потому, что надѣялась этимъ путемъ избавиться отъ податей, разсчитывая наивно, что королевщинъ хватитъ на удовлетвореніе всѣхъ государственныхъ нуждъ, которыя такимъ образомъ можно будетъ окончательно взвалить на плечи короля.

Несомнѣнно, шляхта въ этомъ стремленіи была поддержана сторонниками Боны, которой эта „экзекуція“ была весьма кстати для ея плановъ; только она, какъ увидимъ, не ограничивалась имѣніями, розданными послѣ статута Александра, и распространяла свои операціи и на болѣе раннія пожалованія и заставы. Однако несмотря на все сочувствіе шляхты экзекуціи, въ концѣ концовъ спекуляціи Боны съ коронными имѣніями вызвали сильнѣйшее негодованіе. На конфедераціи 1537 г. въ числѣ другихъ жалобъ указывали на несправедливости, допускаемыя при выкупахъ, на злоупотребленія документами Коронной Метрики, и требовали, чтобы процессы, возникающіе изъ-за выкупа королевщинъ, впредь разбирались не въ придворномъ судѣ, а на сеймѣ. Эти жалобы однако не остановили Бону въ ея пріобрѣтеніяхъ, она продолжала ихъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на престарѣ-

---

[1]) Трактатъ изданъ въ Starodawne prawa polskiego pomniki t. V, p. I Бобжинскимъ; первоначально напечатанъ онъ былъ въ 1507 г.

[2]) Ibid. p. 19.

лаго короля. Въ результатѣ въ ея рукахъ собрался огромный комплексъ имѣній, во много десятковъ, даже сотень разъ превосходившій ея наслѣдственное Барское княжество; достаточно вспомнить о Мазовіи, которое принадлежало ей въ качествѣ вѣна, о староствахъ Гродненскомъ, Пинскомъ, Кременецкомъ, Барскомъ и т. д. [1]). Но съ возшествіемъ на престолъ сына вліяніе Боны стало уменьшаться; окончательно не поладивъ съ нимъ, она охладѣла вовсе къ Польшѣ и въ 1556 г. уѣхала, не смотря на долгое сопротивленіе сына, въ Италію, въ свое Бари, вывезя съ собою огромныя богатства. Жертвою ихъ она и сдѣлалась въ слѣдующемъ году, отравленная своими приближенными; въ наслѣдство Польшѣ она оставила претензіи на т. н. неаполитанскія суммы (ссуженныя Боною Филиппу II), о которыхъ еще въ XVIII в. трактовали польскіе провинціальные сеймики [2]).

Какъ упомянуто было уже, выкупъ Рова былъ произведенъ Боною у Станислава Одровонжа, воеводы подольскаго, на сеймѣ 1536—1537 гг., одновременно съ Самборщиною и старостомъ Львовскимъ [3]). Несомнѣнно, Одровонжъ былъ весьма недоволенъ этимъ выкупомъ, такъ какъ суммы, записанныя на имѣніяхъ далеко не возмѣщали стоимости самыхъ имѣній. Во время упомянутой уже конфедераціи 1537 г. Бону попрекали за послѣдніе выкупы и допущенныя при нихъ несправедливости. Что именно подало поводъ этому, я не знаю. Такъ какъ Ровщиною Одровонжъ владѣлъ по записи суммы, а не jure hereditario, то онъ не имѣлъ возможности отклонить выкупъ.

3 іюня 1537 г., относительно Рова и Елтушкова съ принадлежащими къ нимъ селами между Боною и Одровонжемъ состоялось уже соглашеніе, и Одровонжъ принялъ отъ нея выкупную

---

1) См. перечень ея имѣній у Пуласкаго ор. с. с. 133.

2) О выѣздѣ Боны см. монографію Кл. Кантецкаго Sumy Neapolitańskie гл. I.

3) А. Б. с. I № 47 (1538)—redimebat in conventione praeterita Cracoviensi; Bielski p. 576.

сумму 2337 злот. и 80 венгерскихъ флор. Но уступивъ въ этомъ пунктѣ, Одровонжъ продолжалъ отстаивать свои права на нѣкоторыя села, именно Деражню, Нижній Мукаровъ, Новосельцы, Каричинцы, Летневцы и Domановъ, заявляя, что кромѣ заставныхъ грамотъ онъ на эти села имѣетъ и пожалованія на правѣ дѣдичномъ, litteras hereditarias. Присоединилось и другое затрудненіе: нѣкоторыя села оказались заложенными Одровонжемъ другимъ лицамъ; поэтому окончательное рѣшеніе вопроса было отложено до Петроковскаго сейма 1538 г.[1]) Здѣсь Одровонжъ представилъ двѣ грамоты, 1404 и 1440 гг., заключавшія въ себѣ пожалованія перечисленныхъ имѣній на дѣдичномъ правѣ. Бона возражала на это, что позднѣйшія (1469 и 1483 гг.) заставныя грамоты уничтожаютъ силу предшествующихъ дѣдичныхъ пожалованій; дѣло разсматривалось въ королевскомъ сеймовомъ судѣ, и рѣшеніе послѣдовало въ желательномъ для Боны смыслѣ—имѣнія признаны были подлежащими выкупу и утверждены за нею [2]). Но Одровонжъ все-таки не сдавался еще нѣкоторое время, и только въ іюнѣ 1538 г. между нимъ и Боною послѣдовало соглашеніе, по которому онъ окончательно отказался отъ своихъ претензій [3]).

Еще не покончивъ окончательно съ Одровонжемъ, Бона принялась за округленіе своихъ новыхъ владѣній. Ей разрѣшено было выкупить всѣ вообще имѣнія, принадлежавшія къ Рову, у всякаго рода державцевъ [4]), и Бона, вѣроятно, желала пріобрѣсть весь старый Ровскій повѣтъ. Уже весною 1538 г. она выкупаетъ Каричинцы у Каричинскихъ; у братьевъ Ярмолинскихъ вымѣниваетъ Гермаки

---

[1]) Грамота $^{3}/_{VI}$ 1537, утверждающая выкупъ Рова и Елтушкова, записывающая выплаченную Боною сумму на Ровщинѣ и отлагающая окончательный выкупъ до сейма, въ Кор. Метр. варшав. № 72 f. 109.

[2]) А. Б. с. I № 47.

[3]) Кор. Метр. варш. № 72 f. 95 v.: Одровонжъ отказывается отъ претензій на Каричинцы и самборскія села—Броницу, Лужокъ и Ваневцы; вѣроятно, это были послѣднія претензіи.

[4]) Упомянутая выше грамота въ Кор. Метр. № 72 f. 109.

за Напольные Лосковцы (теперь Лошковцы на Студеницѣ) [1]). Осенью того же года у Ляшка Поповскаго было пріобрѣтено большое село Поповцы (ок. Летичева, на Бугѣ); взамѣнъ ему даны пустыни Кудинка и Кощуковцы (по сосѣдству съ Поповцами), потомъ вмѣсто того пожалована пустыня Плоскировцы (Проскуровка къ ю.-з. отъ Зинькова). Сосѣднія съ Поповцами села Щодрова и Сусловцы тогда же вымѣнены у Григорія Талфуса, который взамѣнъ получилъ Думановъ, выкупленный у Одровонжа, и Кумановъ. Наконецъ извѣстенъ еще обмѣнъ с. Маниковецъ, принадлежавшаго Яну Сверчу, на с. Гусятинъ и Котковцы [2]).

Пересматривая эти мѣновыя сдѣлки, можно отмѣтить нѣсколько любопытныхъ обстоятельствъ. Сдѣлки эти совершаетъ не сама Бона, а при посредствѣ короля: такъ мѣновыя сдѣлки съ Ярмолинскими и Талфусомъ заключаетъ самъ король, сдѣлка съ Сверчомъ заключена отъ имени короля и королевы. При этомъ получалось любопытное сочетаніе интересовъ державцы и собственника королевщинъ: рядомъ съ Боною въ сдѣлкѣ какъ ея контрагентъ, участвуетъ собственникъ коронныхъ земель — государство, въ лицѣ короля, непосредственно заинтересованнаго въ сдѣлкѣ, такъ какъ Барская держава составляла только доживотное владѣніе королевы. По своему вполнѣ частноправному характеру особенно характерна сдѣлка съ Ярмолинскими, гдѣ король и Ярмолинскіе взаимно разрѣшаютъ произвести вводъ во владѣніе обмѣниваемыми имѣніями и обязуются за себя и своихъ наслѣдниковъ охранять другъ друга отъ постороннихъ претензій [3]). Если Бона находила нужнымъ дѣйствовать при посредствѣ короля, то объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что сдѣлки далеко не были добровольными, совершались по принужденію. Сохранилось любопытное указаніе въ приговорѣ изъ времени экзе-

---

[1]) А. Б. с. I № 49, 50.
[2]) А. Б. с. I № 52, 53, 55.
[3]) А. Б. с. I № 50.

куціи коронныхъ имѣній 1560-хъ годовъ [1]) относительно упомянутаго выше промѣна Маниковецъ; со стороны Сверчей указывалось на то, что Маниковцы нужны были для Барскаго замка, и Бона хлопотала сама объ этомъ обмѣнѣ, „а она бы никогда не стала стараться, если бы это было невыгодно; да и самъ Сверчъ не особенно охотно тогда совершилъ эту сдѣлку“. Дѣйствительно, не въ характерѣ Боны было считаться съ чужими интересами. Между тѣмъ выкупить имѣній, пожалованныхъ на дѣдичномъ правѣ, было нельзя, приходилось прибѣгать черезъ короля къ quasi-добровольной мѣнѣ, которая и совершалась, очевидно, подъ сильнымъ давленіемъ со стороны послѣдняго. Съ имѣніями записными или заставными дѣло было короче—они выкупались на общемъ основаніи, за королевскимъ консенсомъ; такъ было съ Каричинцами, съ Калинскою Деражнею, на которую незадолго передъ тѣмъ (25/II 1537 г.) была выдана подтвердительная грамота Ф. Калинскому, гарантировавшая его отъ выкупа со стороны всякаго подданнаго, но предусмотрительно сохранявшая это право за королемъ [2]); выкуплены были, вѣроятно, и нѣкоторыя другія села, относительно которыхъ мы не находимъ болѣе опредѣленныхъ указаній. Промѣнъ Поповецъ, въ сущности былъ отобраніемъ; могли быть и настоящія отобранія имѣній у nullo jure possessores (Лосковцы); но такіе случаи, вѣроятно, были рѣдки: туземные обыватели, которые преимущественно могли оказаться въ этой категоріи, имѣли причины пользоваться благоволеніемъ Боны.

Выдача грамоты Бонѣ на ея барскія имѣнія въ 1545 г., какъ кажется, завершила ея дѣятельность по собиранію и округленію этихъ владѣній (хотя они, какъ увидимъ, не составляли все же сплошной территоріи). Кромѣ упомянутыхъ уже выше селъ, въ ней перечислены еще Нестеровцы, Крутибородинцы, Деражня

---

[1]) Изданъ у Пуласкаго, Szkice p. 154.

[2]) А. Б. с. II К. 1537; это, очевидно, была одна изъ трехъ Деражень, упомянутыхъ въ грамотѣ 1545 г. (idid. № 65); въ инвентарѣ 1552 г. она уже значится въ числѣ старостинскихъ имѣній (с. 159).

(третья), Ивановцы, три Слободки и Биликовцы; общая, сумма, издержанная на выкупъ имѣній, опредѣлена въ 3817 злот. и 80 венгерскихъ флориновъ — сумма сравнительно небольшая, если принять во вниманіе, что по ревизіи 1552 г. доходы имѣній Барскаго староства исчислялись въ 5200 злот. [1]). Эта сумма 3817 зл. и 80 флор. и была записана королемъ на Барщинѣ; Бонѣ гарантировалось пожизненное владѣніе, а по смерти ея Барщина переходила къ Сигизмунду и Сигизмунду-Августу, въ случаѣ преждевременной смерти послѣднихъ—къ дочерямъ Боны, которымъ при выходѣ замужъ должна была быть выплачена упомянутая сумма, согласно общему постановленію объ имѣніяхъ Боны, изданному на сеймѣ 1540 г. [2]).

Одновременно шли работы по устройству Барскаго староства. О состояніи колонизаціи Барщины предъ дѣятельностью Боны я говорилъ уже; край еще носилъ слѣды послѣднихъ большихъ татарскихъ набѣговъ—1524 и 1528 г. Не говоря о Поднѣстровьѣ, которое отъ Мурахвы до Калюса лежало въ запустѣніи, остальная территорія Барщины имѣла не болѣе тридцати крестьянскихъ осадъ.

Заботы Боны обратились прежде всего на самый Ровъ, находившійся въ совершенномъ запустѣніи. Есть указанія, что въ 1-й четверти XVI в. онъ заселялся [3]), но вѣроятно, во время набѣговъ 1524 или 1528 г. его опять разорили. Въ грамотѣ 1540 г. упоминается о жителяхъ Рова, укрывшихся въ Зиньковъ послѣ разоренія Ровскаго замка; относится ли это извѣстіе къ старому разоренію Рова въ 1452 г., или къ какому-нибудь болѣе новому погрому, рѣшить затрудняюсь [4]). Въ 1532 г. Одровонжъ для привле-

[1]) А. Б. с. I с. 156 и 163.

[2]) А. Б. с. I № 65; Volumina leg. I p. 273.

[3]) См. напр. А. Б. с. I № 34 (1521 г.).

[4]) А. Б. с. I с. 99.

ченія колонистовъ исхлопоталъ у короля льготную грамоту для жителей Рова и принадлежащихъ къ нему селъ, освобождавшую ихъ на восемь лѣтъ отъ всякаго рода податей [1]); льгота эта однако не дала замѣтныхъ результатовъ; по крайней мѣрѣ населеніе въ Ровщинѣ по переписи 1542 г. нисколько не увеличилось сравнительно съ 1530, даже въ общемъ уменьшилось (съ 145 дымовъ упало до $124^1/_2$) [2]). Послѣ выкупа Рова у Одровонжа, въ концѣ 1537 г. была выдана жителямъ Рова грамота на двѣнадцатилѣтнюю льготу отъ коронныхъ и старостинскихъ налоговъ, и обѣщано было дарованіе нѣмецкаго права; сохранилась въ коронной метрикѣ подобная же льготная грамота и отъ 1538 г., съ бо́льшими льготами (прибавлена свобода отъ таможенныхъ пошлинъ); въ титулѣ ея Ровъ все еще названъ опустошеннымъ врагами городомъ; наконецъ извѣстно содержаніе третьей грамоты 1538, дарующей 16-лѣтнюю льготу отъ всякаго рода пошлинъ [3]). Эти одна за другою слѣдующія грамоты свидѣтельствуютъ о бо́льшой заботѣ Боны о городѣ. Одновременно она снабдила его еще болѣе надежною приманкою для колонистовъ, чѣмъ упомянутыя грамоты—крѣпкимъ замкомъ.

Непосредственно по пріобрѣтеніи Рова Бона поручила управленіе этимъ новымъ староствомъ Альберту Старжеховскому, подкоморію львовскому. Лѣтомъ 1538 г. мы видимъ его уже на мѣстѣ, занимающимся возведеніемъ Барскаго замка [4]). Бона, очевидно, придавала большое значеніе замкамъ; это врочемъ была излюбленная идея того времени. Несомнѣнно, замки имѣли большое колонизаціонное значеніе, какъ мизерны ни были подъ часъ: населеніе чувствовало, что существуетъ узелъ, привязывающій его къ данной территоріи и не дающій разсѣяться окончательно по лицу земли отъ перваго татарскаго погрома [5]). Старжеховскому было пору-

---

[1]) А. Б. с. I № 43.

[2]) Źródła dziejowe t. XIX p. 169—171.

[3]) А. Б. с. I № 46, Starożytna Polska III p. 212.

[4]) А. Б. с. I № 51.

[5]) О фортификаціонныхъ пріемахъ того времени и значеніи зам-

чено выбрать мѣсто для замка. Старый Ровъ находился на мѣстѣ нынѣшняго барскаго предмѣстья Чемерисы [1]); это довольно крутой скатъ небольшого водораздѣльнаго плоскогорья Рова и Лядавы, спускающійся къ руслу Рова и ничѣмъ не защищенный со стороны татарскаго шляха, пролегавшаго по упомянутому водораздѣлу. Мѣсто признано было неудобнымъ, и Старжеховскій выбралъ по сосѣдству другое — почти напротивъ, по другую сторону рѣки [2]); это ровное пространство, съ крутымъ, хотя и не особенно высокимъ берегомъ; оно совершенно почти не возвышается надъ окрестностью, и холмъ Чемерисовъ вполнѣ господствуетъ надъ нимъ. За то запрудивъ немного ниже Ровъ, заставили его разлиться широкимъ и болотистымъ, заросшимъ камышами прудомъ, который съ двухъ сторонъ охватывалъ замокъ и защищалъ его со стороны татарскаго шляха.

Бона не скупилась на издержки: нѣсколько сотъ разнаго рода ремесленниковъ и рабочихъ было отправлено къ Старжеховскому, равно какъ и отряды конныхъ и пѣшихъ служебниковъ, которые должны были составить гарнизонъ новой крѣпости и свиту старосты [3]). Постройка замка и укрѣпленіе города продолжались въ 1539 г.; въ мартѣ этого года король, объявляя, что Старжеховскій отправляется въ Ровъ для окончанія построекъ, пріостановилъ веденіе всякаго рода дѣлъ, касающихся Старжеховскаго, до осени (до св. Михаила—29 сент.). Новый замокъ получилъ имя Бара, по имени наслѣдственнаго княжества Боны—Бари. Онъ былъ деревянный, срубленный по обыкновенію изъ дубовыхъ брусьевъ, большею частью въ двѣ стѣны, промежутки между кото-

---

ковъ см. брошюру: Южнорусскіе господарскіе замки въ пол. XVI в. (изъ Университ. извѣстій 1890, III); сказанное тамъ вполнѣ приложимо и къ Украинѣ польской.

[1]) А. Б. с. I с. 103.

[2]) Ibid. с. 93; замокъ Боны стоялъ ниже нынѣшняго Бара по рѣкѣ, примѣрно у теперешней плотины черезъ Ровъ, которая тогда была, вѣрно, устроена ниже.

[3]) А. Б. с. I с. 93, 98.

рыми наполнены были землею. Стѣны были снабжены пятью башнями, также деревянными; въ главной башнѣ, защищавшей переѣздъ черезъ рѣку, были большіе ворота, надъ ними часовня, а на верху колоколъ на случай тревоги; мѣдная доска надъ воротами, украшенная гербомъ Боны, возвѣщала о ея трудахъ по устройству замка и города. Замокъ и городъ были богато снабжены артиллеріею и припасами: по ревизіи 1552 г. (изъ которой мы заимствуемъ свѣдѣнія объ устройствѣ замка) на замкѣ было четыре большихъ пушки и три меньшихъ, а всего съ городомъ—21 мѣдная и 2 желѣзныхъ, гаковницъ всѣхъ 66, 8 полгаковницъ, 60 аркебузовъ, 68 ружей; ядеръ разнаго рода 11357 [1]). Передъ входомъ въ замокъ (очевидно, по другую сторону рѣки) было устроено нѣчто вродѣ редута: палисадъ изъ дубовыхъ бревенъ, съ двумя небольшими башнями. Городъ („Польскій" Баръ) былъ также окруженъ стѣною—„паркaномъ" и снабженъ двухъэтажными башнями, въ амбразурахъ которыхъ были разставлены пушки. Все это, и замокъ и городъ, было окружено рвомъ, куда напускалась вода изъ Рова, или изъ образуемаго имъ „Замковаго пруда" (piscina castrensis), такъ что рѣка „обтекала городъ и замокъ по рвамъ, устроеннымъ человѣческимъ искусствомъ, и окружала глубокимъ своимъ воднымъ теченіемъ" [2]); это былъ излюбленный тогда фортификаціонный пріемъ. Постройки впрочемъ, по обыкновенію, не отличались большою прочностью; когда спустя 12—13 лѣтъ производилась ревизія, оказалось, что башни отошли отъ стѣны, нѣкоторыя постройки ушли сильно въ землю, „потому что выстроены были на болотистой почвѣ". Но времена были не хитрыя, и этотъ деревянный замочекъ, выстроенный на болотѣ и огражденный „широко разлившимися болотами" (какъ описываетъ Гваньини) [3]), былъ первою послѣ Каменца твердынею на южныхъ окраинахъ и соперникомъ этого antemurale christianum.

---

[1]) А. Б. с. I с. 151.
[2]) А. Б. с. I с. 99.
[3]) Sarmatiae descriptio p. 41.

Между тѣмъ энергичная дѣятельность Боны по укрѣпленію замка, вмѣстѣ съ объявленными льготами дѣйствительно привлекали поселенцевъ подъ стѣны новаго замка; вѣроятно, не обходилось и безъ вербовки через разсылаемыхъ агентовъ: такъ мы знаемъ о жителяхъ, переведенныхъ (reductos) изъ Зинькова и Елтушкова, о чемерисахъ, „спроваженныхъ“ изъ Волыни. Бонѣ, очевидно, хотѣлось создать хорошо населенный, крупный городъ. Не довольствуясь заселеніемъ города въ собственномъ смыслѣ, расположившагося въ ближайшемъ сосѣдствѣ замка, въ „парканѣ“, и составившагося, какъ видно изъ позднѣйшей переписи, изъ поселенцевъ украинцевъ, поляковъ и евреевъ [1]), она вызвала прежнихъ жителей Рова изъ Зинькова и образовала изъ нихъ другой городъ—Русскій Баръ, „такъ какъ въ нихъ должна селиться преимущественно нація русская“ [2]), который составилъ какъ бы предмѣстье первоначальнаго Бара, такъ какъ не былъ огороженъ подобно ему. Городъ „въ парканѣ“ послѣ этого, для отличія отъ Русскаго Бара, получилъ названіе Польскаго, хотя польскій элементъ въ немъ и по переписи 1565 г. составлялъ лишь около $^1/_3$ населенія, а въ 40-хъ годахъ поляковъ, вѣроятно, было еще меньше. Въ противоположность Польскому Бару, заселенному преимущественно торговцами, ремесленниками и шляхтичами, Русскій Баръ имѣлъ населеніе чисто земледѣльческое; по переписи 1565 г. изъ 124 домовъ Русскаго Бара только 18 не пахали полей; „да и эти не засѣвающіе могутъ впослѣдствіи орать и сѣять, замѣчаетъ люстраторъ, когда поправятся; потому что тамъ поля покупать не нужно, имѣй только плугъ и волы, можно орать, гдѣ хочешь“ [3]). До дарованія магдебургскаго права Бару эти обыватели жили, какъ селяне, имѣли пасѣки и поля, и позже, не довольствуясь огромными городскими грунтами (и нынѣшній Баръ сравнительно богатъ, благодаря об-

---

1) Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 129—130.

2) А. Б. с. I с. 99.

3) Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 131.

ширнымъ городскимъ землямъ, сдаваемымъ въ аренду крестьянамъ), распахивали поля за границею городской территоріи [1]).

Наконецъ, кромѣ этихъ двухъ городовъ нѣкоему Николаю Невиду, туземному земянину (сыну Ивашка Невида, державцы Мукарова Татарскаго) [2]), было разрѣшено „осадить", съ правомъ на войтовство, городъ на противоположномъ берегу рѣки, который отъ возвышеннаго своего положенія получилъ было имя Горнаго Бара [3]), но затѣмъ, когда Бона поселила здѣсь колонію чемерисовъ, онъ сталъ называться Чемерисскимъ Баромъ (теперешнее село Чемерисы Барскіе). Эти чемерисы или черемисы составляли и отчасти составляютъ своего рода загадку. Когда они были поселены около Бара, нѣтъ опредѣленныхъ указаній; такъ какъ въ грамотѣ 1540 г. Невиду на основаніе Горнаго Бара нѣтъ никакихъ намековъ на чемерисовъ, и въ письмѣ Боны къ Багенскому, начальнику Барскаго замка, отъ 16 іюля 1542 г. о нихъ говорится, какъ о только что осѣвшихъ и продолжающихъ переселяться[4]), а Бѣльскій упоминаетъ о нихъ уже подъ 1541 г., то выходитъ, что переселеніе чемерисовъ началось въ 1540—41 г. Что касается происхожденія ихъ, то документы называютъ ихъ татарами, „народомъ, отличнымъ отъ туземцевъ языкомъ, обычаями и учрежденіями" [5]), не опредѣляя ближе ихъ рода-племени. Бона въ своей жалованной грамотѣ чемерисамъ 1547 г. разсказываетъ, что „приняла ихъ съ ихъ потомствомъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ волынскихъ" [6]), и въ указанномъ письмѣ своемъ къ Багенскому упоминаетъ о двухъ семьяхъ чемерисовъ, пришедшихъ въ Баръ отъ кн. Корецкаго и о двухъ

---

[1]) Ibid с. 120, А. Б. с. I с. 100.

[2]) Имя Невида въ грамотѣ 1540 г. пропущено, но см. А. Б. с. I № 64; что онъ былъ сынъ Ивашка Невида, видно изъ сопоставленія I № 80 съ II R. 1552.

[3]) А. Б. с. I № 60.

[4]) Письмо издано у Пуласкаго ор. с. р. 148.

[5]) А. Б. с. I с. 130, 274, Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 133.

[6]) А. Б. с. I № 72.

оставшихся у него. Соображая, что владѣнія кн. Корецкаго, волости Корецкая и Межиричская, находились въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Острогомъ, вѣроятнѣе всего будетъ и чемерисовъ отнести къ одной категоріи съ татарами острожскими, Витовтовыми колонистами. Впрочемъ, это названіе чемерисовъ или черемисовъ мнѣ не встрѣчалось ни у волынскихъ, ни у другихъ литовскихъ татаръ, оно является терминомъ какъ бы спеціально барскимъ, хотя топографическія названія этого корня разбросаны на всемъ пространствѣ правобережной Украины (въ особенности любопытна Чемерисовка ок. Сальницы, на волынской границѣ). Быть можетъ, аналогическое явленіе представляетъ „Черемиса" смоленская 1-ой пол. XVI в., извѣстная изъ дипломатической переписки Московскаго государства [1]).

Всѣ три городскія общины—Баръ Польскій, Русскій и Горный получили въ 1540 г. нѣмецкое (магдебургское) право и льготы для поселенцевъ, но съ весьма существенными варіяціями что до послѣднихъ. Поселенцы Польскаго Бара, безъ различія національностей, получали пятнадцатилѣтнюю льготу отъ всякаго рода податей, поселенцы Русскаго и Горнаго—двѣнадцатилѣтнюю, а прежніе жители Рова, продолжавшіе и во время жительства въ Зиньковѣ и Елтушковѣ владѣть полями и пасѣками въ ровскихъ грунтахъ,—всего 6 лѣтъ; притомъ и въ продолженіе льготныхъ лѣтъ жители Русскаго Бара должны были платить медовую дань съ пасѣкъ. Это побуждало прихожихъ людей стремиться въ Польскій Баръ, и мѣстный войтъ имѣлъ возможность выбирать наиболѣе желательныхъ поселенцевъ, и прежде всего поляковъ. По окончаніи льготы жители всѣхъ трехъ городовъ должны были платить ежегодно 15 грош. чиншу, отбывать военную службу при мѣстномъ

---

[1]) Сборникъ рус. ист. общ. т. 35 с. 753—4 (1526 г.): „побѣжала отъ тебя отъ государя зъ Бѣлые и изъ Торопца Черемиса зъ женами и зъ дѣтми, а прибѣжали въ Оршу", и перейдя за Днѣпръ, отправилась внизъ по рѣкѣ. То, пожалуй, могла, быть также татарская колонизація литовскаго происхожденія.

старостѣ и поддерживать греблю на замковомъ прудѣ, за что пользовались правомъ ловить въ немъ рыбу для себя; сверхъ того—жители Польскаго Бара обязывались выстроить и поддерживать мостъ черезъ прудъ, съ правомъ собирать на немъ мостовое въ пользу города; жители Русскаго Бара—платить упомянутую медовую дань со всякихъ пасѣкъ (жители Польскаго Бара платили лишь съ пасѣкъ внѣ городскихъ грунтовъ [1])) и по 3 чвертки овса съ полей и принимать участіе въ ремонтѣ замка; жители Горнаго Бара—платить по чверткѣ овса съ дыму и поволовщину (по 6 воловъ разъ въ три года со всего города) и отбывать три дня полевыхъ работъ на замковомъ фольваркѣ (позже сверхъ того видимъ у нихъ и медовую десятину [2])). Такимъ образомъ и въ отношеніи постоянныхъ повинностей Польскій Баръ занималъ привилигированное положеніе сравнительно съ остальными; а жители Горнаго Бара вполнѣ приближались къ положенію тяглыхъ крестьянъ.

Что касается самоуправленія, то въ этомъ отношеніи жалованныя грамоты не дѣлаютъ различія между городами. Пожизненный войтъ имѣетъ полную юрисдикціею надъ мѣщанами, а самъ подлежитъ юрисдикаціи старосты; населеніе всецѣло изымается изъ-подъ власти королевскихъ урядниковъ (ниже мы увидимъ, какъ мало дѣйствительность соотвѣтствовала этому). Польскій и Русскій Баръ имѣли, очевидно, общаго войта; здѣшнее войтовство было пожаловано каменецкому мѣщанину Іоанну Цервусу, войтовство въ Горномъ Барѣ—Николаю Невиду, и обоимъ было гарантировано владѣніе на два доживотья [3]). Что касается чемерисовъ, то на нихъ не простирались условія городскихъ жалованныхъ грамотъ, они были на особомъ положеніи: составляя военный контингентъ, находившійся въ распоряженіи старосты, они не только

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р. VII, т. II с. 130.

[2]) Ibid. с. 134.

[3]) Грамоты въ А. Б. с. I № 57, 58, 59, 60.

были свободны отъ налоговъ, но сами получали отъ него ежегодное жалованье по 200 злот. на сукно и имѣли право безданно заводить пасѣки и засѣвать поля[1]).

Благодаря хлопотамъ Боны и престижу Барскаго замка заселеніе Баровъ шло успѣшно; наиболѣе раннія статистическія свѣдѣнія мы имѣемъ отъ 1565 г., и тогда Польскій Баръ имѣлъ 102 дома, Русскій 124, Чемерисскій 51 домъ чемерисовъ и 45 мѣщанскихъ (послѣдніе все туземцы, судя по именамъ, хотя люстраторъ говоритъ о „полякахъ и Руси", живущихъ съ чемерисами [2])), такъ что Баръ въ это время былъ вторымъ городомъ на Подольѣ (послѣ Каменца) [3]).

За то другой мѣстный „городъ"—Елтушковъ не процвѣталъ. Мы видѣли уже, что Бона перевела оттуда жителей въ Русскій Баръ; въ 1542 г. онъ значится еще пустынею, но въ 40-хъ годахъ онъ получилъ жалованную грамоту на нѣмецкое право и началъ заселяться; Балинскій относить пожалованіе къ 1546 г.: дата весьма вѣроятная, хотя источникъ ея мнѣ не извѣстенъ [4]). Въ 1550 г. снова разорили его волохи; вообще мѣстечку этому не везло: оно лежало на Кучманскомъ шляху и постоянно подвергалось разоренію; въ 1568 и 1569 г. татары разорили его два раза подъ рядъ [5]).

Заложено былъ еще мѣстечко въ Деражнѣ, но это дѣло вовсе не пошло; по ревизіи 1552 г. оказывается, что въ мѣстечкѣ осѣло было 7 человѣкъ, но четверо погибло отъ мора. Затѣмъ въ послѣдующихъ ревизіяхъ о городѣ вовсе нѣтъ упоминаній—планъ этотъ,

---

[1]) А. Б. с. I с. 131, 232, 312, Арх. Ю.-З. Р. VII, II с. 131; Pułaski op. c. p. 146.

[2]) Арх. Ю.-З. Р. VII, II с. 130—133.

[3]) См. сравнительную таблицу въ Źródła dziejowe t. XIX, wstęp p. 62 (1570 г.).

[4]) Starożytna Polska III p. 218; эту дату можно вывесть и изъ документа въ А. Б. с. I № 115, но лишь гадательно.

[5]) А. Б. с. I с. 161, 233.

очевидно, былъ оставленъ, и уже въ 1614 г. городъ Деражня былъ наново основанъ и надѣленъ нѣмецкимъ правомъ [1]).

Въ отношеніи колонизаціи Барское староство, несомнѣнно, сдѣлали значительные успѣхи благодаря Бонѣ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ представить этого успѣха статистически: хотя мы и имѣемъ переписи изъ времени, предшествующаго дѣятельности Боны, и послѣдующаго, но основанія для счисленія въ нихъ различны: семьи или хозяйства въ однихъ, плуги или ланы въ другихъ, изъ сличенія же одновременныхъ показаній о числѣ семей и лановъ явствуетъ, что хотя во многихъ случаяхъ число лановъ къ числу семей дѣйствительно относится приблизительно какъ 1:2 (изслѣдователи по исторіи колонизаціи принимаютъ обыкновенно для семьи въ среднемъ 5 душъ, для лана 10—11 [2])), но въ большинствѣ случаевъ мы встрѣчаемъ такія уклоненія отъ этого отношенія, что на точность выводовъ изъ сравненія этихъ данныхъ никакъ нельзя разсчитывать [3]). На ростъ колонизаціи могло бы указывать отношеніе числа крестьянъ новоосѣлыхъ, сидящихъ на свободѣ, къ засидѣлымъ, но извѣстно, что передвиженіе крестьянскаго населенія въ то время составляло столь постоянное явленіе, что опять-таки и этими данными слѣдуетъ пользоваться очень осторожно, тѣмъ болѣе, что отношеніе измѣнялось въ зависимости отъ продолжительности срока льготы. Раздача грамотъ на осаженье селъ тоже можетъ быть принята доказательствомъ колонизаціоннаго роста только съ оговорками: съ одной стороны, какъ указывалось, подобныя грамоты иногда служили лишь санкціею уже существовавшаго заселенія, съ другой—locatio въ дѣйствительности часто

---

[1]) А. Б. с. I с. 158, II № 16.

[2]) А. Яблоновскій въ Źródła dz. XIX p. 33—34, М. Ф. В.-Будановъ—Населеніе Ю.-З. Р. отъ XV в. с. 33—34.

[3]) Это замѣтилъ уже М. Ф. Владимірскій-Будановъ въ указанной статьѣ с. 69—70.

не осуществлялось; при томъ въ инвентарѣ 1552 г. нѣтъ статистическихъ данныхъ о шляхетскихъ селахъ. Тѣмъ не менѣе, сравнивая и комбинируя данныя различныхъ категорій, можно прійти до болѣе или менѣе прочныхъ выводовъ.

Сравнивая цифровыя данныя реестровъ 1530 и 1542 г. и ревизіи 1552 г., нельзя не признать, даже памятуя вышеприведенныя предосторожности, значительнаго прогресса. При этомъ нужно замѣтить, что реестръ 1542 г. даетъ цифры ниже 1530 г. (въ общей сложности для разсматриваемыхъ теперь мѣстностей, т. е. мѣстностей, для которыхъ мы имѣемъ показанія 1530, 1542 и 1552 г, около 20%); очевидно, послѣ 1530 г. населеніе потерпѣло значительный ущербъ, не вполнѣ заглаженный къ 1542 г., такъ что дѣйствительный приростъ населенія послѣ 1537—8 г. выражался въ цифрѣ большей, чѣмъ разность между цифрами 1530 и 1552 г. Въ общей сложности въ 15 пунктахъ Барщины [1]) оказывается по реестру 1530 г. 107½ плуговъ, по реестру 1542 г. 82 плуга, по ревизіи 1552 г.: 279 тяглыхъ, 69 вольныхъ, 8 урочныхъ, 25 слугъ, 3 убогихъ. Такимъ образомъ число плуговъ 1542 г. относится къ числу тяглыхъ 1552 г. какъ 1:3,4 и къ общему числу сельскаго населенія какъ 1:4,7 [2]).

---

[1]) Не считая, по инвентарю 1552 г., за отдѣльные пункты „города" Деражни и выселка Деражни Калинской.

[2]) См. статистическую таблицу. Относительно ея долженъ сдѣлать нѣкоторыя оговорки. Такъ какъ главною цѣлью ея составленія было опредѣленіе движенія колонизаціи, то внесены въ нея лишь тѣ поселенія, относительно которыхъ имѣются статистическія данныя по крайней мѣрѣ изъ двухъ моментовъ XVI в. Распредѣленіе населенія по категоріямъ представляло значительныя затрудненія; ватаманы напр. въ переписяхъ 1552 и 1570 г. относятся къ разряду засидѣлыхъ, въ переписи 1565 г. къ категоріи вольныхъ или слугъ (Деражни, Каричинцы, Мукаровъ В., Покутинцы); въ таблицѣ они всюду причислены къ первой категоріи, равно какъ и десятники. (въ переп. 1552 г. К. Деражня, Р. Каричинцы въ переп. 1570 г. Ивановцы). Въ разрядъ урочныхъ отнесены также

Что касается сидящихъ на волѣ, то въ общей сложности по ревизіи 1552 г. въ старостинскихъ селахъ (шляхетскія, какъ сказано, въ нее не вошли) оказалось тяглыхъ 321, вольныхъ 89, (урочныхъ 10, слугъ 27, убогихъ 3, всего 450), т. е. число вольныхъ относится къ числу тяглыхъ какъ 1:3,6 а въ общемъ числѣ населенія составляетъ 20%. Такое отношеніе хотя и далеко отъ колонизаціонной лихорадки, указываетъ все же на значительный наплывъ колонистовъ. Быть можетъ, въ первые годы дѣятельности Боны наплывъ этотъ былъ еще значительнѣе, но первыя партіи колонистовъ уже успѣли перейти въ разрядъ тяглыхъ.

Что касается основанія новыхъ поселеній, то происходило оно, по обыкновенію, двояко: основывались села или старостами и администраторами королевскими и переходили затѣмъ въ разрядъ имѣній старостинскихъ или королевскихъ столовыхъ, или осаживались землевладѣльцами за королевскимъ пожалованіемъ. Новыхъ селъ первой категоріи за время Боны можно указать не много: впервые при ней появляются Головчинцы и Лука (или Лука Слободецка, теперь Лука Барская, оба села къ с. отъ р. Рова), бывшія во время ревизіи 1552 г. уже значительными селами; въ 1551 г. novitus locatum Межировъ (теперь мѣстечко на Ровѣ); Броневскій, администраторъ староства, осадилъ село Молоховъ у р. Рова, оно упоминается впервые подъ 1546 г. (Молохоновъ) [1]; при-

---

лисичники и корчмари. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ трудно было разобраться среди нѣсколькихъ одноименныхъ селъ (Деражни, Каричинцы), цифры отнесены къ нимъ безъ ближайшаго пріуроченья. Крестьяне владѣльческихъ селъ (въ переп. 1565 и 1570 г.) не распредѣлены съ такою опредѣленностью по разрядамъ, какъ въ селахъ старостинскихъ; въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ перепись не говоритъ опредѣленно, что населеніе не высидѣло льготныхъ лѣтъ, оно отнесено въ таблицѣ къ разряду засидѣлыхъ.

[1]) Молоховъ теперь не существуетъ; по показанію мѣстнаго старожила, село это находилось между Севериновкою и Маньковцами, верстахъ въ 2-хъ отъ Рова; Северинъ Орловскій, основавъ Севериновку, перевелъ туда крестьянъ изъ Молохова.

бавилась еще одна Деражня—выселокъ Калинской Деражни [1]).

Перейдемъ теперь къ шляхетскимъ селамъ. Здѣсь прежде всего должно замѣтить, что первое десятилѣтіе Бона не распоряжается непосредственно раздачею земель, а дѣйствуетъ при посредствѣ короля и своихъ старостъ. При вступленіи своемъ въ управленіе Ровскимъ староствомъ Старжеховскій получилъ отъ короля разрѣшеніе раздавать пустыни для заселенія, съ правомъ записывать на каждой пустынѣ до 30 гривенъ и гарантировать отъ выкупа до двухъ или трехъ доживотій [2]). То было обычное полномочіе старостъ каменецкихъ. Претвичъ также имѣлъ полномочіе отъ королевы на раздачу земель и записывалъ суммы (извѣстна запись его въ 60 грив. [3])), хотя мнѣ не встрѣтилось указаній на спеціальное королевское разрѣшеніе. Только въ 1546 г. Бона исхлопотала непосредственно для себя полномочіе на раздачу земель [4]); оно было аналогично съ разрѣшеніями, даваемыми старостамъ; только сумма записи въ полномочіи Боны не опредѣлена (встрѣчаются записи ея въ 30 и 50 грив.), а королевское обѣщаніе, что грамоты ея будутъ имѣть такое же значеніе, какъ и королевскія, подразумѣвается и въ грамотахъ старостъ. Лишь съ этихъ поръ начинается рядъ непосредственныхъ раздачъ самой Боны, постоянно ссылающейся на упомянутое полномочіе [5]), хотя конечно и предшествующія раздачи происходили съ ея вѣдома и контроля, совершаясь по одному общему плану.

Впрочемъ первые шаги Боны представляютъ какъ бы колебанія; довольно трудно опредѣлить руководящую идею въ ея первоначальныхъ выкупахъ и промѣнахъ. Можно предположить, что Бона захотѣла было на первыхъ порахъ выкупить и вымѣнять

---

[1]) А. Б. с. I с. 153, 154; Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 230; Археограф. сбор. вилен. I с. 124.

[2]) А. Б. с. I № 48.

[3]) А. Б. с. I с. 106—107; Арх. Ю.-З. Р. VII. II с. 266.

[4]) А. Б. с. I № 67.

[5]) См. напр. А. Б. с. I №№ 68, 69, 71, 72.

всѣ вообще владѣльческія села, но оставила этотъ планъ за неосуществимостью; этимъ можно объяснить выкупъ Каричинецъ, отобраніе Поповецъ, Лосковецъ, можетъ быть и Куриловецъ, такъ какъ позже Бона видимо дорожитъ туземнымъ землевладѣніемъ и охотно утверждаетъ даже въ дѣдичныхъ правахъ владѣльцевъ, не имѣвшихъ документовъ, какъ было напр. съ Галузинскими, Карачевскимъ, Мыткомъ, Берлинскимъ [1]. Пріобрѣтеніе Поповецъ, а также Щодровы и Сусловецъ произошло едва ли не по недоразумѣнію, основанному напр. на тожествѣ именъ Поповецъ на Бугѣ съ Поповцами на Мурашкѣ; по крайней мѣрѣ заявленіе грамоты о близости Поповецъ къ Бару [2]) очень трудно приложить къ Поповцамъ на Бугѣ. Что до пріобрѣтенія имѣній у Сверча, Калинскаго, Талафуса, то я склоненъ объяснять ихъ иначе. Есть основанія думать, что Бона не благоволила къ польскому шляхетскому землевладѣнію и предпочитала ему туземное; это и понятно: Бона была прежде всего хозяйкою, и идея полонизаціи была ей чужда, а съ практической точки зрѣнія туземный землевладѣлецъ, не страдавшій абсентеизмомъ и съ охотою отбывавшій разнообразныя замковыя повинности, былъ гораздо болѣе выгоденъ, чѣмъ настоящій польскій шляхтичъ, которому эти повинности казались уже чѣмъ-то необычнымъ и дикимъ. Пересматривая многочисленныя раздачи, непосредственно или посредственно вышедшія отъ Боны, мы видимъ, что среди новопожалованныхъ огромное большинство составляютъ туземцы; нѣсколько шляхтичей-поляковъ, получившихъ при ней земли,—это урядники и служители Барскаго замка (Гослицкій, Терликовскій). Можно предположить потому, что и предшествовавшіе выкупы и обмѣны имѣній у польскихъ шляхтичей исходили изъ желанія освободить территорію Барскаго староства отъ польско-шляхетскаго землевладѣнія. Но такой планъ, если и былъ, не былъ осуществленъ до конца: на территоріи староства осталось нѣсколько

---

[1]) А. Б. с. I № 69, 70, П R. 1546.
[2]) А. Б. с. I № 52.

именій польско-шляхетскихъ, какъ Нетечинцы и Зенечковцы—Радецкихъ, Заньковцы—Сенявской, Бузуковцы и др., и села эти не вошли въ составъ Барскаго староства. За то туземное земянство было приведено теперь къ однимъ общимъ нормамъ, независимо отъ того, на какомъ кто правѣ владѣлъ землями. Ниже, при изученіи условій шляхетскаго землевладѣнія, я буду еще говорить объ этихъ повинностяхъ, теперь же только отмѣчу, что именно при Бонѣ мы впервые находимъ опредѣленныя указанія на однообразныя, общія для всей шляхты староства повинности. Норма этихъ послѣднихъ, несомнѣнно, не была изобрѣтена Боною: въ самомъ раннемъ перечнѣ ихъ (1538 г.) они трактуются, какъ издавна существующія (onera, quaecunque ex antiquo nobiles districtus Rovensis subire soleant) [1]), но быть можетъ, ей принадлежитъ уравненіе всего мѣстнаго земянства въ отбываніи этихъ onera. Это было не трудно: перспектива выкупа или принудительнаго обмѣна имѣній могла всякаго принудить къ уступкамъ; удобнымъ поводомъ могъ служить пересмотръ правъ на владѣніе и выдача подтвержденій. Въ другихъ случаяхъ приведеніе повинностей къ одной нормѣ достигалось просто административнымъ давленіемъ старосты, за которымъ стояла властная Бона съ отобраніями; только по смерти Боны встрѣчаемъ мы со стороны нѣкоторыхъ земянъ (Радіевскіе, Мытки) протесты на принужденіе ихъ старостами къ повинностямъ, не обусловленнымъ въ жалованныхъ грамотахъ [2]). Что касается новопожалованныхъ, то отбываніе повинностей вмѣнялось имъ въ обязанность въ самихъ жалованныхъ грамотахъ.

Число получившихъ земли въ Барщинѣ, непосредственно отъ Боны или посредственно чрезъ короля и старостъ, довольно значительно. Мы сгруппируемъ здѣсь указанія на такія пожалованія; до 1546 г., т. е. до непосредственныхъ раздачъ Боны, получили отъ короля: Каричинскіе Осову (мѣстность неизвѣстная) и

---

[1]) А. Б. с. I с. 75.
[2]) А. Б. с. I № 98, 130.

Шелеховъ (село на р. Ровцѣ—1538 г.), Алактивонъ Поповскій—Кудинку и Кощуковцы (1538 г.), потомъ Плоскировцы (теперь Проскуровка, къ ю.-з. отъ Зинькова, въ 1542 г.); Райтко Морозовскій получилъ отъ Претвича участокъ въ грунтѣ Мукаровскомъ, позднѣйшую Морозовку (ок. р. Ушицы), что и было утверждено за нимъ королемъ въ 1542 г.; въ томъ же году отведено было мѣщанину барскому Альберту Добчинскому селище Шершеневцы (ок. Бара, на Рову), на которое онъ получилъ отъ Боны грамоту въ 1546 г. [1]). Въ 1546 г. Бона пожаловала братьямъ Димитрію, Георгію и Леську земли на р. Ровѣ у лѣса Кладно, позднѣйшіе Козяровцы или Верхкладну (in vertice vel angulo, alias wierzech, sylvae Kladno)—теперь дер. Кезаровка); Дмитру Мытку—с. Доброшовцы, имъ основанное; Ивану Олисеевичу съ товарищами—Кудіевцы; за Ан. Берлинскимъ утвердила Берлинцы, за Ал. Карачевскимъ Дашковцы и Глибовъ, за Галузинскими—Галузинцы; въ 1547 г. выдала грамоту Поповскимъ на Поповцы на Мурашкѣ, въ 1549 г.—Богдану Дмитровичу Звиногородцу-Козаку на с. Куриловцы (ок. р. Ровка, къ с. отъ Межирова), на которые въ 1550 г. онъ получилъ отъ короля пожалованіе на правѣ дѣдичномъ. Въ томъ же 1550 г. получилъ отъ короля грамоту Францискъ Гослицкій, подстароста барскій, на пустыню Мальчовцы (къ ю.-в. отъ Бара). Не извѣстно, въ какомъ именно году получилъ отъ Б. Претвича Руду Паробочу Елтухъ (с. Елтухи къ с.-в. отъ Бара), а отъ Боны Грицько и Федоръ Оначковичи пустыню Яблоновку (къ ю. отъ Деражни [2]). Наконецъ сюда же до нѣкоторой степени относится пожалованіе Боною жителемъ с. Ивановецъ, Биликовецъ, Луки, Головчинецъ и Маниковецъ хуторовъ (пасѣкъ и прудовъ) на ленномъ правѣ, аналогичное съ пожалованьемъ пасѣкъ въ уроч. Михоловцы барскимъ мѣщанамъ Войтовичамъ, образовавшимъ потомъ фамилію Михоловскихъ и село Михоловцы [3]).

---

[1]) А. Б с. I № 49, 52, 61, II R. 1542 и 1546, Арх. Ю.-З. Р. V, I с. 51.

[2]) А. Б. с. I № 68, 69, 70, 71, 75, 76, 92, 96 и с. 253, 259, 260, II R. 1546.

[3]) Ibid. № 97, 107.

Сводя теперь всѣ вообще данныя о колонизаціонной дѣятельности Боны въ Барщинѣ, видимъ, что она ближайшимъ образомъ, почти исключительно, простиралась на Барщину въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, т. е. побужскую (съ прибавкою верховьевъ Лядавы, Мурашки и пр.); здѣсь число поселеній увеличилось за ея время почти въ полтора раза, и этотъ ростъ колонизаціи слѣдуетъ объяснить лучшею организаціею обороны края, а также покровительствомъ со стороны Боны туземному замлевладѣнію; въ этомъ ея колонизаціонныя заслуги. Западная и южная Барщина осталась почти вовсе внѣ района ея дѣятельности. Въ западной Барщинѣ продолжаютъ существовать старыя поселенія, хотя и съ увеличеннымъ населеніемъ, но новыхъ прибавляется немного—Морозовка, Проскуровка, да Нестеровцы, запустѣвшіе въ 1530—42 г., теперь снова заселились. Южныя же земли—по Мурахвѣ, Лозовой, Лядавѣ, хотя и тянули къ Бару, и мѣстные землевладѣльцы-туземцы: Козловскіе, Кунатовскіе, Иляшовскіе, Володіевскіе, отбывали со своихъ пустынь военную службу при старостѣ барскомъ [1]), но въ заселеніи ихъ перемѣнъ не замѣтно; какъ видно изъ послѣдующихъ люстрацій, землевладѣльцы ограничивались по прежнему заведеніемъ пасѣкъ, сѣнокосовъ, выпасомъ скота и даже не жили здѣсь постоянно, предпочитая проживать въ Барѣ или въ другихъ, болѣе безопасныхъ околицахъ [2]). Кудыевцы, Поповцы, Берлинцы были крайними пунктами на югѣ, на которые простиралась дѣятельность Боны въ видѣ выдачи жалованныхъ и подтвердительныхъ грамотъ, да и въ этихъ мѣстностяхъ колонизація шла туго, и во время люстраціи 1565 г. всѣ они оказались пустынями. Претвичъ въ своемъ мемуарѣ, объясняя причины нападенія волоховъ 1550 г., разсказываетъ, что вопослѣ построенія Бара множество народа, нѣкогда согнаннаго волоскимъ воеводою съ Барской (собственно Ровской) территоріи въ Бесарабію, вернулось, „и много селъ осѣло за Баромъ около Днѣстра [3]). Но эта колонизація днѣстровскаго побережья, если дѣй-

---

1) См. А. Б. с. I с. 164.

2) Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 269, 272; А. Б. с. I с. 259, 260, 262.

3) Biblioteka Warszawska 1866. III p. 52.

ствительно имѣла мѣсто, была столь эфемерною, что даже воспоминанія о ней въ люстраціяхъ не осталось; возможно впрочемъ, что опредѣленіе „около Днѣстра“ въ приведенныхъ словахъ не слѣдуетъ принимать въ точномъ значеніи, и подъ нимъ разумѣются вообще мѣстности Днѣстровскаго бассейна.

Главнымъ препятствіемъ для колонизаціи по прежнему оставались татарскіе набѣги; всѣ принимавшіяся противъ нихъ мѣры только ослабляли, но не устраняли ихъ. Героемъ борьбы съ татарами за время Боны является преемникъ Старжеховскаго Бернардъ Претвичъ, pamięci od wszech polakow godny, по выраженію Бѣльскаго [1]). Родомъ слезакъ, онъ служилъ первоначально (въ 20-хъ годахъ XVI в.) при королевскомъ дворѣ, въ качествѣ дворянина, затѣмъ въ 30-хъ годахъ видимъ его на Подольѣ, командующимъ отрядомъ легкой конницы подъ начальствомъ польнаго гетмана Сенявскаго. Въ это время, а можетъ быть и раньше, во время своей придворной службы, Претвичъ обратилъ на себя вниманіе Боны, еще до 1538 г. пожаловавшей ему свое село Вонячинъ въ Винницкомъ повѣтѣ [2]). Около 1540 г. Альбертъ Старжеховскій оставилъ Барское староство (немного позже онъ получилъ каменецкую каштелянію), и его преемникомъ королева выбрала Претвича [3]); вѣроятно, необходимость энергичной борьбы съ татарами заставила ее передать староство неутомимому ротмистру. Въ этой должности Претвичъ оставался десять лѣтъ и стяжалъ себѣ громкую популярность;

---

[1]) Kronika Polska p. 582.

[2]) Акты Южн. и Зап. Рос. I с. 101, Biblioteka Warszawska 1866, III p. 44—45.

[3]) У Бѣльскаго во время знаменитаго похода подъ Очаковъ 1541 г. (p. 582) Претвичъ является барскимъ старостою; дѣйствительно, уже въ январѣ 1542 г. онъ, несомнѣнно, былъ имъ (письма Боны у Пуласкаго с. 146); съ другой стороны, Старжеховскій въ началѣ 1540 г. былъ еще старостою барскимъ (А. Б. с. I с. 90). Каштеляномъ каменецкимъ Старжеховскій названъ въ грамотѣ 9/III 1543 г.—I № 63, въ грамотѣ 27/X 1542 онъ только подкоморій львовскій, войскій самборскій и староста дрогобыцкій (I № 62).

сложилась поговорка: za pana Pretwicza wolna od tatar granica; насчитывали 70 битвъ его съ татарами, и изъ всѣхъ ихъ онъ выходитъ побѣдителемъ.

О борьбѣ съ татарами интересныя подробности сообщаетъ самъ Претвичъ въ своей защитительной рѣчи и приложенномъ къ нему мемуарѣ; поводомъ къ ихъ сочиненію была жалоба турецкаго правительства на пограничныхъ старостъ; въ заголовкѣ ея значится, что она была читана въ сенатѣ 14 дек. 1550 г. [1]).

Въ началѣ XVI в. убѣдились въ негодности посполитыхъ рушеній для борьбы съ татарскими вторженіями; послѣ набѣга 1516 г. постановлено было вмѣсто того присоединить къ жолнерамъ русскимъ тысячу конницы, żeby iuż slachta leniwa doma leżała [2]). Въ связи съ этимъ нововведеніемъ стояли реформы въ системѣ обороны, произведенныя гетманами Тарновскимъ и Сенявскимъ; пограничная стража, стоявшая прежде на линіи Рова, била выдвинута далеко на югъ, и приняты были мѣры къ своевременному предупрежденію населенія о нападеніяхъ. По словамъ Претвича, это заставило татаръ перемѣнить и свою тактику: они перестали ходить большими полчищами, а прокрадывались мимо сторожи маленькими отрядами, не больше 200—300 челов., а иногда даже по 10—20, и такіе воровскіе набѣги повторялись очень часто, иногда разъ до 20 въ годъ [3]). Противъ такой тактики не помагали замковыя укрѣпленія и артиллерійскіе запасы; по иниціативѣ гетмана Тарновскаго принимается другой способъ—наступательной партизанской войны, которую сообща вели пограничные старосты, коронные и в. кн. Литовскаго, безразлично; за набѣгъ отвѣчали набѣгомъ, проникая до черноморскаго набережья; убѣгающихъ преслѣдовали вплоть до турецкихъ крѣпостей. Эту партизанскую службу взялъ на себя Претвичъ еще до поступленія на староство барское; сдѣлавшись

---

[1]) Изд. въ Biblioteka Warszawska 1866, III p. 47 sq.

[2]) Bielski p. 535.

[3]) Bibl. Warsz. l. c. p. 48—49.

старостою, онъ продолжалъ держаться той же тактики; на современниковъ особенно произвелъ впечатлѣніе его набѣгъ подъ Очаковъ въ 1541 г. [1]). Для этой партизанской войны, къ которой Претвичъ въ мемуарѣ прилагаетъ терминъ „козацтва“ (хотя въ болѣе узкомъ значеніи) [2]), онъ постоянно содержалъ значительный отрядъ конницы, до 150 и даже 200 (въ 1547 г.) коней; такъ что экономная Бона должна была протестовать, предлагая ему ограничится 30-ю, или содержать излишекъ на собственный счетъ [3]); затѣмъ ему отличный контингентъ для легкой службы давала черемисская колонія; мѣстное туземное земянство, обязанное по очереди отбывать сторожу и принимать участіе въ военныхъ экскурсіяхъ по приказу старосты, доставляло также значительный по тогдашнему времени отрядъ (по ревизіи 1552 г.—68 коней, изъ которыхъ половину—33 коня, доставляли Волковинскіе съ Радіевскими [4])), очень исправно отбывавшій службу; въ преслѣдованіи татаръ обязаны были принимать участье и мѣщане, и для этой цѣли должны были содержать лошадей [5]). Устраивались затѣмъ постоянныя сторожи на переправахъ, на татарскихъ тропахъ (что собственно Претвичъ и называетъ „козацтвомъ“), отряжались отъ времени до времени сторожевые разъѣзды въ степь и т. п. Сподвижниками Претвича въ этой партизанской войнѣ являются: Францискъ Гослицкій, подстароста барскій, сложившій голову впослѣдствіи во время одной экскурсіи [6]), Янъ Бадовскій, Бернашевскій.

Не смотря на всѣ эти мѣры предосторожности, на бдительность Претвича и его сподвижниковъ, татары прокрадывались довольно часто подъ Баръ, какъ видно изъ мемуара Претвича; но это были мелкіе разбойничьи отряды, не причинявшіе серьезнаго

---

[1]) Bielski p. 582.
[2]) Bibl. Warsz. p. 51.
[3]) Pułaski op. c. p. 146, Bibl. Warsz. p. 45.
[4]) А. Б. c. I c. 164.
[5]) Ibid. I c. 97, 102, 105, cp. 179, 183, 186.
[6]) Bielski p. 601, Архивъ Ю.-З. Р. VII, II p. 206; А. Б. c. I c. 257.

вреда: случалось разорить имъ пасѣки, „погромить“ и похватать встрѣчную партію охотниковъ или рыбаковъ [1]), но за все время Претвича я не встрѣтилъ указанія на разореніе въ Барщинѣ какого-либо села татарами; исключеніе составляетъ извѣстіе о разореніи Елтушкова въ 1549 г. [2]), котораго я впрочемъ не могъ провѣрить. Болѣе опустошительно было нашествіе волоховъ 1550 г., которое Претвичъ объяснялъ желаніемъ опустошить барскія осады и вернуть колонистовъ, ушедшихъ въ Барщину изъ Молдавіи. По современнымъ извѣстіямъ, волоское войско простиралось до 5000; на первой недѣлѣ поста они осадили Баръ и пробовали штурмовать, но были отбиты и отступили; однако разорили нѣкоторыя поселенія, какъ Елтушковъ, Берлинцы, Маниковцы [3]). На этотъ разъ могли себя показать барскія фортификаціи и артиллерія Боны.

Во внутренемъ устройствѣ староства Претвичъ не оставилъ замѣтныхъ слѣдовъ; онъ здѣсь только выполняетъ програму Боны. Выше было упомянуто о нѣсколькихъ земельныхъ наданьяхъ его; въ ревизіи 1552 г. указаны нѣкоторые слѣды его дѣятельности въ благоустройствѣ Бара; самый крупный фактъ его дѣятельности, который особенно отмѣчаетъ эта ревизія, есть впрочемъ уводъ скота изъ старостинскихъ фольварковъ.

Дѣятельность Претвича въ Барскомъ староствѣ окончилась одновремено съ дѣятельностью Боны—въ 1552 г. Изъ письма Сигизмунда Августа отъ 20 января 1552 г., описывающаго Н. Радзивилу свое свиданіе съ Боною, мы узнаемъ, что Бона намѣревалась, передавая Баръ королю, перемѣстить Претвича въ Кременецъ, но король отговорилъ ее отъ этого и предложилъ перевесть въ Теребовль, а на его мѣсто назначить подкоморія каменецкаго Яна Герборта. Это происходило въ началѣ 1552 г., а уже 2 іюля Барское староство, „вакантное послѣ перехода Б. Претвича

---

1) Bibl. Warsz. p. 54—58.

2) Starożytna Polska III p. 218.

3) Listy originalne Zygmunta Augusta wyd. Lachowicz p. 12, Bibl. Warsz. p. 52, Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 264, А. Б. с. I с. 152, 161.

на староство Теребовльское", было пожаловано Яну Герборту [1]). Въ 1554 г. Теребовльское староство, „т. е. замокъ и городъ Теребовль съ селами и прочими принадлежностями", было пожаловано Претвичу и его сыну Якову пожизненно, за заслуги, оказанныя въ долголѣтней борьбѣ съ татарами [2]). Еще раньше, въ 1546 г., за эти заслуги записано ему 1000 злотыхъ на Шаравкѣ (которою онъ владѣлъ и раньше), съ обязательствомъ выстроить здѣсь замокъ, а въ 1550 г. онъ получилъ на нее донацію jure hereditario; эта послѣдняя грамота въ особенно лестныхъ выраженіяхъ изображаетъ заслуги Претвича, который „съ юношескаго возраста всѣми силами и помыслами отдался на служеніе королю и государству и и не щадя трудовъ, съ опасностью жизни, противостоялъ нападеніямъ волоховъ, татаръ и турковъ, отражая ихъ отъ предѣловъ государства и часто отбивая изъ пасти торжествующаго врага добычу и скотъ" [3]). Въ 1540 г. ему были пожалованы еще jure hereditario обширныя пустыни въ южной части Барщины, въ области Лядавы и Жвана, о которыхъ была рѣчь выше, но это было пожалованіе ad malam informationem: пустыни эти принадлежали Язловецкому, который немедленно (въ 1549 же г.) выхлопоталъ себѣ подтвержденіе грамоты на Голчедаевъ 1464 г., а затѣмъ (въ 1553 г.) и на прочія поднѣстровскія земли [4]). Быть можетъ, пожалованіе Шаравки jure hereditario въ 1550 г. было вознагражденіемъ за

---

[1]) Listy originalne p. 25, А. Б. с. I № 81.

[2]) Книга рев. 1564 f. 116. Разрѣшеніе короля Претвичу на передачу Теребовльскаго староства сыну Якову см. въ Кор. Метр. вар. № 95 (1559—62) f. 521.

[3]) Кн. рев. 1564 f. 171; державцею Шаравки Претвичъ выступаетъ уже подъ 1539 г.: К. Ц. А. № 3599 f. 148 v.; отмѣчу еще дозволеніе 1547 г. Претвичу на выкупъ с. Иваниковецъ, ad tenutam Sarawka pertinentis, отъ войта г. Зинькова—М. Кор. варш. № 73 f. 263.

[4]) А. Б. с. I № 75 (см. выше с. 41). Подтвержденіе грамоты 1464 г. (I № 15)—въ варшав. Кор. Метр. № 77 f. 198; грамота 1553 г.—А. Б. с. I № 57.

это неосуществившееся наданье, а также отзвукомъ побѣды надъ волохами и мемуара Претвича 1550 г.

Выше я сказалъ, что служба Претвича въ Барѣ окончилась вмѣстѣ съ владѣніемъ Боны. Относительно послѣдняго факта я не встрѣтилъ такихъ опредѣленныхъ указаній, тѣмъ не менѣе можно считать несомнѣннымъ, что въ первой половинѣ 1552 г. Барское староство перешло въ непосредственное завѣдываніе короля. Въ вышеупомянутомъ письмѣ своемъ кор. Сигизмундъ Августъ говоритъ, что давно имѣлъ въ виду вымѣнять у Боны Теребовль на Баръ и въ связи съ этимъ предлагалъ перевесть въ Теребовль Претвича; Бона согласилась и обѣщала передать чрезъ своего посла Баръ королю на Петроковскомъ сеймѣ, который былъ назначенъ на 1 февраля 1552 г. [1]). Въ извѣстіяхъ о Петроковскомъ сеймѣ я не встрѣтилъ упоминанія о передачѣ Бара, но извѣстія объ этомъ сеймѣ (у Орѣховскаго, Бѣльскаго, Гурницкаго, въ дневникахъ, изданныхъ Шуйскимъ), вообще не настолько подробны, чтобы можно было на нихъ положиться. Что передача дѣйствительно состоялась, это доказываютъ: перемѣщеніе Претвича въ Теребовль (до іюля 1552 г.), проэктированное королемъ въ связи съ передачею Бара; ревизія Барскаго староства въ августѣ 1552 г. [2]); наконецъ отсутствіе указаній на какое-либо участіе Боны въ управленіи Барскимъ староствомъ начиная съ этого времени [3]). Бона въ это время хлопотала объ отъѣздѣ въ Италію и не интересовалась уже своими владѣніями. Изъ королевской грамоты Мартину Броневскому на завѣдываніе доходами Барскаго замка, данной осенью (26 окт.) 1553 г., совершенно ясно, что староство было уже въ вѣдѣніи короля: Броневскій долженъ отдавать отчетъ въ доходахъ королю и королевскому фиску [4]).

---

[1]) Listy originalne p. 25.

[2]) А. Б. с. I № 82.

[3]) Впрочемъ въ послѣдній разъ она выступаетъ со своею intercessio еще въ жалованной грамотѣ Богдану Звенигородцу 13/I 1550 г.

[4]) А. Б. с. II R. 1553.

Впродолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій Барское староство жило и развивалось въ томъ направленіи, какое дала ему энергичная и раціональная дѣятельность Боны; хотя недостатокъ ея хозяйскаго надзора во многомъ очень скоро сталъ давать себя чувствовать. Мы вкратцѣ прослѣдимъ судьбу староства дальше, до половины XVII в., чтобы затѣмъ перейти къ изученію его административной организаціи и общественныхъ отношеній.

Преемникъ Претвича на староствѣ—Янъ Гербортъ занималъ эту должность очень недолго: уже осенью 1553 г. его не было въ живыхъ, и староство было пожаловано (26 окт.) брату его Мартину, войскому каменецкому [1]). Этотъ послѣдній оставался старостою довольно долго, до самой смерти, послѣдовавшей въ 1570 г., и оставилъ замѣтные слѣды въ жизни староства. То былъ довольно заурядный и типичный староста; представитель богатаго и древняго рода, издавна основавшагося въ воев. Русскомъ [2]), онъ не былъ смѣлымъ порубежникомъ, въ родѣ Претвича, за то энергично расширялъ свои старостинскія права на счетъ городскихъ общинъ и шляхты, вызывая подчасъ горькія жалобы на свое самоуправство [3]). Менѣе сомнительны его заслуги въ дѣлѣ колонизаціи: ко времени его управленія относится основаніе многихъ селъ, при чемъ онъ, продолжая политику Боны, также содѣйствуетъ развитію туземнаго землевладѣнія; при немъ получили жалованныя грамоты на земли родоначальники Петрановскихъ, Буцней, Васютинскихъ, Михоловскихъ, Иляшовичи, Лосковскіе и пр.; изъ поляковъ (если еще это былъ полякъ) новое лицо—лишь Андрей Буковскій, servitor старосты [4]). Герборту же принадлежитъ постройка новаго каменнаго замка въ Барѣ.

---

[1]) А. Б. с. II R. 1553.

[2]) О Гербортахъ см. у Шараневича Rys stosunków wewnętrzn. p. 10.

[3]) А. Б. с. I № 93, 94, 95, 98, 104.

[4]) А. Б. с. I № 77, 99, 103, 105, 106, с. 251, 259, Арх. Ю-З. Р. VII, II с. 269.

По смерти Герборта [1]) Барское староство пожаловано было Николаю Творовскому-Бучацкому (отецъ его, женившись на послѣдней представительницѣ рода Бучацкихъ, принялъ ихъ фамилію), сначала „до воли“ королевской (ad beneplacitum), но уже въ слѣдующемъ, 1571 г., оно было пожаловано ему за отличную службу пожизненно. Восемнадцатилѣтнее управленіе его староствомъ (1570—1588 г.) не отличается рѣзкими характеристическими особенностями. Это постепенное уклоненіе отъ того типа, какой представляетъ Барщина временъ Боны и Герборта, переходной періодъ къ тѣмъ условіямъ, которыя рѣзче проявляются въ концѣ XVII в., въ управленіе Гольскаго и Жолкевскаго: усиленіе частноправнаго характера въ управленіи староствомъ, ослабленіе военнаго значенія Бара, проникновеніе или точнѣе—усиленіе польскаго элемента въ землевладѣльческой средѣ, дальнѣйшее обособленіе туземной служилой шляхты-бояръ отъ настоящей польской шляхты. Впрочемъ довольно трудно опредѣлить, въ какой мѣрѣ эти явленія, находившіяся въ извѣстной связи между собою, зависѣли отъ дѣятельности старостъ; они, несомнѣнно, въ значительной степени были результатомъ непосредственнаго правительственнаго воздѣйствія, какъ увидимъ ниже. О дѣятельности Творовскаго извѣстно очень мало. Современникъ Сарницкій съ большою похвалою отзывается объ его управленіи староствомъ со стороны военной. Свой уходъ изъ Бара Творовскій мотивировалъ тѣмъ, что потерявъ руку, хворалъ и потому не могъ достаточно энергично бороться съ татарскими вторженіями [2]). Первоначально онъ намѣревался обмѣнять Барщину на Тлумачъ Николаю Герборту, и оба—Творовскій и Гербортъ уже исхлопотали было себѣ у короля разрѣшенія на эту мѣну и на пожизненное владѣніе новыми держаніями [3]), но мѣна не состоялась, и мѣсяцъ спустя Творовскій, какъ можно дога-

[1]) Завѣщаніе его см. въ Метр. Кор. варшав. № 107 f. 498.

[2]) Sarnicki op. c. c. 1894; А. Б. с. I № 154.

[3]) А. Б. с. I № 153; одновременно былъ выданъ консенсъ на передачу Тлумача—Кор. Метр. варшав. № 135 f. 66.

дываться—продалъ Барское староство стражнику Станиславу Гольскому; по крайней мѣрѣ, подъ тѣмъ же годомъ въ книгахъ Метрики находимъ нѣсколько денежныхъ квитовъ и записей Творовскаго и Гольскаго [1]).

Гольскій былъ homo novus; куявякъ по происхожденію, онъ выдвинулся, подобно Претвичу, военной службою на Подольѣ, сначала ротмистромъ, затѣмъ въ новоучрежденной должности стражника (praefectus custodiae) и достигъ въ концѣ концовъ воеводства—сначала подольскаго, которое было пожаловано ему въ 1599 г. за заслуги, оказанныя въ борьбѣ съ татарами и во время посольства въ Турцію, потомъ воеводства русскаго. Барскимъ старостою оставался онъ до смерти (въ 1612 г.) [2]). Сохранившіеся документы показываютъ, что независимо отъ военныхъ занятій, онъ принималъ дѣятельное участіе въ распредѣленіи королевщинъ и усердно занимался разными операціями съ этими имѣніями: то онъ добываетъ себѣ дозволенія на отобраніе или выкупъ имѣній у державцевъ, то переуступаетъ старостинскія или новопріобрѣтенныя имѣнія какомунибудь шляхтичу; повидимому, это операціи совершались съ коммерческими цѣлями. Ему принадлежитъ основаніе барскаго доминиканскаго конвента, перваго кляштора въ этомъ краѣ.

Мѣсто Гольскаго на староствѣ Барскомъ заступилъ Станиславъ Жолкевскій, гетманъ полный, потомъ великій, открывшій собою серію гетмановъ-старостъ барскихъ и остававшійся старостою барскимъ также до своей смерти [3]). Онъ погибъ, какъ извѣстно, подъ Цецорою въ 1620 г., но только въ 1623 г. Барское староство было пожаловано пожизненно его преемнику въ гетманствѣ Станиславу Конецпольскому, который также до смерти († 1646 г.) оставался во владѣніи Баромъ; въ промежуткѣ до назначенія Конец-

---

[1]) А. Б. с. I № 154, Кор. Метр. варшав. № 135. f. 265-6.

[2]) Метр. Кор. вар. № 143 f. 235; Niesecki I (ed. 1728) p. 152, II p. 248.

[3]) Самый ранній документъ, гдѣ онъ является старостой барскимъ,—письмо его отъ 20/XII 1613 (Pisma St. Żołkiewskiego p. 420); въ мартѣ онъ, повидимому, еще не былъ старостою—А. Б. с. II № 11.

польскаго администраторомъ староства былъ нѣкій Мадалинскій, секретарь королевскій. Соединеніе Барскаго староства съ гетманскою булавою было довольно сподручно: по обязанности службы гетманы часто стояли на Подольѣ, особенно во время натянутыхъ отношеній съ турками, и навѣдывались въ Баръ; въ особенности это извѣстно о Жолкевскомъ: многія письма его помѣчены Баромъ; здѣсь онъ писалъ и свое завѣщаніе, отправляясь подъ Цецору [1]). Въ наслѣдство по себѣ онъ оставилъ Бару о. іезуитовъ, которымъ покровительствовалъ.

Послѣ Конецпольскаго старостою барскимъ былъ в. гетманъ Николай Потоцкій (+1650 г.) [2]), а послѣ него кн. Богуславъ Радзивилъ, конюшій в. кн. Литовскаго, право котораго на пожизненное владѣніе Баромъ было отмѣнено въ 1659 г. при пожалованіи Барщины Выговскому [3]). Радзивилу впрочемъ едвали пришлось распоряжаться въ Барскомъ староствѣ: вслѣдъ за смертію Конецпольскаго началась Хмельничина, а за нею — „дѣдицтво Бара“.

Заселеніе Барщины за это время—т. е. со времени Боны и до Хмельничины, хотя и терпѣло по временамъ ущербы, но въ общемъ не только не понижалось, но даже прогрессировало. Статистическія данныя болѣе или менѣе удовлетворительныя мы впрочемъ имѣемъ только для третьей четверти XVI в., благодаря люстраціямъ 1565 и 1570 гг. Для сравненія мы возьмемъ цифры населенія тѣхъ селъ, для которыхъ имѣются данныя во всѣхъ трехъ люстраціяхъ (1552, 1565 и 1570 г.)—это будутъ исключительно имѣнія королевскаго стола и старостинскія. Какъ было указано, ревизія 1552 г. даетъ для нихъ (въ 20-хъ поселеніяхъ) такія цифры: тяглыхъ 317, чиншевыхъ и урочныхъ 10, слугъ 27, сидящихъ на свободѣ 93, убогихъ 3, всего 450 хозяйствъ. Въ люстраціи 1565 г. находимъ: тяглыхъ 238, чиншевыхъ 100, слугъ 39, на свободѣ 115, убогихъ 23, всего 515. Въ люстраціи 1570 г.: тяглыхъ 328, на чиншу 20, слугъ 28, на свободѣ 104, убогихъ 6, всего 486. Сравни-

[1]) Pisma Stanisława Żołkiewskiego p. 374.

[2]) Niesecki III p. 699.

[3]) Volum. legum IV p. 302.

вая эти цифры, видимъ, что общая сумма населенія, несмотря на опустошенія, предшествовавшія люстраціямъ 1565 и 1570 г., держалась устойчиво; небольшимъ колебаніямъ подвергалось число слугъ; увеличеніе числа сидящихъ на чиншу и убогихъ въ люстраціи 1565 г. указываетъ на обѣднѣніе населенія (на чиншъ переводили также обѣднѣвшихъ крестьянъ въ видѣ льготы [1]); нѣкоторое увеличеніе процента сидящихъ на волѣ (20% въ 1552 г., 22% въ 1565, 21% въ 1570) есть, вѣроятно, результатъ предшествовавшихъ опустошеній.

Для послѣдней четверти XVI в. есть показанія въ побoровыхъ реестрахъ, но крайне неудовлетворительныя: для очень немногихъ селъ есть данныя изъ нѣсколькихъ (1565, 1569, 1578, 1583 г.) реестровъ для сравненія; притомъ тождественныя цифры, показываемыя въ смежныхъ реестрахъ, внушаютъ подозрѣніе относительно точности показаній; тоже самое должно сказать и относительно встрѣчающагося колебанія въ числѣ плуговъ: слишкомъ ужъ оно невѣроятно подчасъ (напр. въ Ивановцахъ въ 1565 г. 7 плуговъ, въ 1578—26½, въ 1583—23½). Въ общемъ цифры плуговъ въ третьей четверти XVI в. повышаются, и это можетъ въ извѣстной степени свидѣтельствовать объ увеличеніи населенія, и еще болѣе пожалуй—зажиточности. Сравнивъ 12 поселеній [2]), для которыхъ мы имѣемъ цифры плуговъ въ реестрахъ 1565, 1578 и 1583, получаемъ по реестрамъ 1565—6 г. 75½ плуговъ, 1578—151, 1583—133½; такимъ образомъ въ реестрѣ 1578 г. цифры плуговъ въ два раза превосходятъ цифру 1565—6 г.; реестръ 1583 г. даетъ цифру нѣсколько меньшую сравнительно съ 1576 г. Для послѣдующаго времени у меня почти нѣтъ статистическихъ данныхъ для Барщины; люстрація 1615 г. представляетъ только ревизію владѣльческихъ правъ, а изъ инвентаря 1607 г. я располагаю лишь немногими отрывками.

Обращаясь къ заселенію новыхъ селъ, мы и здѣсь замѣчаемъ

---

[1]) Архивъ Ю.-З. Р. VII. II с. 221, 223, 241 и пр.

[2]) Глибовъ, Головчинцы, Гричковцы, Ивановцы, Коморовцы, Лука, Мукаровъ, Нестеровцы, Покутинцы, Поповцы, Сусловцы и Щодрова.

значительное движеніе во второй половинѣ XVI и первой четверти XVII в., хотя и не можемъ въ точности опредѣлить времени заселенія того или другого села. Гербортомъ были розданы въ качествѣ пустынь: Яковле (позднѣйшіе Шыинцы на Ровцѣ, къ с.-з. отъ Бара) Ременна (позднѣйшіе Петрани, къ с. отъ Межирова), Лядава (Буцни), Лукава (Васютинцы), Подарнава (Ходаки съ прис. Потернова, у р. Лядавы, выше Елтушкова), Михолова Лука (Мигалевцы къ с. отъ Елтушкова), Черешневка (Черешенька на Волкѣ, ниже Деражни); снова были пожалованы запустѣвшіе Семяковцы; при немъ же появляется старостинское село Ботвина [1]) или Болвинъ, вскорѣ впрочемъ опять запустѣвшее и снова пожалованное для заселенія уже при Творовскомъ [2]).

Въ послѣдующія десятилѣтія XVI в. выступаетъ еще цѣлый рядъ поселеній, уже существующихъ или только жалуемыхъ для заселенія: Липковцы (теперешніе Шарки, къ ю. отъ Деражни, съ приселкомъ Липки на р. Волкѣ)—1576 г., нынѣшніе Степанки, къ ю.-в. отъ Бара), въ видѣ участка въ грунтахъ с. Маниковецъ пожалованные Бухновскому въ 1581 г.; Лука Буцнева (Буцневцы къ ю. отъ Деражни), утвержденная за Елтухами въ томъ же 1581 г.; Стодульцы (къ в. отъ Бара), въ 1583 г. за королевскимъ консенсомъ перешедшіе отъ основавшаго ихъ Стодульскаго къ Яйковскому; Кумановка, потомъ называвшаяся Радуловцами (отъ имени Радула Сербина) и Сербиновцами (къ с.-з. отъ Межирова), упоминающаяся въ 1591 г., какъ уже существующая; Лопатинцы (ок. Сербиновецъ на р. Думкѣ) утвержденные въ 1590 г. за Лопатинскими, вѣроятно, еще раньше, судя по ихъ многочисленности, осѣвшимися здѣсь; Коростовцы, въ 1591 г. находящіеся во владѣніи многочисленной

---

[1]) Неустойчивость названія зависитъ отъ правописанія: Bołwin и Botwina.

[2]) А. Б. с. I № 99 (Яковле), 103 (Семяковцы), 105 (Ременна), 106 (Лядава), 107 и с. 259 (Михолова Лука), с. 247 (Ботвина), 251 (Лукава), II R. 1561, Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 206 (Черешневка), 269 (Подарнава).

семьи Коростовскихъ; Редзеповцы (теперь Ражены—на р. Думкѣ, выше Лопатинецъ), отобранные въ 1591 г. у своихъ владѣльцевъ, дѣтей какого-то ductor tartarus; Переволока, гдѣ-то около Межирова (теперь я ее не нашелъ), вмѣстѣ въ межировскимъ войтовствомъ пожалованная въ 1591 г. Зацвилковскому и потому въ люстраціи 1615 г. называемая Зацвивилками, а позже Войтовцами; Сеферовка, иначе Крива (Сеферовка ок. Елтушкова), получившая имя отъ заселившаго ее Сефера или Северина Пятигорца, которому было пожалована въ 1593 г., и потомъ перешедшая къ іезуитамъ; Барановка (ок. р. Ушицы, выше Зинькова), въ 1600 г. пожалованная Семену Барановскому [1]).

Въ первой половинѣ XVII в. выступаютъ еще такія поселенія: Корначевка (на р. Ушицѣ, ниже Зинькова), данная Гольскимъ Вольскому для заселенія in cruda radice и утвержденная за нимъ королемъ въ 1605 г.; Глинянка (ок. Бара), урочище, пожалованное Гольскимъ доминиканамъ въ 1609 г., но, кажется, заселенное гораздо позже; Верховка (на Лядавѣ), основанная Яномъ Верховскимъ, которому дана Гольскимъ и утверждена за нимъ королемъ въ 1611 г.; Орлинцы, упоминаемые въ 1613 г., какъ владѣніе Орлинскихъ, и, несомнѣнно, раньше имъ принадлежавшіе; пріурочить это село я затрудняюсь, такъ какъ современные Орлинцы (на р. Бужкѣ, къ с. отъ Проскурова) слишкомъ удалены отъ границъ Барщины [2]); одновременно упоминаются: ур. Rzepinkow въ грунтахъ Гальчинецъ, превращающееся затѣмъ въ село Шепинки

---

[1]) А. Б. с. I № 142 (ср. Żródła V p. 28)—Степанки, № 143—Лука Бучнева, № 158 (ср. II № 11, R. 1604, 1620)—Кумановка, № 160 (ср. Żródła V p. 35 и люстр. 1665 г. с. 320)—Переволока, № 161—Радзеповцы, II R. 1578—Липковцы, R. 1590—Лопатинцы, R. 1591—Коростовцы, R. 1593 (ср. II № 36, Żródła V p. 30)—Сеферовка, Żródła V p. 25 (ср. А. Б. с. II № 12)—Барановка, Кіев. Цен. Арх. № 5510 f. 14 v.—Стодульцы.

[2]) А. Б. с. II № 7 и 29—Глинянка, № 9—Верховка, № 13 (ср. Żródła V p. 27)—Орлинцы, R. 1605—Корначовка.

(ок. Копайгорода), которое упоминается затѣмъ вмѣстѣ съ другимъ выселкомъ Гальчинецъ—Онушковцами или Новыми Гальчинцами [1]); въ 1616 г. упоминается выселокъ с. Новоселки Красноселка (къ з. отъ Деражни) [2]); на грунтахъ запустѣвшихъ Верещатинецъ видимъ новые поселки: Новые Мытковцы (теперь Мытки), Кошаринцы и Примощеницу (все къ югу отъ Бара), а около Нижняго Мукарова слободы: Ярову, Присовку (теперь Сприсовка) и Верховку [3]).

Пересматривая эти данныя о новыхъ поселеніяхъ, можно прійти къ заключенію, что разгаръ колонизаціонной дѣятельности въ Барщинѣ падаетъ на вторую половину XVI и самое начало XVII в.; въ первой половинѣ XVII в. Барщина была уже довольно густо засажена поселеніями, и новыя возникаютъ рѣже. Если сравнить современную карту съ картою Барщины въ 1-й полов. XVII в., то откинувъ мелкіе поселки и хутора, огромное большинство селеній найдемъ уже существующими. Другое дѣло—величина этихъ поселеній; большинство ихъ и въ XVII в. были еще не значительны.

Конецъ XVI и первая четверть XVII в. характеризуется основаніемъ многихъ мѣстечекъ въ Барщинѣ и ея порубежьи. Какъ мы видѣли, до послѣдней четверти XVI в. городскія поселенія здѣсь ограничивались Баромъ и Елтушковымъ, такъ какъ фундація

---

[1]) К. Ц. А. № 5510 f. 38 об.: подтвердит. грамота Сем. Мытку на часть ур. Rzepinkow 1613 г. и грамоты Лукѣ Мясковскому на части Гальчинецъ и Серебріи, Н. Гальчинцы, или Онушковцы, и Дерыгродъ, 1622 г.—рег.; текстъ въ Метр. Кор. варшав. № 168 f. 67 и № 170 f. 94.

[2]) К. Ц. А. № 5510 f. 42: разрѣшеніе Евѳиміи Кленовской на передачу Красноселки Радзиминскимъ (рег.); М. Кор. варшав. № 168 f. 101 v.: разрѣшеніе Яну Радомскому на передачу Левиковскому bona Wisiołek Nowosiełecki dictam Krasnosiołka in dist. Baren.

[3]) А. Б. с. II № с. 42—3 (Мытковцы и пр.); Żródła V р. 35 и люстр. 1665 f. 254—6 (Ярова, Присовка, Верховка, въ 1638 г. перешедшія отъ старосты Барскаго Конецпольскаго къ П. Верховскому).

Деражни не осуществилась. Теперь же—въ концѣ XVI в.—появляется Шаргородъ, разрѣшеніе на основаніе котораго было выдано въ 1579 г., но дѣйствительное заселеніе началось въ 1585 г. [1]); о немъ будемъ говорить ниже. Въ 1591 г. выдана грамота на фундацію мѣстечка въ Межировѣ, существовавшемъ еще раньше въ видѣ села. Въ 1600 г. король выдалъ грамоту на заселеніе Черемисы (Czeremissa), начатое за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Ст. Гольскимъ, и сообщилъ ему права Бара; эта фундація не осуществилась; которое изъ нѣсколькихъ селъ этого имени обязано своимъ возникновеніемъ Гольскому, не могу указать [2]). Гольскому же обязанъ своимъ возведеніемъ на степень мѣстечка Вербовецъ, получившій королевскую жалованную грамоту въ 1607 г. Жолкевскому также принадлежитъ основаніе двухъ мѣстечекъ: въ 1614 г. по его ходатайству Деражня получила грамоту на городское устройство, на этотъ разъ болѣе счастливую, чѣмъ первая фундація [3]). Одновременно онъ разрѣшилъ нѣкоему Стан. Требуховскому осаживать мѣстечко Домбровицу на Лядавѣ; въ 1615 г. выдана была королевская грамота, сообщавшая мѣстечку права г. Бара; впослѣдствіи оно называлось также Новымъ Баромъ или Баркомъ (теперь с. Барокъ на Лядавѣ, ниже Елтушкова) [4]). Наконецъ въ 1624 г. выдана была грамота на основаніе города Новогрода, „посполЬствомъ названнаго Копайгородомъ вслѣдствіе копанія ва-

---

[1]) А. Б. с. I № 140; Starożytna Polska III p. 228.

[2]) А. Б. с. I № 160—Межировъ, № 180—Черемиса; въ люстраціи 1615 г. есть село Czermieryszow, но жители его ссылались на пожалованіе Боны (1547 г.), а не жалованную грамоту 1600 г. (Źródła V p. 34).

[3]) А. Б. с. II № 6 (Вербовецъ), № 16 (Деражня).

[4]) А. Б. с. II № 17; въ К. Ц. А. № 3625 f. 34 обводъ границъ, произведенный Жолкевскимъ; Новымъ Баромъ (Nowy Barek) мѣстечко называется напр. въ корол. разрѣшеніи на передачу войтовства отъ Стан. Требуховскаго ротмистру Валеріану Влодку 1631 г.—Метр. Кор. варшав. № 178 f. 321.

ловъ“ [1]), устроеннаго Лукою Мясковскимъ на грунтахъ Гальчинецъ [2]).

Эти фундаціи городовъ, какъ ни были они подчасъ незначительны, все же являются въ извѣстной мѣрѣ доказательствомъ уплотненія населенія, потребности въ торговыхъ и промышленныхъ пунктахъ. Эти же города, главнымъ образомъ южные, какъ Шаргородъ, Копайгородъ, Домбровица, Вербовецъ, имѣли и другое значеніе—укрѣпленныхъ пунктовъ, замковъ, ограждавшихъ населеніе со стороны шляховъ татарскихъ, какъ это вообще было нераздѣльно связано съ понятіемъ города на Украинѣ [3]).

Послѣ ухода Претвича Барщинѣ пришлось не разъ потерпѣть довольно сильно отъ татарскихъ опустошеній. Благодаря люстраціямъ 1565 и 1570 г., мы можемъ составить себѣ довольно точное представленіе о нихъ. Въ 1558 г. былъ татарскій набѣгъ; въ качествѣ разоренныхъ селъ упоминаются: Кудыевцы, Щодрова, Сусловцы и Поповцы на Бугѣ; татары угнали въ полонъ много народа изъ Барщины, особенно женщинъ и дѣтей; московскому царю доносили, что крымскій царевичъ съ 20 тысячами, придя „безвѣстно“, разорилъ волости—Хмельницкую, Браславскую, Винницкую, Барскую, „и межю Барскую“, и вывелъ 40 тыс. въ полонъ, да еще съ дороги вернулъ десятитысячный отрядъ для грабежа. Затѣмъ вскользъ упоминается о набѣгѣ 1562 г. [4]). Въ 1564 г. татары два раза нападали на Барщину и произвели значительныя опустошенія (разорены были Маниковцы, Слободка, Межировъ, Голодки [5]). Жестоко пострадала Барщина въ 1567 г.: по показанію лю-

---

[1]) Метр. Кор. вар. № 181 f. 66 (фундація костела въ Копайгородѣ).

[2]) А. Б. с. II № 35.

[3]) Объ этомъ кое-что еще въ „Южнорусск. господар. замкахъ“ с. 5, ср. грамоты Шаргорода, Вербовца, Домбровицы и Копайгорода; въ грамотахъ Межирова и Деражни о военномъ значеніи нѣтъ рѣчи.

[4]) Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 237, 241, 265; А. Б. с. I с. 200—1558; Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 260—1562 г. Сборникъ русск. истор. общ. т. 59 с. 550 (вѣроятно, къ этому же нашествію относятся ibid. т. 71 с. 60 и 208 (1562—3 г.).

[5]) Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 218, 220, 230, 264.

страціи 1570 г., до тридцати село было разорено тогда [1]), притомъ въ разныхъ частяхъ староства, такъ что люстраторъ отмѣчаетъ не разоренныя села, словно исключеніе изъ общаго правила. Мелькомъ упоминается о разореніяхъ 1568 и 1569 г. (Маниковцы, Елтушковъ) [2]). Изъ этихъ извѣстій видно, что татарскіе набѣги по прежнему повторялись изъ года въ годъ, иногда по нѣскольку разъ на годъ (какъ въ 1564 г.), и стали снова опустошительными.

Для послѣдующаго времени мы не имѣемъ такихъ подробныхъ и спеціальныхъ извѣстій о Барщинѣ—они проскальзываютъ лишь по временамъ, случайно, въ грамотахъ и другихъ источникахъ (какъ переписка Жолкевскаго, мемуары Конецпольскаго и т. п.); въ современныхъ хроникахъ отмѣчены только важнѣйшія нападенія на Подолье—1573, 1575, 1577, 1582 г. [3]). Изъ грамотъ 1578 и 1581 г. узнаемъ, что Барское староство подвергалось постояннымъ нападеніямъ и разореніямъ со стороны татаръ; въ особенности пострадало оно въ 1577 г. [4]); въ другой грамотѣ упоминается, что староство подверглось сильному нападенію въ 1590 г. и т. п. Независимо отъ татаръ и ихъ союзниковъ—турокъ и волоховъ, большой переполохъ производили здѣсь въ 90-хъ г. козаки; особенно нагналъ шляхтѣ страху визитъ Наливайка: по словамъ Як. Претвича, „какой былъ страхъ, какъ люди куда-попало изъ домовъ своихъ убѣгали, того и описать нельзя“ [5]). Вообще жилось тревожно, сторожко. Во второй половинѣ XVI в. Баръ все еще

---

[1]) Слободка, Лука, Головчинцы, Каричинцы (оба села), Щодрова, Сусловцы, Поповцы, Деражни—всѣ четыре, Новосельцы, Крутибородинцы, Мукаровъ (?), Гармаки, Подарнава, Куриловцы, Яковле, Голодки, Волковинцы, Козяровцы, Шелеховъ, Елтухи, Черешневка, Мальчовцы (?), Яблоновка, Михоловцы и др.; въ Поповцахъ, по словамъ люстраціи, татары забрали до 500 душъ.

[2]) А. Б. с. I с. 233, 247.

[3]) Bielski p. 721, 753, 793, Dalszy ciąg p. 229, Stryjkowski II p. 420, 421, 426.

[4]) А. Б. с. I № 133, II R. 1581.

[5]) Bielski Dalszy ciąg p. 178, Żołkiewskiego Listy p. 59.

оставался первоклассною крѣпостью на окраинахъ: между Каменцомъ и Черкасами это былъ главный пунктъ обороны. Когда старый деревянный замокъ Боны обветшалъ, рѣшено было выстроить новый каменный; на постройку его былъ обращенъ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ ежегодный взносъ 1000 злот., который долженъ былъ получаться со столовыхъ имѣніи Барщины, переданныхъ теперь въ завѣдываніе старосты. Немалую тяготу пришлось понесть при этомъ и населенію: поборцы 1565 г. отмѣчаютъ, что вслѣдствіе постройки новаго замка населеніе разбѣгается отъ непомѣрнаго отягощенія. Новый замокъ былъ заложенъ по другую сторону города, около „Русскаго мѣста“; во время люстраціи 1565 г. только приступали къ постройкѣ, заготовили матерьялъ; когда постройка была закончена, я не знаю, но въ одной грамотѣ 1576 г. упоминается нѣкто Чагловскій—novae arcis Barensis notarius [1]). Сохранившіеся остатки даютъ достаточное представленіе о новомъ замкѣ; онъ выстроенъ надъ самимъ Ровомъ, мѣсто не возвышается надъ городомъ, и холмъ Черемисскаго Бара по прежнему вполнѣ господствуетъ надъ замкомъ. Форма замка—неправильный четыреугольникъ съ бастіонами по угламъ; длина 180 шаговъ, ширина 160; стѣны кладены изъ камня и краснаго кирпича.

Но если Барщина по старому жила на сторо́жѣ и часто страдала отъ разореній, она все таки уже не чувствовала себя выставленною на первый огонь. Колонизація уже не ограничивалась Побужемъ и верховьями Днѣстра, а спускалась къ самому Днѣстру, и Баръ съ конца XVI и особенно въ первой половинѣ XVII в. стоитъ уже во второй линіи укрѣпленій. Особенно важное значеніе имѣло заложеніе Шаргорода и колонизація старой Карч-

---

[1]) Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 128, 216, Żródła t. XIX p. 197, А. Б. с. II R. 1576. Въ грамотахъ 1578 и 1581 г. вопросъ объ арендной суммѣ, употреблявшейся на постройку замка, отлагается до сеймоваго рѣшенія (А. Б. с. I № 133, II R. 1581); въ 1613 г. эта сумма (1000 зл.) снова обращается на „прибудованье замка“ (Żródła p. 25), но тутъ могла рѣчь итти уже о ремонтѣ.

маровской волости; объ этомъ намъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ.

Выше было сказано, что Карчмаровская волость принадлежала Каменецкой каѳедрѣ, но не принося никакихъ доходовъ ей, лежала въ совершенномъ забросѣ. Въ 70-хъ годахъ XVI в. епископъ каменецкій Мартинъ Бялобржескій рѣшилъ промѣнять эти земли на что-либо болѣе доходное, такъ какъ Карчмаровская волость, какъ объясняетъ король при подтвержденіи промѣна, „давала слишкомъ малый доходъ, будучи расположена за Баромъ и открыта для вражескихъ нападеній, почему и населеніе въ ней было чрезвычайно малое и ненадежное, переходившее съ мѣста на мѣсто“ [1]). Какимъ именно образомъ произошелъ этотъ обмѣнъ, не совсѣмъ ясно. Мы имѣемъ мѣновую сдѣлку епископа съ королемъ 7/VII 1578 г., по которой епископъ получаетъ взамѣнъ Карчмаровской волости двѣ плебаніи—Замбровъ (въ землѣ Ломжинской) и Лосицы (въ землѣ Мельницкой, въ воев. Подляскомъ) и пребенду въ г. Равѣ [2]). Непосредственно затѣмъ Карчмаровская волость была пожалована королемъ пожизненно канцлеру Яну Замойскому, который, вѣроятно, и былъ настоящимъ иниціаторомъ упомянутаго обмѣна. Но не довольствуясь пожизненнымъ правомъ, онъ въ 1583 г. заключаетъ непосредственно съ тѣмъ же Бялобжескимъ новую сдѣлку, по которой епископъ съ капитуломъ промѣниваетъ уже ему Карчмаровскую волость на половину села Праги (теперешнее предмѣстье Варшавы), дѣдичное имѣніе Замойскаго, которое онъ въ томъ же 1583 г., едва ли не спеціально для каменецкаго епископа, пріобрѣлъ отъ шл. Яна Пражскаго. Эта сдѣлка затѣмъ была утверждена королемъ, во вниманіе того, что

---

[1]) Illa bona omnia exiguum admodum fructum redderent, eo quod sita ultra Barum hostibusque et praesertim tartarorum incursionibus ac infestationibus exposita, paucissimos habitatores et eos plerumque incertos et facile locum et mansionem mutantes haberent—М. Кор. варш. № 129 f. 401 v.

[2]) А. Б. с. I № 134.

она и для епископа выгодна и для государства важно заселеніе Карчмаровскихъ пустынь [1]). Такимъ образомъ Замойскій пріобрѣлъ дѣдичныя права на Карчмаровскую волость; была ли предшествовавшая сдѣлка короля просто кассирована, какъ недѣйствительная, или права государства на эти земли переуступлены были инымъ путемъ, не знаю; въ документѣ 1583 г. предшествующая сдѣлка вовсе игнорируется. Въ 1599 г. Замойскій взялъ подъ эти свои bona hereditaria „на выдеркафъ“ у Матвѣя Яблоновскаго 1000 злот.; въ 1605 г. послѣдній получилъ упомянутую сумму обратно и передалъ свои права Томашу, сыну Яна Замойскаго [2]).

Пріобрѣвъ Карчмаровскую волость, Замойскій очень энергично взялся за ея устройство; вѣроятно, его обѣщанія относительно заселенія и обороны этихъ земель съ самаго начала и побудили короля къ ихъ промѣну и пожалованію. Эта колонизаціонная дѣятельность Замойскаго составляетъ фактъ, часто вспоминаемый, гдѣ идетъ рѣчь о колонизаціонныхъ заслугахъ польскихъ землевладѣльцевъ; извѣстенъ одинъ изъ пунктовъ обвиненій противъ него, что онъ населялъ свои имѣнія бѣглецами и гулявами, предоставляя безопасный пріютъ даже убійцамъ и надѣляя слободы необычайными вольностями [3]). Но это значитъ только, что Замойскій широко открылъ двери тому массовому движенію народа на югъ, которое замѣчается въ это время по всей Украинѣ. Писавшимъ о немъ

---

[1]) Quod neque episcopo incommoda esset illa commutatio, ut qui majorem fructum ex concessis sibi bonis percepturus sit, quam ex vastis illis et desertis antea percipiebat, et reipublicae plurimum interesset ab iis vicina hostibus loca obtineri, qui ea cultiora et habitabilia reddere munitionibusque, versus hostiles ditiones excitatis et promotis, interiora regni tutiora facere possent—М. Кор. варш. № 129 f. 408. Впрочемъ еп. Пясецкій завелъ было въ XVII в. дѣло объ этомъ промѣнѣ, см. П R. 1634.

[2]) А. Б. с. I № 177, II R. 1605.

[3]) Фактъ этотъ приведенъ у Шайнохи—Dwa lata dziejów naszych (Szkice t. VIII p. 145) и оттуда перешелъ въ сочиненія dr. Antoni (Zameczki III p. 257), Кулиша Исторія возсоед. Руси (II p. 21).

оставалось неизвѣстнымъ, что явившись въ Карчмаровщину, Замойскій засталъ уже цѣлый рядъ займанщинъ туземныхъ шляхтичей, которые могли не хуже его заняться перехватываніемъ двигавшагося люда. Несомнѣнною колонизаціонною заслугою его была организація обороны. У впаденія въ Мурашку р. Колбасной, въ сосѣдствѣ старой Княжей Луки, заложилъ онъ крѣпкій по тому времени замокъ и около него осадилъ городъ, въ честь Флоріана Шараго, родоначальника Замойскихъ, названнаго Шаргородомъ. Какъ было указано, заселеніе началось съ 1585 г. Первоначальная грамота 1579 г. на основаніе города, какъ исходившая изъ мѣновой сдѣлки 1578 г., оказавшейся недѣйствительною, тоже, вѣроятно, считалась недѣйствительной, и настоящей фундаціей была грамота 1588 г., предоставлявшая важныя льготы городу: жители получали право торговать съ волохами, татарами и турками и развозить эти товары по всему королевству (черезъ Баръ) безпошлинно; для купцовъ турецкихъ и волосскихъ назначенъ былъ складъ [1]). Несмотря на разгромъ, учиненный въ Шаргородѣ козаками въ 1595 г., заселеніе города шло успѣшно, и Жолкевскій, объѣзжавшій днѣстровское побережье въ 1599 г., поручалъ его особенному вниманію Замойскаго: „Шаргородъ самъ ваша милость видѣлъ, но, вѣрно, меньшимъ теперешняго: большое поселеніе, нѣсколько сотъ домовъ; случилось быть на ярмаркѣ—какъ для перваго раза, не худая; купцевъ много, нѣкоторые изъ Могилева“. При этомъ онъ проситъ прислать огнестрѣльнаго оружія, особенно гаковницъ—сто или больше: „простой народъ видитъ въ томъ главное обезпеченіе, и заселеніе пойдетъ тѣмъ успѣшнѣе“. Нѣсколько вы-

---

[1]) А. Б. с. I № 140; Przezdziecki II p. 54; Starożytna Polska III p. 228—229 (здѣсь и содержаніе грамоты 1588 г.). По заявленію Анны Скиндеровны (А. Б. с. II R. 1617), Шаргородъ съ сосѣдними селами былъ заложенъ на грунтѣ Oleniszcze; это имя, вѣроятно, стоитъ въ связи съ прозвищемъ Якова Голененищовича, владѣльца Карачовой конца XV в. (Przezdziecki l. c.), и отсюда могло пойти мнѣніе, что Шаргородъ стоитъ на мѣстѣ Кн. Луки.

ше онъ передаетъ просьбу жителей „осадъ" той же Шаргородчины, чтобы Замойскій для обороны снабдилъ ихъ аммуниціею, оружіемъ, порохомъ, „чтобы они были спокойны относительно безопасности своихъ женъ, дѣтей и имущества" [1]). Средства обороны—единственная реальная услуга, которую могли оказать магнаты колонизаціи.

Для заселенія и обороны Замойскій воспользовался все тѣмъ же мѣстнымъ земянствомъ. Это было повтореніе, въ меньшемъ масштабѣ, того, что нѣсколько раньше произошло въ Барщинѣ, и для насъ съ этой стороны представляетъ особенный интересъ. Выше упоминалось, что пріобрѣвъ Карчмаровщину въ качествѣ пустыни, Замойскій засталъ туземныхъ земянъ, устроившихся здѣсь съ неизвѣстныхъ временъ, вѣроятно—въ гораздо большемъ количествѣ родовъ, чѣмъ мы теперь знаемъ. Одни, какъ Поповскіе, Гальчинскіе, успѣли обзавестись жалованными грамотами, которыя теперь оказывались выданными по ошибкѣ, ad erroneam informationem, другіе, о существованіи которыхъ мы поэтому можемъ только догадываться—безъ всякихъ документовъ. Получивъ Карчмаровщину, Замойскій немедленно принялся за этихъ владѣльцевъ займанщинъ. Гальчинскихъ и Поповскихъ ему не удалось выбить изъ владѣній: дѣло восходило къ королю, но ихъ только обязали повинностями на замокъ Шаргородскій (собственно это намъ документально извѣстно о Поповскихъ) [2]). Съ цѣлымъ рядомъ обывателей Замойскій, какъ я предполагаю, вошелъ въ особый компромиссъ; къ этой категоріи, по всей вѣроятности, относятся многіе изъ „шаргородскихъ земянъ" [3]), получившихъ отъ Замойскаго грамоты на владѣніе, но не на правѣ дѣдичномъ, а пожизненно или (рѣже) съ записью суммы [4]), при чемъ получившій пожалованіе при явкѣ грамоты въ земствѣ Каменецкомъ заявлялъ, что владѣетъ своимъ имѣніемъ *только* на основаніи пожалованія отъ Замойскаго и никакихъ

---

[1]) Listy Żołkiewskiego p. 97.

[2]) А. Б. с. I № 139, 146, 147, II № 39, R. 1606.

[3]) См. этотъ терминъ въ А. Б. с. I № 172.

[4]) А. Б. с. II R. 1596, 1597, 1599.

иныхъ правъ на него не имѣетъ [1]). Конечно, на этихъ условіяхъ потомъ могли получать земли и другіе колонисты, но едва ли вышеприведенная схема пожалованія не была изобрѣтена для „безправныхъ" владѣльцевъ земель, которыя Замойскій подводилъ подъ понятіе Карчмаровскихъ добръ. При тогдашнемъ неопредѣленномъ положеніи землевладѣнія въ Поднѣстровьѣ это понятіе можно было расширять очень удобно; сохранились жалобы туземцевъ на захваты Замойскаго [2]); имѣется впрочемъ нѣсколько указаній и на произведенные Замойскимъ выкупы земель у туземныхъ землевладѣльцевъ: такъ у Хорушковъ-Шелеховскихъ пріобрѣлъ онъ Княжу Луку и Жорновку или Долговцы (къ ю. отъ Копайгорода), у Кунатовскихъ выкупилъ Кунатовцы; неизвѣстно лишь на сколько добровольны были эти сдѣлки (особенно подозрительны извѣстія о Кунатовцахъ) [3]).

Путемъ раздачи земель, преимущественно туземцамъ, Замойскій пріобрѣталъ хорошій контингентъ замковыхъ слугъ, такъ какъ всѣ эти державцы были обязаны военною службою, съ другой стороны—находилъ въ нихъ помощниковъ по части заселенія шаргородскихъ пустынь. Эта мѣстность, оффиціально значившаяся пустынею въ 1583 г., въ видеркафовой записи 1599 г. [4])

---

[1]) А. Б. с. I № 152; подобнымъ же заявленіемъ сопровождаются явки прочихъ документовъ. Любопытно, что явка всѣхъ вообще документовъ, выданныхъ на протяженіи 1587—1598, послѣдовала въ 1598 г.; стояло ли это въ связи съ контрактомъ Замойскаго съ Яблоновскимъ, или была тутъ и иная причина, въ родѣ попытокъ „шаргородскихъ земянъ" обосновать свои права на владѣніе помимо пожалованій Замойскаго?

[2]) А. Б. с. II R. 1617; К. Ц. А. № 3619 f. 93: жалоба Мытковъ на захватъ и заселеніе Замойскимъ per violentam immissionem famulorum subditorumque.. fundum villae per tartaros devastatae Romanowcze (1599).

[3]) А. Б. с. II R. 1591, 1601 и 1604; съ продажею Кн. Луки любопытно сопоставить жалобу Хорушковъ на Замойскаго о насланьѣ слуги своего на грунта К. Луки и забраньѣ овецъ.—К. Ц. А. № 3636 f. 37 v.

[4]) А. Б. с. I № 177.

оказывается уже довольно густо засаженною поселеніями; любопытно, что огромное большинство ихъ—„села, которыми владѣютъ шляхтичи на основаніи пожалованій (Замойскаго) за отбываемыя повинности“: Карышковъ (Карышковскихъ, къ ю. в. отъ Копайгорода), Перепилчинцы (Перепилчинскихъ—тамъ же), Молчаны (Молчановъ—къ в. отъ Копайгорода), Поповцы (вѣроятно—теперешніе Грабовцы къ ю.-в. отъ Поповецъ, Ивана Грабовецкаго), Molbuszka (Торскихъ, мѣстность неизвѣстная), Ярышковъ, Выросла (Славскихъ, гдѣ-то на Мурашкѣ Поповской), Бѣловъ (Былины, гдѣ-то тамъ же), Степановцы (Карышковскихъ—теперь Степанки, къ ю. Копайгорода), Чоропова (на Дерлѣ, теперь Тропова—Рознятовскаго), Пасынково (Волковинскихъ—Пасенки къ с. отъ Шаргорода), Галышовъ (Очесальскаго, на Мурашкѣ, мѣстность неизвѣстная). Къ разряду не шляхетскихъ селъ въ упомянутой записи отнесены только: Качмазовъ, Лука (къ в. отъ Копайгорода), Заклинцы, Жорновка или Долговцы, Карачова Лука (которая однако была отдана Ивашку изъ Перепилчинецъ—не Ивашковцы ли, ок. Долговецъ?), Княжа Лука (отданная плебанату шаргородскому) и Кунатковцы и Лозова, села войтовства скиндеропольскаго, оба къ з. отъ Шаргорода [1]). Такимъ образомъ районъ непосредственной дѣятельности Замойскаго былъ здѣсь очень скроменъ, ограничиваясь Шаргородомъ и нѣсколькими селами, такъ какъ заселеніемъ Скиндерополя занимался мѣстный войтъ, губернаторъ шаргородскій Хржонстовскій. Это мѣстечко, осаженное на старомъ городищѣ, называвшемся Черневецами и принадлежавшемъ раньше браславскому земянину Бѣлому Скиндеру (отчего и Скиндерополь сталъ называться потомъ Черневцами), уже по лѣвой сторонѣ Морахвы, представлялъ въ

---

[1]) А. Б. с. I № 152—Пасынково, № 159 (ср. II № 10)—Карышковъ, № 169—Карачева Лука, 170—Поповцы, № 171 (ср. II № 15)—Молчаны, № 172—Перепилчинцы, № 173—Выросла, II R. 1596—Бѣловъ, R. 1597—Степановцы, R. 1598—Molbuszka, R. 1599—Тропова, R. 1614—Галышовъ. Качмазовъ въ это время въ документахъ называется городомъ см. напр. К. Ц. А. № 3636 f. 37 v.

1599 г. „гречную осаду“, по словамъ Жолкевскаго, хорошо заселенную [1]).

Колонизаціонное движеніе замѣчается и на остальномъ Поднѣстровьѣ. Обширныя владѣнія Язловецкаго, представлявшія сплошныя deserta въ полов. XVI в., начинають колонизоваться къ концу XVI в.; такъ въ поборовыхъ реестрахъ 2-ой пол. XVI в. показаны заселенными: Лядава, Михайловцы, Влайковцы, Олчидаевъ [2]). Изъ процессовъ о бѣглыхъ кметяхъ послѣднихъ годовъ XVI в. узнаемъ о заселеніи Лучинца, Долинянъ. Заселяются Юрковцы, Козловъ [3]). Въ 1-ой пол. XVII в. кмети бѣгаютъ въ Грушку, Серебрію, sive Agdaszow, Немію, Нагоряны, Ярышовъ, Борщовцы, Вендичаны, Хоньковцы, Бернашовку, Жванъ, Погорилу [4]). Волна народной колонизаціи снова достигла днѣстровскаго побережья, отъ котораго отхлынула было полтора вѣка назадъ.

Въ связи съ этими перемѣнами и въ значительной зависимости отъ нихъ, происходили измѣненія въ землевладѣніи и составѣ землевладѣльцевъ Барскаго староства. Усиленіе колонизаціи и большая безопасность привлекали все большее и большее количество польскихъ шляхтичей, на перебой передъ туземными земянами выпрашивавшими себѣ у короля королевщины. Вдобавокъ продолжительныя войны, веденныя Польшею въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII в., создали огромный контингентъ ветерановъ, имѣвшихъ право на вниманіе государства, и потому являвшихся опасными конкурентами для туземцевъ; когда барскими старостами стали гетманы, это нашествіе ветерановъ на Барское староство еще болѣе должно было усилиться. Съ другой стороны, улучшеніе оборонительныхъ средствъ края, особенно послѣ введенія кварця-

---

[1]) А. Б. с. I № 168, Żołkiewskiego Listy p. 97, ср. Археогр. сборн. виленск. I с. 126.

[2]) Żródła dz. t. XIX p. 200, 272, 283 и др.

[3]) К. Ц. А. № 3618 (1599) докум. № 41, 45, 46, 48, 436.

[4]) К. Ц. А. № 3633 (1639) № 432—450, № 3620 № 707 (Serebria).

наго войска, ближайшею задачею котораго было охраненіе Украины и Подолья отъ татаръ и турокъ [1]), располагало правительство менѣе дорожить onera vassallorum, отбываемыми туземнымъ земянствомъ. Въ результатѣ наблюдается постепенное вытѣсненіе туземнаго земянства пришлою шляхтою: то имѣнія отбираются у туземцевъ за неисполненіе повинностей и подъ другими предлогами; то передаются полякамъ, какъ выморочныя, по истеченіи доживотныхъ правъ, которыя теперь изрѣдка лишь возобновляются для наслѣдниковъ-туземцевъ. Поляки землевладѣльцы умножаются также благодаря раздачѣ старыхъ старостинскихъ и столовыхъ имѣній въ доживотное держанье, а туземный элементъ не могъ усиливаться черезъ заимку, которая стала уже немыслимою съ усиленіемъ колонизаціи и конкуренціи привиллегированныхъ donatariuszów. Ниже я подробнѣе еще остановлюсь на этомъ процессѣ, а теперь только отмѣчаю это явленіе. При Бонѣ и Гербортѣ было всего 2—4 поляка среди барскаго земянства; по люстраціи 1615 г., польскій элементъ уже взялъ перевѣсъ надъ туземнымъ: по моему счету, на 20 туземныхъ фамилій приходится 22 польскихъ, на 24 имѣнія туземцевъ 27 польскихъ; къ половинѣ XVII в. отношеніе это измѣнилось еще болѣе не въ пользу туземцевъ; ихъ осталось едва третья часть.

Параллельно съ этимъ замѣчается и нѣкоторое усиленіе католицизма. Какъ было упомянуто, Гольскій водворилъ in his oris, schismate refertis, доминиканъ [2]), а Жолкевскій—іезуитовъ; послѣдніе кромѣ того нашли себѣ покровителя въ Лукѣ Казимирѣ Мясковскомъ, основателѣ Копайгорода, владѣвшемъ значительными помѣстьями въ южной Барщинѣ; покровительствовалъ іезуитамъ и король Сигизмундъ. То куплею, то легаціями они пріобрѣли значительныя имѣнія, право на десятину со всѣхъ земель барскихъ и коморовскихъ, право патроната надъ костеломъ барскимъ [3]). Въ

---

[1]) Volum. leg. II p. 96 § 24, III p, 260 § 7.

[2]) А. Б. с. II № 7.

[3]) А. Б. с. II № 36, 38, 40, II R. 1616; К. Ц. А. № 3625 № 1056—8 (Метр. Кор. варшав. № 160 f. 154): право презенты и осво-

1612 г. плебанъ барскій поднялъ дѣло о десятинѣ, которую мѣщане Русскаго и Чемерисскаго Бара по эрекціи Боны 1555 г. должны были платить наравнѣ съ католиками, и которой мѣщане эти никогда не платили. Объ этомъ еще въ 1588 г. завелъ было процессъ плебанъ Водзицкій, но онъ, кажется, заглохъ на первой контумаціи. На этотъ разъ, въ 1618 г., процессъ былъ плебаномъ выигранъ, хотя плебанія, какъ кажется, долго не могла добиться его исполненія; еще въ 1623 г. дѣло объ этихъ претензіяхъ разбиралось въ ассессорскомъ судѣ [1]). Въ люстраціи 1615 г. сохранилось содержаніе любопытной инструкціи, данной барскому рѣзницкому цеху Жолкевскимъ и утвержденной королемъ въ 1615 г.: одна изъ статей ея постановляетъ, что цехмистръ не можетъ быть „russkiej religii“ [2]).

божденіе отъ податей и свѣтской юрисдикціи пріобрѣтенныхъ коллегіею домовъ въ Барѣ; ibid. № 5281 f. 952: запись Мясковскаго на Семяковцы и Кужелеву 1634 г.

[1]) А. Б. с. II № 23; Assessoria vetera варшав. № 41 f. 141 v., № 82 f. 259.

[2]) Żródła V p. 41.

IV.

Мѣстное управленіе и шляхетское землевладѣніе въ польской Украинѣ въ XIV—XV в.

Представивъ очеркъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ жило Барское староство до половины XVII в., мы должны перейти къ изученію его организаціи и общественныхъ отношеній. Для XV в. данныя по этимъ вопросамъ относительно Ровщины очень скудны, совершенно почти отсутствуютъ; между тѣмъ изученіе устройства болѣе ранняго времени существенно необходимо для уразумѣнія данныхъ, представляемыхъ XVI вѣкомъ. Недостатокъ этотъ до нѣкоторой степени можетъ быть возмѣщенъ изученіемъ данныхъ о Подольѣ вообще, а также Галичинѣ, въ виду того, что къ этой области раньше были приложены принципы польскаго государственнаго права, и выработанныя здѣсь нормы прилагались затѣмъ къ Подолью. Экскурсы въ сферы общественнаго строя и управленія этихъ земель въ XV в., которые мы предпримемъ, не будутъ чуждыми цѣли, поставленной настоящей работѣ, такъ какъ и Барское староство интересуетъ насъ главнымъ образомъ по стольку, по скольку свѣдѣнія о немъ даютъ матеріалъ для изученія болѣе общихъ явленій общественнаго строя польской Украины.

Древнѣйшія документальныя данныя по вопросу объ организаціи управленія въ Подольской землѣ мы находимъ въ четырехъ грамотахъ Коріатовичей. Здѣсь, въ видѣ свидѣтелей при выдачѣ грамотъ, находимъ мы урядниковъ земли: на жалованной грамотѣ

г. Каменцу 1374 г.—воеводъ каменецкаго, смотричскаго и червоногродскаго, на грамотѣ 1375 г. доминиканамъ смотричскимъ—старосту подольскаго и воеводу смотричскаго. Затѣмъ въ той же грамотѣ 1374 г. имѣемъ нѣкоторыя указанія на функціи чиновниковъ: устанавливая для мѣщанъ самостоятельный судъ, князья запрещаютъ вмѣшиваться въ него воеводѣ; въ случаѣ гяжбы боярина, княжьяго служебника или земянина съ мѣщаниномъ, устанавливается смѣсной судъ воеводы съ войтомъ; вину съ княжскихъ людей получаетъ воевода, а съ мѣщанъ войтъ; войтъ и мѣщане наравнѣ съ воеводою, боярами и дворянами должны быть вѣрными помощниками князя „во всякаго рода дѣлахъ.“ Жалованная грамота Немирѣ 1388 г., оставляя за нимъ судъ надъ своими людьми, предоставляетъ въ затруднительныхъ случаяхъ обращаться къ суду княжескому, „албо до нашего воеводы“, но „никоторый“ воевода не долженъ „уступатися у Немирины люде, ани кого на его люди слати“. Подобныя постановленія находимъ и въ грамотѣ Бедрышку 1392 г.: „никакому воеводѣ не вступаться до Бедрышковыхъ людей, только самому Бедрышку, потому что то его люди“ [1]).

---

[1]) Изъ этихъ документовъ грамота 1375 г. имѣется въ оригиналѣ, подлинность котораго заподозрѣвалъ Стадницкій (Synowie I p. 158), но безъ достаточныхъ основаній (разборъ его доводовъ см. у г. Молчановскаго Очеркъ с. 219 сл.). Грамота 1375 г. сохранилось въ польскомъ переводѣ въ книгѣ ревизіи правъ Подольской земли 1564 г., куда, по обыкновенію, внесена съ нѣкоторыми сокращеніями, въ томъ числѣ и перечень свидѣтелей опущенъ (Пшездзецкій—Podole I p. 140—издалъ ее по выписи 1780 г. Каменецкаго магистрата, въ общемъ вѣрной съ подлинникомъ, какъ я убѣдился, сличивъ съ имѣющейся у меня копіею изъ упомянутой ревизіи—Корон. Метр. москов. IV B № 17 f. 44; по списку 1564 г. издалъ ее и проф. Бершадскій въ своемъ, еще не выпущенномъ, сборникѣ документовъ по исторіи в. кн. Литовскаго); перечень свидѣтелей имѣется въ копіи Каменецкаго магистрата, изданной г. Молчановскимъ (с. 208—9). Грамота 1388 г. издана г. Филевичемъ въ Варшав. Ун. Изв. (1893, III) по копіи изъ портфелей Нарушевича,

Изъ этихъ небогатыхъ данныхъ явствуетъ, что при Коріатовичахъ въ главныхъ городахъ Подолья, какъ Каменецъ, Смотричъ, Червоногродъ, сидѣли воеводы, имѣвшіе власть судебную и административную (агенты князя „во всякаго рода дѣлахъ“). Рядомъ съ ними является староста подольскій—одинъ на всю землю, очевидно—чиновникъ высшій сравнительно съ воеводою (впереди котораго онъ и поставленъ при перечнѣ свидѣтелей). Что появленіе старосты не устранило воеводъ, не лишило ихъ прежнихъ функцій, показываетъ присутствіе смотричскаго воеводы при старостѣ и указанія на воеводскую юрисдикцію въ позднѣйшихъ грамотахъ 1388 и 1392 г.; очевидно, староста существовалъ одновременно съ воеводами, какъ представитель всей земли съ областными чиновниками.

Эта схема—сочетаніе воеводскихъ урядовъ со старостинскимъ, какъ высшимъ, настолько характерна, что сразу указываетъ намъ, куда мы должны обратиться за разъясненіями и аналогіями по этому вопросу. Урядъ воеводы, какъ низшаго, сравнительно со старостою, административнаго чиновника, позже его помощника, составляетъ характеристическую особенность переходного періода въ организаціи Галицкой Руси, въ промежутокъ между завоеваніемъ ея Казимиромъ и введеніемъ чисто польской земской организаціи во 2-й четверти XV в. Въ послѣднее время можно уже составить

списанной z originału pargaminowego (ibid. II с. 3). Грамота 1392 г., въ подтвержденіи 1567 г., приведена въ ревизіи 1615 г. (въ Źródła V p. 21). Не входя въ доказательства подлинности грамотъ, замѣчу лишь, что указанія ихъ по вопросу объ органахъ управленія отличаются чрезвычайнымъ правдоподобіемъ, взаимно восполняя другъ друга и согласуясь съ старымъ строемъ Галицкой Руси. Для XVI в. эти формы управленія были такимъ архаизмомъ, что отнести ихъ на счетъ домысла фальсификаторовъ едва ли возможно. Другія грамоты Коріатовичей, именно привилегіи кн. Александра и Константина краковскимъ купцамъ (Codex diplom. civ. Cracov. I № 47 и 60), выданы въ Краковѣ и не даютъ ничего для разсматриваемаго вопроса.

себѣ нѣкоторое представленіе объ этой организаціи, благодаря опубликованію значительнаго документальнаго матеріала, въ особенности благодаря изданію древнѣйшихъ актовыхъ книгъ Галицкой Руси (изъ нихъ книги саноцкія захватываютъ и переходной періодъ на протяженіи 12 лѣтъ) и вызванной ими небольшой литературѣ [1]). Но для уясненія особенностей управленія галицкаго и подольскаго предварительно вкратцѣ напомнимъ схему современнаго чисто-польскаго управленія и суда.

Середина XIV в., когда начинается дѣйствіе польскаго права въ земляхъ русскихъ, составляетъ весьма важную эпоху въ исторіи польскихъ учрежденій: это время развитія новаго института, замѣщавшаго собою уже отживавшіе и обезсиленные административные органы и затѣмъ до конца Рѣчи-посполитой составлявшаго первооснову ея административнаго механизма—разумѣю старостинскую власть.

Насколько хватаетъ скудныхъ наличныхъ свѣдѣній, древнѣйшую административную единицу въ Польшѣ составляло т. н. ополье (vicinia)—группа поселковъ, соотвѣтствующая нашей верви [2]); комплексъ опольевъ, тяготѣвшихъ къ центральному княжьему замку или гроду (castrum), составлялъ административный округъ, во главѣ котораго стоялъ княжескій чиновникъ: въ болѣе раннихъ памятникахъ онъ называется графомъ, а съ XIII в. за нимъ утверждается имя каштеляна, а за округомъ—каштеляніи [3]). Каш-

---

[1]) Разумѣю главнымъ образомъ статью Лиске въ предисловіи къ т. XI Akta grodzkie i ziemskie и вызванную ею литературу: статью Губе о червонорусскомъ судоустройствѣ (Wyrok lwowski r. 1421), отвѣтную статью Лиске (Kilka uwag o sądownictwie czerwonoruskiem—Kwartalnik Historyczny 1888, III) и рецензію т. Линниченка на статью Губе (Критическій обзоръ новѣйш. литерат. по исторіи Галицкой Руси—Ж. М. Н. П. 1891 № 7), выводы которой вошли и въ новое его изслѣдованіе.

[2]) Объ опольѣ см. особенно у Смольки Mieszko Stary p. 124 sq. и Винавера—Изслѣдов. памятн. польск. обычн. права с. 98 и 103 сл.

[3]) О каштелянахъ см. особенно у Смольки op. с. 118 сл.; весьма вѣроятно, что туземное имя каштеляна было жупанъ, ср. Kod. Mało-

телянъ соединялъ въ своихъ рукахъ всѣ функціи тогдашняго управленія, и эта полнота административной власти его отразилась въ титулѣ—pan, который до позднѣйшаго времени par excellence прилагался къ каштеляну. Онъ предводительствовалъ во время войны ополченіемъ округа, заботился объ охраненіи спокойствія во время мира, отправлялъ судъ и собиралъ княжескіе доходы. Изъ подчиненныхъ ему чиновниковъ грода для насъ интересенъ судья—judex или judex castri; неизвѣстно—существовалъ ли онъ повсемѣстно. Не выясненными остаются и предѣлы каштелянской юрисдикціи и ея отношеніе къ княжьему суду. Въ административномъ отношеніи каштелянъ подчинялся непосредственно князю и его замѣстителю во всѣхъ функціяхъ, старѣйшему сановнику земли—воеводѣ.

Дальнѣйшее развитіе администрація получаетъ съ раздѣленіемъ Польши (въ пол. XII в.) на удѣлы. Каждый изъ нихъ организуется самостоятельно: имѣетъ свой штатъ придворныхъ чиновниковъ (позднѣйшіе земскіе дигнитаріи), свой надворный судъ, своего воеводу. Съ прекращеніемъ удѣльныхъ князей не исчезаетъ это устройство: каждая земля по прежнему обладаетъ полною системою учрежденій, при посредствѣ которыхъ осуществляетъ въ ней свои верховныя права князь. Во главѣ земли стоитъ воевода, какъ замѣститель князя, предсѣдательствующій на земскихъ вѣчахъ, состоящихъ изъ сановниковъ земли и составляющихъ высшую судебную инстанцію. Онъ же является предводителемъ военныхъ силъ земли. Надворный судъ превращается въ судъ земскій; онъ состоитъ изъ судьи и подсудка, отправляющихъ судъ поочередно въ опредѣленныя сессіи въ назначенныхъ гродахъ; суду ихъ преимущественно подлежатъ гражданскіе иски шляхты. Уголовная юрисдикція, равно и исполнительная власть, составляла принадлежность каштеляновъ, но каштелянская власть совершенно ослабѣла съ XIII в., въ особенности благодаря изъятіямъ изъ подъ

---

polski I p. 53 (1257): ad ducem, palatinum, castellanum, iudicem vel quemcunque alium supanum vel beneficiatum. Кодексъ обычнаго права XIII в. называетъ его burggraf—Starod. prawa pol. pomniki II p. 28.

ея присуда. Съ одной стороны, отъ каштелянской юрисдикціи (a citatione castri) освобождались и подчинялись непосредственному суду князя привилегированные духовные и свѣтскіе владѣльцы, „подданные" которыхъ также подлежали лишь суду своего помѣщика и—въ высшей инстанціи—суду князя. Съ другой стороны изымались отъ всякой юрисдикціи—ab omnibus judiciis palatinorum, castellanorum, judicum et subjudicum et omni jurisdictione ipsorum—всѣ общины, получавшія нѣмецкое право. Если принять во вниманіе, какое огромное распространеніе получило въ Польшѣ XIII в. нѣмецкое право, и какъ развились одновременно шляхетскія привилегіи [1]), то будетъ ясно, насколько ослабѣло значеніе прежнихъ административныхъ органовъ.

Упадокъ исполнительной и судебной власти, а также то обстоятельство, что прежніе княжескіе чиновники—воеводы, каштеляны, судьи—превратились въ земскихъ, стали представителями земли или точнѣе—мѣстнаго шляхетства по отношенію къ князю или королю, приводили королей къ мысли о созданіи новаго института, который, обладая широкою и энергическою властью, стоялъ бы въ непосредственной зависимости отъ короля; такимъ органомъ являются старосты.

Вопросъ о происхожденіи старостинской власти доселѣ остается невыясненнымъ. Впервые старосты появляются въ правленіе Вацлава, въ послѣднихъ годахъ XIII в. [2]), но должность эта, хотя и въ иномъ видѣ, не была совершенной новостью. Такъ уже въ кодексѣ обычнаго права XIII в. встрѣчается, рядомъ съ влодаремъ, „староста, т. е. почетнѣйшій (edilste) въ селѣ" [3]). Встрѣ-

[1]) Достаточно взглянуть на реестръ жалованныхъ грамотъ шляхтѣ на земли у Пѣкосинскаго—O dynastycznem szlachty polskiej pochodzeniu, чтобы составить себѣ представленіе о размѣрахъ этого явленія.

[2]) Древнѣйшія упоминанія о старостахъ, какія мнѣ извѣстны, относятся къ 1292 (дата впрочемъ гипотетичная) и 1294 г. (Kodex malopolski II p. 186 и 195—старосты краковскіе).

[3]) Starodawne prawa polsk. pomniki II p. 16; г. Кентржинскій сравниваетъ его съ солтысомъ (см. у Винавера с. 106).

чающееся въ XIV в. сопоставленіе и отождествленіе старостъ съ прокураторами—управителями княжьихъ имѣній и сборщиками доходовъ [1]), позволяетъ предполагать, что старосты первоначально были фискальными чиновниками [2]), тѣмъ болѣе, что это даетъ возможность объяснить, какимъ образомъ позже имя старосты одинаково прилагалось къ старостамъ т. н. гродовымъ и къ простымъ державцамъ или арендаторамъ королевскихъ имѣній, несмотря на строгое разграниченіе этихъ званій у позднѣйшихъ польскихъ юристовъ. Но во всякомъ случаѣ старосты времени Вацлава представляютъ если не вовсе новый, то весьма видоизмѣненный институтъ; это намѣстники короля въ обширныхъ областяхъ, какъ Малая Польша, Куявы и Поморье, Великая Польша, съ весьма широкими полномочіями. При Владиславѣ Локеткѣ и Казимирѣ должность эта сохраняется и получаетъ дальнѣйшее развитіе. Наиболѣе сохранилась властная роль Вацлавовскихъ старостъ за старостою великопольскимъ, который стоялъ выше воеводъ и даже архіепископа, предсѣдательствовалъ на вѣчахъ и представлялъ собою всю полноту королевской власти. Въ общемъ же количество старостъ умножается—появляются старосты въ отдѣльныхъ земляхъ, какъ напр. въ Краковѣ, Сендомирѣ, Сѣрадзи, Добринѣ, Ленчицѣ, позже еще въ меньшихъ округахъ [3]). Они являются представителями королевской власти (brachium regale), охра-

---

1) Такъ въ уставѣ Казимира В. о староствахъ (Starod. pomn. I p. 226): nullus capitaneorum sive procuratorum..; omnes proventus, qui vulgariter nuncupantur berne, capitanei, procuratores omnium tenutarum debent reservari..., rex veniet visitando suos capitaneos ac procuratores, tunc idem tenutarii... Объ этомъ см. еще у Павинскаго въ Отчетѣ о 13 присужд. премій Уварова с. 66 сл.

2) См. у Павинскаго въ Отчетѣ о 13 присужд. Уваров. премій с. 66—7.

3) Старосты эти отчасти перечислены въ упомянутомъ уставѣ Казимира: capitaneorum sive procuratorum, vedelicet in terra Cracoviensi, Sandomiriensi, Syradiensi, Lanciciensi, Cuyawiensi, Dobrinensi, Russiae.

нителями права и общественнаго спокойствія отъ всякаго рода насилій; отсюда функціи исполнительной власти по отношенію къ прочимъ судебнымъ инстанціямъ, полицейскаго надзора, юрисдикція надъ нарушителями общественнаго спокойствія, наконецъ—юрисдикція надъ населеніемъ не шляхетскимъ и вообще не подлежавшимъ вѣдѣнію земскихъ судовъ (какъ мѣщане, крестьяне, неоселые шляхтичи и т. п.) [1]). Въ половинѣ XIV в. роль старостъ впрочемъ еще не вполнѣ опредѣлилась. Въ статутѣ малопольскомъ Казимира В. еще въ силѣ остается уголовная юрисдикція каштеляновъ; воевода также имѣетъ своего судью (компетенціи котораго неизвѣстны); о старостинской юрисдикціи нѣтъ рѣчи [2]). Въ статутѣ великопольскомъ староста выступаетъ часто, какъ институтъ уже хорошо извѣстный, какъ alter ego короля [3]). Къ концу XIV в. юрисдикція старосты уже болѣе или менѣе прочно опредѣляется: такъ въ постановленіяхъ сѣрадзкой шляхты 1399 г. [4]), запрещающихъ передавать на судъ старосты имущественные иски, за старостою признается, какъ нѣчто установившееся, юрисдикція въ т. н. четырехъ гродскихъ артикулахъ (quatuor articuli castrenses) т. е. о насиліи, грабежѣ на большой дорогѣ, поджогѣ и нападеніи на домъ.

Такимъ образомъ съ конца XIV в. схема провинціальнаго устройства приблизительно такова: во главѣ земли стоитъ воевода; онъ предсѣдательствуетъ на вѣчѣ (почему вѣчевые суды позже иногда называются воеводскими) [5]), предводительствуетъ земскимъ ополченіемъ и сохраняетъ нѣкоторые судебно-полицейскія функціи, какъ воспоминаніе о первоначальной своей роли—замѣстителя князя въ землѣ. Каштеляны съ развитіемъ старостинскихъ

---

[1]) О юрисдикціи старостъ см. у Губе—Sądy, ich praktyka w Polsce ku schyłku XIV w. p. 336 sq.

[2]) Вислицкій статутъ въ изд. Губе (Ustawodawstwo Kazimierza W.) § 2, 19, 21, 108.

[3]) Великопольск. статутъ ibid. § 6, 7, 11, 19, 33.

[4]) См. у Губе Sądy, dod. p. 61—62; cp. Volumina legum I p. 34.

[5]) Balzer—Geneza trybunału koronnego p. 18—19.

компетенцій постепенно утрачиваютъ свою уголовную юрисдикцію и исполнительную власть, и за ними остается лишь сборъ ополченія. Центръ тяжести въ сферѣ администраціи лежалъ на старостѣ, которому кромѣ исполнительной и полицейской власти принадлежало еще и управленіе королевщинами. Въ сферѣ судоустройства видимъ двойственность: функціонируютъ параллельно суды земскіе и гродскіе, иногда конкурируя между собою, такъ какъ юрисдикціи ихъ теоретически довольно трудно разграничить. Судъ земскій, состоявшій изъ судьи, подсудка и писаря, назначаемыхъ королемъ изъ четырехъ кандидатовъ, избираемыхъ шляхтою на каждую должность, и засѣдавшихъ съ ассессорами (число шесть было нормальнымъ для судовъ земскихъ и гродскихъ), составлялъ низшую инстанцію по отношенію къ вѣчу, состоявшему изъ земскихъ урядниковъ, подъ предсѣдательствомъ воеводы (въ М. Польшѣ) или старосты (въ В. Польшѣ). Юрисдикціи ихъ подлежали тяжбы гражданскія и уголовныя шляхтичей или съ шляхтичемъ (forum rei), при чемъ менѣе важныя разрѣшались въ судѣ земскомъ (termini particulares, judicium terrestre), болѣе важныя передавались изъ суда земскаго или прямо поступали—на судъ вѣча (wiecze, colloquium generale, termini generales, summi). Судъ гродскій (judicium capitaneale, castrense) состоялъ изъ старосты, гродскаго судьи (судившаго въ отсутствіе старосты) и писаря; о юрисдикціи старосты мы говорили уже; нужно присовокупить, что, какъ видно изъ судебной практики, въ гродскомъ судѣ разбирались и менѣе важныя гражданскія тяжбы шляхтичей; кромѣ того въ гродѣ, какъ и земствѣ, происходила явка всякаго рода сдѣлокъ [1]).

Если сравнить эту схему съ устройствомъ Галицкой Руси въ переходной періодъ, періодъ „русскаго права“, tempore juris ruthenicalis, какъ выражались иногда потомъ [2]), мы замѣтимъ рѣз-

---

[1]) См. актовый матеріалъ, собранный у Губе—Sądy p. 290 sq.

[2]) A. G. Z. XI № 1445.

кія отличія. До введенія польскаго строя въ 1435 г., въ Галичинѣ уряды сенаторскіе (воеводы, каштеляна [1])), и уряды земскіе (войскаго, ловчаго и пр.) не существовали вовсе; только подкоморій появляется раньше, съ 20-хъ годовъ XV в., и то, кажется, одинъ на всѣ земли [2]). Во главѣ управленія стоитъ староста львовскій, носящій титулъ старосты русскаго [3]), позже генеральнаго старосты, подобно старостѣ великопольскому и позднѣйшему—подольскому. Быть можетъ, нѣкоторое время онъ былъ единственнымъ въ краѣ, хотя весьма рано появляется отдѣльный староста въ землѣ Саноцкой [4]), потомъ Перемышльской, Галицкой [5]), а затѣмъ, особенно въ XV в., и въ повѣтахъ: до введенія польскаго права извѣстны старосты еще въ Самборѣ, Теребовлѣ, Любачовѣ, Жидачовѣ [6]). Въ какомъ отношеніи стояли старосты земель и повѣтовъ къ генеральному старостѣ, вопросъ довольно темный; изъ сохранившихся документовъ видно, что юрисдикція старосты львовскаго простиралось и на другія земли; такъ имѣется цѣлый рядъ документовъ, гдѣ онъ функціонируетъ въ землѣ Перемышльской [7]). Изъ позднѣйшаго времени (1445 г.) мы имѣемъ любопытный споръ: истецъ, обжаловавъ старосту галицкаго въ гродѣ львовскомъ, доказывалъ, что староста львовскій выше старосты галицкаго, потому что послѣдній есть староста только Галицкаго повѣта, а львовскій есть генеральный староста русскій [8]). Это можетъ дѣйствительно служить

---

1) Каштеляны встрѣчаются въ періодъ венгерскаго верховенства (A. G. Z. II p. 11—2, 19, V p. 10), но это не каштеляны польскаго права.

2) Напр. III p. 195, VII p. 69; ср. Лиске въ предисл. XI т. p. 12.

3) Древнѣйшее упоминаніе о немъ, насколько мнѣ извѣстно, относится въ 1352 г.—A. G. Z. II p. 2 (Abracham capitaneo Russiae).

4) Упоминается въ томъ же 1352 г.—A. G. Z. VIII p. 2.

5) Перемышльскій—A. G. Z. II p. 8 (1375), галицкій и снятинскій—Акты Ю. и З. Рос. I p. 3 (1398).

6) A. G. Z. II p. 63, IV p. 76, Акты Ю. З. Р. I с. 9 Źródła X p. 156.

7) См. особенно A. G. Z. III p. 194, 196; очень любопытенъ также документъ ib. VI p. 1, хотя выданный въ исключительныхъ условіяхъ.

8) Maior districtus est hic Leopoliensis, quam Haliciensis, quia d.

подтвержденіемъ нѣкоторыхъ преимуществъ генеральнаго старосты передъ прочимъ.

До появленія особыхъ старостъ въ отдѣльныхъ земляхъ—этими землями, а также болѣе мелкими округами (districtus, ambitus) управляли воеводы, называемые также воеводами гродскими (woiewoda или palatinus castri, castrensis), для отличія отъ которыхъ настоящій воевода—русскій—назывался иногда земскимъ (palatinus terrestris) [1]. Воеводъ этихъ встрѣчаемъ со временъ Казимира и позже въ центральныхъ городахъ земель—Львовѣ, Санокѣ, Галичѣ, Перемышлѣ [2], и въ городахъ повѣтовыхъ, какъ Любачевъ, Городокъ, Снятинъ, Жидачевъ [3]. Большею частью въ нашихъ документахъ они выступаютъ при старостѣ, въ качествѣ ассессоровъ и свидѣтелей на документахъ, но сохранились документы, гдѣ они являются и въ самостоятельной роли, какъ судебная инстанція. Несомнѣнно, они подчинялись старостѣ, сначала, до появленія старостъ во всѣхъ земляхъ—старостѣ генеральному, потомъ старостѣ земли; обратившись въ старостинскаго чиновника, воевода, по мѣрѣ умноженія старостъ въ Галичинѣ и появленіи ихъ все въ меньшихъ округахъ, также спускался по іерархической лѣстницѣ, и въ XV в. мы находимъ воеводъ въ мелкихъ, даже частновладѣльческихъ замкахъ и селахъ [4]; въ поль-

---

pallatinus (Одровонжъ, староста львовскій) scribit se tytulo: capitaneus terre Russiae generalis, et solus est capitaneus dominus Parawa (староста галицкій)—A. G. Z. XIV № 1443; ср. предисл. p. 11.

[1]) A. G. Z. XI № 2098.

[2]) A. G. Z. II p. 19, III p. 48, VII p. 16, VIII p. 5.

[3]) A. G. Z. II p. 19, III p. 165, Акты Ю. и З. Р. I с. 3.

[4]) Еще въ дореформенный періодъ находимъ воеводъ въ частновладѣльческихъ городахъ, какъ Язловецъ, Ярославъ—A. G. Z. V p. 20, 31, Archiwum Sanguszków II № 126; Лиске (предисл. т. XIII p. 11) догадывается впрочемъ, что Ярославъ былъ первоначально королевщиною. Въ пореформенный періодъ встрѣчаются воеводы въ совсѣмъ незначительныхъ поселеньяхъ, см. Лиске Kilka uwag p. 391.

ской административной схемѣ, съ введеніемъ старостъ, онъ приравнивается къ подстаростѣ или бургграбію. О низшихъ судебно-административныхъ чиновникахъ не буду говорить, потому что свѣдѣнія о нихъ за переходной періодъ скудны и намъ для спеціальной нашей цѣли не пригодятся.

Что касается судоустройства, то за описываемый періодъ въ Галичинѣ не существуетъ двойственности въ системѣ судовъ—земскихъ и гродскихъ, какъ то было въ Польшѣ. Высшею инстанціею въ землѣ былъ судъ старосты, юрисдикція котораго простиралась безразлично на дѣла, подлежавшія и суду гродскому, и земскому, уголовныя и гражданскія, шляхтичей и не шляхтичей [1]). Низшую инстанцію сравнительно съ судомъ старосты составлялъ судъ воеводы; какъ видно изъ немногихъ сохранившихся документовъ, его юрисдикціи подлежали также дѣла уголовныя и гражданскія, въ томъ числѣ и поземельныя (causae haereditariae), т. е. особенно важныя по польскому праву [2]). Вопросъ объ отношеніи суда воеводы къ суду старосты еще не выясненъ; всѣ документы, въ которыхъ воевода выступаетъ самостоятельно, относятся къ городамъ, имѣвшимъ своихъ старостъ, и проф. Лиске, основываясь на практикѣ Саноцкаго суда 1423—35 г., гдѣ воевода является лишь

---

[1]) Классическое т. ск. мѣсто по этому вопросу въ A. G. Z. XI № 1445: nob. Nicolaus de Tarnawa.. obtulit literam dotis et dotalicii suae consortis, tempore mag. d. Wirzbyanta, capitanei protunc sanocensis, scriptam suoque sigillo sigillatam (1412 г.), quia tempore iuris ruthenicalis erat moris inscripciones facere coram capitaneis pro causis quibuscunque. Важно также указанное Лиске (XI р. 9) королевское рѣшеніе въ Starod. p.p. pomniki VII p. 595 (1415). Сводъ данныхъ о юрисдикціи старосты см. у Губе Wyrok p. 22. Изъ записей дореформеннаго Саноцкаго суда видно, что здѣсь совершались всевозможные контракты и записи (продажныя, заставныя, вѣновыя, долговыя и т. п.), разсматривались дѣла гражданскія и уголовныя (насилія, раны, убійства, кражи, безчестія).

[2]) Относящіяся сюда мѣста сведены у Губе с. 16—A. G. Z. III p. 107, 166, VIII p. 25, IX p. 39.

замѣстителемъ старосты, назначаемымъ имъ самимъ, иногда изъ числа своихъ служебниковъ (familiares), отрицаетъ существованіе отдѣльнаго воеводскаго суда рядомъ съ старостинскимъ, принимая, что воевода въ старостинскихъ судахъ вездѣ выступаетъ лишь замѣстителемъ старосты; между тѣмъ какъ Губе допускалъ существованіе самостоятельнаго суда воеводы, конкурирующаго со старостинскимъ [1]). Такъ какъ должность воеводы не всегда только сопровождала старостинскую, а существовала и самостоятельно, то слѣдуетъ допустить существованіе отдѣльнаго суда воеводы, который въ старостинскихъ гродахъ затѣмъ дѣйствительно вполнѣ слилися съ судомъ старосты, такъ что воевода являлся лишь замѣстителемъ послѣдняго [2]); тамъ же, гдѣ не было старосты, функціонировалъ воеводскій судъ самостоятельно.

Третьимъ урядникомъ, входившимъ въ составъ суда, былъ судья. Судьи эти встрѣчаются также еще въ XIV в.: они извѣстны во всѣхъ главныхъ городахъ—Санокѣ, Перемышлѣ, Львовѣ, Галичѣ [3]); выступаютъ они въ качествѣ свидѣтелей на актахъ и старостинскихъ и воеводскихъ; это объясняется сліяніемъ, какъ мы говорили, суда воеводскаго со старостинскимъ.

Роли этихъ трехъ урядниковъ извѣстны болѣе или менѣе изъ практики Саноцкаго суда: юрисдикція принадлежала собственно старостѣ; онъ, очевидно, руководитъ процессомъ, и къ нему обращаются при судоговореніи тяжущіеся. Въ его отсутствіе засѣдаетъ воевода (или его замѣститель—подвоевода) или подстароста [4]); какъ тотъ, такъ и другой, очевидно, назначаются старостою. Они

---

[1]) Kilka uwag p. 392, Hube op. c. p. 25. Раньше (A. G. Z. t. XI p. X) Лиске выражался по этому вопросу менѣе категорично.

[2]) Сл. напр. изъ актовъ Саноцкаго суда № 84, 96, 110 и 233, гдѣ въ однихъ случаяхъ выступаетъ, въ аналогичныхъ условіяхъ, подстароста, въ другихъ воевода.

[3]) Акты Ю. З. Р. I p. 5, II p. 102, A. G. Z. IV p. 21, VIII p. 25.

[4]) A. G. Z. t. XII напр. записки IV, VI, VII, IX, X, XVI, XXIII, LIV, LXIX.

впрочемъ рѣшаютъ только менѣе важныя дѣла, а болѣе важныя откладываютъ до прибытія старосты [1]). Судья засѣдаетъ въ судѣ какъ старосты (или подстаросты), такъ и воеводы (или подвоеводы); въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ впрочемъ не названъ въ числѣ засѣдающихъ: воевода или подстароста, засѣдаетъ съ писаремъ, оправцею (justiciarius, oprawca) [2]); за то въ другихъ случаяхъ выступаетъ одинъ судья, безъ воеводы (въ отсутствіе старосты) [3]). Вообще въ этомъ гродѣ воевода стоитъ ниже подстаросты и судьи; онъ приравнивается къ бургграбію [4]). Нѣсколько выше положеніе его въ другихъ земляхъ, напримѣръ — Львовской, Галицкой: здѣсь онъ приравнивается къ подстаростѣ, а его замѣститель, подвоевода—къ бургграбію [5]). Судъ старосты называется судомъ земскимъ (judicium terrestre), хотя скорѣе напоминаетъ польскій гродскій судъ, или еще больше—древнѣйшій каштелянскій.

Что было въ этомъ строѣ туземнаго и что польскаго? Выдѣлить эти элеметы сколько нибудь точно, при скудости свѣдѣній нашихъ относительно древнѣйшихъ туземныхъ учрежденій, весьма затруднительно; можно отмѣтить лишь кое-что. Званіе старосты не было новостью на Руси, такъ какъ знаменитый Детко носилъ титулъ provisor seu *capitaneus* terrae Russiae, такъ что „генеральный староста русскій“ былъ какъ бы прямымъ его преемникомъ. Но дальнѣйшее развитіе этого института въ Галичинѣ, умноженіе числа старостъ и опредѣленіе ихъ компетенцій совершалось, несомнѣнно, подъ вліяніемъ польскаго государственнаго права. Званіе воеводы, конечно, имѣло туземное происхожденіе; за это ручается какъ отсутствіе такой должности въ польскомъ

---

[1]) Ibid. напр. № 22, 25, 27, 58, 252.

[2]) Напр. записки XXX, XLII, LXX, LIX, XCVII.

[3]) Напр. № 28, 55, XXIV, XLIV, LII, LVI.

[4]) Преимущественно во 2-й пол. XV в., ср. напр. зап. MCXXVII, MCXXVIII и MCXXXVIII. Лиске впрочемъ отмѣчаетъ (p. VIII) подобный случай еще въ XIV в. (сл. A. G. Z. III № 9 и VII № 9).

[5]) См. напр. A. G. Z. XIV p. 45, 77—78.

строѣ, такъ и исконное существованіе ея на Руси, гдѣ она сохранилась еще въ XV в. не только въ Бельзскомъ воеводствѣ и Подольѣ, но и на Волыни, на Подлясьѣ [1]). Въ княжескій періодъ „воевода" было титуломъ тысяцкихъ, которыхъ мы видимъ въ важнѣйшихъ городахъ въ качествѣ высшихъ военныхъ и административныхъ правителей [2]). На грамотѣ Юрія II находимъ въ качествѣ свидѣтелей воеводъ: бельзскаго, перемышльскаго, львовскаго, луцкаго [3]); по всей вѣроятности, воеводы сидѣли тогда во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ. Старосты польскаго періода смѣнили ихъ, и оригинальныя компетенціи старостъ переходного періода, вѣроятно, нужно считать за наслѣдство отъ воеводской должности. Равнымъ образомъ нѣтъ основаній приписывать польское происхожденіе должности судьи; помимо существованія надворнаго судьи при Юріи II, укажемъ на аналогію изъ другой южнорусской земли: въ Вышгородѣ правитъ тысяцкій, а судъ отправляетъ тивунъ [4]). Такимъ образомъ среди галицкихъ учрежденій XIV в. указать съ несомнѣнностью чисто польскіе институты, на мой взглядъ, едва ли возможно.

Введеніе польскихъ учрежденій въ земляхъ русскихъ было результатомъ Едлинскаго привилея 1430 г., которымъ король обѣ-

---

[1]) Въ Бельзѣ—напр. A. G. Z. XIV p. 200; въ Кременцѣ—A. G. Z. I p. 6 (1361), тотъ же документъ въ Акт. Ю. З. Р. I p. 1; въ Острогѣ—Archiw. Sanguszków I p. 56 (1463); въ Грушовѣ (Кобринскій пов.)—ibid. I p. 58 (1465, тотъ же документъ въ Акт. Вил. ком. ком. III p. 4); тамъ же (I p. 50, 1458) воевода подолянскій (м. б. Подоляны у Горыни, къ з. отъ Ровно, см. еще Любавскаго Областное дѣленіе с. 117).

[2]) См. объ этомъ въ Исторіи Кіевск. земли с. 334—6. Любопытно совмѣстное существованіе въ Галичинѣ XIV в. воеводъ и соцкихъ—см. въ Актахъ Ю. З. Р. I с. 3, II с. 101, 103.

[3]) Карамзинъ IV пр. 276, перепечатана у Лонгинова—Грамоты Юрія II (въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др. 1887, II и отд.) с. 41.

[4]) Грамоты Юрія II у Лонгинова l. c.; Ипат. л. с. 128, 229. Вспомнимъ также галицкаго Судьича (Ипат. с. 525).

щалъ: „всѣ земли короны Польской, со включеніемъ Руси, привесть къ одному праву и одному общему для всѣхъ земель закону“ [1]). Осуществленіе этого обѣщанія на практикѣ явилось уже послѣ смерти Ягайла, въ 1434—5 г. Съ этихъ поръ появляются въ Галичинѣ сенаторскія должности—воевода русскій (первымъ былъ Янъ Менжикъ, потомъ Петръ Одровонжъ) и каштеляны: львовскій, галицкій, саноцкій, перемышльскій, и земскія дигнитарства—подкоморихъ, хорунжихъ, войскихъ, мечниковъ, стольниковъ, подчашихъ. Въ 1434—5 г. совершается и реформа судоустройства; компетенціи стараго старостинскаго суда раздѣляются между судомъ земскимъ и гродскимъ; прежній судья становится въ главѣ земскаго суда, и вводится доселѣ неизвѣстная должность подсудка. Староста съ воеводой становятся во главѣ гродскаго суда; на мѣсто прежняго земскаго судьи въ судъ старосты вступаетъ судья гродскій. Учреждаются вѣчевые суды (colloquia generalia), какъ высшая судебная инстанція для гродовъ и земствъ, засѣдающіе по три раза ежегодно въ каждой землѣ [2]).

Возвратимся теперь къ Подолью. Изъ вышеприведенныхъ данныхъ грамотъ Коріатовичей мы уже видѣли, что въ послѣдней четверти XIV в. здѣсь существовало административное устройство, близко напоминающее галицкое: староста во главѣ администраціи, одинъ на всю землю, и затѣмъ воеводы въ важнѣйшихъ городахъ земли—Каменцѣ, Смотричѣ, Червоногродѣ, съ судебно-административными компетенціями. Былъ ли этотъ административный строй созданъ Коріатовичами по образцу Галичины, или основывался на прежнихъ традиціяхъ мѣстныхъ, разрѣшить этотъ

---

[1]) Długosz l. XI, a. 1430 (t. IV p. 396).

[2]) Росписаніе вѣчъ см. A. G. Z. XI № 714. О реформѣ старостинскаго суда см. у Лиске XI, пред. р. 5—7. Полнаго единообразія, по польскому образцу, не существовало въ учрежденіяхъ и послѣ реформы; объ отличіяхъ въ строѣ отдѣльныхъ земель см. ib. p. 8; ср. пред. t. XIII p. 9.

вопросъ категорически не рѣшаюсь. Любопытно, что въ грамотѣ 1374 г., выданной въ Каменцѣ, староста еще отсутствуетъ, выступаютъ одни воеводы; быть можетъ, старостинскій урядъ составлялъ нововведеніе Коріатовичей, а раньше высшими представителями власти были воеводы.

Это устройство удерживается и послѣ прекращенія господства Коріатовичей. По прежнему во главѣ управленія стоитъ староста каменецкій и вмѣстѣ подольскій; такъ по смерти Спытка Мельштинскаго видимъ въ Каменцѣ старосту Грицка Кердеевича [1]); послѣ перехода Подолья къ Ягайлу, по свидѣтельству Длугоша, высшее управленіе Подольемъ тоже принадлежало старостамъ, и ими были: П. Шафранецъ, Петръ Карвачянъ, Андрей Тенчинскій и Петръ Харбиновскій [2]). То же продолжалось при Витовтѣ, когда, по свидѣтельству древнѣйшей русско-литовской лѣтописи, „старостили" на Подольѣ преемственно: Грановскій, Петръ Монкгирдовичъ, Юрій Гедигольдъ и Довгирдъ [3]). Послѣ перехода западнаго Подолья къ Польшѣ также видимъ во главѣ управленія старостъ каменецкихъ, которыми послѣдовательно были два брата Бучацкихъ—Михаилъ и Теодорикъ [4]). Равнымъ образомъ и со стороны Свидригайла выступаютъ также старосты—Федько Несвицкій, именующій себя старостою кременецкимъ и браславскимъ [5]), потомъ Монивидъ, „каменецкій и подольскій", или „кременецкій и подольскій" [6]). Кромѣ главнаго старосты каменецкаго въ это время старостъ на Подольѣ (не считая Теребовля) больше не видно, вѣроятно ихъ и не было. За то, не-

[1]) См. регесту обязательства Кердеевича 1402 г.—Index actorum saec. XV № 374 (изъ Голембіовскаго I p. 89), также (по любезному сообщенію проф. С. А. Бершадскаго) въ грамотѣ 1401 г. на десятину францисканамъ каменецкимъ.

[2]) Długosz l. X, 1404 (t. III p. 560—1), l. XI, 1411 (t. IV p. 122).

[3]) Лѣтоп. изд. Даниловичемъ с. 53, изд. Поповымъ с. 46.

[4]) Długosz XI a. 1430, 1434 (IV p. 422, 520).

[5]) Собраніе госуд. и частн. грамотъ Круповича № 16 и 17.

[6]) Codex epist. saec. XV, № 92, Archiw. Sanguszk. I № 36 (1438).

сомнѣнно, существовали по прежнему воеводы: такъ въ 1404 г. упоминается воевода червоногродскій; любопытно, что имъ былъ нѣкто Дереславъ Конопка, лицо, игравшее роль въ современной политикѣ [1]); это заставляетъ думать, что тогдашніе подольскіе воеводы еще не спустились до степени старостинскихъ урядниковъ, а были болѣе или менѣе самостоятельными управителями. Не имѣютъ большаго значенія для насъ воеводы теребовльскіе [2]), потому что эта межеумочная земля, болѣе тяготѣвшая къ Галичинѣ, могла организоваться непосредственно по образцу учрежденій галицкихъ, за то очень важно существованіе каменецкихъ воеводъ: отъ 1444 г. имѣется грамота Теодорика Бучацкаго Николаю Фурману, воеводѣ Каменецкаго грода [3]); на грамотѣ старосты

---

[1]) A. G. Z. II p. 52; въ упомянутой выше регестѣ 1402 г. Д. Конопка выступаетъ въ качествѣ королевскаго уполномоченнаго для занятія Каменца. См. о немъ у Стадницкаго Synowie Gedymina I p. 251—2.

[2]) A. G. Z. XII p. 167, 259 (1447, 1458).

[3]) Въ виду важности этого упоминанія о воеводѣ, привожу эту грамоту цѣликомъ: Theodricus de Buczacz, alias de Iaslowecz, castellanus camenecensis et capitaneus generalis. Quia terrae Podoliae, quae desolationem paganocen(sem) invasionem pati dinoscentur, possessionare vice reciproca cupientes, in et super vastitatibus regiae maiestatis, videlicet Woievodzincze et Okuniow, in districtu Bacothiensi, super flumine Tharnawa iacentibus, nobili Nicolao Furman de Mylieiowcze, wogewode protunc castri Camenecensis, quinquaginta marcas monetae et numeri polonicalium, 48 gr. in quamlibet marcam computando, vigore regiae maiestatis, capitaneo praefato concesso, uti in litteris suae maiestatis, capitaneo desuper conditis et datis, clare continetur, dedit, donavit et inscripsit cum omnibus earundem vastitatum, seu villarum locandarum, censibus, redditibus, fructibus, agris, campis etc. tenendas, habendas, utifruendas pacificeque et quiete possidendas quinquaginta marcis in eisdem tamdiu, donec Nicolao Furman praedicto aut suis successoribus legitimis praedictae quinquaginta marcae per. r. maiestatem aut capitaneum fuerint persolutae; quibus solutis villarum praedictarum ad regiam maiestatem aut capitaneum possessio

Бартоша Бучацкаго 1456 г. во главѣ свидѣтелей стоитъ воевода Яковъ Яровскій [1]).

Сенаторскіе уряды до 1435—6 г. на Подольѣ не существовали. Упоминаемый между 1407—1412 г. пресловутый каменецкій каштелянъ Альбертъ изъ Вшерадова не относится къ Каменцу подольскому [2]). Что касается до Hrycko Brozdkowicz de Winniki, palatinus terrae Podoliae, котораго Стадницкій считалъ воеводою подольскимъ in partibus [3]), то если здѣсь нѣтъ недоразумѣнія, его слѣдуетъ считать воеводою не въ польскомъ, а въ туземномъ значеніи этого титула.

Имѣя въ виду близкую аналогію этихъ данныхъ о Подольѣ (скудость которыхъ не должна смущать насъ, такъ какъ проистекаетъ отъ ничтожнаго числа мѣстныхъ, подольскихъ документовъ) съ данными объ устройствѣ Галицкой Руси, позволительно предложить нѣкоторыя реконструкціи подольскаго устройства по модели галицкой. Староста каменецкій, стоявшій во главѣ края, соединялъ въ рукахъ своихъ функціи административно-военныя съ широкою юрисдикцію, простиравшеюся на всѣ классы мѣстнаго населенія. Въ зависимости отъ него находились воеводы, сидѣвшіе, вѣроятно, во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ, центрахъ округовъ. По даннымъ грамотъ до полов. XV в. можно возстановить такіе напр. округа, именуемые въ грамотахъ обыкновенно повѣтами (districtus): Каменецкій, Червоногродскій—на верхнемъ Днѣстрѣ, Скальскій—къ с. отъ него, Бакотскій—наддѣстрянская полоса до Лядавы примѣрно, Смотричскій—къ сѣверу отъ Каменца, Ме-

---

ple(no) (reve)rtetur jure, juribus tamen regalibus... Crastino Epiphaniae 1444. Lecta per Albertum de Zichlin, r. p. vicecancellarium (Кн. рев. 1564 f. 24).

[1]) А. Б. с. I № 14.

[2]) Это категорически засвидѣтельствовалъ г. Молчановскій въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій историческаго общества Нестора, на основаніи собранныхъ имъ данныхъ относя Альберта къ Каменцу-Одржиконю.

[3]) Synowie Gedymina I p. 198.

жибожскій—по верхнему Бугу, далѣе на востокъ—Летичевскій, къ югу отъ него—Ровскій [1]). Утверждать, что точно въ этихъ городахъ сидѣли воеводы, я, конечно, не берусь. Въ составъ старостинскаго и воеводскихъ судовъ входилъ, вѣроятно, и судья. Въ Каменцѣ воеводскій судъ слился со старостинскимъ, и воевода перешелъ въ положеніе старостинскаго намѣстника.

Введеніе учрежденій польскихъ и польскаго права совершилось въ Подольѣ, по всей видимости, приблизительно одновременно съ Галичиною. Едвали можно сомнѣваться въ томъ, что въ число русскихъ земель, къ которымъ относились обѣщанія Едлинскаго привилея, было и Подолье, особенно въ виду того, что въ просьбѣ землянъ русскихъ объ уравненіи ихъ въ правахъ съ коронными обывателями, стоявшей въ непосредственной связи съ этимъ привилеемъ, участвуютъ и подоляне [2]). Правда, самый древній доку-

[1]) Такъ Червоногродскій пов. выступаетъ напр. въ пожалованіяхъ Витовта 1427—9 г. (Толсте, Гугринъ—Кн. рев. 1564 f. 163 v., 165), Скальскій—въ грам. 1431 г. (Покляки—ib. f. 182 v., значительный перечень селъ Скальскаго пов. см. A. G. Z. XII p. 345), Бакотскій въ грам. 1430—1441 г. (Волоске двор. на Днѣстрѣ, Песецъ, Каменна Куча, Яроміевцы, Румкушовцы, Кужелева, Дешково дворище, Ушица, Окуневъ, Воеводинцы, Сребрна—Кн. рев. 1564 f. 10, 23 v., 58 v., 59 v., 61 v., A. Б. с. I № 5, 9, A. G. Z. V № 51; значительный перечень селъ, принадлежавшихъ къ Бакотѣ, въ грамотѣ Немирѣ 1388 г.), Смотричскій, Летичевскій—въ грам. 1404 г. (A. Б. с. II R. 1404, къ Смотричскому пов. въ 1420—1440 г. относятся также Плоска, Кумановъ, Болванецъ, Балина, Куяловъ—Кн. рев. 1564 passim; о Летичевскомъ пов. см. A. Б. с. I № 4, 7, 8); о существованіи Межибожскаго пов. въ 1-й пол. XV в. можно догадываться въ виду того, что Межибожъ выступаетъ въ роли центральнаго замка еще въ к. XIV в. (грамота Ягайла Спытку), см. также Długosz IV p. 133; существовалъ, вѣроятно, и Хмельницкій пов., хотя мнѣ не встрѣтилось упоминаній о немъ; о Ровскомъ пов. см. ниже. Что касается Каменецкаго пов., то должно замѣтить, что въ грамотахъ онъ, очевидно, иногда обозначаетъ тоже, что Подольская земля.

[2]) Długosz XI, 1434 (IV p. 548).

ментъ земскаго суда въ Подольѣ, какой мнѣ извѣстенъ, относится къ 1456 г. (это продажная запись, выданная „генеральнымъ" судьею земли Подольской Сигизмундомъ изъ Новоселецъ и генеральнымъ подсудкомъ Яномъ изъ Боросковецъ), тогда же упоминается и Каменецкій гродъ и гродскій судья [1]). Но подсудокъ каменецкій упоминается еще въ 1439 г. [2]), одновременно (въ 1436—8 гг.) появляются на Подольѣ сенаторскіе и земскіе уряды, и все это заставляетъ думать, что въ это время произведено было полное преобразованіе земскаго строя на польскій ладъ. Такъ, съ начала 1436 г. встрѣчаемъ мы воеводу „каменецъ-подольскаго" (camenecensem Podoliae); имъ былъ до своего перемѣщенія на воеводство русское (въ 1437 г.) Петръ Одровонжъ [3]), потомъ, тоже очень не долго, Михаилъ Бучацкій [4]), послѣ котораго воеводою

---

1) A. G. Z. IV p. 164, XIV p. 474: habet agere coram Iachno, iudice castr. camenecensi, in iure castri.

2) A. G. Z. XIII p. 82: Nicolaum Czarni, subiudic. cameniecen.; подъ 1445 г. онъ же, вѣроятно (Nicolaus Niger), выступаетъ какъ iudex comyenensis (XIV p. 186), и Лиске относилъ это къ Каменцу-Одржиконю (пред. t. XIV p. 9); но существованіе подсудка въ этомъ Каменцѣ едва ли можно предполагать, да и покупаетъ онъ подольское село—Бабшинъ (въ Каменец. у.); очевидно, въ 1445 г. Черный былъ судьею земскимъ.

3) A. G. Z. XIII p. 2 (1436 6/II)

4) A. G. Z. XII p. 38, XIII p. 44, въ 1438 г. онъ былъ убитъ—Długosz IV p. 593. Упоминанія актовъ подтверждаютъ показанія Кромера и Нѣсецкаго о воеводствѣ М. Бучацкаго, которыя отвергалъ Стадницкій—Synowie Gedymina I p. 271—2. Здѣсь кстати будетъ исправить и другую ошибку, въ которую впалъ этотъ почтенный изслѣдователь за недостаткомъ данныхъ. Полагая, что Теодорикъ Бучацкій жилъ еще въ 60-хъ гг. XV в., онъ утверждалъ, что въ пол. XV в. было одновременно по нѣсколько старостъ и каштеляновъ каменецкихъ. Но теперь можно съ увѣренностью сказать, что Т. Бучацкій умеръ ок. 1455 г. (въ послѣдній разъ, насколько мнѣ извѣстно, выступаетъ онъ въ октябрѣ 1454 г., а подъ 1457 г. онъ упоминается, какъ покойникъ (m. Th. de Buczacz, bone memorie cast. et capt. camyenecz.)—A. G. Z. XII p. 253, XIV p. 426. Сынъ его Бар-

сталъ Грицько Кердеевичъ, остававшійся на этомъ урядѣ до 1464 г. [1]); съ 1438 г. упоминается каштелянъ каменецкій: первымъ былъ Бедрихъ, послѣ него Теодорикъ Бучацкій (одновременно и староста каменецкій) [2]); съ 1436 г. извѣстенъ войскій [3]), съ 1438— подкоморій [4]). При той тѣсной связи, какая существовала между Подольемъ и Галичиною, едва ли можно допустить, чтобы при введеніи польскихъ учрежденій въ Галичинѣ въ 1433—5 г. забыли о Подольѣ; борьба, которая велась за обладаніе Подольемъ, могла замедлить реформу только на нѣсколько лѣтъ, и до 1440 г. она, по всей вѣроятности, осуществилась уже вполнѣ, т. е. явился земскій судъ (въ польскомъ смыслѣ) въ Каменцѣ, одинъ на всю землю, что было вполнѣ достаточно для небольшого числа привиле-

---

тошъ (XII p. 188) и братъ Мужило выступаютъ уже по смерти Теодорика, первый старостою, второй каштеляномъ каменецкимъ, и Каменецъ былъ выкупленъ въ 1464 г. не у Теодорика, а у его сына Михаила—А. Б. с. I № 15. Что до Михаила Бучацкаго (†1438), то хотя Длугошъ подъ 1438 г. называетъ его старостою каменецкимъ, но тогда онъ былъ воеводою, и единственнымъ старостою было Теодорикъ. Нѣсколько позже дѣйствительно было одновременно двое старостъ, но то было явленіе совсѣмъ иного порядка (и очень любопытное для исторіи управленія): по смерти старшаго сына Теодорика, Бартоша (†1457), имѣнія его перешли къ меньшимъ сыновьямъ—Михаилу и Яну, въ томъ числѣ и Каменецкое староство, на которомъ кор. Владиславъ записалъ Теодорику въ 1442 г. 3000 грив., и эти fratres germani et indivisi именуютъ себя оба старостами каменецкими (capitanei cameneczenses—A. G. Z. XII p. 271, 297, a. 1461—4), какъ наслѣдники записной суммы, хотя оффиціально старостою считался, какъ видно, Михаилъ, у котораго и былъ выкупленъ Каменецъ.

[1]) A. G. Z. V p. 102 (1440), XII p. 291 (1464).

[2]) Кн. рев. 1564 f. 194 v., A. G. Z. XIII p. 77 (1439), XIV p. 502 (1441); A. G. Z. II p. 116 (1442). Напомню, что Нѣсецкій свой каталогъ каштеляновъ ведетъ съ 1435 г.

[3]) A. G. Z. II p. 196.

[4]) A. G. Z. I p. 26.

гированнаго шляхетскаго населенія, ютившагося исключительно въ западномъ Подольѣ; не замедлилъ, вѣроятно, явиться, какъ необходимая инстанція, судъ вѣчевой (хотя извѣстенъ онъ становится гораздо позже). При каменецкомъ старостѣ съ воеводою образованъ былъ судъ гродскій. Число старостъ умножается: такъ непосредственно видимъ старосту въ Червоногродѣ—Теодорика Бучацкаго, съ 1437 г., въ Скалѣ—Стибора изъ Коморникъ, съ 1444 г.[1]); аналогичныхъ съ ними держателей находимъ въ Бакотѣ, Зинковѣ, Летичевѣ, Межибожѣ, Ровѣ[2]). Всѣ они называются иногда державцами, иногда старостами[3]), но это не настоящіе гродовые старосты польскаго права, единственный гродскій староста въ собственномъ смыслѣ—каменецкій, единственный гродъ—Каменецъ. Каменецкій староста поэтому носитъ титулъ генеральнаго старосты подольскаго (capitaneus Podoliae generalis), и этотъ титулъ остается за нимъ во все послѣдующее время. Прочіе старосты—собственно державцы, tenutarii, владѣвшіе городами обыкновенно по записямъ суммъ (какъ было впрочемъ и съ Каменцомъ въ 1442—1464 г.), но судебно-административныя компетенціи ихъ шире, чѣмъ обыкновенныхъ державцевъ; такая особенность объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что они унаслѣдовали въ извѣстной степени компетенціи мѣстныхъ воеводъ. Впрочемъ по вопросу о компетенціяхъ этихъ старостъ и отношеніи ихъ и находившихся въ ихъ вѣдѣніи гродовъ къ генеральному старостѣ и Каменецкому гроду для XV в. данныхъ почти, чтобы не сказать—вовсе не имѣется. Изъ жалованныхъ грамотъ большій интересъ представляетъ пожалованіе Бакоты 1443 г., такъ какъ здѣсь говорится о юрисдикціи державцы[4]), но указанія эти не достаточно

---

[1]) A. G. Z. XII p. 27, 71, XIV p. 142.

[2]) Długosz XII, 1452, 1453 (V p. 113, 133).

[3]) См. напр. A. G. Z. XIV p. 233 и 234 (Скала), 404 и 411 (Зинковъ), XV p. 426 и 458 (Червоногродъ).

[4]) Запись Щуковскому 300 грив. на Бакотѣ съ селами Борсуковцами и Ольховцомъ; въ перечнѣ доходныхъ статей—cum omnibus... castri

характерны, и ихъ можно бы отнести къ доминіальной юрисдикціи, какою пользовались всѣ вообще державцы. За неимѣніемъ данныхъ XV в., приходится обратиться къ даннымъ XVI в. Ниже будутъ подробно изложены данныя о компетенціяхъ одного изъ старостъ и гродовъ этой категоріи, именно Барскаго. Изъ этихъ данныхъ, для которыхъ можно указать аналогіи и въ документахъ другихъ повѣтовъ, оказывается, какъ увидимъ ниже, что компетенціи старостъ-державцевъ простирались на населеніе нешляхетское и на шляхту непривилегированную, и что по отношенію къ этимъ категоріямъ населенія они обладали широкими полномочіями дореформенныхъ старостъ Галичины и Подолья, которыя можно объяснить только, какъ наслѣдіе XV в.

Для разъясненія вопроса о шляхтѣ привилегированной и непривилегированной, служилой, который мы только что затронули, и который имѣетъ важное значеніе при изученіи организаціи Барскаго старозства, необходимо обратиться къ условіямъ шляхетскаго землевладѣнія въ польской Украинѣ. Какъ и въ предыдущемъ экскурсѣ, мы обратимся сначала къ Руси Галицкой, гдѣ выработаны были тѣ условія землевладѣнія, которыя перенесены были затѣмъ на Подолье. Условія эти значительно отличаются отъ польскаго шляхетскаго землевладѣнія и обращали вниманіе на себя изслѣдователей, а въ послѣднее время сдѣлались предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій [1]), тѣмъ не менѣе установить вполнѣ генезисъ этихъ усло-

et villarum districtu (вѣроятно — districtus) judiciis; ниже: volentes securiorem efficere et constituere tenutarium, sibi in omnibus casibus excessivis et furticiniarum sive praedarum vel aliorum quorumcunque maleficiorum, per quoscunque in tota ubique ipsius tenuta oriantur protervitatores et malefactores, plenimodam sententiandi, judicandi, corrigendi, puniendi et condempnandi concedimus facultatem—Кн. рев. 1564 f. 35. Важно также отмѣченное уже Лиске (A. G. Z. XIII пред. p. 11) упоминаніе о Скальскомъ старостинскомъ судѣ подъ 1465 г. (ibid. № 5929).

[1]) Напр. A. Stadnicki—Ziemia Lwowska za rządów polskich w XIV i XV w.—Biblioteka Ossolińskich, pocz. nowy, t. III, Szaraniewicz—Rys

вій въ настоящее время кажется мнѣ затруднительнымъ, и въ этомъ вопросѣ, какъ и въ вопросѣ объ организаціи мѣстнаго управленія, я предпочитаю ограничиться нѣкоторыми замѣчаніями относительно генезиса, обративъ главное вниманіе на констатированіе явленій.

Коренное отличіе галицкаго шляхетскаго землевладѣнія XIV в. отъ польскаго заключается въ рѣзко выраженномъ условномъ характерѣ перваго, неизвѣстномъ въ тогдашней Польшѣ. Въ XIV в. польская шляхта владѣетъ землями на правахъ полной и безусловной собственности, jure hereditario, и Кошицкій привилей (1374 г.), которымъ были подведены итоги предшествующей исторіи шляхетскаго землевладѣнія, освобождаетъ земли пановъ и шляхты (baronum et nobilium) отъ всѣхъ податей, работъ и повинностей (ab omnibus servitiis, laboribus, vexationibus, angariis, praeangariis), исключая слѣдующее: 1) шляхтичъ ежегодно платитъ по два гроша съ каждаго заселеннаго лана (manso vel sorte) въ знакъ признанія верховныхъ правъ государства; 2) шляхтичи участвуютъ посильно (cum omnimoda eorum potestate) въ поголовномъ ополченіи въ случаѣ оборонительной войны; участіе въ походахъ внѣ границъ государства для нихъ не обязательно, и въ такомъ случаѣ они вознаграждаются королемъ за понесенные убытки; 3) все населеніе обязано принимать участіе въ починкѣ замковъ только пограничныхъ, и при томъ лишь на случай войны (oriente guerra et discordia); шляхта обязана принимать участіе въ постройкѣ только тѣхъ замковъ, которые строятся съ согласія сената; въ противномъ случаѣ постройка происходитъ на средства государства, а ординарный ремонтъ (tempore pacis) исполняетъ державецъ замка (burgrabius seu possessor et conservator illius castri) [1]).

---

stosunków wewnętrznych Galicyi Wschodniej, K. Stadnicki—Synowie Gedymina t. I, Piekosiński—O dynastycznem szlachty polskiej pochodzeniu, спеціальная монографія г. Линниченка—Юридическія формы шляхетскаго землевладѣнія и судьба древнерусскаго боярства въ Юго-Западной Руси въ XIV—XV в. (Юридич. Вѣстникъ 1892, VII—VIII), вошедшая въ его Черты внутр. ист. Ю.-З. Руси.

[1]) Volum. legum I p. 25.

Что касается объема землевладѣльческихъ правъ шляхтича, то вотъ какъ опредѣляется jus hereditarium на основании жалованныхъ грамотъ XIII—XIV в. однимъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей, др. Пѣкосинскимъ: въ него входили права владѣнія, даренія, продажи, промѣна, жертвованія ad pia loca; право передачи своимъ законнымъ наслѣдникамъ обоего пола по завѣщанію и ab intestato; право уничтоженія лѣса въ своихъ имѣніяхъ и населенія ихъ колонистами; изъ дѣдичнаго же владѣнія, какъ его результатъ, исходило: освобожденіе крестьянъ отъ всякого рода государственныхъ податей и повинностей; изъятіе ихъ изъ юрисдикціи королевскихъ урядниковъ; предоставленіе дѣдичу юрисдикціи надъ крестьянами, гражданской и уголовной, и права наказанія, до смертной казни включительно, съ передачею ему же судебныхъ штрафовъ и платежей [1]).

Шляхетское землевладѣніе въ Украинѣ польской было обложено повинностями и налогами значительно большими и, какъ указано, носило рѣзко выраженный условный характеръ, удержавшійся по мѣстамъ, какъ увидимъ ниже, очень долго. Эта разница сказывается уже при внѣшнемъ сравненіи жалованныхъ грамотъ польскихъ и галицкихъ: первыя занимаются перечнемъ жалуемыхъ льготъ и привилегій, вторыя—перечнемъ повинностей и условій [2]). При этомъ слѣдя по жалованнымъ грамотамъ разнаго времени и разныхъ мѣстностей Украины польской, можно замѣтить какъ бы постепенное развитіе обязательствъ, лежащихъ на землевладѣльцахъ и расширеніе правъ государства на земли.

Такъ, жалованныя грамоты Казимира В. [3]) ограничиваются точнымъ опредѣленіемъ военной повинности, лежащей на землевла-

---

[1]) Op. c. p. 29—31.

[2]) Ср. регистры польскихъ и галицкихъ грамотъ XIII—XIV в. у Пѣкосинскаго. Встрѣчаются впрочемъ грамоты безъ обязанности службы, какъ грамота на дворище Матейчича въ Актахъ Ю. З. Р. II № 62; если она подлинна, то относится, вѣроятно, къ первымъ годамъ господства Казимира.

[3]) См. регистръ грамотъ у Пѣкосинскаго с. 140—141.

дѣльцѣ; въ остальномъ предоставляется полная свобода распоряженія имѣніемъ: оно дается въ потомственное владѣніе, съ правомъ продажи, даренія, промѣна, jure hereditario; этотъ послѣднiй терминъ, который, быть можетъ—сознательно, избѣгается въ послѣдующихъ пожалованiяхъ, еще часто встрѣчается въ пожалованiяхъ Казимира [1]).

Пожалованія Владислава Опольскаго представляютъ уже значительно больше условій и ограниченій: кромѣ военной службы и ежегоднаго платежа 2 грошей широкихъ (равныхъ четыремъ польскимъ [2])) съ крестьянскаго дыма или двора, вмѣсто 2 грош. польскихъ ланового Кошицкой привилегіи [3]), въ пожалованiяхъ Владислава оговаривается, что пожалованный съ своею семьею (cum uxore et pueris) будетъ жить въ жалуемыхъ помѣстьяхъ propter carentiam populi, при чемъ это условіе въ болѣе раннихъ грамотахъ Владислава выражено мягче, въ видѣ высказываемой княземъ увѣренности въ этомъ [4]), въ позднѣйшихъ прямо ставится въ обязанность (in terra nostra Russiae debeat mansione permanere) [5]), а грамоты послѣдующихъ владѣтелей за неисполненіе этого условія угрожаютъ иногда даже отобраніемъ [6]). Другое условіе,

[1]) Kodex Małopolski I p 296 (№ 252, 1358), III p. 137 (№ 737, 1360), 145 (№ 743, 1361), 213 (№ 807, 1368).

[2]) A. G. Z. VII p. 16—17 (№ 10).

[3]) Это условіе, отсутствующее въ грамотахъ Казимира, включено во всѣ почти пожалованія Владислава—Akta Gr. Z. II № 4, 5, 6 (p. 5—10), V № 11 (p. 13), VII № 9, 10, 11, VIII № 9, Źródła dz. X p. 155.

[4]) Напр. II № 4: attendentes eciam, quod ipse una cum uxore et pueris suis terram Russiae, in qua defectus gentis non modicos patimur, inhabitabit et in ea faciet residenciam personalem, тоже № 5, VIII № 9, Źródła dz. X p. 155.

[5]) A. G. Z. II № 6, тоже V № 11 (residenciam faciant personalem, prout se ad hoc specialiter obligarunt).

[6]) A. Б. c. I № 11, II R. 1448, Кн. рев. 1564 f. 58 v. (Румкушовцы), 59 v. (Ушица), 100 v. (Балина), 152 v. (Супрунковцы)—все грамоты съ записью суммъ.

включаемое въ нѣкоторыя пожалованія Владислава, — жалуемое имѣніе можетъ передаваться въ другія руки не иначе, какъ съ вѣдома правительства (nostro ad hoc consensu speciali accedente)[1]. Наконецъ изъ условій позднѣйшихъ пожалованій jure feodali видно, что право наслѣдованія имѣній этой категоріи было также ограничено: они переходили только къ наслѣдникамъ мужскаго пола и въ случаѣ ихъ отсутствія считались выморочными[2]. Терминъ феодальнаго владѣнія, jure feodali, впервые появляется при Владиславѣ, который прилагаетъ его ко всей этой категоріи условныхъ пожалованій и настойчиво выдерживаетъ въ своихъ грамотахъ на смѣну прежнимъ терминамъ—jure hereditario, jure polonicali[3]. Хотя терминъ этотъ не имѣетъ въ грамотахъ Владислава строго опредѣленнаго, устойчиваго значенія и, повидимому, не заключаетъ въ себѣ implicite перечисленныхъ условій землевладѣнія[4], но весьма важно это стремленіе отличить условное землевладѣніе, какъ особый типъ, съ спеціальнымъ названіемъ, противопоставить его полноправной, привилегированной собственности польскаго права. Владѣльцы на ленномъ правѣ въ грамотахъ Владислава обыкновенно обозначаются терминомъ vasalli, и включаемыя въ пожалованія условія трактуются, какъ общія, присущія этому классу.

Въ галицкихъ пожалованіемъ Ягайла на правѣ собственности выступаютъ (въ отдѣльныхъ грамотахъ) тѣ же условія: опредѣленіе количества ратниковъ, обязательное пребываніе, ограниченіе права

---

[1]) A. G. Z. II № 4, 5, VIII № 9.

[2]) Объ этомъ ниже.

[3]) Этотъ послѣдній терминъ встрѣчается еще въ наиболѣе ранней грамотѣ Владислава—A. G. Z. VII № 9.

[4]) По контексту грамотъ условія пожалованія являются не развитіемъ понятія jure feodali, а самостоятельнымъ дополненіемъ, или ограниченіемъ; см. особенно A. G. Z. V № 8: jure feodali, ea libertate et consuetudine, qua ceteri vaselli nostri possident sua bona, perpetuis temporibus possidendam... hoc tamen excluso, quod singuli kmethones... (слѣдуютъ условія пожалованія). Впрочемъ, на анализѣ нескладнаго тогдашняго синтаксиса основывать какіе-либо выводы вообще не безопасно.

распоряженія [1]). Дальнѣйшаго развитія условій пожалованіи въ этихъ грамотахъ не видно. Это объясняется развитіемъ нѣмецкаго права, очень точно опредѣлявшаго отношенія населенія и повинности, съ другой стороны—постепенною т. ск. эмансипаціею шляхетскаго землевладѣнія и приближеніемъ къ нормѣ польской, что отражается и въ терминологіи, въ постепенномъ исчезновеніи термина jus feodale и возвращеніи снова jus hereditarium [2]). За то на ряду съ условнымъ потомственнымъ владѣніемъ выступаетъ пожалованіе имѣній съ записью суммы, т. е. пожалованіе не вѣчное, а т. ск. до востребованія. Эта форма пожалованія получаетъ особенно широкое распространеніе при Ягайлѣ и его преемникахъ на Подольѣ, благодаря обилію нерозданныхъ земель, между тѣмъ какъ въ Галичинѣ королевщины были уже значительно истощены.

Среди пожалованій Ягайла на Подольѣ пожалованія въ потомственное владѣніе составляютъ меньшинство; притомъ все это владѣніе, обусловленное различными обязанностями. Наиболѣе полный перечень послѣднихъ даетъ грамота Шафранцу 1404 г., здѣсь находимъ слѣдующія условія: a) дѣдичъ самъ или чрезъ равнаго себѣ замѣстителя долженъ проживать въ жалуемыхъ имѣніяхъ; b) онъ долженъ являться въ заграничные походы съ 6 копьями и 12 стрѣльцами, а для земской обороны—со всѣми людьми; c) отчужденіе имѣній можетъ происходить только за разрѣшеніемъ королевскимъ; d) подданные должны отбывать всѣ повинности и подати, какія существовали при прежнихъ владѣтеляхъ Подолья [3]). Если къ этому присоединить стацію (stationes), т. е. обязанность содержанія королевскаго двора при проѣздѣ, то получимъ полный перечень условій дѣдич-

---

1) A. G. Z. IV № 16, 22, V № 27, 30.

2) A. G. Z. IV № 22, рег. 1386 г. у г. Линниченка (Юрид. формы с. 309); единственный мнѣ извѣстный случай пожалованія jure feodali— въ регестѣ 1399 г. у г. Линниченка l. c; о переводѣ съ jus feodale на jus hereditarium см. еще ниже.

3) А. Б. с. II R. 1404; первыя два условія повторены въ грамотѣ 1440 г. на тѣ же имѣнія.

наго владѣнія на Подольѣ по документамъ Ягайла; въ другихъ грамотахъ его повторяются эти же условія, но не перечисляются сполна въ каждомъ случаѣ, а упоминаются лишь нѣкоторыя [1]), хотя едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что всѣ они были обязательны въ этихъ случаяхъ. Терминъ jus feodale обыкновенно отсутствуетъ [2]), но не встрѣчается здѣсь и jus hereditarium.

Преобладающимъ типомъ пожалованій Ягайла и его ближайшихъ преемниковъ для Подолья является запись суммы; дѣдичныя пожалованія падаютъ преимущественно на первые годы XV в. и позже встрѣчаются весьма рѣдко [3]). Первоначально преобладаютъ записи безсрочныя--до выплата; гарантіи отъ выкупа (пожизненныя) встрѣчаются въ XV в. только какъ исключенія [4]). Встрѣчаются записи т. н. голыя, т. е. безъ означенія условій пожалованія [5]), но

---

[1]) А. Б. с. I № 2 (воинская пов.), № 6 (воинская пов. и residentia), грамоты на Кормильче 1402 и 1410 г. — то же и ограниченіе отчужденія (Кн. рев. 1564 f. 42 об., К. Ц. А. № 3599 f. 172 v.); грамота на Ольховецъ 1403 г.— воинская пов. (ad quamlibet expeditionem cum duabus lanceis et quatuor sagitariis, circa expeditiones domesticas, utpote circa defensionem terrae—cum omnibus hominibus), residentia и всѣ прежнія подати, quae antecessoribus nostris, ducibus Podoliae et possessoribus ipsius solvi solitae fuerant (Кор. Метр. варш. № 138 f. 26 v.); Лядава 1410—военная служба, residentia и дани (Подол. еп. вѣд. 1887, № 46 p. 1075); Круглецъ 1420 г.—stationibus et quibusvis solutionibus, in terris Russiae solitis, reservatis (Кн. рев. 1564 f. 18).

[2]) Исключеніе (до нѣкоторой степени—такъ какъ относится къ Теребовльскому повѣту) среди извѣстныхъ мнѣ грамотъ составляетъ приведенная г. Линниченкомъ регеста пожалованія 1431 г. (Юрид. формы, с. 309).

[3]) А. Б. с. I № 12, Кн. рев. 1564 f. 17 v.—1442 г. (Мужилу Бучацкому на села въ Теребовльск. пов., съ обязательствомъ платы 2 грош. и воинской пов. ad quamlibet expeditionem generalem).

[4]) А. Б. с. II R. 1442, Кн. рев. 1564 f. 112 (изд. въ прилож. къ Gazeta Lwowska)—Подгайцы и Яблоновъ, собственно застава въ занятыхъ 250 грив. (1414 г.)

[5]) А. Б. с. I № 3, 7, 14, 17, Кн. рев. 1564 f. 181, 194 (Степан-

большинство заключаетъ въ себѣ и указанія обязанностей получателя, хотя указанія эти, весьма не полныя и варьирующіяся въ отдѣльныхъ документахъ, далеко не опредѣляютъ дѣйствительно лежавшихъ на землевладѣльцѣ повинностей. Условія эти выступаютъ напр. въ такихъ комбинаціяхъ: пожалованіе a) съ сохраненіемъ стацій [1]); b) съ сохраненіемъ взносовъ (exactionibus) [2]), c) съ сохраненіемъ стацій и взносовъ (stationibus et dationibus) [3]), d) съ обязательствомъ пребыванія (residentia personalis) [4]), e) съ обязательствомъ пребыванія и стаціями [5]), f) съ воинскою повинностью и обязательнымъ пребываніемъ [6]), g) съ обязанностью пребыванія и ограниченіемъ права отчужденія (только за королевскимъ разрѣшеніемъ) [7]), h) то же, съ прибавленіемъ стацій [8]), i) воинская повинность, обязательное пребываніе и стаціи [9]); j) воинская повинность, обязательное пребываніе, отбываніе всѣхъ работъ и податей, какія

ковцы, Болванецъ, 1431 г.), f. 19 (Поросятковъ, 1441 г.); къ этой же категоріи относятся записи Витовта.

[1]) А. Б. с. I № 9, 19, Кн. рев. 1564 г. f. 194 v. (1438, Куяловъ), 23 v. (1441, Окуневъ), f. 21 (1442, Волковцы), f. 201 (1464, Плоскировъ).

[2]) А. Б. с. II R. 1431 (Озаринцы).

[3]) А. Б. с. I № 5, Кн. рев. 1564 f. 204 (1434, Кумановъ).

[4]) А. Б. с. I № 8, A. G. Z. V № 51, Кн. рев. 1564 f. 58 v. (1431, Румкушевцы): residentiam faciat personalem, alias sibi ad tenendas praesentes nostras inscriptiones minime obligamur; f. 134 (1433, Ольховецъ), f. 28 (1436, Хрептыевъ), f. 20 (1439, Малиничи).

[5]) А. Б. с. I № 13, A. G. Z. IV № 81, V № 87, Кн. рев. 1564 f. 10 (1433, Кужелева), f. 2 (1439, Вербовецъ).

[6]) А. Б. с. I № 4.

[7]) Кн. рев. 1564 f. 152 v. (1436, Супрунковцы): alias si non resideret personaliter ibidem aut ipsa bona venderet vel commutaret, tunc eadem bona absque cuiusvis pecuniae solutione ad nos redirent ipso facto.

[8]) Кн. рев. 1564 г. f. 28 v. (Хрептыевъ, 1439 г.), 59 v. (Ушица, 1436 г.), 100 v. (Балина, 1436 г.).

[9]) А. Б. с. I № 11, II R. 1448.

существовали при прежнихъ владѣтеляхъ Подолья (1431) [1]); k) то же, но вмѣсто прежнихъ податей только двухгрошевая подать (1442 г.) [2]); наконецъ—l) пожалованный, кромѣ сторóжи и военной службы по призыву старосты, обязуется самолично отбывать работы (панщину)—1512 г. [3]).

Не возможно сомнѣваться въ томъ, что повинности и обязательства, лежавшія на землевладѣльцахъ польской Украины, опредѣлялись не столько безконечно варьировавшимися упоминаніями грамотъ, сколько извѣстною установившеюся земскою практикою. Длугошъ, разсказывая объ уравненіи въ правахъ обывателей галицкихъ и подольскихъ съ польскими, говоритъ, что Ягайло, освободивъ ихъ отъ многихъ отяготительныхъ податей и повинностей, сохранилъ въ силѣ обязательства: участвовать во всѣхъ войнахъ и походахъ безъ полученія donativum, отбывать своими людьми замковыя работы и платить по двѣ мѣры овса, двѣ ячменя и по 4 гроша польскихъ (т. е. 2 широкихъ) съ дыма. Это извѣстіе, подтверждаемое однимъ варіантомъ Едлинской привилегіи, интересно тѣмъ, что въ качествѣ общеземскихъ повинностей называетъ такія, о какихъ совершенно молчатъ жалованныя грамоты въ своихъ перечняхъ повинностей (какъ замковыя работы, хлѣбная дань) [4]). Очевидно, въ большинствѣ случаевъ король въ своихъ грамотахъ упоминалъ о тѣхъ лишь повинностяхъ, которыя требовали такого упоминанія вслѣдствіе небрежнаго исполненія (этимъ, по всей вѣ-

---

[1]) Кн. рев. 1564 f. 182 v., Покляки въ пов. Скальскомъ: circa expeditiones domesticas et alias, si eas fieri contingerit, nobis cum omnibus subditis obsequi tenebitur et debebit; daciones, contributiones et labores, quae antecessoribus nostris, possessoribus Podoliae, solitae fuerant, per cmethones et incolas villae efficaciter exolvantur (1431).

[2]) A. G. Z. VI № 20.

[3]) А. Б. с. I № 25 и 26.

[4]) Długosz IV p. 548, Volum. legum I p. 42; варіантъ (изъ дипломатарія Догеля) у Бандтке Jus polonicum p. 231 и Стадницкаго Synowie Gedymina I p. 213—4.

роятности, объясняется то обстоятельство, что самимъ распространеннымъ условіемъ является residentia personalis) или неустойчивости своей въ земской практикѣ. Этимъ же должно быть объяснено и существованіе „голыхъ" записей при Ягайлѣ и въ послѣдующее время одновременно съ пожалованіямъ условными, съ разнообразными повинностями: въ нихъ per tacitum consensum на пожалованнаго распространялась земская практика повинностей. То же самое можно сказать и о замѣчаемомъ какъ будто постепенномъ повышеніи нормы повинностей (maximum падаетъ на упомянутыя пожалованія 1512 г., гдѣ самъ землевладѣлецъ обязывается панщиною); правительственныя опредѣленія шли за практикою, овладѣвая постепенно существовавшими въ дѣйствительности условіями.

Перейдемъ теперь къ соображеніямъ относительно особенностей шляхетскаго землевладѣнія польской Украины. Основная разница—обусловленный характеръ послѣдняго, сказывающаяся въ самой внѣшности грамотъ, была уже выше отмѣчена. Точная нормировка военной повинности—наиболѣе раннее и распространенное условіе галицкихъ пожалованій—тоже не извѣстна польскому землевладѣнію. Хотя военная служба составляла исконную обязанность шляхты, въ польскихъ пожалованіяхъ обыкновенно о ней не упоминается, и польское законодательство XIV в., ограничивая обязанность службы предѣлами Польши, относительно размѣровъ воинской повинности ограничивается очень неопредѣленными desiderata'ми: такъ статутъ великопольскій постановляетъ, что каждый шляхтичъ долженъ „служить какъ можно лучше", сообразно величинѣ своихъ имѣній, отбывать военную службу „извѣстнымъ числомъ людей", а Кошицкій привилей, какъ мы видѣли, ставитъ въ обязанность *посильную* службу [1]).

Эти особенности польскихъ памятниковъ дали недавно д-ру Пѣкосинскому даже поводъ къ выводу, что первоначально шляхет-

---

[1]) Великопольскій статутъ—Губе § 17 и 37, Volum. leg. I p. 25.

ское землевладѣніе не было связано съ обязанностью военной службы, которая была личною—не столько обязанностью, сколько привилегіею, правомъ, raison d'être шляхты, между тѣмъ какъ право на владѣніе землею ей давало ея династическое, княжеское происхожденіе (по теоріи д-ра Пѣкосинскаго древнѣйшая шляхта является потомствомъ правившихъ въ Польшѣ княжескихъ династій), и лишь съ теченіемъ времени, съ размноженіемъ и обѣднѣніемъ шляхетскихъ родовъ военная служба начала утрачивать характеръ привилегіи и превращаться въ обязанность. Упомянутыя постановленія XIV в. д-ръ Пѣкосинскій и разсматриваетъ поэтому какъ первыя, неувѣренныя попытки правительства нормировать военную службу шляхты, раньше совершенно не знавшей такой нормировки [1]).

Хотя эта теорія д-ра Пѣкосинскаго не можетъ считаться доказанною (говорю собственно о характерѣ военной службы шляхты, а не о мало вѣроятной теоріи династическаго происхожденія послѣдней) и нѣкоторые факты противорѣчатъ ей [2]), тѣмъ не менѣе въ полной силѣ остается подмѣченный имъ любопытный фактъ, что въ то время какъ относительно польской шляхты правительство высказываетъ только очень неопредѣленныя пожеланія о службѣ quantum melius poterit, secundum quantitatem hereditatum et bonorum, въ пожалованіяхъ галицкихъ военная служба шляхтичей нормируется самымъ опредѣленнымъ образомъ, опредѣляется число ратниковъ и родъ оружія. Въ этомъ Казимировскія пожалованья близко подходятъ къ пожалованіямъ на нѣмецкомъ и волоскомъ правѣ [3]), которыя также въ точности опредѣляютъ воинскую повинность.

---

[1]) Op. c. p. 35—42.

[2]) Такъ въ реестрѣ грамотъ самого д-ра Пѣкосинскаго есть одна (1356, № 66), освобождающая отъ военной службы на своемъ коштѣ. Соображеніе его объ отсутствіи обязательной военной службы съ земель духовныхъ опровергается хотя бы жалованною грамотою 1270 г. въ Codex dipl. Polon. III № 43 (и у Смольки Mieszko Stary p. 430).

[3]) См. древнѣйшее пожалованіе (1377 г.) въ A. G. Z. VII № 13.

Далѣе, галицкіе шляхтичи обязаны были служить безъ вознагражденія не только въ предѣлахъ Польши, какъ это для польской шляхты было установлено законодательствомъ Казимира, но и за предѣлами ея, а въ нѣкоторыхъ пожалованіяхъ подольскихъ (1403, 1404, 1410, 1431 г.) вмѣняется въ обязанность всѣмъ шляхетскимъ подданнымъ участвовать въ походахъ, предпринимаемыхъ для мѣстной, земской обороны [1]).

Обязательное пребываніе, иногда подъ угрозою конфискаціи, зависимость права распоряженія отъ королевскаго разрѣшенія и исключеніе женскаго потомства отъ наслѣдованія при пожалованіи jure feodali составляютъ ограниченія, неизвѣстныя польскому шляхетскому землевладѣнію.

Натуральныя повинности и налоги, лежавшіе на имѣніяхъ украинской шляхты, значительно превосходили налоги польскіе. До 1434 г. лановая подать вдвое превосходила польскую; сверхъ „многихъ отяготительныхъ" повинностей, отмѣненныхъ до 1434 г. и намъ неизвѣстныхъ, существовала хлѣбная дань и замковыя работы въ размѣрахъ большихъ противъ Кошицкаго привилея. Стаціи, отмѣненныя Кошицкимъ и Едлинскимъ привилеями, продолжаютъ включаться въ жалованныя грамоты подольской шляхтѣ.

Эти особенности шляхетскаго землевладѣнія въ польской Украинѣ можно свести къ двумъ категоріямъ: однѣ представляютъ бо́льшую эксплуатацію шляхетскаго землевладѣнія въ интересахъ земской обороны и королевскаго фиска (воинская повинность, подати и работы), другія имѣютъ цѣлью установленіе правительственнаго контроля, въ политическихъ видахъ, надъ составомъ населенія— сюда относится ограниченіе права распоряженія имѣніемъ и обязательное пребываніе, по скольку послѣднее имѣетъ въ виду не просто колонизаціонныя цѣли, а сословно-національный подборъ населенія [2]). Въ то время какъ условія первой категоріи ослабѣваютъ

[1]) А. Б. с. II R. 1404 и грамоты на Ольховецъ и Покляки (цитаты приведены выше), также грам. на Лядаву 1410 г. (l. c.): тягнути со всими своими людми.

[2]) Въ подтвержденіе высказанной выше (с. 60) мысли, что подъ

подъ вліяніемъ стремленія мѣстной шляхты къ уравненію съ польскою, условія второй категоріи находятъ себѣ дальнѣйшее развитіе въ распространеніи системы безсрочныхъ и срочныхъ записей. По характеру своему эти послѣднія приближаются къ типу залога и многія изъ нихъ въ дѣйствительности были залоговыми сдѣлками, выручавшими короля изъ денежныхъ затрудненій, но далеко не всѣ; весьма часто, даже въ большинствѣ, особенно въ болѣе позднее время (съ пол. XV в.), записная сумма просто имѣла служить вознагражденіемъ шляхтичу за колонизаціонныя издержки на случай отобранія имѣнія. Этимъ путемъ достигалось усиленіе шляхетской колонизаціи безъ отчужденія земель въ потомственное владѣніе, при чемъ государство получало возможность весьма широкаго контроля надъ землевладѣніемъ.

По вопросу о генезисѣ условій шляхетскаго землевладѣнія въ польской Украинѣ первоначально высказано было воззрѣніе, видѣвшее въ нихъ остатки феодальнаго галицкаго устройства, постепенно исчезавшіе подъ вліяніемъ польскихъ порядковъ [1]). Новѣйшее объясненіе принадлежитъ г. Линниченку, который разсматриваетъ ихъ, какъ созданіе Казимира и Владислава Опольскаго: Казимиръ, опираясь на свои права личной собственности на Галицкую Русь [2]), вводитъ здѣсь феодальную систему землевладѣнія, имѣя въ виду образованіе военныхъ силъ, непосредственно и вполнѣ зависѣвшихъ отъ него; обязанность пребыванія и ограниченіе права

---

defectus populi, carentia hominum польскихъ грамотъ нужно разумѣть, вѣроятно, скудость польскаго шляхетскаго населенія, можно указать на грамоту 1453 г., гдѣ высказывается пожеланіе, чтобы Подолье eo prompcius presencia hominum inhabitaretur, personis nobilibus et valentibus (A. G. Z. № 132): вторая половина фразы поясняетъ смыслъ первой.

[1]) Szaraniewicz, Rys stosunków wewn p. 59 sq.; на той же точкѣ зрѣнія стоитъ и г. Горжицкій въ своемъ изслѣдованіи—Połączenie Rusi Czerw. z Polską, см. рецензію г. Линниченка въ Ж. М. Н. П. 1891, VI с. 478—9; р. Т. Любомирскаго въ Sprawa włościańska I p. 341.

[2]) Объ этомъ см. особенно Черты ист. сословій Ю.-З. Руси с. 6—7, 10—11.

отчужденія implicite вытекаютъ изъ пожалованій Казимира; но послѣдній проводилъ феодальныя начала подъ прикрытіемъ внѣшнихъ формъ польскихъ порядковъ, а Владиславъ Опольскій, систематически проводя начало феодальнаго землевладѣнія, не стѣсняется уже называть его собственнымъ именемъ; при Ягайлѣ Галичина становиться польскою провинціею, и раздача земель jure feodali прекращается, феодальное землевладѣнія передвигается далѣе, въ крайніе предѣлы Червоной Руси и на Подолье [1].

Я остановился на изложеніи этого объясненія, такъ какъ оно представляетъ наиболѣе серьезную попытку рѣшенія вопроса. Дѣйствительно, считать условныя формы землевладѣнія остаткомъ древнерусскаго общественнаго строя довольно рискованно, такъ какъ слѣдовъ помѣстнаго землевладѣнія въ Южной Руси въ древѣйшій періодъ не замѣтно [2]. Но эта форма не отдѣлена и такою непереходимою пропастью отъ древнерусскаго строя—съ одной стороны, отъ формъ польскаго землевладѣнія—съ другой, чтобы для объясненія ея появленія необходимо было предположить непосредственное заимствованіе феодальныхъ формъ. Въ средній періодъ во всѣхъ почти земляхъ древняго русскаго права, какъ южнорусскихъ (въ коронѣ Польской и в. кн. Литовскомъ), такъ и великорусскихъ, мы замѣчаемъ распространеніе формъ условнаго землевладѣнія; такое сходство объясняется общностью цѣли, которую ставили себѣ правительства—усиленіе земской обороны, а извѣстную почву для этого явленія можно найти и въ древнорусскомъ общественномъ строѣ. Хотя верховныя права на земли принадлежали тогда не князю, а общинѣ [3], но при тѣхъ отношеніяхъ, какія существовали между вѣчемъ и княземъ даже въ земляхъ съ значительно развитою об-

---

[1]) Юридическія формы шляхетск. землевладѣнія с. 282—284, 288 и Черты изъ ист. сословій с. 34—38, 41.

[2]) Ср. Очеркъ ист. Кіев. земли с. 347—8.

[3]) Мысль эту настойчиво проводитъ и г. Линниченко въ послѣднихъ своихъ изслѣдованіяхъ—Ж. М. Н. П. 1891, VI с. 476, VII с. 152, Юридич. формы с. 293 сл.

щинною жизнью, гдѣ (какъ въ Кіевской землѣ) вѣче ограничивалось лишь общимъ контролемъ княжьяго управленія, и послѣднее проникало во всѣ сферы общественной жизни [1]),—вполнѣ возможна была, подъ контролемъ и cum tacito consensu вѣча, раздача свободныхъ земель княземъ подъ условіемъ службы, если бы такая система содержанія дружины оказалась для него болѣе удобною (что становится мыслимымъ только съ прочнымъ утвержденіемъ князя и дружины въ данной землѣ), а съ ослабленіемъ общиннаго начала и такой общинный контроль могъ исчезнуть. Такъ это *могло бы* быть и въ Галичинѣ.

Съ другой стороны, не былъ слишкомъ рѣзкимъ и переходъ отъ тѣхъ слабыхъ попытокъ нормировки шляхетской военной службы, какую мы находимъ въ польскомъ законодательствѣ Казимира, къ тѣмъ точнымъ опредѣленіямъ этой повинности, какія видимъ въ его галицкихъ пожалованіяхъ. Условія раздачи земель на нѣмецкомъ правѣ были посредствующимъ звеномъ и, можно думать—образцомъ для условныхъ пожалованій шляхтичамъ. Для такихъ раздачъ не было Казимиру надобности и въ правахъ личной собственности на Галичину: продолжалъ же подобныя раздачи Ягайло здѣсь и на Подольѣ, хотя за нимъ такихъ правъ не существовало. Раздавая земли за ново, король воленъ былъ ставить условія, какія вызывались государственными нуждами, тѣмъ болѣе, если это была новозавоеванная провинція, гдѣ король не былъ стѣсненъ установившеюся уже практикою. Послѣдующія ограниченія: пребываніе, ограниченія права отчужденія, были результатами польской политики по отношенію къ украинскимъ землямъ и выдвигались самою жизнью: военная служба не потерпѣла бы ущерба отъ исполненія ея замѣстителемъ, но для польскаго правительства важно было, чтобы пожалованный самъ жилъ на Руси и не передалъ бы своего имѣнія ненадежному (съ точки зрѣнія правительства) человѣку, и вотъ Владиславъ требуетъ, чтобы пожалованный съ женою

---

[1]) Очеркъ ист. Кіев. земли с. 308—310.

и дѣтьми жилъ въ помѣстьѣ и т. п. Что Владиславъ придалъ этому условному землевладѣнію терминъ феодальнаго, понятно, такъ какъ ему, силезскому князю, оно напоминало феодальное землевладѣніе [1]); возможно, что онъ и примѣнялъ нѣкоторыя условія послѣдняго къ землевладѣнію галицкому (такимъ заимствованіемъ могло быть— если дѣйствительно восходитъ ко времени Владислава—исключеніе отъ наслѣдованія женскаго потомства), но все это еще не означаетъ сознательнаго подражанія феодальному строю. Формы условнаго землевладѣнія въ Украинѣ польской были, вѣроятно, постепенно выработаны текущими нуждами польской политики, а не заимствованы у Запада.

Что касается повинностей, лежавшихъ на шляхтѣ и ея подданныхъ въ польской Украинѣ, то въ самихъ документахъ встрѣчаются указанія, что здѣсь кое-что относилось ко временамъ до утвержденія польской власти. Такъ въ одной грамотѣ (1386 г.) Ягайло, освобождая владѣльца отъ повинностей, возложенныхъ на него пожалованіемъ Владислава Опольскаго, оставляетъ въ силѣ omnia et singula iura ruthenica, in terra Russiae ab antiquis temporibus tenta [2]); эти туземныя „права“ съ наибольшимъ вѣроятіемъ ихъ можно предполагать въ кметьихъ повинностяхъ Галичины. Въ одной грамотѣ Казимира, стоящей впрочемъ одиноко, отмѣняются такія повинности: „ни воина, ни яловицѣ платити, ани поѣздньства, ни грамоты носити [3]). Для Подолья имѣются прямыя указанія о сохраненіи въ практикѣ XV в. повинностей времени до польскаго господства: въ грамотахъ 1-ой пол. XV в. (1403, 1404, 1431 г.) сохраняются „дани, подати и работы всякаго наименованія, отбывавшіяся предшественникамъ нашимъ, князьямъ

---

[1]) Любопытно, что въ одномъ документѣ 1416 г. jus foodale называется иначе силезскимъ: alias szluskiego (вар. szlinskiego)—A. G. Z. V № 30.

[2]) Регеста у г. Линниченка—Юридич. формы, прим. 16, Черты с. 41.

[3]) Акты Ю. З. Р. II № 62; г. Линниченко (Черты с. 195) читаетъ: ни во инакия ловицѣ.

и владѣтелямъ Подолья [1]); это относится спеціально къ крестьянскимъ повинностямъ. Судя по грамотамъ Коріатовичей, военная служба и постройка замковъ не составляли здѣсь польскаго нововведенія (какъ, по всей вѣроятности, не составляли и нововведенія Коріатовичей): о воинской повинности („на войну и на погоню“) земянъ „на поганина“ говорятъ грамоты 1388 и 1392 г., грамоты 1375 и 1388 гг.—объ обязанности поданныхъ духовныхъ, боярскихъ и земянскихъ „города твердити, къ которому жъ городу прислушають“; изъ грамоты 1388 г. видно также, что обычною повинностью крестьянъ было „подводу давати и повозъ возити“, но отъ нея уже освобождались крестьяне привилегированныхъ владѣльцевъ. Впрочемъ Ягайло при своихъ пожалованіяхъ относительно шляхетскихъ повинностей исходилъ, вѣроятно, изъ практики не подольской, а галицкой, откуда заимствовалъ и обязанность „резиденціи“. Оригинальное отличіе его подольскихъ раздачъ составляетъ обязанность *всего* крестьянскаго населенія участвовать въ „походахъ домашнихъ для обороны земли“ [2]), имѣвшая источникомъ, вѣроятно, земскую практику.

Конечно, эти тяжелыя сравнительно съ польскими условія землевладѣнія должны были тяготить шляхту и побуждали хлопотать о примѣненіи къ Украинѣ польскихъ нормъ. Въ частности самый терминъ феодальнаго владѣнія долженъ былъ ей быть непріятнымъ, такъ какъ проводилъ рѣзкую черту между мѣстнымъ условнымъ землевладѣніемъ и польскимъ привилегированнымъ владѣніемъ jure hereditario. При Ягайлѣ отдѣльные шляхтичи просятъ о переводѣ ихъ имѣній съ феодальнаго права на дѣдичное, и нѣсколько королевскихъ грамотъ въ этомъ смыслѣ сохранилось. Любопытно, что въ одной, исполняя просьбу объ отмѣнѣ „феодальнаго права“, король однако сохраняетъ въ силѣ „старинныя русскія права“, а въ другой оставляетъ обязательство военной службы

---

[1]) А. Б. с. II R. 1404 и грамоты на Ольховецъ и Покляки—см. выше цитаты (во всѣхъ грамотахъ дословно то же).

[2]) См. выше с. 161.

и платежъ 2 шир. грош. ланового, т. е. тѣ именно условія, на которыхъ было пожаловано имѣніе Владиславомъ Опольскимъ [1]), такъ что возникаетъ вопросъ не ограничивалась ли отмѣна однимъ непріятнымъ терминомъ? Позже, въ XVI в., характеристическимъ аттрибутомъ феодальнаго права было исключеніе отъ наслѣдованія женскихъ потомковъ; можетъ быть, это ограниченіе и отмѣнялось пожалованіями Ягайла при переводѣ на „дѣдичное право"?

Не довольствуясь такими частными, быть можетъ—фиктивными, переводами на польское право, галицкая и подольская шляхта усердно хлопочетъ при Ягайлѣ о дѣйствительномъ и общемъ уравненіи съ польскою шляхтою. Перипетіи этого процесса намъ, къ сожалѣнію, весьма мало извѣстны; формально онъ завершился въ 1434 г., когда по просьбѣ шляхты земель Русской и Подольской, ссылавшейся на намѣреніе Ягайла, она была надѣлена привилегіями и преимуществами шляхтичей и обывателей Польши, освобождена безусловно отъ всѣхъ службъ и повинностей и во всемъ уравнена съ прочими польскими шляхтичами [2]). Но этому предшествовали, очевидно, отдѣльныя уступки. Едлинскимъ привилеемъ 1430 г. Ягайло освободилъ шляхту земель русскихъ отъ многихъ повинностей, но различныя редакціи ея расходятся въ опредѣленіи сохраняемыхъ обязанностей; такъ въ оффиціальномъ текстѣ идетъ рѣчь лишь о хлѣбной дани (avenae contributio), сохраняемой до смерти Ягайла, въ остальномъ Русь совершенно уравнивается съ Польшею; въ другой редакціи—шляхтичи сверхъ того обязываются отбывать (безъ вознагражденія по 5 грив. за копье) походы за границы государства, строить и чинить замки [3]), а

---

[1]) A. G. Z. V № 30 (ср. № 10) и упомянутая регеста 1386 г.

[2]) Długosz IV p. 548; эта грамота не вошла въ собранія польскихъ законовъ, что Стадницкій объяснялъ неудовольствіемъ поляковъ на эту мѣру (Synowie Gedymina I p. 215).

[3]) Volum. leg. I p. 42, Jus polonicum p. 251, Długosz IV p. 396 (a. 1430); противорѣча приведенному тексту Едлинскаго прив., Длугошъ затѣмъ говоритъ, что Ягайло намѣренъ былъ сохранить *на всегда* военную службу, постройку замковъ и лановое 2 гр. широкихъ (IV p. 548);

что эта редакція имѣла реальное значеніе, доказывается обязательствомъ, выданнымъ „земянами (terrigenae) русскими“ въ этомъ смыслѣ [1]).

Судя по сообщенію Длугоша, уравненіе въ правахъ 1434 г. должно было распространяться на все шляхетское населеніе Руси и Подолья (barones, nobiles et universi terrigenae); Едлинскій привилей также выражается безъ всякихъ оговорокъ, и въ упомянутомъ обязательствѣ идетъ рѣчь о шляхтѣ „католической и схизматической“, тѣмъ не менѣе уже К. Стадницкій усумнился, простиралось ли это уравненіе на шляхтичей православныхъ [2]). Въ настоящее время можно съ полною увѣренностью признать, что дарованіе льготъ 1430—1434 г. простиралось не на все шляхетское населеніе польской Украины. Въ особенности на Подольѣ существовали и позже, въ XVI, мѣстами даже XVII и XVIII в., многочисленныя группы непривилегированной, служилой шляхты. Въ Галичинѣ также и послѣ 1434 г., при Казимирѣ, встрѣчаются случаи пожалованія условнаго, съ обязанностью службы [3]).

Какой существовалъ критерій для отнесенія къ числу привилегированныхъ шляхтичей, это довольно трудно опредѣлить. Г. Линниченко, какъ видно предполагаетъ, что въ эту категорію были включены кромѣ поляковъ знатнѣйшіе туземные роды, нобилитованные чрезъ адоптацію польскими родами [4]). Это вѣроятно, хотя никакъ нельзя отождествлять признанія шляхетства съ привилегированнымъ землевладѣніемъ. Подольскіе служилые землевладѣльцы—шляхтичи, въ титулѣ имъ обыкновенно не дѣлаютъ разницы сравни-

---

вѣроятно, это нужно понимать, какъ содержаніе одной изъ предшествовавшихъ уступокъ.

[1]) Издано въ Archiw f. oesterreichische Geschichte, B. 45, см. у Стадницкаго Synowie Ged. I p. 214.

[2]) Op. c. I p. 215—216.

[3]) См. напр. пожалованіе 1451 г. подъ условіемъ военной службы по призыву старосты и отбыванія сторожи—A. G. Z. V № 131.

[4]) Юридическія формы с. 303—305, Черты с. 62—65.

тельно съ привилегированными шляхтичами. Среди нихъ встрѣчаются и поляки, но въ меньшинствѣ, очевидно—подчиняющемся мѣстнымъ повинностямъ по аналогіи съ туземцами; главная масса такихъ непривилегированныхъ шляхтичей—туземцы, и можно предположить, что въ основѣ различія и лежала національность: за исключеніемъ немногихъ знатнѣйшихъ, всѣ туземные роды, хотя и признаваемые за шляхтичей, составили категорію низшую сравнительно съ настоящею польскою шляхтою, иногда отличаемую терминами: служки, вассалы, бояре, а чаще не имѣющую особаго названія. Какъ извѣстно, и въ польскомъ правѣ существовало нѣсколько категорій шляхетства; въ законодательствѣ XIV в. различаются по размѣру пени: milites famosi или шляхтичи съ plenum jus militale, т. н. scartabelli или medii nobiles, и наконецъ milites creati de sculteto vel kmetone [1]); но такъ какъ правовое положеніе этихъ низшихъ категорій въ законодательствѣ вообще не было достаточно опредѣлено, то украинская шляхта не была подогнана и подъ эти категоріи, и осталась въ неопредѣленной позиціи, приближаясь къ положенію полупривилегированныхъ землевладѣльцевъ, каковы войты общинъ нѣмецкаго права, „князья“ волоскихъ общинъ, замковые служки и т. п. Съ положеніемъ, правами и повинностями этой непривилегированной шляхты мы ниже познакомимся на основаніи данныхъ о барской шляхтѣ XVI в.

---

[1]) Extrav. 97 Вислицкаго статута у Hube p. XXXV, также ibid. p. 108.

V.

Внутренній строй Барскаго староства въ XVI в.; территорія и населеніе; туземные шляхетскіе роды.

Покончивъ съ экскурсами, возвратимся къ Ровскому, съ 1540 г. —Барскому повѣту. Выше я упоминалъ, что наравнѣ съ другими, подчиненными верховному надзору каменецкаго старосты, повѣтами, онъ существовалъ уже въ 1-ой пол. XV в. Впрочемъ терминъ „Ровскій повѣтъ" за весь XV в. мнѣ встрѣтился только два раза —въ разрѣшеніи 1462 г. Н. Рахенбергу выкупить „села, принадлежащіе къ замкамъ и королевскимъ повѣтамъ Хмельницкому, Ровскому и Смотричскому", и въ перечнѣ имѣній Каменецкой каѳедры, гдѣ въ числѣ другихъ упомянута Корчмаровская волость въ повѣтѣ Ровскомъ (in Rovensi districtu). Такъ какъ нѣтъ указаній на возобновленіе Ровскаго замка послѣ разоренія 1452 г., то эти упоминанія 2-ой полов. XV в. съ бóльшою вѣроятностью можно считать за воспоминанія о Ровскомъ повѣтѣ до 1452 г.; въ особенности это можно сказать о документѣ 1498 г., въ которомъ самый перечень селъ восходитъ, по всей вѣроятности, къ 1-ой полов. XV в., до запустѣнія Поднѣстровья [2]).

---

[1]) Villas Iwankowice, Kumanow aliasque, ad castra et districtus regios Chmielnik, Row et Smotr(icz) adiacentes—Inventarium Archivi Regni a. 1682 по рукописи Варшав. Гл. Арх. р. 629, въ парижск. изд. 1862 г. (р. 275) эти слова отсутствуютъ.

[2]) См. выше с. 35 и 45; въ реестрѣ 1493 г. селъ этихъ нѣтъ.

Опредѣлить въ точности пространство Ровскаго повѣта въ XV в. довольно затруднительно: съ одной стороны мы имѣемъ Корчмаровскую волость, т. е. не поддающееся точному опредѣленію пространство въ области верхней Мурахвы, съ другой стороны — перечень пунктовъ, тянувшихъ къ Рову, вмѣстѣ съ нимъ потомъ перешедшихъ къ Одровонжамъ и выкупленныхъ у нихъ Боною; эти пункты относятся къ району побужской и западной Барщины и называются въ полов. XVI в. „издревлѣ принадлежащими“ къ Рову и Елтушкову [1]). Но въ числѣ выкупленныхъ у Одровонжа и пріобрѣтенныхъ Боною у другихъ лицъ, въ качествѣ принадлежавшихъ къ Рову, волостей мы встрѣчаемъ и такія, дѣйствительная принадлежность которыхъ къ Рову очень сомнительна, и которыя могли попасть въ ихъ число совершенно случайно, соединившись какъ-нибудь въ однѣхъ рукахъ (какъ Думановъ и Кумановъ въ западномъ Подольѣ, на Смотричѣ, или Поповцы на Бугѣ). Правда, въ извѣстной степени представленіе о Ровскомъ повѣтѣ даетъ Ровско-Барскій повѣтъ XVI в., такъ какъ этотъ послѣдній съ самаго начала трактуется какъ возстановленный старый Ровскій повѣтъ [2]), но зная неопредѣленность и измѣнчивость повѣтовыхъ территорій, въ пользованіи этими данными слѣдуетъ быть осторожнымъ. Выше было высказано предположеніе, что надднѣстрянская часть Барщины и самый западный уголъ ея могли примкнуть къ Ровщинѣ уже послѣ упадка Бакотскаго и Смотричскаго повѣтовъ [3]). Съ значительною увѣренностью можно утверждать, что Ровскій повѣтъ XV в. обнималъ барское Побужье и пространство по верхнему и среднему теченію днѣстровскихъ притоковъ—Мурашки, Неміи, Лядавы.

Послѣ разрушенія Рова въ 1452 году, когда въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ оставался безъ державцы (такъ какъ Одровонжъ выкупилъ его уже послѣ 1456 г.), Ровскій повѣтъ, вѣ-

---

[1]) А. Б. с. I № 65.

[2]) А. Б. с. I № 48.

[3]) См. выше с. 2.

роятно, пересталъ существовать въ дѣйствительности, и мѣсто Рова занимаетъ сосѣднiй Зиньковъ. Въ описанiи набѣга 1453 г. для отраженiя татаръ выступаютъ такiе державцы восточнаго Подолья: Лащъ зиньковскiй (tenutarius de Zinkowyecz), Янъ Нѣмецъ летичевскiй и Мацелекъ можибожскiй [1]). Былъ ли Зиньковъ и раньше повѣтовымъ замкомъ, съ самостоятельнымъ повѣтомъ, на это нѣтъ указанiй; въ грамотѣ 1404 г. онъ называется villa [2]). Послѣ перехода Рова и огромныхъ владѣнiй въ Побужьѣ и западной Барщинѣ къ Одровонжамъ, послѣднiе, вѣроятно, не заботились о возстановленiи Ровскаго замка, и Зиньковъ, естественно, сдѣлался центральнымъ пунктомъ для прежняго Ровскаго повѣта, какимъ и оставался вплоть до Боны. Въ поборовыхъ реестрахъ 1530 г. въ составъ Зиньковскаго повѣта включенъ почти весь позднѣйшiй Барскiй повѣтъ, до Днѣстра и Мурахвы; къ нему же отнесено побережье Калюса (Цiолковцы, Струга, Ольховецъ) и даже нѣкоторыя поселенiя по среднему теченiю Ушицы (Миньковцы, Крусковцы, Губаровъ), едва ли принадлежавшiя когда либо къ Рову. Съ возстановленiемъ Ровско-Барскаго повѣта, территорiя Зиньковскаго повѣта тянетъ къ Бару; въ переписи 1542 г. видна еще неустойчивость въ въ терминологiи (distr. Barensis et Zynkoviensis), но затѣмъ Зиньковъ окончательно утрачиваетъ значенiе повѣтоваго центра, и самый замокъ Зиньковскiй приходитъ въ упадокъ [3]).

Ровско-Барскiй повѣтъ былъ возстановленъ одновременно съ переходомъ Ровщины къ Бонѣ; весною 1538 г. была выдано уже

---

[1]) Długosz V p. 133.

[2]) Есть нѣкоторыя основанiя предполагать, что древнѣйшимъ центромъ западной Барщины былъ Мукаровъ: с. Мицовцы (на Студенцѣ) называлось иначе городищемъ Мукаровскимъ (въ люстр. 1666 г. wies Miciowce alias Horodyszcze seu Trychowce (p. 257), К. Ц. А. № 3618 f. 1102 (1599): Horodyscze Makarowce seu Antiqua Trychowce), и Мукаровскiе грунта занимали очень значительное пространство—отъ Тернавы (Нестеровцы) до Ушицы (Морозовка)—см. А. Б. с. I № 61, Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 255.

[3]) У Сарницкаго: Zinkow, arx in Podolia, sed neglecta (p. 1930).

королевское разрѣшеніе ровскому старостѣ Альберту Старжеховскому на роздачу земель съ записью суммъ [1]. При этомъ хотя Ровщина составляла пожизненное владѣніе Боны, но староста (хотя, несомнѣнно, избирался Боною) былъ чиновникомъ королевскимъ и повѣтовое управленіе имѣло чисто государственный характеръ, какъ увидимъ ниже.

О территоріи этого возстановленнаго староства можно составить себѣ довольно точное представленіе на основаніи данныхъ 2-ой пол. XVI в., въ особенности люстрацій. Приведемъ перечень поселеній и урочищъ, причислявшихся къ этому староству до конца XVI в.:

Городскія поселенія: Баръ Польскій, Русскій и Чемерисскій, Елтушковъ, Межировъ.

Королевщины въ тѣсномъ смыслѣ (села королевскаго стола и старостинскія):

Биликовцы
Ботвина
Головчинцы
Деражня
— Калинская
— Лука
— Выселокъ
Елтушковъ Нижній (или Малый, потомъ Подлѣсный)
Ивановцы
Карачинцы
Каричинцы
Коморовцы
Крутибородинцы
Лука
Маньковцы
Матыйковъ
Молоховъ
Мукаровъ Нижній (Великій)
Нестеровцы
Новосельцы
Переволока (потомъ Войтовцы)
Покутинцы
Слободка
Щодровскій ключъ:
Копытинцы (Тамшинка),
Поповцы.
Рожновка
Сусловцы
Щодрова
Юрченки [2].

---

[1]) А. Б. с. I № 48.

[2]) Перечень селъ Щодровскаго ключа—А. Б. с. I № 167; Там-

Села и урочища державцевъ и дѣдичей барской юрисдикціи:

(Агдашовъ)
Берлинцы
Буцневцы (Лука Буцнева)
Буцни (Лядава)
Васютинцы (Лукава)
Верещатинцы
Волковинцы
Володіевцы
Галузинцы
Гальчинцы
Гермаки
Глибовъ
Голодки
Дашковцы
Дробышовцы
Елтухи (Руда Паробоча)
Иляшовцы (?)
Княжа Лука (Плебановка)
Козловъ
Козяровцы (Верхкладно)
Коростовцы
Кудовцы (Кудыевцы)
Кужелева (приселокъ Семяковецъ)
Кузминцы
Кунатовцы
Курыловцы
Липковцы (Шарки)
Лопатинцы
Мальчовцы
Михоловцы (Долина Лебедова)
Морозовка (М. Мукаровъ)
Петрановцы (Ременна)
Плоскировцы
Подарнава (Ходаки)
Поповцы
Радзеповцы
Радіовцы
Семяковцы
Сербиновцы (Кумановка, Радуловцы)
Сеферовка
Степанки
Стодульцы
Черешневка
Шелеховъ
Шершеневцы
Шыинцы (Яковле)
Яблоновка
(Юрковцы) [1].

шинка была въ держаніи шляхтичей (Бурживскаго, Незабитовскаго, потомъ Копыцкаго, отъ имени котораго и названа была Копытинцами), потомъ перешла, какъ видно въ категорію старостинскихъ селъ—А. Б. с. I с. 260, 292, II R. 1518; Матыйковъ см. въ Żródła V p. 38, и въ жалов. грамотѣ Стрыжовскому 1615 г. онъ отнесенъ къ Барскому пов. (К. Ц. А. № 5636 f. 633); прочія села въ люстраціяхъ 1552, 1565 и 1570 г.

[1]) Агдашовъ и Юрковцы включены въ люстрацію 1570 г., такъ какъ на нихъ заявили претензіи Мытки, но въ дѣйствительности села

Такимъ образомъ Барское староство обнимало очень обширное пространство. На западѣ оно острымъ угломъ врѣзывалось глубоко въ Каменецкій повѣтъ; крайній пунктъ—Нестеровцы, „посаженные на грунтахъ Мукаровскихъ уже въ пов. Каменецкомъ“ [1]), лежатъ уже къ з. отъ Тернавы. Крайними пунктами на с.-з. являются Барановка и Крутибородинцы, на сѣв. Деражнянскіе грунта переходятъ за р. Волкъ; отсюда граница идетъ по водораздѣлу Рова и Згара и отъ верховья Ровка по теперешней границѣ Литинскаго и Винницкаго у. направляется на ю. къ р. Рову; „звечистую границу“ (съ XV в.) Барщины съ Браславскимъ воеводствомъ здѣсь составляла р. Ольшанка [2]). Къ ю. отъ р. Рова пограничными съ Браславщиною поселеніями Барщины были Молоховъ (потомъ Межировъ) и Коростовцы; по разграниченіямъ 1546 и 1570 г. Барское староство сосѣдило съ Браславскимъ воеводствомъ на всемъ протяженіи до Днѣстра, и границею между ними служилъ водораздѣлъ Мурашки и Мурахвы, а отъ устья, вѣроятно, Мурашки и до Днѣстра—теченіе Мурахвы [3]); но въ этомъ углу до конца XVI в. были лишь пустыни, которыя затѣмъ переходятъ во владѣніе

эти находились во владѣніи Язловецкаго и къ староству Барскому не принадлежали. Володіевцы и Иляшовцы внесены въ списокъ, потому что въ инвентарѣ 1552 г. Володіевскіе и Иляшовичи включены въ число барской шляхты (позже Иляшовичи владѣютъ и Подарнавою). О принадлежности къ Барщинѣ Буцневецъ, Коростовецъ, Кужелевки, Кумановки, Липковецъ, Лопатинецъ, Радзеповецъ, Степанокъ см. А. Б. с. I № 73, 142, 143, 158, 161, II К. 1578, 1590, 1591, Стодулецъ—Źródła V p. 37. Хотя Мукаровскіе грунта входили въ составъ Барскаго староства, но Мукаровъ Татарскій (какъ и Мицовцы) въ XVI в. уже выдѣлились изъ ихъ состава и не подчинялись барской юрисдикціи, а причислялись къ Каменецкому староству.

[1]) Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 255.

[2]) А. Б. с. I с. 264, ср. Грамоты в. кн. литовскихъ с. 8 и Археогр. сборникъ вилен. I с. 124.

[3]) Археогр. сборн. I с. 125—6, А. Б. с. I с. 264—5.

магнатовъ, не подлежавшихъ барской юрисдикціи. Какъ далеко вверхъ по Днѣстру простирались пустыни Барскаго староства, опредѣлить очень трудно; прямыя указанія о принадлежности къ Барщинѣ имѣемъ лишь относительно Юрковецъ и Агдашова, Козлова и, пожалуй, Иляшовецъ; крайній пунктъ Каменецкаго повѣта былъ Калюсъ. Отъ днѣстровскаго побережья граница шла на сѣверъ и обогнувъ Вербовецъ, Летневцы (Н. Ушицу) и Миньковцы, направлялась на западъ, захватывая Глибовъ, Карачіевцы и Семяковцы съ Кужелевкою, къ Нестеровцамъ [1]). Совершенно чрезполоснымъ участкомъ Барщины былъ Щодровскій ключь—небольшая полоса по Бугу, ниже Летичева; какъ указано было выше, эти земли къ Барскому замку были причислены едва ли не по недоразумѣнію, будто близлежащія [2]); въ концѣ XVI в. (1594 г.), когда формировался Летичевскій повѣтъ, земли эти отошли къ Летичевскому староству [3]).

Но и описанная выше территорія Барскаго староства, какъ было упомянуто, не была сплошною, исключая лишь центральной части, ограниченной съ запада примѣрно линіею Деражни-Елтушкова и на югѣ простиравшейся до Володыевецъ и Гальчинецъ. Къ западу и еще болѣе—къ югу барскія осады и урочища были роздѣлены многочисленными помѣстьями и цѣлыми волостями, не подчинявшимися Барскому замку. Такъ въ западной части въ это время существуютъ привилегированныя помѣстья: Зиньковъ, Гремячка, Божиковцы, Мазныки, Бебехи и Охримовцы (Мышковскаго),

---

[1]) Въ побором̆ъ реестрѣ 1565 г. (Zródła dz. t. XIX p. 189) къ Барскому староству отнесены Ціолковцы на Калюсѣ, но это не подтверждается другими данными, и вѣроятно—есть недоразумѣніе.

[2]) Въ подтвержденіе этого предположенія можно указать на подобное же недоразумѣніе, также основанное на созвучіи названій, относительно Кумановки: отыскивая барскую Кумановку, Бона хотѣла подчинить Барскому замку Кумановку хмельницкую (къ в. отъ Синявы), но Кумановскіе отстояли себя (Варш. Гл. Арх. Assessoria № 3 f. 166 v.).

[3]) А. Б. с. I № 167. Черезполосными были въ Барщинѣ, кажется, и Крутобородинцы съ Барановкою.

Нетечинцы и Зинечковцы (Радецкихъ, потомъ Срочицкихъ), Воньковцы (Гербортовъ), Поросятковъ (Добромирскаго). Въ южной Барщинѣ большая часть земель принадлежала къ Голчедаевской волости Язловецкихъ и Корчмаровской—Каменецкой каѳедры. Земли эти, какъ принадлежавшей владѣльцамъ привилегированнымъ, не подчинялись барскому старостѣ и не причислялись къ Барскому староству.

Измѣненія въ составѣ староства обусловливались переходомъ земель отъ непривилегированныхъ владѣльцевъ къ привилегированнымъ и наоборотъ: такъ Берлинцы-Высочекъ входили въ составъ Голчедаевской волости, но занятые Берлинскими, превратились въ село Барскаго староства; наоборотъ, Юрковцы и Агдашовъ, захваченные Язловецкимъ, вышли изъ-подъ власти Барскаго замка. Съ конца XVI в. въ большомъ числѣ совершается переходъ старостинскихъ селъ и помѣстій непривилегированныхъ къ привилегированнымъ шляхтичамъ въ качествѣ доживотныхъ держаній; новые владѣльцы съ теченіемъ времени освобождались отъ onera vassallorum, замѣнявшихся платою кварты, и села выходили такимъ образомъ изъ состава староства. Такимъ образомъ староство не только утратило свои западные и южные аннексы, но и въ центральной Барщинѣ среди селъ барскихъ появляются независѣвшія отъ старосты помѣстья. Это было главною причиною сокращенія пространства староства до размѣровъ XVIII в. На отдѣленіе западной окраины Барщины, вѣроятно, повліяло также и сформированіе Летичевскаго повѣта: ея западная окраина осталась внѣ послѣдняго, такъ какъ граница повѣтовъ Летичевскаго и Каменецкаго, по размежеванію 1612 г., шла по Ушицѣ и Калюсу (захватывая Поросятковъ)[1]), а съ начала XVII в. Барское староство разсматривается какъ подраздѣленіе (трактъ) Летичевскаго повѣта. Впрочемъ единственное уцѣлѣвшее здѣсь „боярское“ село—Морозовцы причислялось къ Барщинѣ и во 2-ой пол. XVII в.[2]).

---

[1]) Архивъ Ю.-З. Р. VII, I № 41.

[2]) А. Б. с. II с. 133, Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 508.

Такъ какъ привилегированное шляхетство, какъ сказано, не подчинялось барскому старостѣ, и имѣнія его не причислялись къ староству, то населеніе послѣдняго слагалось изъ такихъ категорій: шляхта непривилегированная (иначе бояре, вассалы), мѣщане, кмети селъ королевскихъ и старостинскихъ, кмети селъ шляхетскихъ (непривилегированныхъ). Впрочемъ, эти категоріи, какъ увидимъ ниже, не были такъ рѣзко разграничены между собою, какъ то вытекало изъ польскаго государственнаго права, правовое положеніе ихъ не различалось особенно сильно, и для населенія низшихъ категорій былъ возможенъ переходъ въ самую высшую—шляхетскую (непривилегированную) безъ всякихъ нобилитацій, ipso facto. Изъ этихъ категорій населенія наиболѣе обильный матеріалъ документы даютъ относительно непривилегированной шляхты: объ ея этнографическомъ и сословномъ происхожденіи, правовомъ положеніи, экономическомъ состояніи и бытѣ; на ней въ виду этого, а также многихъ оригинальныхъ чертъ, характеризующихъ ее, и остановимся подробнѣе.

Этнографическое происхожденіе составляетъ наиболѣе общую черту, объединяющую представителей барской шляхты; въ огромномъ большинствѣ — это населеніе туземное, украинское, коренное или ассимилированное туземною массою. Такъ разсматривала его и польская администрація, и центральное правительство, въ своихъ грамотахъ XVI в. называя барскихъ шляхтичей „русинами“ (rutheni) [1]). Этотъ этнографическій составъ шляхты представляетъ значительный интересъ, поэтому я остановлюсь на исторіи этихъ туземныхъ родовъ [2]).

---

[1]) Русинами называются въ грамотахъ Мытки, Галузинскіе, Радіевскіе—А. Б. с. I № 69, 70, 100, см. также замѣчаніе люстраторовъ о „земянахъ или боярахъ русскихъ“ въ Архивѣ Ю.-З. Р. VII, II с. 262.

[2]) Обращаю между прочимъ вниманіе читателя на заключающіяся въ ниже приводимомъ матеріалѣ интересныя данныя по исторіи украинскихъ именъ и фамилій.

Подробныя свѣдѣнія о нихъ мы имѣемъ съ половины XVI в., хотя весьма многіе изъ родовъ, извѣстныхъ лишь въ XVI в., восходятъ, несомнѣнно, къ гораздо болѣе раннему времени.

Наиболѣе раннія, хотя и не свободныя отъ сомнѣнія, свѣдѣнія относятся къ роду *Карачевскихъ*, возводившихъ свои помѣстья — Кн. Луку, Семяковцы и Глибовъ къ пожалованіямъ Витовта XIV в. Родоначальникъ ихъ Василь Карачовскій, слуга Витовтовъ, получаетъ отъ него въ 1393 г. Кн. Луку. Внукомъ, вѣроятно, его былъ Зинько Корачъ, исхлопотавшій себѣ въ 1468 г. грамоту на Кн. Луку у Станислава изъ Ходча, въ которой онъ именуется nobilis. Въ началѣ XVI в. выступаютъ братья Сенько изъ Карачовецъ и Олекса изъ Выкотинецъ, получившіе въ 1504 г. разрѣшеніе на выкупъ Гричковецъ; такъ какъ позже (1509 г.) Гричковцы видимъ во владѣніи Ляшка или Лазаря Карачевскаго, то и упомянутыхъ братьевъ Сенька и Олексу слѣдуетъ считать Карачовскими (de Karaczovycze есть, вѣроятно, обычный парафразъ фамиліи), и Сенько могъ быть тожественнымъ съ Зинькомъ Корачемъ (туземныя имена часто путались въ королевскихъ грамотахъ) [1]. Тотъ же Лазарь исхлопоталъ въ 1510 г. подтвержденіе на Кн. Луку, а позже (1532 г.) выкупилъ Глибовъ у Подфилипскаго; послѣдній разъ я встрѣтилъ „Лазура Карачовскаго“ подъ 1537 г. [2]). Собранныя имъ помѣстья перешли къ Олексѣ (Alexius alias Olexa) Карачовскому, именуемому въ документахъ также Лехномъ и Александромъ (подобная путаница, при переводѣ народныхъ именъ на календарныя, вещь очень обыкновенная) [3]); сверхъ перечисленныхъ имѣній онъ владѣлъ еще Дашковцами, принадлежавшими раньше Елтухамъ; женился онъ на представительницѣ богатого рода Мытковъ—Федорѣ Мытковнѣ, дочери Дмитра Мытка, за которою получилъ 50 злот. въ посагъ. Благодаря тому, что родъ былъ немногочисленный, и имѣнія не дробились, Карачовскіе заняли одно изъ первыхъ

---

[1]) Акты З. Р. I № 6, А. Б. с. I № 1, 3. 5, 21, 26, II R. 1509.

[2]) А. Б. с. I № 3, 44, К. Ц. А. № 3599 f. 99 v.

[3]) А. Б. с. I с. 164 (Александръ), II R. 1542 (Лехно).

мѣстъ среди мѣстной шляхты, и Олекса по ревизіи 1552 г. одинъ изъ всей шляхты ставилъ трехъ коней. Сынъ его Романъ получилъ въ добавокъ отъ М. Герборта Семяковцы, и во время экзекуціи правъ они съ отцемъ не только отстояли свои имѣнія, но благодаря представленнымъ грамотамъ Витовта были утверждены въ правахъ дѣдичнаго владѣнія и обнаруживаютъ явныя стремленія выбиться изъ-подъ „зверхности замковой“ и перейти въ ряды привилегированной шляхты: въ 1566 г. Романъ добивается на основаніи прежнихъ жалованныхъ грамотъ освобожденія отъ всѣхъ замковыхъ повинностей, исключая военной службы, а въ 1570 г. ревизоры признали за его имѣніями „вольность права земскаго дѣдичнаго короннаго“, а его самого—за подлежащаго юрисдикціи старосты каменецкаго, т. е. шляхтича привилегированнаго. Неизвѣстно однако, воспользовался ли онъ на практикѣ добытыми правами, по крайней мѣрѣ во время люстраціи 1570 г. онъ отбывалъ повинности wedle revisiei pierwszei [1]). Повидимому, старикъ Олекса пережилъ своего сына; въ 1582 г. онъ совершилъ дарственную на половину своихъ имѣній, т. е. Глибова, Гричковецъ, Дашковецъ, Долговецъ и Кн. Луки, своимъ племянникамъ, сыновьямъ сестры своей Анны, вышедшей за Никифора Хорошка Шелеховскаго, Андрею и Лукѣ; другая половина перешла къ сыновьямъ Романа Федору и Севастьяну; часть Гричковецъ съ половиною недвижимости далъ онъ своему „выхованцу“ (alumno alias wichanczowi) Семяну. Потомъ (1591 г.) Карачевскіе съ Хорошками подѣлились такъ, что Дашковцы и Кн. Лука съ Долговцами перешли цѣликомъ къ Хорошкамъ, а Глибовъ и Гричковцы къ Карачевскимъ; имъ же достались и Семяковцы [2]). Изъ инвентаря имущества Севастьяна Карачевскаго (1617 г.) видно, что это былъ шляхтичъ по тогдашнему времени богатый и причастный высшимъ умственнымъ интересамъ, такъ

---

1) А. Б. с. I № 1, 90, 103, 108—9, 112, 119, 120, с. 164 и 257.

2) А. Б. с. I № 178, П К. 1582, 1591, раздѣлъ имущества между Федоромъ и Севастьяномъ въ К. Ц. А. № 3617 f. 305 (1598).

какъ среди его имущества значится skrzynia wielka z xięgami, ktorych było do kilkaset [1]). Затѣмъ маетности Карачевскихъ стали еще болѣе мельчать; у Севастьяна правда сыновей не осталось, но у Федора было ихъ четыре (Александръ, Романъ, Данило и Севастьянъ). Въ 1626 г. Романъ Корачевскій продалъ половину

---

[1]) Такъ какъ подобные инвентари представляютъ вообще значительный интересъ, то считаю не лишнимъ привесть его здѣсь, съ незначительными сокращеніями: Sahaidak oprawny z łukiem (y) strzałami; pałasz oprawny; czasek srebrnych pięc; łyzek srebrnych piętnascie; łyzek w puzdrze srebrnych dwanascie; korbacz oprawny y pieczęc srebrna; agnusek srebrny, w ktorym czerwonych złotych dwudziescia, y z łancuszkiem; para maneli złotych; rząd srebrny usarski; pas srebrny białogłowski; szabla oprawna; pierscieniow cztery złotych; pieniędzy w szkatule osmdziesiąt złotych y ieden złoty; ładawnice oprawną; szkatułkę z korzeniem rozmaitym; zupanow dwa iedwabnych kozackich adamaszkowych, falędyszowy ieden; oponcza falędyszowa; delia czerwona, atłasem podszyta, delia ..łusowa, błękitnym atłasem podszyta; kołpak kuni; futro lisie zpod ferezij; karazij czerwoney dwa postawy; kobiercow cztery czerwonych; poscieli dwie białych z kołdrami; kocow farbowanych dwa; ubranie dwoie falęndyszowe, boty y cizmy safianowe; ręcznikow cztery; grzebniarz ze wszytkim; skrzynie wielką z xięgami, ktorych było do kilkaseth; pułhakow dwadziescia; muszkietow cztery; muszkietow trubczatych cztery; rusznic ptaszych osm; hiszpankę, ktorą osm razy strelac; ładownic prostych dziesięc; pałaszow dwa prostych; szabel dwie prostych; sahaidak prosty ze wszystkim, z strzałami, z łukiem; siodeł kozackich dwanascie; kotczy kowany z szorem poszosnym; pułmiskow cynowych dziesięc; talerzow cynowych dwa tuziny; dwie konwi cynowych; flasz dwie cynowych, w ktorych po siedmi kwarth było; panwi szesc; kothłow dwa; roznow dwa; flasz z szkatułą cynowych siedm; skrzynię z rozmaitym naczyniem zelaznym domowym wielką; slosarskich piliec trzy; szrubstak; obcągi; młotkow dwa; piła wielka ciesziel-ska; mozdzerow dwa; miednicę; zelaz płuznych dwie; banie dwie wielkich miedzianych; kotłow gorzałczanych trzy; owiec pułtorasta; koni woznikow szesc, zrzebcow dwa, bydła dwadziescia, swini dwadziescia — К. Ц. А. № 3626 f. 13 v.

Гричковецъ и Глибова Стржижовскому, который, повидимому, скупилъ потомъ и остальныя части, такъ какъ о Карачевскихъ тарифы 2-ой пол. XVII в. уже не упоминаютъ, и родъ этотъ вообще сходитъ затѣмъ со сцены. Когда вышли изъ ихъ рода Семяковцы и Коржовцы, перешедшіе къ нимъ въ к. XVII в. (отъ Малинскаго), я не нашелъ указаній; по тарифамъ 1668 и 1678 г. Коржовцы значатся еще заними) [1].

Къ 1-й пол. XV в. восходитъ нѣсколько родовъ; начнемъ съ *Буцней*, родословіе которыхъ впрочемъ представляетъ значительныя затрудненія. Родоначальникомъ ихъ былъ Васько Буцень, земянинъ (terrigenarius) подольскій, сыновья котораго Сыма и Берло, получили отъ Витовта и кор. Владислава пожалованія на обширныя земли на Поднѣстровьѣ [2]. Судя по названіямъ урочищъ, они, очевидно, успѣли здѣсь угнѣздиться,—вѣроятно, еще раньше этихъ пожалованій (ср. Васьковцы и Васько, Берладка и Берло, Буцневцы); но затѣмъ, съ половины XV в., они не упоминаются впродолженіи цѣлаго столѣтія. Въ первой половинѣ XVI в. за то мы находимъ Берлинскихъ—Иваска изъ Берлинецъ подъ 1520 г., потомъ Андрея или Андрушка Берлинскаго, вмѣстѣ съ Козловскимъ сложившаго голову въ Молдавіи ок. 1551 г.; извѣстны сыновья Андрея Супронъ и Иванъ, иначе Иванина; кромѣ того упоминаются Мурша и Василь Берлинскіе въ 1565 г., а позже Бурланъ (иначе Бурнатъ) Берлинскій [3]. Берлинскіе эти владѣли селомъ Берлинцами (первоначально ур. Высочокъ), отъ котораго, вѣроятно, и получили свое прозвище. Затѣмъ во 2-ой пол. XVI в. появляются снова Буцни: пять братьевъ—Федоръ, Чорнышъ, Іосипъ, Лазуръ и Степанъ.

---

[1]) К. Ц. А. № 3626 f. 13, 3637 f. 15, 59, 3733 f. 25 v., Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 502, 530.

[2]) А. Б. с. I № 12, см. выше с. 37.

[3]) А. Б. с. I № 33, 66, 78, 145, с. 165, 255, П R. 1546, Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 264. Мурша Берлинскій можетъ служить предостереженіемъ относительно того, какъ легко можно зачислить туземца въ иноплеменники, судя по имени.

Бучновята получили пожалованіе отъ М. Герборта, а потомъ и отъ короля (1563 г.) на ур. Лядаву, потомъ по ихъ имени названную Буцнями. Нѣтъ повода сомнѣваться въ томъ, что это были потомки Буцней XV в., съ тѣхъ поръ проживавшіе на Лядавѣ (утвержденной за ними въ 1450 г.), но утратившіе, какъ то часто бывало, свои жалованныя грамоты и изъ разряда шляхты (nobiles—въ грам. 1450 г.) попавшіе въ категорію разночинцевъ: въ грамотѣ 1563 г. они титулуются providi, титуломъ не-шляхетскимъ, преимущественно мѣщанскимъ. Не извѣстно, были ли вовсе утрачены ими ихъ обширныя земли или нѣкоторыя изъ нихъ удержались за отдѣльными отраслями этого рода, принявшими новыя прозвища. Берлинскіе, по всей вѣроятности, были такою отраслью Буцней, которые, захвативъ сосѣдній съ Лядавою Высочокъ, основали здѣсь село Берлинцы (ср. Берла Буцня). Въ концѣ XVI в. одинъ изъ Буцней—Иванъ, сынъ Лазаря, женился на дочери Супрона Берлинскаго Аннѣ и унаслѣдовалъ претензіи на часть Берлинецъ и Радіевецъ. Берлинскіе затѣмъ незамѣтно сходятъ со сцены, родъ же Буцней входитъ въ силу: по ревизіи 1607 г. они могли поставить 13 всадниковъ [1]). Изъ этого рода нѣкоторые во второй половинѣ XVII в. достигаютъ выдающагося положенія среди барской шляхты; такъ Георгій Буцень, вицегерентъ гродскій летичевскій, получаетъ отъ Яна Казимира за заслуги земли въ Степанкахъ и Кудыевцахъ; другой Буцень—Леонтій занимаетъ должность поручика Барскаго тракта, Александръ—подротмистра шляхетскаго Барскаго староства. Буцни отыскиваютъ грамоту 1450 г. и возобно-

---

[1]) А. Б. с. I № 106, с. 260, П Р. 1607, К. Ц. А. № 3617 док. № 215 (1598)—шлюбныя записи (id. № 5245 f. 166). Грамота 1563 г. была въ 1587 г. явлена въ гродѣ Каменецкомъ Андреемъ Лазаровичемъ, Негриломъ Педоровичемъ, Гарасимомъ Юсыповичемъ, Гринцомъ Чорнышовичемъ и Иванкомъ Апоновичемъ Буцнями (Bucnie) и въ этой выписи подтверждена въ 1646 г. Владиславомъ IV—К. Ц. А. 5282 f. 1585 v. Въ процессѣ 1618 г. выступаютъ: Юсыпъ, Лавринъ, Негрило, Лабко, Юрко, Андрей, Ячко, Яхно, Чорнышъ, Степанъ Снитенко Buczie (К. Ц. А. № 3627 f. 295 v.).

вляютъ претензіи на утраченныя владѣнія, хотя и безуспѣшно. Георгій Буцень напр. называлъ себя владѣльцемъ частей: Берлинецъ, Васьковецъ, Иваниковецъ, Грушовца, Берладки, Иляшовецъ, Козлова. Любопытно, что при этомъ онъ именуетъ себя Буцнемъ-Берлинскимъ изъ Высочка (de Wysoczok), т. е. Берлинецъ. Противъ притязаній Выговскаго на власть и юрисдикцію Буцни, какъ видно, возставали и вмѣстѣ съ другими шляхтичами жаловались королю; но въ XVIII в. они покорно сносили власть Любомирскихъ и не выдавались ничѣмъ изъ среды прочей шляхты. Околица ихъ принадлежала къ числу менѣе значительныхъ. По переписи 1739 г. изъ трехъ частей с. Буцень двѣ принадлежали Ивашковскимъ, „за донаціею п. Буцней", и только третья принадлежала Григорію Буцню. Впрочемъ кромѣ него были еще семьи Буцней, напр. Шкарпытки Буцни, хотя принадлежность ихъ къ этому роду оспаривалось; во 2-ой пол. XVIII в. Георгій Буцень-Берлинскій доказывалъ, что и семья хорунжаго барскаго Николая Буцня не принадлежитъ къ ихъ роду и передѣлала свою фамилію изъ Буцневскихъ [1]).

Козловскіе возводили свои права къ пожалованію Свидригайла ихъ „предкамъ", хотя эти слова могутъ обозначать и предшественниковъ во владѣніи. О родѣ этомъ вообще извѣстно очень мало; какъ видно, ему принадлежали обширныя земли на Поднѣстровьѣ: кромѣ Козлова на Днѣстрѣ, еще земли по Мурахвѣ, едва ли не весь уголъ между нижнею Мурахвою и Днѣстромъ, такъ какъ „пустыня Лука ниже Бѣлыхъ береговъ", принадлежавшая имъ въ концѣ XVI в., лежала у устья Мурахвы (ср. Бѣлое и Бѣлая на нижней Мурахвѣ), и имъ же принадлежали земли повыше р. Буши. Но эти обширныя земли въ XVI в. давали имъ неважный доходъ: Козловскіе имѣли здѣсь пасѣки, сѣнокосы, выпасали скотъ, от-

---

[1]) А. Б. с. II № 47, 53, 66, с. 257, Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 524, 538 (ср. А. Б. с. I с. 19), К. Ц. А. № 5688 f. 9 v. (Шкарпытки), 5321 f. 176 (1770) (Буцневскіе, nomen suum in Bucnie transformatores).

давали въ наемъ пастбища „людямъ изъ Руси и Волохъ“ и сами, вѣроятно, здѣсь не жили. Въ первой половинѣ XVI в. извѣстны Бенько и Хведоръ Козловскіе, вѣроятно—братья, ставившіе двухъ коней на службу по ревизіи 1552 г.[1]). Затѣмъ Козловомъ владѣетъ Ивашко, можетъ быть сынъ Бенька, и потомки Хведора. Въ 1584 г. этотъ Ивашко (Ивахно) продалъ половину Козлова и Луки за 60 грив. Олехну Радіевскому, остальною половиною въ 1616 г. владѣлъ Иванъ (Iwan) Козловскій, сынъ Олеска; Козловскіе держались здѣсь и во 2-ой пол. XVII в., но о владѣніи шелъ споръ съ Чурилами[2]).

Такъ же мало имѣемъ свѣдѣній о родѣ *Иляшовскихъ*. Родоначальникомъ ихъ былъ Илья Черленевичъ, м. б. происходившій изъ того же рода, что и Черленевскіе, въ XVI и послѣдующихъ вѣкахъ владѣвшіе с. Черленевцами (Чернелеговцы) ок. Волковинецъ и сохранявшіе свою національность и въ XVIII в. Отъ Теодорика Бучацкаго Черленевичъ получилъ пожалованье съ записью 20 грив. на с. Иляшовцы на Днѣстрѣ; очевидно, село получило свое названіе отъ имени Иляша Черленевича, который могъ занимать его еще до пожалованія; потомки его отъ имени родоначальника получили фамилію Иляшовичей, или отъ имени села—Иляшовскихъ. Отъ Бартоша Бучацкаго Черленовичъ получилъ сосѣднія съ Иляшовцами земли до устья Серебріи; кромѣ того Иляшовичамъ принадлежали с. Прачовцы съ выселкомъ Діаковцами, на Лядавѣ, и Леневцы (мѣстности неизвѣстныя). Въ началѣ XVI в. (1516 г.) встрѣчаемъ двухъ братьевъ Лехна и Юріаша Иляшовскихъ и сестру Марушу, вышедшую за Лоевскаго; братья владѣютъ Прачовцами и Дьяковцами. Отъ М. Герборта братья Германъ и Степанъ Иляшовичи получили грамоту

---

[1]) Археогр. сб. вилен. I с. 126, А. Б. с. I с. 164, Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 271. Бенько Козловскій въ разграниченіе 1570 г. попалъ, вѣроятно, изъ разграниченія 1546 г.

[2]) А. Б. с. II R. 1584, Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 513 (1661), К. Ц. А. № 3625 док. № 328 (1616), кн. № 3637 f. 21, 61.

на ур. Подарнаву на Лядавѣ (не извѣстно впрочемъ, не было ли то подтвержденіе стараго владѣнія, такъ какъ Иляшовичи, какъ упомянуто, издавна сидѣли на Лядавѣ); на этихъ грунтахъ было заложено с. Подарнова, потомъ называвшееся Ходаками, и вѣроятно—отъ имени села Иляшовичи назывались потомъ тоже Ходаками. Въ 1600 г. подстароста барскій Верховскій получилъ пожалованіе на выморочные участки въ с. Ходакахъ и разрѣшеніе на пріобрѣтеніе участка у Ивана Ходака, который самъ будто бы хотѣлъ продать его. Однако Ходаки удержались: въ 1615 г. было ихъ два брата Климентъ и Василь (Clemens et Wasiło), сыновья Романа, но владѣли они, кажется, только частью села, и одновременно на это село имѣли пожалованія Балибузы и Дмуховскіе; въ 1646 г. по смерти этихъ Ходаковъ село было пожаловано Фр. Браницкому и вышло изъ состава староства. Иляшовскіе изъ Иляшовецъ существовали въ первой пол. XVII в., но уже не принадлежали къ барской шляхтѣ [1]).

„Предокъ" *Кунатовскихъ*, по ихъ показаніямъ, получилъ жалованную грамоту въ 1448 г. Нѣтъ повода подозрѣвать такого давняго происхожденія этого рода, хотя дата эта имѣетъ, вѣроятно, въ себѣ ошибку [2]). Встрѣчаемъ мы здѣсь Кунатовскихъ, какъ и Козловскихъ, уже въ половинѣ XVI в.; по переписи 1552 г. три брата Кунатовскихъ отбывали службу при старостѣ барскомъ на трехъ коняхъ; въ люстраціи 1565 г. упоминается тоже трое Кунатовскихъ: Семакъ, Братечина и Кунашъ, но вслѣдъ затѣмъ ихъ оказывается гораздо болѣе—братья Кость, Семашко, Андрушко, Юрко, кромѣ того Братечина съ сыновьями. Выступаютъ они еще и подъ

---

[1]) А. Б. с. I № 14, 28, с. 164, 252, II R. 1646, Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 269, Żródła V p. 26, К. Ц. А. № 5245 f. 30.

[2]) Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 271; грамота была будто бы выдана подольскимъ старостою Михаиломъ Бучацкимъ въ 1448 г., но тогда такого старосты не было.

другими прозвищами: та же люстрація 1565 г. называетъ ихъ „нѣкими плебеями Калиманами“, а люстр. 1570 г. — Семаками (очевидно, отъ имени Семака); что до плебейства, то нужно замѣтить, что королевскія грамоты всегда именуютъ Кунатовскихъ nobiles. Владѣли они Кунатовцами, на которое имѣли упомянутое пожалованіе, и половиною Гальчинецъ, на которую, очевидно, никакого пожалованія не имѣли [1]); другою половиною Гальчинецъ владѣлъ, вѣроятно—очень не долго, нѣкій жолнеръ Янъ Фридриховскій [2]), продавшій ее въ 1553 г. Малышу Мытку. И Кунатовцы, и Гальчинцы лежали почти весь XVI в. „пустынями“; по показанію люстраціи 1565 г., владѣльцы земли не обрабатывали, а ограничивались устройствомъ пасѣкъ, прудовъ, въ Гальчинцахъ кромѣ того косили сѣно и выпасали скотъ, жили сами въ Барѣ; люстрація 1570 г. говоритъ впрочемъ о пашняхъ и фольваркахъ въ Кунатовцахъ [3]). Въ 1576 г. сыновья Братечины и Семака, сидѣвшихъ въ Кунатовцахъ, Иванъ, Петро и Риско, Гаврышъ и Андрушко выхлопотали себѣ у короля пожизненное право на половину Гальчинецъ и осѣвшись здѣсь, получаютъ имя *Гальчинскихъ*, между тѣмъ какъ остальные Кунатовскіе остались въ Кунатовцахъ. Водвореніе Замойскаго на Поднѣстровьѣ причинило имъ большіе хлопоты. Гальчинскихъ, какъ „безправныхъ“ владѣльцевъ, онъ хотѣлъ было согнать и позвалъ ихъ въ королевскій судъ, на сеймъ, „за захватъ Гальчинецъ подъ предлогомъ какого-то королевскаго пожалованія, выданнаго на ложномъ основаніи“; но Гальчинскіе не явились на судъ, и какъ то избавились отъ притязаній Замойскаго, который оставилъ ихъ затѣмъ въ покоѣ; въ 1592 г. сыновья Ивана Галь-

---

[1]) Правда въ 1773 г. Гальчинскіе заявляли, что отыскали какой то документъ на Гальчинцы 1502 г. (insistendo documentis terrestribus in residuo ab a. 1502 vix recuperatis — К. Ц. А. 5711 f. 1036), но во время послѣдующихъ процессовъ его не предъявили.

[2]) См. о немъ A. G. Z. X № 944.

[3]) А. Б. с. I с. 164, 259, 262, R. 1559; Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 264, 269, 271.

чинскаго или Кунатовскаго испросили себѣ новое пожизненное право и остались въ составѣ барской служилой шляхты [1]). Не такъ счастливы были прочіе Кунатовскіе: Кунатовцы были у нихъ выкуплены, очевидно—принудительно, Яномъ Замойскимъ, и процессъ веденный Кунатовскими въ трибуналѣ, какъ видно, былъ ими проигранъ; не извѣстно, что сталось затѣмъ съ Кунатовскими, м. б. они перебрались тоже въ Гальчинцы: любопытно, что въ регестахъ о выкупѣ Кунатовецъ они называются также „Гальчинскими или Кунатовскими".

Родъ Гальчинскихъ затѣмъ до к. XVIII в. оставался въ рядахъ барской околичной шляхты, составляя отдѣльную околицу, впрочемъ—немногочисленную. По переписи 1739 г., село состояло изъ трехъ кутковъ, въ которыхъ жило 13 шлях. семей, въ томъ числѣ 4 Гальчинскихъ; подданныхъ значится 17; шляхта была буйная и живя на пограничьѣ Барскаго староства, вела съ сосѣдями жестокіе споры и наѣзды. Въ настоящее время широко раскинувшіеся Поповцы подошли такъ къ Гальчинцамъ, что послѣдніе превратились какъ бы въ приселокъ Поповецъ (церковь приписная), что подало поводъ къ толкованію, будто Гальчинцы составляли когда-то приданное нѣкоей Гальки Поповской и отъ того получили свое имя; по клировымъ вѣдомостямъ числится Гальчинскихъ (православныхъ) ок. 50 душъ об. п. [2]).

Къ серединѣ XV в. относится первое упоминаніе о родѣ *Мытковъ*: въ числѣ свидѣтелей на грамотѣ 1450 г. подписанъ Сыма Мытовичъ. Затѣмъ Сыма Мытковичъ или Мытко упоминается въ началѣ XVI в.: въ 1504 г. онъ получилъ грамоту на Доброшовцы, а въ 1506 на Верещатинцы. Въ послѣдній разъ я встрѣтилъ его подъ 1530 г.; если онъ одно лицо съ Сымою 1450 г., то

---

[1]) А. Б. с. I № 127, 129, 146, 162, Żródła dz. V p. 32.

[2]) А. Б. с. I с. 343, II R. 1601, 1604, II с. 256—7. Архивъ Ю.-З. Р. III, III с. 133, 200.

въ 1530 г. ему по меньшей мѣрѣ было бы подъ сто лѣтъ; впрочемъ этого нельзя считать абсолютно невозможнымъ. Этотъ Сыма былъ въ родствѣ съ другою, еще болѣе древнею туземною фамиліею—Нешей: Малышъ Мытко, приходившійся Сымѣ, вѣроятно, внукомъ, называлъ Игната Нешовича прадѣдомъ; должно быть, этотъ Игнатъ былъ тестемъ или дядею Сымы, менѣе вѣроятно, чтобы онъ былъ его отцомъ: прозвище Мытковичъ препятствуетъ такому предположенію. Этихъ Нешей извѣстно нѣсколько въ 1-ой пол. XVI в.: въ 1427 г. Есько Нешовичъ получилъ отъ Витовта ур. „дворище Ярополково пустое"; быть можетъ—это былъ тотъ же Игнатъ Нешовичъ, который получилъ въ 1440 г. jure feudi Юрковцы (хотя Есько собственно соотвѣтствуетъ имени Іосифъ, а не Игнатъ); въ 1448 г. шл. Нешъ, быть можетъ—тотъ же Игнатъ, получилъ пустыню Агдашовъ, а на грамотѣ 1450 г. вмѣстѣ съ Сымою Мытовичемъ подписаны Павелъ Niescza и Петръ Нешовичъ Родъ этотъ, вѣроятно, вскорѣ прекратился: въ XVI в. нѣтъ объ немъ слуху, и поднѣстрянскія имѣнія его перешли къ Мыткамъ, которые впрочемъ ограничивались претензіями, а захватилъ имѣніе Язловецкій [1]). Настоящія имѣнія Мытковъ лежали у верховьевъ Лядавы; это было обширное пространство, на которомъ лежатъ нынѣшнія села: Мытки, Кузминцы, Примощеница, Кошаринцы [2]); село Мытки упоминается еще въ реестрѣ 1493 г. [3]), его замѣщаютъ потомъ Верещатинцы, главное гнѣздо Мытковъ, которые пишутся heredes de Weresczaczincze, Верещатинскими; кромѣ того въ XVI в. здѣсь существовали села Доброшовцы и Кузминцы. На бѣду, мѣстность лежала на татарскомъ (Кучманскомъ) шляху и потому часто превращалась въ пустыню; но такъ какъ родъ Мытковъ въ XVI в. былъ немногочисленъ, то сохранялъ зажиточность и въ по-

---

[1]) А. Б. с. I № 12, 22, 33, 40, с. 254, П R. 1440, 1448, 1504, Акты Ю.-З. Р. I с. 10. Źródła dz. V p. 39.

[2]) Такъ опредѣляется составъ Мытковщины въ нач. XVII в.— К. Ц. А. № 5248 f. 358 (1708).

[3]) Если впрочемъ это не Мытковцы на Бужкѣ.

ловинѣ XVI в. былъ самымъ знатнымъ среди барской шляхты. Наслѣдникомъ Сымы былъ Дмитро Мытко, вѣроятно—сынъ его, бывшій гродскимъ судьею барскимъ (unicus) и потому занимавшій первое мѣсто среди мѣстныхъ шляхтичей; по переписи 1552 г. онъ ставилъ на службу иногда двухъ, иногда трехъ коней. Сынъ его Малышъ, иначе Матвѣй, Мытко, унаслѣдовавъ отцовскія земли, купилъ еще (въ 1553 г.) у Фридриховскаго половину обширныхъ Гальчинецкихъ грунтовъ (на грунтахъ Гальчинецъ были осажены потомъ Копайгородъ, Шепинки, Онушковцы); претендовалъ онъ и на грунта с. Романокъ (къ этимъ Романкамъ, вѣроятно, относится подтвердительная грамота Згерскимъ 1554 г.), можетъ быть—и они причислялись къ Гальчинецкимъ грунтамъ [1]). Но послѣ Малыша мытковскія имѣнія раздробляются: въ 1580 г. онъ передалъ свои земли сыновьямъ Юрку, Ваську и Алексѣю, которые исхлопотали потомъ (въ 1592 г.) доживотье для своихъ женъ: Стехы изъ Шелеховскихъ Юрковой, Анны изъ Снетовскихъ Васьковой и Федоры изъ Шелеховскихъ, жены Алексѣя. Юрко и Алексѣй оставили семерыхъ сыновей, которые и осѣлись на батьковщинахъ въ XVII в. Въ періодъ нашествія на Барщину польской шляхты и на мытковскія земли была выдана цѣлая вереница пожалованій; не удивительно: это были тогда, благодаря большей безопасности, очень богатыя имѣнія, и по ревизіи 1607 г. въ Мыткахъ значится тяглыхъ 142! Въ 1607 г., по смерти Юрка, половина Кузминецъ была пожалована Стржелецкому, потомъ (1623) Керманскому, а Кавецкому выдано было пожалованіе на Мытковцы, Н. Кошаринцы, Примощеницу по смерти Васька Мытка (1624); эти же имѣнія были пожалованы Тржебуховскому, а по смерти его — Мясковскому (1646 г.), которому затѣмъ (1649) были даны также Верещатинцы, Дробышовцы и Кузминцы. Мытки не сдавались, вели безконечные процессы во всѣхъ инстанціяхъ, выигрывали и проигрывали, но тѣмъ не менѣе удержали за собою свои владѣнія [2]).

---

[1]) А. Б. с. I № 22, 62, 69, с. 164, 254—5, II R. 1493, 1504, 1543, 1559, Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 263.

[2]) А. Б. с. I № 163, II № 42; Żródła dz. V p. 34; Кор. Метр.

Любопытно, что Мытки были единственнымъ родомъ среди барской шляхты, который вполнѣ выбился изъ подъ замковой зверхности и перешелъ еще въ XVII в. въ ряды привилегированной шляхты. Начало этому положилъ Малышъ, обжаловавшій старосту Творовскаго въ 1576 г. и добившійся, на основаніи грамоты 1506 г., освобожденія отъ всякихъ замковыхъ повинностей, при чемъ онъ приравнивается къ alia regni nobilitas, т. е. привилегированной шляхтѣ. Основываясь на этомъ, Мытки прекратили вовсе отбываніе службъ на замокъ Барскій, утверждая, что всѣ прочія имѣнія ихъ основаны на грунтахъ с. Верещатинецъ и потому принадлежатъ имъ на правѣ дѣдичнаго привилегированнаго владѣнія. Въ 1619 г. по этому дѣлу Мытки были позваны скарбомъ коронныимъ въ судъ королевскій, на сеймъ; здѣсь Верещатинцы и Доброшовцы были признаны за имѣнія ленныя, Мытки обязаны были отбывать onera vassalorum и подчинены юрисдикціи барскаго старосты. Но Мытки не покорились этому рѣшенію; въ 1643 г. новый процессъ скарба короннаго, но Мытки фактически отстояли свое дѣдичное владѣніе и окончательно вступаютъ въ ряды привилегированной шляхты [1]). Въ XVIII в. родъ этотъ уже ополячился; среди него встрѣчаются часто земскіе дигнитаріи, но видной роли среди подольской шляхты онъ не игралъ; въ концѣ XVIII в. представителями этого рода были братья—Николай мечникъ теребовльскій и Іозефъ, войскій червоногродскій. Къ Николаю относится характеристика, сдѣланная д-ромъ Ролле, пользовавшимся фамильнымъ архивомъ Верещатинскихъ: „знаменитый авантюристъ, страшный рубака, неумолимый къ поданнымъ, а притомъ рыцарскій защитникъ угнетенной невинности". Были они тогда владѣльцами с. Мытковъ, Кузминецъ, Мартыновки „y innych" [2]).

варш. № 125 f. 45—разрѣшеніе М. Мытку на передачу Дробышовецъ и Кузминецъ сыновьямъ, № 137 f. 348 (1592) — подтвержденіе Алексѣю Мытку на половину Гальчинецъ; регесты другихъ документовъ—К. Ц. А. № 5648 p. 86—101.

[1]) А. Б. с. I № 130, II № 25, Żródła dz. V p. 34—5 и регесты l. c.

[2]) Zameczki podolskie III p. 192, К. Ц. А. № 5648 p. 11.

Родъ *Елтуховскихъ* или Елтуховъ восходитъ тоже къ XV в., хотя въ своемъ родовомъ гнѣздѣ появляются они только при Бонѣ: Претвичъ далъ ур. Руду Паробочу Елтуху, и въ 1555 г. сыновья его, Іоакимъ и Іосько (т. е. Іосифъ) Елтухи, и внуки—Хома и Димитрій были утверждены въ этомъ владѣніи королемъ. Но еще въ 1481 г. Тенофей (иначе Тенофилъ, Ѳеофилъ) и Георгій Елтухи получили пуст. Медвѣжью Луку въ пов. Хмельницкомъ, а въ 1503 г. Тенофей представилъ для подтвержденія грамоту Ягайла на Дашковцы, выданную его предшественникамъ (antecessoribus)—неизвѣстно, были ли то Елтухи, или только предшественники во владѣніи; этимъ же братьямъ Елтухамъ принадлежали Дьяковцы въ пов. Летичевскомъ, которыми потомъ (1517 г.) владѣлъ Ѳома, сынъ Георгія. Хотя фамилія Елтуховъ происходитъ отъ имени (Елтухъ то же, что Явтухъ, Евтихій), и я не могъ установить преемства между Елтухами изъ Дашковецъ съ Елтухомъ изъ Руды Паробочей, тѣмъ не менѣе весьма вѣроятно, что это одинъ и тотъ же родъ: „Елтухъ" было, вѣроятно, уже не именемъ, а прозвищемъ владѣльца Руды Паробочей (почему оно и было усвоено его сыновьями въ простой формѣ, а не патронимической). Руда Паробоча получила названіе Елтуховъ, и Елтухи, потомъ Елтуховскіе или Евтуховскіе, удержали свое прозвище доселѣ; между тѣмъ какъ Елтухи изъ Дьяковецъ, кажется, превратились въ Дьяковскихъ. Кромѣ Р. Паробочей Елтухи владѣли Лукой Бучневой (Буцневцы); она подтверждена была за ними въ 1581 г.; но здѣсь они не пустили корней. Р. Паробочей тоже грозила опасность въ періодъ польской иммиграціи: въ 1615 г. были пожалованы въ ней участки Мих. Карботу, въ 1620 выдано разрѣшеніе на пріобрѣтеніе участковъ Я. Карботу. Люстрація 1615 г. уже и не упоминаетъ о Елтухахъ, но они тѣмъ не менѣе уцѣлѣли: входили, вѣроятно, въ сдѣлки съ donatariusz'ами, или силою отъ нихъ отбивались [1]). Послѣ утвержденія въ Барщинѣ

---

[1]) А. Б. с. I № 16, 20, 92, 143; II с. R. 1615, Żródła V p. 27, Кор. Метр. варшав. № 166 f. 392 (разрѣшеніе Федору Елтуху передать участки въ Елтухахъ Я. Карботу, 1620 г.).

Любомирскихъ ихъ положенiе, въ качествѣ служилой шляхты, было обезпечено. Елтухи составили отдѣльную околицу. По численности это былъ родъ изъ числа среднихъ; по ревизiи 1607 г. они выставляли 16 коней (подданныхъ было 10 тяглыхъ и 6 огородниковъ); „по войнахъ", въ 1712 г., было въ Елтухахъ всего 4 шляхетскихъ дома (chałupy); по переписи 1739 г. село состояло изъ трехъ кутковъ—Скоропысовъ и Гаврышенковъ Елтуховскихъ, а третья по наслѣдству послѣ Павла Елтуховскаго перешла къ Бросневскимъ; Елтуховскихъ было 12 семей, шляхетскаго населенiя всего 31 семья, подданныхъ 25 [1]). Обѣ вѣтви Елтуховскихъ—Скоропысы и Гаврышенки—сохранились до настоящаго времени; по показанiю мѣстнаго священника ихъ до ста семей; есть кромѣ того Елтуховскiе просто, безъ прозвища. Всѣ Елтуховскiе православные и за исключенiемъ четырехъ семей Гаврышенковъ, утвержденныхъ въ дворянствѣ, приписаны къ мѣщанамъ. Мѣстная молва выводитъ Елтуховскихъ отъ двухъ козаковъ Елтуховъ—Скоропыса и Гаврышенка.

Первое несомнѣнное упоминанiе о *Радiевскихъ* относится къ 1505 г., когда nobilis Лазаръ или Лазуръ Радевичъ, иначе Радiевскiй, по прозвищу Решка, съ племянникомъ своимъ Грынцомъ представили королю для подтвержденiя грамоту на Внучковцы, выданную въ 1439 г. Яну Фiолю. Хотя на основанiи этой грамоты въ пожалованiи 1558 г. говорится, что Радiевскiе владѣли Внучковцами со временъ Ягайла, однако это еще не даетъ права считать Фiоля ихъ родоначальникомъ; вѣроятнѣе, что они у него прiобрѣли только его владѣльческiя права, хотя въ дѣйствительности могли владѣть Внучковцами еще раньше. Судя по тому, что по ревизiи 1552 г. отбывало службу семнадцать Радiевскихъ (наибольшее число въ ревизiи), между тѣмъ какъ другiя фамилiи ставили 2—3 всадниковъ, нужно думать, что и въ началѣ XVI в. родъ этотъ представлялся не однимъ Лазаремъ съ племянникомъ, и

[1]) А. Б. с. II с. 167, 239, R. 1607. Были еще въ XVIII в. Григоренки Елтуховскiе.

осѣлся онъ, вѣроятно, тутъ значительно раньше. Изъ Внучковецъ Радіевскіе перенесли въ XVI в. свое поселеніе для безопасности подальше отъ татарскихъ шляховъ, къ с. Грышкамъ, и новое село получило имя Радіевецъ, въ полонизованной формѣ Радзіевецъ, какъ и Радзіевскіе впослѣдствіи, по созвучію съ польскимъ Радзеіевымъ, Радзеіевскими, обыкновенно назывались Радзіевскими. Въ половинѣ XVI в. старѣйшими представителями рода были Остафій, Калиманъ, Гарасимъ и Радулъ; негодуя на притѣсненія со стороны М. Герборта, арестовавшаго Гарасима за неповиновеніе, они добивались (въ 1557 г.) освобожденія отъ замковыхъ повинностей, но неудачно; за то получили права леннаго владѣнія (1558 г.), которое гарантировало ихъ на послѣдующее время отъ конкурентовъ поляковъ: хотя въ 1615 г. и была выдана грамота нѣкоему Бедлинскому на Внучковцы, но Радіевскіе выиграли процессъ и были утверждены въ своемъ владѣніи (1616 г.). О замѣчательной борьбѣ ихъ съ Выговскимъ скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Въ XVI в. это былъ, кажется, самый многочисленный родъ (въ XVIII в. они уступали въ этомъ отношеніи Волковинскимъ): по люстраціи 1570 года ихъ было „пановъ" 30 челов., а подданныхъ 8; они такимъ образомъ вполнѣ приближались, въ экономическомъ отношеніи, къ положенію крестьянъ. Впрочемъ нѣкоторые изъ Радіевскихъ владѣли землями и внѣ Радіевецъ: такъ одинъ изъ нихъ пріобрѣлъ, какъ было упомянуто, половину земель Козловскихъ, другіе владѣли пустынею Ломаза на Лядавѣ; но огромное большинство ограничивалось Радіевцами. По ревизіи 1607 г. Радіевскіе выѣзжали на 60 коняхъ; крестьянское населеніе села состояло изъ 5 тяглыхъ и 10 огородниковъ. По переписи 1662 г. шляхетскаго населенія мужскаго пола въ селѣ было 97 душъ; даже въ періодъ запустѣнія, по реестру 1702 г. значится отъ Радіевскихъ 5 коней, а по переписи 1712 г. въ Радіевцахъ было 12 шляхетскихъ хатъ [1]). Съ конца XVI в. родъ разбивается на нѣсколько

[1]) А. Б. с. I № 7, 36, 89, 98, 100, с. 164, 257—8, II № 19 (декретъ этотъ былъ подтвержденъ Яномъ Казимиромъ—К. Ц. А. № 5244 f. 132), с. 158, 166, R. 1584, 1607, 1662.

вѣтвей, владѣющихъ отдѣльными „частями" села, и подтвержденія себѣ онѣ получаютъ каждая отдѣльно: такъ напр. въ 1599 г. одновременно семеро Радіевскихъ получили права пожизненнаго владѣнія частью Лазуровой (Lazurowa), двѣнадцать другихъ—на участки, пріобрѣтенные отъ Супрона, Панаса, Леська и Федора Радіевскихъ, наконецъ сыновья Левка Германовича, Иванка и Гринка (всего восьмеро) получили также грамоту на отдѣльные участки; а не задолго передъ тѣмъ (1589 г.) еще 26 Радіевскихъ, изъ 11 семействъ, тоже получили грамоту на участокъ [1]). Въ XVIII в. такихъ частей или кутковъ въ Радіевцахъ было три: часть Стрекова—Петренковъ (alias Iozefenko), Валентыевъ и Дащенковъ, часть Мырчычъ—Костенковъ (или Костюковъ), Негрыловъ, Педашей и Гавенковъ, часть Грышковская (прис. Грышки)—просто Радіевскихъ, и половинный участокъ Гнетымовка—Яременковъ, всего 1351 шнуръ поля и сѣножатей около 600 шнуровъ; на этихъ грунтахъ жило по переписи 1739 г. 56 шляхетскихъ семей, въ томъ числѣ 30 Радіевскихъ, и 102 крестьянскихъ. Кромѣ перечисленныхъ прозвищъ, среди Радіевскихъ встрѣчаются въ XVIII в. еще фамиліи: Хаци, Кіяниченки, Онопріенки, Дмитренки, Милаши, Степанюки [2]).

Въ настоящее время Радіевскіе составляютъ многочисленный родъ, свыше двухсотъ душъ; наиболѣе многочисленныя линіи—Яременки (80), Дащенки (ок. 60); кромѣ того существуютъ: Костенки, Негрылы, Велентыи, Петренки, Хаци, Милаши и просто Радіевскіе; всѣ провославные, кромѣ 2—3 душъ; большинство приписаны къ крестьянскому обществу, другіе къ мѣщанамъ; дворянъ не будетъ и 20. Изъ другихъ околичныхъ родовъ въ селѣ живетъ довольно Черленевскихъ, Васютинскихъ и Морозовскихъ. Крестьянское населеніе преобладаетъ въ селѣ, и его вліянію подпала и шляхта.

Къ началу XVI в. восходятъ документальныя извѣстія о двухъ другихъ крупныхъ родахъ—Волковинскихъ и Галузинскихъ.

---

1) Кор. Метр. варш. № 143 f. 177—179, А. Б. с. I № 157.
2) А. Б. с. II № 96 и с. 248—250.

Въ 1507 г. братья Александръ, Ганецъ и Федоръ *Волковинскіе* испросили себѣ у короля грамоту на Волковинцы, взамѣнъ погибшихъ пожалованій прежнихъ королей. Хотя эти пропавшіе документы могли и вовсе не существовать, тѣмъ не менѣе нѣтъ сомнѣнія, что Волковинскіе осѣлись здѣсь гораздо раньше, и въ началѣ XVI в. представляли довольно многочисленный родъ: по переписи 1552 г. ихъ выѣзжало на службу 16 душъ. Имя свое они, вѣроятно, получили отъ названія помѣстья: по одному извѣстію, послѣднее называлось Волковыя, и въ реестрѣ 1493 г. есть дѣйствительно село такого имени; въ грамотѣ 1507 г. оно уже называется Волковинцами, и эта форма имени уже должна была произойти отъ имени владѣльцевъ. Любопытная черта въ исторіи этого рода—его очень скромное существованіе; съ начала и до конца онъ довольствовался своимъ „боярскимъ“ положеніемъ и правомъ временнаго держанья (по записи суммы), и даже свои пожизненныя права обновлялъ довольно рѣдко; впрочемъ, по какому то счастью, его не коснулись экземпціи XVII в., и насколько мнѣ извѣстно, никто его не пробовалъ согнать; можетъ быть, выручала его многочисленность. Въ одной грамотѣ 1576 г. перечислено уже 24 семьи Волковинскихъ, хотя это были, вѣроятно, не всѣ еще; по переписи 1607 г. ихъ оказалось въ наличности 30 годныхъ къ службѣ, но это были только „недобытки“: турки передъ тѣмъ разорили село, и „однихъ бояръ взято было 70 душъ“; крестьянское населеніе ограничивалось тремя огородниками, такъ какъ 60 тяглыхъ было забрано турками. По переписи 1662 г. шляхты оказалось 72 души мужскаго пола. Въ XVIII в. Волковинскіе представляли самый многочисленный родъ. По реестру 1702 г. значится отъ нихъ семь коней; въ 1712 г. въ Волковинцахъ было восемнадцать домовъ (наибольшія числа); по переписи 1739 г. оказалось 58 семействъ Волковинскихъ, кромѣ того было 59 шляхтичей другихъ фамилій и вообще неподданныхъ, 31 подданный. Село состояло изъ 8 кутковъ: Салы, Демковичи, Паньковичи, Дахновичи, Сугаковичи, Гудычи, Тарасовичи и Тыхновичи. Самыя названія кутковъ показываютъ, что свои имена они

получили отъ прозвищъ владѣльцевъ; но эти старыя прозвища въ XVIII в. большею частью закрылись болѣе новыми, возникавшими при разможеніи рода: такъ Сугаки назывались обыкновенно Крымцами, Тараси—Карпцами; даже Гуды, до сихъ поръ сохранившіеся, въ переписи 1739 г. отсутствуютъ: въ ихъ куткѣ живутъ Мызыки и Мазепы. Въ переписи 1739 г. и документахъ XVIII в. выступаютъ такіе роды Волковинскихъ: Салы, Рабченки, Ляшки, Гарасыменки, Соломки, Буцюры, Снигуры, Крымцы, Подковы, Мызыки, Лехны, Мазепы, Карпцы, Басенки, Мали (или Маленки), Худеньки, Павлыченки (иначе Харлачи), Зубренки, Щербины, Плюшки, Подобы, Бабычи, Кирученки, Панютенки, Гуци, Тыхоненки. Большинство этихъ фамилій существуетъ и въ настоящее время; кромѣ того есть фамиліи, не упоминающіяся въ XVIII в., какъ Юрковичи, Якубенки (отрасль Гарасыменковъ), Яременки Волковинскіе; самые многочисленные роды—Басенки (107), Худенки (102) и Салы (95). Въ общемъ число Волковинскихъ простирается до 700 душъ об. п., такъ что это наиболѣе многочисленный родъ среди барской шляхты, и наиболѣе проникнутый сознаніемъ своего шляхетскаго происхожденія. Въ дворянствѣ утверждено впрочемъ меньшинство (ок. 100 душъ), главная масса—мѣщане (ок. 70%); большинство православные. Огромное село (грунты ок. 15 верстъ въ поперечникѣ) наиболѣе сохранило старосвѣтское расположеніе, съ обособленными кутками (Соломки́, Плюшки́, Басы, Юрковичи, Шведы), раздѣленными грунтами. Крестьяне составляютъ въ селѣ меньшинство, и по замѣчанію мѣстныхъ жителей, подражаютъ шляхтѣ въ обиходѣ [1]).

Въ 1512 г. получилъ подтвердительную грамоту Лазарь *Голузичъ* съ сыновьями. С. Галузинцы упоминаются съ реестрѣ 1493

---

[1]) А. Б. с. I № 23, 102, с. 164, II с. 158, 166, 243—8, К. 1576, 1607, 1662; также статья о. П. Думинскаго (священника с. Волковинецъ)—Село Волковинцы и населяющая его околичная шляхта, въ Подольск. епар. вѣд. 1892 г. и отдѣльно.

г., и такъ какъ оно получило свое имя, вѣроятно (судя по суффиксу), отъ фамиліи владѣльцевъ, то оселеніе послѣднихъ здѣсь нужно отодвинуть назадъ, въ XV в. Подобно Волковинскимъ, Галузинскіе довольствовались своимъ служилымъ положеніемъ и не выступали съ какою-либо оппозиціею противъ замковой зверхности, по крайней мѣрѣ—нѣтъ никакихъ указаній на это. Бона утвердила ихъ въ правахъ дѣдичнаго владѣнія, и грамота эта неоднократно потомъ подтверждалось (1555, 1623 г.), но это была „вѣчность новая", и Галузинскіе не дѣлали попытокъ выйти изъ рядовъ служилой шляхты. Нашествіе польской шляхты ихъ также не коснулось, и они досидѣли на своихъ грунтахъ до конца Барскаго староства. Родъ этотъ далеко уступалъ Волковинскимъ въ численности; въ ревизіи 1552 г. значатся три брата Галузинскихъ, отбывавшіе службу на трехъ коняхъ, и весь XVI в. въ большомъ числѣ они не выступаютъ. Но по ревизіи 1607 г. ихъ уже значится 50 душъ годныхъ къ службѣ, такъ что околица эта занимала бы третье мѣсто по численности (не считая Волковинецъ), если бы такое большое число не внушало сомнѣнія. Среди нихъ старѣйшими тогда были: Лукашенки Николай и Кузьма, Николай Федоренко, Илья Харапченко, Хведоръ Куриленко, Борисъ, Иванъ и Абрамъ, ходатайствовавшіе въ 1623 г. о подтвержденіи правъ. Въ XVIII в. Галузинцы также составляли отдѣльную шляхетскую околицу. По переписи 1739 г. значится крестьянскихъ семей 67, не крестьянскихъ—60, въ томъ числѣ Галузинскихъ 16. Несмотря на небольшіе сравнительно размѣры, село состояло изъ семи кутковъ, и родъ Галузинскихъ распадался на нѣсколько фамилій—Миколаенки, Череваненки, Коты, Голяки (наиболѣе многочисленная, отдѣльную отрасль которой составляли Голяки-Грыгоренки). Большинство этихъ родовъ сохранилось и понынѣ (Миколаенки, Черевани, Голяки, Грицюки). Всѣ Галузинскіе теперь православные и приписаны къ мѣщанамъ [1]).

---

[1]) А. Б. с. I № 25, 70, с. 164, II с. 158, 166, 240—3; крестьянъ въ 1607 г. было: тяглыхъ 30, огородниковъ 40.

Одновременно съ Галузинскими упоминаются *Невиды*. Ивашко Невидъ въ 1518 г. былъ державцею Мукарова Татарскаго; отъ 1513 г. есть разрѣшеніе nobilibus Ивашку и Юшку на выкупъ этого Мукарова у подольскаго старосты Лянскоронского, и весьма вѣроятно, что то и были Невиды. Сынъ этого Ивашка—Николай былъ первымъ войтомъ Чемерисскаго Бара; онъ, очевидно, умеръ бездѣтнымъ. Мукаровъ перешелъ къ зятю Ивашка, женатому на его дочери Тачѣ, Василю *Лоевскому*, потомъ къ сыну Василя Якову (Jakuw), наконецъ братьямъ Леську, Федору, Грицьку и Сеньку, вѣроятно—братьямъ Якова. Лесько же унаслѣдовалъ Чемерисское войтовство. По смерти Леська его участокъ въ Мукаровѣ былъ пожалованъ Бартоломею Гольскому, къ которому перешли потомъ и остальные участки, а Сенько и Грицько Лоевскіе получили отъ Стан. Гольскаго взамѣнъ Шелеховъ, который и оставался въ ихъ рукахъ до пол. XVII в., когда перешелъ къ Мясковскому. Эти Лоевскіе были изъ западнаго Подолья (Лоевцы на Днѣстрѣ, съ XV в.), и можетъ быть—пришли туда изъ Галичины, гдѣ туземный родъ Лоевичей извѣстенъ еще въ XIV в. [1]).

Подъ 1520 г. встрѣчается въ Барщинѣ Романъ Влодовичъ, подъ 1522—Константинъ Володовскій. Это былъ родъ *Володыевскихъ*, владѣвшихъ с. Володыевцами на Лядавѣ, которое встрѣчается уже въ реестрѣ 1493 г. (Włodowcze); одинъ изъ нихъ былъ женатъ на Марушѣ, дочери Лазура Решки Радіевскаго. По переписи 1552 г. значатся два брата Володіевскихъ, отбывавшихъ службы при старостѣ барскомъ. Но по переписямъ 2-й пол. XVI в. Володіевцы уже не числятся въ числѣ барскихъ селъ, и Володіевскіе выходятъ изъ рядовъ барской шляхты. Въ кон. XVI в. Володіевцами владѣли Wasil dictus Adam, сынъ Андрея, Андрей и Прокопъ, сыновья Кузьмы, и дочери Ивахна Володіевскаго—Чарноха Мордасова и Орпина Семянова. Другая отраслъ Володыевскихъ суще-

---

[1]) А. Б. с. I № 32, 60 (ср. № 64), № 175, II № 1, R. 1513, 1552, Кор. Метр. варш. № 147 f. 158 v. (1602, консенсъ на передачу Шелехова Лоевскимъ), К. Ц. А. 5510 f. 35 v. (регесты).

ствовала въ XVI в. въ западномъ Подольѣ (Губаровъ, Новоселка). Во 2-й пол. XVII в. одинъ изъ Володіевскихъ является снова въ Барщинѣ—въ качествѣ державцы Матыйкова въ ряду привилегированныхъ державцевъ [1]).

Большія затрудненія представляетъ родъ *Поповскихъ*, очень интересный по своей исторіи. Вопросъ въ томъ, было ли съ самаго начала два такихъ рода или одинъ въ Барщинѣ? Старѣйшій изъ Поповскихъ—Алактивонъ (т. е. Галактіонъ) Ляшокъ встрѣтился мнѣ впервые подъ 1535 г. Въ 1538 г. онъ выступаетъ въ качествѣ дѣдича Поповецъ на Бугѣ: во время собиранія Боною барскихъ волостей ему предложено было предъявить документы на владѣніе, и онъ, какъ было упомянуто, отвѣтилъ заявленіемъ, что добровольно уступаетъ Поповцы Бонѣ [2]). Король за то пожаловалъ ему пуст. Плоскировцы, и потомки его получаютъ имя Плоскировскихъ—такъ въ 1570 г. ими владѣли Федоръ и Ильяшъ Плоскировскіе. Хотя пожалованы были Плоскировцы на правѣ дѣдичномъ, но это не избавило владѣльцевъ отъ претензій со стороны польскихъ конкурентовъ; уже въ 1577 г. подстаростѣ барскому Ковальскому было разрѣшено выкупить Плоскировцы у безправныхъ поссессоровъ; въ 1602 г. въ качествѣ выморочнаго (по Ивахну и Андрею Плоскировскимъ) они были пожалованы Стан. Гольскому и включены въ составъ Барскаго староства. Плоскировскіе однако держались до полов. XVII в., когда Плоскировцы значатся уже за Гумецкимъ [3]).

---

[1]) А. Б. с. I № 33, 35, 36, 145, с. 164, II R. 1583, Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 504, 521, 529.

[2]) См. выше, с. 73.

[3]) А. Б. с. I № 52, с. 257, II № 2, К. Ц. А. № 3599 f. 155 (тяжба 1535 г. Ник. Герборта cum nob. Łasko Popowski et Tacza filia ejus), 3745 f. 87 дарственная Стеф. Плоскировскаго на часть Плоскировецъ 1638 г.), Кор. Метр. варш. № 115 f. 229 (1577 г.), 147 f. 158 v., Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 521; К. Ц. А. № 5293 f. 607 (о родословіи Плоскировскихъ).

Одновременно съ Алактывономъ Ляшкомъ выступаетъ другая семья Поповскихъ: въ 1547 г. они получили грамоту отъ Боны на Поповцы, что на Мурашкѣ, и по ревизіи 1552 г. ставили двухъ коней; это были, вѣроятно, Демко и Васько, упоминаемые въ это время. Какъ было сказано, есть основаніе думать, что водворились здѣсь они гораздо раньше; Поповцы упоминаются въ числѣ селъ Корчмаровскихъ въ XV в., и Поповскіе сами относили свое водвореніе ко временамъ до Боны [1]). Что до отношенія этого рода къ Поповскимъ-Плоскировскимъ, то любопытно, что среди Поповскихъ на Мурашкѣ была также фамилія Ласковъ-Алатыяновъ, и во время раздоровъ XVIII в. среди Поповскихъ существовало мнѣніе, что документы этихъ Алатыяновъ относятся къ Поповцамъ на Бугѣ, а не Мурашкѣ, какъ другихъ Поповскихъ [2]). Мнѣ кажется довольно вѣроятнымъ, что Алатыяны на Мурашкѣ дѣйствительно происходили изъ рода Алатыяна—Алактывона Плоскировскаго (хотя это и оспаривалось ихъ противниками). Но остается все таки открытымъ вопросъ, были ли другіе роды Поповскихъ изъ Поповецъ на Мурашкѣ одного происхожденія съ Поповскими-Плоскировскими, или два различныхъ рода, осѣвшись въ двухъ селахъ одного имени, получили одну общую фамилію Поповскихъ. Поповскіе на Мурашкѣ къ концу XVI в. составили многочисленный родъ: въ позвѣ 1584 г. пересчитано 17 Поповскихъ, а по переписи 1607 г. ихъ могло выѣхать на службу 70 коней, за то крестьянскаго населенія значится всего 3 тяглыхъ и 5 огородниковъ. По переписи 1662 г. оказалось ихъ 60 душъ муж. п., но въ XVIII в. родъ уже не былъ такимъ многочисленнымъ, хотя все таки былъ третьимъ по численности: по переписи 1739 г. значится 26 семей Поповскихъ, 33 другихъ фамилій и крестьянъ 42. Село состояло изъ нѣсколь-

---

[1]) См. с. 71; въ пол. XVIII в. Поповскіе возводили свои права къ Яну-Альбрехту (А. Б. с. II № 152), но это заявленіе не имѣетъ никакихъ документальныхъ основаній и, подобно заявленію Гальчинскихъ о документѣ 1502 г., имѣетъ цѣлью возвести свое владѣніе ко времени до статута Александра 1504 г.

[2]) А. Б. с. I с. 112, 164, 177, 260, II с. 228.

кихъ кутковъ [1]), называвшихся по отдѣльнымъ фамиліямъ Поповскихъ: Тороканова, Стецькова, Сенькова, Сакалова, Мордасова; Поповскіе распадались на множество фамилій: Тороканы (иначе Ожигаленки), Стецьки, Шелюги, Сеньки, Пантенки, Ласки-Алатыяны, Сакалы, Мордасы (иначе Кобченки), Сопіенки, Сосенки, Споженки, Хабаленки, Яременки, Миколаенки. Кромѣ Поповскихъ старинными владѣльцами и обитателями села были Шелеховскіе [2]).

Судьба Поповскихъ очень любопытна. Какъ было сказано, они осѣлись на грунтахъ Корчмаровской волости и получили отъ Боны грамоту на дѣдичное владѣніе. Когда Корчмаровская волость была пожалована Замойскому (1578 г.), они не допустили ввода его во владѣніе Поповцами и были позваны въ королевскій судъ; послѣдній призналъ дѣдичное пожалованіе Боны не имѣющимъ силы, такъ какъ оно противорѣчило болѣе раннему пожалованію Корчмаровской волости Каменецкой каѳедрѣ, но тѣмъ не менѣе, „въ виду ихъ просьбъ и предложенія военной службы для защиты Шаргородскаго замка", король оставилъ Поповскихъ при дѣдичныхъ правахъ подъ условіемъ военной службы и участія въ укрѣпленіи Шаргородскаго замка, и Сенько и Супрунъ Поповскіе отъ имени своихъ „спильниковъ" (nomine suorum comparticipum) in vim agnitionis supremi dominii обязались исполнять эти условія, подъ опасеніемъ отобранія имѣнія [3]). Пока Замойскій владѣлъ Корчмаровщиною на правѣ доживотномъ, такое положеніе вопроса о Поповскихъ не затрогивало особенно его интересовъ, но пріобрѣвъ въ 1583 г. дѣдичныя права на нее, онъ прилагаетъ усилія къ тому, чтобы отдѣлаться отъ Поповскихъ. Игнорируя предшествующее рѣшеніе короля [4]), онъ позвалъ ихъ вмѣстѣ съ Гальчинскими на судъ

[1]) Въ переписи 1739 г. значится 6 частей, но послѣ 4-ой идетъ 6-ая; затрудняюсь рѣшить, пропущена ли 5-ая, или ихъ было въ дѣйствительности 5.

[2]) А. Б. с. I № 147, II с. 158, 167, 254—6, R. 1607, 1662.

[3]) А. Б. с. I № 139, Кор. Метр. варш. № 122 f. 397.

[4]) Какъ игнорируются и другіе акты, основанные на мѣнѣ 1578 г., см. выше с. 119—120.

сеймовый, обвинивъ въ незаконныхъ претензіяхъ на Поповцы, принадлежащіе ему, Замойскому, а пожалованія, на которыя тѣ ссылались, объявивъ незаконными. Поповскіе, какъ и Гальчинскіе, на судъ не явились, и очевидно, остались при своихъ правахъ на Поповцы, такъ какъ нѣсколько позже Замойскій начинаетъ противъ нихъ процессъ уже на другомъ основаніи: обвинивъ ихъ въ неисполненіи вассальныхъ повинностей, такъ какъ они отказались отправиться вмѣстѣ съ заставнымъ держателемъ этихъ имѣній—Яблоновскимъ въ походъ противъ господаря молдавскаго Михаила, а потомъ на войну противъ Швеціи, согласно вассальной обязанности и праву; послѣднее требованіе относительно шведскаго похода, ясно, имѣетъ характеръ придирки для отобранія имѣнія. Дѣло разбиралось въ трибуналѣ, оттуда въ 1606 г. было передано въ судъ сеймовый, отсрочено, возобновлялось и снова отсрочивалось; Поповскіе доказывали, что они всегда отбывали службу на замокъ Барскій, а не Шаргородскій; вдобавокъ вмѣшался скарбъ коронный, предъявивъ претензіи на Поповцы, и дѣло само собою заглохло: Поповскіе остались при своемъ дѣдичномъ владѣніи, въ рядахъ барской служилой шляхты [1]).

Вторую половину XVII и начало XVIII в. Поповскіе просидѣли въ своей околицѣ спокойно; конечно, они не оставались безучастными свидѣтелями козацкаго движенія, и кое-кто изъ нихъ такъ и остался въ средѣ реестровыхъ, но это было явленіе обычное. Необычное начинается съ 20-хъ гг. XVIII в.—замѣчательная борьба Поповскихъ съ замковою зверхностью барскою. Началось это изъ-за споровъ среди самихъ Поповскихъ; причиною послужилъ вопросъ о происхожденіи Алатыяновъ: Тороканы, Сакалы и пр. доказывали, что тѣ не принадлежатъ къ ихъ роду, а происходятъ отъ мѣщанина барскаго Омеляна Колодія, который въ 1599 г. пріобрѣлъ участокъ въ Поповцахъ, и незаконно называются Поповскими, бу-

---

[1]) А. Б. с. I № 147, II № 39; Варш. Гл. Арх., Conventionalia, № 15 f. 616 (арестъ, наложенный Замойскимъ на кондемнату въ 1606 г.; содержаніе его повторено въ II № 39).

дучи Омеляненками. Подобныя тяжбы не рѣдкость вообще въ Барщинѣ, гдѣ по поводу земельныхъ споровъ часто предпринимались генеалогическіе экскурсы для доказательства „простой кондиціи“ противниковъ (это объясняется тѣмъ, что въ околичныя фамиліи входили во множествѣ чужеродцы); и въ данномъ случаѣ дѣло тоже пошло изъ-за грунтовъ, но приняло неожиданно широкіе размѣры. Алатыяны въ свою очередь (больше для проформы, кажется) заявили о нешляхетскомъ происхожденіи своихъ противниковъ и послѣ долгихъ мытарствъ отстояли свое шляхетство и свою принадлежность къ роду Поповскихъ; какъ видно, ясныхъ доказательствъ не было ни у Алатыяновъ, ни у противниковъ ихъ: послѣдніе то, отложивъ исторію объ Омелянѣ, доказывали, что документы Алатыяновъ относятся къ Поповцамъ на Бугѣ, то отрицали ихъ происхожденіе отъ Плоскировскихъ [1]). Дѣло о грунтахъ Поповецкихъ восходило въ трибуналъ, откуда было передано Барской юрисдикціи (1725 г.); послѣдняя нарядила въ Поповцы коммиссаровъ, дѣло рѣшено было въ пользу противниковъ Алатыяновъ, но послѣдніе не сдались: обжаловали Барскую юрисдикцію и снова перенесли дѣло въ трибуналъ. Опять дѣло передано было въ Барскую юрисдикцію, которая рѣшила его уже въ пользу Алатыяновъ (1732 г.); но тутъ запротестовали Тороканы, Сакалы, Мордасы и пр., не допустили ввода въ спорныя дворища и обжаловали рѣшеніе. Дѣло опять затянулось и закончилось уже въ 40-хъ гг. Алатыяны удержались въ Поповцахъ [2]).

Но одновременно съ бумажною войною во всевозможныхъ инстанціяхъ шла въ Поповцахъ война настоящая. Одинъ изъ Алатыяновъ—Стефанъ былъ въ то время поручикомъ Барской ординаціи. Пользуясь своимъ положеніемъ, онъ, какъ видно, находилъ поддержку въ замковой зверхности противъ своихъ противниковъ;

---

[1]) А. Б. с. I № 179, II № 92 (здѣсь и генеалогія Алатыяновъ), 123 (исторія тяжбы), К. Ц. А. № 5266 f. 309, 5274 f. 749 (1723 и 1731 г. —подобныя же жалобы Кудыевскихъ на Алатыяновъ).

[2]) А. Б. с. II № 118, 131, 146, К. 1725, К. Ц. А. № 5686 f. 20 (1735), 5293 f. 605, 5295 f. 1052 (трибунальскія рѣшенія 1746 и 1747 г.).

Петръ Мордасъ въ своей запискѣ разсказываетъ, что ихъ безвинно сажали въ барскую кордегарду на цѣлые мѣсяцы, нѣсколько разъ посылали на экзекуцію замковыя роты, которыя грабили все, что попало, подвергали побоямъ и т. п. Конечно, и Мордасы съ прочими не отставали съ своей стороны; въ результатѣ отношенія дошли до крайняго ожесточенія, которое выразилось въ звѣрскомъ убійствѣ Стеф. Алатыяна: весною 1738 г. П. Мордасъ съ четырмя другими напали ночью на его пасѣку и, заставъ спящимъ, сначала били и пытали, а потомъ убили. Барскій судъ приговорилъ за это Мордаса, какъ зачинщика, къ четвертованію, а остальныхъ—къ отсѣченію головы; надъ нѣкоторыми (Яномъ Тороканомъ и Александромъ Новосельскимъ) приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе; другіе (П. Мордасъ въ томъ числѣ) скрывались въ Поповцахъ у своихъ единомышленниковъ. Когда послана была команда для поимки ихъ, Поповскіе, напавши изъ засадъ, отразили ее и убили нѣкоторыхъ. Происходили безпрестанные наѣзды, драки и даже убійства. Въ результатѣ новый приговоръ Барскаго суда, назначившій восьмерымъ смертную казнь, а соучастникамъ годичное заключеніе. Распря однако продолжалась, хотя и не въ столь рѣзкихъ формахъ; она интересна потому, что Поповскіе, раздраженные жестокими приговорами и несправедливостями зверхности замковой, которыя она допускала во время этой распри, вступили въ рѣшительную борьбу съ барскою зверхностью, и въ 1758 г. она закончилась освобожденіемъ Поповскихъ изъ-подъ юрисдикціи Барской королевскимъ рескриптомъ [1]). Объ этой борьбѣ я еще буду имѣть случай говорить, а теперь замѣчу, что Поповскіе процвѣтаютъ по настоящее время и, подобно Волковинскимъ, исполнены сознанія своего шляхетскаго достоинства; изъ родовъ XVIII в. сохранились Алатыяны, Сеньки, Тороканы и Стецьки (всего ок. 300 душъ об. п. православныхъ).

Родъ *Каричинскихъ* владѣлъ Каричинцами „на Рову“. Когда

---

[1]) А. Б. с. II с. 224—228, № 124, 128, 136, 152; манифестъ объ убійствѣ Ст. Алатыяна въ К. Ц. А. № 5282 f. 575 v.

онъ тутъ водворился, неизвѣстно: Каричинцы упоминаются въ 1440 г., когда были пожалованы Ioanni de Steponikowcze; могъ онъ быть ихъ родоначальникомъ, могъ ихъ родъ владѣть селомъ независимо отъ этого пожалованія и до и послѣ него. Въ 1538 г. Каричинцы были у Каричинскихъ выкуплены Боною, и взамѣнъ имъ пожалована пуст. Осова ок. Летичева, а спустя годъ братьямъ Грину, Андруху и Роману даны были земли въ грунтахъ Каричинскихъ, подъ лѣсомъ Шелеховымъ. Можно думать, что Осова осталась во владѣніи остальныхъ Каричинскихъ, упомянутые же братья основали на новыхъ грунтахъ село Шелеховъ и отъ имени его получили прозвище Шелеховскихъ, вытѣснившее прежнюю фамилію. Другое прозвище ихъ было Хорушки: въ переписи 1552 г. значится три брата Хорушковъ; у Грина былъ сынъ этого имени, и отъ него, быть можетъ, пошло это прозвище. Въ 1551 г. имъ были пожалованы дѣдичныя права на Шелеховъ, но это не защитило ихъ отъ бѣды: въ 1599 г. село это было у нихъ отобрано за неисполненіе повинностей и отдано старостѣ барскому Гольскому, который потомъ (1602 г.) передалъ его Лоевскимъ [1]).

Не всѣ однако Шелеховскіе перешли послѣ этого въ разрядъ „голоты“; Андрей и Лука Хорушки Шелеховскіе получили отъ своего „уя“ Олексы Карачевскаго половину его недвижимости, и послѣ раздѣла съ другими наслѣдниками, на ихъ долю пришлись: Кн. Лука съ Долговцами и Дашковцы; Кн. Луку и Долговцы они продали Замойскому, хотя, вѣроятно, non tam libenter, quam reverenter, выражаясь словами одного документа, а Дашковцы остались за ними. Хотя это было имѣніе дѣдичное, привилегированное, однако владѣльцамъ его пришлось также выдержать борьбу съ польскими конкурентами: такъ въ 1604 г. выдано было разрѣшеніе на пріобрѣтеніе его у незаконныхъ владѣльцевъ Хорушковъ Лохинскому, немного позже—Творіанскому; Хорушки, повидимому, отстояли себя (въ 1617 г. владѣла имъ Анна Хорушковна

---

[1]) А. Б. с. I № 8, 49, 56, 79, 176, с. 143, 164, 256; Кор. Метр. варш. № 147 f. 158 v.

Хоцимирская), но Дашковцы въ полов. XVII в. вышли все-таки изъ ихъ рода, какимъ путемъ—не знаю [1]).

Другая вѣтвь Шелеховскихъ устроилась въ Поповцахъ: Северинъ Ахмановичъ Шелеховскій пріобрѣлъ въ нач. XVII в. (1609 г.) здѣсь участокъ, и эта линія одна удержалась въ составѣ барской шляхты до самаго послѣдняго времени; по переписи 1739 г. ихъ показано три семьи; въ настоящее время въ Поповцахъ съ Гальчинцами значится Шелеховскихъ до 40 душъ православныхъ обоего пола [2]).

Родъ *Лосковскихъ* очень не долго фигурируетъ въ исторіи Барщины. Ему вообще жестоко не везло. Какъ было уже говорено [3]), Абрамъ Лосковскій въ 1530-хъ гг. владѣлъ селомъ Лосковцами; себя онъ причислялъ къ категоріи владѣвшихъ землями „въ суммахъ, записанныхъ старостами", но на настойчивыя требованія—предъявить документы на владѣніе, Лосковскій, которому притомъ рѣшительно отказывали въ шляхетскомъ титулѣ, не далъ никакого отвѣта, и весьма вѣроятно, что въ дѣйствительности онъ былъ „безправнымъ" владѣльцемъ. Затѣмъ Лосковцы были отобраны, и Лосковскіе попали въ разрядъ „голоты". Въ 1547 г., по ходатайству Боны кор. Сигизмундъ пожаловалъ Абраму на дѣдичномъ правѣ пустыни Семяковцы и Кужелеву, но и здѣсь ихъ ждала неудача: въ 1559 г. на Семяковцы выпросилъ у М. Герборта „подъ ними" грамоту Р. Карачевскій. Лосковскіе—сыновья Абрама (Алексѣй, Лазарь, Ермакъ, Васько и Иванъ) выхлопотали себѣ у короля подтвержденіе грамоты Боны, но Карачевскій напалъ на село и силою выбилъ изъ него Лосковскихъ, при чемъ забралъ ихъ имущество, а Лазаря Лосковскаго, раненнаго въ этой свалкѣ, отослалъ подъ арестъ въ замокъ. Лосковскіе жаловались королю; Карачевскій дока-

---

[1]) А. Б. с. П № 4, R. 1591, 1598, К. Ц. А. № 5648 р. 72, 75—6 (регесты).

[2]) А. Б. с. П с. 255, К. Ц. А. № 5648 р. 257 (регеста 1609 г.).

[3]) См. с. 72—3.

зывалъ, что Лосковскіе не заселили пожалованныхъ имъ грунтовъ и не отбывали съ нихъ службъ (дѣйствительно, въ переписи барской шляхты Лосковскихъ нѣтъ). На этомъ основаніи было оставлено въ силѣ пожалованіе Герборта; послѣдній, очевидно, поддерживалъ Карачевскаго и заявилъ, что Лазаря велѣлъ онъ арестовать по подозрѣнію въ воровствѣ. Король поручилъ ему отвесть Лосковскимъ для заселенія другое помѣстье, но не видно, чтобы порученіе это было исполнено [1]).

Богданъ *Звенигородецъ*, получившій въ 1549 г. отъ Боны пустыню Куриловцы (которую держалъ раньше нѣкій Курило, сообщившій ей свое имя) былъ сынъ извѣстнаго Дмитра Базановича, „Козака-Звенигородца", одного изъ тѣхъ „подлѣйшихъ земянъ" браславскихъ, владѣльцевъ займанщинъ, о которыхъ упоминалось выше; въ 1546 г. Базановичъ впрочемъ исхлопоталъ королевское подтвержденіе на свои займанщины (Мытковцы и Соколковъ) [2]). Богданъ былъ, кажется, его единственнымъ сыномъ. Удержавъ прозвища Козака и Звенигородца, онъ получилъ еще отъ имени села фамилію Куриловскаго и подъ этими многочисленными именами фигурируетъ въ Барщинѣ. Не смотря на свое ultra-демократическое прозвище, Богданъ былъ зауряднымъ помѣщикомъ и тягался за бѣглыхъ крестьянъ не хуже другихъ. Свойство́ у него было важное: женатъ онъ былъ на Елисаветѣ Бучацкой, сестрѣ барскаго старосты, отъ которой имѣлъ сыновей Николая и Федора (Fedor) и двухъ дочерей. Въ 1564 г., въ уваженіе къ преклонному возрасту этого emeritus miles, сеймъ освободилъ его отъ отбыванія сторожи. По смерти его Куриловцы вскорѣ вышли изъ фамиліи Богдана, и сыновей его позже не встрѣчаемъ въ Барщинѣ. Федоръ унаслѣдовалъ браславскія земли (потомъ—въ 1592 г.—онъ продалъ ихъ

---

[1]) К. Ц. А. № 3599 f. 87 (1735 г.), А. Б. с. I № 73, 103, 108, 109.

[2]) Архивъ Ю.-З. Р. VII, I с. 185, Źródła VI p. 127; Соколковъ—Соколовка на р. Конелѣ, къ с. отъ Умани, Мытковцы были гдѣ-то на Горскомъ Тыкичѣ.

Струсю, отъ котораго онѣ перешли къ Калиновскому). О Николаѣ не извѣстно ничего; у Федора былъ племянникъ Гордій Михайловичъ Козакъ, можетъ быть—это ошибка вмѣсто „Миколаевичъ"? Одна изъ дочерей Богдана—Анна Козаковна была замужемъ за Христоф. Клембовскимъ (владѣльцемъ Маліевецъ [1]).

Къ числу „безправныхъ" владѣльцевъ pur sang должно отнести *Голодковъ*: когда они водворились въ Голодкахъ, и за какимъ правомъ, совершенно неизвѣстно; неизвѣстно и то, приняли ли они фамилію отъ имени села, или сообщили ему свое прозвище. Въ 1565 г. они заявляли, что владѣютъ селомъ отъ отцовъ и дѣдовъ, еще до основанія Бара. Старѣйшій извѣстный—Дмитро Голодко (1551 г.); онъ то, вѣроятно, по переписи 1552 г. ставилъ 3 коней. Въ 1565—70 г. Голодковъ было четверо—Василь Хромый, Несторъ, Яцко и Ильяшъ; въ 1593 г. Яцко (или Гіацинтъ) испросилъ у короля, ad intercessionem Гольскаго, грамоту на пожизненное владѣніе половиною села для себѣ и сыновей, а уже въ 1599 г. село было отобрано у Голодковъ за неисполненіе повинностей и отдано Гольскому. Голодки послѣ этого сходятъ со сцены [2]).

Мелькомъ упоминается въ Барщинѣ въ 1-ой пол. XVI в. фамилія *Маличовскихъ* или Мальчицкихъ. Въ разграниченіи Бара и Дробышовецъ 1542 г. упоминается о сосѣднихъ грунтахъ Ильяша Мальчицкаго (Malcziczki)—очевидно Мальчовцахъ (у верховья Мурахвы). Одинъ изъ Мальчовскихъ былъ женатъ на дочери Лазура Радіевскаго Аннушѣ, и у нея были дѣти: Сенько, Романъ попъ, Федька и Палажка Маличовскіе (1522—1543). Въ 1550 году

---

[1]) А. Б. с. I № 75, 116, 136, с. 253, Арх. Ю.-З. Р. VII, I с. 189, II с. 267; Źródła t. XX p. 116, XXI p. 540, 343, 546, К. Ц. А. № 3620 f. 384 (1603 г., Козаковна).

[2]) А. Б. с. I с. 164, 253, 324, Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 264, Кор. Метр. варш. № 79 f. 502 (грамота Боны, разрѣшающая войту барскому Cervus'у устроить прудъ на р. Ровѣ противъ земель Д. Голодка), № 143 f. 60 v. (грамота Гольскому на отобранные Голодки, по содержанію тождественная съ грамотою о Шелеховѣ—А. Б. с. I № 176).

Мальчовцы были пожалованы королемъ Франциску Гослицкому, подстаростѣ барскому; какимъ образомъ перешли они отъ Мальчовскихъ въ распоряженіе Боны, неизвѣстно: въ грамотѣ 1550 г. о Мальчовскихъ вовсе не упоминается [1]).

Въ 1-ой пол. XVI в. въ Ровщинѣ фигурируетъ старинный родъ *Ярмолинскихъ*, о которомъ мы только упомянемъ, такъ какъ онъ вскорѣ выходитъ изъ нея. Родовымъ гнѣздомъ ихъ было с. Ярмолинцы (у верховьевъ Ушицы), на которое ихъ родоначальникъ Ходко получилъ дѣдичное пожалованіе въ 1407 г.; этого Ходка Несецкій выводитъ изъ Хорватіи, но это хорватское происхожденіе появилось, вѣроятно, тогда, когда потомки Ходка стали тяготиться своимъ туземнымъ происхожденіемъ. Въ Ровщинѣ Ярмолинскіе владѣли Гермаками, которые пріобрѣли, вѣроятно, или у Урбановича, или у кого-либо изъ позднѣйшихъ польскихъ владѣльцевъ, когда—неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ—до 1518 г., когда была имъ выдана подтвердительная грамота. Въ 1538 г. Бона вымѣняла у нихъ Гермаки на Лосковцы; во время экзекуціи королевщинъ былъ поднятъ вопросъ о законности этого обмѣна, но остался безъ послѣдствій [2]). Въ пол. XVI в. одна вѣтвь Ярмолинскихъ получаетъ прозвище Сутковскихъ отъ Сутковецъ (на Ушицѣ, ок. Ярмолинецъ).

Родоначальникъ *Морозовскихъ* былъ Райтко изъ Покутинецъ; отъ Боны онъ получилъ участокъ въ грунтахъ Мукаровскихъ, утвержденный за нимъ королемъ (1542 г.). Въ этой грамотѣ онъ именуется шляхтичемъ (nobilis), но какъ Покутинцы принадлежали Одровонжу, то Райтко оффиціальнымъ владѣльцемъ ихъ быть не могъ, и едва ли принадлежалъ къ шляхетскому сословію (хотя могъ быть „безправнымъ“ заимочникомъ). Новое село названо было Малымъ Му-

---

[1]) А. Б. с. I № 36, 62, 64, 76.

[2]) А. Б. с. I № 2, 6, 30, 50, Кор. Метр. варш. № 123, f. 660, № 128 f. 85.

каровымъ, позже Морозовкою, а владѣльцы съ полов. XVI в. носятъ фамилію Морозовскихъ, вѣроятно—это была первоначальная ихъ фамилія, усвоенная потомъ и селомъ. Сыновья Райтка—Хведоръ, Исай и Олексій владѣли Морозовкою во 2-ой пол. XVI в., о другихъ родичахъ нѣтъ указаній, но родъ настолько быстро разростался, что либо нужно предположить существованіе боковыхъ линій, либо вошли въ фамилію „спильники" и „прыймаки". Въ подтвердительной грамотѣ 1600 г. перечисляется 12 семей Морозовскихъ, а контумація 1639 г. перечисляетъ 33 имени, прибавляя еще alios omnes Морозовскихъ; этотъ перечень обращаетъ на себя вниманіе характерными, чисто народными прозвищами (Дяченко, Плескачъ, Онушко Попъ, Стеценко, Девятка и т. п.). Несмотря на отсутствіе юридическихъ гарантій (пожизненныя права они получили только въ 1600 г.), Морозовскіе уцѣлѣли въ 1-ой пол. XVII в., и ихъ околица оставалась нѣкоторое время островомъ среди привилегированныхъ имѣній этой полосы; еще въ грамотѣ 1665 г. Морозовцы значатся въ числѣ селъ барской служилой шляхты („чемерисскихъ"), но къ XVIII в. они вышли изъ состава Барскаго староства, и дальнѣйшая судьба рода Морозовскихъ мнѣ неизвѣстна [1]).

Въ 1546 г. Бона пожаловала для заселенія пустыню Кудовцы шести шляхтичамъ (nobiles): Ивану Олисовичу (Олисеевичу), Федору, Тыхну, Гринцу, Стефану Лазуровичу, Микитѣ и Ивану Снуховичамъ; неизвѣстно, были ли все это родственники, или только „спильники"; въ люстраціи 1570 г. впрочемъ говорится, что Иванъ Олисеевичъ и Степанъ были братья. Иванъ Олисеевичъ Cudziowski впрочемъ еще до 1546 г. встрѣчается въ Барщинѣ (1543 г.) и, очевидно, владѣлъ и тогда Кудовцами, которые извѣстны еще въ XV в. Отъ имени Кудовецъ или Кудыевецъ приняли всѣ владѣльцы фамилію *Кудыевскихъ* [2]). Родъ былъ не особенно многочисленный и ничѣмъ въ XVI в. не

---

[1]) А. Б. с. I № 61, с. 164, 255, II № 40, Кор. М. вар. № 145 f. 122 (1600).

[2]) А. Б. с. I № 64, 71, 110, с. 164, 255.

выдавался; но въ первой половинѣ XVII в. Кудыевскіе выдержали замѣчательную по своему упорству борьбу съ конкурентами-поляками, тѣмъ болѣе трудную, что сами Кудыевскіе имѣли лишь права пожизненнаго владѣнія, подтвержденные въ 1589 г. Съ первымъ разрѣшеніемъ на пріобрѣтеніе Кудыевецъ, выданнымъ въ 1606 г. П. Тацимирскому, Кудыевскіе справились благополучно: по ревизіи 1607 г. они оказываются въ спокойномъ владѣніи и ставятъ двадцать коней. На послѣдовавшія затѣмъ пожалованія Пекарскому (1614 и 1616 г.) они отвѣтили протестомъ, ссылаясь на то, что два доживотья, гарантированныя въ пожалованіи Боны, еще не истекли, и пока дѣло затянулось провѣркою этого заявленія, успѣли себѣ въ 1620 г. исхлопотать новое доживотье, въ видѣ разрѣшенія на передачу своихъ пожизненныхъ правъ сыновьямъ. Изъ люстраціи 1615 г. видно, что между Кудыевскими и Пекарскимъ шли споры и взаимные наѣзды, но тѣмъ не менѣе, если вѣрить заявленію комиссаровъ, Пекарскій владѣлъ половиною Кудыевецъ. По смерти его выдано было пожалованіе на все село Н. Стогнѣву; между нимъ и Кудыевскими пошли схватки; по словамъ декрета, Стогнѣвъ безъ затрудненій вступилъ во владѣніе половиною села, а затѣмъ, очевидно, захотѣлъ завладѣть и остальною. Кудыевскіе дали отпоръ и обжаловали его въ королевскомъ ассессорскомъ судѣ, но затѣмъ вступаютъ въ сдѣлку съ Стогнѣвомъ и получаютъ отъ него уступочную запись на половину Кудыевецъ. Королевскій приговоръ утверждаетъ за ними эту половину на основаніи пожалованія 1620 г. и записи Стогнѣва; другая такъ и пошла за державцами-поляками (послѣ Стогнѣва—П. Лапка, потомъ Стржыевскій, Зацвилковскій). Во время козачины нѣкоторые изъ Кудыевскихъ лишились своихъ земель, конфискованныхъ „за соучастіе съ разбойниками и разбои", но эти конфискованныя земли перешли къ болѣе благонамѣреннымъ ихъ сородичамъ, и родъ Кудыевскихъ затѣмъ до полов. XVIII в. остается во владѣніи Кудыевцами. Но онъ уже выходитъ изъ состава барской служилой шляхты: Кудыевскіе успѣли доказывать (1720—3 г.) свои дѣдичныя права на Кудыевцы и на этой почвѣ дали отпоръ притязаніямъ и Любомирскаго, владѣльца Бар-

скаго старосства и получившаго королевское пожалованіе на Кудыевцы Богуша [1]).

Одновременно съ Кудыевскими были надѣлены Боною родоначальники *Козяровскихъ,* сыновья шл. Леська—Димитрій, Георгій и Лесько: они получили разрѣшеніе осадить село у лѣса Кладна на Ровцѣ. Село это получило названіе Козяровецъ или Верхкладна. Вѣроятно, владѣльцы и раньше носили имя Козяровскихъ (также Kozarzewski), и отъ нихъ получило село имя. Любопытно, что хотя въ упомянутомъ пожалованіи Козяровскіе признаются шляхтичами (nobiles), въ размежеваніи 1555 г. говорится о кметяхъ Козаровцахъ изъ Семяковецъ, и это заявленіе, по всей видимости, относится къ Козяровскимъ [2]). Вскорѣ послѣ пожалованія Козяровскимъ (1554 г.) выдана была грамота на Козяровцы Бадовскому, но пожалованіе это, очевидно, не было осуществлено, и Козяровскіе до конца XVI в. остаются во владѣніи селомъ. Въ 1591 г. было разрѣшено имъ передать село въ пожизненное владѣніе сыновьямъ, но уже въ 1613 г. выморочные участки въ Козяровцахъ (Мишка, Стаська и Абрама Козяровскихъ) были пожалованы, по рекомендаціи Жолкевскаго, нѣкоему Непельскому; въ люстрацію 1615 г. онъ предъявилъ разрѣшеніе на пріобрѣтеніе и другой половины, но не представилъ

---

[1]) А. Б. с. I № 156, II № 5, 20, 26, 28, 33, 34, 46, Źródła V p. 29, Метр. Кор. варш. № 156 f. 337, 185 f. 57, 189 f. 172 и регесты въ К. Ц. А. № 5648 p. 325—329, № 5286 f. 935 (1741—Кудыевскіе не допускаютъ ввода въ Кудыевцы Пржецишевскаго, получившаго на нихъ грамоту въ 1738 г.).

[2]) А. Б. с. II R. 1555 и ниже въ томъ же актѣ: Gen. Anna relicta gen. Mathiae Radeczki affectavit, quatenus d. commissarii... cmethonibus praefatis dictis Koziarowczom de solo et terra ipsius Annae Radeczka haereditaria, ad villam Nieteczincze et Zenieczkowcze antiquitus pertinent., in quo per g. B. Pretficz locati resident, surgere mandarent. Et.. nob. Joannes Badowski, tenutarius.. villae Sierzsseniowcze, allegavit, praefatos cmethones dictos Koziarowczi in terra et fundo ipsius, ad villam Sierzsseniowcze pertin., residere (К. М. варш. № 87 f. 360 sq.).

еще цессіи; вскорѣ, вѣроятно, онъ овладѣлъ всѣмъ селомъ, такъ какъ Козяровскіе не фигурируютъ болѣе въ качествѣ владѣльцевъ Козяровецъ. Одна семья Козяровскихъ водворилась въ Галузинцахъ и владѣла здѣсь въ XVIII в. дѣдичнымъ участкомъ (упомин. подъ 1732—1773 г.); встрѣчаются они также въ Волковинцахъ и Поповцахъ [1]).

Еще эмефернѣе было существованіе рода Яблоновскихъ: Грицько и Федоръ, сыновья Оначка, получили отъ Боны пуст. Яблоновку и въ 1557 г. добыли отъ короля грамоту на ленное право; отъ имени урочища получили они, очевидно, и свою фамилію. Но уже въ 1585 г. она была отобрана „на законномъ основаніи“ (jure mediante) у Стецька и Федора Яблоновскихъ и пожалована Якову Незабитовскому; въ чемъ заключалось это законное основаніе, неизвѣстно [2]).

Весьма интересно происхожденіе фамиліи Михоловскихъ. Барскіе мѣщане—братья Сенько, Сенюта, Стефанъ, Савка и Василь Войтовичи, Якимъ Вачина, Андрушко Приснесеня и Ячина владѣли въ полов. XVI в. пасѣками и другими угодьями въ сосѣдствѣ городскихъ грунтовъ „отъ временъ предковъ своихъ, на основаніи грамотъ предшествующихъ королей“. Гербортъ подтвердилъ это владѣніе, а король утвердилъ ихъ въ 1563 г. въ дѣдичныхъ правахъ. Судя по словамъ грамоты, едва ли это былъ одинъ родъ; но отъ имени одного изъ урочищъ—лугъ Михлова—они получили общее прозвище Михловскихъ или Михоловскихъ, а основанное ими поселеніе—Михоловцевъ. Въ подтвердительной грамотѣ 1578 г. они уже называются шляхтичами (nobiles). Къ концу XVI в. фамилія

---

[1]) А. Б. с. I № 68, с. 164, 256, II 247, 256, R. 1554, Żródła V p. 32, Кор. Метр. варш. № 136 f. 19 (подтверд. грамота Станиславу и Ивану 1591 г.) и № 155 f. 181 (грамота Непельскому); въ 1612 г. выдана была грамота Стан. Кавецкому на Козяровцы по смерти Прокопія Козяровскаго (К. Ц. А. № 5251, док. № 248), участь ея неизвѣстна; К. Ц. А. 5684 f. 88 v. (1732, Мих. Козяровскій), № 5711 f. 453 (1773 г., Пав. Козяровскій).

[2]) А. Б. с. I с. 187, 259, 301.

эта была настолько многочисленна, что напр. одна восьмая часть села находилась во владѣніи трехъ шляхтичей (Грина и сыновей его), другая—семерыхъ: Ивана (Ioannis) сына Сеньковаго, Мартина Сенютиного, Матвѣя, Семяка и Гринца Лавринятъ (Jawreniata), Леська и Федора Василевыхъ сыновей, и они испрашивали себѣ у короля подтвержденія на отдѣльныя части. Въ 1593 г. одинъ изъ такихъ участковъ былъ пожалованъ Сциборовскимъ; однако этого Сциборовскаго затѣмъ не видно, вѣроятно—Михоловскіе какъ нибудь отдѣлались отъ него, и въ 1615 г. владѣльцами значатся лишь Михоловскіе. Въ документахъ 1661—65 гг. Михоловцы значатся еще въ числѣ шляхетскихъ селъ, но по реестру 1712 г. шляхты въ селѣ уже не оказывается, а только крестьяне, и свѣдѣнія о Михоловскихъ прекращаются [1]).

При Гербортѣ же получили наданья еще родоначальники *Петрановскихъ* и Васютинскихъ. Петрану и Ваську Ясковичамъ разрѣшено было заселить урочище Ременну; потомки ихъ назывались Петрановскими, а село получило второе имя Петрановцевъ или Петраней. Родъ былъ немногочисленный, но удержался до конца Барскаго староства. Значительные впрочемъ участки въ Петраняхъ отошли путемъ родства и т. п. къ другимъ фамиліямъ: такъ съ полов. XVII в. водворяются здѣсь Драгомирецкіе, одинъ изъ которыхъ былъ женатъ на вдовѣ нѣкоего Северина Петрановскаго, кромѣ нихъ въ XVIII в. видимъ здѣсь цѣлую серію волоховъ—Боцулы, Дыдыскулы, Моймескулы [2]). Во время козацкихъ войнъ XVII в. Петрановскіе, подобно многимъ барскимъ шляхтичамъ, стали въ ряды козаковъ и одинъ изъ нихъ выдвинулся очень замѣтно: это былъ Ярема Петрановскій, полковникъ лысянскій (1664 г.), потомъ чигринскій (упомин. подъ 1672 г.). Сначала онъ держался поль-

---

[1]) А. Б. с. I № 107, 132, 164, II с. 133, 167, Żródła V p. 31, Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 520, Кор. Метр. варш. № 138 f. 163 (1593).

[2]) А. Б. с. I № 105, 131, II с. 251, Żródła V p. 31, К. Ц. А. № 5648 р. 314.

ской стороны, за заслуги свои получилъ значительныя пожалованія (впрочемъ по большей части, кажется, in partibus) и былъ нобилитованъ вмѣстѣ съ Даніиломъ, Василемъ и Иваномъ Петрановскими, за заслуги „въ войскѣ запорожскомъ, а передъ тѣмъ—въ коронномъ" (1661 г.). Кто-то изъ нихъ попалъ въ плѣнъ къ татарамъ, и гетманъ Тетеря въ 1663 г. хлопоталъ объ освобожденіи его; изъ письма Тетери видно, что братъ плѣнника служилъ при немъ. О Еремѣ извѣстно, что онъ былъ потомъ сторонникомъ Дорошенка, ѣздилъ отъ него дважды (въ 1669—1670 г.) посломъ въ Варшаву, когда Дорошенко велъ съ кор. Михаиломъ переговоры о подданствѣ. Потомъ (1672 г.) онъ былъ взятъ у Дорошенка султаномъ въ заложники, вмѣстѣ съ Вуеховичемъ, въ качествѣ „лутчихъ людей". Когда фонды Дорошенка начали рѣшительно падать, Петрановскій смалодушничалъ и завелъ сношенія съ московскою партіею, которой сообщалъ разныя свѣдѣнія о Дорошенкѣ; въ это время онъ уже называется „бывшимъ полковникомъ чигиринскимъ". Насколько упомянутыя сношенія пригодились Петрановскому, неизвѣстно, такъ какъ о дальнѣйшей судьбѣ его нѣтъ извѣстій. Судя по тому, что внукъ его въ XVIII в. оказывается въ Черниговщинѣ, можно думать, что и Ерема перебрался подъ конецъ въ Гетьманщину. Женатъ онъ былъ на дочери полковника кіевскаго Антона Ждановича—Параскевѣ и имѣлъ сына Стефана. Внукъ его Яковъ былъ въ пол. XVIII в. управляющимъ у ген. обознаго Кочубея въ Бахмачѣ. Въ это время намѣстникъ с. Петрань Стефанъ Петрановскій затѣялъ процессъ съ другими владѣльцами с. Петрань, „задавъ неровность" по обыкновенію, и въ подкрѣпленіе своихъ претензій вызвалъ изъ-за Днѣпра Якова Петрановскаго, наобѣщавъ ему всякой всячины; въ это время были предъявлены и вышеупомянутыя жалованныя грамоты Еремы на помѣстья [1]).

---

[1]) А. Б. с. II № 59, R. 1661, Памятники Кіев. Ком. IV, 3 с. 324, Акты Ю. и З. Р. IX с. 348, 357, 737—8, XI с. 76, XII с. 597—8, 604, Величко II с. 227, 232, 239, 275, 461, К. Ц. А. № 5696 f. 4 (разсказъ Якова Петрановскаго).

Родъ *Васютинскихъ* основался на ур. Лукава ок. Радіевецъ; выселокъ Лукова извѣстенъ еще въ 1-й четверти XVI в. и тогда былъ во владѣніи Гриска Радіевскаго; возможно, что и Васютинскіе были отраслью Радіевскихъ. Гербортъ далъ на Лукаву привилей, утвержденный въ 1567 г., Лехну, Артему, Степану и Яцку Васютенятамъ; въ концѣ XVI в. они уже называются Васютинскими, и село отъ ихъ фамиліи называлось потомъ Васютинцами. Родъ значительно разросся, и въ подтвердительной грамотѣ 1593 г. пересчитано 19 Васютинскихъ; но по переписи 1607 г. они ставили всего 9 коней, занимая такимъ образомъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ среди барской шляхты. Первая пол. XVII в. прошла для нихъ благополучно: мнѣ не встрѣтилось вовсе указаній на существованіе пожалованій на Васютинцы прихожимъ шляхтичамъ. При переходѣ Барскаго староства въ дѣдичное владѣніе Васютинскіе остались въ составѣ околичной шляхты и въ этой роли пребывали до конца. По переписи 1739 г. ихъ значится 14 семей, другихъ шляхетскихъ—всего 4, подданныхъ 28. Фамилія Васютинскихъ имѣла нѣсколько вѣтвей—Мироненки, Шахи, Лехны, Пелешенки; первыя три существуютъ и доселѣ. Село въ настоящее время небольшое (ок. 1000 душъ); около четверти населенія составляетъ шляхта; въ дворянствѣ утверждено, по свѣдѣніямъ мѣстнаго священника, изъ Васютинскихъ всего два семейства [1]).

---

[1]) А. Б. с. I № 126, 166, с. 251, II с. 250—251. Родословіе нѣкоего Василя Васютинскаго, составленное въ 1626 г. и явленная въ 1765, сообщаетъ, что Артемъ Васютинскій назывался Покушъ, имѣлъ сына Стефана и внуковъ—Василя и Андрушка (К. Ц. А. № 5316 f. 571); но показанія эти не сходятся съ грамотою 1593 г. Въ 1715 г. Яковъ Васютинскій въ Летичевскомъ гродѣ предъявилъ подтвердительную грамоту 1639 г. Дашковскимъ (pro nob. Semeno patre, Mathia (hic verba perlegi non possunt), Gregorio, Wasilio, Daniele, Fedoro, Mykita Daszkowskich) на владѣніе участками in fundo deserto Lukowa (К. Ц. А. № 5254 f. 212). Эту грамоту трудно иначе понять, какъ только предположивъ, что подъ Дашковскими здѣсь скрываются тѣ же Васютинскіе.

Въ 1581 г. была выдана королемъ жалованная грамота Северину Бухновскому—т. е. изъ Бухновъ (Хмельницкаго пов., къ ю.-в. отъ Летичева), на заселеніе села въ грунтахъ с. Маниковецъ. Село это получило имя Степанокъ и дало владѣльцамъ новую фамилію *Степанковскихъ.* По переписи 1607 г. отбывало службу только двое Степанковскихъ, такъ какъ татары передъ тѣмъ разорили село и забрали „бояръ" въ неволю; тяглыхъ было 3, коморниковъ 5. Изъ грамоты 1658 г., жаловавшей выморочные участки въ Степанкахъ Георгію Буцню, видимъ, что кромѣ Северина было еще нѣсколько главъ семей—Процянъ, Баля, Мануйло. Грамота эта любопытна еще въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ неточны бывали мотивы пожалованія: жалуются участки выморочные, между прочимъ Гневоша Степанковскаго, а изъ заявленія вознаго узнаемъ, что шл. Гневошъ допустилъ вводъ новаго державцы. Впрочемъ не смотря на это заявленіе, нѣтъ указаній, чтобы Буцень дѣйствительно вступилъ во владѣніе Степанками. Степанковскіе удерживаются въ нихъ до конца Барскаго староства; по переписи 1739 г. они владѣли двумя кутками въ Степанкахъ: Степанковскою и Терешковою (всего пять семей), а въ двухъ другихъ сидѣли Карышковскіе, Покорскіе, Жердецкіе и Янковскіе; село составляло отдѣльную шляхетскую околицу; всего шляхетскаго населенія было 21 дворъ, крестьянскаго 10 [1]).

Въ к. XVI в. староста Гольскій отдалъ для заселенія запустѣвшую Кумановку сербскимъ выходцамъ (servii), братьямъ Сереткамъ: Милошу, Федору, Ивану, Ивашку и Римаку, и король затѣмъ (1591 г.) гарантировалъ имъ пожизненное владѣніе. Отъ имени одного изъ Серетковъ, Радула, село назвалось Радуловцами, а позже (особенно со 2-ой четв. XVII в.)—Сербиновцами. Въ 1604 г., по смерти Радула Сербина, село было пожаловано, въ качествѣ выморочнаго, Гольскому, но осталось въ рукахъ Серетковъ, такъ какъ въ 1613 г. выдается новое пожалованіе на двѣ части Сербиновецъ, выморочныя

---

[1]) А. Б. с., I № 142, II № 47, с. 253, Źródła V p. 28.

послѣ Радула, Дмитру Милашу съ сыновьями, а третья остается во владѣніи Николая, Симона и Якова, сыновей Ивана, Федора и Гринка—по всей вѣроятности Серетковъ, которые затѣмъ (1615 г.) выступаютъ съ фамиліею Сербиновскихъ. Осталось безъ осуществленія и пожалованіе Сербиновецъ Вронскому 1620 г., и Сербиновскіе (вѣроятно, эту фамилію приняли и потомки Милаша)[1] остаются владѣльцами Сербиновецъ. Кромѣ нихъ дѣдичами въ Сербиновцахъ въ XVIII в. были Ивашковскіе, Олтаржевскіе, пріобрѣвшіе въ XVII в. участки въ Сербиновцахъ путемъ браковъ. Село входило въ составъ Барскаго староства, но Сербиновскіе въ 1716 г. получили отъ Любомирскаго освобожденіе отъ повинностей и на основаніе его потомъ отказывались отъ подчиненія барской юрисдикціи[2].

Въ концѣ XVI и началѣ XVII в. выступаетъ еще рядъ родовъ, образовавшихся и осѣлившихся въ Барщинѣ, несомнѣнно, гораздо раньше—Коростовскіе, Лопатинскіе, Барановскіе, Орлинскіе. *Коростовскіе* хотя и возводили въ XVIII в. свои права къ пожалованію ур. Хорошовецъ шл. Данилу въ 1448 г., но первое документальное упоминаніе о нихъ я нашелъ въ грамотѣ 1591 г., въ которой король жалуетъ для заселенія „на сыромъ корнѣ“ ур. Хоростову Лукѣ, Симону, Ѳеодору, Прокопію, Протасію и Іосифу Хоростовскимъ; эта грамота любопытна въ томъ отношеніи, что жалуетъ имѣніе какъ бы вновь, а между тѣмъ своимъ содержаніемъ показываетъ, что получающіе пожалованіе уже раньше обитали на этихъ грунтахъ и получили отъ его имени прозвище; позже село отъ имени владѣльцевъ называлось Коростовцами. Во владѣніи Коростовскихъ село оставалось до конца XVIII в., составляя небольшую шля-

---

[1]) Въ подтвержденіе того, что совершенно различные роды могли называться одною фамиліею, заимствованною отъ названія села, могу указать на А. Б. с. II № 146, гдѣ Малышъ Мытко попалъ въ число Гальчинскихъ.

[2]) А. Б. с. I № 158, II № 11, R. 1604, 1620, 1716, 1739, Źródła V p. 26—7, Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 529, К. Ц. А. № 5284 f. 1186.

хетскую околицу; въ 1739 г. было двѣ семьи Коростовскихъ —Иванъ и Григорій; 11 другихъ шляхтичей владѣли участками, пріобрѣвъ ихъ отъ Коростовскихъ; крестьянъ значится шесть. Упомянутый Иванъ Коростовскій заявилъ себя горячимъ сторонникомъ православія и надѣлалъ всевозможныхъ непріятностей мѣстному священнику, начавшему вводить разныя уніатскія новшества; это было явленіе вообще рѣдкое въ шляхетской средѣ. Въ настоящее время Коростовскихъ уже въ Коростовцахъ нѣтъ [1]).

Древнѣйшая извѣстная мнѣ грамота *Лопатинскихъ* относится къ 1590 г., но это уже подтвердительная грамота, оставляющая за ними ихъ участки въ с. Лопатинцахъ. Родъ былъ довольно многочисленный, и упомянутая грамота выдается, очевидно, лишь одной группѣ владѣльцевъ (6 чел.); отъ 1600 г. имѣемъ подобную же грамоту другой группѣ (тоже 6 душъ); люстрація 1615 г. насчитываетъ Лопатинскихъ 23 чел. Въ началѣ XVII в. (до 1607 г.) король выдалъ жалованную грамоту на Лопатинцы нѣкоему Вальковскому, но Лопатинскіе успѣли пріобрѣсть у него уступочную запись на его права, и въ 1615 г. они были уже единственными владѣльцами Лопатинецъ. Въ составѣ барской шляхты Лопатинскіе оставались до конца старостства. По переписи 1739 г. село состояло изъ двухъ кутковъ—Чорнятина и Олизароваго, получившихъ свои названія отъ Олизара и Чарноты Лопатинскихъ (XVI в.); владѣли имъ Лопатинскіе, въ числѣ семи, и десять семействъ изъ категоріи „зятьевъ и заставниковъ"; подданныхъ было 10. Лопатинскіе также раздѣлялись на двѣ главныя фамиліи—Олизаровъ и Чарнотъ, и нѣсколько мелкихъ вѣтвей—Марченки, Антоненки, Возненки, Решты; одна фамилія—Кнышей Лопатинскихъ была завѣдомо крестьянскаго происхожденія и уже въ пол. XVIII в. усвоила себѣ фамилію Лопатинскихъ и претензіи на шляхетство [2]).

---

[1]) А. Б. с. II с. 252, 281, R. 1590, Żródła V p. 28, см. выше с. 51.

[2]) А. Б. с. I № 181, II № 14, с. 251—252, R. 1590, К. Ц. А. № 5688 f. 61, 96 v. („заданье неровности" Каленику Кнышу).

Барановскіе, владѣвшіе Барановкою на Ушицѣ, ссылались на пожалованіе правъ пожизненнаго владѣнія 1600 г. Семену и сыну его Панютѣ Барановскимъ; имена и фамилія показываютъ, что родъ былъ туземный и осѣвшійся здѣсь еще до этого пожалованія. Въ грамотѣ 1613 г. Барановскіе называются не nobiles, а honesti. По смерти Семена его половина села была пожалована въ 1613 г. Яну Сѣраковскому, другою половиною въ 1615 г. продолжалъ владѣть Панюта. Дальнѣйшая судьба ихъ мнѣ неизвѣстна. Въ 1663 г. Выговскій уступилъ свои права на Барановку Ржевускому, и въ составъ Барскаго староства XVIII в. она не вошла [1]).

Объ *Орлинскихъ* мнѣ извѣстно еще меньше. Въ 1613 г. было разрѣшено Михайлу (Michailo) Орлинскому передать свою часть Орлинецъ сыновьямъ Борису и Еремiѣ; другой половиною владѣли въ 1615 г. Петръ и Беата Орлинскіе [2]).

Слѣдуетъ упомянуть о Карышковскихъ, хотя родъ этотъ въ составѣ Барской шляхты встрѣчается уже въ XVIII в., въ видѣ дѣдичей одного изъ кутковъ с. Степанокъ Въ концѣ XVI в. они владѣли селомъ Карышковымъ (ок. Копайгорода): въ 1591 г. Янъ Замойскій пожаловалъ пожизненно для заселенія это селище Іовану Арнальту съ сыновьями: Стефаномъ, Прокопомъ, Иваномъ, Еремiемъ, и товарищу его Малышу (это указаніе, что Малышъ не былъ родичемъ, а только „спильникомъ" Іована очень интересно). Выше высказано было предположеніе [3]), что пожалованія Замойскаго въ дѣйствительности могли быть признаніемъ владѣнія уже раньше существовавшаго; то же можно сказать и о только что упомянутомъ пожалованіи. Іованъ Арнальтъ (въ докум. 1613 г. онъ называется Arnaut) и Малышъ долго служили въ войскѣ на Подольѣ и за свои подвиги были въ 1597 г. нобилитованы; нобп-

[1]) А. Б. с. II № 12, R. 1663, Źródła V p. 25.

[2]) А. Б. с. II № 13, Źródła V p. 27.

[3]) Стр. 121.

литація Іована сообщаетъ интересныя свѣдѣнія объ экспедиціяхъ барскихъ урядниковъ: Іованъ отличился въ битвѣ противъ татаръ подъ Бакотою подъ начальствомъ Творовскаго, подъ Заславомъ подъ начальствомъ подстаросты Оборскаго, въ экспедиціи подъ Очаковъ Ст. Гольскаго [1]), также во время нападенія татаръ и турокъ на Шаргородъ—въ отрядѣ Замойскаго. Малышъ (licet ex plebaeis, probis tamen et honestis parentibus genitus) тоже служилъ въ отрядѣ Яна Замойскаго и отличался въ борьбѣ съ татарами (особенно подъ Сѣнницей и Шаргородомъ). Въ 1613 г. Томашъ Замойскій надѣлилъ правомъ пожизненнаго владѣнія дѣтей Малыша, въ вознагражденіе за потери, понесенныя ими во время нападенія непріятелей на Шаргородъ. Какъ долго оставались Карышковскіе во владѣніи Карышковымъ, былъ ли онъ отобранъ по смерти дѣтей Ивана и Малыша, или право владѣнія было продлено для ихъ наслѣдниковъ, не знаю. Въ 1700 г. одинъ изъ Карышковскихъ—Иванъ, женившись на Степанковской, получилъ участокъ въ Степанкахъ; потомки его осѣлись здѣсь и во время переписи 1739 г. занимали отдѣльную часть села (4 семьи) [2]).

Если къ перечисленнымъ выше прибавить еще Северина или Сефера Пятигорка съ сыновьями Петромъ и Иваномъ (Ivano), которые получили въ 1593 г. грамоту на пожизненное владѣніе грунтами на р. Примощеницѣ и осадили здѣсь село Криву или Сеферовку, перешедшее по смерти ихъ къ іезуитамъ [3]), то мы будемъ имѣть болѣе или менѣе полный перечень туземныхъ и ассимилированныхъ туземною народною массою старыхъ шляхетскихъ родовъ Барщины.

---

[1]) Въ грамотѣ нобилитаціи Максима Перепилчинскаго (Przepiorczinski), выданной одновременно, упоминается еще объ одной битвѣ Гольскаго съ татарами—подъ Глубочкомъ (К. Ц. А. 3617 f. 74 v.).

[2]) А. Б. с. I № 159, II № 10 и с. 253; К. Ц. А. № 3617 f. 76 (нобилитаціи), 5271 f. 253 (дарственная Теод. Степанковскаго Карышковскому).

[3]) А. Б. с. II R. 1593, Źródła V p. 30.

Такимъ образомъ барское непривилегированное шляхетство сложилось изъ представителей разныхъ общественныхъ классовъ. Какъ видѣли мы, документальныя данныя о землевладѣніи нѣкоторыхъ здѣшнихъ родовъ восходятъ ко временамъ до-польскимъ; вѣроятно, очень значительная часть, можетъ быть—большинство родовъ восходило къ такимъ исконнымъ землевладѣльцамъ, земельныя владѣнія которыхъ были только легализованы, а не вновь созданы польскими пожалованіями. Но эти стародавніе землевладѣльцы едва ли принадлежали къ особому рѣзко опредѣленному общественному классу. Хотя уже въ грамотахъ Коріатовичей есть указанія на существованіе класса привилегированныхъ землевладѣльцевъ—земянъ и бояръ, но эта дифференціація, которая своимъ существованіемъ въ значительной степени могла быть обязана стараніямъ самихъ Коріатовичей, не могла быть рѣзкою; главнымъ критеріемъ для выдѣленія въ этотъ высшій классъ, вѣроятно, служила величина земельныхъ владѣній, дававшая возможность отбывать конно военную службу; это обстоятельство само по себѣ могло выдѣлять владѣльца изъ массы прочихъ громадянъ и переводить его въ разрядъ бояръ и земянъ. Такое туземное земянство и подъ польскимъ режимомъ осталось въ прежней позиціи полу-привилегированнаго класса, отбывавшаго разнаго рода повинности и занимавшаго посредствующее положеніе между кметями и привилегированною польскою шляхтою. Пожалованія, которыя получали землевладѣльцы—туземцы отъ старостъ и королей, давали санкцію ихъ владѣльческимъ правамъ, извѣстную гарантію отъ реквизицій, отъ пожалованій ихъ имѣній новымъ насельникамъ, но вовсе не измѣняли ихъ служилаго положенія. Это земянство должно было составить ядро изучаемой туземной служилой шляхты. Оно пополнялось затѣмъ туземцами, получавшими вновь пустыни для заселенія или создававшими себѣ (что случалось, вѣроятно, чаще) новыя помѣстья путемъ заимки. Пожалованія раздавались представителямъ разныхъ общественныхъ классовъ: такъ въ 1542 г. было пожалована пустыня Шершеневцы мѣщанину барскому Альберту Добчинскому; мѣщане барскіе Войтовичи съ товарища-

ми, получивъ въ дѣдичное владѣніе участки въ грунтахъ Михоловскихъ, заложили село Михоловцы. Что касается крестьянъ, то выше было приведено заявленіе, что Козяровскіе были бѣглые крестьяне изъ села Зинечковецъ. Что крестьяне могли получать земельныя пожалованія и переходить въ разрядъ служилой шляхты, это показываетъ и любопытное пожалованіе хуторовъ 1557 г.: король утверждаетъ за жителями шести замковыхъ селъ владѣніе на ленномъ правѣ хуторами, данными имъ (въ дѣйствительности, вѣроятно, только подтвержденными) Боною; среди нихъ одинъ „попъ", два ватамана и одинадцать крестьянъ, всѣхъ ихъ грамота называетъ вообще кметями. По своему содержанію грамота нисколько не отличается отъ выданнаго въ тотъ же день пожалованія на Яблоновку; если бы на получившихъ пожалованіе „кметей" вмѣсто оброка было возложено отбываніе военной службы, они перешли бы также въ разрядъ служилой шляхты [1]). Получившіе земельныя пожалованія съ обязанностью военной службы тѣмъ самымъ переходили въ разрядъ шляхты безъ всякихъ нобилитацій: такъ Петрановскіе, Бучновята, Войтовичи, называемые въ первоначальныхъ грамотахъ providi (т. е. не-шляхтичами), въ послѣдующихъ грамотахъ называются шляхтичами (nobiles) [2]).

Титулъ nobilis (т. е. титулъ рядовой шляхты, между тѣмъ какъ высшіе слои шляхетства въ XVI в. назывались generosi) является оффиціальнымъ и наиболѣе распространеннымъ титуломъ непривилегированныхъ шляхтичей. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ недостатка въ указаніяхъ, что барскіе шляхтичи считались стоящими

---

[1]) А. Б. с. I № 96, 97, 107, П R. 1542, 1552. Прибавлю, что одинъ изъ родоначальниковъ Сербиновскихъ—Радулъ есть, вѣроятно, Радулъ Сербинъ козакъ въ люстр. 1565 г. (с. 133).

[2]) Сравни А. Б. с. II № 105, 1563 г.—providi и № 131 nobiles Петрановскіе, № 106 и напр. I № 21 (Буцни, хотя они впрочемъ и раньше были шляхтичами), № 107, 132—providi и № 164—nobiles Михоловскіе; въ люстр. 1565 г. нѣкоторые изъ Михоловскихъ тоже значатся еще мѣщанами (с. 131, 133).

ниже сравнительно съ привилегированною шляхтою; такъ люстраторы 1565 г. называютъ барскихъ шляхтичей иногда „служками", или „слугами", отмѣчаютъ „плебейское" происхожденіе (plebei, ex plebeo genere) нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ, противополагаютъ „бояръ и земянъ русскихъ" и „шляхтичей польскихъ" Барскаго староства (противоположеніе тѣмъ болѣе характерное, что обѣ категоріи отбывали часто одинаковыя повинности) [1]). Изъ гораздо болѣе поздняго времени (пол. XVIII в.) имѣемъ напр. такія характерныя реплики: tu się w zamku Barskim y u namiesnika nie będę, bom szlachcic koronny, a ne barski"! или: „wyciągnicie takiego owakiego syna, barskiego szlachcica, y bijcie, dam złot. sto za niego, jako za prostey kondycyi człeka" [2])! Такимъ образомъ „барскій шляхтичъ" представлялся чѣмъ-то отличнымъ и низшимъ сравнительно съ „коронным" шляхтичемъ.

И въ оффиціальной терминологіи на ряду съ титуломъ nobiles, указывавшимъ на принадлежность къ привилегированному сословію [3]), къ шляхтичамъ барскимъ также прилагаются другія названія, указывающія на обусловленный и служилый характеръ ихъ землевладѣнія, на ихъ зависимое положеніе, именно: вассаловъ (vassali, въ одномъ случаѣ—mani, отъ mann—вассалъ [4])) и бояръ (bojari, bojarones); любопытно, что эти послѣдніе титулы употребляются преимущественно въ к. XVI и нач. XVII в., между тѣмъ какъ раньше въ этомъ смыслѣ употребляются описанія въ родѣ: id ge-

---

[1]) Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 262, 264—5, 267; ср. А. Б. с. II № 12, гдѣ Барановскій названъ honestus, а не nobilis.

[2]) К. Ц. А. № 5690 f. 1, 5692 f. 97 v.

[3]) Изрѣдка въ подобномъ же смыслѣ прилагался къ нимъ до пол. XVI в. терминъ „земяне", terrigenae—см. напр. А. Б. с. I с. 7, 18, 31; но во 2-й пол. XVI в. земянинъ значило то же почти, что бояринъ—Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 262, 266, А. Б. с. I с. 308, 333; ср. регесты у г. Линниченка—Черты с. 67. Въ люстр. Хмельницкаго стар. есть и терминъ sliachcziczi służebni—Архивъ с. 154.

[4]) А. Б. с. I с. 79.

nus nobilium, nobiles districtus Barensis и т. п. „Бояринъ“ въ к. XVI в. означалъ служилого человѣка, слугу: такъ встрѣчаемъ выраженіе: servi bojarones, videlicet czemierysy (это выраженіе объясняетъ намъ, почему въ грамотѣ 1665 г. барскія шляхетскія села названы чемерисскими—тутъ скрывалось понятіе замковаго слуги) [1]. Названіе vassalus, весьма часто прилагаемое къ барской шляхтѣ въ к. XVI и началѣ XVII в., въ это время не означало владѣльца на ленномъ правѣ, jure feudi, но, въ противоположность „вольности права земскаго дѣдичнаго короннаго“, обозначало служилаго шляхтича, почему и возможны были выраженія въ родѣ: onera ab aliis vasalis nobilibus similium *advitalitatum* ratione praestari solita [2]). Такимъ образомъ оба эти названія—bojarones и vassali означали въ сущности одно и то же, почему и встрѣчаемъ такія выраженія, какъ vassali bojari nominati [3]). „Слуга“, „бояринъ“, „вассалъ“—понятія въ терминологіи к. XVI—нач. XVII в., можно сказать, тождественныя.

Права, на которыхъ владѣли своими имѣніями, барскіе шляхтичи были весьма разнообразны, но эти различія не имѣли важнаго значенія для положенія владѣльцевъ. Только „старыхъ вѣчностей“, т. е. дѣдичныхъ пожалованій до статута Александра 1504 г., не было здѣсь, и когда Карачевскіе на свои имѣнія представили дѣдичныя пожалованія Витовта, люстраторы нашли, что имѣнія ихъ, которыя до тѣхъ поръ считались служилыми, должны пользоваться вольностью prawa ziemskiego dziedzicznego koronnego и не подлежать ни юрисдикціи, ни замковымъ повинностямъ барскимъ [4]).

Изъ времени до статута 1504 г. у барскихъ шляхтичей имѣ-

---

[1]) А. Б. с. I с. 346, II с. 133; ср. servitorem seu boyarzyn g-si Potoczki К. Ц. А. № 3606 f. 50.

[2]) А. Б. с. I № 164, 166, II № 25 (здѣсь jure vasalico значитъ cum oneribus и относится къ „дѣдицтву новому“), также № 32.

[3]) А. Б. с. II с. 56.

[4]) А. Б. с. I 230—1 (сказанное выше вытекаетъ изъ контекста).

лись записи суммъ—т. н. старыя суммы; такими записями обладали Мытки, Радіевскіе, Козловскіе, Кунатовскіе, Карачевскіе (на Гричковцы), Иляшовскіе; но у однихъ (какъ у Мытковъ) остались лишь пустыя претензіи, а самыя имѣнія вышли изъ ихъ владѣнія; другіе, не придавая значенія этимъ старымъ суммамъ, ссылались на позднѣйшія пожалованія и не всегда даже и знали о своихъ болѣе раннихъ правахъ. Ссылались на нихъ Козловскіе и Кунатовскіе, да Карачевскіе до предъявленія Витовтовой грамоты на Кн. Луку. Единственное „старое" ленное пожалованіе было у Мытковъ на Юрковцы, но самое имѣніе вышло изъ ихъ рукъ. Было еще одно „возобновленье" дѣдицтва—выданное въ 1506 г. Мытку взамѣнъ утраченной грамоты, но хотя по постановленію объ экзекуціи подобные listy odnowione считались за „старые", грамота эта не вошла въ категорію старыхъ, какъ объяснялъ потомъ представитель скарба короннаго—за отсутствіемъ упоминанія о присягѣ получавшаго [1]).

Большинство „правъ" барской шляхты состояло изъ записей суммъ „новыхъ", т. е. послѣ 1504 г. Въ отношеніи гарантіи владѣнія они представляютъ цѣлую скáлу, различаясь величиною записанныхъ суммъ и гарантированныхъ отъ выкупа сроковъ владѣнія. Вообще суммы не отличались такимъ разнообразіемъ, какое можно наблюдать напр. въ грамотахъ XV в. (гдѣ встрѣчаются и записи въ 100 грив.). Впрочемъ онѣ имѣли нѣкоторую тенденцію къ возрастанію; такъ въ началѣ XVI в. встрѣчаемъ двѣ записи по 20 грив. (Галузинцы и Гричковцы 1512 г.), хотя одновременно имѣемъ сумму въ 60 (Доброшовцы, 1504) и 50 грив. (Волковинцы, 1507 г.) [2]). Въ 1530 и 40-хъ годахъ обычная сумма записи—30 грив.; въ королевской грамотѣ старостѣ Старжеховскому разрѣшается

---

[1]) А. Б. с. I № 22, II с. 41, R. 1564; однако рѣшеніемъ 1578 г. было признано, что грамота 1506 г. cum legibus ac constitutionibus regni consentire neque exequutioni subiacere (I № 130).

[2]) А. Б. с. I № 23, 25, 26, II R. 1504.

ему записывать на пустыняхъ для заселенія по 30 грив. [1]). Затѣмъ появляются записи въ 40 и 50 грив. [2]), хотя одновременно съ тѣмъ продолжаютъ встрѣчаться и записи 30 грив. [3]). Съ концомъ 50-хъ годовъ записи суммъ вовсе прекращаются и принимаются мѣры къ постепенному уменьшенію записанныхъ раньше.

Что касается гарантированныхъ сроковъ владѣнія, то записи начала XVI в., какъ и записи XV в.,—безсрочныя, до выплаты (ad exemptionem), т. е. король во всякое время можетъ выкупить имѣніе обратно, заплативъ записанную сумму самъ или уполномочивъ своимъ разрѣшеніемъ (консенсомъ) на это кого-либо другого. Самъ король весьма рѣдко выкупалъ земли, но весьма часто выдавалъ разрѣшенія на выкупъ (при чемъ иногда дѣлалась оговорка, что сумма выкупа не можетъ влiять на увеличеніе записной суммы [4])); поэтому обѣщаніе, что король можетъ выкупить имѣніе только для себя, а другому никому разрѣшенія на это не дастъ, было также не малою гарантіею, и потому иногда (особ. въ 1-й пол. XVI в.) включалось въ жалованныя и подтвердительныя грамоты; въ 1518 г. король обѣщалъ вообще, что королевщины межибожскія и зиньковскія будутъ выкупаться только для нуждъ кор. стола и замковъ Каменецкаго, Межибожскаго и Зиньковскаго (Ровскій не существовалъ) [5]). Гарантированные сроки, какъ средство къ возбужденію

---

[1]) Ibid. I № 48, 49, 51, 56, 61 (1538—1542).

[2]) Ibid. I № 68, 103, с. 253 (Куриловцы), II R. 1546 (Шершеневцы)—50 гр., R. 1561 (Черешневка)—40.

[3]) Ibid. I № 71 (1546), 99 (1557), запись на Яблоновку (с. 187) относится, вѣроятно, 1546—1552 гг.; 30 грив. составляли и 60 копъ подольскихъ, записанныхъ Елтухамъ Претвичемъ—I с. 256.

[4]) См. напр. А. Б. с. I № 27, 41, 46. Иначе новый владѣлецъ держалъ бы имѣніе въ той суммѣ, какую затратилъ на выкупъ.

[5]) См. напр. I № 32, 42, II R. 1518, 1537. Извѣстную гарантію предоставляло также включенное въ подтвердительную грамоту Ярмолинскому 1518 г. обѣщаніе, что имѣнія у него могутъ быть выкуплены только всѣ сразу, а не порознь (А. Б. с. I № 30).

колонизаціонной энергіи, появляются въ Барщинѣ съ возобновленіемъ староства (вообще на Подольѣ случаи гарантіи для двухъ поколѣній встрѣчаются съ первой четв. XVI в.) [1]. На первыхъ порахъ даются гарантіи владѣнія для трехъ поколѣній—т. е. для самыхъ получателей, ихъ дѣтей и внуковъ, а въ одномъ случаѣ (Осова)—даже четыре „доживотья" (praefatos nobiles et eorum liberos, nepotes et pronepotes, usque ad quartam generationem), и король имѣетъ право выкупить жалуемое имѣніе лишь послѣ смерти всѣхъ гарантированныхъ владѣльцевъ [2]. Съ 40-хъ гг. владѣніе при пожалованіи гарантируется обыкновенно только двумъ поколѣніямъ [3]. Съ началомъ 60-хъ гг. при подтвержденіяхъ и пожалованіяхъ вновь гарантируется обыкновенно только одно доживотье, т. е. владѣніе до смерти получающаго пожалованіе [4]; суммъ тоже больше не записывается: помимо экзекуціонныхъ постановленій, колонизаціонныя условія настолько улучшились, что гарантія пожизненнаго владѣнія была достаточною, чтобы заинтересовать державца.

Дѣдичныя пожалованія, встрѣчавшіяся и раньше (какъ пожалованіе Верещатинецъ 1506 г.), практикуются по отношенію служилой шляхты и по возстановленіи староства. Но обыкновенно такія пожалованія не даются новымъ лицамъ, сразу; такъ Поповскимъ даны были въ дѣдицтво Кощуковцы, потомъ Плоскировцы взамѣнъ Поповецъ [5]; Галузинскіе, Карачовскіе (Глибовъ), Берлинскіе, Поповскіе (Поповцы) получили дѣдичныя пожалованія на свои прежнія владѣнія вслѣдствіе заявленія объ утратѣ прежнихъ документовъ и по засвидѣтельствованіи старостъ объ ихъ дѣдичномъ

---

[1]) См. напр. А. Б. с. I № 32 (1518), 42 (1532).

[2]) Ibid. I № 48, 49, 51, 56.

[3]) Ibid. I № 68, 71, 92, 96, 99, 103, II R. 1546 (Шершеневцы) и 1561 (Черешневка)—1546—1561 г.; также нужно понимать и I № 61.

[4]) Встрѣчаются впрочемъ и исключенія, напр. пожалованіе Петигоркамъ—II R. 1593.

[5]) Ibid. I № 52.

владѣніи [1]). На Доброшовцахъ и Шелеховѣ записаны были первоначально суммы, и уже по заселеніи этихъ селъ владѣльцамъ были дарованы дѣдичныя права за заслуги и т. п. [2]). Гораздо рѣже встрѣчаются случаи, когда, повидимому, земли сразу раздаются на правѣ дѣдичномъ [3]). Въ общемъ случаи дѣдичныхъ пожалованій довольно многочисленны (всего около 15), и тянутся вплоть до окончательнаго рѣшенія вопроса объ экзекуціи: уже на Петроковскомъ сеймѣ, принявшемъ такія рѣшительныя постановленія о „новыхъ" пожалованіяхъ, былъ выданъ рядъ дѣдичныхъ пожалованій (Ременна, Лядава, Михоловцы) [4]). При этомъ термины jure hereditario, titulo hereditario въ грамотахъ прилагаются къ этимъ пожалованіямъ весьма часто [5]).

Пожалованія jure feodali представляютъ среди барской шляхты типъ наиболѣе рѣдкій; если не считать стараго (но не примѣнявшагося въ дѣйствительности) пожалованія Юрковецъ и леннаго пожалованія пасѣкъ „кметямъ", къ этой категоріи относятся только Радіевцы и Яблоновка. Владѣльцы обоихъ селъ имѣли на нихъ сначала записи суммъ; почти одновременно (1557—8 г.) имъ были пожалованы права леннаго владѣнія, подобно тому какъ въ другихъ случаяхъ записи суммъ замѣнялись дѣдичными пожалованіями. Отъ послѣднихъ эти пожалованія jure feudi отличались тѣмъ, что имѣніе переходило по наслѣдству лишь въ мужскомъ поколѣніи (quoad posteritas masculini sexus duraverit). Запись суммы по прежнему остается, и въ случаѣ прекращенія мужскаго потомства имѣніе отбиралось не иначе, какъ по выплатѣ ея наслѣдникамъ женскаго пола. Соединеніе записи съ леннымъ наслѣдованіемъ въ этихъ случаяхъ было, конечно, явленіемъ случайнымъ, характеристическимъ же отличіемъ пожалованій

---

1) Ibid. I № 70, c. 260 (cf. Żródła V p. 31), Ⅱ R. 1546.

2) Ibid. I № 69, 79; ср. также № 75.

3) Ibid. I № 73, 76, 77.

4) А. Б. с. I № 105, 106, 107.

5) Ibid. I № 69 (въ подтвержденіи), 70, 77, 79, 105, 106, 107, R. 1546 (Глибовъ и Берлинцы).

jure feudi было ограниченіе наслѣдованія мужескимъ поколѣніемъ, почему мы и встрѣчаемъ выраженія: jure hereditario feodali, или titulo hereditario, jure tamen feudi [1]). Терминъ jus feudi должно отличать отъ терминовъ vassali, jus vassaliticum, которые, какъ указано было выше, опредѣляли не права наслѣдованія, а служебныя обязанности. Подобно тому и jus hereditarium въ это время не означало правъ привилегированнаго владѣнія, а только право наслѣдованія въ мужскомъ и женскомъ поколѣніи.

Такимъ образомъ „права" барской шляхты, по которымъ она владѣла въ пол. XVI в. своими имѣніями, представляли довольно пеструю мозаику: владѣніе однихъ было ничѣмъ не гарантировано (какъ Голодковъ), другихъ—только записною суммою (напр. Кунатовскихъ), третьи возобновляли себѣ отъ времени до времени право пожизненнаго владѣнія (Волковинскіе, до 1558 г.—Радіевскіе); у многихъ впереди были большіе сроки, въ нѣсколько поколѣній, гарантированные имъ при пожалованіи; добрая половина ко времени экзекуціи получила права потомственнаго владѣнія. Но эти различія, какъ было сказано, не вліяли на объемъ шляхетскихъ воль-

---

[1]) Ibid. I № 96, 97, 100, ср. также современныя пожалованія, напр. 1549 г.: nobili Alberto Winiarski suisque legitimis successoribus masculis villam regiam desertam dictam Bachtin, quam in certis pecuniarum summis possedit, titulo perpetuae et irrevocabilis donationis, jure tamen feudi, tenendam etc. temporibus perpetuis, jure tamen feudi, dandam, donandam etc., bellica generali expeditione et contributione duorum grossorum, vulgo podimne nuncupatorum, salva permanente (Кн. рев. 1564 г. f. 59); 1554 г.: g. Georgio Jazlowieczki (capitaneo czerwonogrodensi) et ejus successoribus sexus masculini villam nostram Szierszeniowcze circa fl. Sreth in distr. Camenecensi damus in jus haereditarium feodale per ipsum et ejus successores sexus masculini tenendam etc. jure haereditario feodali, dandam etc., nostro tamen et successorum nostrorum ad id requisito consensu, expeditione tantum bellica et alijs reipublicae oneribus, quae nobis ex bonis nobilium debetur, salvis manentibus (Кор. Метр. варшав. № 86 f. 415).

ностей; безъ различія правъ шляхтичи подлежали „повинностямъ и службамъ“ (onera et servitia) и подчинялись власти барскаго старосты. Впрочемъ и здѣшнія грамоты по этому вопросу далеко не всегда даютъ достаточныя свѣдѣнія [1]), и мы бы очень ошиблись, если бы захотѣли придерживаться въ точности ихъ указаній относительно повинностей, такъ какъ послѣднія, помимо грамотъ, опредѣлялись мѣстнымъ обычаемъ, практикою, на которую часто ссылались и самыя грамоты въ выраженіяхъ, въ родѣ: et alia servitia..; onera quae tenutarii ferre ex antiquo consueverunt; more aliorum nobilium in districtu Barensi; servitia usitata; labores consueti и т. п. [2]). Выраженія эти ясно указываютъ на существованіе извѣстной опредѣленно сложившейся нормы повинностей.

Древнѣйшая изъ грамотъ возстановленнаго староства (1538 г. на Осову) такъ описываетъ лежащія на шляхтичахъ повинности: „подчиненіе юрисдикціи и повинностямъ (oneribus) на замокъ Барскій, которыя другіе державцы королевщинъ въ пов. Ровскомъ съ давнихъ поръ и доселѣ обыкновенно отбываютъ, а именно по очереди (чергою, oczerhą) идти на сторожу; являться въ войско по приказу старосты; подданные изъ села должны ежегодно одинъ день пахать на замковомъ фольваркѣ однимъ плугомъ, одинъ день жать и одинъ день косить; и вообще они должны нести всѣ повинности, исполняемыя издавна другими шляхтичами Ровскаго повѣта“ [3]).

Обязанности грамоты 1538 г.—сторожа, участіе въ экспедиціяхъ, трехдневныя работы—повторяются и въ пожалованіи Шелехова 1539 г. Въ грамотахъ 40-хъ гг. сторожа отсутствуетъ, но что она составляла общую повинность всей шляхты, это видно изъ люстрацій 1565 и 1570 г. Сверхъ участія въ экспедиціяхъ, шляхтичъ въ случаѣ надобности, т. е. если враги будутъ оставаться на территоріи староства (mansione hostium), обязанъ вмѣстѣ съ под-

[1]) Напр. А. Б. с. I № 73, 77, 79, 92, 96, 100.

[2]) Напр. А. Б. с. № 25, 49, 52, 61, 70, 103, 105—107.

[3]) Ibid. I с. 74—75.

данными своими находиться въ замкѣ, въ качествѣ гарнизона. Подданные сверхъ трехдневной работы обязываются иногда въ случаѣ нужды строить и ремонтировать замковыя и городскія укрѣпленія, стеречь и чинить замковыя зданія и пруды. Грамотъ съ подобными условіями (съ нѣкоторыми варіаціями) на протяженіи 1546—1550 г. извѣстно мнѣ 9, и при пожалованіи совершенно не дѣлается различія въ повинностяхъ, смотря по тому, дается ли имѣніе на правѣ дѣдичномъ, или пожизненно съ записью суммъ. Достаточно сравнить запись на Козяровцы и дѣдичное пожалованіе Доброшовецъ, запись Кудыевецъ и пожалованіе Галузинецъ, выданныя въ одинъ и тотъ же день, чтобы убѣдиться въ отсутствіи такого различія [1]), и одновременно съ тѣмъ—въ отсутствіи реальнаго значенія за варіантами грамотъ: въ одинъ день выдано четыре дѣдичныхъ пожалованія, въ одномъ для подданныхъ обязательно трехдневная работа, починка укрѣпленій и прудовъ, въ двухъ о починкѣ прудовъ не упомянуто, въ четвертомъ нѣтъ трехдневныхъ работъ, и всѣ между тѣмъ ссылаются на повинности aliorum nobilium, in distr. Barensi bona hereditaria possidentium и т. п. [2]); очевидно практика была одна общая, обнимавшая собою всѣ перечисленныя повинности.

Послѣдующія грамоты не содержатъ такихъ опредѣленій повинностей; онѣ или вовсе умалчиваютъ объ нихъ или упоминаютъ только о нѣкоторыхъ, очевидно—въ остальномъ подразумѣвая практику [3]). Люстраціи также не даютъ полнаго перечня повинностей, но нѣкоторыя указанія ихъ очень интересны. Онѣ подтверждаютъ существованіе общей нормы въ повинностяхъ: цѣлая люстрація повторяетъ фразу объ одинаковости повинностей (onera wszitky powinni do zamku, iako y insza slachta), нигдѣ даже не поясняя, въ чемъ онѣ заключались [4]). Многіе шляхтичи, въ документахъ кото-

[1]) А. Б. с. I № 68, 69, 70, 71.

[2]) А. Б. с. I № 69, 70, II R. 1546 (Глибовъ, Берлинцы).

[3]) Болѣе другихъ подробны А. Б. с. I № 103, 141, II R. 1578.

[4]) Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 264, 266—272, А. Б. с. I с. 251—2, 254—260.

рыхъ повинности не были оговорены, отбывали ихъ тѣмъ не менѣе наравнѣ съ прочими [1]). Подданные Мытка, хотя онъ имѣлъ жалованную грамоту безъ всякихъ повинностей, работали четыре дня на замковомъ фольваркѣ „s powinnosczi i z zwiczaiu dawnego“, и Мытко возставалъ лишь противъ принужденія его подданныхъ къ доставкѣ камня и дерева, какъ нововведенія [2]). Въ числѣ отбывающихъ „всѣ повинности, какъ и прочая шляхта“, значатся Голодки, не имѣвшіе никакихъ пожалованій и подчинявшіеся, очевидно, исключительно практикѣ [3]). Выраженіе: powinien thakze wszitky onera, wedle priwilegia szwego (на Доброшовцы 1546 г.), показываетъ, что кругъ повинностей болѣе или менѣе полно изображенъ въ перечняхъ грамотъ 1546 г. [4]). Дѣйствительно, послѣдующія данныя къ вышеприведеннымъ перечнямъ повинностей грамотъ 40-хъ гг. (т. е. стража, участіе въ экспедиціяхъ, сидѣнье въ замкѣ съ подданными при нападеніи, трехдневная работа подданныхъ, ремонтъ укрѣпленій и прудовъ), прибавляютъ только плату подымнаго (существовавшаго всегда и вездѣ) и пушкаровщины, всего по 4 гроша съ дыма.

Изъ этихъ повинностей бо́льшимъ колебаніямъ подвергались, повидимому, повинности крестьянъ, по крайней мѣрѣ трехдневная работа въ нѣкоторыхъ селахъ отсутствуетъ, при томъ такъ, что это трудно объяснить однимъ умолчаніемъ [5]). Это и понятно, такъ какъ часто крестьяне и владѣльцамъ не отбывали никакихъ работъ.

---

[1]) Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 263 (Яковле), и (Верещатинцы), 264 (Голодки), 266 (Руда Паробоча), А. Б. с. I с. 254 (Голодки, Верещатинцы), 256 (Руда Паробоча), 258 (Внучковцы, Волковинцы), 259 (Яблоновка), ср. грамоты—А. Б. с. I № 22, 23, 92, 96, 99, 100.

[2]) Архивъ Ю.-З. Р. с. 263.

[3]) Архивъ Ю.-З. Р. с. 264, А. Б. с. I с. 254.

[4]) А. Б. с. I с. 255.

[5]) См. особ. Архивъ VII, II с. 265—Глибовъ, также с. 266 (М. Мукаровъ).

Въ другихъ случаяхъ встрѣчаемъ четырехдневную работу, или— gdi pilna potrzeba, a dadzą ym znacz.[1])

Какимъ образомъ создалась такая общая норма повинностей? Вѣроятно, какъ было сказано уже, въ основѣ лежала очень давняя практика, а затѣмъ нивеллировка (съ нѣкоторыми варіаціями [2])) достигалось путемъ административнаго давленія. Въ приведенномъ выше перечнѣ повинностей 1538 г. они представляются старинными, исконными повинностями Ровскаго повѣта [3]). Дѣйствительно, въ грамотахъ нач. XVI в. мѣстной шляхтѣ вмѣняется въ обязанность отбываніе сторожи, участіе въ военныхъ экспедиціяхъ и исполненіе другихъ службъ по приказу старосты каменецкаго (за отсутствіемъ ровскаго), а въ двухъ грамотахъ (Голузичей и Карачевскихъ) владѣльцы обязываются сверхъ того самолично отбывать полевыя работы на замокъ [4]). Обязанности военной службы, постройки замка, какъ мы видѣли уже, восходятъ ко временамъ до-польскимъ, да и до-литовскимъ. Такое же древнее происхожденіе имѣютъ, несомнѣнно, сторожа и сидѣнье въ замкѣ. Полевыя работы на замокъ произошли, вѣроятно, изъ участія въ содержаніи замка и гарнизона, которое было первоначально для всѣхъ одинаково обязательнымъ. Въ упомянутыхъ грамотахъ нач. XVI в. издѣльная повинность лежитъ на самихъ земянахъ; такимъ образомъ шляхетскіе крестьяне отбывали позже ее, какъ замѣстители своего помѣщика, а не была она возложена на нихъ по аналогіи съ королевскими крестьянами (любопытно, что въ грамотахъ 1546 г. требуется *одинъ* плугъ съ села, независимо отъ числа крестьянъ). Существовавшая въ 1-й

---

[1]) Архивъ с. 263 (Верещатинцы), 266 (Р. Паробоча).

[2]) Такъ можно указать на Михоловскихъ, которые, будучи мѣщанами по происхожденію, обязаны были давать медовую дань и отбывать мѣщанскія повинности—А. Б. с. I с. 210, 259.

[3]) А. Б. с. I с. 75.

[4]) Ibid. № 23, 25, 26. Число рабочихъ дней въ 40-хъ годахъ понижено сравнительно съ началомъ XVI в. (три вмѣсто четырехъ или шести).

пол. XV в. обязанность всѣхъ крестьянъ участвовать въ походахъ въ XVI в. уже не извѣстна; ее замѣнила гарнизонная повинность. Что до шляхетской службы, любопытно отмѣтить, что въ то время какъ въ XIV—XV в. число ратниковъ сообразуется съ величиною имѣнія, въ XVI в. она превращается въ личную: служатъ всѣ способные, и въ то время какъ съ Плоскировецъ ставится 1 конь, Радіевскіе ставятъ 17 (1552 г.)!

Какъ было указано, встрѣчаются случаи протеста со стороны шляхтичей противъ нивеллировки, со ссылками на условія пожалованія. Такъ въ 1557 г. Радіевскіе хлопотали объ освобожденіи отъ власти барскаго старосты, доказывая, на основаніи своей грамоты (очевидно, подтвержденія 1554 г.), что они подлежатъ присуду Каменецкаго грода и не обязаны отбывать никакихъ службъ, а отбывали ихъ по доброй воли, чтобы расположить къ себѣ старосту (заявленіе любопытное!); но король узнавъ, что они до сихъ поръ отбывали сторожу наравнѣ съ прочими шляхтичами, „пользующимися такими же правами", оставилъ въ силѣ эту практику. Поводомъ къ этой тяжбѣ послужилъ, очевидно, арестъ Гарасима Радіевскаго—за неотбываніе сторожи, какъ объяснялъ староста Гербортъ [1]). Счастливѣе были Карачевскіе и Мытки. Первые обжаловали старосту и, представивъ Витовтовы привилеи, получили освобожденіе отъ всѣхъ службъ и замковыхъ работъ (servitia et opera castrensia); любопытно, что староста въ отвѣтъ ссылался на практику: „Романъ Карачовскій отказывается отбывать повинности, которые обыкновенно отбываютъ шляхтичи и ихъ подданные на староство Барское"; еще замѣчательнѣе, что и послѣ утвержденія въ дѣдичныхъ правахъ Карачовскій продолжалъ повидимому, нѣкоторое время отбывать повинности по старому [2])—очевидно, слишкомъ велика была сила практики. Мытко,

[1]) А. Б. с. I № 98, ср. № 89.

[2]) Ibid. № 1, 112, 119 и с. 257 (Глибовъ); предположить, что Карачевскій отбывалъ повинности спеціально съ Глибова, нѣтъ основаній, такъ какъ Глибовъ наравнѣ съ Семяковцами и Кн. Лукой былъ утвержденъ за нимъ на основаніи Витовтовыхъ привилеевъ.

такъ долго отбывавшій замковыя повинности, только въ 1576 г. поднялъ дѣло о незаконности и добился полнаго освобожденія [1]). Протестъ этотъ едва ли не былъ результатомъ вліянія польско-шляхетскихъ порядковъ, желанія сравняться съ привилегированною шляхтою.

Довольно затруднительно опредѣлить положеніе тѣхъ немногихъ поляковъ, которые владѣли землями, входившими въ составъ Барскаго староства. Такихъ имѣній до нашествія поляковъ, въ послѣдней четверти XVI в., было счетомъ пять, именно: a) Шершеневцы, отведенные въ 1542 г. мѣщанину барскому nobili Альб. Добчинскому, потомъ перешедшіе отъ него къ Яну Бадовскому, сподвижнику Претвича, а по смерти его (въ 1564 г., въ походѣ Вишневецкаго въ Волощину) въ качествѣ выморочнаго имѣнія взятые въ вѣдѣніе старосты; во время люстраціи 1570 г. владѣла ими Маріанна Корыткова, потомъ Токарская, передавшая (1579 г.) свое доживотье мужу—Яну Оборскому, подстаростѣ барскому, отъ котораго село перешло (1580 г.) къ сыну, тоже Яну Оборскому [2]). Козяровцы, на которое получилъ было пожалованіе Бадовскій [3]), въ дѣйствительности въ его владѣніе, очевидно, не поступали. b и c) Мальчовцы, въ 1550 г. были пожалованы Франциску Гослицкому, подстаростѣ барскому, который въ 1561 г. получилъ также Черешневку, оба села отъ него перешли къ сыну Яну, владѣвшему ими еще въ 1-ой четв. XVII в. [4]). d) Гермаки, въ 1550 же г. были пожалованы Андрею Терликовскому, тоже бывшему подстаростою

---

[1]) А. Б. с. I № 130, но ср. II с. 42.

[2]) А. Б. с. I с. 253, II R. 1542, Архивъ Ю.-З. Р. с. 265, Żródła V p. 33, Кор. Метр. варш. № 119 f. 180 v. и 123 f. 179 v.—консенсы Токарской и Оборскому. Въ 1585 г. Оборскому младшему за заслуги въ войнѣ съ Москвою было записано 1000 злот. на Sierssseniowcze in Barensi tractu, fundo Ostrowiecz et altera fl. Row et Rowiecz parte, necnon deserto loco Lossowiecz—ib. № 133 f. 127.

[3]) А. Б. с. II R. 1554.

[4]) А. Б. с. I № 76, с. 256—7, II R. 1561, Żródła V p. 37.

барскимъ, а отъ него перешли къ дочерямъ; во время экзекуціи назначены были къ отобранію, потомъ дѣло отстрочено до слѣдующаго сейма, и „отъ сейма до сейма" отсрочивалось до 1592 г., когда было уже отсрочено на неопредѣленное время [1]). е) Яковле или Шынинцы, въ 1557 г. было утверждено за Андреемъ Буковскимъ, служебникомъ старостинскимъ, которому дано Гербортомъ, потомъ перешло къ Матьяшу Гроту-Челиговскому, драбанту, родомъ изъ Мазовша, а отъ него къ Станиславу Гроту, вѣроятно—сыну; послѣдній владѣлъ Шынинцами и въ XVII в. [2]).

Имѣнія эти раздавались, какъ и туземцамъ, на разныхъ правахъ. Такъ на Шершеневцахъ, Шынинцахъ, Черешневкѣ были записаны суммы (50, 30 и 40 грив.), съ гарантіею отъ выкупа для двухъ поколѣній. Мальчовцы и Гермаки были даны на правѣ дѣдичномъ, и во время экзекуціи они раздѣляли участь туземныхъ имѣній. Затрудненіе заключается въ вопросѣ, подлежали ли эти польскіе шляхтичи повинностямъ, одинаковымъ съ туземцами? Люстрація 1570 г. ни къ одному изъ нихъ не прилагаетъ свой стереотипной фразы объ „всѣхъ повинностяхъ" и совсѣмъ умалчиваетъ о какихъ-либо службахъ; въ грамотахъ на Гермаки и Яковле тоже не говорится о повинностяхъ [3]). Но въ пожалованіяхъ Шершеневецъ (1546 г.) и Мальчовецъ (1550) оговаривается обычный циклъ повинностей (военная служба, сидѣнье, полевыя и замковыя работы); въ грамотѣ на Черешневку выговаривается военная служба, а отъ сторожи владѣлецъ освобождается. По люстраціи 1565 г. под-

---

[1]) А. Б. с. I № 77, 118, Źródła V p. 33, Кор. М. в. № 140 f. 3, 142 f. 16.

[2]) А. Б. с. I № 99, 137 и с. 253, Кор. Метр. варшав. № 101 f. 415—разрѣшеніе Якимовскому на выкупъ Яковля (очевидно, не осуществленный), № 105 f. 211 (1569) разрѣшеніе Матвѣю Гроту-Челигловскому, stipatori nostro, на выкупъ у наслѣдниковъ olim Буковскаго, № 125 f. 47 (1580) — на передачу отъ Матвѣя Станиславу Гроту (см. Źródła V p. 38). Разрѣшеніе Чагловскому-Карбовскому (А. Б. с. II R. 1576), очевидно, тоже не было осуществлено.

[3]) А. Б. с. I с. 252—3, 257, № 77, 99.

данные села Яковле обязаны отбывать пятидневныя полевыя работы на замковомъ фольваркѣ [1]). Эти данныя показываютъ что польскіе шляхтичи въ отношеніи повинностей подчинялись той же практикѣ, что и туземцы, и освобождались отъ тѣхъ или другихъ повинностей только на основаніи спеціальныхъ льготъ, какъ то бывало и съ туземцами (напр. съ Козакомъ Куриловскимъ): такъ Мальчовцы потомъ (1556 г.) были освобождены отъ всѣхъ повинностей, кромѣ военной службы; подобное видимъ въ грамотѣ на Черешневку. Впрочемъ дѣйствительное положеніе владѣльцевъ могло нѣсколько затемняться тѣмъ, что владѣли этими имѣніями, какъ мы видѣли, урядники и служители мѣстнаго замка, несшіе службу независимо отъ владѣнія; это же обстоятельство облегчило затѣмъ переходъ подобныхъ имѣній въ категорію привилегированныхъ и освобожденіе отъ барской зверхности.

Что касается землевладѣльческихъ правъ непривилегированной шляхты, то слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что ограниченіе права распоряженія, существовавшее въ XV в., въ дѣдичныхъ пожалованіяхъ XVI в. уже не встрѣчается; владѣльцамъ дѣдицтвъ предоставляется право полнаго распоряженія, отчужденія, передачи по наслѣдству, и въ этомъ отношеніи до экзекуціи не дѣлается разницы между дѣдицтвами привилегированныхъ и непривилегированныхъ шляхтичей; только экзекуція возвратила первыя въ категорію королевщинъ. Что до державцевъ доживотныхъ и по записямъ суммъ, то отчуждать свои имѣнія или передавать по наслѣдству (если владѣніе наслѣдующаго не было впередъ гарантировано первоначальною грамотою) они могли только съ разрѣшенія короля, который въ такомъ случаѣ гарантировалъ ненарушимость этой сдѣлки, или по крайней мѣрѣ должны были представлять сдѣлку на его утвержденіе (что впрочемъ было собственно уже нарушеніемъ законнаго порядка [2])); безъ этого гарантіи, принадлежавшія владѣльцу, не могли перейти къ контрагенту сдѣлки. Но барскіе шляхтичи не-

---

[1]) Ibid. I № 76, П R. 1546, 1561, Архивъ Ю.-З. Р. с. 263.

[2]) См. напр. А. Б. с. I № 41.

дѣдичи свободно „шафовали добрами“ своими, продавали, дарили, дѣлили, завѣщавали и т. п., сравнительно очень рѣдко обращаясь къ королевской санкціи. Подобныхъ сдѣлокъ сохранилось довольно много и изъ времени до возстановленія староства, и изъ послѣдующаго, имѣемъ напр. изъ времени до 1538 г.: актъ усыновленія сестричичей и дарственную имъ на треть участка; завѣщаніе въ пользу внуковъ и внукъ, дѣтей сына и дочерей, вышедшихъ за чужеродцевъ; дарственныя и завѣщанія сестрѣ, зятю, дочери и т. п. [1]). Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы акты эти санкціонировались правительствомъ; тѣмъ не менѣе они имѣли полную силу и принимались мѣстнымъ гродомъ въ качествѣ юридическихъ доказательствъ. Подобныя сдѣлки продолжались и по возстановленіи староства (отчужденіе грунтовъ постороннимъ лицамъ впрочемъ встрѣчается сравнительно весьма рѣдко) [2]). Экзекуція, кажется, заставила мѣстную шляхту тщательнѣе слѣдить за обоснованіемъ своихъ владѣльческихъ правъ, но обыкновенно мы имѣемъ только случаи обращенія къ королевской санкціи для передачи пожизненныхъ правъ дѣтямъ или (рѣже)—женамъ (т. н. jus communicativum) [3]), но и въ этихъ случаяхъ къ королю не всегда обращались. Вообще барская шляхта не придавала большого значенія юридическимъ терминамъ своего владѣнія, вѣроятно—раздѣляя общее съ народной массой воззрѣніе, что уже самый фактъ пользованія грунтомъ санкціонируетъ права на него. Выше напр. указано было, что владѣніе на ленномъ правѣ исключало изъ наслѣдованія женское потомство, но это условіе въ дѣйствительности также игнорировалось—имѣемъ напр. завѣщаніе Гарасима Радіевскаго (1599 г.), въ которомъ онъ отказываетъ часть своихъ грунтовъ дочери и зятю [4]).

---

[1]) А. Б. с. I № 35, 36, 39, 40, 78.

[2]) Напр. А. Б. с. I № 110, 114, II № 8, R. 1586.

[3]) А. Б. с. I № 163.

[4]) А. Б. с. I № 174; такимъ же образомъ пріобрѣлъ участокъ въ Радіевцахъ Бурланъ Берлинскій (см. К. Ц. А. № 3600 f. 153, 3609 док. 762), и потомъ на него претендовали потомки Бурланового зятя—Буцня.

Прежде чѣмъ перейти къ остальнымъ сословіямъ Барщины, я сдѣлаю маленькое отступленіе, чтобы сказать нѣсколько словъ о шляхтѣ шаргородской, которая и по происхожденію, и по своей организаціи имѣетъ близкое отношеніе къ барской. Выше высказано было предположеніе [1]), что часть этой шляхты Замойскій, вѣроятно, уже засталъ на своихъ грунтахъ: слишкомъ трудно себѣ представить, чтобы обширные грунта, перешедшіе въ 1578—9 г. къ нему, были совершенно свободны отъ займанщинъ, или что Замойскій „выбилъ" отсюда всѣхъ безправныхъ владѣльцевъ, и исключительно изъ прихожихъ людей въ нѣсколько лѣтъ составилась вся многочисленная шаргородская шляхта, среди которой встрѣчаются уже въ 90-хъ гг. XVI в. многолюдные роды, въ родѣ Молчановъ (братья Демко, Димитръ, Игнатъ, Иванъ, съ сыновьями —Яхномъ, Федоромъ, Ивашкомъ, Грицькомъ, Малофеемъ, Радкомъ, Семеномъ, Кузьмою, Грынцомъ, Бѣлашкомъ (Bielaszko), Ивашкомъ, Романомъ, Даниломъ и Мануйломъ) или роды, успѣвшіе принять фамилію отъ имени помѣстья, въ родѣ Куриленковъ-Перепилчинскихъ. Вѣроятно, ядро шаргородской шляхты составилось изъ старыхъ владѣльцевъ поднѣстровскихъ займанщинъ. Часть этой поднѣстровской шляхты—какъ Поповскіе, Гальчинскіе, Кунатовскіе, Володіевскіе, Берлинскіе и пр., вошли въ составъ барской шляхты, часть перешла подъ власть Замойскаго, грунта котораго, по крайней мѣрѣ—отчасти, нѣкогда тоже входили въ составъ Ровщины. Подобно Бонѣ, Замойскій организовалъ это шляхетское землевладѣніе и ввелъ его въ опредѣленныя юридическія отношенія.

Имѣя въ виду личные интересы, онъ, конечно, не предоставлялъ правъ дѣдичныхъ: шаргородскіе шляхтичи получали права пожизненнаго владѣнія для себя и своихъ женъ (Политанка, Поповцы, Бѣловъ, Степановцы, Тропова [2])) или два доживотья, для себя и дѣтей (это большинство—Пасынково, Карышковъ, Карачовская Лука, Мол-

---

[1]) Стр. 121.

[2]) А. Б. с. I № 170, II R. 1596, 1597, 1599.

чаны, Перепилчинцы, Выросла, Мольбушка, Галышовъ) [1]); впослѣдствіи отъ Яна и Томаша Замойскаго нѣкоторые роды получили гарантіи еще на доживотье (Карышковъ, Молчаны, Галышовъ) [2]); иногда въ дополненіе къ доживотью (одному) при пожалованіи приписывалась сумма (Политанка—120 грив., Степановцы и Мольбушка—60, Тропова, Галышовъ—100) [3]). Но за то державецъ долженъ былъ заявить, что никакихъ иныхъ правъ на свое держанье кромѣ пожалованья Замойскаго не имѣетъ и всѣ обозначенныя въ этомъ пожалованіи условія обязуется исполнять; такимъ заявленіемъ, очевидно—впередъ продиктованнымъ, сопровождается явка всѣхъ грамотъ въ Каменецкомъ земствѣ, которая въ нѣкоторыхъ грамотахъ прямо вмѣняется въ обязанность [4]).

Шляхетскія повинности были организованы по образцу барскихъ: въ наиболѣе ранней грамотѣ Замойскій вмѣняетъ въ обязанность „такія повинности и подчиненіе замку Шаргородскому, какія исполняютъ земяне въ Барской волости; крестьяне ихъ также должны будутъ отбывать обязанности (posłuszenstwo y dan) по примѣру селъ Барскаго замка" [5]). Но здѣшнія обязанности не отличались такимъ единообразіемъ, какъ въ Барщинѣ. Общею повинностью была военная служба; она обыкновенно опредѣляется такъ, что шляхтичъ обязывается своимъ коштомъ отправляться въ походъ съ дѣдичемъ или его урядникомъ шаргородскимъ въ непріятельскія земли, т. е. do turek, do Ordy y do wołoch, а также принимать участіе въ защитѣ владѣній Замойскаго od nieprzyaciela y sąsiad, по первому призыву дѣдича или его урядника, безъ отговорокъ. Но большинство и ограничивалось, повидимому, этою повинностью, такъ какъ грамота освобождала ихъ отъ „всѣхъ иныхъ повинностей" или „отъ всѣхъ податковъ". Въ другихъ грамотахъ, какъ мы

---

1) А. Б. с. I № 152, 159, 169, 171, 172, 173 II R. 1598 1614.

2) А. Б. с. II № 10, 15, R. 1603, 1614.

3) А. Б. с. II R. 1596, 1597, 1599, 1614.

4) А. Б. с. I № 172, 173, II R. 1598.

5) А. Б. с. I № 152, ср. № 171.

видѣли, шляхтичамъ и ихъ подданнымъ вмѣняется въ обязанность отбываніе всѣхъ барскихъ повинностей; въ одной грамотѣ подданные обязываются отбывать девять дней панщины на замокъ Шаргородскій, „или гдѣ имъ урядникъ прикажетъ“ [1]). Иногда при пожалованіи давалась на нѣсколько лѣтъ льгота отъ повинностей, „чтобы могли лучше устроиться“ (на два года наичаще, но въ одномъ случаѣ—цѣлыхъ 15) [2]). Кромѣ того владѣльцамъ запрещалось распоряжаться имѣніемъ—отчуждать цѣликомъ или по частямъ, отдавать въ заставъ и т. п. безъ разрѣшенія дѣдича. Это условіе исполнялось, по крайней мѣрѣ имѣется нѣсколько указаній относительно того, что шляхтичи дѣйствительно испрашивали разрѣшеніе дѣдича на продажу своихъ грунтовъ [3]). Что касается юрисдикціи надъ шляхтою, въ грамотахъ объ этомъ не говорится; можно только указать на то, что дѣдичи Шаргородщины претендовали на юрисдикцію надъ Поповскими, которыхъ считали обязанными службами на замокъ Шаргородскій [4]).

Свѣдѣнія о шаргородской шляхтѣ скудны и случайны (мы обязаны ими собственно вышеупомянутому распоряженію Замойскаго о явкѣ грамотъ) и не извѣстны въ точности ни численность ни распространеніе этой шляхты. До к. XVI в. извѣстны такія фамиліи: Волковинскіе (Пасынково), Карышковскіе (Карышковъ), Куриленки - Перепилчинскіе (Перепилчинцы, Карачовская Лука), Грабовецкіе (Поповцы - Грабовцы), Молчаны (Молчаны), Славскіе (Выросла), Очесальскій и Политанскій (Политанка, Галышовъ), Былины (Бѣловъ), Карышовскіе (Степановцы) [5]), Торскіе (Мольбушка), Розвятовскіе (Тропова); отъ Томаша Замойскаго получили грамоту Ивашковскіе (Тенпенки, 1614 г.). Большинство

---

[1]) А. Б. с. I № 152, 171, II R. 1598.

[2]) А. Б. с. I № 169, 170, R. 1596, 1597.

[3]) А. Б. с. I № 172.

[4]) А. Б. с. II с. 71.

[5]) Затрудняюсь рѣшить, была ли это отдѣльная отъ Карышковскихъ фамилія, или нѣтъ.

этихъ родовъ—туземные, что ясно показываютъ ихъ имена; польскими можно считать, судя по именамъ, только Очесальскаго, Политанскаго и Былину, да Рознятовскій сомнителенъ (Войцѣхъ, но извѣстенъ одновременно на Подольѣ и Fedina Рознятовскій) [1]). Нѣкоторые изъ нихъ называются въ пожалованіяхъ шляхтичами (Волковинскій, Грабовецкій, Очесальскій, Политанскій, Карышовскіе, Былина, Рознятовскій, Ивашковскіе), другіе титулуются разными нешляхетскими титулами—uccіwy, sławetny (Перепилчинскіе, Молчаны) или вовсе не титулуются (Карышковскіе, Славскіе, Торскіе). Карышковскіе (Иванъ Арнальтъ и Малышъ) и Перепилчинскій Максимъ были нобилитованы въ 1597 г. за военныя заслуги [2]). Замойскій называетъ этихъ шляхтичей „шаргородскими земянами" (ziemianin moy szarogrodzki) и приравниваетъ къ „земянамъ барскимъ" [3]).

Это шаргородское земянство дѣйствительно вполнѣ аналогично съ барскою служилою шляхтою. Подобно тому какъ въ в. кн. Литовскомъ мы находимъ бояръ не только на земляхъ королевскихъ, но и на панскихъ, такъ и въ Шаргородщинѣ мы встрѣчаемъ служилую шляхту, сидящую на земляхъ магната, за его пожалованіями, и всецѣло отъ него зависѣвшую. Шаргородчина не составляла исключенія въ этомъ отношеніи: извѣстна напр. небольшая группа „бояръ" въ волости Межирѣчской, на Подлясьѣ, также получившихъ свои участки отъ мѣстнаго дѣдича, съ обязанностью службы, и сохранившаяся доселѣ [4]).

Экзекуція внесла совершенную путаницу во владѣльческія права барской шляхты, пошатнула всѣ гарантіи владѣнія и этимъ еще болѣе способствовала инвеллировкѣ, однообразію правового

---

[1]) К. Ц. А. № 3614 док. № 68 (1593).

[2]) К. Ц. А. № 3617 f. 74 v.

[3]) А. Б. с. I с. 334, 308, 333.

[4]) Pleszczyński Ad. Boiarzy międzyrzeccy (Biblioteka Wisły XI, 1893) p. 7 sq.

положенія мѣстныхъ шляхтичей. Выше я говорилъ уже объ этой пресловутой „экзекуціи правъ“ [1]; пущенная въ обращеніе при Сигизмундѣ Старомъ, она долго не выходила изъ сферы публицистики и сеймовыхъ рѣчей; раздача королевщинъ продолжалась, и только на Петроковскомъ сеймѣ 1562—3 г. по этому предмету были постановлены опредѣленныя рѣшенія, очень категорическаго характера: Всѣ раздачи вѣчныя (дѣдичныя) и ленныя послѣ статута Александра 1504 г. подлежатъ отобранію. Суммы записанныя на королевщинахъ, хотя бы cum extenuatione (съ постепеннымъ погашеніемъ), недѣйствительны. Королевщины, данныя на опредѣленный срокъ, могутъ оставаться въ держаньѣ не долѣе, какъ до смерти ихъ теперешнихъ владѣльцевъ; имѣнія, данныя съ записью суммы, которая теперь оказывалась недѣйствительною, также оставались въ пожизненномъ владѣніи только настоящаго владѣльца. Назначенъ былъ пересмотръ документовъ на владѣніе на сеймѣ; незаконченный на сеймѣ Петроковскомъ, онъ былъ отложенъ до слѣдующаго [2].

Если бы эти постановленія были осуществлены въ дѣйствительности, барская шляхта утратила бы всѣ гарантированные сроки владѣнія, дѣдичныя права и почти всѣ суммы; дѣдичныя и ленныя владѣнія подлежали отобранію, а владѣвшіе по записямъ новыхъ суммъ остались бы только при пожизненномъ владѣніи. Но при пересмотрѣ документовъ обращено было вниманіе на то, что барскіе шляхтичи въ большинствѣ получали пустыни, для заселенія которыхъ необходимы были извѣстныя гарантіи владѣнія, съ другой стороны—за свое владѣніе они несли довольно обременительныя повинности. Поэтому назначена была ревизія относительно многихъ имѣній, незаконно розданныхъ, объ однихъ—точно ли они были осажены на пустыняхъ, о другихъ—отбываются ли повинности, оговоренныя въ пожалованіяхъ. Изъ барскихъ шляхетскихъ имѣній оказались внѣ ревизіи какъ законно пожалованныя, только

[1]) См. с. 77—78.

[2]) Volumina leg. II p. 15—17.

Кн. Лука (по записи 1468 г.), да Юрковцы съ Агдашовымъ. Ревизія произведена была вмѣстѣ съ люстраціею королевщинъ въ 1565 г.; изъ ревизованныхъ барскихъ селъ не отмѣчены повинности только съ Черешневки и Германовъ [1]. Какъ рѣшенъ былъ вопросъ на основаніи данныхъ ревизіи, прямыхъ указаній на это я не нашелъ. На сеймѣ 1567 г. было постановлено, что для нѣкоторыхъ областей Руси, подверженныхъ непріятельскимъ вторженіямъ, необходимо допустить владѣніе дѣдичное и ленное (вопреки статуту 1504 г.), иначе эти земли останутся пустыми (соображеніе весьма любопытное, такъ какъ, очевидно, существованія иной колонизаціи, кромѣ владѣльческой, не предполагаетъ). По этому предмету, равно для осмотра опустошеній, произведенныхъ на Подольѣ татарами, на которыя ссылались державцы королевщинъ, прося уволить ихъ отъ платы кварты, назначены были ревизоры [2]. Дѣло затянулось, ревизія была произведена въ 1569—70 г., но вопросъ о „новыхъ вѣчностяхъ“ не былъ рѣшенъ. Между тѣмъ нѣкоторыя имѣнія назначены были къ отобранію и о нихъ шло дѣло; хранящаяся въ Коронной Метрикѣ книга актовъ объ имѣніяхъ, подлежащихъ экзекуціи, для Барскаго староства содержитъ рѣшенія о Гермакахъ, Лосковцахъ (Лосковцы подлежали отобранію, такъ какъ промѣнъ ихъ на Гермаки, по постановленію о „фримаркахъ“, былъ недѣйствителенъ) и имѣніяхъ Карачовскаго. Имѣнія Карачовскаго были утверждены за нимъ на основаніи грамотъ Витовта, остальнымъ дана была отсрочка до слѣдующаго сейма [3]. Вообще ни одно изъ барскихъ имѣній не было отобрано вслѣдствіе экзе-

---

[1]) Vol. leg. II p. 25, А. Б. с. II R. 1564, Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 206, 262, 271.

[2]) Volum. leg. II p. 69.

[3]) А. Б. с. I № 118, 119; книга объ экзекуціи 1569—1570 г. въ Кор. Метр. варш. подъ № 106, но она очень плохо сохранилась, и имѣется ея копія (старая)—№ 128; рѣшенія расположены по воеводствамъ; Подольское содержитъ наибольшее число (f. 74—91 въ № 106, 82—99 въ № 128); рѣшеніе о Лосковцахъ—№ 128 f. 85.

куціи, но судьба ихъ все оставалась неопредѣленною. Унія отодвинула экзекуцію на второй планъ, потомъ пошло междуцарствіе. Въ 1576 г. было возобновлено постановленіе объ отправкѣ ревизоровъ для опредѣленія областей, гдѣ бы могли раздаваться земли на правѣ дѣдичномъ [1]; но, очевидно, области эти такъ и остались безъ болѣе точнаго опредѣленія: еще въ 1592 г. король, откладывалъ дѣло о Гермакахъ „до того сейма, который будетъ по окончаніи ревизіи относительно земель, гдѣ король можетъ раздавать вѣчности". Въ 1598 г. постановленіе о ревизіи было повторено; въ 1601 г. сеймъ снова назначилъ коммиссію, которая должна была собраться въ Барѣ и обозначить мѣста, подлежащія вѣчнымъ раздачамъ короля, но коммиссія эта, если и собралась, очевидно, не дала ничего опредѣленнаго, и люстраторы 1615 г. напр. выражаются условно: „село основано въ такой мѣстности, гдѣ король могъ бы раздавать вѣчности, предварительно выславъ ревизоровъ" [2]). Вопросъ самъ собою долженъ былъ исчезнуть: практика показала, что для колонизаціи достаточно и доживотій.

Вопросъ о королевщинахъ, розданныхъ послѣ статута Александра, тѣмъ временемъ также оставался открытымъ; новыя записи суммъ и гарантіи болѣе продолжительныхъ сроковъ, а также дѣдичныя пожалованія болѣе не совершались, но прежнія пожалованія? Въ 70-хъ годахъ короли выдавали ихъ владѣльцамъ доживотья „впредь до рѣшенія вопроса о пожалованіяхъ дѣдичныхъ [3]). Въ 1588 г. сеймовымъ постановленіемъ объявлено было прекращеніе экзекуціи въ воеводствахъ Русскомъ и Подольскомъ; кто не былъ признанъ до тѣхъ поръ незаконнымъ владѣльцемъ, долженъ былъ оставаться въ спокойномъ владѣніи [4]). Но эта конституція, подтвержденная затѣмъ нѣсколько разъ и игравшая важную роль въ борьбѣ барской шляхты съ Любомирскимъ въ к. XVIII в., когда на нее ссылались для доказательства своихъ дѣдичныхъ правъ даже

[1]) Volum. leg. II p. 164.

[2]) Źródła V p. 30—31, 34, Volum. leg. II p. 368, 393.

[3]) A. Б. с. I № 131, 132, II R. 1580.

[4]) Volum. leg. II p. 252, 395, IV p. 59 (1647).

шляхтичи, не имѣвшіе дѣдичныхъ пожалованій, не имѣла въ свое время важныхъ послѣдствій и не предотвратила отобраній, массою совершаемыхъ именно съ конца XVI в. Она не рѣшала вопроса о томъ, какія права имѣли эти владѣльцы, оставляемые ею in statu quo, на свои имѣнія, и послѣ нея въ этомъ вопросѣ видимъ большую неустойчивость и путаницу: правительство и его агенты то придерживаются буквы конституціи 1562—3 гг. и отрицаютъ всѣ пожалованія, всѣ права, признанныя ею недѣйствительными, то исходятъ изъ условій пожалованій до-экзекуціонныхъ. Люстрація 1615 г. напр. признаетъ ленное пожалованіе Радіевецъ за недѣйствительное, а ассессорскій судъ въ 1616 г. на основаніи этого пожалованія призналъ права Радіевскихъ [1]), Кудіевскіе въ 1619 г. доказываютъ, что они сыновья получившихъ пожалованіе отъ Боны, слѣдовательно еще не истекли два гарантированныя имъ доживотья, и ассессорскій судъ, видимо, становится на такую же точку зрѣнія [2]). Встрѣчаются королевскія подтвержденія прежнихъ дѣдичныхъ пожалованій: такъ Сигизмундъ III подтвердилъ въ 1623 г. дѣдичное право Галузинскихъ 1546 г., Владиславъ IV въ 1646 г.—Буцней и т. п. И въ то же время, напр. въ дѣлѣ Мытковъ (1619 г.) новыя дѣдицтва не признаются дѣйствительными [3]). Что до суммъ, то хотя экзекуціонныя постановленія отмѣнили всѣ новыя суммы (исключая займовъ во время прусской войны Сигизмунда), и только старыя суммы постановлено постепенно сокращать при выдачѣ доживотій [4]), но это постановленіе распространено было и на новыя суммы: имѣется рядъ грамотъ, въ которыхъ при дарованіи доживотныхъ правъ оговаривается, что записанная на имѣніи сумма за то уменьшается (обыкновенно на $^1/_4$); такимъ образомъ новыя суммы эти какъ бы признавались [5]).

[1]) А. Б. с. II № 19, Żródła V p. 30.

[2]) А. Б. с. II с. 45.

[3]) А. Б. с. I № 70, II № 25, К. Ц. А. № 5282 f. 1585 v. (Буцни).

[4]) Vol. leg. II p. 47, 259, A. Pawiński Skarbowość p. 5.

[5]) А. Б. с. I № 125, II № 5, R. 1576, Кор. М. вар. № 136 f. 20 (Козяровцы, 1591); I № 127, 175—старыя суммы.

Все это имѣло большое значеніе для юридическаго положенія барской шляхты. Что со времени экзекуціи прекратились гарантіи продолжительныхъ сроковъ и записи суммъ, это не имѣло большого значенія: все равно съ развитіемъ колонизаціи они должны были практиковаться все рѣже. Важнѣе было прекращеніе дѣдичныхъ пожалованій и сомнительность прежнихъ дѣдичныхъ правъ. Всѣ земли барскихъ шляхтичей, какъ незаконно отчужденныя, обращались въ королевщины, и всѣ владѣльцы ихъ становились лишь державцами коронныхъ земель. Въ виду ненадежности дѣдичныхъ правъ шляхтичи вообще, безъ различія правъ, испрашиваютъ себѣ пожизненныя пожалованія; хотя въ трудные моменты, какъ въ процессахъ съ польскими конкурентами, они ссылаются на свои дѣдичныя права, но почти всѣ владѣютъ имѣніями съ пожизненными гарантіями. Такъ въ 1578—80 г. король гарантируетъ пожизненное владѣніе Петрановскимъ, Михоловскимъ, Шелеховскимъ—впредь до рѣшенія вопроса объ ихъ дѣдичныхъ правахъ [1]). Доживотья испрашиваютъ Галузинскіе, Мытки, Радіевскіе, Гослицкіе [2]). Эта сомнительность правъ барской шляхты въ значительной степени содѣйствовала наплыву въ Барщину польскихъ конкурентовъ въ к. XVI и нач. XVII в. Въ результатѣ впрочемъ почти всѣ барскіе шляхтичи, имѣвшіе дѣдичныя права, отстояли себя, но къ сожалѣнію неизвѣстно—юридически ли, благодаря дѣдичнымъ правамъ, или путемъ тѣхъ исхищреній, которыя спасали часто и недѣдичей.

О другихъ сословіяхъ староства—крестьянахъ и мѣщанахъ скажу короче, такъ какъ свѣдѣнія о нихъ довольно скудны, и положеніе ихъ въ Барщинѣ не отличается такими оригинальными особенностями.

Выше я отмѣтилъ отсутствіе сколько-нибудь рѣзкой, непреходимой грани между крестьянствомъ и туземной шляхтою; совер-

---

[1]) А. Б. с. I № 131, 132, II R. 1580.

[2]) Ibid. I № 157, 163, Кор. М. вар. № 117 f. 457 (Галузинскіе, 1578).

шенно также, какъ боярскій классъ въ в. кн. Литовскомъ, послѣдняя въ сущности составляла лишь верхній слой крестьянскаго сословія, отличенный особыми повинностями, и только идеи польскаго права постепенно бороздили и углубляли границу между ними. Несмотря на нѣсколько вѣковъ дѣйствія польскаго права, крестьяне не только въ XVI, но даже XVIII в. (особенно въ королевщинахъ) сохраняли многое изъ старыхъ правъ. Указано уже было выше, что крестьяне могли владѣть землями на такихъ же правахъ, какъ и шляхта (ленное пожалованіе пасѣкъ кметямъ 1557 г.). Не подлежитъ сомнѣнію, что и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ крестьянское владѣніе не было санкціонировано спеціальнымъ актомъ верховной власти, какъ въ упомянутомъ, крестьянинъ „засидѣвшій" на своемъ грунтѣ, вложившій въ него извѣстную цѣнность своимъ трудомъ, тѣмъ самымъ пріобрѣталъ на него права, граничившія съ собственностью, права „вѣчнаго и потомственнаго владѣнія" [1]), точнѣе—держанія. Громада владѣетъ необработанными землями, находящимися въ общемъ пользованіи—лѣсами, сѣножатьми и т. п., и считаетъ себя въ правѣ распоряжаться ими и отчуждать безъ разрѣшенія „зверхности"; такъ мы имѣемъ продажную запись (XVII в.) громады с. Ивановецъ на сѣножать: громада за спольною порадою продаетъ ее стороннему человѣку, свящ. Десковичу, „вѣчными часи"; радзеповцы, т. е. крестьяне с. Радзеповецъ, находившихся въ держанѣ п. Славинской, входятъ въ „згоду" относительно сѣножати съ сосѣдями своими шляхтичами Петрановскими [2]). Пахотная земля, пасѣки, пруды находились въ полномъ распоряженіи своихъ владѣльцевъ: ивановская громада въ упомянутомъ случаѣ, продавая сѣножать, отказывается продать прилегающіе „концы нив", „поневаж до каждое есть его господар", и предоставляетъ покупщику войти съ каждымъ въ отдѣльную сдѣлку. Крестьянинъ распоряжается своимъ участкомъ, своимъ недвижи-

---

[1]) В.-Будановъ, Крестьянское землевладѣніе въ Зап. Рос.—Чтенія въ общ. Нестора VII с. 37.

[2]) А. Б. с. II № 49, с. 79.

мымъ имуществомъ, не спрашивая на то ни у кого разрѣшенія: онъ продаетъ его стороннимъ людямъ, завѣщаетъ, отдаетъ въ приданное. Такъ мы имѣемъ продажную запись крестьянина с. Гермакъ на „властное свое ставище отчистое дѣдичное" стороннему священнику, тому же Десковичу, „вѣчными часи" (1659 г.). Изъ XVIII в. имѣемъ случаи, гдѣ крестьяне тягаются между собою за „дѣдину" свою (прудъ, садъ), выдѣляютъ грунта зятьямъ, предъявляютъ претензіи на дѣдичные участки даже послѣ долговременнаго отсутствія, и такія дѣйствія признаются нормальными судомъ, который самъ разсматриваетъ крестьянина, какъ наслѣдственнаго владѣльца, и присуждая крестьянину напр. спорный прудъ, присуждаетъ не только ему, но и его „потомкамъ и наслѣдникамъ" [1]).

Право государя на землю, конечно, признается, но оно „также далеко отъ конкретныхъ юридическихъ отношеній, какъ и понятіе о Божьей землѣ" [2]), и нисколько не устраняетъ права на нее владѣльца крестьянина. Король, правда, жалуетъ часто участки „въ грунтахъ" того или другого села, но это были, очевидно, земли, не освоенныя разработкою: старыя сельскія общины обладали такими обширными грунтами, что нѣкоторые участки цѣлыми столѣтіями иногда лежали впустѣ. Земля разработанная не могла быть отчуждена безъ соотвѣтствующаго вознагражденія. Любопытнымъ образчикомъ можетъ служить такой фактъ: крестьяне Онуфовичи устроили пасѣки съ разрѣшенія старосты въ грунтѣ Глинянскомъ, затѣмъ этотъ грунтъ сеймомъ былъ пожалованъ барскимъ доминиканамъ, но крестьяне не прежде уступили свои пасѣки, какъ имъ было заплачено (190 злот.) за издержки, сдѣланныя ими для устройства пасѣки, и возведенныя ими постройки; тогда только они предоставляютъ конвенту вступить во владѣніе [3]). Такое право крестьянина на его грунтъ существовало, несомнѣнно, не только въ се-

---

[1]) А. Б. с. II № 50, 104, 105, R. 1731, также документъ, изданный проф. В.-Будановымъ ор. с. с. 93.

[2]) В.-Будановъ ор. с. с. 38.

[3]) А. Б. с. II № 29, Vol. leg. III с. 85.

лахъ королевскихъ, но и шляхетскихъ. Самая зависимость засидѣлаго крестьянина отъ помѣщика, какъ справедливо было замѣчено, вытекала изъ того, что засидѣлый крестьянинъ пріобрѣталъ извѣстныя, очень значительныя права на занятый имъ участокъ, и уже по тѣсной связи его съ землею на его личность переносились обязательства, которыя должны были бы лечь исключительно на землю. Эта связь выражается и въ обычномъ отождествленіи крестьянина съ занимаемымъ имъ земельнымъ участкомъ; говорили обыкновенно: „часть села, т. е. столько то кметей“ [1]).

Что до экономическихъ отношеній, то въ селахъ королевскихъ эти отношенія въ серединѣ XVI в. установились уже довольно прочно. Главную массу крестьянъ составляютъ тяглые, называемые различно: осѣдлыми (possessionati, osziadli), данниками, потужниками (poczieszniki, pocieszni). Это maximum экономической зависимости [2]). Повинности тяглаго крестьянина дѣйствительно весьма значительны; первое мѣсто среди нихъ занимаетъ „поляховщина“ или „поголовщина“ [3]), иначе осыпъ (sep), или „збоже данне“ (хлѣбная дань) [4]); ее составляютъ: 4 третинника пшеницы, 10 третинниковъ овса, двое курей, 20 яицъ. b) Стація (изъ обязанности давать помѣщеніе и припасы проѣзжему королю или его слугамъ она превратилась въ настоящую подать): 3 третинника овса, 1/2 третинника ржи, 2 воза сѣна, 2 курей, корзина крупъ, масла, 1 сыръ, 1 хлѣбъ („буханъ“), 10 горстей прядива. c) „Двудесятина“, т. е. двадцатая штука изъ овецъ и свиней. d) Денежная подать—по 2 гроша подымного и 2 гроша пушкаровщины. Сверхъ этихъ ежегодныхъ даней еще чередовались: одинъ годъ десятина рогатаго

---

[1]) Напр. А. Б. с. I с. 60.

[2]) Possessionati—обычный терминъ въ рев. 1552 г., pocięžni—въ люстр. 1565 г., osziadli—въ люстр. 1570, danniki—напр. люстр. 1565 г. с. 222, pocieszniki—218.

[3]) Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 224, 228, А. Б. с. I с. 239; не знаю, есть ли это искаженіе, или, наоборотъ, болѣе правильная форма.

[4]) Напр. Архивъ 1. с. с. 235, 239, 253, А. Б. с. I с. 234.

скота (поволовщина), другой годъ десятина пчельная—десятый улей изъ пасѣкъ, на третій цѣлое село сообща давала кадь (rączka) меду [1]). Эти дани во 2-й пол. XVI в. отличаются вообще значительною устойчивостью и однообразіемъ; только одинъ Щодровскій ключъ уклонялся отъ этой нормы: поляховщина здѣсь была больше, давали по 6 трет. пшеницы и 12 овса [2]). Что касается стаціи, то о ней ревизія 1552 г. не упоминаетъ, но люстр. 1565 г. говоритъ, что установлена она была со временъ Старжеховскаго, т. е. съ возстановленіемъ староства [3]); почему не внесена она была въ число старостинскихъ доходовъ рев. 1552 г., трудно рѣшить. За исключеніемъ этого пропуска, размѣръ крестьянскихъ даней проходитъ очень устойчиво чрезъ всѣ три ревизіи—1552, 1565 и 1570 г. [4]).

Къ сожалѣнію, свѣдѣнія объ издѣльныхъ повинностяхъ не отличаются такою обстоятельностью. Ревизія 1552 г. только при первомъ селѣ (Маниковцахъ) отмѣчаетъ, что крестьяне обязаны отбывать работы и службы (labores et servitia) на барскомъ фольваркѣ, когда понадобится. О слѣдующемъ селѣ замѣчено, что жители его отбываютъ тѣ же повинности, дани и работы (onera, dationes, labores), что и жители Маниковецъ; на основаніи этого можно было бы пожалуй предположить, что и къ жителямъ прочихъ селъ примѣнялось то же условіе—работъ въ случаѣ надобности. Въ люстр. 1565 г. видимъ уже иное: въ трехъ случаяхъ упоминается о полевыхъ работахъ, и вездѣ выступаетъ какъ обычная норма: работаютъ на себя двѣ недѣли, а третью „пану“. Судя по однообразію прочихъ повинностей, опять таки можно думать, что имѣемъ дѣло съ явленіемъ болѣе или менѣе общимъ (хотя въ од-

---

[1]) См. особенно Архивъ l. c. с. 217—8.

[2]) А. Б. с. I с. 157, ср. Архивъ l. c. с. 237, мелкія отличія, въ родѣ двойного числа яицъ, не заслуживаютъ вниманія.

[3]) Архивъ l. c. с. 217.

[4]) Отмѣчу, что позже поволовщина собиралась не на третій, а на четвертый годъ (если тутъ нѣтъ ошибки)—Źródła V р. 25; въ другихъ староствахъ давали на пятый и на седьмой—Архивъ l. c. с. 142, 183.

номъ случаѣ видимъ панщину гораздо меньшую, всего 8 дней, не считая уборки) [1]).

Такой размѣръ повинностей, взятый безотносительно, долженъ быть признанъ довольно высокимъ. Цѣнность даней достигаетъ 9—10 злот. ежегодно съ хозяйства: поляховщина, по разцѣнкѣ 1565—1570 г., ок. $5\frac{1}{2}$ злот., стація ок. $1\frac{1}{2}$ злот. [2]), къ этому нужно присоединить дань со скота и пасѣкъ. Панщина—чрезъ двѣ недѣли на третью также велика: вѣдь только съ полов. XVI в. стала распространяться въ западныхъ королевщинахъ двухдневная панщина (въ недѣлю), и то населеніе приняло ее съ большимъ неудовольствіемъ, да и однодневная была санкціонирована всего въ 1520 г. [3]). При томъ въ Барщинѣ не существовало и стимула къ увеличенію панщины; какъ извѣстно, причиною его было развитіе крупнаго, фольварочнаго хозяйства, вызванное усиленіемъ хлѣбнаго вывоза съ 2-ой полов. XV в.; въ Барщинѣ же фольварочное хозяйство далеко не процвѣтало: люстраторы замѣчаютъ, что въ рабочихъ рукахъ нѣтъ недостатка, но хозяйство ведется больше для собственнаго употребленія, такъ какъ спросъ на хлѣбъ слабъ [4]). Все это получаетъ извѣстное объясненіе лишь въ томъ, что единицею крестьянскаго обложенія, на которую ложились столь значительныя повинности, была не семья, а болѣе многочисленная и сложная группа, обыкновенно носящая имя дворища (dworzisczе, area) [5]), состоявшая изъ нѣсколькихъ хозяйствъ или семей, глава которой являлся ея единственнымъ представителемъ передъ замковымъ начальствомъ, отбывалъ отъ лица

---

[1]) А. Б. с. I с. 153, Архивъ с. 234, 243, 256, 260.

[2]) См. разцѣнку въ Архивѣ 1. с. с. 218 и А. Б. с. I с. 234. Ежегодный доходъ съ 11 крест. въ Маниковцахъ (включая поволовщину и пр.) исчисляется въ 103 злот. 21 гр.

[3]) T. Lubomirski—Sprawa włosciańska I p. 350—2, Stawiski—Poszukiwania do hist. rolnictwa p. 71—4, Vol. leg. I p. 178.

[4]) Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 231, 259.

[5]) См. Архивъ 1. с. с. 253; о дворищѣ см. Т. Любомирскаго въ Sprawa włosciańska I p. 364—6, М. Ф. В.-Буданова въ Кіевскомъ Сборникѣ 1892 г. с. 358 сл., А. Ефименко въ Русской Мысли 1892, IV с. 160 сл.

ея панщину на замокъ, уплачивалъ дани и входилъ въ самостоятельныя договорныя отношенія съ прочими членами группы, въ которыя не вмѣшивалась зверхность. Это объяснитъ и сравнительно высокую зажиточность крестьянскихъ хозяйствъ, о которой нѣкоторое представленіе даютъ цифры десятинъ; такъ по ревизіи 1552 г. на хозяйство приходится 1 волъ поволовщины (всего 325 воловъ [1]) при 327 хозяйствахъ), слѣдовательно хозяйство имѣло по 10 воловъ среднимъ числомъ; такія же приблизительно цифры даютъ отдѣльныя села въ 1565 г., чѣмъ и объясняется практиковавшаяся замѣна десятины постоянною данью--по волу съ хозяйства [2]). Пересмотрѣвъ десятины нѣсколькихъ селъ подъ рядъ по люстр. 1565 г., находимъ въ Маньковцахъ около 11 воловъ и 27 пней на хозяйство; въ Биликовцахъ—16 воловъ, 11 барановъ, 33 свиньи, 14 пней; въ Головчинцахъ—8 воловъ, 15 барановъ, 15 свиней, 28 пней; въ Лукѣ—11 воловъ, 21 баранъ, 20 пней; въ Ивановцахъ—12 воловъ, 2 барана, 6 свиней, 7 пней [3]).

Новоосѣвшій крестьянинъ переходилъ нѣсколько стадій, прежде чѣмъ перейти въ категорію тяглыхъ; по словамъ люстратора, „когда человѣкъ приходитъ изъ другого края, то не сразу осѣдаетъ на свободѣ, а прежде пробуетъ, понравится ли ему", а тѣмъ временемъ ratione poddanstwa даетъ лисицу (или злотый), половину стаціи, всякія десятины и 4 гр. подымного и пушкаровщины. Это т. н. лисичники; они, очевидно, люди вполнѣ вольные, похожіе, ничѣмъ не прикрѣпленные къ землѣ; число ихъ вообще не велико [4]). Заявивъ, что онъ желаетъ осѣсть въ селѣ, прихожій уже связывалъ

---

[1]) А. Б. с. I с. 156, 162.

[2]) Напр. Архивъ 1 с. с. 238, 250.

[3]) Архивъ 1. с. с. 218—229, разсчитывая на тяглыхъ и урочныхъ (ср. А. Б с. I с. 245); такъ какъ урочные—обыкновенно убогіе, то на тяглыхъ приходилось, вѣрно, еще больше скота и пчелъ.

[4]) Архивъ 1. с. с. 221, см. еще с. 256: здѣсь лисичники еще работаютъ 6 дней въ году; тутъ же: Иванъ Верега, вольный, даетъ двѣ лисицы и служитъ, bo iest inszego pana.

себя этимъ заявленіемъ, но получалъ льготу, во время которой платилъ только половину стаціи и подымное съ пушкаровщиною [1]). Какъ велики были льготные сроки, нѣтъ на это точныхъ указаній; повидимому, они были не одинаковы и больше при основаніи новаго поселенія, чѣмъ для новоприходящихъ въ старое; такъ с. Межировъ при заселеніи получило 10-ти лѣтнюю льготу [2]), а въ селахъ стараго заселенія хотя встрѣчаемъ людей, которымъ остается 6—7 лѣтъ льготы [3]), но въ большинствѣ, повидимому, льгота была трехлѣтняя [4]). Трехлѣтняя же льгота предоставлялась иногда селамъ въ случаѣ сильнаго разоренія татарами (люстр. 1570 г.); въ другихъ случаяхъ они освобождались отъ десятинъ, платили половину даней или переводились временно на чиншъ [5]).

Кромѣ перечисленныхъ категорій: лисичниковъ, свободныхъ и тяглыхъ, находимъ еще крестьянъ урочныхъ, слугъ и убогихъ. Урочные впрочемъ не составляютъ такого опредѣленнаго класса, какъ тяглые; въ огромномъ большинствѣ, какъ указано было, на урокъ, или чиншъ, переводили тяглыхъ въ видѣ льготы—въ случаѣ неурожая, татарскаго разоренія и т. п. [6]). Размѣры чинша очень разнообразны—отъ 1 до 6 злот.; зависѣло это отъ степени достатка и отъ размѣра добавочныхъ повинностей: такъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ чиншомъ замѣняется и осыпъ и панщина [7]), въ другихъ случаяхъ чиншъ замѣняетъ собою поляховщину, панщина же въ уменьшенномъ размѣрѣ сохранялась [8]). Послѣ такой поправки

---

[1]) Архивъ l. c. с. 228.

[2]) А. Б. с. I с. 153.

[3]) Напр. Архивъ с. 226, 240, 241, 254, также 228.

[4]) Напр. Архивъ l. c. с. 222, А. Б. с. I с. 238, 240, ср. с. 233.

[5]) Въ люстр. 1570 г. трехлѣтняя льгота была общепринятою—см. особенно с. 245, также 240, 246.

[6]) Напр. Архивъ l. c. с. 237, 253.

[7]) Напр. А. Б. с. I с. 238. Чиншъ 6 злотыхъ превосходитъ стоимость поляховщины и потому въ такихъ случаяхъ нужно предполагать еще освобожденіе отъ другихъ повинностей.

[8]) Напр. Архивъ ср. с. 253 и 260.

переводили урочныхъ снова въ разрядъ тяглыхъ [1]). Поэтому, какъ было указано, число урочныхъ крестьянъ подвергалось сильнымъ колебаніямъ [2]).

Болѣе устойчиво держался классъ слугъ, хотя встрѣчаются указанія на переводъ и въ этотъ разрядъ обѣднѣвшихъ крестьянъ и обратно—„обращеніе“ слугъ въ разрядъ тяглыхъ [3]). Такимъ образомъ, подобно урочнымъ, это было тоже льготное состояніе; этимъ же объясняется и то, что ремесленники причисляются то къ разряду слугъ, то убогихъ, то свободныхъ [4]). Тѣмъ не менѣе значительное число слугъ, въ особенности ремесленники, уже по роду своихъ занятій должно было оставаться въ этой категоріи; главный же контингентъ ея составляли слуги, которые „конемъ служатъ“. Этотъ классъ населенія находился въ полномъ распоряженіи замковой зверхности, платили они иногда подымное и пушкаровщину, иногда сверхъ того половину стаціи, иногда и больше [5]), а затѣмъ исполняли всякія работы и порученія: „находятся постоянно на услугахъ“, „служатъ конные или своею особою“; „кузнецъ, который обязанъ ѣздить со старостою, куда понадобится“ и т. п. [6]). Слуги, служившіе конемъ своимъ, служили военную, сторожевую и курьерскую службу, какъ и въ другихъ подольскихъ староствахъ [7]), (по ревизіи 1552 г. въ Барщинѣ было ихъ 22). Этотъ разрядъ крестьянъ наиболѣе близко подходилъ по своимъ повинностямъ къ классу непривилегированной шляхты, которую также называли иногда замковыми слугами. Весьма вѣроятно, что многіе изъ барскихъ шляхти-

---

[1]) А. Б. с. I с. 239.

[2]) См. выше с. 109—110.

[3]) Sluskowie kolanni, alias zubozali liudzi, obraczaia na poslugi potoczne—Архивъ с. 222 (о терминѣ коланный см. у г. Линниченка—Черты с. 92 сл.), также А. Б. с. I с. 239, 244.

[4]) См. напр. Архивъ l. с. с. 243, 247, 251.

[5]) Архивъ l. с. с. 222, 226, 228, А. Б. с. I с. 153.

[6]) Архивъ l. с. с. 222, 226, А. Б. с. I с. 158.

[7]) См. Архивъ с. 134, 175.

чей вышли изъ этой среды; служилый шляхтичъ—это замковый слуга, вышедшій изъ состава сельской громады и непосредственно подчиненный замковой зверхности.

Въ категорію убогихъ попадали люди безпомощные—вдовы, старики, калѣки; они платили только подымное и пушкаровщину; въ виду одинаковой подати, въ эту же категорію, какъ сказано, относили иногда и ремесленниковъ.

О „урядникахъ“ сельскихъ—ватаманахъ и десятникахъ будетъ рѣчь ниже; здѣсь только отмѣчу, что за свою службу ватаманъ (со всѣмъ, конечно, своимъ дворищемъ) освобождался отъ взноса поляховщины, а также, вѣроятно, и отъ панщины, хотя объ этомъ люстраціи ничего не говорятъ, а остальныя повинности отбывалъ обыкновенно наравнѣ съ тяглымъ населеніемъ [1]. Въ одномъ случаѣ (Мукаровъ) упоминаются кмети ватамана, но это едва ли было привилегіею одного лишь ватаманскаго званія [2]. Десятники (довольно малочисленные) отбывали повинности то на равнѣ съ слугами, то, подобно ватаману, освобождались только отъ поляховщины; въ одномъ случаѣ въ десятники крестьянинъ назначается по бѣдности, что, какъ мы видѣли, встрѣчается и съ слугами [3]. Ревизія 1552 г. причисляетъ и ватамановъ и десятниковъ къ категоріи тяглыхъ; люстрація 1565 г. то къ той, то къ другимъ категоріямъ, по сходству повинностей. Въ категоріи слугъ встрѣчается еще одинъ, повидимому—урядникъ, provisor castrorum [4].

Экономическое положеніе шляхетскихъ крестьянъ въ XVI в. еще довольно неопредѣленно; это какое-то среднее состояніе между „спильникомъ“ (которые часто входили и въ составъ шляхетскихъ родовъ) и настоящимъ подданнымъ; люстрація сосѣдняго Хмельниц-

---

[1] См. впрочемъ А. Б. с. I с. 160, 243, гдѣ ватаманъ значится свободнымъ отъ всѣхъ повинностей.

[2] А. Б. с. I с. 160: cmethones autem duo, quos praefatus vataman habet.

[3] А. Б. с. I с. 157, 159, 238, Архивъ l. c. с. 226, 228.

[4] А. Б. с. I с. 157.

каго пов. характерно выражаетъ это, говоря объ одномъ селѣ, что мѣстные шляхтичи не получаютъ съ крестьянъ никакихъ доходовъ и maia, yako szassiady [1]). Повинности, отбываемыя барскими шляхетскими крестьянами, чрезвычайно разнообразны. Наивысшій уровень представляютъ Шершеневцы 1565 г.: крестьяне давали 2 третинника пшеницы, 6 овса, 20 яицъ и отбывали двухдневную панщину еженедѣльно; но это село находилось тогда, въ качествѣ выморочнаго, въ замковомъ управленіи, и этимъ, вѣроятно, объясняется сравнительно высокія повинности (стоймостью въ 3 злот. 5 гр., не считая подымнаго и пушкаровщины). Въ другихъ селахъ повинности гораздо ниже; ближе подходятъ: Гермаки (1570 г.)—дани въ 1 злот. 9 грош. и одподневная (въ недѣлю) панщина, Яковле—дани въ 24 гр. и 5 дней панщины въ годъ. Въ другихъ селахъ повинности еще меньше; въ нѣкоторыхъ упоминается только хлѣбная дань, а о панщинѣ умалчивается (Мальчовцы 1565 г., Куриловцы 1565 и 1570 г.), въ другихъ только панщина—то опредѣленная (по 3 дня пану—Козяровцы, Руда Паробоча 1565, 6 дней—Шелеховъ 1565, 10 дней—Морозовка 1570 г.), то неопредѣленная—„робить помагають“ (Волковинцы, Радіевцы 1570 г.); въ Глибовѣ взымалась десятина пчельная, двудесятина отъ свиней и 4 дня въ году работали панщину. Наконецъ лѣстницу замыкаютъ Верещатинцы, гдѣ „кмети ничего не даютъ, держитъ ихъ помѣщикъ для того только, чтобъ кто-нибудь съ нимъ жилъ, иногда проситъ ихъ на толоку“ [2]).

Въ этомъ перечнѣ приведены только тѣ села, гдѣ жители не обозначены сидящими на свободѣ, гдѣ, повидимому, мы имѣемъ дѣло съ обычными повинностями. Предполагать въ люстраціяхъ значительные пропуски относительно повинностей нѣтъ особаго повода, такъ какъ вопросъ о доходности имѣній стоялъ въ связи съ вопросомъ о законности этихъ владѣній, о правѣ короля раздавать ихъ и т. д.

---

1) Архивъ l. c. с. 156.
2) Архивъ l. c. с. 263.

Сверхъ повинностей на пана, крестьяне платили на замокъ подымное и пушкаровщину, отбывали 3—4 дня (въ годъ) панщины на замковыхъ фольваркахъ, но стаціи не платили—единственное упоминаніе о ней встрѣчается въ Куриловцахъ, и здѣсь ее (1 трет. овса) платили крестьяне пану [1]).

Такой весьма низкій сравнительно съ селами королевскими уровень повинностей понятенъ только въ поселеніяхъ, лежавшихъ „на шляхахъ татарскихъ“ и подвергавшихся особенно часто татарскимъ разореніямъ; большинство шляхетскихъ осадъ дѣйствительно было подвержено бо́льшимъ опасностямъ сравнительно съ королевскими селами, но и въ селахъ сравнительно безопасныхъ, какъ Глибовъ, Морозовка, Куриловцы, повинности не много выше. При столь низкихъ повинностяхъ мы ожидали бы наплыва крестьянъ въ эти села, но они хотя довольно хорошо заселены, однакожъ особеннымъ многолюдствомъ не отличались (см. таблицу). Причину незначительной панщины легко найти въ условіяхъ шляхетскаго хозяйства, въ отсутствіи спроса на хлѣбъ, въ нерасположеніи туземныхъ шляхтичей къ крупному, фольварковому хозяйству; но трудно объяснить низкій уровень другихъ повинностей. Проф. В.-Будановъ высказалъ предположеніе, что шляхтичи сами не были заинтересованы въ колонизаціи своихъ имѣній, такъ какъ извлекали большіе доходы изъ земель пустыхъ (пчеловодствомъ, скотоводствомъ, рыболовствомъ), а отъ поселяемыхъ крестьянъ не получали ничего или получали очень мало [2]). Это замѣчаніе въ извѣстной степени справедливо, но остается непонятнымъ, почему бы и крестьяне не могли обращаться къ тѣмъ же источникамъ дохода и приносить владѣльцамъ выгоды большими медовыми десятинами, поволовщинами и пр.; вѣдь земли было слишкомъ много въ большинствѣ осадъ (исключая многолюдныхъ шляхетскимъ околицъ); владѣльцы могли бы сажать ихъ и на чиншъ, какъ въ ко-

[1]) Архивъ I. с. с. 267. О крестьянскихъ повинностяхъ см. еще у проф. В.-Буданова населеніе Ю.-З. Россіи до Люблинской уніи с. 153 сл.

[2]) Населеніе etc. до Люблин. уніи с. 152—3, 159.

ролевщинахъ; а что барская шляхта дорожила засидѣлыми подданными, это видно изъ существованія исковъ о бѣглыхъ кметяхъ еще съ 1-й полов. XVI в. [1]). Отчего не поднимались повинности въ многолюдныхъ, прочно заселенныхъ селахъ, какъ напр. Куриловцы? Вѣдь въ королевщинахъ несмотря на разоренія крестьяне оправлялись довольно быстро и платили сравнительно очень высокіе налоги. Любопытно, что болѣе высокій уровень повинностей встрѣчается именно въ селахъ, принадлежавшихъ не-туземцамъ,— Шершеневцахъ, Яковлемъ, Гермакахъ. Не было ли въ соціально-экономическомъ строѣ туземнаго дворища, которое лежало и въ основѣ шляхетской околицы, причинъ, препятствовавшихъ образованію обширныхъ, экономически эксплуатируемыхъ, отношеній подданства?

Крестьянство составило главную основу населенія городовъ и мѣстечекъ Барщины. Населеніе Русскаго Бара составили земледѣльцы (wsziane) [2]), переведенные изъ Зинькова и Елтушкова; и позже населеніе его почти цѣликомъ земледѣльческое: изъ 124 домовъ въ 1565 г. только 18, а въ 1570 г. изъ 150 только 20 не занимались хлѣбопашествомъ, да и эти, какъ выходить изъ словъ люстратора, не пахали по бѣдности [3]). Мѣст. Межировъ, Деражня были прямо переименованы въ города изъ селъ. Только въ Польскомъ Барѣ можно предполагать нѣсколько большее развитіе промышленнаго и торговаго населенія, между прочимъ — вслѣдствіе присутствія поляковъ и евреевъ; но и здѣсь многіе занимались пчеловодствомъ и хлѣбопашествомъ. Что до остальныхъ общинъ, изъ люстраціи 1565 г. видно, что Русь, жившая въ Чемерисскомъ Барѣ, поголовно, исключая развѣ слугъ, „роли орали“ (въ 1570 г. изъ 68—45); въ Елтушковѣ также всѣ поголовно давали хлѣб-

---

[1]) Напр. А. Б. с. I № 38, 116, К. Ц. А. № 3598 f. 97 (1628, Волковинскіе), f. 175 v. (1532, Сыма Мытко) и т. п.

[2]) Архивъ l. c. с. 130. Ср. „всянамъ“ Ипат. л. с. 495.

[3]) Архивъ l. c. с. 130—2, А. Б. с. I с. 232.

ную дань, слѣдовательно „орали" [1]). Такъ какъ мѣщанское населеніе давало старостѣ изрядный доходъ, а также—можетъ быть, въ видахъ поддержанія мѣстечекъ, старосты не препятствовали сельскому населенію преходить въ города, и въ одной изъ люстрацій упоминается о переходѣ нѣсколькихъ жителей изъ с. Деражни въ Елтушковъ [2]). Съ другой стороны, мѣщане, какъ указано, переходили въ ряды служилой шляхты.

Повинности мѣщанъ были разнообразны, представляя въ грамотахъ цѣлую ска́лу, приближавшуюся къ повинностямъ крестьянскимъ; вдобавокъ старосты и люстраторы имѣли тенденцію повышать мѣщанскія повинности по образцу крестьянскихъ. Въ наиболѣе льготномъ положеніи стояли мѣщане Польскаго Бара, затѣмъ слѣдовалъ Русскій и Чемерисскій Баръ (повинности ихъ сопоставлены были выше) [3]), потомъ Елтушковъ. Изъ жалобъ барскихъ мѣщанъ узнаемъ, что староста заставлялъ жителей Русскаго Бара давать десятины отъ скота (воловъ и овецъ), принуждалъ мѣщанъ Польскаго и Русскаго Бара, ссылаясь на старый обычай, отбывать толоки, а коморниковъ—однодневную панщину. Въ Чемерисскомъ Барѣ кромѣ толокъ онъ старалася ввести десятину медовую, баранью и свинную, а панщину поднять съ четырехъ дней до пяти; подобныя же притязанія на десятины видимъ и въ Елтушковѣ. Хотя дѣйствія старосты были признаны несправедливыми, и въ жалобахъ 1562 г. о десятинахъ уже нѣтъ рѣчи, но судя по освобожденію барянъ въ 1567 г. по случаю татарскаго опустошенія отъ десятины пчелъ и скота на четыре года, приходится заключить, что притязанія старосты, хотя нѣкоторыя, перешли въ практику [4]). Изъ люстрацій видно, что медовая десятина успѣла упрочится въ Чемерисскомъ

---

[1]) Архивъ с. 133, 216, ср. А. Б. с. I с. 232—3.

[2]) А. Б. с. I с. 158.

[3]) См. с. 89—90. Содержаніе грамоты Елтушкову неизвѣстно, но, очевидно, условія были менѣе льготны, чѣмъ въ Чемерис. Барѣ; если жители его хлопотали объ уравненіи въ условіяхъ съ чемерисскими мѣщанами—А. Б. с. I с. 185.

[4]) А. Б. с. I № 58—60, 93—5, 104, 115.

Барѣ, а въ Елтушковѣ еще и баранья [2]). Люстраторы 1570 г. затѣяли распространить на Польскій Баръ хлѣбную дань, по примѣру Русскаго Бара, несмотря на городскіе привилеи. Въ 1576 г. жители Русскаго Бара во всемъ были уравнены съ жителями Польскаго; но неизвѣстно, на сколько это осуществилось въ дѣйствительности [2]).

Грамота Межирова представляетъ дальнѣйшую ступень сравнительно съ разсмотрѣнными: сверхъ чинша положена шестидневная (считая день на перевозку жатвы) панщина, хлѣбная дань (по 3 трет. хлѣба), десятина пчелиная и поволовщина. Фундація же Деражни завершаетъ эту лѣстницу: жители ея уравниваются въ правахъ съ другими подольскими городами, но доходы старостинскіе остаются неприкосновенными, т. е. повинности жителей сохраняются въ прежней силѣ [3]). Переходъ отъ условій межировскихъ къ деражнянскимъ можетъ показаться рѣзкимъ скачкомъ: всетаки въ Межировѣ отсутствуетъ стація, десятина овецъ и свиней, а хлѣбная дань гораздо меньше поляховщины, но нужно принять во вниманіе, что въ городѣ единица обложенія, надо думать, была меньше, и на смѣну дворища выступала семья; въ такомъ случаѣ и на городскую единицу ложилась лишь часть крестьянскаго тягла. Этого обстоятельства не нужно упускать изъ виду вообще при сопоставленіи повинностей крестьянскихъ съ мѣщанскими, которыя иначе могутъ показаться слишкомъ малыми.

Вопросъ объ этнографическомъ составѣ крестьянскаго и мѣщанскаго населенія староства разсматривался уже М. Ф. В.-Будановымъ, и такъ какъ источникомъ по этому вопросу остается та же люстрація 1565 г., то нѣтъ особой надобности распространяться по этому вопросу [4]). Огромная масса населенія—туземная, украин-

---

[1]) Архивъ I. с. 134, 216, А. Б. с. I с. 234.

[2]) А. Б. с. I с. 232, 274.

[3]) А. Б. с. I с. 319, II с. 22.

[4]) Населеніе Ю.-З. Р. до Любл. уніи с. 192—4, 208—9.

ская; прозвищъ, ясно указывающихъ на не-туземное происхожденіе (хотя, конечно, прозвище нельзя считать вполнѣ точнымъ показателемъ) среди сельскаго населенія около 3%; это небольшое количество распредѣляется между выходцами съ юга (сербы, волохи), съ запада (поляки и 1 угринъ) и сѣвера (нѣсколько литвиновъ и 1— москвичъ); поляки встрѣчаются преимущественно въ западныхъ осадахъ (Нестеровцы, Крутобородинцы) [1]). Изъ городовъ мы имѣемъ данныя только для общинъ Барскихъ и Елтушкова. Значительныя иноплеменныя колоніи существовали только въ Барѣ Польскомъ и Черемисскомъ. Въ Польскомъ не менѣе трети домовъ принадлежало полякамъ и около четверти евреямъ; туземное населеніе и здѣсь составляло около трети [2]). Въ Черемисскомъ Барѣ было болѣе 50 домовъ черемисовъ, остальное населеніе преимущественно туземное; хотя люстраторъ и говоритъ о полякахъ, но къ этой категоріи можно отнесть всего 3—4 имени. Въ Русскомъ Барѣ найдется всего 4—5 (изъ 124) прозвищъ, указывающихъ на иноплеменное происхожденіе; то же и въ Елтушковѣ. Тюркскій элементъ за исключеніемъ черемисской колоніи очень слабъ (4—5 именъ, считая и угровъ). Евреевъ кромѣ Польскаго Бара не видно.

Въ концѣ XVI в. край имѣетъ еще вполнѣ туземный характеръ; туземная Русь господствуетъ и среди землевладѣльческаго и среди мѣщанскаго сословія, не говоря о крестьянскомъ. Хотя польскій элементъ и находился въ привилегированномъ положеніи — среди шляхты, въ сферѣ управленія, но до послѣдней четверти въ XVI в. со стороны правительства не замѣтно стремленій къ полонизаціи; колонизаціонная дѣятельность Боны и Герборта, грамота кор. Стефана, уравнивающая населеніе Польскаго и Русскаго Бара, католиковъ и „людей обряда русскаго“, въ правахъ и привилегіяхъ [3]), служатъ тому доказательствомъ.

---

[1]) Архивъ с. 251, 256.

[2]) Въ этомъ случаѣ я сильно расхожусь съ вычисленіями М. Ф. В.-Буданова; на мой счетъ найдется не менѣе 20 прозвищъ чисто туземныхъ, да не меньше останется сомнительныхъ.

[3]) А. Ю. З. Р. I № 128.

VI.

Организація управленія въ Барскомъ староствѣ XVI в.

Переходя къ организаціи управленія Барскаго староства, должно замѣтить, что свѣдѣнія наши по этому вопросу для XVI и особенно—XVII в. сравнительно довольно скудны, такъ какъ документы королевской канцеляріи не богаты данными по этому вопросу, а въ подольскихъ актахъ оказалось не много документовъ, относящихся до Барскаго староства.

Начнемъ съ центральнаго управленія староства, со старостинскаго уряда. Выше сообщены были краткія свѣдѣнія о генезисѣ старостинской власти, и указано было на существованіе въ польскомъ государственномъ устройствѣ наряду съ старостами настоящими, или гродовыми, старостъ-державцевъ. Въ то время какъ на первыхъ переходятъ всѣ функціи провинціальнаго управленія, старосты второй категоріи не считаются даже государственными чиновниками въ собственномъ смыслѣ, а лишь арендаторами и управителями коронныхъ имѣній, такъ какъ принадлежавшая имъ обширная юрисдикція надъ не-шляхетскимъ населеніемъ староства, подобно юрисдикціи патримоніальной, не считалась принадлежностью государственнаго права; старосты эти назывались поэтому также не-судовыми въ отличіе отъ старостъ съ юрисдикціею, гродскихъ, такъ какъ подъ юрисдикціею здѣсь разумѣлась юрисдикція надъ шляхтичами. Эти два вида старостъ, имѣющіе свой корень, вѣроятно, въ первоначальномъ фискальномъ характерѣ старостинской должности,

является уже въ XIV в., и въ Кошицкомъ привилеѣ 1374 г. уже отличаются castra et civitates, de quibus honores et sedes judiciales procedunt, отъ обыкновенныхъ замковъ [1]. Съ XV в. эти двѣ категоріи староствъ въ коренной Польшѣ устанавливаются прочно, и Кромеръ въ своемъ очеркѣ устройства Польши XVI в. такъ опредѣляетъ роль и обязанности обѣихъ категорій:

„Староста есть стражъ и хранитель не только королевскаго замка, но и общественнаго мира и спокойствія въ своемъ староствѣ, которое онъ долженъ охранять отъ насилій и очищать отъ воровъ и разбойниковъ; поэтому онъ имѣетъ широкую юрисдикцію и административную власть (coercio) не только относительно поселянъ и горожанъ, но и людей шляхетскаго сословія. Сверхъ того онъ приводитъ въ исполненіе приговоры всѣхъ прочихъ судей, если другіе исполнители отказываются или не въ состояніи. Онъ же блюдетъ интересы и доходы короля, поступающіе съ ихъ хозяйства, чиншей и платежей горожанъ и поселянъ. Вообще подъ властью старостъ находятся замки, села или фольварки съ ихъ инвентаремъ, города и королевскіе округа. Юрисдикціи старосты подлежатъ уголовныя дѣла о насиліи, поджогѣ, разбоѣ и вооруженномъ нападеніи на дома (т. н. гродскіе артикулы); гражданскія—противъ шляхтичей, не владѣющихъ землями, и тѣхъ владѣющихъ, которые своимъ обязательствомъ подчинились этой юрисдикціи, а также состоящихъ въ военной службѣ, дѣла о причиненіи вреда или обиды клирику, о задержаніи чужого подданнаго, о препятствіи свободному судоходству на рѣкахъ постройкою заколовъ („язовъ") и сопротивленіи исполненію приговоровъ"; это т. н. causae judicii castrensis, разбираемыя на рочкахъ гродскихъ. „Causae officii: исполненіе судебныхъ приговоровъ; возстановленіе во владѣніи вдовъ, лишенныхъ вѣна, и другихъ лицъ, силою лишенныхъ имущества; о захваченныхъ in recenti crimine; объ отказѣ въ возвращеніи взятаго имущества; о безпорядкахъ на сеймахъ и въ судахъ и др. Кромѣ этихъ староствъ есть еще другія,

[1]) Volum. leg. I p. 25.

выдѣленныя большею частью изъ территоріи первыхъ и называемыя державами (tenutae), а управители ихъ—державцами (tenutarii); они или не имѣютъ своихъ округовъ, или имѣютъ—но безъ всякой юрисдикціи надъ шляхтою, которая принадлежитъ настоящимъ старостамъ. Державцы являются только досмотрщиками (curatores) королевскихъ имѣній и доходовъ, замковъ и подчиненнаго простого народа (plebis), подобно краковскому wielkorządc'ѣ" [1]).

Я привелъ эту выписку, такъ ней въ ней достаточно ясно и согласно съ законодательными памятниками указаны обязанности старостъ обѣихъ категорій [2]). Должно прибавить впрочемъ, что старосты-державцы пограничныхъ замковъ обладали большими компетенціями, имѣя нѣкоторыя полицейскія и военныя функціи [3]). Тѣмъ не менѣе, какъ указано было уже, старосты-державцы подольскіе не подходили подъ эту классификацію: не причисляемые оффиціально къ категоріи гродовыхъ старостъ и лишенные гродской юрисдикціи надъ привилегированною шляхтою, они не укладывались и въ рамки „державъ", такъ какъ ихъ административныя и судебныя компетенціи простирались на привилегированную шляхту, почему и староства эти носили названіе гродовъ. Къ этому нужно присоединить широкія колонизаціонныя и военныя полномочія, которыми обладали многіе подольскіе старосты-державцы, и мы получимъ ту широкую сферу (болѣе широкую въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, чѣмъ полномочія старостъ гродскихъ), на которую простирались компетенціи барскихъ старостъ XVI в. Къ сожалѣнію, недостаточность

---

[1]) Polonia ed. 1578 p. 126, 130, 156—8.

[2]) Сводъ законодательныхъ данныхъ о функціяхъ старостъ сдѣланъ въ старомъ трактатѣ Дунчевскаго Traktat o starostwach, 1758, p. 71 sq.). См. также трактаты: Skrzetuski Prawo polityczne narodu polskiego, ed. 1787, t. II rodz. XVIII, Lengnich Prawo pospolite król. Pol., ed. 1836, p. 153 sq., 333—4, Ostrowski Prawo cywilne (ed. 1787) II p. 107 sq. и т. п. Hüppe Verfassung der republik Polen p. 270 sq., 294 sq. Монографіи о староствахъ Вейнерта добыть мнѣ не удалось.

[3]) См. сводъ у Дунчевскаго op. c. p. 100 sq.

свѣдѣній не даетъ возможности вполнѣ точно опредѣлить ихъ функціи въ каждой сферѣ и сравнить съ компетенціями гродскаго старосты.

Существенно важнымъ вопросомъ здѣсь является юрисдикція и военно-административная власть барскаго старосты надъ шляхтою. Въ наиболѣе раннихъ грамотахъ возстановленнаго Барскаго староства служилые шляхтичи включаются въ составъ Барскаго староства, подчиняются юрисдикціи барской и обязуются повиновеніемъ барскому старостѣ [1]. Обязанность подчиняться юрисдикціи барскаго старосты включается и въ нѣкоторыя пожалованія 2-й пол. XVI в.; особенно опредѣленно выражается жалованная грамота Бухновскому 1581 г., вмѣняющая ему въ обязанность: „признавать со своими подданными не иную юрисдикцію, какъ барскаго старосты, и по всѣмъ жалобамъ давать отвѣтъ передъ тѣмъ же старостою“ [2]. Несомнѣнно опять таки, что эти случайныя упоминанія служатъ выраженіемъ практики, простиравшейся на всю служилую шляхту; изъ постановленія королевскихъ коммиссаровъ 1570 г. выходитъ, что эту шляхту они считали за подсудную Барскому старостѣ, и только владѣвшихъ землями по старымъ дѣдичнымъ наданьямъ считали подсудными „старостѣ главному каменецкому“ [3]. Изъ XVII в. можно также привесть нѣсколько указаній относительно подсудности шляхты барскому старостѣ: таково дѣло Радіевскихъ съ Черленевскими (о которомъ немного ниже), рѣшеніе ассессорскаго суда о Мыткахъ, которымъ вмѣнено въ объязанность повиноваться барской юрисдикціи, какъ и раньше они „признавали юрисдикцію старостъ“; ссылка позднѣйшаго трибунальскаго рѣшенія (1741 г.) на то, что Поповскіе подлежали барской юрисдикціи ante hosticum (т. е. до послѣдней четверти XVII в.) [4].

Сохранившіеся документы XVI и 1-ой пол. XVII в. показы-

---

[1]) А. Б. с. I № 49 и 56 (1538—1539).

[2]) Ibid. I № 141 и 142 (1580—1).

[3]) Ibid. I с. 230—1 (tedy tess pod jurisdicią..).

[4]) А. Б. с. II с. 42, 47, 266.

ваютъ, что барскіе шляхтичи обращались къ суду старосты даже въ дѣлахъ гражданскихъ, о поземельномъ владѣніи, неподсудныхъ даже настоящимъ гродамъ: такъ имѣемъ тяжбы Радіевскихъ, Волковинскихъ, Кудіевскихъ о раздѣлѣ наслѣдства (1543—1562 г.), и король такую практику очевидно признавалъ правомѣрною, какъ видно изъ его подтвержденія (1589 г.) Кудеевскимъ ихъ участковъ „согласно рѣшенію Барскаго гродскаго суда, постановленному старостою Бучацкимъ“ [1]).

Въ Барскомъ гродѣ XVI—XVII в. совершались также различныя гражданскія сдѣлки шляхтичей: мы имѣемъ изъ XVI в. напр. указанія на заключенныя въ Барскомъ гродѣ продажи, раздѣльные акты, записи долговыя, вѣновыя; нѣкоторыя изъ нихъ сохранились in extenso [2]). Эта компетенція была обща ему со всѣми гродами; заключенныя въ немъ сдѣлки переносились иногда въ земство, хотя законъ о перенесеніи городскихъ записей (что заключенныя въ гродѣ сдѣлки были дѣйствительны только въ продолженіи года и для дальнѣйшей силы изъ актовъ гродскихъ должны переноситься въ земскіе) вообще не примѣнялся строго. Утвержденіе одной изъ такихъ запродажныхъ сдѣлокъ Барскаго грода королемъ (продажа части Гальчинецъ Фридриховскимъ Мытку) показываетъ, что законность ихъ была признаваема центральнымъ правительствомъ [3]).

Что касается уголовной юрисдикціи барскаго старосты надъ шляхтою, то хотя изъ XVI в. мнѣ не удалось встрѣтить ни одного приговора по уголовному дѣлу, тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣ-

---

[1]) Ibid. I № 64, 66, 78, 110, 156, II № 45.

[2]) А. Б. с. I № 114; запись о раздѣлѣ имѣнія, которою закончились тяжбы, представляетъ также №. 110; см. также упоминанія въ I № 145 (денежное обязательство), II R. 1559 (продажа); для XVII в.— II № 8. Для другихъ, аналогичныхъ съ Барскимъ, подольскихъ гродовъ см. I № 35 (Летичевъ, 1522 г.), К. Ц. А. № 3599 f. 186 (1532, свидѣтельство о раздѣлѣ шляхетскаго наслѣдства ad praesentiam officii castrensis chmyelnicensis).

[3]) А. Б. с. II R. 1559.

ваться въ ея существованіи уже по одному тому, что она составляла основу компетенцій грода, къ которому приравнивался Барскій урядъ, и тѣсно связана была съ полицейско-административными компетенціями старосты, простиравшимися и на шляхту. Можно въ особенности указать на дѣло Лазаря Лосковскаго, котораго староста распорядился арестовать вслѣдствіе уликъ объ участіи въ воровствѣ (должно замѣтить, что шляхтичъ этотъ могъ считаться неосѣдлымъ); король вслѣдствіе жалобы Лосковскихъ распорядился освободить его въ томъ случаѣ, если онъ представитъ за себя поручителей. Для болѣе поздняго времени, уже послѣ конституціи 1607 года (о которой рѣчь будетъ немного ниже), можно указать жалобу вицеротмистра Емелевскаго на старосту барскаго Жолкевскаго, что онъ не оказалъ имъ должной справедливости, justitiam debitam et *competentem* по дѣлу о нападеніи „вассаловъ" Волковинскихъ и Радіевскихъ на его роту, причемъ нападавшіе многимъ нанесли раны и заграбили имущество; такимъ образомъ за старостою признавалась юрисдикція надъ барскими „вассалами" по уголовнымъ дѣламъ [1]. Уголовная юрисдикція барскаго замковаго суда XVIII в. должна была вести свое начало изъ болѣе ранняго времени.

На приговоры барскаго грода въ пол. XVI в. практиковалась апелляція въ земство Каменецкое: въ дѣлѣ о наслѣдствѣ Радіевскихъ отвѣтчики, недовольные рѣшеніемъ грода, odwołała na prziszłe roky Camienieczkie, ku liepszemu rossądku, и судъ допустилъ эту апелляцію [2]. Въ томъ же дѣлѣ встрѣчается другой случай перенесенія дѣла изъ Барскаго грода на разсмотрѣніе высшей инстанціи: когда стороны отвергли рѣшеніе назначенныхъ гродомъ коммиссаровъ и возобновили тяжбу снова въ гродѣ, староста, nie chcząc thego miecz na sobie, передалъ это дѣло на разсмотрѣніе воеводы; разбирательство происходило въ присутствіи воеводы, старосты и судьи барскихъ и др.; можетъ быть, судъ воеводы здѣсь

[1]) Ibid. I № 109, II № 22.

[2]) Ibid. I № 64.

замѣнялъ судъ сеймиковый („великіе рочки“), происходившій подъ предсѣдательствомъ воеводы и называвшійся потому иногда судомъ воеводскимъ [1])?

Юрисдикція Барскаго грода не исключала служилую шляхту изъ подсудности судамъ каменецкимъ въ первой инстанціи. Къ сожалѣнію, сохранились только акты земскіе; изъ нихъ видно, что барскіе шляхтичи были не рѣдко позываемы къ земскому суду. Тяжбы ихъ между собою встрѣчаются сравнительно рѣдко [2]): очевидно, они предпочитали прибѣгать къ суду Барскому, а быть можетъ — существовали относительно обращенія къ судамъ постороннимъ какія-либо запрещенія или ограниченія (какъ это видимъ до нѣкоторой степени въ XVIII в.); намекъ на это можно видѣть и въ приведенныхъ выше словахъ грамоты Бухновскому.

Въ упомянутой уже тяжбѣ Радіевскихъ съ барскимъ старостою имѣемъ проявленіе стремленій къ освобожденію отъ юрисдикціи барскаго старосты, именно Радіевскіе заявляли, что они подлежатъ юрисдикціи каменецкой. Король, принимая ихъ ссылку на жалованную грамоту (гдѣ село Радіевцы значится въ пов. Каменецкомъ), освободилъ ихъ отъ барской юрисдикціи in injuriis, judicio seu officio ordinario pertinentibus, оставляя, какъ видно изъ контекста, въ силѣ административную власть старосты [3]). Но это было уклоненіе отъ практики, и едва ли это королевское рѣшеніе (основанное собственно на неправильномъ пониманіи грамоты) примѣнялось на практикѣ. Шестьдесятъ лѣтъ спустя имѣлъ мѣсто слѣдующій случай: Черленевскіе (сосѣди Радіевскихъ по владѣнію, околичные шляхтичи Летичевскаго пов.) обжаловали Радіевскихъ за захватъ сѣна въ земскомъ судѣ Каменецкомъ, апеллировали

---

[1]) А. Б. с. I с. 118.

[2]) Напр. К. Ц. А. № 3604 f. 215, 307 (Радіевскихъ съ Радіевскими 1578—9), 3607 док. № 150 (Олексій изъ Елтушкова къ Галузинскому, 1584), 3609 № 377 (Карачевскій съ Радіевскимъ, 1586), 3615 № 1401 (Карачевскій и Буцень, 1596).

[3]) А. Б. с. I № 98, ср. 89.

затѣмъ въ трибуналъ, выиграли тяжбу, и приговоръ для исполненія былъ переданъ въ Летичевскій гродъ. Староста барскій Жолкевскій (вѣроятно—по жалобѣ Радіевскихъ) обжаловалъ Черленевскихъ за веденіе in foro incompetenti дѣла, подлежащаго юрисдикціи ассессорскаго суда (вѣдавшаго тяжбы о королевщинахъ, городскихъ земляхъ и т. п.). Радіевскіе съ своей стороны обжаловали ихъ въ ассессорскомъ судѣ, объявляя весь процессъ незаконнымъ, „такъ какъ и они, и Черленевскіе, какъ вассалы старостинскіе, подлежатъ старостинской юрисдикціи". Судъ также нашелъ, что Радіевскіе, „какъ вассалы, подлежатъ непосредственно барской старостинской юрисдикціи", и кассировалъ приговоръ трибунала, предложивъ Черленевскимъ искать къ Радіевскимъ „въ подлежащемъ судѣ, т. е. у старосты барскаго" [1]). Это рѣшеніе должно было опираться на практику подсудности барскихъ „вассаловъ" старостинскому суду, и сами Радіевскіе, очевидно, не пользовались своимъ освобожденіемъ отъ барской юрисдикціи, иначе этотъ фактъ былъ бы выставленъ въ свою защиту ихъ противниками.

Другой случай освобожденія отъ барской юрисдикціи—Карачовскихъ въ 1570 г. основывался уже не на недоразумѣніи, какъ освобожденіе Радіевскихъ, и любопытенъ тѣмъ, что косвенно опредѣляетъ, кто изъ шляхты подлежалъ барской юрисдикціи: именно державцы королевщинъ, не имѣвшихъ законныхъ дѣдичныхъ правъ (za daniną nową). Карачовскіе же, доказавъ свои дѣдичныя права, пользуются „вольностью права земскаго дѣдичнаго короннаго" и потому подлежатъ юрисдикціи „старосты главнаго каменецкаго". Всѣ привилегированные шляхтичи, имѣнія которыхъ не входили въ составъ староства, не подлежали и юрисдикціи Барскаго грода. И обратно, въ дѣлѣ о владѣльческихъ правахъ Мытковъ 1619 г. подсудность юрисдикіи барской является доказательствомъ шляхетскаго неполноправія, однимъ изъ признаковъ принадлежности къ сословію вассаловъ [2]).

---

[1]) А. Б. с. II № 24, 27.

[2]) Ibid. I с. 230—1, II с. 41—2.

На чемъ основывалась юрисдикція барскаго старосты надъ шляхтою? Ее нельзя подвесть даже подъ юрисдикцію грода, такъ какъ гроду не были подсудны поземельные иски, а Барскій старостинскій судъ не признавался и за настоящій гродъ и явственно выдѣляется, какъ нѣчто своеобразное и низшее сравнительно съ единственнымъ (до 1581 г.) подольскимъ гродомъ въ Каменцѣ; комиссарское постановленіе, освобождающее Карачевскихъ отъ барской юрисдикціи, очень рѣзко отличаетъ „главнаго судового старосту каменецкаго“ отъ „барскаго державцы (tenutarius)“. Одно позднѣйшее трибунальское рѣшеніе выводитъ, повидимому, подсудность барской шляхты старостѣ изъ воинской власти его надъ шляхтою, обязанною военною службою при немъ (in causis ex vi servitii militaris et iisdem devenientibus) [1]. Дѣйствительно, старостинская юрисдикція была тѣсно связана съ военно-административною властью старосты надъ шляхтою и составляла до извѣстной степени ея естественное развитіе; но въ такомъ случаѣ развиться она должна была очень давно, такъ какъ сложилась еще ко времени возстановленія староства. Въ упоминавшемся уже процессѣ Ярмолинскихъ съ Лосковскимъ 1535 г. Лосковскій (позванный Ярмолинскими въ земскій судъ Камененецкій о томъ, что онъ незаконно выдалъ имъ позовъ отъ имени *подстаросты* каменецкаго по дѣлу о наѣздѣ ихъ на Лосковцы—очевидно, это была лишь увертка со стороны Ярмолинскихъ) просилъ судъ передать его дѣло на судъ старосты каменецкаго, такъ какъ былъ королевскій приказъ, чтобы земскій судъ не судилъ „земянъ или державцевъ ленныхъ“, т. е. владѣющихъ землями по записямъ суммъ, выданныхъ старостою каменецкимъ, а передавалъ бы на судъ старосты [2].

---

[1]) А. Б. с. II с. 266; возможно впрочемъ, чтъ тутъ имѣется въ виду конст. 1607 г.

[2]) Ex adverso praefatus Abraam per suum procuratorem dixit: domine judex! reservando michi salvam responsionem, que mihi de iure venire debet, peto, quatenus me vestra d(ominatio) hic non judicaret, sed me remitteret ad d. capitaneum camenecensem, quoniam sua s. maiestas r. per literas suas mandare vobis dignata est, mandans judicio

Такое королевское распоряженіе мнѣ неизвѣстно, да и самъ адвокатъ Лосковскаго воздержался отъ дальнѣйшихъ разъясненій, между тѣмъ какъ Ярмолинскіе доказывали, что юрисдикція гродскаго суда ограничивается „четырмя артикулами“ и домагались предъявленія упомянутаго распоряженія. Но если бы заявленіе Лосковскаго была фальшиво, оно имѣетъ значеніе, какъ ссылка (совпадающая съ упомянутымъ рѣшеніемъ ревизоровъ 1570 г.) на практику, по которой „ленная“, обязанная различными повинностями на старосту, шляхта судилось по всякаго рода дѣламъ въ судѣ его. А если бы такое распоряженіе существовало въ дѣйствительности, оно опять таки должно было опираться на практику уже существовавшую, такъ какъ едва ли король рѣшился бы нанесть по собственной иниціативѣ такой ущербъ вольностямъ шляхетскаго сословія, къ которому принадлежала „ленная“ шляхта. Практика же эта восходила, вѣроятно, къ компетенціямъ тѣхъ воеводъ подольскихъ, о которыхъ я говорилъ уже, и власть которыхъ—военная, административная и судебная простиралась первоначально одинаково на всѣ классы мѣстнаго туземнаго населенія, среди котораго и землевладѣльческій классъ не выдѣлялся рѣзко. А такъ какъ туземная служилая шляхта во многихъ отношеніяхъ и позже (въ XVI—XVIII в.) близко граничила съ королевскими кметями (въ особенности замковыми слугами), то эта близость могла поддерживать и въ послѣдующее время практику барскаго грода съ ея всеобъемлющею юрисдикціею, такъ какъ не-шляхетское населеніе подчинялось юрисдикціи и старостъ-державцевъ. Санкціонирована же законодательнымъ путемъ полицейско-административная власть и юрисдикція старость надъ служилою шляхтою была конституціею 1607 г. O swywoli ukrainney, которая для установленія порядка въ украинныхъ городахъ и староствахъ

---

vestro, quatenus nos, qui tenemus bona regalia in summis, per capitaneum nobis datis et assignatis camenecensem, non judicaretis, alias abysczye zyemyan albo dzyerzawyecz lynnych nye sschadzyly, sed eosdem ad judicium d. capitanei remitteretis— К. Ц. А. № 3599 f. 88.

постановляла, что въ воев. Кіевскомъ и Подольскомъ мѣщане и бояре, поселенные на королевщинахъ для службы и обороны замковъ, должны находиться подъ властью и зверхностью старосты, которые имѣютъ слѣдить за исполненіемъ условій службы, чинить судъ и карать за всякіе проступки, бунты и насилія, при помощи гетмановъ [1]). Конституція эта, хотя не оговариваетъ прямо, несомнѣнно, какъ видно изъ текста, относится не только къ гродовымъ старостамъ, но и къ украиннымъ старостамъ-державцамъ, и ставитъ на одну доску служилую шляхту съ мѣщанами (и козаками). Изъ данныхъ, представляемыхъ барскими актами, видно, что она только санкціонировала давно установившуюся практику.

По отношенію къ кметямъ королевскимъ старостинскій судъ былъ уже второю инстанціею, куда можно было апеллировать на рѣшенія ватамана; хотя могли поступать сюда тяжбы и въ первой инстанціи. За отсутствіемъ барскихъ актовыхъ книгъ, документовъ такого рода не сохранилось, можно указать только на одинъ искъ 1586 г. къ старостѣ барскому о неоказаніи имъ правосудія по дѣлу о неисполненіи крестьяниномъ с. Покутинецъ ватаманскаго приговора; случай этотъ предполагаетъ такимъ образомъ существованіе апелляціи къ старостѣ въ случаѣ неисполненія ватаманскаго рѣшенія [2]). По отношенію къ крестьянамъ шляхетскимъ можно предполагать въ гродѣ тоже не только тяжбы de non administratione (т. е. иски къ помѣщику, если тотъ по жалобѣ посторонняго лица на его подданнаго не удовлетворялъ потерпѣвшаго), но и непосредственно съ крестьянами: если уголовная юрисдикція каменецкаго старосты до конституціи 1581 г. простиралась по нѣкоторымъ дѣламъ на подданныхъ привилегированной шляхты [3]), то по отношенію къ подданнымъ барской шляхты, обязаннымъ многочисленными повинностями на замокъ,

---

[1]) Vol. leg. II p. 443.

[2]) А. Б. с. I № 151.

[3]) Volum. leg. II p. 12, 70, 164, 210.

мѣстный староста имѣлъ несравненно больше поводовъ къ непосредственному соприкосновенію.

Относительно мѣщанъ большинство городскихъ грамотъ староства, именно грамоты всѣхъ трехъ барскихъ городскихъ общинъ, также Межирова, Черемисы и Домбровицы, предоставляютъ старостѣ юрисдикцію по апелляціямъ: именно мѣщане по всякаго рода дѣламъ могутъ быть позваны *только* къ суду войта или лантвойта, войтъ же или лантвойтъ судятся судомъ старосты, по магдебургскому праву, но допускается апелляція и непосредственно въ центральные суды [1]). Грамоты Деражни и Копайгорода не упоминаютъ о подсудности войта старостѣ [2]); что до Копайгорода, это объясняется тѣмъ, что хотя онъ былъ основанъ на ґрунтахъ Гальчинецкихъ, но вышелъ изъ состава Барскаго староства, относительно же Деражни можно сомнѣваться, чтобы къ ея войту не примѣнялась общая мѣстная практика подсудности старостѣ. Кромѣ того по закону существовалъ смѣсной судъ изъ старосты или подстаросты и городскаго суда въ случаѣ произведеннаго шляхтичемъ насилія въ городѣ [3]). Но староста, расширяя свое административное вмѣшательство въ жизнь городскихъ общинъ, какъ увидимъ ниже, привлекалъ мѣщанъ непосредственно къ своему трибуналу и подвергалъ различнымъ наказаніямъ.

Барскій гродъ первоначально имѣлъ полный составъ гродскихъ урядниковъ: кромѣ старосты—подстаросту, судью и писаря. По закону, всѣ эти чиновники назначались самимъ старостою, и онъ былъ отвѣтственъ за нихъ; подстароста и судья должны были быть шляхтичами осѣдлыми, и судья при вступленіи въ должность приносилъ присягу [4]). Но должность судьи существовала въ Барскомъ старствѣ не долго, единственнымъ судьею былъ Дмитро Мытко, въ этой

---

1) А. Б. с. I с. 95, 100—1, 104—5, 318, 349, II с. 24.
2) Ibid. II с. 22, 63.
3) Volum. leg. I p. 179, 257.
4) Volum. leg. II p. 176, 281.

должности упоминающійся между 1543 и 1552 гг.[1]). Позже урядъ состоялъ только изъ старосты и подстаросты, не считая писаря; должность судьи нигдѣ не упоминается, и очевидно не существовала въ дѣйствительности; впрочемъ отдѣльный судья не былъ непремѣнною принадлежностью грода, и въ Польшѣ встрѣчались гроды безъ судьи. Подстароста былъ замѣстителемъ старосты и въ сферѣ администраціи, но не будучи государственнымъ чиновникомъ въ собственномъ смыслѣ, не пользовался авторитетомъ и не обладалъ всѣми компетенціями старосты. Старостѣ принадлежала юрисдикція надъ подстаростою, и послѣдній приравнивается къ старостинскому служебнику [2]). Здѣсь кстати приведу списокъ извѣстныхъ мнѣ подстаростъ, обозначая годы, подъ которыми они мнѣ встрѣтились въ документахъ: Андрей Терликовскій (1543), Франциска Гослицкій (1550—1563), Станиславъ Сулима (1569) Георгій Ковальскій (1571—77), Янъ Оборскій (1580), Бернардъ Кржицкій (1585) [3]), Янъ Вержховскій (1609—1619), Криштофъ Вастржицкій (не раньше 1622), Альбертъ Боруцкій, войтъ чемерисскаго Бара (передъ 1629 г.), Ярошъ Козицкій (1641), Андрей Гарнышъ (1650) [4]). Любопытно, что въ то время какъ единственный барскій судья принадлежитъ къ мѣстной туземной шляхтѣ, среди которой онъ и занимаетъ почетнѣйшее мѣсто, изъ подстаростъ никто не принадлежитъ къ ней, хотя многіе изъ нихъ осѣдались потомъ въ староствѣ (Терликовскій, Гослицкій, Верхов-

---

[1]) А. Б. с. I с. 111, 164; Митко впрочемъ жилъ и, вѣроятно, былъ судьею дольше—ib. с. 176—7 (1555).

[2]) См. А. Б. с. I № 149 (servo tuo seu vicecapitaneo); Ф. Гослицкій, въ 1556 упоминающійся какъ подстароста, въ 1562 г. servitor старосты (I с. 201), а въ 1563—опять подстароста, см. с. 179, 214.

[3]) А. Б. с. I с. 111, 139, 214, 269, 303; К. Метр. варш. № 115 f. 229 (1577)—Georgio Kowalski, vicecapitaneo barensi, № 123 f. 179 v. —Оборскій; раньше онъ былъ подстаростою (или urzędnik) въ Зиньковѣ —К. Ц. А. № 3603 f. 194, (1569) ibid.—Сулима.

[4]) Ibid. II с. 11, 45, 51, 66, 80, 90.

скій). Въ промежутокъ до назначенія новаго старосты, какъ видно изъ одного акта, засѣдалъ въ гродѣ администраторъ староства [1]).

Въ XVI в. старостинскій судъ барскій постоянно называется гродскимъ, castrum Barense (въ Барѣ XVI в. была даже улица Гродская), хотя, какъ указано, и тогда онъ противополагался Каменецкому гроду, какъ нѣчто низшее. Терминъ гродъ преобладаетъ и въ XVII в., не рѣдко прилагается къ нему и въ XVIII (главнымъ образомъ въ актахъ барскихъ), хотя господствуетъ терминъ „замковый судъ", „замковая юрисдикція", встрѣчающійся уже въ грамотѣ кор. Михаила 1670 г. [2]).

Съ самаго начала существованія грода въ немъ, очевидно, велись актовыя книги: на документахъ барскихъ, начиная съ древнѣйшаго, 1543 г., помѣта—ex actis castrensibus Barensibus (extractum). Древнѣйшія выписи имѣютъ, по обыкновенію тогдашнему, форму старостинской грамоты, послѣдующія сохраняютъ форму протокола; выписи съ нач. XVII в. имѣютъ скрѣпы урядниковъ [3]). Эти древнѣйшія книги барскаго грода должны были погибнуть въ бурную 2-ю полов. XVII в., когда погибли и древнѣйшія актовыя книги летичевскія, и въ описи барскаго гродскаго архива, составленной въ 1756 г., древнѣйшія актовыя книги восходили къ 1730 г. (какъ и въ нынѣшнемъ архивѣ Барскаго замка, хранящемся въ Кіевскомъ Центральномъ архивѣ) [4]).

Если судебныя компетенціи барскаго старосты были тѣсно связаны съ административными функціями, то послѣднія въ свою очередь стоятъ въ тѣсной связи съ военною властью старосты и его колонизаціонными полномочіями. Объ административной дѣятельности старосты въ XVI—XVII в. впрочемъ извѣстно чрезвы-

[1]) А. Б. с. II № 29.

[2]) См. напр. А. Б. с. I с. 113, 118, 144, 219, II с. 49, 77, 79 и др.—Барскій гродъ, II с. 143—Барская юрисдикція.

[3]) А. Б. с. I № 64, 66, 78, 110, 114, II № 8, 29, 45.

[4]) К. Ц. А. № 5698 f. 37.

чайно мало. Нельзя сомнѣваться однако, что староста по отношенію къ населенію своего староства (т. е. исключая имѣнія привилегированныхъ шляхтичей) осуществлялъ всѣ административныя функціи гродскаго старосты, приведенныя выше въ описаніи Кромера: охраненіе покоя и безопасности, надзоръ за исполненіемъ правительственныхъ распоряженій; приведеніе въ исполненіе судебныхъ приговоровъ; наблюденіе надъ путями сообщенія, торговлею и пропромышленностью; надзоръ за замковыми сооруженіями; управленіе коронными имуществами. Спеціальныя условія Барскаго староства давали возможность старостинскому контролю еще шире и глубже вникать въ общественную жизнь, чѣмъ это было доступно гродскимъ старостамъ. Если принять во вниманіе, что все населеніе, шляхетское, мѣщанское, отчасти крестьянское, было обязано военною службою, что крестьяне и мѣщане отбывали различныя замковыя работы и панщину, то будетъ понятно, что старостинское вмѣшательство могло проникать въ самыя отдаленныя сферы, даже въ закрытую для урядника жизнь шляхетскаго подданнаго. Сохранившіяся жалобы мѣщанъ отлично иллюстрируютъ способы этого вмѣшательства и контроля и широкіе размѣры ихъ, наперекоръ даже всевозможнымъ иммунитетамъ. Какъ извѣстно, магдебургское право изымало мѣщанъ изъ-подъ власти провинціальной администраціи, подчиняя городскую администрацію непосредственно центральной власти; жалованныя грамоты очень опредѣленно высказывается въ этомъ смыслѣ: горожане изымаются изъ-подъ юрисдикціи и власти воеводъ, каштеляновъ, старостъ и всякого рода чиновниковъ, являться и отвѣчать передъ ними по какому-либо дѣлу не обязаны и за неявку не могутъ подвергаться никакимъ наказаніямъ [1]), но эта обычная формула далеко не соотвѣтствовала дѣйствительности, такъ какъ тѣ же грамоты, обязывая мѣщанъ различными повинностями на замокъ, тѣмъ самимъ отдавали ихъ

[1]) А. Б. с. I с. 94—5, 100—101, 104, II с. 21—22, въ грамотахъ Межирову (I с. 318) и Домбровицѣ (II с. 24) формула измѣнена, но едва ли эти измѣненія сдѣланы умышленно.

подъ контроль старосты. Выше были указаны уже повинности мѣщанъ Барскаго староства: всѣ они были обязаны военною службою, кромѣ того отбывали натуральныя повинности: мѣщане Русскаго Бара — ремонтировали замковыя укрѣпленія, Чемерисскаго Бара, Елтушкова, Межирова, а также, вѣроятно, и остальныхъ (Деражни, Домбровицы)—отбывали полевыя работы на замковомъ фольваркѣ, мѣщане всѣхъ барскихъ общинъ—ремонтировали замковый прудъ. И вотъ оказывается изъ мѣщанскихъ жалобъ, что староста по всякому незначительному поводу призываетъ мѣщанъ къ оружію подвергаетъ неявившихся по его призыву тюремному заключенію и штрафамъ, и подъ предлогомъ походовъ запрещаетъ мѣщанамъ отлучаться изъ города. Староста устраиваетъ смотры мѣщанамъ, чтобы убѣдиться въ исправности ихъ коней и вооруженія, и это должно было давать поводъ также къ административнымъ репрессіямъ; по крайней мѣрѣ староста приноситъ королю жалобу, что мѣщане не имѣютъ достаточнаго количества панцырей и ружей и умышленно распродаютъ своихъ коней, чтобы избавиться отъ участія въ походѣ: совершенно невѣроятно, чтобы староста не принималъ съ своей стороны мѣръ относительно такихъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ злоупотребленій. Мѣщане жалуются, что староста сажаетъ ихъ въ гродскую тюрму, extra jurisdictionem civilem, а староста на это отвѣчаетъ только, что сажаетъ ихъ за проступки, а не безъ разбору. Староста считаетъ себя въ правѣ ревизовать городскіе доходы и расходы; сами барскіе мѣщане признаютъ такую ревизію законною, „подобно тому какъ и другіе сосѣдніе королевскіе города это дѣлаютъ“. Король находилъ такое широкое вмѣшательство старосты въ жизнь города законнымъ, и только старался положить предѣлъ явнымъ злоупотребленіямъ съ его стороны [1]).

Что административныя взысканія старосты простирались и на мѣстную шляхту, это видно изъ упоминавшейся жалобы Радіевскихъ:

---

[2]) А. Б. с. I № 93, 94, 95, 104.

староста арестовалъ одного изъ нихъ и забралъ имущество другихъ штрафуя (castigasse) за неисправность въ отбываніи сторожи; король, правда, не призналъ этого законнымъ и распорядился выпустить арестованнаго и возвратить имущество, не признавъ Радіевскихъ подсудными барскому старостѣ (по недоразумѣнію), но административной власти не коснулся. Выше приведенъ былъ также случай ареста шляхтича по подозрѣнію въ кражѣ. Въ одномъ изъ барскихъ актовъ староста сообщаетъ, что онъ взялъ въ секвестръ имущество тяжущихся, до рѣшенія ихъ тяжбы, которую они изъ Барскаго грода переносили въ Каменецкое земство [1]). Что староста приводилъ въ исполненіе приговоры своего грода, это само собою понятно; поручали ли ему въ предѣлахъ его староства исполненіе своихъ приговоровъ другіе, настоящіе гроды (Каменецкій и Летичевскій) и др. суды, трудно сказать. Въ постановленіи объ отобраніи Гермаковъ приговоръ передается ad capitaneum loci, ubi bona citatorum consistunt; судя по тому, что въ постановленіи этомъ Гермаки причисляются къ повѣту Барскому, можно думать, что разумѣется тутъ староста барскій. Въ другомъ случаѣ исполненіе трибунальскаго приговора поручается летичевскому старостѣ [2]).

Староста былъ начальникомъ всѣхъ военныхъ силъ староства; съ помощью ихъ онъ охранялъ староство и участвовалъ въ общихъ военныхъ дѣйствіяхъ по южной границѣ Польскаго государства. О силахъ староства я уже говорилъ; они слагались изъ старостинскаго отряда служебниковъ, число котораго простиралось при Претвичѣ до 200 человѣкъ (для послѣдующаго времени свѣдѣній я нашелъ); изъ отряда чемерисовъ, которыхъ по переписямъ 1565 и 1570 г. значилось около 50 домовъ въ Чемерисскомъ Барѣ; изъ шляхетскаго ополченія, которое по переписи 1552 г. выставляло 68 коней, а въ началѣ XVII в., судя по цифрамъ инвентаря 1607 г., могло выставить свыше 400 челов.; изъ ополченія мѣщанскаго, контингентъ котораго трудно опредѣлить, такъ какъ

---

1) Ibid. I № 64, 98, 109.

2) Ibid. I c. 226, II c. 47.

участвовали только болѣе достаточные, имѣвшіе лошадей [1]). Прочее населеніе также было до извѣстной степени причастно воинской повинности, такъ какъ обязано было составлять гарнизонъ Барскаго замка въ случаѣ нашествія непріятеля.

Организація обороны староства довольно хорошо извѣстна благодаря особенно люстраціямъ и мемуару Претвича. Прежде всего, постоянно содержалась стража на шляхахъ; Барское староство высылало сторожу на два шляха—Кучманскій, прорѣзывавшій по серединѣ староство, и другой, по имени не названный, проходившій въ 8-ми миляхъ отъ Кучманскаго (былъ ли это Черный шляхъ или шляхъ т. н. Волоскій, по нѣкоторымъ извѣстіямъ проходившій по юго-западной окраинѣ Барскаго староства [2])—не берусь рѣшить). Сторожу отбывали шляхтичи по очереди, всякій разъ наряжалось по четыре человѣка конныхъ на двѣ недѣли на каждый шляхъ. Всѣ украинныя староства выставляли на шляхи свои сторожи, которыя шли въ такомъ порядкѣ: каменецкая, барская, винницкая, браславская, хмельницкая, образуя цѣпь пикетовъ, къ сожалѣнію—очень рѣдкую. Барская шляхта очень тяготилась этою повинностью, составлявшею ея первую и главнѣйшую обязанность; во время люстраціи 1570 г. она жаловалась, что очередь выходитъ слишкомъ частою и продолжительною, вслѣдствіе отдаленности шляховъ сторожу отбывать трудно, опасно, да и дать знать во время невозможно, и просили оставить ихъ при охранѣ одного только шляха, передавъ охрану другого инымъ, или придавъ имъ еще на подмогу. Дѣйствительно, считая по переписи 1552 г. шляхтичей способныхъ къ службѣ около 70-ти, выйдетъ, что каждый долженъ былъ отбыть въ годъ три очереди, т. е. шесть недѣль; что служба была точно тяжелая, это, пожалуй, видно и изъ того, что старика Богдана Козака во вниманіе къ его престарѣлости освободили именно отъ отбыванія сторожи [3]).

---

[1]) А. Б. с. I с. 164, 232, П R. 1607, Архивъ Ю.-З. З. VII, II с. 133, Biblioteka Warsz. 1886, III p. 45.

[2]) См. выше с. 6.

[3]) А. Б. с. I с. 261, Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 267.

Замѣчаніе шляхтичей, что по дальности разстоянія сторожа не могутъ поспѣть во время со своимъ извѣстіемъ о непріятелѣ, совпадаетъ съ приведеннымъ уже заявленіемъ другихъ порубежниковъ, что „сторожа не вельма великая потреба“ [1]), и вѣроятно—справедливо. При томъ сторожа имѣла цѣлью слѣдить собственно за крупными отрядами татаръ, между тѣмъ какъ послѣдніе, по извѣстію Претвича, въ полов. XVI в. прокрадывались мелкими шайками, избѣгая сторожи. Это побуждало къ „козакованню“, по мѣстному выраженію, т. е. системѣ постоянныхъ разъѣздовъ, сторожи на переправахъ, на глухихъ степныхъ тропахъ, вѣчному высматриванью неуловимаго, летучаго врага [2]); это употребленіе слова „козакованя“ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ древнѣйшему значенію слова козакъ—сторожъ. Обязанность эту несли главнымъ образомъ старостинскіе служебники и чемерисы, но могли привлекаться и шляхтичи, обязанные являться, quando mandaverit capitaneus, наконецъ могли участвовать добровольцы-козаки.

Это были мѣры предосторожности. Въ случаѣ же непріятельскаго нападенія шляхтичи со своими подданными и мѣщане должны были являться въ городъ и замокъ — отсиживаться. Надо полагать, это простиралось только на жителей недалекихъ селеній, такъ какъ изъ Поповецъ на Бугѣ или Мукарова В. едва ли можно было рисковать путешествіемъ въ Баръ подъ грозою татарскаго нашествія. Но и изъ ближнихъ селъ жители иногда предпочитали, какъ видно, во время нападенія скрываться въ лѣсахъ и другихъ трущобахъ. Обязывая крестьянъ являться въ Баръ, правительство дѣлало это не столько изъ заботы о ихъ безопасности, сколько изъ желанія обезпечить гарнизономъ Барскій замокъ и городъ. И это тѣмъ болѣе, что лучше снаряженные мѣщане и шляхтичи вмѣстѣ со старостинскими служебниками выряжались во время такихъ вторженій „въ экспедицію“, для отраже-

---

1) См. с. 68.

2) Bibliot. Warsz. l. c. p. 48, 53 sq.

нія или преслѣдованія непріятеля, и для охраны города въ ихъ отсутствіе нуженъ былъ какой-нибудь гарнизонъ.

Рѣшеніе короля 1562 г. по жалобѣ мѣщанъ барскихъ на притѣсненія старосты очень подробно излагаетъ, какъ долженъ происходить призывъ къ оружію мѣщанъ. Староста можетъ производить мобилизацію не иначе, какъ если сторожа или развѣдчики донесутъ о приближеніи врага. По звону колокола всѣ мѣщане являются. Староста можетъ вывести изъ города въ экспедицію половину мѣщанъ, другая остается для охраны города, въ самомъ крайнемъ случаѣ можно вывесть двѣ трети. Выведенные въ поле старостою или подстаростою, мѣщане должны оставаться при немъ недѣлю, пока онъ будетъ производить развѣдки о непріятелѣ; если извѣстіе о приближеніи непріятеля подтвердится, мѣщане должны оставаться при старостѣ все время, какое потребуютъ обстоятельства; равнымъ образомъ, если мѣщане будутъ выведены для преслѣдованія или отраженія уже пришедшаго непріятеля, они должны находиться при старостѣ, сколько бы ни понадобилось (эти экспедиціи съ участіемъ мѣщанъ бывали довольно отдаленныя: мѣщане барскіе жаловались напр., что староста водилъ ихъ за Браславскій замокъ)

Каждый мѣщанинъ обязанъ имѣть лошадей и оружіе, какое ему, сообразно съ достаткомъ, назначитъ староста совмѣстно съ городскимъ урядомъ. Для повѣрки снаряженія устраиваются смотры. Евреи вмѣсто личной службы должны содержать лошадей, которыхъ въ случаѣ похода представляетъ войту, и тотъ передаетъ для службы христіанамъ. Отлучающійся изъ города болѣе чѣмъ на три дня мѣщанинъ долженъ оставить вмѣсто себя годнаго для службы замѣстителя. За неявку на службу мѣщанинъ наказывается сначала тюремнымъ заключеніемъ, а за третьимъ разомъ—денежною пенею [1]).

Эти правила относящіяся спеціально къ Бару, прилагались, вѣроятно, и къ другимъ городскимъ общинамъ Барскаго повѣта съ

[1]) А. Ю. З. I с. 181, 184, 204—5, II R. 1556.

ихъ появленіемъ; но какъ происходила оборона мѣстечекъ, не извѣстно. Что касается шляхты, то воинская повинность лежавшая на нихъ, была вѣроятно, еще шире, чѣмъ мѣщанская, такъ какъ въ жалованныхъ грамотахъ они обязываются военной службою неограниченно—quando mandaverit capitaneus, а для военныхъ дѣйствій контингентъ этотъ былъ сподручнѣе мѣщанскаго.

Что до участія старосты въ общихъ военныхъ предпріятіяхъ, то это естественно вытекало изъ нуждъ обороны: она велась общими силами украинскихъ старостъ гораздо раньше Люблинской уніи; изъ мемуара Претвича видно, какъ дружно тогда шла борьба съ татарами на всемъ пространствѣ Украины, не смотря на традиціонную вражду „литовцевъ“ и „поляковъ“. Въ этомъ отношеніи староста подчинялся гетману [1]. Для устрашенія татаръ старосты барскіе и по собственной инициіативѣ предпринимали экспедиціи въ степь, иногда далекія, въ родѣ походовъ Претвича и Гольскаго на Очаковъ.

Перейдемъ къ колонизаціонной дѣятельности, которую я выдѣлилъ изъ административныхъ компетенцій, такъ какъ широкія, необычныя въ компетенціяхъ старостъ, полномочія барскаго старосты въ этой сферѣ были результатомъ спеціальныхъ правительственныхъ распоряженій.

Кор. Стефанъ въ одной изъ грамотъ (1576 г.) говоритъ, что Сигизмундъ Августъ поручилъ подольскимъ старостамъ раздавать желающимъ пустыни для заселенія, подъ условіемъ нѣкоторыхъ повинностей [2]. Дѣйствительно, въ половинѣ XVI в. раздавали земли всѣ подольскіе старосты—и барскій, и каменецкій, и хмельницкій [3], но практика эта восходила къ болѣе раннему времени. Древнѣйшее извѣстное мнѣ полномочіе относится къ 1442 г.: Теодорику Бучацкому, старостѣ подольскому, разрѣшено было для за-

---

[1]) А. Б. с. I с. 202.

[2]) А. Б. с. I с. 271.

[3]) Напр. см. Архивъ 1. с. с. 149—150, Кн. рев. 1564 f. 206 v. (запись 30 гр. на ур. Бриндзовъ въ Летич. пов. стар. Влодка Островскому 1561 г.).

селенія записывать на имѣніяхъ по своему усмотрѣнію до 50 грив. [1]). Изъ послѣдующихъ каменецкихъ старостъ Стан. Ляскоронскій, записывая 60 грив. на пустынѣ Бахтинѣ, ссылается на спеціальное полномочіе (auctoritate m. regiae, specialiter concessa) [2]). Давалось ли всякому старостѣ отдѣльное спеціальное разрѣшеніе, или нѣкоторые безъ него пользовались этими компетенціями на основаніи практики? первое вѣроятнѣе, хотя нѣкоторые старосты говорятъ о своихъ полномочіяхъ въ такихъ выраженіяхъ, что могутъ подать поводъ къ противоположному заключенію (особенно въ грамотѣ Яна Одровонжа: r. majestatis graciae confidendo et capitenatui nostro) [3]). Подобныя записи старостъ имѣли такую же силу, какъ и королевскія; такъ напр. во время экзекуціи 1564 г. запись Стан. изъ Ходча на Кн. Луку была признана такою же „доброю старою суммою“, какъ и королевская запись на Внучковцы [4]). Ихъ впрочемъ для вѣрности все-таки часто представляли для королевскаго подтвержденія, и короли ихъ безпрекословно подтверждали: „зная навѣрно, говоритъ кор. Александръ въ подтвержденіи упомянутой записи Яна Одровонжа, что подобныя наданья, сдѣланныя генераль-

---

[1]) Инвентарь Кромера 1551 г. (въ Московскомъ Архивѣ Иностран. Дѣлъ) f. 137 v.: 1442. Podoliae totius praefectura obligata Theodorico Buczaczki 3000 marc. a Wladislao, rege Ungariae et Poloniae, propter strenuitatem ejus contra tartaros, et quod suis sumptibus profectus, pacem regi cum caesare tartarorum conciliavit, ejusque nuncium suis itidem sumptibus ad regem in Ungariam deduxit. Dat etiam ei facultatem redimendi alia quaevis bona obligata in Podolia, et ut quinquaginta marcas, cui volet, possit inscribere, quo populosiorem eam oram faciat. Item assignat ei pensionem ducentarum marcarum annuas ad triennium, ut inde commodius onera sustinere et munuscula caesari tartarorum mittere possit. Budae.

[2]) А. Б. с. I № 29.

[3]) А. Б. с. I № 16.

[4]) А. Б. с. II R. 1564 (она, правда, была представлена въ королевскомъ подтвержденіи, но выданномъ уже послѣ статута кор. Александра).

ными подольскими старостами, подтверждались королями, мы подтверждаемъ настоящую грамоту“ [1]).

Непосредственно по возстановленіи Розско-Барскаго староства и его староста получилъ подобное же разрѣшеніе (я уже упоминалъ о немъ): въ 1538 г. Альберту Старжеховскому король разрѣшилъ раздавать для заселенія пустыни, записывая на каждой по 30 грив. и гарантируя державцамъ владѣніе до двухъ и трехъ доживотій, и за себя и своихъ наслѣдниковъ обѣщалъ признавать силу такихъ пожалованій. Сохранившаяся грамота Старжеховскаго показываетъ, что онъ въ полной мѣрѣ пользовался своимъ полномочіемъ: ссылаясь на данное ему разрѣшеніе, онъ жалуетъ Ал. Карачевскому для заселенія пуст. Гричковцы (и раньше впрочемъ ему принадлежавшіе), записываетъ 30 грив. и гарантируетъ три доживотья (по прежней грамотѣ на Гричковцы приходилось 40 грив. безъ гарантіи срока) [2]).

Претвичъ также раздавалъ пустыни для заселенія—извѣстны напр. его наданья Морозовки и Руды Паробочей; но королевскаго дозволенія ему я не встрѣчалъ. Подтверждая въ 1542 г. его наданье Морозовки, король говоритъ, что Претвичъ отдалъ Морозовку Райтку, имѣя порученіе отъ королевы Боны заселять барскія пустыни; но сама Бона только въ 1546 г. получила полномочіе на раздачу земель съ записью суммъ. До 1546 г. извѣстно кромѣ Морозовки еще наданье Шершеневецъ; послѣднее исходило непосредственно отъ Боны, первое посредственно, чрезъ Претвича, но оба они не содержали, повидимому, никакихъ гарантій, ни записи суммъ [3]). Это нужно понимать, вѣроятно, такъ, что Бона, какъ владѣлица Барской волости, могла роздавать земли для заселенія, но будучи лишь пожизненною держательницею, не имѣла права безъ особаго королевскаго разрѣшенія ни записывать суммъ, ни гаран-

[1]) Ibid. I с. 25.

[2]) Ibid. I № 48, 51, ср. № 5.

[3]) Ibid. I № 61, П R. 1542.

тировать сроковъ владѣнія, выходившихъ за предѣлы ея собственнаго держанья.

Выданное Бонѣ въ 1546 г. королевское разрѣшеніе по содержанію аналогично съ разрѣшеніемъ Старжеховскому, только здѣсь не установлено такихъ точныхъ границъ пожалованіямъ: просто разрѣшается записывать денежныя суммы пожизненно или на другіе законные сроки (legitima tempora) [1]. Съ этого времени начинаются непосредственныя раздачи Боны съ записью суммъ и съ гарантіями; въ записяхъ своихъ она не переходитъ за 50 грив. и гарантируетъ постоянно два доживотья. Но переступая предѣлы полномочія, она раздаетъ грамоты и на потомственное владѣніе, притомъ не только по заявленіямъ объ утраченныхъ документахъ и засвидѣтельствованіи дѣйствительнаго дѣдичнаго владѣнія (Галузинцы, Глибовъ, Берлинцы), но и совсѣмъ на ново (Доброшовцы) [2]; впрочемъ дѣдичныя пожалованія ея всѣ относятся къ 1546 г. и позже не встрѣчаются: можетъ быть, неумѣренная щедрость королевы была остановлена? Послѣ 1546 г. Претвичъ могъ раздавать земли съ записью суммъ (пожалованіе Руды Паробочей съ записью 30 грив.) [3], какъ и раньше, на основаніи полномочія отъ Боны (основывавшагося на упомянутомъ королевскомъ разрѣшеніи) и не нуждался въ спеціальномъ королевскомъ разрѣшеніи.

Много земель роздано было шляхтичамъ М. Гербортомъ, но условія большинства этихъ пожалованій не извѣстны; сохранились впрочемъ двѣ его грамоты въ довольно полномъ видѣ; въ одномъ (1561 г.) онъ ссылается просто на права своего уряда (z laski i. k. mczi y urzedu sswego); въ другой на спеціальное королевское полномочіе (ex speciali gratia r. m. authoritateque concessa). Записи его не превышаютъ 40 грив. (есть и 30); въ одномъ случаѣ гарантировано два доживотья, въ другомъ гарантіи нѣтъ вовсе [4].

---

[1]) Ibid. I № 67.

[2]) Пожалованія ея перечислены выше, с. 98.

[3]) Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 266, ср. А. Б. с. I с. 178.

[4]) А. Б. с. I № 103, II R. 1561.

О спеціальномъ полномочіи, данномъ Творовскому, упоминаетъ кор. Стефанъ, но въ выраженіяхъ настолько неопредѣленныхъ, что можно, пожалуй, отнести это полномочіе къ единичному случаѣ— наданью Липковецъ (хотя такое пониманіе менѣе вѣроятно) [1]). Относительно Гольскаго и такого указанія я не встрѣчалъ. Впрочемъ прекращеніе записей суммъ и гарантій продолжительныхъ сроковъ со времени экзекуціи, съ другой стороны—постепенное превращеніе старосты въ пожизненнаго владѣльца Барскаго староства въ извѣстной степени устраняли необходимость такого спеціальнаго полномочія. Тѣмъ не менѣе колонизаціонныя компетенціи старосты конца XVI в. настолько широки, что не уложатся въ права пожизненнаго державца. Мы напр. встрѣчаемъ такой случай: Гольскій основываетъ городъ Черемису, сообщаетъ ей права города Бара, и только чрезъ нѣсколько лѣтъ король выдаетъ на это утвержденіе. Упомяну также объ отводѣ тѣмъ же Гольскимъ ур. Глинянки доминиканамъ барскимъ, утвержденномъ потомъ королемъ [2]).

Наданья барскихъ старостъ, основывавшіяся на королевскомъ разрѣшеніи, подобно упомянутымъ выше каменецкимъ наданьямъ, должны были сами по себѣ имѣть силу. Подтвержденіе грамоты Старжеховскаго самымъ, кажется, содержаніемъ указываетъ на это [3]), это именно какъ бы не утвержденіе, а подтвержденіе. Обыкновенно грамоты старостъ, и аналогичныя съ ними пожалованія Боны, представлялись къ подтвержденію, однако иногда спустя нѣсколько лѣтъ, опять таки—для вѣрности, особенно въ виду смѣны государей; такъ грамоты Боны выданныя въ 1546 г., были представлены для подтвержденія въ 1553, 1555, даже въ 1563 г., грамота Претвича на Руду Паробочу—въ 1555 г. [4]). Правда въ нѣкоторыхъ подтвержденіяхъ говорится, что Гербортъ ходатайствовалъ о подтвержденіи

---

[1]) А. Б. с. II R. 1578.

[2]) А. Б. с. I с. 348—9, II № 7.

[3]) Decernentes, ut inde (т. е. изъ старостинской грамоты?) sequitur, nobis firmam et perpetuam habituram (вм. habituros).

[4]) А. Б. с. I № 69, 70, 71, 92, II R. 1546.

его наданья, acsi specialis consensus noster ad eam (donationem) accessisset [1]), но грамота его на Семяковцы была представлена въ качествѣ доказательства права владѣнія во время ревизіи правъ 1564 г., и даже болѣе: эта грамота Герборта дана была Карачовскому какъ бы въ отмѣну королевскаго пожалованія Семяковецъ Лосковскимъ; Корачевскій, основываясь на ней, силою „выбилъ" Лосковскихъ изъ Семяковецъ, и въ послѣдовавшей затѣмъ тяжбѣ король утвердилъ Семяковцы за Карачевскимъ, какъ за possessor litteratorius, а предшествовавшее королевское наданье было признано недѣйствительнымъ, такъ какъ Лосковскіе не заселили пустыни и не отбывали съ нея замковыхъ повинностей [2]).

Сверхъ самостоятельной раздачи помѣстій шляхтѣ, къ колонизаціоннымъ функціямъ старосты долженъ быть отнесенъ и отводъ земель по порученію короля для получившихъ отъ него пожалованія шляхтичей и городскихъ общинъ [3]) и заложеніе селъ на королевскихъ грунтахъ. Впрочемъ послѣднимъ старосты занимались не особенно ревностно, и число основанныхъ ими за XVI в. селъ очень не велико (Ботвина, м. б. Межировъ).

Первое время по возстановленіи, Барское староство находилось въ нѣсколько исключительныхъ условіяхъ, въ виду того, что всѣ королевщины въ немъ, въ томъ числѣ и самый Баръ со своимъ замкомъ, находились въ пожизненномъ владѣніи Боны. Староста былъ королевскимъ чиновникомъ: король называетъ его capitaneus noster, отъ него староста получаетъ полномочія, вѣроятно—имъ же, или съ его соизволенія, оффиціально онъ и назначался [4]); въ силу именно та-

---

[1]) Ibid. I № 105, 106.

[2]) Ibid. I № 108.

[3]) Ibid. I с. 133, 212, 271, 318, ср. с. 23.

[4]) Разумѣю полномочіе, выданное Старжеховскому, см. также листъ о посылкѣ его для постройки Барскаго замка—А. Б. с. I № 48, 54; говоря о своемъ намѣреніи вымѣнять у Боны Баръ на Теребовль, Сигизмундъ Августъ выражается такъ: a yszbyszmi na Bar daly Herburta podkomorzego, a na Trębowlią Pretfficza (Listy Żygmunta Augusta p. 25).

кого государственнаго характера своего уряда, онъ имѣлъ власть и юрисдикцію и надъ мѣстною шляхтою, не подчиненною Бонѣ. Но въ тоже время онъ состоитъ комендантомъ замка, принадлежащаго и содержимаго Боною, самъ получаетъ отъ нея содержаніе, исполняетъ ея порученія и называетъ себя ея старостою (ia będącz starosta od jey k. moszczi); фактически онъ, несомнѣнно, всецѣло отъ нея зависѣлъ и ей былъ обязанъ урядомъ [1]).

Первоначально хозяйственное управленіе вовсе до него не касалось. Содержаніе староста получалъ изъ средствъ Боны, повидимому—денежное (opatrzenie wroczne—1542 г.) [2]); отъ нея же получалъ провіантъ для опредѣленнаго старостинскаго отряда (Бона въ 1542 г. опредѣляетъ размѣръ его въ 30 чел., а излишнихъ предлагаетъ старостѣ содержать на счетъ своего opatrzenia); изъ средствъ Боны получали жалованіе чемерисы, пушкари замковые и т. п., на ея счетъ пріобрѣтались артиллерійскіе запасы, вооруженіе и т. д. Для управленія барскими имѣніями Бона имѣла своего спеціальнаго агента, первоначально называвшагося начальникомъ Барскаго замка (въ 1542 г. извѣстенъ Багенскій), а позже писаремъ барскимъ (былъ имъ Станиславъ Броневскій) и независѣвшаго отъ старосты. Эти агенты были не арендаторами имѣній, какъ державцы королевщинъ, а прикащиками Боны, исполнявшими лишь ея распоряженія. Бона, какъ видно изъ писемъ ея 1542 г., сама распоряжалась употребленіемъ хлѣбныхъ запасовъ, продажею рыбы, наймомъ рабочихъ и т. п. [3]).

Если староста дѣйствительно получалъ первоначально денежное содержаніе, то очевидно, немного позже произошла перемѣна.

---

[1]) А. Б. с. I с. 112. Въ своемъ мемуарѣ Претвичъ выражается такъ: na którym (Барѣ) mnie mało ważnym sługą swym, a przednio w. k. m. i wszéj korony z łaski swéj miłościwéy postawić raczyła (Бона), и ниже: ja, jakom ten zamek Bar objął ad jéj król. mil. méj pani (Bibl. Warsz. l. c. p. 49—50).

[2]) Письмо Боны у Pułaskiego—Szkice p. 146.

[3]) Письмо Боны op. c. с. 146—149.

Свѣдѣнія относятся къ 1552—3 г., но при этомъ дѣлается ссылка на уставы (juxta ordinationem) Боны, такъ что порядки эти, несомнѣнно, восходятъ къ ея времени. На содержаніе старосты (pro victu et commodo) выдѣлена была часть королевщинъ Барскаго староства (около половины), доходъ съ которой исчислялся въ 1552 г. въ 2120 злот.; она находилась въ непосредственномъ завѣдываніи старосты. Остальныя имѣнія (доходъ съ нихъ исчислялся въ 2504 злот.) находились въ завѣдываніи писаря королевскаго Станислава Броневскаго, въ вѣдѣніи котораго находились и замковыя сооруженія [1]). Въ 1553 г. король поручалъ управленіе ими Мартину Броневскоъу [2]); онъ долженъ былъ, подобно своему предмѣстнику, завѣдывать замкомъ и его доходами и отдавать ежегодно отчетъ королевскому скарбу въ распоряженіи коронными доходами. Староста не долженъ былъ вмѣшиватся въ имѣнія, порученныя писарю, и наоборотъ. Но разграничить компетенціи этихъ двухъ лицъ было довольно затруднительно, особенно въ виду того, что писарь завѣдывалъ замковыми сооруженіями, а староста былъ начальникомъ военныхъ силъ; изъ жалобы барскихъ жителей узнаемъ, что староста М. Гербортъ имѣлъ какія-то несогласія со Стан. Броневскимъ, подстароста однажды отдалъ приказъ жителямъ собраться и запереть ворота quasi ad publicam violentiam reprimendam, очевидно—для какихъ-то репрессій по адресу Броневскаго [3]).

Такой порядокъ продолжался до 60-хъ гг., когда имѣнія, бывшія раньше въ завѣдываніи писаря, т. н. имѣнія королевскаго

---

[1]) Содержаніе замковыхъ служебниковъ въ это время, какъ видно, распредѣлялось какъ-то между старостою и писаремъ: отъ 1556 г. имѣются двѣ тяжбы, одну ведетъ пушкарь барскій Каспаръ съ М. Гербортомъ о невыдачѣ за два года слѣдуемыхъ припасовъ (victum crudum), другую пушкарь Михаилъ съ Стан. Броневскимъ объ удержаніи за 3 г. слѣдующихъ ему 55 злот.—Варш. Гл. Арх., Assessoria № 12 f. 328 v., 333 v.

[2]) Вступилъ ли Мартинъ Б. въ должность, не знаю: въ 1556 г. опять въ качествѣ писаря выступаетъ Станиславъ Броневскій.

[3]) Въ ревизіи 1552 г.—А. Б. с. I № 82, особенно с. 155—6, также с. 179 и II R. 1553.

стола, переданы были старостѣ подъ условіемъ уплаты въ королевскій скарбъ ежегодно 1000 злот. Доходъ съ нихъ по люстраціи 1565 г. исчислялся въ 2644 злот., а общій доходъ староства въ 5794 злот. Потомъ эти 1000 злот. по распоряженію короля староста имѣлъ обращать на постройку новаго замка въ Барѣ [1]). Такой способъ соединенія въ рукахъ старосты имѣній собственно старостинскихъ съ имѣніями королевскаго стола продолжался во все послѣдующее время. Съ люстраціи 1570 г. села королевскаго стола уже не отдѣляются отъ старостинскихъ [2]), и староста съ ролью чиновника соединялъ роль державца-арендатора, что несомнѣнно повліяло на ослабленіе государственнаго характера его уряда и приближало къ положеніе старость-державцевъ. Что касается королевскаго дохода со староства, то съ введеніемъ кварты старосты, ссылаясь на татарскія разоренія, находили для себя обременительнымъ выплачивать и кварту и опредѣленную кор. Сигизмундомъ Августомъ сумму (т. е. вѣроятно 1000 злот.), и кор. Стефанъ освобождалъ старосту отъ платежа послѣдней, а въ пожалованіи староства Гольскому въ обязанность ему поставленъ лишь платежъ кварты. Тѣмъ не менѣе платежъ 1000 злот. удержался, и позже, въ 1615 г., видимъ его снова въ видѣ расхода старосты на „прибудованье“ замка; доходъ старосты по люстр. 1615 г. исчисленъ въ 8595 злот., кварта въ 1219 злот. [3]). Въ промежутки до назначенія новаго старосты всѣми доходами завѣдывали королевскіе администраторы, и чистый доходъ поступалъ въ королевскій скарбъ; въ

---

[1]) Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 215—216, 232, 261; въ Summarius proventuum 1564 даны впрочемъ цифры дохода болѣе низкія—А. Б. с. II R. 1564.

[2]) См. I № 123; упоминаемые послѣ 60-хъ гг. администраторы были, очевидно, временные управители староства, завѣдывавшіе имъ до назначенія новаго старосты—см. напр. I с. 250 (это былъ, вѣроятно, админ. Бржескій, упоминаемый на с. 235), II с. 50, R. 1624 (Мадалинскій).

[3]) А. Б. с. I № 133, 154 (ср. также № 153), II R. 1581, Zródła V p. 25.

1624 г. король подарилъ стар. Конецпольскому сумму, собранную до его назначенія администраторомъ [1]).

И такъ первоначально, въ 40 и 50-хъ гг. XVI в., староста всецѣло имѣетъ характеръ чиновника. Онъ назначается до благоусмотрѣнія королевскаго (ad beneplacitum); содержаніе выдается ему въ возмѣщеніе личныхъ трудовъ и для содержанія, вѣроятно, ближайшей его свиты; военные контингенты, какъ сказано, содержатся изъ доходовъ королевы, равно какъ сооруженія замка; староста отправляетъ функціи военныя и судебно-административныя; хозяйственная дѣятельность всецѣло лежитъ въ вѣдѣніи и управленіи королевы и ея агентовъ. Но уже назначеніе для содержанія старосты королевщинъ вмѣсто денежнаго содержанія внесло въ его дѣятельность хозяйственные интересы, несовсѣмъ согласные съ государственнымъ характеромъ его должности. Это хозяйство староста склоненъ былъ разсматривать вполнѣ, какъ свое личное, и выше было упомянуто, что Претвичъ, оставляя староство, побралъ скотъ и хлѣбъ изъ старостинскихъ фольварковъ [2]). Съ переходомъ въ завѣдываніе старосты всѣхъ вообще королевщинъ, на него легли и расходы по содержанію урядниковъ и слугъ, чемерисскаго ополченія, постройкѣ и ремонту замка и т. п., такъ что староство нѣкоторымъ образомъ превратилось какъ бы въ одно обширное хозяйство старосты [3]). Подъ вліяніемъ этого хозяйственные интересы играютъ все большую роль въ дѣятельности старосты; съ этой точки разсматривается преимущественно и самая должность. Прежде жалуемая безсрочно („до воли“), она становится, подобно арендамъ и державамъ, пожизненною; впервые пожизненное пожалованіе на

[1]) А. Б. с. II R. 1624.

[2]) А. Б. с. I с. 160, 161, 163.

[3]) А. Б. с. I с. 202 (содержаніе отряда изъ 20 жолнеровъ), с. 312 жалованіе чемерисамъ); Варш. Гл. Арх., Assessoria № 41 f. 127 v. (1588): дѣло плебана барскаго Водзицскаго съ стар. Творовскимъ о невыдачѣ слѣдуемыхъ припасовъ—рыбы, зерна и т. п.). Отъ старосты получали содержаніе подстароста и урядники, слуги, стража, шпіоны— Źródła V p. 25.

него дано было, насколько извѣстно, Ник. Творовскому, который получилъ сначала староство ad beneplacitum короля, а годъ спустя (1571 г.)—ad ultimum vitae terminum, при чемъ король гарантируетъ его отъ отобранія староства, какъ любой королевщины; староста здѣсь называется владѣльцемъ (possessor) староства [1]). Послѣдующіе старосты также получаютъ староство пожизненно.

Отсюда уже не далеко было до возможности уступать, мѣнять и продавать староство, какъ всякую другую королевщину. Дѣйствительно, Творовскій испросилъ себѣ потомъ разрѣшеніе на обмѣнъ Бара на Тлумачъ и уступку своего пожизненнаго права (de jure advitalitio condescendere), а потомъ продалъ (какъ можно догадываться) староство Гольскому [2]). Хорошо иллюстировать этотъ взглядъ на старостинское держанье можетъ маленькая подробность изъ держанья Творовскаго: король жалуетъ для поселенія шляхтичу (Бухновскому) участокъ въ грунтахъ барскихъ и оговаривается, что староста (какъ пожизненный владѣлецъ барскихъ грунтовъ) согласенъ на это пожалованіе, которое не должно нанесть ущерба его доживотнымъ правамъ [3]). Дальнѣйшее развитіе этого воззрѣнія на староство, какъ на обыкновенную доходную статью, какъ на державу, можно замѣтить въ жалованной грамотѣ на Барское староство Конецпольскому (1623), гдѣ въ числѣ принадлежностей староства и доходовъ его перечисляются „вассалы, называемые боярами, и ихъ повинности и службы, которыя обязаны они отбывать старостѣ барскому, и тѣ повинности, которыя обязательны для владѣющихъ на ленномъ или иномъ правѣ землями, принадлежащими къ староству“ [4]). Такимъ образомъ лежавшія на шляхтѣ повинности, чисто государственнаго характера

---

[1]) А. Б. с. I № 123; любопытно сопоставить съ пожалованіемъ Я. Герборту 1552 г., № 81.

[2]) См. выше с. 107—108.

[3]) А. Б. с. I № 142.

[4]) А. Б. с. II с. 56; ср. также жалованную грамоту Потоцкому 1665 г.—с. 133.

приравниваются къ доходнымъ статьямъ державы, къ доходамъ съ повинностей крестьянскихъ, давно уже утратившихъ государственный характеръ. Такимъ образомъ превращеніе барскаго шляхетскаго населенія въ оброчныхъ подданныхъ старостъ-дѣдичей было подготовлено еще до обращенія Барскаго староства въ дѣдицтво, и это объясняетъ намъ, какимъ образомъ шляхетскія околицы попали въ составъ дѣдицтва.

Паралельно ослабленію государственнаго характера барскаго старостинскаго уряда измѣнялся самый титулъ староства. Въ пол. XVI в. оно помимо обычнаго термина „староства" (capitaneatus), сохранявшагося всегда за нимъ, называется повѣтомъ (districtus), наравнѣ съ Каменецкимъ и Летичевскимъ; этотъ терминъ преобладаетъ до к. XVI в., но наряду съ нимъ появляются, хотя рѣже, другіе— волость, держава, трактъ [1]). Съ началомъ XVII в. Барскій „повѣтъ" встрѣчается уже рѣдко [2]), а затѣмъ и вовсе исчезаетъ; рѣшительно преобладаетъ Барское „староство" и по отношенію къ другимъ повѣтамъ оно занимаетъ уже подчиненное положеніе, встрѣчаются все чаще выраженія—„въ повѣтѣ Летичевскомъ, а въ староствѣ Барскомъ" [3]), такъ какъ послѣ сформированія Летичевскаго повѣта, Барское староство цѣликомъ почти вошло въ него, какъ составная часть (пока территорія этого повѣта не опредѣлилась точно размеживаніемъ 1612 г., Барское староство причислялось то къ Летичевскому, то къ Каменецкому повѣту) [4]).

Въ сферѣ хозяйственнаго управленія дѣятельность старосты направлялась главнымъ образомъ на увеличеніе старостинскихъ доходовъ; имѣется при этомъ въ виду, конечно, прежде всего личный интересъ, и по мѣрѣ усиленія частноправнаго элемента въ старостинскомъ управленіи, эта сторона дѣятельности получала все

---

[1]) Напр. А. Б. с. I с. 87, 122, 142, 215, 275, 320 и др. (повѣтъ) 313 (трактъ), 308, 333 (волость).

[2]) Кор. Метр. варшав. № 148 f. 108 (1603), 168 f. 101 (1622).

[3]) А. Б. с. II № 18, 19, М. Кор. № 148 f. 292 v. (1604), 171 f. 142 v. (1624), 183 f. 163 (1638).

[4]) Напр. А. Б. с. II № 2, см. особенно с. 81.

больше значенія. Увеличеніе достигалось основаніемъ новыхъ селеній, привлеченіемъ жителей, умноженіемъ доходныхъ статей (въ особенности устройствомъ прудовъ), а также менѣе благовидными средствами, въ родѣ увеличенія повинностей и налоговъ населенія, захвата земель городскихъ или шляхетскихъ и т. п. Явленіе это настолько общеизвѣстно, что едва ли нужно о немъ распространяться; наиболѣе рѣзкіе примѣры находимъ въ жалобахъ мѣщанъ, что староста изъ корыстныхъ расчетовъ безъ нужды призываетъ ихъ въ походъ и неявившихся подвергаетъ денежнымъ штрафамъ, забираетъ скотъ, или сажаетъ въ тюрьму, откуда выпускаетъ только послѣ уплаты нѣкоторой суммы, иногда довольно значительной (по гривнѣ) и т. п. Тѣ же мѣщане жаловались, что староста съ подстаростою поотбирали у нихъ нивы, луга и пасѣки, что староста забираетъ у мясниковъ мясо на замокъ, назначаетъ произвольныя таксы, ввелъ налогъ на рыбу и т. п. [1]). Центральное правительство въ надзорѣ за хозяйственною дѣятельностью старосты также руководилось принципомъ—„аби прибувало, а не убувало", и слѣдило, чтобы доходы староства не уменьшались. Ревизоры напр. обязываютъ старосту заставить пруды, брошенные его предшественникомъ, осадить на мѣсто убѣжавшихъ или умершихъ новыхъ крестьянъ, чтобы довесть населеніе того или другого королевскаго села до прежняго числа; отмѣняютъ рѣшеніе старосты, отдавшаго спорные пруды шляхтичу, на томъ основаніи, что „староста не имѣлъ права уменьшать и упускать владѣнія въ грунтѣ короля е. м., а только охранять границы" и т. п. [2]). Съ этой точкой зрѣнія, противясь явнымъ злоупотребленіямъ старосты, правительство въ концѣ концовъ благопріятствовало тенденціи старостъ къ возвышенію повинностей и налоговъ и охотно ссылалось на практику, старостинскіе реестры, аналогичные случаи и т. п., гдѣ они давали высшія нормы

---

[1]) А. Б. с. I № 93, 94, 95, 104.

[2]) А. Б. с. I с. 229, 237, 246, 249; выраженіе „аби не убувало" см. напр. А. Б. с. I с. 232, 250.

повинностей сравнительно съ жалованными грамотами и т. п. [1]). Но оно должно было удерживать старосту отъ черезмѣрнаго отягощенія населенія, такъ какъ это въ концѣ концовъ разстраивало имѣніе: „хотя подати и налоги, замѣчаетъ ревизоръ 1552 г., должны платиться жителями всѣхъ селъ согласно настоящему расписанію, но необходимо очень принимать во вниманіе скудость и бѣдность нѣкоторыхъ, и во взысканіяхъ налоговъ оказывать нѣкоторымъ снисхожденіе, чтобы вслѣдствіе суровыхъ принужденій къ полной уплатѣ они не обратились въ бѣгство и не привели тѣмъ въ запустѣніе королевскихъ имѣній [2]).

Въ заключеніе скажу еще нѣсколько словъ о доходахъ старосты, считая здѣсь имѣнія кор. стола и старостинскія: а) доходы съ замковаго хозяйства: фольварковъ, мельницъ и прудовъ, пасѣкъ, корчемъ, броваровъ и т. п. По инвентарю 1552 г. значится 7 фольварковъ (считая мукаровское и биликовское хозяйства), 14 прудовъ, 10 мельницъ, пасѣка; на фольваркахъ хлѣба сначится: пшеницы 1554 копы, ржи 954, овса 1224, ячменя 380 и по немногу прочаго. По люстраціи 1565 г.: 6 фольварковъ, 25 прудовъ, ежегодный доходъ съ которыхъ исчисляется въ 710 злот. (пруды спускались чрезъ два года на третій), 15 мельницъ, съ доходомъ въ 520 злот.; съ фольварковъ, благодаря предшествующимъ татарскимъ опустошеніямъ, уменьшившимъ число тяглыхъ, и неурожаю (получили въ 2—3 раза меньше обычнаго), получено было: ржи 645, пшеницы 650, овса 1016, ячменя 470 копъ; стоймость этого хлѣба исчисляли въ 771 злот. По люстраціи 1570 г. съ фольварковъ получено было ржи копъ 465, пшеницы 585, ячменя 440, овса 926, всего на сумму 858 злот. [3]); съ 22 прудовъ ежегодный доходъ 581

---

[1]) Напр. А. Б. с. I с. 192, 232.

[2]) А. Б. с. I с. 163.

[3]) Здѣсь даны цѣны хлѣба: третинникъ ржи по 20 грош., пшеницы—26, ячменя—16, овса—10, гороху—1 злот., проса—1 злот.; на третинникъ считали $1\frac{1}{2}$ копы жита, ячменя и овса, 2 копы пшеницы, 3 копы проса. Доходъ отъ молочныхъ продуктовъ считали въ 2 злот. отъ коровы (А. Б. с. I с. 251).

злот.; съ 14 мельницъ, вмѣстѣ съ корчмами и броварами, 630 злот. Т. обр. панщина занимала скромное мѣсто въ ряду доходовъ.

b) Дани королевскихъ кметей, доходъ въ суммѣ наиболѣе крупный: по люстраціи 1565 г.—3220 злот. (изъ 5794 общаго дохода староства), по люстраціи 1570 г.—2984 злот. (изъ 6048 злот. общаго дохода).

c) Доходы съ мѣщанъ (чиншъ и нѣкоторыя дани натурою—медъ, волы, хлѣбъ) — по люстраціи 1565 г. 410 злот., въ 1570 г. —422.

d) Пушкаровщина („на потребу замковую") и подымное съ подданныхъ шляхетскихъ, по 4 гроша; доходъ небольшой (въ 1565 г. его исчисляли всего въ 14 злот., такъ какъ во многихъ селахъ „folgują dla oszadzenia).

e) Мыто съ купцовъ пріѣзжихъ: съ соли, отправляемой изъ Коломыи въ Кіевъ, и съ купцовъ, ѣдущихъ изъ Волощины do Bialli Russi (въ Московское государство); доходъ тоже небольшой, его считали въ 90 злот. (1552 и 1565 г.).

f) Т. н. припадлые пожитки: свадебныя куницы (съ дѣвушекъ, выходящихъ замужъ за шляхетскаго подданнаго statecznie), поемщина—съ женящихся „обычаемъ пограничнымъ своевольнымъ", т. е. вѣроятно—безъ церковнаго вѣнчанія, „розводы"—плата съ разводящихся. Поемщины и разводного брали въ 1565 г. по 3 гривны. Въ сохранившейся грамотѣ 1552 г. король сообщаетъ, что отъ всѣхъ вступающихъ въ бракъ въ Барѣ взымалось поемщины $2^1/_2$ злот., и понижаетъ ее до 25 грош. въ виду того, что высота взноса многихъ удерживала отъ вступленія въ бракъ, и одновременно повышаетъ разводное до 5 злот. или 3 грив.; если это не недоразумѣніе (напр.—не смѣшана поемщина со свадебною куницею), то рядомъ со взносомъ съ „своевольныхъ" браковъ нужно предположить особый взносъ со всякого брака, по крайней мѣрѣ—мѣщанскаго. Также—g) Судебные доходы (въ томъ числѣ часть пеньмѣщанскихъ), головщины, штрафы за непослушаніе и т. п. Ревизія 1552 г. опредѣляетъ доходъ съ свадебныхъ пошлинъ, головщинъ и штрафовъ въ 90 злот, двѣ трети шло старостѣ, одна—королю; въ 1570

г. ихъ дѣлили пополамъ, и эти доходы были отданы въ аренду за 60 злот. [1]).

Наконецъ—h) доходъ должны были доставлять также экспедиціи на татаръ, такъ какъ за отбитую у нихъ добычу, взымали извѣстную премію даже съ бывшихъ хозяевъ ея [2]).

Низшее управленіе, мѣстное—сравнительно съ центральнымъ—старостинскимъ, носило характеръ сословный—въ селахъ ватаманское, въ городахъ—мѣйское, мѣщанское.

Какъ извѣстно, свѣдѣнія о ватаманахъ восходятъ къ XIV в., когда подольскими общинами „завѣдали" ватаманы; происхожденіе этого слова не установлено еще прочно; наиболѣе распространенное толкованіе—отъ татарского одаманъ, старшій пастухъ, хотя слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ XV—XVI в. въ западной Украины держалась форма „ватаманъ". Изъ разсказа р.-литовской лѣтописи видно, что тогдашніе ватаманы были представителями общинъ, вѣроятно выборными, которые служили посредниками между послѣдними и агентами правительства (татарскаго); изъ того же разсказа явствуетъ, что существованіе ватамановъ не прекратилось съ водвореніемъ на Подольѣ литовскихъ князей [3]). Дѣйствительно, документальныя данныя показываютъ, что въ XV в. ватаманы были широко распространены по всей южной Украинѣ: находимъ ихъ и въ общинахъ галицкихъ, и на Подольѣ, и въ южной Кіевщинѣ [4]). О ватаманахъ

---

[1]) А. Б. с. I с. 156, 163, 165—6, 248; Архивъ I. с. с. 261.

[2]) См. А. Б. с. I № 31 и выше с. 67.

[3]) Лѣтопись изд. Даниловичемъ с. 50, изд. Поповымъ с. 44.

[4]) См. люстрацію Кіевщины XV в. въ Архивѣ Ю.-З. Р. VII, II с. 1 сл. Изъ червонорусскихъ земель ватаманы распространены были наиболѣе въ Галицкой, сосѣдней съ Подольемъ—см. A. G. Z. t. XII; на Подольѣ ватамановъ встрѣчаемъ заурядъ въ Resignatio castrorum 1494 г., напр. с. Пятничаны (пов. Скальскій)—kmethones in villa hy sunt: item vatamen alias Fyedor in area etc., Лояновцы—in ea hy kmethones in areis possessionatis: item Vasziel vataman etc., Била (Смотричскій пов.)—habet in se quatuor areas possessionatas, est ibi vataman et sluga, и т. п. Въ привилеѣ Подольской з. 1456 г. (Jus polonicum p. 293) требуется о

подольскихъ болѣе подробныя свѣдѣнія имѣются впрочемъ только для XVI в., особенно 2-ой половины, въ земскихъ актахъ Каменецкихъ. Изъ нихъ видно, что и въ это время ватаманъ былъ представителемъ сельской общины передъ зверхностью, передъ паномъ, передъ всякими судебно-административными учрежденіями. Ватаману вручались судебные позвы къ крестьянамъ его общины и къ самому владѣльцу, на немъ лежала обязанность отыскать и представить обвиняемаго, а въ случаѣ неимѣнія его въ селѣ, присягою засвидѣтельствовать это передъ судомъ [1]). Далѣе ему принадлежала юрисдикція надъ крестьянами, вѣроятно—по дѣламъ всякаго рода; имѣется случай, гдѣ онъ рѣшаетъ дѣло о покражѣ воловъ. Передъ ватаманомъ же (какъ видно изъ документа пол. XVII в.), въ присутствіи свидѣтелей, совершались крестьянами разныя сдѣлки. Наконецъ ватаманъ имѣлъ функціи фискальныя: по словамъ люстраціи, онъ завѣдывалъ сборомъ „припадлыхъ пожитковъ" въ селѣ, какъ войтъ въ городѣ, но онъ же, вѣроятно, завѣдывалъ и сборомъ регулярныхъ даней и чиншей. Такимъ образомъ въ его рукахъ сосредоточивался весь кругъ судебно-административныхъ обязанностей. Въ XVI в. его приравнивали къ солтысу. Съ нач. XVIII в. ватаманы смѣняются сельскими войтами [2]).

крестьянахъ свидѣтельство villicus, alias cywan, seu watman cum omnibus kmetonibus possessionatis; но тутъ, вѣроятно, была примѣнена галицкая терминологія.

[1]) А. Б. с. I № 31, 138, 144, 150, R. 1578. Въ этомъ отношеніи замѣчается полное сходство съ данными о ватаманахъ земли Галицкой XV в.: здѣсь ватаманъ также является представителемъ сельской общины по отношенію къ суду и администраціи, къ нему обращаются иски, касающіеся крестьянъ, онъ сообщаетъ нужныя суду свѣдѣнія относительно своей общины и т. п. (Напр. A. G. Z. XII № 15, 717, 1068, 1786, 2174, 3175, 3778, 4219). И въ этомъ, какъ во многомъ другомъ, на Подольѣ можно наблюдать спустя полтора—два столѣтія то, что существовало раньше и успѣло уже ослабѣть въ Галицкой Руси. О ватаманахъ см. еще у А. Яблоновскаго, Podole u schyłku w. XV—Ateneum, 1880 p. 100.

[2]) А. Б. с. I № 144, 151, II № 50, Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 261.

Но рядомъ съ ватаманомъ стояла самоуправляющаяся громада, выступавшая какъ юридическое лицо въ разнаго рода актахъ; изъ XVII и XVIII в. имѣются документы, выясняющія ея роль: таковъ напр. сохранившійся приговоръ громады, постановляющей продать сѣножать на поправку мѣстной церкви; таковы случаи, гдѣ громада постановляетъ обязательныя для своихъ сочленовъ распоряженія (постановленіе громады с. Рова, чтобы никто изъ сельчанъ не ѣздилъ къ бѣжавшему изъ села обвиненному въ воровствѣ односельчанину); выступаетъ передъ замковымъ урядомъ въ качествѣ обвинителя („инстигація“ громады с. Головчинецъ о разныхъ „шкодахъ“); беретъ на поруки односельчанъ, обвиненныхъ предъ мѣстнымъ замковымъ урядомъ; въ свою очередь и къ ней, какъ юридическому лицу, предъявляются иски (искъ къ громадѣ с. Луки о потравѣ); она распоряжается отводомъ свободныхъ грунтовъ и выдаетъ на нихъ своимъ сочленамъ приговоры; рѣшаетъ имущественные споры своихъ сочленовъ, и эта компетенція признается за нею замковымъ урядомъ, который передаетъ на ея рѣшеніе подобные иски, и т. п. [1]). Все это съ полнымъ правомъ можно и должно перенести и на болѣе раннее время. Для XVI в. есть указаніе, что громадѣ принадлежала раскладка повинностей [2]). Такимъ образомъ компетенціи ватамана и громады въ значительной степени совпадаютъ, и ватаманъ въ дѣйствительности былъ предсѣдателемъ громадскаго сбора и исполнителемъ его рѣшеній; чрезвычайная скудость данныхъ лишаетъ возможности точнѣе опредѣлить роль и взаимныя отношенія громады и ватамана. Была ли при ватаманѣ еще какая-либо коллегія, въ родѣ нѣмецкихъ лавниковъ? Въ упомянутомъ приговорѣ (1659 г.) съ ватаманомъ выступаетъ бурмистръ, повидимому—сельскій, а не барскій; въ другомъ актѣ рядомъ съ ватаманомъ, во главѣ „общих особ“ выступаетъ „бывшій атаманъ“ [3]). Былъ

---

[1]) А. Б. с. II № 49, 76, 100, 101, 103, 106, 111, Чтенія Общ. Нестора VII с. 93—4, Архивъ III, III № 46.

[2]) Архивъ VII, II с. 224 (raczke miodu wszitka grommada sklada).

[3]) А. Б. с. II № 49, 50.

ли ватаманъ въ XVI в. выборный или назначался уже зверхностью, неизвѣстно. Замѣстившіе ихъ въ XVIII в. войты не были выборные, какъ можно судить изъ одной жалобы. Послѣдняя любопытна въ томъ отношеніи, что обрисовываетъ роль войта: „войтъ изъ Слободки никогда никакого порядку громадѣ не учинитъ, пока ему кто-нибудь не купитъ кварты водки, беретъ много „выкладовъ“ и разоряетъ людей, а кто выклада не даетъ—бьетъ, калѣчитъ и такъ людьми распоряжается, какъ своими подданными; громада отъ него не имѣетъ никакого порядка, а посторонніе смѣются съ его поведенія; только обпилъ (roopijał) громаду“ [1]). Здѣсь мы видимъ картину полнаго упадка общинной самодѣятельности, но сопоставляя съ нею приведенныя выше данныя о функціяхъ громады того времени, такое явленіе слѣдуетъ признать болѣе или менѣе исключительнымъ.

Кромѣ ватамана выступаетъ въ селахъ XVI в. „урядникъ, а какъ они зовутъ—десятникъ, что при людяхъ бываетъ“ [2]). Встрѣчается онъ въ люстраціяхъ довольно рѣдко, далеко не во всѣхъ селахъ, и трудно рѣшить, былъ ли то повсемѣстный „урядъ“; можно замѣтить, что встрѣчается онъ (совмѣстно съ ватаманомъ) въ селахъ многолюдныхъ, но и то не во всѣхъ. Кромѣ того десятники существовали въ Русскомъ Барѣ: вѣроятно потому, что населеніе было земледѣльческое поголовно и составилось изъ крестьянъ; тутъ десятникъ дѣйствительно приходился одинъ на 10 домовъ. Въ одномъ селѣ десятникъ исполняетъ обязанности ватамана. Если должность ватамана была видною, почетною, то нельзя того же сказать о десятникѣ въ виду замѣчанія, что одинъ изъ крестьянъ сдѣланъ десятникомъ „по бѣдности“ (такъ какъ десятникъ пользовался льготою) [3]).

Въ шляхетскихъ селахъ ватаманы упоминаются рѣдко (всего

---

[1]) А. Б. с. II № 99.

[2]) А. Б. с. I с. 238.

[3]) А. Б. с. I с. 157; упоминается десятникъ еще—159, 238, Архивъ I. с. с. 226, 228, и с. 131. О десятникахъ см. у г. Линниченка ор. с. с. 109 сл.

разъ—въ Семяковцахъ 1565 г.)[1]; встрѣчались они, конечно, чаще, такъ какъ существовали и въ имѣніяхъ привилегированной шляхты, но были ли повсемѣстно? Малочисленность многихъ шляхетскихъ осадъ служила, вѣроятно, препятствіемъ тому, да къ тому при неопредѣленномъ, на половину подданническомъ, на половину подсусѣдскомъ, положеніи не вездѣ крестьяне, вѣроятно, и имѣли тутъ свое отдѣльное управленіе. На существованіе органовъ управленія въ шляхетскихъ околицахъ, власть которыхъ простиралась бы на шляхту, нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній для этого времени, но существованіе извѣстной организаціи было необходимо при многолюдствѣ шляхетскаго населенія нѣкоторыхъ околицъ, при существованіи такихъ повинностей (какъ отбываемая по очереди сторожа), которыя нужно было разверстывать на шляхту, снаряжавщую на военную службу положенное число коней сообща (junctis suffragiis). Шляхетское „коло" и намѣстники въ шляхетскихъ околицахъ XVIII в. съ ихъ полицейско-административными и судебными функціями, несомнѣнно, восходили къ гораздо болѣе раннему времени, представляя видоизмѣненіе сельской громады и ватаманскаго уряда. Любопытно чтеніе грамоты на Морозовку 1542 г., отождествляющее туземныхъ шляхтичей съ ватаманами: more aliorum wathmanorum seu nobilium (варіантъ wathamanorum nobilium), in ditione Barensi existentium; вѣроятно, его слѣдуетъ истолковать такимъ образомъ, что шляхтичъ-осадчій, глава семьи или „спілки", передъ зверхностью замѣщалъ собою ватамана относительно всей осады, всего ея населенія, шляхетскаго и крестьянскаго, подобно тому какъ и ватаманы являлись въ роли осадчихъ[2].

Устройство городовъ южнорусскихъ изучено сравнительно очень хорошо и устройство барскихъ городскихъ общинъ не представляло рѣзкихъ отличій; притомъ и сохранившіеся акты Барскаго магистрата восходятъ только къ 50-мъ гг. XVII в., поэтому я ограни-

[1]) Архивъ 1 с. с. 270, не считая коморовскаго—А. Б. с. I с. 287.

[2]) А. Б. с. I с. 107, ватаманъ-осадчій см. въ Архивѣ 1. с. с. 201.

чусь нѣсколькими замѣчаніями по этому вопросу [1]). Всѣ городскія общины Барскаго староства имѣли права неполнаго самоуправленія, войтовства раздавались королемъ, и на рѣшенія мѣйскаго уряда существовала апелляція къ старостѣ. Недовольствуясь тѣмъ, староста узурпировалъ право привлекать мѣщанъ къ своему суду, какъ было указано, сажалъ ихъ въ гродскую тюрьму и жалуясь на небрежность (remissiores) барскаго городскаго магистрата въ отправленіи правосудія, ходатайствовалъ даже, чтобы въ судѣ его присутствовалъ старостинскій служебникъ (король впрочемъ не уважилъ этого ходатайства и нашелъ, что мѣщане могутъ быть заключаемы въ гродскую тюрьму только за неисправность въ отбываніи воинской повинности) [2]). Вдобавокъ въ Барѣ (Польскомъ и Русскомъ) войтовство хотя существовало самостоятельно, часто переходило въ руки старосты.

Первымъ войтомъ Бара былъ Янъ Цервусъ, или Цырушъ, какъ онъ называется въ мѣстныхъ документахъ; ему и его сыну Симону было гарантировано пожизненное владѣніе (т. е. два доживотья), и записана была сумма 60 грив., не считая стоимости зданій, буде таковыя выстроятъ; на содержаніе дано было село Коморовцы, право устроить прудъ на Рову пониже замковаго и третью часть пень, не превышавшихъ 3 грив. Очевидно, должность была доходная, потому что когда Янъ (въ 1543 г. войтомъ былъ уже Симонъ) [3]), а вскорѣ за нимъ и Симонъ умерли, и войтовство перешло по наслѣдству къ какому-то другому Яну Цервусу, и гарантированный срокъ такимъ образомъ истекъ, отыскались охотники выкупить войтовство. Уже въ 1552 г. испросилъ консенсъ на выкупъ, а потомъ и доживотье писарь барскій Стан. Броневскій, но дѣло затянулось, коммиссія, назначенная для оцѣнки войтовыхъ

---

[1]) О южнорусскихъ городахъ съ неполнымъ самоуправленіемъ см. В. Б. Антоновича Монографіи I с. 151 сл., М. Ф. В.-Буданова Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ—Ж. М. Н. П. 1868, XII с. 772 сл.

[2]) А. Б. с. I с. 180—6, 200—1, 203, 206.

[3]) А. Б. с. I № 64.

издержекъ, не собралась вслѣдствіе татарскаго набѣга, а въ 1560 г. испросилъ себѣ консенсъ уже самъ староста М. Гербортъ. Броневскій протестовалъ, ссылаясь на свои болѣе ранніе документы; Гербортъ указывалъ, что консенсъ Броневскаго утратилъ силу за истеченіемъ 6-ти лѣтней давности, и коммиссары, опредѣливъ подлежащую уплатѣ сумму, предоставили Герборту вступить во владѣніе [1]). Вступилъ ли Гербортъ во владѣніе дѣйствительно, не знаю. Въ годъ смерти его войтомъ является нѣкій Петръ Кломницкій, и такимъ образомъ войтовство существовало отдѣльно отъ старостинскаго уряда. Этотъ Кломницкій оставался войтомъ довольно долго. Въ 1590 г. войтовство было пожаловано по его смерти нѣкоему Вареоломею Oprzałek, а въ 1603 г. король разрѣшилъ выкупить войтовство у наслѣдниковъ Кломницкаго старостѣ Гольскому [2]). Хотя соединеніе войтовствъ со староствами было воспрещено спеціальными конституціями, тѣмъ не менѣе такія совмѣщенія продолжались и впредь: такъ староста Богуславъ Радзивилъ

---

[1]) Confirmatio actus commiss. de redemp. advocatiae in op. Bar 1560 г.—въ Кор. Метр. варш. № 95 f. 413—422; я не печаталъ его вслѣдствіе обширности; консенсъ Герборту приведенъ здѣсь in extenso (significamus fecisse potestatem g. M. Herburth advocatiam op. Bar de manibus fam. J. Czervus et aliorum quorumvis illius possessorum redimendi in summa legitime inscripta, eandem non augendo; per g. Herburth tenendam, donec summa per nos successoresque nostros fuerit persoluta). Цервусъ согласился безпрекословно, но предложилъ уплатить за домъ и три плотины на прудахъ, устроенныхъ имъ на Рову и въ Коморовцахъ; сверхъ того нужно было возмѣстить ему 30 злот., заплаченныхъ Голодку, берегъ котораго заливалъ войтовской прудъ, за этотъ берегъ. Общую сумму коммиссары опредѣлили (включая 96 злот. записной суммы) въ 300 злот.

[2]) А. Б. с. I с. 216, 261, 287, II № 3, Кор. Метр. вар. № 135 f. 849—пожалованіе ad intercessionem J. de Zamosczie pro nob. Bartholomeo Oprzałek, servitore suo, Барскаго войтовства послѣ Кломницкаго (nuper defunctus), пожизненно.

пріобрѣлъ войтовство за 20 тыс. злот. (такъ возросла первоначальная сумма!) Послѣ пожалованія Барскаго староства вмѣстѣ съ войтовствомъ Выговскому, такое совмѣщеніе настолько упрочилось, что староста Потоцкій уже отъ себя пожаловалъ войтовство нѣкоему Модржеевскому, считая войтовство за принадлежность (prynależytość) староства, хотя и предоставилъ ему dla gruntownieiszego prawa испросить грамоту у короля, которую Модржеевскій и получилъ одновременно (и даже днемъ раньше) [1]).

Въ Чемерисскомъ Барѣ войтовство послѣ перваго войта Николая Невида, также имѣвшаго гарантію на два доживотья, перешло къ его родственнику (вѣроятно—племяннику) Леську Лоевскому. Потомъ войтомъ былъ Янъ Ожигалка (въ 1613 г. его доживотье было сораспространено и на жену его Катерину Кавецкую). Случаевъ совмѣщенія Чемерисскаго войтовства съ старостинскимъ урядомъ не встрѣчается, но есть другое аналогическое: нѣкто Боруцкій въ 20-хъ гг. XVII в. былъ одновременно подстаростою и войтомъ чемерисскимъ [2]).

Польскій и Русскій Баръ съ самаго начала имѣли одно общее управленіе, одного общаго войта; Русскій Баръ считался предмѣстьемъ Польскаго и послѣ уравненія въ правахъ (1576 г.) долженъ былъ слиться вполнѣ съ нимъ въ одну общину. Въ полов. XVII в., судя по сохранившимся мѣйскимъ актамъ, Баръ Чемерисскій также утратилъ свою особность: нѣтъ никакихъ слѣдовъ существованія въ немъ отдѣльнаго мѣйскаго уряда, и мѣщане „горномѣйскіе“ [3]) совершаютъ сдѣлки въ магистратѣ Барскомъ; съ пол. XVIII в. Чемерисы Подмѣйскіе уже являются селомъ, всецѣло подвластнымъ замку. Съ переходомъ войтовства въ руки старосты, послѣдній на-

---

[1]) Volum. leg. II p. 438, III p. 178, IV p. 302, А. Б. с. II № 63, 64.

[2]) К. Ц. А. № 3609 док. № 586 (1586): Lesko Loiewski, advocatus Czemerissorum, въ 1589 г. король подтвердилъ доживотныя права Леська и жены его, ур. Гослицкой—Кор. Метр. вар. № 135 f. 597; А. Б. с. II с. 66—Боруцкій.

[3]) Напр. № 4571 f. 103 v., 106 v.

значалъ лантвойта и бурмистра, а райцы и лавники (присяжные) были выборные—это видно изъ протокола выборовъ 1663 г., произведенныхъ według zwyczaiuw dawnych [1]). Коллегіи лавниковъ и райцевъ не раздѣлялись, и въ судебныхъ и административныхъ дѣлахъ выступаетъ магистратъ изъ райцевъ и лавниковъ, подъ предсѣдательствомъ лантвойта и бурмистра [2]). Отмѣчу еще, что одно время, именно въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ гг. XVII в., акты Барскаго магистрата велись на малорусскомъ языкѣ [3]).

Для Елтушкова имѣется довольно интересное рѣшеніе ассессорскаго суда по жалобѣ бурмистра, райцевъ, лавниковъ и всего мѣщанства м. Елтушкова на войта Фр. Браницкаго и лантвойта слав. Ивана Губченка; мѣщане жаловались на принудительную продажу меда по „незвиклим" цѣнамъ, принужденіе къ отбыванію подводной повинности, взыманіе произвольныхъ штрафовъ, заключеніе подъ арестъ, присвоеніе мѣщанскихъ доходовъ; обвиненій своихъ они однако не доказали, и отвѣтчики были оправданы, хотя послѣднимъ нѣкоторыя другія несправедливости были при этомъ поставлены на видъ [4]). Очевидно, лантвойтъ здѣсь назначался войтомъ, а райцы и лавники были выборные.

---

[1]) А. Б. с. II R. 1663.
[2]) См. напр. ibid. II № 53, 54, 58.
[3]) Нѣкоторые изъ нихъ см. въ А. Б. с. II № 52, 53, 54.
[4]) Ibid. II R. 1646.

VII.

Измѣненія въ строѣ Барскаго староства и судьба его въ XVII—XVIII в.

Въ предшествующемъ изложеніи я имѣлъ уже случаи касаться тѣхъ измѣненій, которыя претерпѣваетъ въ своемъ строѣ Барское староство на протяженіи XVII в., и результаты которыхъ съ полною яркостью выступаютъ уже въ XVIII в.; разумѣю въ особенности два явленія—постепенное усиленіе частноправнаго характера старостинскаго держанья и умаленіе туземной шляхты: вытѣсненіе изъ имѣній и пониженіе ея общественнаго положенія. Первое изъ этихъ явленій прослѣжено выше до превращенія Барщины въ дѣдицтво, что до второго, то значительное количество данныхъ о вытѣсненіи туземной шляхты приведено было въ исторіи шляхетскихъ родовъ. Здѣсь я еще остановлюсь нѣсколько на этомъ послѣднемъ явленіи, чтобы полнѣе представить его.

Усиленіе польско-шляхетскаго землевладѣнія въ ущербъ туземному, какъ сказано было, замѣчается съ послѣдней четверти XVI в. До тѣхъ поръ владѣли здѣсь привилегированные шляхтичи, права на имѣнія которыхъ восходили еще ко времени до возстановленія Барскаго староства, да нѣсколько мѣстныхъ городскихъ урядниковъ, получившихъ пустыни или королевскія села; пожалованіе Бадовскому Козеровецъ (1554 г.), вѣроятно—данное ad erroneam informationem, не осуществилось [1]. Такимъ образомъ рас-

---

[1]) Такую же судьбу имѣлъ консенсъ на выкупъ Глибова, какъ но-

ширенія польскаго землевладѣнія въ ущербъ туземному, стѣсненія послѣдняго за это полстолѣтіе (съ возстановленія староства) наблюдать не приходится [1]). Только съ 70—80-хъ гг. польско-шляхетскій элементъ начинаетъ усиливаться, и не только путемъ пожалованія въ держанье селъ старостинскихъ и раздачи пустынь для заселенія польскимъ шляхтичамъ, но и путемъ отобранія имѣній у туземцевъ и передачи полякамъ выморочныхъ туземныхъ имѣній (по окончаніи доживотныхъ правъ).

Отобраніе—пріемъ наиболѣе рѣзкій, практиковалось не часто. Первый случай—отобраніе Яблоновки (1585 г.) per instigatorem у Яблоновскихъ, владѣвшихъ ею на ленномъ правѣ, по какимъ мотивамъ—неизвѣстно (jure mediante). За нею послѣдовало отобраніе Редзеповецъ у дѣтей какого-то ductor tartarus, такъ какъ дѣти эти оказались неспособными къ владѣнію (1591), далѣе—въ 1599 г.—отобраны были Шелеховъ у Шелеховскихъ и Голодки у Голодковъ за то, что они не исполняли повинностей государственныхъ и замковыхъ [2]). Всѣ эти села перешли къ полякамъ: Яблоновкою владѣли послѣдовательно Незабитовскій, Орховскій (1590), Гольскій (1591), Подчаскій (1593) съ доживотными правами [3]), Редзеповцами Словинскій; Голодки и Шелеховъ поступили на время въ разрядъ старостинскихъ, но потомъ переданы были державцамъ-поля-

---

ваго дѣдицтва, данный во время экзекуціи (1569 г.) Тарновскому—К. Ц. А. № 5648 р. 125.

[1]) Правда, было нѣсколько случаевъ еще при Бонѣ, когда польскіе насельники замѣщали туземцевъ: вѣдь Гармаки, отданные Терликовскому, прежде чѣмъ стали королевскимъ селомъ, принадлежали Ярмолинскому, Мальчовцы, отданные потомъ Гослицкому,—Мальчовскимъ; но эти случаи—единичные, и подобно нѣкоторымъ другимъ выкупамъ и отобраніямъ Боны, никакъ не могутъ быть объяснены желаніемъ стѣснить туземцевъ (ср. с. 96).

[2]) А. Б. с. I № 148, 161, 176 и Кор. Метр. вар. № 143 f. 60 v. (Голодки—содержаніе тожественно съ № 176).

[3]) Кор. М. вар. № 133 f. 422 (по смерти Незабитовскаго Орховскому), № 136 f. 246 (1591)—Гольскому, № 138 f. 171—Подчаскому.

камъ (Шелеховъ недолго только побылъ во владѣніи Лоевскихъ) [1]. Въ XVII в. была попытка отобрать за неисполненіе вассальныхъ обязанностей Поповцы у Поповскихъ [2], обыкновенно же практикуется отобраніе за отсутствіемъ правъ на владѣніе.

Раздача то цѣлыхъ селъ, то частей (sortes) ихъ въ качествѣ выморочныхъ и вообще находящихся въ „безправномъ“ владѣніи практиковалась, конечно, гораздо чаще, чѣмъ отобраніе за неисполненіе повинностей и т. п.; подобныхъ документовъ можно насчитать нѣсколько десятковъ до начала Хмельничины, положившей имъ предѣлъ. Отъ предшествующей категоріи эти раздачи отличаются тѣмъ, что мотивъ государственнаго интереса (какъ въ вопросѣ объ исполненіи повинностей) здѣсь отсутствуетъ, инииціатива исходитъ отъ частныхъ лицъ, государственная власть не занимается отбираніемъ имѣній чрезъ своихъ агентовъ, а предоставляетъ дѣлать это самимъ заинтересованнымъ лицамъ, съ соблюденіемъ юридическихъ требованій; это видоизмѣненіе обыкновеннаго консенса, т. е. разрѣшенія выкупа, только это выкупъ принудительный.

Пожалованія этого рода начинаютъ практиковаться часто съ 90-хъ гг. XVI в. [3]—такъ были пожалованы выморочные участки въ Михоловцахъ Спиборовскому (1593), въ Ходакахъ Вержховскому (1600), въ Гальчинцахъ Мошенскому (1600), Плоскировцы Гольскому (1602), Дашковцы Лохинскому, Сербиновцы Гольскому (1604), Кузминцы Стржелецкому (1606), и т. д. [4]). Наибольшее число

---

[1]) Кор. М. вар. № 147 f. 158 v. (разрѣшеніе на передачу Шелехова отъ Гольскаго Сенькu и Грицьку Лоевскимъ, 1602).

[2]) А. Б. с. II № 39. Здѣсь можно упомянуть еще объ отобраніи части Кудіевецъ за „разбои“ (переданной впрочемъ сородичамъ)—№ 46.

[3]) Раньше еще пожалована была часть Плоскировецъ подстаростѣ Г. Ковальскому—Кор. М. вар. № 115 f. 229 (1577).

[4]) А. Б. с. I № 164, II № 2, 4, R. 1600, 1604, Кор. М. вар. № 145 f. 7 v. (Гальчинцы—по смерти Rasko Kunathowski seu Halczinski), № 150 f. 214 (часть Кузьминецъ по смерти Г. Мытка). Представляю перечень подобныхъ надань 1-й пол. XVIII в., чтобы дать представленіе о размѣрахъ этого явленія; послѣ 1604 г. были пожалованы: Ходаки Керш-

пожалованій „безправныхъ“ владѣній падаетъ на первую четверть XVII в., затѣмъ они становятся рѣже: число туземныхъ имѣній уменьшилось, уцѣлѣвшіе владѣльцы успѣли дать отпоръ наѣздникамъ и защитить свои права въ судебныхъ инстанціяхъ, а нѣкоторыя имѣнія почему-то не возбуждали аппетитовъ, хотя не были ограждены юридически.

Форма и мотивировка этихъ наданій довольно однообразна, часто повторяются однѣ и тѣ же стереотипныя фразы. Обыкновенное содержаніе грамотъ приблизительно таково: королю извѣстно,

---

ковскому, 1605 г.—К. Ц. А. № 5510 f. 23 v., Берлинцы Жеромскому, 1606—К. Ц. А. № 5648 p. 39; Кудовцы Тацимирскому, 1606—А. Б. с. II № 5; Глибовъ Секержинскому (ок. 1607 г.)—К. Ц. А. № 5648 p. 126; Дашковцы (части) Вальковскому и Творіанскому, 1607—К. М. в. № 151 f. 150 v. и 245; Барановка Сѣраковскому, 1613—А. Б. с. II № 12; Ходаки Ядвигѣ Балибузиной, 1613—Źródła V p. 26; Козяровцы (части) Непельскому (по рекоменд. Жолкевскаго), 1613—ibid. № 155 f. 181; Кудыевцы Пекарскому 1614 и 1616—ibid. № 156 f. 337 v. и А. Б. с. II № 20; Радіевцы Бедлинскому, 1615—А. Б. с. II № 18; Елтухи (части) Мих. Карботу 1615—R. 1615; Галузинцы (части) Керманскому, 1616—R. 1616; Сербиновцы Вронскому, 1620—R. 1620, тоже Рознятовскому, 1620—К. М. в. № 166 f. 348; Шелеховъ (Zelechow) Дзюшѣ, 1620—К. М. в. № 166 f. 391 v. (ср. Źródła dz. V p. 38); Гальчинцы и Шепинковъ (части) Мясковскому, 1622, ibid. № 168 f. 67; Глибовъ и Семяковцы Бржозовскому, 1623, ibid. № 169 f. 155; Кузминцы Керманскому (за подвиги подъ Цецорою), 1623—ibid. f. 221; Кудыевцы (часть) Стогнѣву, 1623—ibid. f. 276; Гальчинцы, Серебрія, Онушковцы и Дерыгродъ (части) Мясковскому, 1623 и 1625—№ 170 f. 94, № 172 f. 263; Кошаринцы, Н. Мытковцы, Примощеница и ур. Wereszczatince seu Drobyszowce Кавецкому, 1624—№ 171 f. 146; Козяровцы (половина) Слупскому, 1624—К. М. в. № 169 f. 380; Серебрія Калиновскому (отъ Мытковъ), 1625—№ 172 f. 88; Берлинцы (части) Мясковскому (по Буцняхъ), 1627—К. Ц. А. № 5648 p. 41; Гальчинцы и Берлинцы (части) ему же, 1629—А. Б. с. II № 37; Мытковцы и др. Мясковскому—№ 42; Шелеховъ (часть) ему же, 1649—К. Ц. А. № 5510 f. 35 об.

что даннымъ имѣніемъ владѣютъ незаконно (nullo jure, иногда осторожно прибавляется—„какъ доносятъ“ или т. п.), потому такому-то шляхтичу, обыкновенно за военныя заслуги, часто по ходатайству гетмана и т. п., предоставляется вытребовать (vindicare, liberare), выкупить (redimere) или пріобрѣсть законнымъ путемъ (ordinaria juris via) это село или участокъ; въ другихъ случаяхъ о фактическихъ владѣльцахъ и способѣ пріобрѣтенія отъ нихъ имѣнія умалчивается, просто жалуются выморочные участки и села—ad dispositionem nostram devoluta [1]).

Но въ дѣйствительности отобраніе имѣній обдѣлывалось не такъ легко, какъ трактовалось въ пожалованіяхъ. Туземные nullo jure possessores не всегда были расположены безропотно удалиться, принявъ отъ новоприбывшаго законнаго владѣльца записную сумму, которая и сама по себѣ была невелика (30—50 грив.), а отъ паденія цѣнности монетной единицы стала совсѣмъ незначительною (по вычисленіямъ Чацкаго еще, абсолютная цѣнность гроша съ 40-хъ гг. XVI в. понизилась къ 1620 г. почти въ $2^1/_2$ раза) [2]). Завязывалась борьба, въ которой то туземные, то пришлые элементы оставались побѣдителями. Выше, въ исторіи шляхетскихъ родовъ, приведены были факты изъ этой борьбы, рисующіе различныя перипе іи ея. Одни туземцы силою сопротивлялись и выбивали противника изъ поссессіи (Кудіевскіе и Стогнѣвъ), другіе, опираясь на свои привилеи, судебнымъ порядкомъ отстаивали свои права и успѣвали въ этомъ (Кудіевскіе, Радіевскіе, Мытки съ Стржелецкимъ о Кузьминцахъ, съ Тржебуховскимъ о Мыткахъ и пр., съ Мясковскимъ о Гальчинцахъ и др.); нѣкоторые входили въ концѣ концовъ въ соглашеніе съ претендентомъ-полякомъ и пріобрѣтали отъ него уступочную запись (цессію) на пожизненное владѣніе (Лопатинскіе и Вальковскій, Кудіевскіе и Стогнѣвъ) [3]). Судя по тому, что на многія села по нѣсколько разъ сряду выдавались пожалованія, и тѣмъ

---

[1]) См. А. Б. с. I № 164, II № 1, 2, 4, 5, 12, 18, 20, 37, 42.

[2]) O litewskich i polskich prawach, wyd. 1861, I, таблица при с. 240.

[3]) Напр. А. Б. с. II № 14, 19, 26, 33, 34; регесты другихъ документовъ въ К. Ц. А. № 5648.

не менѣе они оставались въ рукахъ туземцевъ, нужно думать, что на самомъ дѣлѣ количество сдѣлокъ было многочисленнѣе, борьба интензивнѣе, чѣмъ мы знаемъ.

Трудно рѣшить, насколько сознательно относилось польское правительство къ этому процессу постепеннаго вытѣсненія туземной шляхты польскою. Польскіе шляхтичи, въ неслыханномъ дотолѣ изобиліи, словно изъ рога Амальтеи, наводнившіе староство, безконечная вереница выморочныхъ пожалованій и отобраній, обрушившаяся на голову барскихъ „вассаловъ", стереотипныя фразы, выбрасывавшія за бортъ этихъ nullo jure possessores, словно списанныя съ одного, заранѣе приготовленнаго шаблона, производящія впечатлѣнія какого-то циркуляра, все это дѣйствительно можетъ произвести такое впечатлѣніе, будто мы имѣемъ дѣло съ совершенно сознательно проводимою системою. И такая система могла бы быть подведена подъ обычный терминъ т. н. государственной мудрости. Тѣмъ не менѣе такое пониманіе мнѣ кажется до извѣстной степени сомнительнымъ. Въ правительствѣ польскомъ не замѣчается достаточной выдержки и послѣдовательности въ этомъ отношеніи; оно, хотя изрѣдка, все же выдаетъ подтвержденія туземнымъ шляхтичамъ [1]); встрѣчаются, хотя и очень рѣдко, новыя пожалованія туземцамъ [2]); наконецъ въ его распоряженіи было достаточно юридическихъ крючковъ для лишенія силы и тѣхъ дѣдичныхъ или ленныхъ правъ, которыми владѣли многіе туземцы, но оно ими не пользуется. Въ виду этого можно было бы принять, что упомянутый процессъ совершался безсознательно, и иниціатива была за частными интересами. Улучшеніе колонизаціонныхъ условій, большая безопасность, приливъ къ окраинамъ народныхъ массъ, уходившихъ отъ усилившихся экономическихъ тягостей,—все это привлекало на Украину во множествѣ польскую шляхту, которую прежде такъ трудно было заманить всякими льготами. Притомъ, какъ

---

[1]) Напр. А. Б. с. I № 70, II № 13, 28, R. 1622 и с. 217, 248 и 311 прим. 1 настоящаго изслѣдованія. См. также № 14 и 34.

[2]) См. А. Б. с. II № 11.

указано было, это въ большинствѣ были „жолнеры", заслуженные люди, претендовавшими на вознагражденіе. Правительство не имѣло поводовъ къ репрессіямъ противъ туземцевъ: острый фазисъ племенной борьбы на Подольѣ отошелъ въ область преданій, но правительство уже не дорожило и туземной шляхтой: она уже была не нужна ему. А если эти туземцы-шляхтичи, по заявленію ихъ польскихъ конкуррентовъ, оказывались nullo jure possessores, то правительству естественно было уважить просьбу все-таки болѣе желательнаго колониста-поляка (gente или natione). Только рѣзкое уменьшеніе подтвержденій для туземцевъ говоритъ не въ пользу такого взгляда.

Дѣйствительно, перемѣна въ этомъ такъ рѣзка, что бросается въ глаза. Послѣ того какъ въ концѣ XVI и первыхъ годахъ XVII в. подтвержденія туземнымъ шляхтичамъ выдаются въ чрезвычайномъ изобиліи, иногда по десятку въ годъ, послѣ 1605 г. они встрѣчаются единицами на пространствѣ иногда цѣлыхъ десятилѣтій. И это въ то время, когда умножились пожалованія выморочныхъ и „безправныхъ" имѣній! Зная, что объявленіе экзекуціи вызвало чрезвычайное множество ходатайствъ о подтвержденіи, дарованіи пожизненныхъ правъ и т. п., естественно было бы ожидать, что и теперь, въ столь опасныхъ обстоятельствахъ, въ борьбѣ съ конкурентами-поляками туземные шляхтичи начнутъ осаждать правительство просьбами о гарантіяхъ. Нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы туземцы не обратились къ этому средству, и если все-таки подтвержденій существуетъ такъ мало, то приходится думать, что причина лежала въ видахъ правительства, что послѣднее не было расположено гарантировать права туземной шляхты.

Съ помощью наличныхъ данныхъ, попытаемся опредѣлить результаты этого натиска, сдѣланнаго на туземную шляхту, до временъ Хмельничины. Въ 1615 г., по люстраціи, изъ бывшихъ туземныхъ имѣній слѣдующія села цѣликомъ находились въ рукахъ поляковъ: Яблоновка, Голодки, Дашковцы, сюда же нужно отнесть Кунатовцы. Въ Барановкѣ, Ходакахъ, Елтухахъ, Кудыевцахъ, Козяровцахъ польскіе шляхтичи владѣли участками. Въ Лопатинцахъ,

Плоскировцахъ, Кудыевцахъ, Михоловцахъ, Гальчинцахъ, Кумановкѣ (Сербиновцахъ), Берлинцахъ, Галузинцахъ удержались туземцы, несмотря на выданныя на эти села пожалованія разнымъ лицамъ; другія села, на сколько извѣстно, не подвергались нашествію иноплеменниковъ [1]). Къ половинѣ XVII в. перешли въ руки поляковъ, кромѣ упомянутыхъ, еще Шелеховъ, Плоскировцы, Сеферовка, Ходаки; сверхъ упомянутыхъ выше, овладѣли они частями въ Гальчинцахъ и Берлинцахъ; отстаивали свое владѣніе: Радіевскіе, Поповскіе, Мытки, Карачовскіе, Буцни (въ Берлинцахъ). Цѣлый рядъ селъ уцѣлѣлъ вовсе отъ конкуренціи (Волковинцы, Коростовцы, Васютинцы, Петрани, только), конечно—если судить по наличнымъ даннымъ. Нѣкоторыя села перешли къ полякамъ или ополяченнымъ путемъ наслѣдства, продажи, какъ Куриловцы, Кн. Лука, Глибовъ, Гричковцы, Семяковцы; неизвѣстно, какимъ образомъ перешли къ нимъ Плоскировцы, Володіевцы; Мытки сами ополячились.

Число поляковъ-державцевъ значительно умножалось также путемъ роздачи селъ старостинскихъ, также усиливающейся съ концомъ XVI в. Такъ Крутобородинцы были отданы Сѣраковскому (1599 г.), Рымовые Карачинцы—Бжостовскому (1605), Нестеровцы—Югошевскому, Мукаровъ и Покутинцы—Бартошу Гольскому, Бѣликовцы—Щукоцкому (1611), выселокъ Новоселка—Кленовскому и т. п. [2]). Наконецъ, благодаря улучшенію колонизаціонныхъ усло-

---

[1]) Люстрація 1615 г. въ Żródła t. V; относительно Ходаковъ можно сомнѣваться, не остались ли они единственными владѣльцами села, несмотря на существованіе нѣсколькихъ конкурентовъ; о Елтухахъ хотя и не упоминается, но они, несомнѣнно, владѣли частью, если не цѣлымъ селомъ, потому что удержались и позже; часть Козяровецъ по Ваську Козяровскому пожалована была еще въ 1624 г. (К. М. в. № 169 f. 380), ср. с.

[2]) А. Б. с. II R. 1611, Żródła V p. 27, 35—36, 38; Кор. М. в. № 143 f. 119 v. (Крутобородинцы), № 150 f. 19 (Р. Карачинцы), № 153 f. 386 Мукаровъ, Покутинцы, Биликовцы).

вій, польскіе шляхтичи съ успѣхомъ занимаются основаніемъ новыхъ осадъ съ послѣдней четверти XVI в. Такъ нѣкій Станиславъ Квилецкій получилъ въ 1576 г. грунтъ Липковцы отъ Творовскаго; Николаю Калинскому дано было запустѣвшее село Болвинъ (1580); Стодульскій осадилъ с. Стодульцы, подстароста Янъ Верховскій—Верховку, Альбертъ Вольскій—Корначовку [1]). Но этимъ путемъ, конечно, возникло сравнительно очень небольшое число польскихъ державъ.

Такимъ образомъ рядомъ съ туземною служилою шляхтою въ Барщинѣ съ конца XVI в. формируется значительная группа державцевъ-поляковъ. Положеніе ихъ на первыхъ порахъ было неопредѣленное; правительство, очевидно, не знало, какъ быть съ ними —подводить ли ихъ подъ уровень повинностей барской шляхты, съ извѣстными видоизмѣненіями, какъ это бывало съ поляками-урядниками при Бонѣ и Гербортѣ, или подъ условія привилегированнаго держанья.

Въ концѣ XVI в. произошла важная перемѣна въ положеніи королевщинъ вообще. Раньше господствовало воззрѣніе на королевщины, какъ на главный источникъ дохода короля, изъ котораго онъ долженъ былъ содержать свой дворъ и удовлетворять нужды государства. Несостоятельность такого воззрѣнія однако становилась ясною, когда, съ одной стороны, королевщины истощались послѣдовательными „голыми“ (т. е. не приносившими дохода) раздачами, съ другой—государственные расходы постоянно увеличивались. Одновременно съ экзекуціею правъ, имѣвшей возвратить королю всѣ „новыя“ наданья, произошло отдѣленіе государственной (въ г. Равѣ) казны отъ королевской; основнымъ фондомъ для первой послужила т. н. кварта, т. е. четвертая часть чистаго дохода, приносимаго королевщинами [2]); остальной доходъ съ королевщинъ поступалъ въ

[1]) А. Б. с. II № 9, R. 1578, 1605; К. Ц. А. № 5510 f. 14 v. (Стодульцы), Кор. М. вар. № 125 f. 44 (villa deserta Bolwiny на Ровцѣ, inferius villae Slobothka).

[2]) Volum. leg. II p. 17. Проф. Павинскій замѣчаетъ, что кварта должна была составлять собственно пятую часть дохода, такъ какъ счи-

казну короля. Затѣмъ конституціями 1589—90 г. выдѣлено было нѣсколько королевщинъ „для короля и стола его", доходы которыхъ не могли быть обращаемы на другія цѣли [1]); остальныя земли составляли фондъ для роздачъ заслуженнымъ — panis bene merentium; короли утратили доходы съ нихъ, и державцы взносили только кварту. Въ числѣ другихъ и Барское староство, числившееся еще при Баторіи въ числѣ имѣній, которыми ближайшимъ образомъ завѣдывалъ король (т. е. отданныхъ ad fideles manus, а не въ державу) [2]) тоже перешло въ категорію „раздачъ за заслуги". Въ интересахъ шляхты было, чтобы этими раздачами могло пользоваться возможно большее число, и несомнѣнно, это, между прочимъ было главною причиною дробленія прежнихъ староствъ, выкраиванія изъ нихъ новыхъ, болѣе мелкихъ (такъ въ сосѣдствѣ Барщины явились староства—Копайгородское, Барецкое (Н. Барекъ — Домбровица), Мукаровское и т. п.) и раздачи державцамъ отдѣльныхъ селъ, входившихъ раньше въ составъ староства. Король, утративъ доходы съ староства, не былъ заинтересованъ уже сохраненіемъ въ цѣлости его прежняго комплекса, и дробленіе староствъ, замѣчаемое и въ Барщинѣ съ XVII в., получало широкое развитіе. Выдѣляемыя изъ состава старостинскихъ имѣній села раздавались въ доживотное держаніе большею частью только съ обязанностью платы кварты; иногда включалось условіе, что державца не долженъ разорять державы: поддерживать постройки и не отягощать крестьянъ [3]). Но

талось нормальнымъ, что одна часть дохода идетъ на содержаніе старосты и расходы по управленію, три королю и одна въ государственную казну (Vol. leg. II p. 66), хотя въ дѣйствительности королевскій доходъ составлялъ гораздо меньшій процентъ (Skarbowość w Polsce p. 18 sq.).

[1]) Vol. leg. II p. 289, 312.

[2]) Skarbowość w Polsce p. 32.

[3]) А. Б. с. II R. 1611, подобныя же условія въ грамотахъ на Мукаровъ и Биликовцы (см. выше). Съ выселка Новоселки однако отправлялась военная служба (Źródła V p. 27), хотя онъ раньше былъ селомъ старостинскимъ.

отъ повинностей, лежавшихъ на селахъ служило-шляхетскихъ, правительство отказывалось не сразу. Обыкновенно, передавая такія имѣнія, въ качествѣ выморочныхъ или отобранныхъ, правительство и отъ новыхъ державцевъ—поляковъ требовало исполненія прежнихъ повинностей или, по крайней, мѣрѣ военной службы: ставить одного —двухъ коней при старостѣ барскомъ. Такъ напр. при пожалованіи участка въ Михоловцахъ Сциборовскимъ, на нихъ возлагаются повинности вассаловъ барскихъ; подобныя же условія находимъ въ нѣкоторыхъ другихъ пожалованіяхъ [1]). Еще чаще оговаривается военная служба: напр. Словинскіе съ Радзеповецъ обязаны „посылать двухъ снаряженныхъ коней со старостою барскимъ въ случаѣ надобности"; подобное находимъ напр. въ пожалованіяхъ Яблоновки, Ходаковъ, Кузминецъ, Барановки и т. п. [2]). Если подобное имѣніе передавалось въ держанье самому старостѣ, то послѣдній обязанъ былъ отбывать лежавшія на имѣніи повинности самъ или чрезъ замѣстителя, „чтобы не потерпѣли ущерба замковыя и государственныя повинности" [3]). Обязанность военной службы возлагалась, по примѣру туземцевъ, часто также и на шляхтичей-поляковъ, получавшихъ пустыни для заселенія вновь: такъ въ королевской грамотѣ на Липковцы державецъ ихъ Квилецкій обязы-

---

[1]) А. Б. с. I № 164; onera оговорены также въ пожалованіи Гольскому Яблоновки (Кор. М. варш. № 136 f. 246) и Плоскировецъ (А. Б. с. II № 2).

[2]) См. А. Б. с. I № 161, II № 12, 18, 37, R. 1600, также Кор. М. варш. № 138 f. 171 (Яблоновка, 1593), № 150 f. 214 (часть Кузминецъ Стржелецкому, 1606, 2 коня), № 155 f. 6 (Ходаки Солецкой, jus communicativum 1613, 2 коня), № 155 f. 181 (часть Козяровецъ Непельскому, 1613, 1 конь), № 156 f. 446 v. (Ходаки Дмоховскому, 1615, 2 коня), № 168 f. 67 (части Гальчинецъ и Шепинковъ Мясковскому, 1622, 1 конь), 168 f. 13 (Козяровцы, Слупскому, 1622, 1 конь).

[3]) А. Б. с. I № 176, II № 2, R. 1604, Метр. К. варш. № 136 f. 246 (Яблоновка), № 143 f. 60 v. (Голодки); ср. также II № 9 (подстароста Верховскій).

вается самъ на конѣ со слугою являться во всякій походъ къ старостѣ или подстаростѣ барскому и ставить подданныхъ своихъ для защиты замка (1578); въ другихъ оговорена только военная служба [1]). Такимъ образомъ рядомъ съ туземною служилою шляхтою въ 1-ой четверти XVII в. существуетъ значительная группа служилой польской шляхты, и въ люстраціи 1615 г. та и другая одинаково отнесены въ одну общую рубрику „селъ боярскихъ съ повинностями на староство Барское“; сюда отнесены польскіе державцы (дѣйствительные или номинальные) с. Барановки, Подарнавы, Липковецъ, Яблоновки, выселка Новоселки, Ботвины, Руды Паробочей, Редзеповецъ, Кудыевецъ, Верховки, Голодокъ, Козяровецъ, Куриловецъ, все съ обязанностью ставить 1—2 коней, такъ что получался отрядъ не менѣе 24 коней [2]). Но нельзя сказать, чтобы такой принципъ выдерживался послѣдовательно (хотя и преобладалъ [3])); встрѣчаются довольно часто пожалованія прежнихъ служилыхъ имѣній безъ обязанности военной службы, съ платежомъ одной кварты; одно и то же имѣніе то жаловалось съ обязанностью военной службы, то съ платежомъ кварты (такъ было напр. съ Яблоновкою, Дашковцами) [4]);

---

[1]) А. Б. с. II № 9, R. 1578, также К. М. вар. № 135 f. 29 v. (Липковцы Лабецкому, 1588), 155 f. 6 v. (Болвинъ, 1613, ср. Żródła V p. 27); въ грам. на Верховку 1625 и 1644 г. оговорены onera, quae caeteri possessores cap. Bar. ferre sunt obligati—К. М. в. № 175 f. 13 v., № 189 f. 88; въ консенсѣ 1638 г. на имѣнія Мясковскаго значится съ Куриловецъ 1 конь secundum antiquum privilegium—№ 183 f. 163, и т. п.

[2]) Żródła V p. 25—35; въ этотъ разрядъ отнесены впрочемъ нѣкоторые державцы, не обязанные службой, потому лишь, что они не платили кварты, подобно „боярамъ“.

[3]) Такъ выселокъ Новоселку люстраторы отнесли къ разряду боярскихъ селъ на основаніи прежней практики, хотя въ грамотѣ о службѣ не упоминалось—p. 27.

[4]) Яблоновка въ 1585 г. была пожалована Незабитовскому безъ повинностей, Орховскому—съ обязанностью кварты, Гольскому—съ onera, Подчаскому—тоже съ обязанностью военной службы, ссылки на с. 310; Дашковцы: въ 1604 г. Лохинскому только съ платежомъ кварты, въ

въ люстраціи 1615 г. нѣсколько имѣній, принадлежавшихъ служилой шляхтѣ, уже вышло изъ числа селъ „боярскихъ" и перешло въ разрядъ обложенныхъ квартою (Голодки, Шелеховъ, также Черешневка, Мальчовцы, часть Гальчинецъ)[1]). Въ дальнѣйшемъ этотъ послѣдній разрядъ долженъ былъ постепенно расширяться на счетъ перваго, и поляки-державцы въ концѣ концовъ поголовно вышли изъ состава служилой шляхты. Вмѣстѣ съ тѣмъ села эти выходили и изъ состава староства; пока на державцахъ лежала обязанность военной службы при старостѣ барскомъ, они естественно подлежали его власти въ извѣстныхъ предѣлахъ (но меньшихъ сравнительно съ туземною служилою шляхтою, напр. не подлежали, вѣроятно, его юрисдикціи). Правда, вопросъ объ инкорпораціи староству такихъ отошедшихъ имѣній поднимался, и въ жалованной грамотѣ на староство Барское Конецпольскому король прямо обѣщаетъ возвратить, по мѣрѣ освобожденія, всѣ такія имѣнія[2]), тѣмъ не менѣе этимъ путемъ староство потерпѣло значительныя потери въ XVII в.

Вопросъ объ обложеніи квартою служилыхъ шляхтичей въ концѣ XVI и началѣ XVII в. не былъ, повидимому, выясненъ окончательно; по конституціи такъ называемыя „голыя доживотья", т. е. не приносившія королю дохода, обязаны были nieco postąpić do skarbu[3]), и въ подтвердительныхъ грамотахъ барской шляхтѣ 2-ой пол. XVI в. довольно часто ставится въ обязанность плата кварты; но въ дѣйствительности она едва ли уплачивалась: препятствовали этому татарскія опустошенія, послѣ которыхъ державцы имѣли право на льготу, притомъ требовать кварты, назначенной для уси-

---

1607 Вальковскому (участки)—servitia bellica, Тваріанскому—кварта и ремонтъ имѣнія (А. Б. с. II № 4, К. М. в. № 151 f. 150 v., 245).

[1]) Źródła V p. 36—38; укажу еще нѣсколько болѣе позднихъ пожалованій, съ обязанностью платы кварты, бывшихъ служилыхъ имѣній —А. Б. с. II № 20 (Кудыевцы), К. М. в. № 166 f. 348 (Сербиновцы), № 168 f. 79 v. (Редзеповцы), f. 256 (Корначовка).

[2]) А. Б. с. II с. 57.

[3]) Vol. leg. II p. 17.

ленія государственной обороны, съ служилой шляхтой, и безъ того обремененной военной и сторожевой службой, дѣйствительно было неумѣстно. И хотя еще въ 1-ой четв. XVII в. встрѣчаются грамоты, гдѣ шляхта обязывается и платить кварту и отбывать воинскую службу и другія повинности [1]), но судя по люстраціи 1615 г., устанавливался уже принципъ, что шляхтичи, обязанные военною службою, не подлежатъ взыманію кварты [2]). Военная служба и кварта исключали другъ друга. Конституція 1635 г. санкціонировала этотъ принципъ: обративъ вниманіе на то, что многіе шляхтичи, выпросивъ себѣ боярскія села въ украинскихъ староствахъ, платятъ затѣмъ небольшую кварту, а военной службы за то не отбываютъ, сеймъ въ интересахъ обороны постановилъ, что владѣльцы такихъ имѣній должны отбывать военную службу вмѣсто кварты [3]). Постановленіе это не прекратило перехода польскихъ державцевъ служилыхъ имѣній въ разрядъ платящихъ кварту, но интересно съ точки зрѣнія упомянутой альтернативы (кварта или служба). Такимъ образомъ державцы барскіе раздѣлились на двѣ группы—платящихъ кварту и не подлежащихъ старостинской зверхности, и шляхту служилую; среди послѣдней польскій элементъ, хотя и довольно численный по временамъ, былъ преходящимъ, такъ какъ державцы-поляки постепенно переходили въ разрядъ платящихъ кварту, привилегированныхъ державцевъ. Такимъ образомъ введеніе кварты провело новую борозду въ межѣ, отдѣлявшей служилую шляхту отъ привилегированной. Туземная служилая шляхта чѣмъ дальше, тѣмъ больше сбивалась въ тѣсную группу, все болѣе уходившую изъ вида цен-

[1]) Кор. М. в. № 136 f. 19 (доживотье Козяровскимъ 1591 г., кварта и onera servitiaque), № 143 f. 179 v. (доживотье Радіевскимъ 1599, кварта и onera militaria), № 150 f. 20 (Верховскому на Худаки 1605, кварта и 2 коня), № 171 f. 146 (Кавецкому на имѣнія Мытковъ 1624, кварта и onera ad arcem B.).

[2]) Можно указать также нѣкоторыя грамоты, гдѣ прямо оговаривается служба, безъ кварты, напр. Кор. М. в. № 150 f. 214 (Кузминцы), № 155 f. 6 (Ходаки), № 169 f. 276 (Кудіевцы), f. 380 (Козяровцы).

[3]) Volum. leg. III p. 404.

тральной власти, худавшую вслѣдствіе роздробленія имѣній и подпадавшую все большей зависимости отъ своего старосты.

Значительно оскудѣвшіе къ серединѣ XVII в. ряды барской шляхты порѣдѣли затѣмъ еще въ послѣдующую эпоху великаго народнаго движенія.

Нѣтъ надобности останавливаться подробно на судьбѣ Барщины въ это время, тѣмъ болѣе, что я не располагаю новыми матеріалами, которые бы могли значительно измѣнить представленія о немъ. Какъ извѣстно, Подолье не играло выдающейся роли въ народныхъ движеніяхъ до Хмельницкаго (движеніе Наливайка въ общемъ не нашло здѣсь значительнаго отзвука). Послѣ успѣховъ Хмельницкаго въ Поднѣпровьѣ восточное Подолье примкнуло къ козацкому движенію. Когда Кривоносъ съ Волыни двинулся на Межибожъ и Баръ, мѣщане барскіе, доведенные до возмущенія обращеніемъ польскаго гарнизона, сами впустили козацкое войско въ городъ; замокъ, снабженный значительнымъ гарнизономъ и артиллеріею (хотя и значительно уменьшившеюся сравнительно съ полов. XVI в.), былъ взятъ штурмомъ; польская шляхта и евреи были избиты въ большомъ числѣ, хотя молва, повидимому, значительно преувеличивала послѣднее. Однако уже въ слѣдующемъ году Баръ былъ захваченъ внезапно поляками и послѣ этого онъ нѣсколько разъ переходитъ изъ рукъ въ руки. По Зборовскому договору онъ не вошелъ въ составъ козацкой территоріи, но и поляки не могли здѣсь утвердиться. Судя по небогатымъ наличнымъ извѣстіямъ (мѣстные источники ограничиваются остатками актовъ Барскаго магистрата съ 1659 г. и Летичевскаго грода—съ 1663 г., очень скудными и содержащими для разсматриваемаго времени большею частью мелкіе, неопредѣленные намеки), населеніе тяготѣло къ козакамъ, но движеніе не отличалось такою интенсивностью какъ въ Кіевщинѣ и Браславщинѣ, и стоя на рубежѣ воюющихъ сторонъ, удаленная отъ центровъ ихъ силъ, Барщина играла невидную, жалкую роль [1]).

---

[1]) Костомаровъ—Богданъ Хмельницкій I с. 339—340 (ср. III с. 299), II с. 88—9, Rolle—Zameczki podolskie III р. 135 sq., Памятники Кіевск.

Въ реестрахъ сосѣднихъ козацкихъ полковъ 1649 г. встрѣчаются не рѣдко выходцы изъ Барщины; конечно ихъ было гораздо больше, чѣмъ сколько можно ихъ отличить по прозвищахъ [1]). Туземная шляхта въ частности приняла значительное участіе въ козацкомъ движеніи; хотя соціально-экономическіе мотивы дѣйствовали въ этой шляхетской средѣ слабѣе, но при единствѣ національномъ, при существованіи здѣсь старой козацкой закваски, здѣшняя шляхта не могла остаться равнодушною къ могущественному народному движенію. Объ этомъ надѣюсь поговорить въ иномъ мѣстѣ, а здѣсь замѣчу, что помимо убыли отъ войнъ, не мало шляхтичей осталось въ рядахъ козачины и вышло изъ состава барской шляхты; иныхъ волна занесла далеко въ лѣвобережную Украину (вспомнимъ Петрановскихъ); нѣкоторые утратили свои имѣнія: имѣется королевская грамота о конфискаціи земель у Кудыевскихъ за „участіе въ разбояхъ" [2]).

Козачина случайно принесла еще важную перемѣну въ жизни Барщины: разумѣю пожалованіе Барщины Выговскому.

Неизвѣстно, было ли еще во время переговоровъ объ уніи Украины и Польши выговорено вознагражденіе для ея виновника, во всякомъ случаѣ спустя два мѣсяца послѣ подписанія Гадяцкаго трактата (17/XI 1658 г.) выдана была королевская грамота Выговскому, которою ему жаловалось, съ согласія сената, Барское ста-

---

Ком. 1, 3 с. 192, 199, 347, Xięga pamiętnicza Jak. Michałowskiego p. 40, 148, 155, Twardowski — Wojna domowa p. 24—25, Starożytna Polska III p. 216 (инвентарь артиллеріи 1640 г.).

[1]) Реестра войска Запорожскаго 1649 г.—въ Браславскомъ полку: Педоръ Гермаскій, Андрей Новобарскій, Хома и Данило Барскіе, Корнилецъ Мытковскій, Марко Барскій, Иванъ Барсченко, Марко Ярмацкій, Гавришъ и др. Кошаринскіе, Маликъ Митковскій, Улашинъ Барчанинъ, Иванъ Барскій, Василь Раджепинскій, Иванъ Барчанинъ, Иванъ Барскій, также нѣсколько Чемерисовъ, въ Кальницкомъ—Лесько Барскій, Уманскомъ—Иванъ зъ Барщины, Остапъ Деражёнскій (с. 139, 151, 157, 165—9, 172—3, 175—6, 179, 181).

[2]) А. Б. с. II № 46.

роство въ собственность. Для сообщенія законной силы этому пожалованію нужно было еще согласіе сейма, и просьба объ этомъ была включена даже въ петиціи козаковъ на сеймъ 1659 г. [1]), который дѣйствительно утвердилъ упомянутое наданье, пожаловавъ Выговскому староства Любомльское (въ землѣ Холмской) и Барское, съ войтовствомъ Барскимъ, „ему и его потомкамъ на вѣчныя времена, правомъ дѣдичномъ, никогда не отъемлемымъ“, послѣ чего Выговскому выдана была новая жалованная грамота, весьма широковѣщательно и пространно описывавшая его удивительныя заслуги предъ рѣчью-посполитой [2]). Но распространяясь въ похвалахъ, всѣ эти документы довольно неопредѣленно выражаются о самомъ предметѣ пожалованія: „Барское староство со всѣми принадлежностями, въ его исконныхъ границахъ“, „съ гор. Баромъ, мѣстечками, селами“ и т. п. Входили ли сюда лишь тѣ имѣнія, которыя находились въ послѣднее время въ непосредственномъ держаніи старосты, или также и тѣ, которыя принадлежали раньше къ староству, но потомъ отошли отъ него? Подлежали ли административной власти и юрисдикціи „дѣдича Бара“ шляхетскія околицы, входившія въ составъ Барскаго староства? такое подчиненіе, конечно, трудно согласить съ частноправнымъ (на „земскомъ правѣ“) владѣніемъ, присвоеннымъ Выговскому, но пожалованія вовсе не оговариваютъ этого. О томъ, что войтовство Барское входило въ составъ пожалованія, сеймовая конституція даетъ понять лишь косвенно тѣмъ, что уничтожая грамоту на староство Барское, данную Б. Радзивилу, обѣщаетъ ему въ будущемъ вознагражденіе и за староство и за войтовство Барское. Все это создало впослѣдствіи значительныя недоразумѣнія.

Въ виду неудачи Гадяцкаго трактата Выговскій, очевидно, опасался за судьбу полученныхъ пожалованій и хлопоталъ о выдачѣ подтвержденія. Ходатайство это вносилось даже въ инструк-

---

[1]) Памятники Кіев. Ком. III, 3 с. 327.

[2]) А. Б. с. II № 48, 51, Volum leg. IV р. 302; эти три пожалованія представляютъ градацію восхваленій дѣятельности Выговскаго.

ціи сеймиковъ Кіевскаго и Волынскаго воеводствъ въ 1661 г., но не было удовлетворено, и послѣдующія хлопоты Выговскаго остались безуспѣшными [1]). Послѣ своего низложенія съ гетманства, когда выяснилась вся непрочность Гадяцкой уніи и непопулярность въ войскѣ козацкомъ Выговскаго, послѣдній все болѣе входитъ въ новую роль магната и сенатора Короны Польской и устраняется отъ роли народнаго вождя [2]), тѣмъ болѣе, что и польское общество относилось къ нему недовѣрчиво и готово было всякій его шагъ истолковать въ смыслѣ измѣны [3]). Онъ по долгу проживаетъ въ своихъ барскихъ маетностяхъ, принимаетъ мѣры къ успокоенію и охраненію края и достигаетъ этого до нѣкоторой степени, благодаря содержимому имъ значительному отряду войска и гарнизону въ Барѣ, въ главѣ котораго стоялъ братъ жены Выговскаго Юрій Стеткевичъ [4]). Край въ это время, судя по сохранившимся документамъ, болѣе или менѣе вошелъ въ обычную колею, и перепетіи народной борьбы довольно глухо здѣсь оддавались. Хотя козацкія войны значительно разрѣдили населеніе, и многія села (въ особенности шляхетскія) вовсе лишились крестьянскаго населенія, тѣмъ не менѣе, какъ видно, изъ тарифы 1661 г. Барщина при Выговскомъ далека была отъ запустѣнія; даже евреи успѣли явиться на старыя пепелища [5]).

---

[1]) Архивъ Ю.-З. Р. II, II с. 101, 114—5, 117, Памятники IV, 3 с. 149—140, письмо къ Немиричу 1662 v.: недовольный глухимъ упоминаніемъ о своемъ пожалованіи въ конституціи 1661 г. о вознагражденіи Радзивила за Барское старосто (Volum. leg. IV p. 330), Выговскій просилъ внести просьбу о немъ въ инструкціи 1662 г., но напрасно.

[2]) Ср. письмо его 1662 г. въ Памятн. IV, 3, с. 142.

[3]) См. напр. Памятники Кіев. Ком. IV, 3 с. 10, 142, 155.

[4]) Ibid. с. 12; о Стеткевичѣ—въ статьѣ Ролле Kobiety na dworze czehryńskim, Bibliot. Warszaw. 1893, X (с. 104), сообщающей интересныя свѣдѣнія о семьѣ Выговскаго (переводъ въ Кіевской Стар. 1894, III).

[5]) По переписи 1661 г. запустѣвшими показаны: Сеферовка, Шершни, Кужелева, Корначовка, Стодульцы, Ходаки, Шарки, Шелеховъ, Покутинцы, Крутобородинцы, Мытки, Лопатинцы, Коростовцы, Галь-

Выговскій, какъ видно, вѣрилъ въ близкое успокоеніе края и дѣятельно занимался своими имѣніями. Сохранилось нѣсколько сдѣлокъ его, относящихся непосредственно до Барщины. Уцѣлѣвшія изъ имѣній западной Барщины два села—Морозовъ и Барановку онъ продалъ Казимиру Ржевусскому, вѣроятно—не разсчитывая на возвращеніе отошедшихъ отъ староства западныхъ волостей. Вмѣсто того онъ пріобрѣлъ у Ржевусскаго его доживотныя права па Шыинцы и Шелеховъ, „въ качествѣ дѣдича всѣхъ принадлежащихъ къ Бару селъ, по сеймовой конституціи" [1]). Правдоподобно Выговскій считалъ ихъ своею собственностью, какъ принадлежность Барскаго староства. Онъ пріобрѣтаетъ также на разныхъ условіяхъ обширныя имѣнія въ другихъ областяхъ—въ воеводствѣ Браславскомъ (Махновка, Змырчинцы, сумму на г. Браславѣ), Русскомъ (Руда, Облазница, Новоселица), Кіевскомъ (Загальцы, Пясковка, Дружня) [2]).

По отношенію къ барской шляхтѣ Выговскій претендовалъ на административную власть и юрисдикцію, принадлежавшую прежнимъ барскимъ старостамъ, и на тѣ повинности, которыя шляхта прежде отбывала, очевидно—разсматривая ихъ какъ одну изъ доходныхъ статей староства. Но шляхта не была расположена безпрекословно подчиниться требованіямъ новаго дѣдича. Волковинскіе,

---

чинцы, Буцни, Михоловцы, Степанковцы, Морозовцы; въ этомъ перечнѣ много поселеній, и раньше не отличавшихся многолюдствомъ, а шляхетскія околицы, утративъ немногочисленное свое крестьянское населеніе, удержали, конечно, хотя въ уменшившемся числѣ, населеніе шляхетское (ср. данныя 1662 г.—А. Б. с. II R. 1662). Въ Барѣ значится 102 дома, кромѣ еврейскихъ, въ Черемисахъ 10, Елтушковѣ 22, Деражнѣ 21, Ивановцахъ 15, Коморовцахъ 6, Маньковцахъ 6, Молоховѣ 3, Шершеневцахъ 3, с. Елтушкахъ 12, Головчинцахъ 5, Лукѣ 20, Деражнѣ Калинской 15, Деражнѣ Гатной 20, Галузинцахъ 7, Кудіевцахъ 14, Радіевцахъ 5, Васютинцахъ 1, Поповцахъ 1, Волковинцахъ 2, Морозовѣ 4, Глибовѣ 2, Мукаровѣ 15, Каричинцахъ 6, Матыйковѣ 4, Голодкахъ 1, Ботвинѣ 1—Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 502—520.

[1]) А. Б. с. II R. 1663.

[2]) А. Б. с. II с. 119—122, R. 1663.

Радіевскіе и Буцни жаловались королю на утѣсненія, и король взялъ ихъ сторону. Въ сохранившемся рескриптѣ онъ упрекаетъ Выговскаго, что тотъ отягощаетъ шляхтичей „разными необычными повинностями на замокъ Барскій, службами и судами, стараясь обратить ихъ дѣдичныя права въ ленныя“ [1]). Неизвѣстно, принадлежала ли эта мотивировка самымъ жалобщикамъ, но она, конечно, была неосновательною. Съ нашей точки зрѣнія мы ожидали бы иной постановки вопроса: могла ли продолжиться административная власть и юрисдикція старосты надъ шляхтою и замковыя повинности шляхты (которыя и по польскимъ юридическимъ воззрѣніямъ, не признававшимъ государственнаго характера за юрисдикціею доминіальною и крестьянскими повинностями, имѣли характеръ государственный, а не частный) послѣ того, какъ самое староство превратилось въ частноправное дѣдичное владѣніе. Но этотъ мотивъ не выступаетъ: причиною тому была постепенная утрата старостинскимъ держаніемъ въ Барщинѣ государственнаго характера и привычка разсматривать его съ точки зрѣнія частноправной, какъ обыкновенную державу (tenuta).

Барскіе шляхтичи дѣйствительно владѣли своими владѣніями не на дѣдичномъ (разумѣя привилегированное владѣніе), а на ленномъ правѣ, по тогдашней терминологіи (т. е. разумѣя подъ нимъ владѣніе служилое), и повинности ихъ не были нововведеніемъ, потому Выговскій, какъ видно, не отказался отъ своихъ притязаній. По крайней мѣрѣ изъ протестаціи Радіевскихъ, занесенный уже по смерти Выговскаго, мы узнаемъ, что Выговскій неоднократно насылалъ на нихъ козаковъ и „драгуновъ своихъ“. Хотя, по словамъ Радіевскихъ, король назначилъ штрафъ (vadium) въ 60000 злот. въ случаѣ какихъ-либо дальнѣйшихъ насилій со стороны самого Выговскаго или его людей, но это не помогло. Въ ноябрѣ 1663 г. люди Выговскаго напали на Радіевцы, похватали попавшихся Радіевскихъ и отвезли ихъ связанныхъ въ Барѣ, гдѣ цѣлую

---

[1]) А. Б. с. II № 57.

недѣлю выдержали въ тюрмѣ. Черезъ нѣсколько дней новый наѣздъ: отрядъ козаковъ и драгуновъ, до полутораста человѣкъ, ворвался въ Радіевцы, разгромилъ шляхетскія хаты и коморы, порозгонялъ крестьянъ, позабиралъ имущество [1]. Изъ другого позва Радіевскихъ въ трибуналъ узнаемъ, что Выговскій, отправляясь въ свой послѣдній походъ вмѣстѣ съ королемъ, велѣлъ снаряжаться и Радіевскимъ, но тѣ не явились и занесли какую-то жалобу на него. Тогда служебники Выговскаго обвинили ихъ въ Летичевскомъ ґродѣ въ томъ, что они, благопріятствуя, вмѣстѣ съ другими вассалами барскими, врагамъ отечества, вошли въ союзъ съ бунтовщиками и нарушили обязательство военной службы и повиновенія старостѣ барскому, подъ властью и юрисдикціею котораго всегда состояли; въ результатѣ на Радіевскихъ была наложена инфамія, которую Радіевскіе опротестовали и перенесли дѣло въ трибуналъ [2]. Допуская возможность извѣстныхъ преувеличеній въ этихъ извѣстіяхъ, нельзя сомнѣваться въ существованіи обостренной борьбы между Выговскимъ и мѣстною околичною шляхтою (вѣроятно, дѣло не ограничивалось Радіевскими) [3]. Такимъ образомъ непосредственно за установленіемъ дѣдицтва послѣдовало столкновеніе шляхты съ дѣдичемъ-старостою. Это была первая схватка, въ которой застрѣльщиками выступили Радіевскіе; въ слѣдующей, какъ увидимъ, руководящая роль принадлежала Поповскимъ.

Изъ другихъ фактовъ дѣятельности Выговскаго въ Барщинѣ любопытно его отношеніе къ католичеству. Сохранилась его грамота іезуитамъ барскимъ: „стараясь о приведеніи Барщины въ прежнее благосостояніе", Выговскій подтверждаетъ всѣ фундуши и

---

[1] А. Б. с. II № 61.

[2] А. Б с. II № 62.

[3] Любопытно, что Выговскій самъ по происхожденію былъ околичный шляхтичъ, изъ овруцкой шляхты, также боровшейся съ притязаніями своихъ старостъ; объ этой борьбѣ кромѣ изслѣдованія В. Б. Антоновича въ предисл. ч. IV т. I Архива Ю.-З. Р. см. еще Ролле— Z przeszłosci Polesia Kijowskiego p. 38 sq.

привилегіи отцовъ и жалуетъ всевозможныя льготы крестьянамъ ихъ сельца Сеферовки (льготы не помогли, потому что Сеферовка осталась впустѣ). Онъ же водворилъ въ Барѣ францисканъ, которые вслѣдъ за этимъ получили отъ короля пожалованіе на сосѣднее с. Шершни [1]).

Среди этихъ мирныхъ занятій разразилась совершенно неожиданно надъ Выговскимъ катастрофа. Я не буду говорить о ней подробно, но остановиться нѣсколько слѣдуетъ въ виду значенія, какое имѣла она для судьбы Барщины, тѣмъ болѣе что издаваемые теперь документы сообщаютъ нѣкоторыя новыя данныя. Осенью 1663 г. кор. Янъ Казимиръ отправлялся въ походъ на Украину для подчиненія лѣвобережныхъ полковъ. Выговскій также снарядился „съ большими издержками" и отправился за королемъ со своимъ отрядомъ [2]), но пробылъ, какъ видно, въ походѣ не долго и вернулся назадъ. Пока король воевалъ за Днѣпромъ, на правой сторонѣ началось движеніе противъ поляковъ подъ предводительствомъ Сирка. Выговскій въ это время былъ уже въ Барѣ [3]), вернувшись изъ похода. Гетманъ коронный и канцлеръ въ письмѣ изъ подъ Глухова поручали ему отправиться „на Украину", для успокоенія народа [4]). Но гетманъ Тетеря и польскій полковникъ Маховскій, охранявшіе правобережную Украину, враждебно были настроены противъ Выговскаго, и по ихъ мнѣнію присутствіе его могло только содѣйствовать воз-

---

[1]) А. Б. с. II № 56 (ср. Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 519, 530), Volum. leg. IV p. 454, Zameczki podolskie III p. 147. Королевское пожалованіе Шершней вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе: они вѣдь входили въ составъ староства; не было ли и въ этомъ пожалованіи инициативы Выговскаго?

[2]) См. А. Б. с. II с. 124.

[3]) См. Ерлича Latopisiec. II p. 87.

[4]) Такъ разсказываетъ самъ Выговскій—А. Б. с. II с. 116—7; Коховскій (Climacter III p. 117) говоритъ, что въ этомъ смыслѣ писалъ ему король изъ-подъ Глухова.

мущенію [1]). Дѣйствительно, по Украинѣ ходили слухи о сношеніяхъ Выговскаго съ возставшими, что онъ перешелъ на ихъ сторону; въ такомъ смыслѣ Тетеря писалъ и королю. Въ виду этихъ наслуховъ Выговскій издалъ 1/III 1664 г. въ Фастовѣ, гдѣ тогда находился, универсалъ къ козакамъ, приглашая ихъ къ покорности и увѣряя, что распущенный слухъ, будто онъ ищетъ гетманства, совершенно ложенъ [2]). Но слухи объ участіи Выговскаго въ возстаніи не прекращались. Тетеря разсказывалъ потомъ, что главнымъ виновникомъ былъ братъ Выговскаго Константинъ, который будто бы побуждалъ брата добиться сверженія Тетери и стать во главѣ Украины; онъ будто бы, повидавшись въ Чигринѣ съ Тетерею, увѣрилъ брата, что Тетеря рѣшился его погубить, и тѣмъ побудилъ Ивана къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ: И. Выговскій, остановившись въ Шавлыхѣ, вошелъ въ сношенія съ Сиркомъ и началъ волновать народъ, въ особенности при посредствѣ Сулимки [3]). Наконецъ Тетеря съ Маховскимъ рѣшились арестовать Выговскаго и пригласили его къ себѣ; тотъ не медля отправился къ нимъ: по его словамъ, Маховскій подъ клятвою заявилъ, что не замышляетъ противъ него ничего злого. Но его немедля арестовали; обѣщали сначала отослать на судъ къ королю, затѣмъ нарядили военный судъ, приговорившій его къ смерти. Главною уликою послужило сознаніе сподвижниковъ Сулимы, заявившихъ, что Выговскій находился въ сношеніяхъ съ послѣднимъ, обмѣнялся съ нимъ присягою, далъ ему хоругвь и универсалъ отъ царскаго имени съ повеленіемъ истреблять ляховъ [4]). Выговскій отрицалъ эти показанія, говорилъ, что

---

1) См. особенно письмо Маховскаго въ Памятникахъ IV, 3 с. 395 (9/II 1664).

2) Памятники IV, 3 с. 404. Въ этомъ универсалѣ было нѣчто, что могло еще болѣе раздражить Тетерю: Выговскій приглашалъ вмѣстѣ съ тѣмъ козаковъ къ выбору гетмана.

3) А. Б. с. II с. 137—138.

4) Памятники IV, 3 р. 409. Коховскій говоритъ о какихъ-то собственноручныхъ письмахъ Выговскаго, доказывавшихъ ей сношенія съ врагами (ср. Ерлича II р. 89 и Лизогубовскую лѣтоп. въ Сборникѣ лѣ-

никакой хоругви не давалъ, возмутительныхъ универсаловъ не писалъ, присяги возмутившимся не давалъ и ни къ какимъ убійствамъ не побуждалъ, но на его заявленія не обращали вниманія, и сенаторъ Короны Польской былъ разстрѣлянъ „въ обозѣ подъ Ольховцемъ“ (ок. Звенигородки) 16 или 17 марта 1664 г. [1]).

Вопросъ о виновности Выговскаго остается вопросомъ. Мы имѣемъ теперь собственныя показанія Выговскаго и Тетери; но оба эти разсказа не могутъ быть приняты на вѣру. Тетеря былъ главнымъ виновникомъ гибели Выговскаго, и послѣдній, очевидно, его имѣетъ въ виду, говоря объ интригѣ врага, „наступающаго на его честь, репутацію и заслуги предъ королемъ и рѣчью-посполитой“. Судъ и казнь Выговскаго были сами по себѣ незаконны, и обвинителямъ Выговскаго нужно было непремѣнно доказать его виновность. Съ другой стороны, для Выговскаго и его родни реабилитація не была только вопросомъ чести, но и благосостоянія: Тетеря, обвиняя Выговскаго въ измѣнѣ, требовалъ конфискаціи его имѣній, и Выговскій въ завѣщаніи взываетъ къ своимъ родичамъ и знакомымъ, прося ихъ защищать его невинность. Немедленно по смерти Выговскаго его братъ занесъ протестацію въ гродѣ Красноставскомъ, выхваляя заслуги и доблести гетмана и обвиняя осу-

топ. Южн. и Зап. Рос. с. 22), но Выговскій въ своихъ оправданіяхъ (А. Б. с. II с. 117) имѣетъ въ виду, очевидно, обвиненія, выставленныя противъ него въ показаніяхъ козаковъ Сулимы (iakies bayki chłopskie), и едва ли въ дѣйствительности существовали противъ него другія вѣскія улики.

[1]) Завѣщаніе Выговскаго (А. Б. с. II № 60) помѣчено 16 марта: онъ былъ разстрѣлянъ, вѣроятно, въ этотъ или слѣдующій день; съ этимъ согласуется и дата показаній Сулимовыхъ козаковъ (15 марта); изъ завѣщанія же становится въ точности извѣстно мѣсто казни. О гибели Выговскаго подробно см. у Костомарова Руина с. 43—51; изъ источниковъ наиболѣе подробный разсказъ у Коховскаго (III p. 116—118): въ общемъ онъ согласуется съ другими данными, затѣмъ у Ерлича (II с. 87—89); извѣстіе послѣдняго о насильственномъ арестѣ Выговскаго опровергается показаніями завѣщанія.

дившій его судъ; сеймики браславскій и кіевскій (послѣдній даже неоднократно) внесли въ инструкціи требованія разслѣдованія дѣла о казни Выговскаго и наказанія его обвинителей [1]). Общественное мнѣніе несомнѣнно было сильно поражено этою казнью. Такимъ образомъ вопросъ о виновности Выговскаго не утратилъ жгучести и послѣ его смерти.

Въ борьбѣ сторонниковъ и враговъ Выговскаго послѣдніе оказались побѣдителями. Какъ ни мало вѣроятенъ фактъ измѣны Выговскаго, послѣдній былъ оффиціально признанъ измѣнникомъ, а приговоръ суда—законнымъ и справедливымъ. Барское староство было конфисковано и передано Станиславу Потоцкому: эта грамота составляетъ какъ бы антитезу неумѣреннымъ комплиментомъ по адресу Выговскаго въ пожалованіи 1659 г.; король объявляетъ, что многократныя измѣны возбуждали недовѣріе къ Выговскому, и въ прошедшемъ году онъ былъ дѣйствительно уличенъ въ возмущеніи Украины и казненъ военнымъ судомъ, почему пожалованія, данныя ему подъ давленіемъ государственной необходимости, возвращаются въ казну [2]).

Мы можемъ догадываться, что наслѣдники Выговсккаго, въ особенности его сынъ Евстафій, не оставляли своихъ притязаній на пожалованныя имѣнія [3]), но безуспѣшно. Наконецъ, отчаявшись въ успѣхѣ, Евстафій въ 1698 г., въ гродѣ Львовскомъ, продалъ свои права на Барское староство подкоморію коронному кн. Юрію Доминику Любомирскому [4]). Дѣло, очевидно, еще не было безнадежнымъ. Какіе мотивы выставлены были противъ конфискаціи, неизвѣстно; вѣроятно, выдвигалась недоказанность измѣны Выговскаго, а можетъ быть—ссылались и на букву сеймовой конституціи, по которой пожалованіе ни въ какомъ случаѣ не могло быть отмѣнено. Любо-

[1]) А. Б. с. II с. 117—120, 138, Архивъ Ю.-З. Р. II, II, с. 201—2, 229, 265, см. также инструкцію Черниговскаго воеводства—с. 190.

[2]) А. Б. с. II с. 132—133.

[3]) См. напр. Архивъ Ю.-З. Р. II, II с. 190.

[4]) Vol. leg. VIII p. 142; попытка моя добыть самый документъ была безуспѣшна.

мирскій, конечно, имѣлъ возможность придать гораздо больше вѣсу своимъ претензіямъ и спустя нѣсколько лѣтъ дѣйствительно вступилъ во владѣніе Барщиною, хотя и не на правахъ дѣдичныхъ, какъ увидимъ ниже.

Тѣмъ временемъ Барское староство на прежнихъ основаніяхъ, какъ обыкновенная королевщина, въ 1665 г. было пожаловано, какъ сказано, гетману коронному Станиславу Потоцкому въ пожизненное держаніе, „какъ владѣлъ имъ Иванъ Выговскій“ [1]). Однако дѣдичное владѣніе послѣдняго, несомнѣнно, не прошло безслѣдно и повліяло на дальнѣйшее усиленіе частноправнаго характера старостинскаго держанія; вліяніе это сказалось и въ соединеніи съ староствомъ войтовства Барскаго.

Станиславъ Потоцкій очень недолго держалъ староство: онъ умеръ въ 1667 г., и староство въ томъ же году было снова пожаловано Богуславу Радзивилу, бывшему уже разъ барскимъ старостою—до дѣдицтва Выговскаго [2]), тоже лишь на нѣсколько лѣтъ: въ 1670 г. перешло оно къ гетману Яну Собескому, который однако въ 1672 г. отказался отъ него въ виду нареканій на короля по поводу этого пожалованія. Собескій при этомъ объяснялъ, что староство это, въ виду издержекъ на укрѣпленіе, не приносило ему никакого дохода [3]). Это вполнѣ вѣроятно: послѣ гибели Выговскаго оставшаяся безъ опеки Барщина подверглась сильнѣйшему запустѣнію. Люстраторы 1668 г., восхваляя незапятнанную вѣрность Бара, которая, вѣроятно, обусловливалась постояннымъ присутствіемъ значительнаго гарнизона, весьма мрачными красками рисуютъ положеніе города и всего края. Двигавшіеся безпрестанно отряды польскіе, козацкіе, татарскіе причиняли жестокія опустошенія и держали населеніе въ постоянной тревогѣ; еще болѣе безпокоили край купы т. н. опрышковъ и левенцовъ, шатавшіяся по Поднѣстровью: уже

---

[1]) А. Б. с. П № 65.

[2]) К. Ц. А. № 5244 л. 113 об. (1667): заявленіе вознаго о вводѣ Радзивила во владѣніе Барскимъ староствомъ и войтовствами.

[3]) Piśma do wieku Sobieskiego—у Ролле, Sylwetki IX p. 295, 297.

люстрація 1665 г., описывая запустѣніе шляхетскихъ маетностей, постоянно на нихъ жалуется [1]). Барскій гарнизонъ служилъ для населенія тоже не меньшимъ бременемъ, чѣмъ эти захожіе враги: сохранившіяся книги Летичевскаго грода этого времени заключаютъ множество жалобъ на этотъ гарнизонъ о разныхъ безчинствахъ, насиліяхъ, захватѣ имущества и т. п. [2]). Въ результатѣ полное разстройство и запустѣніе. Крестяне большей частью оказывались безъ рабочаго скота, поля оставались незасѣянными, жители крылись въ шалашахъ по лѣсамъ, не рѣшаясь, въ виду постоянныхъ нападеній, оставаться въ селахъ [3]).

---

[1]) Люстрація 1665 г. перечисляетъ имѣнія, не принадлежавшія уже къ Барскому староству и находившіяся въ пожизненномъ держаніи у польскихъ шляхтичей. Почти всѣ эти имѣнія, входившія раньше въ составъ староства, лежали совершенно впустѣ; именно пустыми показаны: Шыинцы (Ржевусскаго), приселки В. Мукарова—Ярова, Присовка, Вихровка и Мицовцы (все Вихровскаго), Крутибородинцы (Богуша), Стодольцы (Сосновскаго), Шелеховъ (половина, Ржевусскаго), Матыйковъ и Кудіевцы (Володыевскаго), Домбровица и Верховка (Бродницкаго), Радзеповцы (Кохана), Козяровцы (Лабецкаго), Новоселка и Красноселка (Злочовскаго), Межировъ съ Войтовцами (войтъ Злочовскій), Копайгородъ съ Онушковцами и Шепинками, Куриловцами и частью Гальчинецъ (Войц. Мясковскаго), Ботвина (Мышковскаго), Карачинцы Рымовые (Вержховскаго), Покутинцы (Лужецкаго), Несторовцы (Телефуса). Населеніе показано: въ Мукаровѣ В. (Вихровскаго) 15 подданныхъ, на słobodę zaciągnionych, въ Голодкахъ 1 poddany starynny, въ Черешневкѣ 3—люстрація въ Варшав. Гл. Архивѣ, Lustrationes № 74 p. 253 sq.

[2]) Для примѣра см. А. Б. с. II R. 1668; подобнаго рода жалобы въ К. Ц. А. № 5244 л. 115 об. № 48--9), 117—8 (№ 69, 71, 73, 74, 76, 78), 125 об. (№ 56), 130—1 (№ 28, 34, 39), № 5245 л. 126 об. (№ 8), 170 (№ 110), 1666—1670 г.

[3]) Тарифа 1668 г.—Архивъ Ю.-З. Р. VII, II с. 527—530. Запустѣвшими показаны: Войтовцы, Молоховъ, Шыинцы, Шелеховъ, Шарки, Ходаки (kilka chłopow przy zameczku mieszkaią), Яблоновка, Дашковцы, Шершни, Сеферовка, Маліевцы, Верховка, Чемерисы, Крутобородинцы,

Наконецъ, въ довершеніе всего предшествующаго, въ 1672 г. по Бучацкому трактату Барщина вмѣстѣ съ остальнымъ Подольемъ перешла во власть турокъ. Хотя жителямъ предоставлено было оставаться на своихъ грунтахъ подъ условіемъ платежа харача, но подъ турецкимъ верховенствомъ жилось не сладко, и населеніе эмигрировало въ значительныхъ массахъ. Польская шляхта эмигрировала поголовно, покинувъ свои имѣнія. Что сталось съ барскою околичною шляхтою, трудно сказать, такъ какъ свѣдѣній о жизни Барщины за все это время почти нѣтъ; думаю, что не вся она попала въ ряды изгнанниковъ, которые въ к. XVII в. zdaleka patrzą na substancyą swoią, какъ выражаются въ одномъ документѣ Сербиновскіе [1]); часть ея, вѣрно, осталась на своихъ осадахъ: державшаяся же она раньше среди постоянныхъ татарскихъ набѣговъ, едва ли испугало бы ее и сожительство съ татарами и турками. Въ росписаніи пособій подольскимъ изгнанникамъ (1678—9 г.) [2]), бывшихъ у меня подъ рукою, околичной шляхты не встрѣчается. Возможно даже, что среди чемерисскихъ хоругвей барскихъ, упоминаемыхъ при описаніи набѣговъ барскаго

Сербиновцы, Коростовцы, Лопатинцы, Петрани, Степанки, Кудыевцы, Поповцы, Буцни, Михоловцы, Елтухи, Морозовъ, Барановка, Мытки, Кузминцы, Примощеница, Марьяновка. Въ Барѣ показано 137 домовъ, кромѣ шляхетскихъ, духовныхъ и слугъ, но въ виду крайней нищеты жителей они посчитаны за 25 дымовъ; въ Биликовцахъ 2 дыма, Комаровцахъ 4, Каричинцахъ Гетманскихъ 6, Слободкѣ 1, Головчинцахъ 1, Маньковцахъ 2, Ивановцахъ 2, Межировѣ 1, м. Елтушковѣ 4, с. Елтушковѣ 4, Деражнѣ 46 домовъ, посчитано за 8 дымовъ, Деражнѣ Гатной 26 домовъ, дымовъ 8, въ Деражнѣ Калинской 4 дыма, Черешенькахъ 4, Новоселкѣ 3, Каричинцахъ 4, Матыйковѣ 2, Ботвинѣ 1. Любопытно, что и здѣсь шляхетскія села подверглись болѣе сильному запустѣнію сравнительно со старостинскими.

[1]) К. Ц. А. № 5284 f. 1186 (интерцыза Сербиновскихъ и Олтаржевскаго 1693 г., въ Унинѣ).

[2]) Книга № 3637 Кіев. Центр. Архива.

бея Кричинскаго, бывала и околичная шляхта: выше вы видѣли, что ее и раньше иногда смѣшивали съ чемерисами.

Крестьянское населеніе тоже, вѣроятно, не цѣликомъ разошлось, хотя имѣются несомнѣнныя указанія на выселеніе: такъ крестьянинъ изъ с. Кошаринецъ въ 1708 г. показывалъ, что Мытки „подъ часъ войны Турецкой“ перевели своихъ подданныхъ на Волынь, „подъ Заславъ, до Плищина“ [1]). Много народу должно было уйти въ Волощину, обычный пріютъ подольскаго крестьянства. Еще раньше сильно разрѣженное, населеніе Барщины теперь должно было сократиться до вовсе незначительныхъ размѣровъ.

Я упомянулъ о чемерисахъ. Въ періодъ турецкой оккупаціи они неожиданно получаютъ большую извѣстность. Подъ этимъ именемъ выступаютъ татарскія ватаги, занимающіяся набѣгами на сосѣднія поселенія; центромъ ихъ былъ Баръ, и самимъ знаменитымъ вождемъ—барскій бей Александръ Кричинскій, наводившій страхъ на окрестности. Современныя реляціи представляютъ эту дружину довольно многочисленною, въ нѣсколько сотъ. Судя по этому одному, ихъ нельзя вполнѣ отождествлять съ немногочисленною чемерисскою колоніею Барщины, которая не отличалась большимъ многолюдствомъ въ XVI в. (около 50 домовъ) и едва ли усилилась въ XVII, а въ періодъ козачины, вѣроятно, сильно порѣдѣла; самое большее, что она составила ядро, около котораго сгруппировался татарскій сбродъ изъ разныхъ мѣстъ и отъ котораго получилъ свое имя (если впрочемъ послѣднее не существовало самостоятельно, благодаря общности происхожденія). Иначе ихъ называли липками, какъ называли тогда всѣхъ татаръ литовско-польскихъ [2]).

---

[1]) А. Б. с. II с. 163.

[2]) Сл. напр. Grabowski Oyczyste spominki II на с. 152. Подробнѣе о подвигахъ чемерисовъ этихъ у Ролле—Zameczki pod. III p. 151 sq., Sylwetki IX p. 323. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Барщинѣ липки извѣстны и въ 1-й четв. XVIII в.: изъ одного документа узнаемъ, что въ 1715—1721 г. ротмистромъ надворной хоругви былъ Милковскій—lipka, послѣ него rotmistrz Radzieiowski (?!), takze lipka.—К. Ц. А. № 5689 f. 38.

Турецкая оккупація окончилась въ 1699 г., и подольская шляхта отъ четырехъ вѣтровъ земныхъ устремилась на свои грунта, чтобы начать колонизацію этой „пустынной Аравіи", какъ назвалъ Барщину Ю. Любомирскій. Крестянское населеніе также двинулось изъ сосѣднихъ областей, особенно съ Волыни. Снова появились слободы съ значительными сроками воли, съ разными льготами, какъ полтораста лѣтъ назадъ; снова выступили на сцену осадчіе. Тогдашній староста барскій, в. гетманъ коронный Яблоновскій издалъ универсалъ (1700 г.), призывая мѣщанъ и крестьянъ Барскаго староства, „по разнымъ мѣстамъ проживающихъ", возвращаться на свои отчины и дѣдины, „въ виду наступленія желаннаго покоя" [1]). Но хлопоты были преждевременны, шляхтѣ предстояло еще тяжкое испытаніе: не успѣла она осѣсться какъ козацкое движеніе захватило Подолье [2]). Самусь взялъ въ 1702 г. Немировъ, и козачьи отряды разсѣялись по Подолью; крестьяне покозачились, шляхта въ паническомъ ужасѣ ожидала повторенія Хмельничины. Объявлено было поголовное ополченіе, но изъ него ничего не вышло. Пописъ его интересенъ въ томъ отношеніи, что показываетъ количество шляхты на Подольѣ; между прочимъ изъ него видно, какъ уменьшилась барская околичная шляхта: она ставитъ всего 21 конь, въ то время какъ въ нач. XVII в. могла выставить ихъ до 400 [3]). Впрочемъ на барскихъ шляхтичей надежда была плоха: какъ во время Хмельничины, и теперь они, по крайней мѣрѣ многіе, больше тяготѣли къ козачинѣ, и нѣкоторые принимали участіе въ возстаніи. Самый Баръ перешелъ въ руки возставшихъ. Но силы возстанія были не велики; гетманъ Сенявскій безъ труда разсѣялъ отряды, и весною 1703 г. край считался вполнѣ усмиреннымъ. Масса народа ушла за Днѣстръ въ Волощину; въ особенности съ Поднѣстровья уходили туда цѣ-

---

[1]) А Б. с. II с. 149, Staroż. Polska III p. 216.

[2]) См. о немъ у В. Б. Антоновича—Послѣднія времена козачества с. 130—138, 145—153, 155—156.

[3]) А. Б. с. II № 74, Антоновичъ ор. с. с. 131.

лыми осадами; уходили и изъ Барщины [1]). Впрочемъ послѣ ухода Сенявскаго съ войсками изъ Подолья народное броженіе снова стало здѣсь замѣчаться, а Сѣверная война и борьба за польскую корону, сопровождавшаяся постоянными передвиженіями войскъ, мелкою, партизанскою войною между сторонниками разныхъ партій, не давали краю возможности успокоиться и устроиться. Еще въ 1712 г., по клятвенному заявленію барскаго губернатора и мѣщанъ, Баръ и староство находились въ такомъ бѣдственномъ состояніи, „особенно вслѣдствіе опустошеній отъ войскъ московскихъ, литовскихъ и коронныхъ, двигающихся то туда то сюда", что рѣшительно не въ силахъ были выплатить наложеннаго на нихъ подымнаго. Въ Барѣ значится всего 77 домовъ; въ 11 селахъ старостинскихъ 90 тяглыхъ и 64 пѣшихъ; въ 11 шляхетскихъ—72 домовъ шляхетскихъ и 30 крестьянскихъ! [2]) Только со второго десятилѣтія XVIII в. Барское староство начинаетъ пользоваться спокойствіемъ и благоустрояться. Самый Баръ впрочемъ никогда уже не могъ оправиться отъ ударовъ, постигавшихъ его въ теченіе полувѣковой тревоги, и пріобрѣсть прежнее значеніе; въ XVIII в. это уже довольно незначительный городокъ, торговое значеніе котораго переходитъ къ Могилеву, административное падаетъ съ усиленіемъ частноправнаго характера старостинскаго управленія, а военное сохранялось лишь вслѣдствіе гайдамацкихъ переполоховъ, сгонявшихъ сюда окрестную шляхту. Въ 1736 г. въ немъ значится 147 христіанскихъ домовъ и 155 еврейскихъ. Въ 1757 г.—въ старомъ городѣ 73 христ. дома и 95 евр., въ новомъ городѣ 154 христ. и 144 евр.; существовали (въ 1757 г.) цехи: ткацкій (26 дв.), шевскій (20), гончарскій (15), ковальскій (16), кушнирскій (12); мельники составляютъ отдѣльную группу населенія (въ 1736 г.—25, въ 1757—7). Цифры 1760 г. представляютъ значительную разницу: въ старомъ городѣ 143 христ. и 89 евр., въ новомъ—261 христ. и 77 евр. Наконецъ по инвентарю 1774 г. осѣдлыхъ дворовъ христ. 251, еврейскихъ 199 (ниже

[1]) Архивъ Ю.-З. Р. III, II № 200, 204, 208, ср. А. Б. с. I № 86.
[2]) А. Б. с. II № 81.

число евреевъ опредѣляется въ 385); это уменьшеніе населенія должно быть отнесено на счетъ барской конфедераціи. Въ концѣ XVIII в. Баръ уступалъ въ многолюдствѣ и зажиточности не только Могилеву, но и Хмельнику, Межибожу, Шаргороду (тарифа 1790 г.) [1]). Городъ имѣлъ видъ неприглядный; прудъ и рѣка разливались широкими болотами; поднимавшаяся и разливавшаяся по городу вода производила страшную грязь, и пѣшеходы пробирались по утлымъ деревяннымъ мосткамъ, настланнымъ по улицамъ. Въ 1765 г. городъ былъ окруженъ обветшавшимъ палисадомъ и глубокими, хотя и осыпавшимися валами. Ф. Любомирскій объяснялъ люстраторамъ, что онъ, желая доставить безопасное убѣжище обывателямъ повѣта и содѣйствовать оборонѣ края, exkursyom haydamackim y najazdom swywolnych kup podległego, отремонтировалъ замковыя укрѣпленія и повысилъ стѣны, и содержитъ чужеземный гарнизонъ. Въ 1768 барскія укрѣпленія были поправлены на скорую руку, но послѣ аттаки союзныхъ войскъ отъ замка остались однѣ развалины [2]).

Спокойное теченіе жизни староства на протяженіи XVIII в. было возмущено два раза: въ 30-хъ годахъ гайдамацкое движеніе, во главѣ котораго на Подольѣ стоялъ Верланъ изъ Шаргорода, борьба партизановъ саксонскихъ и французскихъ по поводу престолонаслѣдія, постой и переходы русскихъ войскъ произвели въ общей сложности немалый полохъ въ краѣ, хотя до какихъ-либо открытыхъ и серьезныхъ столкновеній дѣло, повидимому, не доходило [3]). Среди крестьянскаго населенія и околичной шляхты Барщины движеніе Верлана не осталось безъ сочувствія. Объ участіи крестьянъ свидѣтельствуютъ поручныя записи, выданныя односель-

---

[1]) В. Г. А., Lustrationes № 66^a p. 53 sq. (инв. 1736 г.), 65^a p. 111 sq. (1757), К. Ц. А. № 5321 f. 194 v. (1770), № 5550 f. 43 v. (1790).

[2]) К. Ц. А. № 5512 л. 69, 81 v. (люстрація 1765 г.), 5513 f. 2 (инвентарь 1774).

[3]) О движеніи 1734 г. см. у В. Б. Антоновича—Изслѣдованіе о гайдамачествѣ с. 100 сл.

чанами за обвиненныхъ (имѣются такія записи с. Головчинецъ, Ивановецъ, Шарокъ, Гермакъ, Биликовецъ) [1]); на поруки впрочемъ выпускались, какъ видно, только менѣе скомпрометтированные. Относительно прикосновенности барскихъ шляхтичей къ этому и послѣдующимъ народнымъ движеніямъ XVIII в. встрѣчаются также иногда довольно ясныя указанія въ документахъ.

Другимъ событіемъ околицы была Барская конфедерація. Можетъ показаться страннымъ, что околичные шляхтичи, принимавшіе участіе въ чисто демократическихъ движеніяхъ, участвовали и въ такомъ ultra-шляхетскомъ движеніи, какъ эта конфедерація, однако такъ было, и это не трудно объяснить. Если, помимо удали и корыстныхъ инстинктовъ, въ народныя движенія влекла шляхту ея этнографическая и культурная близость къ народной массѣ, то Барская конфедерація со своею декларацією шляхетскихъ правъ тоже находила созвучную струну у барскаго шляхтича, шляхетскія права котораго терпѣли такія ограниченія со стороны старостинскаго уряда и какъ разъ незадолго передъ тѣмъ подверглись нападенію со стороны Любомирскихъ. Могъ кромѣ того оказывать на шляхту вліяніе и Мартинъ Любомирскій, приверженецъ конфедераціи, хотя его дядя, владѣлецъ Барщины, стоялъ на сторонѣ короля. Впрочемъ замѣтнаго вліянія на внутреннюю жизнь староства конфедерація не оказала, и такъ какъ связь ея съ староствомъ была чисто внѣшняя (на Барѣ остановились конфедераты потому, что не удалось овладѣть столицею воеводства—Каменцемъ), то и распространяться я о ней не буду. Околичные шляхтичи служили въ войскѣ конфедераціи, участвовали въ защитѣ Бара во время его штурма; по обыкновенію, кое-кто изъ нихъ воспользовался присутствіемъ россійскихъ солдатъ для своихъ личныхъ счетовъ, насылая ихъ на своихъ неблагопріятелей. Въ общемъ конфедерація дорого обошлась краю; кн. Любомирскій жаловался, что Барскія маетности, благодаря конфедераціи и постоямъ „войскъ

[1]) Изданы въ Архивѣ Ю.-З. Р. Ш, Ш № 35, 45, 46, 47, 55.

заграничныхъ“ do takiey, iak być nie moze lichsza, przyprowadzone situacii, и онъ не получаетъ съ нихъ никакихъ доходовъ; въ виду такого разоренія сеймъ въ 1775 г. сложилъ недоимку со староства за $3\frac{1}{2}$ года [1]).

Какъ было упомянуто, у Евст. Выговскаго въ 1698 г. пріобрѣлъ права на Барское староство Юрій Любомирскій; тотчасъ, еще до прекращенія турецкой оккупаціи de jure, онъ совершилъ вводъ во владѣніе (30/VI 1698 г.) [2]). Но вводъ этотъ, несомнѣнно, былъ номинальный; въ дѣйствительности Любомирскій вступилъ во владѣніе лишь нѣсколько лѣтъ спустя. Послѣ прекращенія оккупаціи барскимъ старостою именуется в. гетманъ Станиславъ Яблоновскій, издавшій упомянутый выше универсалъ къ барскимъ обывателямъ; онъ скончался въ 1702 г. Въ 1703—5 г. распоряжался въ Барщинѣ уже Любомирскій, именовавшій себя старостою барскимъ [3]). Но въ 1706 г. король выдалъ грамоту „на управленіе староствомъ Барскимъ“ в. гетману Николаю Сенявскому, который былъ введенъ во владѣніе и, какъ видно изъ писемъ 1707 г., дѣйствительно управлялъ Барскимъ староствомъ [4]). Не имѣя жалованной грамоты ни Сенявскому, ни Любомирскому, затрудняюсь рѣшить, какъ нужно понимать эту передачу староства Сенявскому, была ли то временная суррогація, или она игнорировала права Любомирскаго. Во всякомъ

---

[1]) Zameczki podolskie III p. 168—186, К. Ц. А. 4571 f. 182 v., № 5320 f. 1344 v., 1549 v., № 5321 f. 390 v. (подробности для 1768 г.), № 4573 f. 16 (реестръ убытковъ, понесенныхъ барскими мѣщанами вслѣдствіе конфедераціи), Volum. leg. VIII p. 142.

[2]) Кіев. Центр. Арх. № 5266 f. 625 (выпись изъ книгъ Кременецкаго грода).

[3]) А. Б. с. II с. 294, К. Ц. А № 5246 f. 222 v.: жалоба Н. Поляновскаго, губернатора барскаго, отъ имени Ю. Любомирскаго и шляхтичей барскихъ на барскаго губернатора и администратора Погрошовскаго, 1703; № 5247 док. № 237 (распоряженіе Любомирскаго изъ Бара, 1705).

[4]) А. Б. с. II № 77, 78.

случаѣ нѣсколько позже (ок. 1710 г.) Любомирскій окончательно уже утвердился въ Барскомъ староствѣ. Какъ видно изъ документовъ, онъ разсматривалъ себя, какъ обладателя дѣдичныхъ правъ Выговскаго на Барское староство, слѣдовательно — какъ дѣдича Бара; такъ его и именуютъ иногда дѣдичемъ, становясь, очевидно, на ту же точку зрѣнія [1]), но de jure вплоть до 1775 г., когда на Любомирскихъ дѣйствительно были перенесены и подтверждены дѣдичныя права Выговскаго [2]), Любомирскіе считались пожизненными державцами. Получался такимъ образомъ любопытный компромиссъ: Барское староство оставалось въ потомственномъ владѣніи Любомирскихъ, переходило въ наслѣдство и по прямой линіи и по боковой, къ братьямъ и племянникамъ, послѣ мужа наслѣдовала его вдова, но происходило это не въ силу дѣдичныхъ правъ, а на основаніи спеціальныхъ королевскихъ разрѣшеній и пожалованій. Такъ право пожизненнаго владѣнія, принадлежавшее Ю. Любомирскому, въ 1717 г. было королевскимъ пожалованіемъ (jus communicativum) распространено на его жену Магдалину, и по смерти его М. Любомирская, *съ сыновьями*, въ качествѣ наслѣдниковъ, были введены во владѣніе староствомъ. Въ малолѣтство сыновей Юрія—Антонія и Францишка (мать ихъ скоро—ок. 1728 г.—скончалась) управлялъ староствомъ опекунъ ихъ—дядя Теодоръ. Антоній-Бенедиктъ остался владѣльцемъ старостѣа: еще въ 1728 г. онъ получилъ на него королевское пожалованіе, хотя вступилъ въ управленіе лишь нѣсколько лѣтъ спустя. Въ 1759 г. Антоній передалъ за королевскимъ разрѣшеніемъ Барское староство брату Францишку-Фердинанду, которому король также сообщилъ права пожизненнаго владѣнія [3]). Отъ бездѣтнаго

[1]) Такой взглядъ особенно ясно выступаетъ въ различныхъ фундушевыхъ записяхъ въ пользу церквей, костеловъ, см. напр. А. Б. с. II R. 1750, Труды Подоль. ист.-статист. комит. IV с. 236, К. Ц. А. № 4571 f. 9 sq. (документы францишканъ барскихъ—тутъ мѣщане называютъ Любомирскаго графомъ *на Барѣ*), см. также напр. № 5282 f. 647, 5304 f. 1308.

[2]) Volum. leg. VIII p. 142.

[3]) А. Б. с. II № 85, 107 (распоряженіе Теодора 1731 г.), 154, R. 1728.

Францишка Барское староство перешло въ 1774 г. къ его племяннику, сыну вышеупомянутаго Антонія Мартину-Юрію, который и получилъ въ 1775 г. права дѣдичнаго владѣнія. До тѣхъ поръ все время Барщина считалась королевщиною и подлежала наравнѣ съ другими платежу кварты. Конституція 1775 г., основываясь на томъ, что Любомль, пожалованный Выговскому вмѣстѣ съ Баромъ, былъ признанъ (въ 1768 г.) дѣдичнымъ (земскимъ) имѣніемъ, признала и Барщину, „со всѣми городами, селами, войтовствами и хуторами, входящими въ составъ данины И. Выговскому“, за „вѣчное, земское, дѣдичное“ имѣніе Мартина-Юрія Любомирскаго [1]).

Выше я отмѣтилъ, что пожалованіе Барщины Выговскому не опредѣляло точно объема пожалованія. Права Любомирскихъ восходили къ этому пожалованію, и потому упомянутая неопредѣленность оказывала и на нихъ свое вліяніе. Отъ времени до времени Любомирскіе вчинали процессы о томъ или другомъ имѣніи, доказывая его принадлежность къ Барщинѣ, и иногда выигрывали, иногда проигрывали: такъ въ 1-ой пол. XVIII в. вели они тяжбу о Коморовцахъ (принадлежавшихъ къ войтовству Барскому), о Яблоновкѣ (войтовство Деражéнское), о Кудыевцахъ и т. п. Воевали и съ мѣстною шляхтою по временамъ (съ Поповскими). Два пункта, какъ уже было отмѣчено, особенно представляли затрудненія и поглотили огромное количество не только бумаги и чернилъ, но и денегъ: вопросъ о старостинскихъ селахъ, отошедшихъ къ отдѣльнымъ державцамъ еще до Выговскаго, и о шляхетскихъ околицахъ, оставшихся въ составѣ Барщины. Наконецъ эти споры завершились грандіознымъ процессомъ 70-хъ гг. XVIII в.

Считаю не лишнимъ остановиться на немъ, тѣмъ болѣе, что онъ затрогивалъ многіе интересные вопросы польскаго государственнаго права, которыхъ и намъ приходилось касаться. Кажется, исходнымъ пунктомъ его послужило вступленіе во владѣніе Францишка Любомирскаго въ 1761 г. Въ уступочной записи его брата старостинскія села поименованы наряду съ шляхетскими околицами, и Фр. Лю-

[1]) Vol. leg. VII p. 368, VIII p. 142.

бомирскій произвелъ вводъ во владѣніе послѣдними, какъ бы игнорируя ихъ фактическихъ владѣльцевъ. Шляхта протестовала, полетѣли въ гродъ манифесты de nullitate intromissionis [1]); вмѣстѣ съ тѣмъ шляхта, вѣроятно, стала отказывать старостѣ въ отбываніи прежнихъ повинностей. Пошла вереница позвовъ, тяжбъ. Радіевскіе жаловались въ 1765 г., что Ф. Любомирскій отъ начала своего владѣнія не даетъ имъ покоя разными процессами, выдавая по нѣскольку разъ мандаты (въ королевскій ассессорскій судъ) ad sinistram informationem и причиняя имъ несносные убытки; подобную жалобу заносили и Лопатинскіе. Распря эта, очевидно, сопровождалась очень рѣзкими схватками; въ Лопатинцахъ шляхтичи, сопротивляясь вводу во владѣніе Олизаровъ Лопатинскихъ на основаніи кондемнаты барской юрисдикціи, застрѣлили капрала и жолнера барскаго гарнизона; въ 1776 г. Васютинскіе позывали Любомирскаго и урядниковъ барскихъ, приглашая выдать убійцъ Фед. Мироненка Васютинскаго [2]); быть можетъ, къ этому времени относится и сохранившаяся въ Волковинцахъ легенда, что сынъ (!) кн. Любомирскаго, посланный съ войскомъ привесть къ повиновенію шляхтичей волковинскихъ, отказывавшихся отбывать повинности на замокъ Барскій, былъ убитъ [3]).

Во время люстраціи 1765 г. Ф. Любомирскій, какъ видно, хотѣлъ подвесть шляхетскія околицы подъ одну категорію со своими державами, и люстраторы, опираясь на уступочную запись А. Любомирскаго, хотѣли приступить къ люстраціи ихъ для обложенія квартою. Но шляхта воспротивилась, люстраціи не допустила, и доказывала, что имѣнія ея не подлежатъ платежу кварты. Доводы, приводимые ею, въ общемъ тѣ же почти, какіе и позже приводились въ ея пользу: ссылки на постановленія о прекращеніи экзе-

---

[1]) К. Ц. А. № 5311 (1761) f. 1248 v.—1249, 1262 (Лопатинскихъ, Васютинскихъ, Волковинскихъ, Поповскихъ).

[2]) А. Б. с. П № 158 К. Ц. А. 5648 p. 348, № 5512 f. 82 v. (Лопатинскіе ок. 1765 г.); ibid. № 5715 f. 833 (Васютинскіе).

[3]) Сообщено мѣстнымъ священникомъ—о. П. Думинскимъ.

куціи, на люстрацію 1615 г., исключавшую боярскія села изъ числа обложенныхъ квартою имѣній; одни претендовали при этомъ на признаніе дѣдичныхъ правъ, другіе настаивали только на сохраненіи владѣнія и освобожденіи отъ платежа кварты; многіе не успѣли еще поотыскивать нужные документы и свои заявленія дѣлали болѣе или менѣе голословно. Любомирскій съ своей стороны занесъ протестъ о назаконныхъ притязаніяхъ шляхты, отказѣ въ повиновеніи, безчинствахъ и под. Вопросъ объ этихъ „сомнительныхъ“ (dubii juris) селахъ былъ переданъ люстраторами на разсмотрѣніе центральнаго управленія [1]).

Въ слѣдующемъ году Ф. Любомирскій выдалъ общій позовъ околичной шляхтѣ (исключая Сербиновскихъ, которые, очевидно, успѣли вовсе выйти изъ-подъ замковой зверхности) въ ассессорскій судъ, требуя, чтобы ея документы на владѣніе были кассированы, какъ незаконные, или чтобы шляхта принуждена была къ отбыванію повинностей. Конфедерація должна была отвлечь вниманіе тяжущихся; но распря затѣмъ снова возгорѣлась, и одновременно Любомирскій, ссылаясь на примѣръ Любомля, сталъ добиваться признанія Барщины его дѣдичнымъ владѣніемъ. Кромѣ Любомирскаго, шляхтѣ приходилось вести процессы съ другими „привилегированными donatariuszami“, подъ шумъ этой борьбы успѣвавшими выпросить себѣ привилей то на то, то на другое село въ качествѣ королевскаго [2]). Въ 1774 г. сеймъ нарядилъ коммиссію для разслѣдованія правъ барской шляхты; извѣстно нѣсколько рѣшеній ея, изъ которыхъ видно, что она стала на точку зрѣнія, подобную той, на которой стояла позже комиссія Летичевская: она признанавала эти имѣнія за потомственныя и подлежащія общимъ ко-

---

[1]) Люстрація въ К. Ц. А. № 5512, f. 88 sq., см. также позовъ Любомирскому отъ владѣльцевъ с. Буцень о включеніи ея имѣній въ составъ староства при люстраціи—№ 5317 f. 1050 v.

[2]) Такъ напр. въ 1769 г. Осташевскій получилъ грамоту на Лопатинцы, Фаленцкій въ 1773 на Галузинцы, Сапѣги въ 1774 г. на Волковинцы, Соболевскій на Васютинцы.

ронным судамъ (а не Барской юрисдикціи) [1]. Между тѣмъ послѣдовала конституція о признаніи Барщины земскимъ дѣдичнымъ владѣніемъ. Самъ собою выплывалъ вопросъ о томъ, что должно выйти въ составъ староства, или иначе—данины Выговскаго. Въ 1775 же году назначена была для этого комиссія, но она не довела дѣла до конца [2]. Въ 1776 г. сеймъ назначилъ двѣ комиссіи потому же вопросу: одна должна была собраться въ Варшавѣ для разсмотрѣнія претензій новыхъ дѣдичей Бара на тѣ имѣнія, которыя въ это время считались королевщинами, но находились въ держаніи стороннихъ лицъ, другая въ Летичевѣ—объ имѣніяхъ, фактическіе владѣльцы которыхъ признавали за собою права дѣдичнаго владѣнія [3].

Варшавская комиссія безъ большихъ затрудненій исполнила свою задачу. Извѣстную трудность представлялъ только вопросъ о войтовствахъ: несомнѣнно было, что войтовства первоначально не входили въ число старостинскихъ имѣній, да притомъ существовали еще и спеціальныя постановленія, воспрещавшія соединеніе войтовствъ со старостами, но въ виду упоминанія въ грамотѣ Выговскому 1659 г. о войтовствѣ Барскомъ, коммиссія присудила войтовства Любомирскому. Относительно бывшихъ селъ старостинскихъ дѣло стояло просто: если въ документахъ были указанія, что село находилось на грунтахъ Барскихъ (такъ понимали староство Барское), отбывало повинности на Барскій замокъ и въ люстраціяхъ включалось въ число барскихъ селъ, коммиссія присуждала его Любомирскому, какъ подпадающее подъ данину Выговскаго. Представители короннаго скарба доказывали, что пожалованіе Выговскому отмѣняло только права Радзивила, а не другихъ державцевъ, почему и самъ Выговскій пріобрѣталъ у нихъ села покупкою; они сводили такимъ образомъ претензіи Любомирскихъ къ фактическому владѣнію Выговскаго, но доводы ихъ не имѣли успѣха [4].

---

[1] См. А. Б. с. П К. 1774.

[2] См. краткую исторію этого дѣла въ А. Б. с. П К. 1778.

[3] Vol. leg. VIII p. 547.

[4] Obrona z strony u. instigatorow koronnych (печатн.)– В. Г. А.

Въ гораздо болѣе трудномъ положеніи оказалась комиссія Летичевская, собравшаяся въ концѣ 1777 г. и закончившая свой разборъ въ маѣ 1778 г. Всѣ тѣ противорѣчія, которыя вызвала на свѣтъ экзекуція правъ 1563 г. и которыя не были разрѣшены, а только затянуты и сданы въ архивъ послѣдующими постановленіями, какъ указывалось выше, всплыли теперь наружу и поставили комиссаровъ въ очень затруднительное положеніе. Представители Любомирскаго исходили изъ экзекуціонныхъ постановленій и доказывали, что послѣднія обратили всѣ дѣдицтва и ленныя имѣнія Барщины въ королевщины, а всѣ барскія королевщины должны „подпадать подъ данину Выговскаго". Противная сторона, какъ и въ 1765 г., опиралась главнымъ образомъ на постановленіяхъ о прекращаніи экзекуціи (1588, 1601, 1647 гг.); если имѣлись дѣдичныя пожалованія —ссылались на нихъ, въ случаѣ отсутствія—доказывали непринадлежность имѣнія къ королевщинамъ ссылками на то, что владѣльцы фактически пользовались дѣдичными правами, т. е. передавали имѣніе по наслѣдству, отчуждали его и пр., и не платили кварты; ссылались также на данное королю полномочіе относительно раздаванія подольскихъ пустынь и т. п. [1]). На точку зрѣнія барской шляхты стало большинство летичевскихъ комиссаровъ; меньшинство, какъ и представители Любомирскаго исходили изъ экзекуціонныхъ постановленій. Противъ доводовъ большинства истцы доказывали, что кварта не платилась потому, что ее замѣняла боярская служба; что вопросъ о раздачѣ пустынь остался не рѣшеннымъ и т. п. [2]). Послѣ присужденія нѣсколькихъ селъ положеніе дѣла стало совер-

---

Lustr. № 65^a^ p. 345—354 (эта книга заключаетъ въ себѣ собраніе разныхъ документовъ о процессѣ 1777—8 г.). Протоколъ Варшавской комиссіи въ К. Ц. А. № 5510.

[1]) Образцомъ можетъ послужить мотивировка рѣшенія о Волковинцахъ, см. А. Б. с. П К. 1778.

[2]) Reflexye z prawa do kwestyi od kommissyi Barskiey do przeswietn. Rady (излагаетъ взгляды стороны Любомирскаго) въ В. Г. А. № 65^a^ с. 201—217; 3-й пунктъ, болѣе интересный, см. въ А. Б. с. П К. 1778.

шенно яснымъ; меньшинство считало нужнымъ за разъясненіями спорныхъ вопросовъ обратиться къ Постоянному совѣту; большинство стояло на буквѣ сеймоваго постановленія 1776 г., поручавшаго комиссіи рѣшить дѣло, несмотря на отсутствіе или отказъ которой-либо стороны, и желало продолжать слѣдствіе. Противники объясняли, что оно поступало такъ, частью благодаря связямъ съ заинтересованною шляхтою, частью потому, что сами владѣли маетностями подобнаго же рода. Меньшинство представило въ Постоянный совѣтъ запросы относительно доводовъ противной стороны, отложило засѣданія до разъясненія и разъѣхалось; истцы также оставили засѣданія комиссіи; но большинство комиссаровъ, опираясь на сеймовое полномочіе, постановилъ продолжать засѣданія безъ нихъ [1]). Понятно, что всѣ почти разсматриваемыя имѣнія были оставлены комиссіею за настоящими своими владѣльцами, большею частью на дѣдичномъ земскомъ правѣ [2]), и ниодно село не было присуждено Любомирскому. Послѣдній опротестовалъ рѣшенія коммиссіи и ходатайствовалъ о назначеніи новаго суда для пересмотра дѣла, возбуждалъ искъ въ трибуналѣ. Не знаю, добился ли онъ пересмотра Летичевскихъ постановленій: я не нашелъ на это указаній; а дѣло осталось въ томъ видѣ, какой дала ему Летичевская комиссія.

До постановленія о дѣдицтвѣ Бара староста барскій, считаясь только пожизненнымъ державцемъ, не могъ отчуждать въ собствен-

---

[1]) Такъ изображается дѣло въ запискѣ, вышедшей со стороны Любомирскаго (Postawa etc.—А. Б. с. П R. 1778); въ подлинномъ протоколѣ говорится лишь объ удаленіи истцовъ—К. Ц. А. № 5248 с. 120.

[2]) Именно: Берлинцы Лѣсовые и Полевые, Дашковцы, Мытки съ принадл., Глибовъ, Карачіевцы, Плоскировцы, Романки, Буцни, Волковинцы, Поповцы, Галузинцы, Сербиновцы, Петрани, Кудыевцы, Кн. Лука. Только Елтухи были признаны королевщиною, и то за недостаткомъ документовъ. Дѣло о Кунатовцахъ и Лопатинцахъ было передано въ Варшавскую комиссію; дѣла о Гальчинцахъ и Коростовцахъ были отклонены за состоявшимся рѣшеніемъ Варшавской комиссіи. Подлинный протоколъ Летичевской комиссіи въ К. Ц. А. № 5648.

ность добръ Барскихъ. Практиковался только заставъ имѣній, что случалось заурядъ и съ самымъ Баромъ [1]). Ф. Любомирскій при вступленіи во владѣніе засталъ очень много барскихъ имѣній розданными въ заставъ его предшественникомъ. Послѣ перехода Барщины въ собственность, М. Любомирскій продалъ ее извѣстному кн. Адаму Понинскому, такъ что процессъ 1777—8 гг. онъ велъ уже совмѣстно съ нимъ. Но объ имѣніяхъ Понинскаго въ 1789 г. учрежденъ былъ конкурсъ, и они пошли на удовлетвореніе его безчисленныхъ кредиторовъ. Барщина раздробилась и *староство* прекратило свое существованіе: въ тариффѣ подымнаго 1790 г. выступаютъ уже отдѣльные ключи [2]). Баръ и Елтушковъ достались Север. Вислоцкому, который еще именуется коллокаційнымъ старостою. Городъ Баръ добивался освобожденія изъ частновладѣльческаго состоянія, и указомъ 1806 г., ссылавшимся на то, что въ привилеѣ 1659 г. говорится только о староствѣ и нѣтъ рѣчи о Барѣ, былъ изъятъ изъ частнаго владѣнія и утвержденъ въ своихъ первоначальныхъ вольностяхъ.

Но возвратимся къ староству. Оставивши въ сторонѣ разныя претензіи Любомирскихъ, перечислимъ имѣнія, дѣйствительно входившія въ составъ Барскаго староства XVIII в.

Села, непосредственно принадлежавшія къ староству:

Антоновка (къ в. отъ Бара)	Буцнева
Биликовцы	Войнашовка (къ в. отъ Бара)
Биличинъ	Войтовцы (гдѣ-то ок. Межирова)

---

[1]) Въ 1738 г. онъ былъ въ заставѣ у Бориславскаго (ср. А. Б. с. II с. 226); въ 1746 г. отданъ въ аренду на 3 г., какъ и въ другихъ случаяхъ, Вороничу, потомъ снова въ 1749 г.; въ 1757 г.—Дембовскому, 1770 и 1773—Домбскому; онъ отдавался обыкновенно съ с. Черемисами Подмѣйскими, Лукою и Ивановцами—К. Ц. А. № 5293 f. 376, 5296 f. 1437, 5321 f. 194 v., 3711 f. 1960 и В. Г. А., Lustr. 65^{a} p. 111.

[2]) Акты Чудновской комиссіи о долгахъ кн. Понинскаго въ К. Ц. А. № 201; тариффа 1790 г.—К. Ц. А. № 5510.

Гаврышовка (къ ю. отъ Бара)
Головчинцы
Голодки
Голубовка (къ в. отъ Елтушкова)
Деражня мѣстечко
Деражня Гатна
Деражня Кальна, съ Слободкою
Елтушковъ мѣстечко
Елтушковъ Подлисный (Малый)
Елтушковская Слобода
Ивановцы
Карачинцы Рускіе
Карачинцы Волоскіе
Кейновка [1])
Коморовцы
Криничка (къ ю. отъ Деражни)
Литки (къ з. отъ Деражни)
Лука
Маньковцы
Мартыновка (ок. Межирова)
Межировъ мѣст.
Межировская слобода
Михаловцы
Молоховъ
Ныжня (ок. Деражни)
Ровъ (къ в. отъ Межирова)
Стодульцы
Терешки (къ ю. отъ Бара)
Токаровка (къ в. отъ Бара, на р. Ровѣ)
Чемерисы Подмѣйскіе (б. Горный Баръ)
Чемерисы Волоскіе
Чорнятинъ (къ з. отъ Межирова)
Яблоновка
Хутора: Волчковъ (иначе Поповка, Амелевъ, къ в. отъ Бара), Шпырки (къ с. отъ Бара) и Ястржембскаго — теперь Ястрембецъ (къ ю. отъ Бара).

Шляхетскія околицы, подчинявшіяся Барской замковой зверхности въ XVIII в.:

Буцни
Васютинцы
Волковинцы
Галузинцы
Гальчинцы
Елтухи
Коростовцы
Лопатинцы
Петрани
Поповцы
Радіевцы съ Грышками
Сербиновцы
Степанки [2]).

---

[1]) Село возникло изъ хутора, устроеннаго Кейномъ, который былъ долго поручикомъ, потомъ капитаномъ, комендантомъ и одно время — губернаторомъ барскимъ; теперь Кіяновка къ ю. отъ Бара.

[2]) См. списки барскихъ селъ въ А. Б. с. II № 81, 129 и 154, ин-

Перечисленныя поселенія занимаютъ сѣверовосточную часть прежняго Барскаго староства, это почти цѣликомъ центральная Барщина по принятой нами терминологіи: бассейнъ Рова (кромѣ верховьевъ Рова и Ровца), къ которому на сѣверо-западѣ примыкала Дераженьская волость, а на юго-западъ двумя выступами, раздѣленными главнымъ образомъ Мытковщиною, присоединялись волости по верхней Лядавѣ (Елтушковъ съ выселками и Буцни) и Мурашкѣ (Поповцы и Гальчинцы). Территорія въ бассейнѣ Рова была почти сплошная: единственное исключеніе составляли Радзеповцы. О количествѣ населенія по инвентарямъ составить точное представленіе довольно трудно, такъ какъ мы не имѣемъ поголовной переписи; инвентарь 1736 г. даетъ для староства, кромѣ Бара, около $1^1/_2$ тыс. хозяйствъ или дворовъ (1641 —въ 25 поселеніяхъ), инвентарь 1774 г.— около 2 тыс. (2133 въ 34 поселеніяхъ); сюда не включено населеніе шляхетскихъ околицъ, которыя по переписи 1739 г. заключали 432 шляхетскихъ (точнѣе не-крестьянскихъ) и 394 крестьянскихъ хозяйствъ (кромѣ Сербиновецъ). Доходность староства опредѣлялась въ 1765 г. въ 135 тыс. злот. (кварта 33921 зл.), не считая доходовъ съ селъ шляхетскихъ.

Перемѣна въ положеніи староства, обращеніе его въ фактическое дѣдицтво въ 1-й четв. XVIII в. оказало вліяніе особенно на положеніе мѣстнаго мѣщанства и шляхты. Но о мѣщанскомъ населеніи, которое въ отношеніи самоуправленія было въ сильнѣйшей степени стѣснено замковою зверхностью и въ сферѣ повинностей не было ничемъ гарантировано противъ разныхъ нововведеній той же зверхности, я не буду говорить здѣсь: положеніе вообще южнорусскихъ частновладѣльческихъ городовъ XVIII в. заслуживало бы спеціальной обработки. Я остановлюсь только на шляхетскомъ населеніи Барщины, которое въ своемъ правовомъ положеніи представляетъ много оригинальнаго.

вентари 1736, 1757 и 1774 г. (см. на с. 340); списки эти расходятся относительно нѣкоторыхъ селъ: отчасти это объясняется спорнымъ положеніемъ ихъ.

Впрочемъ какъ ни рѣзки были черты, которыми характеризовалось положеніе барскаго шляхтича XVIII в., оно было подготовлено предшествующимъ складомъ староства, какъ то уже указывалось выше. И до дѣдицтва шляхтичъ отбывалъ повинности и подчинялся зверхности замковой; хотя эти повинности не утратили государственнаго характера, а замковый судъ именовался гродомъ, но и тогда правительство начинало понемногу (въ XVII в.) разсматривать повинности эти, какъ статью дохода старосты, а старостинское держанье приблизилось къ понятію частноправной державы. Переходъ къ фактическому дѣдицтву Любомирскихъ былъ незамѣтный. Вѣдь de jure любой изъ Любомирскихъ былъ такимъ же пожизненнымъ старостою, какъ Ст. Жолкевскій или Н. Потоцкій; Барщина оставалась королевщиною; барскіе шляхтичи сидѣли на своихъ грунтахъ по прежнему за королевскими пожалованіями и отправляли повинности на королевскій замокъ, и замковая администрація представляла, какъ раньше подстароста, особу королевскаго старосты. А фактически отрядъ шляхтичей превратился въ надворную роту „князя его милости добродѣя", которая парадировала на его дворѣ или производила экзекуціи арендарскихъ долговъ по распоряженію губернатора; шляхетскіе „ленунги" поступали въ частную казну князя; шляхетскія тяжбы подлежали безапелляціонному доминіальному суду; права шляхтича ограничивались ad libitum распоряженіями князя; его землевладѣльческія права тоже возводились къ княжеской волѣ и отъ нея зависѣли [1]). А что юрисдикція надъ шляхтичами разсматривалось съ точки зрѣнія частноправной, какъ доходная статья, доказывается тѣмъ, что князь освобождалъ отъ подсудности Барской юрисдикціи шляхетскіе грунта совершенно также, какъ и отъ разныхъ замковыхъ повинностей [2]). Фактически шляхтичъ приближался къ поло-

---

[1]) Такъ представитель кн. Любомирскаго объясняетъ, что Ивашковскіе владѣютъ своимъ имѣніемъ не столько въ силу своихъ правъ, сколько въ силу признанія ихъ Любомирскимъ—А. Б. с. II R. 1739. О случаяхъ отобранія грунтовъ по приговору барскаго суда см. ниже.

[2]) Въ увольнительномъ листѣ, выданномъ кн. Любомирскимъ въ 1745 г. для грунтовъ, пріобрѣтенныхъ въ Буцняхъ его постояннымъ уполномочен-

женію чиншевика, къ положенію тѣхъ шаргородскихъ напр. земянъ, сидѣвшихъ на землѣ дѣдича, о которыхъ упоминалось выше. Если бы за превращеніемъ Барщины въ дѣдицтво de jure не послѣдовало непосредственно исключеніе шляхетскихъ околицъ изъ ея состава, барская шляхта и de jure находилось бы въ такомъ положеніи; но этого не случилось.

Въ XVIII в. шляхта отбывала воинскую и подводную повинность. Шляхетское коло околицы должно было снаряжать извѣстное число ратниковъ въ барскій гарнизонъ (на „резиденцію") и надворную роту князя, находившуюся въ его резиденціи или отправлявшуюся за его „ординансомъ", куда ему угодно было послать [1]), и снаряжать подводы—по указанію замковой зверхности. Къ сожалѣнію не извѣстно, какъ часто выпадали эти повинности на долю каждаго хозяина, но видно, что онѣ были не легки; встрѣчаемъ случаи, гдѣ шляхтичъ принимаетъ на свой грунтъ сторонняго человѣка, чтобы тотъ помагалъ ему въ отбываніи повинностей [2]). Съ подводами приходилось ходить иногда въ пункты до-

---

нымъ Т. Карасевичемъ, говорится, что грунты эти были уволены dawnieyszym prawem a jurisdictione barensi oneribusque quibusvis, и онъ настоящимъ листомъ освобождаетъ ихъ отъ повинностей и юрисдикціи и предоставляетъ монополію относительно корчемной аренды—К. Ц. А. № 5293 f. 41 v.

[1]) № 5688 f. 38 v.: do Lublina na wjazd do wyprawy gotowali się, za ordynansem i. o. x. i. mci, na powinnosc zolnierską (Радіевскіе); № 5697 f. 5 (истецъ за ординансомъ князя былъ na kommendzie w Cekinowce). Повидимому, о службѣ въ барской милиціи идетъ рѣчь въ одномъ документѣ, гдѣ отвѣтчикъ (изъ Галузинецъ) объяснялъ, что не можетъ возвратить ружья, потому что flinta pod Dreznom jak się urwała od flintpasa, uciekaiąc przed brandenburczykiem, tamze została—№ 5690 f. 56 v.

[2]) К. Ц. А. № 5685 f. 131 v.: дѣдичъ принимаетъ на свой грунтъ заставника nie z zadnego wziątku, tylko szczegulnie dla pomoci swoiey, abym miał folgę w odbywaniu usług zamkowych.

вольно отдаленные [1]); на военную службу нужно было снаряжаться на свой счетъ, только во время службы „резидентъ“ получалъ, какъ видно, „стацію“ на свое содержаніе; о стоимости военной службы можно судить изъ одного заявленія намѣстника: жалуясь на неповиновеніе своихъ „подкомендныхъ“, не снарядившихъ ратника, онъ объясняетъ, что нанялъ вмѣсто нихъ замѣстителя за 24 злот. [2]).

О натуральныхъ повинностяхъ, отбываемыхъ шляхетскими подданными (какъ то было въ XVI в.), въ XVIII в. нѣтъ извѣстій. За то шляхта кромѣ натуральныхъ повинностей взносила денежную подать, т. н. ленунгъ (lenung); вѣроятнѣе всего можно было бы предположить, что подать эта имѣла отношеніе замѣняла какую-нибудь натуральную повинность изъ прежнихъ „вассальныхъ услугъ“ барскаго шляхетства, но она взымалась и съ мѣщанскихъ дворовъ, такъ что объяснить ея происхожденіе я затрудняюсь [3]). Изъ одного процесса мы узнаемъ, что съ упоминаемаго въ немъ дворища ленунга платилось ежегодно по 24 злот. въ продолженіи 12 лѣтъ (1735—1748 г.) [4]), эта цифра сходится и съ цифрою мѣщанскаго ленунга; но въ другомъ контрактѣ (1757 г.) съ участка, имѣющаго на 30 дней поля и 20 косарей сѣножати, съ 7-ю крестьянскими хозяйствами, платится ленунга всего около 7 злот. (по 1 зл. 4 гр. 2

---

[1]) К. Ц. А. № 5690 f. 62 v.: aby za ordynansem zamkowym z podwodami szedł do Kazimierza; въ А. Б. с. II № 125 тоже идетъ рѣчь о подводной повинности, но какъ видно—не по распоряженію замковой зверхности.

[2]) О стаціи—К. Ц. А. № 5685 f. 155, о наймѣ замѣстителя № 5685 f. 186 v.

[3]) Въ одномъ документѣ съ усадьбы въ Барѣ значатся такія повинности: czynszu по zł. 6 do skarbu pańskiego, ..zencie . kóp. na łanie pańskim, jak drudzy, oziminy kóp. 2 y jarzyny 2; podatku zas mieyskiego—podymne, na podwody 2 razy do roku oddac, ..tudziez lenungi co 2 miesiące po gr. 4 (1761)—К. Ц. А. № 4571 f. 166 v.

[4]) К. Ц. А. № 5688 f. 105.

шел. въ 2 мѣсяца) [2]). Что служило единицею обложенія, я не знаю. Кромѣ того съ шляхетскихъ крестьянъ платилось, какъ вездѣ, подымное въ пользу государста.

Если въ сферѣ обложенія повинностями нѣтъ указаній на ухудшеніе положенія барскаго шляхтича сравнительно съ предшествующимъ временемъ (если не касаться ослабленія ихъ государственнаго характера), то въ другихъ отношеніяхъ права его потерпѣли несомнѣнный ущербъ. Выше мы видѣли, что и дѣдичные владѣльцы и державцы барскихъ грунтовъ въ XVI в. de facto свободно распоряжались своими поземельными владѣніями; теперь въ этомъ отношеніи они подчиняются очень тщательному контролю начальства: безъ вѣдома послѣдняго шляхтичъ не можетъ не только продать, но и заставить своего грунта. Контроль этотъ, по всей вѣроятности, вытекалъ изъ опасенія, что посторонніе шляхтичи, пріобрѣтая земли въ барскихъ околицахъ, будутъ „выламываться“ изъ-подъ зверхности замковой: упрекая намѣстника, что по его небрежности шл. Шелеховскій сдалъ въ поссессію свой грунтъ безъ „вѣдома замковой зверхности“, „зверхность“ поручаетъ предостеречь новаго поссессора, что онъ обязанъ будетъ повиноваться ей, „чтобъ потомъ не отговаривался невѣдѣніемъ, такъ какъ на то была его добрая воля—поддаться этому праву“. Но контроль не ограничивался сдѣлками съ посторонними: въ одномъ актѣ шл. Савицкій, имѣвшій осѣдлость въ Волковинцахъ, по рѣшенію Барскаго суда лишается права требовать возмѣщенія убытковъ, потому что осмѣлился давать деньги (подъ заставъ грунта) „безъ вѣдома команды и зверхности“ [2]). Наблюдая интересы старосты, замковое начальство и въ

---

[1]) К. Ц. А. № 5305 f. 1090: powinnosci, do jurysdykcij Barskiey należące, podeymuie się i. m. p. possessor, iako to: lenungu na miesiący dwa po zł. 1 y gr. 4 y szel. 2; człeka na usługe naiąc z koniem y z moderunkiem podeymuie się; podymne cwierci marcowey y septembrowey odebrawszy swoich ludzi, po gr. 9 importowac powinien na zaplate rzeczy pospolitey.

[2]) А. Б. с. II № 108, R. 1739 К. Ц. А. № 5687 док. №

другихъ отношеніяхъ стѣсняло шляхтича. Такъ въ интересахъ пропинаціонныхъ доходовъ оно было вовсе, даже для собственнаго употребленія, запретило шляхтѣ курить водку и варить пиво въ виду заявленій арендарей, что шляхетскіе котлы причиняютъ большой убытокъ княжеской казнѣ. По ходатайству шляхты, ей потомъ разрѣшено было курить водку, но лишь для себя или для вывоза за границу староства. И позже, хотя пропинація въ околицахъ принадлежала, какъ видно, шляхетскому населенію, но эта статья находилась подъ тщательнымъ надзоромъ зверхности, утверждавшей арендные контракты и т. п. [1]).

Права шляхетскаго самоуправленія, какъ увидимъ, вообще были сильно стѣснены. Намѣстническая власть получила свои значительные размѣры, несомнѣнно, подъ вліяніемъ замковаго начальства; послѣднее низводило шляхетское населеніе до положенія „подкомендныхъ", не только своихъ, но и намѣстничьихъ, обязанныхъ во всемъ руководствоваться правилами военной дисциплины. Шляхетское коло являлось низшимъ административнымъ органомъ старостинскаго устройства, вполнѣ зависѣвшимъ отъ органовъ старостинскаго управленія.

Въ отношеніи подсудности, какъ мы видѣли, барская шляхта давно выдѣлялась изъ состава привилегированнаго шляхетства. Но въ XVI—XVII в. она сохраняла права апелляціи на приговоры своего „грода", и при томъ этотъ послѣдній тогда вполнѣ приближался по своему характеру къ настоящимъ гродамъ. Барская шляхетская юрисдикція XVIII в. тоже подражала формамъ гродскаго судоустройства, но она не признавала за шляхтичами права апелляціи въ общіе суды и не исключала административнаго усмотрѣнія какъ зверхности, такъ и высшаго начальства—комиссара и „верховнаго судьи", князя старосты, который безъ суда, своимъ ординансомъ,

---

22 (жалоба, м. проч.—bez konsensu zamku Bar. ten grunt wiecznemi czasy kontraktowania) также R. 1740, ср. № 120; о Савицкихъ см. А. Б. с. II с. 244.

1) Ссылки см. ниже.

по чьей-нибудь жалобѣ распоряжался арестовать шляхтича или освободить отъ ареста [1]). Судъ Барской ординаціи приговаривалъ шляхтичей даже къ самымъ тяжелымъ наказаніямъ—смертной казни (при томъ иногда въ такой мучительной формѣ, какъ четвертованіе), заключенію въ подземную вежу, крѣпостнымъ работамъ, къ лишенію имущества и личныхъ правъ (все это безапелляціонно, разумѣя апелляцію въ общіе суды), подвергалъ шляхтичей пыткамъ [2]).

Между тѣмъ во 2-й пол. XVIII в. оффиціальные документы, насколько я могъ прослѣдить, не дѣлаютъ разницы между барскою служилою шляхтою и прочимъ шляхетскимъ сословіемъ [3]); разница между шляхтою и „боярами", „вассалами" затирается (этимъ главнымъ образомъ и объясняется счастливое для шляхты окончаніе барскаго процесса). Такимъ образомъ барскій шляхтичъ, по извѣстной поговоркѣ, могъ невозбранно себя считать равнымъ воеводѣ, а на практикѣ ему такъ многого не хватало до шляхетской „золотой свободы"! Такое положеніе, конечно, не могло нравиться шляхтѣ, и она подчасъ вступала въ открытую борьбу съ зверхностью. О первой схваткѣ—съ Выговскимъ рѣчь была уже; упоминалось и о самомъ громкомъ эпизодѣ этой оппозиціи въ XVIII в.—процессѣ Поповскихъ; указано было, что дѣло началось процессомъ, которыя затѣяла одна часть Поповскихъ противъ другой [4]); трибуналъ, къ которому восходилъ этотъ процессъ, признал Поповскихъ под-

---

1) А. Б. с. II с. 224—5, 308.

2) А. Б. с. II № 124, 127, 136; № 145 (отобраніе имущества), № 110 (za excessa pro incopace haereditandi—uznani); с. 231: передача на пытки въ Барскій магистратъ, также К. Ц. А. № 4571 f. 167: показанія подъ пыткою въ магистратѣ Барскомъ Демяна Бабича Волковинскаго и Яска Турчиновича, переданныхъ туда зверхностью (za wiadomoscią zwierchnosci zamkowey, tudziez y w. i. m. pana Karasiewicza, sendziego traktu Barskiego) по дѣлу о кражѣ.

3) Еще въ грамотѣ 1728 г. на староство Барское говорится о селахъ боярскихъ—А. Б. с. II R. 1728; но это было отзвукомъ прошлаго.

4) Стр. 204.

судными барской юрисдикціи и передалъ ей (въ 1725 г.) ихъ тяжбу. Процессъ затянулся; стороны, какъ видно, тягались очень горячо, при томъ зверхность замковая, вмѣшиваясь въ эту тяжбу, чинила по временамъ жестокія экзекуціи въ исполненіе декретовъ; все это раздражило чрезвычайно Торокановъ и ихъ соучастниковъ въ процессѣ, большинство поповецкихъ родовъ: они заносятъ жалобу королю на притѣсненія зверхности, и въ 1731 г. выдается грамота, назначающая заруку (vadium) въ 10 т. злот. на случай дальнѣйшихъ притѣсненій [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Поповскіе ясно стараются освободиться изъ-подъ подсудности барской юрисдикціи; напрасно кн. Ю. Любомирскій запрещалъ имъ обращаться къ суду гродовъ, земствъ и трибуналовъ и во всѣхъ обидахъ совѣтовалъ искать справедливости въ Барскомъ судѣ [2]): они постоянно адресуются въ гроды и трибуналъ. Но трибуналъ настойчиво признаетъ за ними эту подсудность и возвращаетъ ихъ тяжбу въ Барскій судъ. Когда распря Поповскихъ привела къ убійству Стефана Алатыяна и смертнымъ приговорамъ надъ его убійцами, Тороканы и др. обжаловали эти приговоры, наложили арестъ на заключенныхъ по обвиненію въ убійствѣ въ барскую вѣжу, протестовали противъ притязаній Любомирскаго на юрисдикцію и власть надъ ихъ околицею, и позвали его вмѣстѣ съ его урядниками на судъ трибунала, обвиняя ихъ въ незаконной казни обвиненныхъ и различныхъ притѣсненіяхъ. Они жаловались, что ихъ, дѣдичныхъ владѣльцевъ, облагаютъ разными поборами (lenungi, suche raty, na trembaczow y innych wymysłow), сажаютъ безъ суда въ дыбы и цѣпи, наказываютъ кіями ихъ, шляхтичей, aurea libertate gaudentes [3]). Но напрасно, трибуналъ стоялъ на прежней точкѣ

---

[1]) А. Б. с. II № 109 и документы, цитированные на с. 204, также К. Ц. А. № 5275 f. 617—619 (позвы зверхности барской 1732 г. о лишеніи имѣній, арестахъ и пр.).

[2]) А. Б. с. II с. 218.

[3]) А. Б. с. II № 128, 132, К. Ц. А. № 5282 f. 848 v. (арестъ на заключенныхъ—12 душъ), 5284 f. 432 v., 433 v. (позвы 1739 г.).

зрѣнія, и въ 1742 г. утвердилъ приговоры Барскаго суда, „въ виду необходимости поддержанія справедливости въ этихъ краяхъ, наклонныхъ къ мятежу“ [1]).

Поповскіе не сдаются; они снова возбуждаютъ дѣло въ трибуналѣ о незаконности рѣшеній Барскаго суда и вообще барской юрисдикціи (1744) [2]), и оказываютъ барскимъ властямъ вооруженное сопротивленіе; поповецкая околица принимаетъ видъ какого-то вооруженнаго лагеря; Поповскіе не выдавали обвиненныхъ въ убійствѣ Ст. Алатыяна, а когда зверхность послала для ареста команду, Поповскіе напали на нее изъ засадъ, убили двухъ жолнеровъ и прогнали остальныхъ; производили набѣги на своихъ враговъ Алатыяновъ, для чего пригласили на помощь и стороннихъ козаковъ изъ Кунатковецъ, и т. п. Барская юрисдикція отвѣтила на это новыми смертными приговорами (1745 г.) [3]). Но дѣло на этомъ не кончилось и въ концѣ концовъ Поповскіе торжествуютъ: не добившись ничего въ трибуналѣ, они снова обращаются къ королю и утверждая, что дѣдичныя права ихъ восходятъ ко временамъ до статута Александра (что тѣмъ самымъ выводило бы ихъ изъ рядовъ служилой шляхты въ ряды привилегированнаго шляхетства), добиваются отъ него освобожденія отъ барской юрисдикціи: въ 1758 г. король далъ рескриптъ въ такомъ смыслѣ на имя Ф. Любомирскаго и барской зверхности; онъ относился не только къ опозиціоннымъ но ко всѣмъ вообще поповецкимъ родамъ: Сенькамъ, Стецькамъ, Тороканамъ, Сакаламъ, Алатыянамъ, Мордасамъ и Шелеховскимъ [4]).

---

[1]) А. Б. с. II с. 265.

[2]) К. Ц. А. № 5291 f. 399—Поповскіе требуютъ: circa jura haereditatemque bonorum v. Popowce conservari, jurisdictionemque absolutam, in bonis op. Bar privata vestra authoritate constitutam ac contra praerogativam status nobilitaris firmatas, tolli, decreta barensia, uti in foro statui nobilitari incompetenti subsecuta, cassari et annihilari.

[3]) А. Б. с. II № 136.

[4]) А. Б. с. II № 152; ср. заявленіе Поповскихъ о неподсудности ихъ барской юрисдикціи—II № 155.

Еще раньше, чѣмъ это удалось Поповскимъ, вышла изъ подъ барской зверхности шляхта сербиновецкая. Но произошло это очень незамѣтно, безъ всякихъ сенсацій. Шляхетское населеніе Сербиновецъ было немногочисленно и потому, вѣроятно, еще съ конца XVII в. по своему складу подходило больше къ польскому привилегированному шляхетству, чѣмъ къ барскому „вассальству“. Во время турецкой оккупаціи Сербиновскіе эмигрировали и, вѣроятно, возвратились вполнѣ ополяченными. Въ 1716 г. они какимъ-то образомъ добываютъ отъ Ю. Любомирскаго заявленіе, что с. Сербиновцы не подлежитъ никакимъ повинностямъ на замокъ Барскій. Хотя позже представитель Любомирскихъ доказывали, что эта либертація относилась только лично къ получавшимъ, была временною, но шляхта сербиновецкая, очевидно, совершенно вышла изъ подчиненія зверхности. Еще подъ 1733 г. упоминается намѣстникъ сербиновскій Ивашковскій, котораго мѣстный арендарь обжаловалъ въ Барской юрисдикціи, такъ что Сербиновцы въ это время, или передъ тѣмъ еще входили въ составъ барскихъ околицъ, но въ шляхетскую перепись 1739 г. они уже не вошли, не упоминаются и въ уступочной записи 1759 г., какъ было упомянуто. Такимъ образомъ эта эмансипація прошла безъ рѣзкихъ схватокъ [1]).

Остальные шляхетскіе роды оставались въ составѣ барской шляхты до окончательнаго процесса, хотя и встрѣчаются по временамъ ясныя проявленія недовольства и протеста. Такъ еще въ въ 1713 г. Галузинскіе заносили жалобу въ Летичевскомъ гродѣ, что судъ Барской юрисдикціи, постановивъ несправедливый приговоръ и продержавъ одного изъ нихъ недѣлю въ кордегардѣ, не разрѣшилъ имъ аппелляціи и т. н. motio въ подлежащіе суды [2]) (что къ такимъ жалобамъ юрисдикція относилась неблагосклонно, и онѣ не всегда сходили съ рукъ, увидимъ ниже въ эпизодѣ съ шл.

---

[1]) А. Б. с. II R. 1716 и 1739, с. 252 (приписка сдѣлана рукою полк. Бориславскаго), 314; К. Ц. А. № 5685 f. 60 (1733).

[2]) А. Б. с. II № 83.

Баранецкимъ). Въ 40-хъ гг. среди гальчинецкой шляхты, по инціативѣ нѣкоего Стан. Озаринскаго, шла агитація относительно освобожденія изъ-подъ барской юрисдикціи; собирались „дать мандатъ на сеймъ кн. Любомирскому", Озаринскій наводилъ справки, „какъ мандатъ выдаютъ", и его пасынокъ Алекс. Гальчинскій собиралъ подписи у шляхты [1]. Какъ подозрительно относилась шляхта къ старостѣ и зверхности можетъ показать случай въ Волковинцахъ: одинъ шляхтичъ—Іеронимъ Селникъ Волковинскій продалъ грунтъ Ант. Любомирскому; какіе мотивы руководили послѣднимъ при этой покупкѣ, неизвѣстно (потомъ Волковинскіе жаловались, что на основаніи ея Любомирскій устроилъ въ общинныхъ лѣсахъ волковинецкихъ майданъ и жесточайшимъ образомъ сталъ истреблять ихъ, „превращая едва проходимый прежде лѣсъ въ общественныя дороги и пригодныя для обработки поля"), но фактъ этотъ сильнѣйшимъ образомъ обезпокоилъ односельчанъ: Сельникъ жаловался, что они избили его за эту продажу, попрекая, что онъ „ихъ запродалъ" (ty nas zaprzedales) [2]. Вѣроятно, они опасались со стороны князя какого-нибудь притѣсненія относительно своихъ владѣльческихъ правъ.

При такомъ недовѣріи и подозрительности понятно, какую тревогу должны были вызвать поступки Ф. Любомирскаго въ 1761 г.—его вводъ во владѣніе, и проч. Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія объ этомъ очень недостаточны. Любомирскій жаловался, какъ мы видѣли, на неповиновеніе шляхты. Легко понять, что когда такъ остро поставленъ былъ вопросъ о правахъ шляхты на владѣніе —въ борьбѣ съ Любомирскимъ и новопожалованными держателями, шляхта, чувствуя у себя твердую почву подъ ногами въ этомъ вопросѣ, не довольствовалась уже обезпеченіемъ владѣнія и сама готова была поднять вопросъ о своемъ подчиненіи барской зверхности. Въ процессахъ 1774 г. ясно выступаетъ вопросъ о под-

---

[1]) А. Б. с. II № 144.

[2]) А. Б. с. II № 149, К. Ц. А. № 5692 f. 51.

судности, конечно—по инициативѣ шляхты; сеймовая комиссія признавала ихъ подсудными лишь общимъ судомъ. Въ томъ же смыслѣ рѣшался вопросъ и постановленіями летичевской комиссіи, разъ она исключала ихъ изъ подъ данины Выговскаго. Въ двадцатилѣтнее продолженіе процесса шляхта, располагавшая первоначально очень ограниченнымъ количествомъ документовъ, успѣла собрать ихъ довольно значительный запасъ (что давалось имъ не легко [1]), и только Елтуховскіе, Гальчинскіе и Коростовскіе за недостаткомъ документовъ не доказали своихъ правъ: имѣнія ихъ признаны были королевщинами, но по фактически они сохранили свое владѣніе. Представленіе о служилой шляхтѣ успѣло къ концу XVIII в., какъ было замѣчено, совсѣмъ потускнѣть; когда въ началѣ XIX в. поднялся въ подольскихъ учрежденіяхъ вопросъ о ленныхъ имѣніяхъ, и собирались свѣдѣнія о нихъ, то Литинскій уѣздный судъ отнесъ въ этукатегорію лишь Васютинцы и Кожуховъ, а въ Могилевскомъ таковыхъ не оказалось [2]). Между тѣмъ терминъ леннаго владѣнія въ то время оставался, кажется, единственнымъ для обозначеніе мѣстнаго служилаго землевладѣнія [3]). Барская шляхта

---

[1]) См. напр. заявленіе въ А. Б. с. II с. 268.

[2]) Дѣла Подольской палаты въ Архивѣ Минист. Юстиціи, опись II, вязка 3, № 181.

[3]) Слѣдуетъ замѣтить, что въ XVIII в. путали понятія леннаго владѣнія въ смыслѣ служилаго, то что называлось въ XVIII в., какъ мы видѣли, jus vassaliticum, и владѣнія jure feudi, т. е. съ ограниченіемъ наслѣдованія (см. с. 226 и 230—1); такъ какъ то и другое переводилось терминомъ lenny, то такое смѣшеніе и неудивительно. Терминъ lenny прилагался къ непривилегированному владѣнію еще въ XVI в., какъ въ приведенномъ выше отрывкѣ 1535 (с. 273); въ XVIII в. въ такомъ же смыслѣ называется правомъ леннымъ грамота Боны Кудыевскимъ, хотя въ ней рѣчь шла о трехъ доживотьяхъ служилаго владѣнія (А. Б. с. II R. 1720); въ такомъ смыслѣ говорится о ленномъ правѣ Сербиновецъ, хотя они всегда давались въ пожизненное служилое владѣніе (R. 1716). Указанною путаницею понятій объясняется, почему Васютинцы декретомъ 1774 г. были утверждены przy prawie lennym

такимъ образомъ съ к. XVIII в. могла вполнѣ уровняться съ остальнымъ шляхетствомъ. Но благодаря затрудненіямъ, связаннымъ съ этой процедурой, сравнительно лишь небольшая часть ея достигла признанія дворянскихъ правъ, большинство осталось въ мѣщанскомъ и крестьянскомъ сословіи, какъ то мы видѣли изъ приведенныхъ выше свѣдѣній объ отдѣльныхъ родахъ. Эта группа такимъ образомъ сама собою возвратилась въ нѣдра той народной массы, изъ которой 3—4 столѣтія тому назадъ была выдѣлена правительственными мѣрами.

---

z potomkami płci męzkiey, съ обязанностью службы: juris feudi Васютинцы никогда не были и ограниченія наслѣдованія не знали (считаясь въ пожизненномъ владѣніи); въ „ленные" ихъ вписали въ виду „вассальныхъ обязанностей", и затѣмъ—какъ на ленныхъ владѣльцевъ, перенесли на нихъ ограниченіе наслѣдованія juris feudi (А. Б. с. II с. 405).

VIII.

Организація управленія въ Барскомъ староствѣ XVIII в.

По даннымъ XVI в. мы имѣли возможность представить главнымъ образомъ схему старостинскаго управленія, существовавшаго въ Барщинѣ до полов. XVII в. Бурная вторая половина послѣдняго столѣтія не могла оставить обильныхъ данныхъ по вопросу объ устройствѣ староства, но XVIII в., благодаря въ особенности существованію барскихъ актовъ (съ 1730 г.), представляетъ значительное количество данныхъ, притомъ не только относительно центральнаго, замковаго управленія, но и низшаго, въ особенности шляхетскихъ околицъ.

Въ сферѣ центральнаго управленіе староства послѣ превращенія Барщины въ дѣдицтво произошли значительныя измѣненія. Прежній старостинскій урядъ замѣнился своеобразною, довольно сложною организаціею, которая, вмѣстѣ съ органами мѣстнаго шляхетскаго управленія, сообщаетъ строю староства очень оригинальныя формы. Вмѣсто подстаросты явился рядъ новыхъ должностей, и рядомъ съ ними сформировалось отдѣльное вѣдомство шляхетскаго военно-административнаго управленія. Сформировывается эта организація окончательно ко второй четверти XVIII в, но начала ея замѣчаются гораздо раньше.

Урядъ подстаросты начинаетъ исчезать еще при Выговскомъ; при немъ видимъ здѣсь то подстаросту, то эконома, то „админи-

стратора замка и тракта Барскаго“ [1]). Подстаросты упоминаются затѣмъ при Потоцкомъ [2]), но урядъ администратора упрочивается и окончательно вытѣсняетъ его. Раньше такіе администраторы управляли староствомъ въ промежутки до назначенія старосты, теперь они дѣлаются постоянными управителями. Терминологія впрочемъ сбивчива, и администраторъ иногда называется губернаторомъ (1701), или, какъ другомъ случаѣ (1710)—главнымъ комиссаромъ и губернаторомъ барскимъ; полковникъ Шнекъ совмѣщаетъ званія комиссара и эконома съ званіемъ коменданта и т. п. Но позже должности эти раздѣляются: является отдѣльный генеральный комиссаръ—главноуправляющій имѣніями Любомирскаго, отдѣльный губернаторъ волости Барской, иначе называемый экономомъ, и отдѣльные администраторы въ болѣе крупныхъ экономіяхъ (въ томъ числѣ и въ Барѣ). И рядомъ съ ними является особое военно-административное вѣдомство, вѣдающее шляхетское населеніе [3]).

---

[1]) А. Б. с. II № 56, R. № 105; К. Ц. А. № 4571 f. 95 v., 109.

[2]) К. Ц. А. № 5245 f. 170 (1666).

[3]) Привожу списокъ чиновниковъ барскихъ, встрѣтившихся мнѣ со времени дѣдицтва Бара: подстароста Ясковскій (1660), администраторъ Красускій (1664), „староста барскій“ Буйновскій (1664), губернаторъ Барскаго замка Висневскій (1665), подстароста Кошковскій (1666), администраторъ Менкарскій (1667). Послѣ оккупаціи: администраторъ Андрейковичъ (1700), администраторъ или губернаторъ г. Бара Боголѣпскій (въ другомъ документѣ—Боголомскій)—1701, админ. Милковскій (1701—2), губернаторъ Поляновскій (1705—6), губерн. Павловскій (1708), комиссаръ и губернаторъ Сеправскій (1710), губернаторъ (1710), потомъ комиссаръ, экономъ и комендантъ полковникъ Шнекъ (1712—1722), губерн. Щитинскій (1712—3), губ. Авендикъ (1714), экономъ (или губернаторъ) Скоронскій (1719—1727), администраторы добръ Барскаго староства Городецкій и Свирскій (1719), админ. (и губернаторъ) Цылульскій (1723—1731), комиссаръ подполковн. Штенбергіенъ (1728—1730). Съ этихъ поръ административная схема уже установливается; генеральными комиссарами были: Станиславъ Поляновскій, подстолій бускій (1731—1734), Моссаковскій (1737—40), Антоній Дембовскій, чаш-

Какъ мы видѣли, раньше функціи военнаго управленія сосредоточивались въ рукахъ старосты, который былъ комендантомъ Барскаго замка, начальникомъ гарнизона и ополченій шляхетскихъ

никъ урженловскій (1745—9, 1758—61), Рожанскій (1750), Михаилъ Скипоръ, онъ же полковникъ (1753—5), Мих. Гриневецкій, чашникъ витебскій (1764), Янъ Дунинъ-Вонсовичъ (1766—1773). Губернаторы: Стан. Скковронскій (1719—1730?), полковникъ корол. Іосифъ Влоцкій (1731—1733), Іосифъ Микуличъ, ловчій всховскій (1735—1737), Ант. Дембовскій (1740, 1746), Мартинъ Клопотовскій (1744), Тобіашъ Кинъ, бывшій поручикъ и комендантъ (1745—6), Водзинскій (1746), Сухцицкій (1749), Паскудскій (1753—4), Енджеевскій (1760), Ганицкій (1763—4), Іозефъ Вонсовичъ (1764—6), Хржановскій (1767—8), Константинъ Мордзенко, бывшій ротмистръ (1768), Страшинскій (1769—1771), Адамъ Закржевскій (1772—7).

Чины шляхетскаго вѣдомства, до оккупаціи: Л. Буцень, поручный тракта Барского (1660), Ал. Буцень vicerothmagister nobilitatis cap. B. (1666), онъ же porucznik szlachecki pow. B. (1667). Послѣ оккупаціи, ротмистры: Радіевскій (1702, А. Б. с. II с. 158, онъ же, вѣроятно, упомянутъ на с. 150; къ этой же категоріи, вѣроятно, относятся и ротмистры Милковскій и Радіевскій—см. с. 337 изслѣд.), Минковскій (1718—21, Альб. Сѣчинскій, раньше хорунжій (1724—5), Гусаржевскій (1727), послѣдующихъ не перечисляю. Полковники: Драгомиръ, полковн. орд. Б. (1712), Шнекъ (1710—1722), Грущинскій—ordinationis B. et cohortium postcurialium colonellus; правильное преемство: Антоній Буковскій, скарбникъ саноцкій (1727—1733 г.), Антоній Бориславскій, полковникъ королевскій (1735—1745 г.), Михаилъ Скипоръ (1745—1768). Поручики: Стефанъ Алатыявъ Поповскій, praefectus или поручикъ (1715+1738, раньше съ 1712 г. vice-praefectus, такъ называется иногда и позже), Янъ Волковинскій (1731), Войцѣхъ Сѣчинскій (1735—1750), Янъ Баптиста Юрковскій, чашникъ дрогицкій (1749—1760). Хорунжіе: Самуилъ Соломченко Волковинскій, vexillifer nobilitatis tr. B. (1701), Альбертъ Сѣчинскій (1718—9), Венелецкій (1724), Велискій (1725), Николай Буцень (1750—1770). Писаря шляхетскіе: Михаилъ Попель (1735), Станиславъ Мышковскій (1738), Качоровскій (1743), Кожуховскій (1743—4), Матвѣй Пашковскій (1746

и мѣщанскихъ, а въ случаѣ отсутствія его замѣщалъ подстароста и служебники изъ его свиты—familia castri (среди которыхъ упоминается и капралъ) [1]. Въ XVII—XVIII в. шляхетское ополченіе получаетъ свою особую организацію: уже съ 60-хъ гг. XVII в. встрѣчаемъ поручиковъ и подротмистровъ шляхты Барскаго тракта. Возможно, что тревожные годы козачины вызвали къ жизни эту организацію шляхетскаго ополченія: шляхта, очевидно, составила одинъ отрядъ (позже, въ XVIII в. его часто называли полкомъ Барскимъ) [2], во главѣ котораго стоялъ ротмистръ, нѣсколько—вѣроятно—поручиковъ и подпоручиковъ (vicepraefecti), предводительствовавшихъ ополченіями отдѣльныхъ околицъ, и хорунжій [3]; получалось нѣчто дѣйствительно напоминающее козачій полкъ, особенно когда, въ довершеніе сходства, мѣсто ротмистра занялъ королевскій полковникъ—ко 2-ой четв. XVIII в. [4]. Произошло это, кажется, такимъ образомъ: во 2-ой пол. XVIII в. Барскимъ замкомъ начальствовалъ независимый отъ старосты комендантъ, подчиненный непосредственно гетману (по временамъ это стушевывалось тѣмъ, что гетманъ занималъ урядъ старосты); но послѣ окончательнаго успокоенія края въ XVIII в. (послѣ 1710 г.) барская крѣпость потеряла свое важное значеніе и, какъ видно, снова отошла подъ надзоръ старосты: полк. Шнекъ (1712—1722) занималъ должность коменданта замка и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ генеральнымъ комиссаромъ и экономомъ староства. Съ этихъ поръ устанавливается

—56), Барановскій (1756—), Янъ Матковскій (1660—1). Кромѣ того: судьи барскіе: Лаврентій Загурскій, ловчій всховскій (1756—9), Карасевичъ, подстолій смоленскій (1761); Томашъ Серницкій инстигаторъ (1760).

[1]) А. Б. с. I с. 165.

[2]) См. напр. А. Б. с. II с. 285, 307, К. Ц. А. № 5691 f. 165 v. и др; № 5693 f. 600: porucznika pułku B. szlacheckiego.

[3]) Перепись такого отряда см. II с. 158—9, также с. 258.

[4]) Это напоминаетъ устройство Острожской ординаціи (принадлежавшей другой линіи Любомирскихъ), именовавшійся Острожскимъ полкомъ, съ полковникомъ и поручиками—см. напр. К. Ц. А. № 5284 f. 743 v.

практика, что во главѣ военныхъ силъ староства стоитъ обыкновенно полковникъ королевскій, подчиняющійся старостѣ (который и назначалъ его) и замѣщающій прежняго ротмистра барской шляхты; говорю—обыкновенно, потому что въ 20—30-хъ гг. должность полковника занималъ не-военный: скарбникъ саноцкій Буковскій, называющійся по традиціи барскимъ полковникомъ. Вицеротмистры и вицепрефекты исчезли, поручики сохранились, но эти должности (вмѣстѣ съ полковникомъ) имѣли не столько военный, сколько судебно-административный характеръ. Уже ротмистры нач. XVIII в. обладали судебными полномочіями надъ шляхтою: есть извѣстіе 1701 г. о „судѣ ротмистра шляхты Барскаго тракта", рядомъ съ которымъ существовалъ и судъ губернатора барскаго, при чемъ послѣднему также были подсудны шляхтичи [1]). Судъ ротмистра первоначально, вѣроятно, имѣлъ предметомъ дѣла, непосредственно относившіяся къ военной службѣ и повинности; къ нему могутъ быть примѣнены упомянутыя выше слова трибунальскаго декрета 1741 г., придававшаго барской юрисдикціи характеръ военный (in causis ex vi servitii militaris ac iisdem devenientibus) [2]). Но уже въ указанномъ документѣ 1701 г. къ этому суду обращаются въ денежныхъ искахъ. Когда во главѣ этого вѣдомства сталъ полковникъ барскій, ротмистры утратили свои судебно-административныя функціи и ограничились начальствомъ надъ своими хоругвями, какъ обыкновенные ротмистры (позже они и не называются „шляхетскими" ротмистрами). Формируется судъ полковничій (съ такимъ судомъ мы, повидимому, имѣемъ дѣло напр. въ документѣ 1713 г.) [3]), которому спеціально подлежитъ шляхетское населеніе, и бывшіе военные урядники—поручики, намѣстники образуютъ систему шляхетскаго управленія, съ полковникомъ во главѣ.

Такимъ образомъ къ пол. XVIII в. въ староствѣ Барскомъ устанавливаются два вѣдомства—одна система чиновниковъ вѣдаетъ хо-

---

[1]) А. Б. с. II № 73, 76, ср. 80.

[2]) А. Б. с. II с. 266.

[3]) А. Б. с. II № 83.

зяйственно-административную часть и представляетъ частные интересы старосты (губернаторъ и администраторы и т. д.), другая вѣдаетъ шляхетское населенiе староства и приближается къ понятiю государственнаго уряда. Однако точнаго и рѣзкаго разграниченiя на практикѣ не существовало: оба вѣдомства зависѣли отъ старосты Любомирскаго, власть котораго представляли, и подчинялись его уполномоченному—генеральному комиссару; не удивительно, поэтому что чиновники этихъ двухъ вѣдомствъ по временамъ замѣщали другъ друга, и губернаторы—экономы принимали участiе въ шляхетскомъ управленiи. Тѣмъ не менѣе можно до извѣстной степени разграничить эти два вѣдомства старостинскаго управленiя.

Центральное мѣсто въ административной организацiи занималъ губернаторъ, и его преимущественно, кажется, отождествляютъ документы съ „зверхностью замковою" [1]), хотя подъ это понятiе подходилъ также и полковникъ, и комиссаръ. Губернатору принадлежало общее управленiе староствомъ; онъ былъ блюстителемъ интересовъ старосты относительно всего населенiя; въ частности ему ближайшимъ образомъ подчинялось нешляхетское населенiе староства: объ этомъ свидѣтельствуетъ напр. листъ Т. Любомирскаго, запрещающiй ему вмѣшиваться въ управленiе подданными униатскаго духовенства [2]). Онъ былъ ближайшимъ хозяиномъ въ Барѣ (не считая, конечно, мѣйскаго уряда), почему иногда называется губернаторомъ г. Бара; онъ распоряжался продажею и отводомъ городскихъ усадьбъ (впрочемъ—еще чаще комиссаръ) [3]); для поддержанiя порядка въ городѣ, dla tumultow jarmarkowoch, targowych, iako też rożnych ludzi swawolnych, имѣлъ онъ въ своемъ распоряженiи полицейскую команду—отрядъ пахолковъ (чи-

---

[1]) См. напр. А. Б. с. II с. 223.

[2]) А. Б. с. II № 107.

[3]) Gubernator m. Baru—см. 4572 f. 2, 7 v., 22, 24—8; f. 26: записка комиссара губернатору съ извѣщенiемъ о позволенiи, данномъ нѣкоему Галецкому на покупку дома въ Барѣ, f. 88 v.—распоряженiе губернатора о продажѣ пустой усадьбы; f. 49—объ оцѣнкѣ дома, № 4573 f. 56 v.

сло ихъ люстр. 1765 г. для Бара опредѣляетъ въ 12) [1]); онъ же наблюдалъ за мѣстнымъ замкомъ, и въ его распоряженіи находился мѣстный гарнизонъ со своимъ комендантомъ. Къ нему обращается населеніе староства, нешляхетское и шляхетское, въ случаѣ правонарушеній и не прибѣгая къ суду, испрашиваютъ у зверхности замковой „ординансъ“ на обидчика. Сюда направляются крестьянскія громады съ жалобами на своихъ войтовъ и старостинскихъ администраторовъ [2]). Сюда же обращались въ случаѣ неисполненія приговора или неповиновенія намѣстнику [3]). Въ распоряженіи губернатора было крайнее средство, которымъ располагала исполнительная власть: онъ могъ отрядить нѣсколькихъ „резидентовъ“ т. е. жолнеровъ мѣстнаго гарнизона, а въ случаѣ надобности—и цѣлую хоругвь на экзекуцію и „грабежъ“ непослушнаго. Къ этой мѣрѣ обращался губернаторъ и для взысканія недоимокъ, такъ какъ онъ же наблюдалъ за исправнымъ отбываніемъ населеніемъ староства податей и повинностей. Даже воинская повинность шляхты находилась подъ его контролемъ: онъ также (какъ и полковникъ) выдавалъ ординансы объ отправкѣ въ гарнизонъ „резидентовъ“ и въ случаѣ неисправности наряжалъ экзекуцію [4]).

Къ трибуналу его (судъ губернаторскій или экономскій) обращались главнымъ образомъ въ тяжбахъ съ не-шляхтичами [5]), однако

---

[1]) К. Ц. А. № 5512 f. 71; для Деражни назначается пахолковъ только 4.

[2]) А. Б. с. II № 99 ср. R. 1731 (№ 122).

[3]) А. Б. с. II № 122 (документъ интересный тѣмъ, что изображаетъ мѣстную процедуру въ разныхъ инстанціяхъ: еврей арендаторъ жалуется на шляхтича, и когда губернаторское распоряженіе не оказало должнаго дѣйствія, обращается къ полковничьему суду), 142, ср. № 143: не идетъ ли рѣчь тутъ о губернаторскомъ ординансѣ.

[4]) А. Б. с. II № 116, 122.

[5]) См. рѣшеніе съѣзда, назначеннаго губернаторомъ по иску къ громадѣ—А. Б. с. II № 111, также дѣла, передаваемыя губернаторомъ

очень часто встрѣчаются и шляхетскія тяжбы. Къ сожалѣнію, изъ барскихъ книгъ почти всѣ относятся къ полковничьей (шляхетской) юрисдикціи, и свѣдѣнія о судѣ губернатора не такъ обильны, поэтому довольно трудно установить отношеніе, въ которомъ стоялъ губернаторскій судъ съ одной стороны—къ судамъ сельскимъ и мѣйскимъ, съ другой стороны—къ суду полковничьему. Что юрисдикціи губернатора спеціально подлежали иски къ не-шляхтичамъ, съ несомнѣнностью можно заключить изъ того, что въ книгахъ полковничьяго суда такія тяжбы обыкновенно отсутствуютъ. Съ другой стороны случаи, гдѣ губернаторъ передаетъ иски къ шляхтичу на судъ полковника, показываютъ ясно, что такіе иски въ нормальномъ порядкѣ подлежали полковничьей юрисдикціи [1]. Между тѣмъ встрѣчаются процессы шляхетскіе, разбираемые или въ присутствіи полковника и губернатора или одного только губернатора. По содержанію невозможно установить какой-нибудь критерій для различенія шляхетскихъ тяжбъ, поступавшихъ на судъ полковника, отъ тяжбъ, разсматривавшихся губернаторомъ самолично или вмѣстѣ съ полковникомъ: такъ напр. пересматривая записи „экономскаго суда Барской ординаціи" 1738 г. находимъ здѣсь: тяжбу о шляхетскомъ грунтѣ и незаконно поставленной корчмѣ; дѣло о побояхъ, нанесенныхъ шляхтичами намѣстнику; о захватѣ шл. Буцненками разныхъ вещей pod czas inkursyi kozackiey; о наслѣдствѣ и опекѣ. Непосредственно затѣмъ идутъ рѣшенія полковничьяго суда: о присвоеніи чужого сѣна; утвержденіе третейскаго рѣшенія (dekret kompomissorialny) о разореніи корчмы; объ отнятыхъ коняхъ pod czas inkursyi kozackiey; о неповиновеніи рѣшенію намѣстника и ординансу зверхности; о правахъ владѣнія шл. Глоговскаго и т.

въ мѣйскій урядъ для допроса и пытки преступниковъ—К. Ц. А. № 4571 f. 116, 181.

[1]) А. Б. с. II № 142; ср. также № 5685 f. 48 v., гдѣ губернаторъ ведетъ въ полковничьемъ судѣ дѣло съ Коростовскими о поданномъ на него комиссару ложномъ доносѣ.

п.[1]); среди нихъ одно рѣшеніе суда „pułkownikowskiego y ekonomskiego"—о кражѣ сѣна шляхетскимъ подданнымъ [2]). Приходится думать, что присутствіе губерватора на судѣ полковника бывало случайнымъ, а самолично разбиралъ онъ шляхетскіе иски за отсутствіемъ полковника, какъ его замѣститель. Такіе приговоры губернатора могли нуждаться для настоящей силы въ утвержденіи полковника, и этимъ объясняется существованіе „аппробацій" губернаторскихъ рѣшеній полковникомъ [3]).

Въ сферѣ хозяйственнаго управленія губернаторъ являлся, какъ сказано, представителемъ интересовъ старосты. Онъ надзираетъ за хозяйствомъ экономій, порученныхъ отдѣльнымъ администраторамъ; охраняетъ барскіе грунта отъ захватовъ сосѣдей и вчинаетъ иски въ случаѣ посягательствъ; слѣдитъ, чтобы доходныя статьи старостинскаго хозяйства, въ особенности пропинація, не терпѣли ущерба отъ конкуренціи (характерный примѣръ представляетъ приказъ Юрія Любомирскаго 1724 г., опредѣляющій права шляхты на винокуреніе и поручающій губернатору надзоръ по этому предмету); губернаторъ, какъ и полковникъ, утверждаетъ контракты шляхетскихъ околицъ объ арендѣ корчмъ, и къ его содѣйствію обращаются арендаторы для взысканія долговъ [4]). Въ от-

[1]) К. Ц. А. № 5685 л. 81—88 (№ 110—122), февраль—мартъ 1738 г.

[2]) Ibid. f. 83 v. (№ 116); въ № 5686 f. 55 v. полк. Бориславскій въ судѣ экономскомъ судится съ Негриломъ Радіевскимъ о бѣглыхъ поданныхъ.

[3]) См. напр. К. Ц. А. № 5691 f. 166: ten dekret, przez i. m. p. A. Dębowskiego, gubernatora bar., ferowany, z władzy moiey pułkownikowski approbuię—A. Borysławski, затѣмъ слѣдуетъ утвержденіе самого Любомирскаго.

[4]) А. Б. с. II № 93; см. напр. К. Ц. А. № 5284 f. 706: письмо Любомирскаго губернатору, поручающее ему подождать комиссара по дѣлу объ отмежеваніи Маньковецкихъ грунтовъ отъ Носковецкихъ, salva interim custodia intrat moich, № 5286 f. 99 (1709); № 4573 f. 12: францишканамъ предоставляется получать ежегодно извѣстную сумму за „диспозиціею" комиссара, губернатора или писаря провентоваго.

сутствіе губернатора обязанности его исполнялъ иногда комендантъ, иногда барскій администраторъ [1]).

Счетную часть старостинскаго хозяйства вели „писаря провентовые"; они же ревидовали крестьянскія повинности, для чего ѣздили по селамъ осенью [2]). Хозяйствомъ отдѣльныхъ экономій и фольварковъ завѣдывали администраторы: они встрѣчаются напр. въ Барѣ, Деражнѣ, Коморовцахъ, Лукѣ, Слободкѣ, Головчинцахъ и др.; въ нѣкоторыхъ селахъ встрѣчаются аналогичные съ ними подстаросты [3]). О роли администратора даетъ представленіе одна жалоба, занесенная крестьянами с. Маньковецъ на мѣстнаго администратора; изъ нея видно, что въ распоряженіи его находился фольварокъ съ рабочимъ скотомъ и „скарбовою челядью", скотный дворъ и прудъ; онъ надзиралъ за отбываніемъ панщины на фольварковыхъ поляхъ, и отъ него зависѣла роздача свободныхъ полей и сѣножатей (за десятину); мѣстные крестьяне жаловались, что администраторъ въ свою пользу обращаетъ доходы фольварка и раздаетъ земли стороннимъ крестьянамъ, къ великому утиску мѣстныхъ [4]). Лѣсами завѣдывалъ лѣсничій. Наконецъ существовали писаря при болѣе значительныхъ угодьяхъ и промышленныхъ учрежденіяхъ, какъ майданы, поташныя буды и т. п. [5]).

---

[1]) А. Б. с. П с. 223, К. Ц. А. № 5685 f. 28 (i. m. p. namiesnik zakłada się ordynansem i. m. p. Chrzanowskiego, administratora barskiego, w niebytnosci i. m. p. gubernatora).

[2]) К. Ц. А. № 5683 f. 59 (1731): свидѣтельство барск. мѣйск. уряда, iz nigdy o ten czas (т. е. въ маѣ) pisarzy prowentowi barscy nie iezdzili po wsiach, rewiduiąc ciągła po ludziach włosci Barskiey, a to na ustanowienie czinszow, tylko zawsze w iesieni, bo gdyby teraz pisane były ciągla, to zapewne ludzie by się rozeszli przecz, y zgineła intrata panska.

[3]) Перечень администраторовъ и подстаростъ см. въ люстр. 1765 г. К. Ц. А. № 5512 f. 71 sq.

[4]) К. Ц. А. № 5683 f. 63: takze gromada cała to wszystko zeznała, ze grunta, sianozęci przedaie na stronę, przez co ludzie, ktorzy na słobodę przeydą, muszą uciekac; ktorych bardzo bije.

[5]) К. Ц. А. № 5512 f. 71, 5693 док. № 1161 (писарь майдана).

Перейдемъ къ вѣдомству шляхетскаго управленія и суда. Въ предшествующихъ главахъ показано было, что административная и судебная власть барскихъ старостъ восходитъ къ весьма раннему, вѣроятно—дореформенному времени XV в. Послѣ дарованія дѣдичныхъ правъ Выговскому барская шляхта, въ лицѣ Волковинскихъ, Радіевскихъ и Буцней, была признана неподсудною и неподвластною новому дѣдичу, и Радіевскіе отвергали такія права старостъ даже относительно прошлаго; но въ грамотѣ Потоцкому шляхетскія села включены въ число принадлежностей староства [1]). Съ переходомъ староства къ Любомирскимъ, власть старосты не прекратилась: въ грамотѣ 1728 г. старостѣ, вмѣстѣ съ принадлежностями староства, жалуется „юрисдикція относительно боярскихъ селъ и бояръ". Прочіе суды также признавали барскую шляхту подсудною барской юрисдикціи и передавали туда по принадлежности не только иски, которые относились до службы шляхетской, но и имущественные [2]). Только число шляхетскихъ околицъ, подвластныхъ барской юрисдикціи, постепенно уменьшалось: изъ сорока съ лишнимъ шляхетскихъ селъ XVI в. въ XVIII вступило въ составѣ Барщины только 13, а къ сеймовой комиссіи 1774 г., начавшей освобожденіе барской шляхты, осталось только 11.

Свои права по отношенію шляхетскаго населенія барскій староста XVIII в. осуществлялъ главнымъ образомъ при посредствѣ полковника и прочихъ чиновъ его вѣдомства, а также—въ меньшей степени, при посредствѣ своего комиссара и губернатора. Выше высказаны были соображенія о происхожденіи чиновниковъ шляхетскаго вѣдомства изъ урядовъ военныхъ. Впрочемъ въ серединѣ XVIII в. полковникъ Барскаго полка, или Б. юрисдикціи, Б. тракта, и прочіе чиновники этого вѣдомства, какъ было упомянуто, выступаютъ не столько какъ военные, сколько судебно-административные или чисто судебные чиновники. О первоначальномъ военномъ характерѣ

---

1) А. Б. с. П с. 109, 124, 133.

2) А. Б. с. П R. 1728, 1756, также см. ссылки на с. 359—60.

этихъ урядовъ свидѣтельствуютъ ихъ имена, принципъ военной дисциплины, проводившійся въ ихъ отношеніяхъ къ населенію; какъ мы видѣли, трибуналъ выводилъ даже ихъ юрисдикцію изъ обязанности военной службы; но о военныхъ функціяхъ извѣстно сравнительно немного. Отчасти это можетъ зависѣть отъ характера документальнаго матеріала—судебныхъ книгъ. Полковникъ выступаетъ преимущественно въ качествѣ предсѣдателя барскаго шляхетскаго суда, почему и называется иногда судьею барскимъ [1]); прочіе урядники шляхетскаго вѣдомства являются чиновниками этого суда.

Остановимся на организаціи этого оригинальнаго суда, благо сохранившіяся барскія актовыя книги даютъ для этого довольно обильный матеріалъ. Судъ этотъ въ XVIII в. называется „полковничьимъ" или „судомъ юрисдикціи барской", „юрисдикція замка Барскаго", „замковымъ", также „судомъ шляхетскимъ" или „шляхетской юрисдикціи", „судомъ ординаціи Барской", встрѣчается и „гродъ Барскій", но изрѣдка [2]). Кажется, регулярное дѣлопроизводство въ немъ начало вестись лишь со 2-ой четв. XVIII в. Какъ упомянуто было выше, акты Барскаго грода XVIII в. восходили къ 1730 г.; сохранилось заявленіе одного шляхтича отъ 1752 г., что продажной 1716 г. онъ не явилъ въ книги потому, что не существовало тогда „актовъ юрисдикціи замка Барскаго"; это вѣроятно: болѣе раніе документы барскихъ судовъ не имѣютъ обычной помѣты о выдачѣ изъ судебныхъ актовъ [3]). Вѣроятно, съ того же времени Барскій судъ сталъ вообще подражать организаціи гродскихъ судовъ, оставляя прежнюю упрощенную процедуру. Эта реформа впрочемъ произошла не сразу: нѣкоторые гродскіе порядки (напр. отдѣльнаго судью, позвы)

---

[1]) Напр. К. Ц. А. № 5700 f. 108 v.—od wiel. Borzysławskiego, pulkownika y sędziego na ten czas (1736) juryzdykcyi Barskiey.

[2]) А. Б. с. II № 148 (позовъ гродскій), R. № 127 (гродъ Барскій), № 5686 f. 23 v. (писарь гродскій барскій), 5687 f. 43 (гродскіе акты), 5304 f. 1054 (actum in castro Barensi).

[3]) См. выше с. 278, А. Б. с. II R. 1752, ср. № 76.

мы встрѣчаемъ лишь въ 50-хъ гг. Съ 30-хъ гг. судебныя сессіи (иногда называемые рочками судовыми барскими) отправлялись въ опредѣленные сроки, т. н. каденціи. Точно опредѣлить періоды каденцій я затрудняюсь; кажется, и въ этомъ отношеніи барская юрисдикція подражала гродскому суду (гдѣ сессіи должны были отправляться четыре раза въ годъ); но строгой періодичности не существовало, и между сессіями проходило и 2—5 мѣсяца. Судебныя засѣданія происходили иногда и сверхъ регулярныхъ сессій (extra cadentiam)[1]. Въ промежуткахъ каденцій въ „канцеляріи барской" засѣдалъ „писаръ шляхетскій", и принималъ въ книги юрисдикціи жалобы, заявленія, контракты и т. п. (suscepta)[2]. Засѣдалъ въ судѣ обыкновенно полковникъ съ писаремъ, въ ассистенціи шляхтичей. Среди этихъ ассистентовъ зачастую присутствовали поручики ординаціи Барской[3]; засѣдалъ, какъ мы видѣли уже, и губернаторъ —весьма вѣроятно, что онъ нарочно приглашался полковникомъ, когда дѣла касались предметовъ его вѣдомства[4]. Съ 50-хъ гг.

---

[1]) А. Б. с. II с. 304 (roczki sądowe kadencyi octobrowey), К. Ц. А. № 5685 f. 8 v. (kadencia reassumowana—kwietnia 7), № 5688 f. 21 v. (protokoł spraw kadencyi juniuszowej); о двухмѣсячномъ промежуткѣ между сессіями см. напр. въ записяхъ каденцій въ К. Ц. А. № 5685 f. 181 v.—185: 10/vi, 21/viii, 16/x 1741 г. и 8/i 1742; въ промежуткѣ напр. 11/viii sprawy extra cadentiam sądzone—f. 182 v. Послѣ январской сессіи 1742 г. идутъ декреты 25/i—8/ii extra cadentiam и 17/iv, сессія открывается 27/vi, въ концѣ собственноручная помѣта полковника (его же рукою писаны помѣты о каденціяхъ): Po skączoney cadencij sądy zalimitowałem jurisdykcyi mey pułkownikoskiej do dnia 8 octobris w roku terazniėyszym. Dat. w Barze 11 iulij 1742, A. Borzysławski. Но сессія открылась, какъ видно изъ помѣты, лишь 11/xi (f. 195).

[2]) К. Ц. А. № 5696 f. 91 (помѣта о началѣ suscepty новаго писаря—Барановскаго, 1756 г.).

[3]) См. перечни присутствовавшихъ на судѣ въ А. Б. с. II с. 307, 317, К. Ц. А. № 5699 f. 1, 5700 f. 1 и т. п.

[4]) Нерѣдко встрѣчаются упоминанія о декретахъ, выданныхъ за

XVIII в. встрѣчаемъ прокурора—инстигатора и отдѣльнаго отъ полковника судью [1]). Судья, какъ видно, функціонировалъ въ отсутствіе полковника: въ документахъ, въ которыхъ онъ выступаетъ, о полковникѣ не упоминается [2]). Наконецъ при судѣ находился возный.

Судебная процедура организована была по образцу общихъ судовъ. Истецъ заносилъ жалобу въ акты шляхетской юрисдикціи. Затѣмъ выдавался полковничій ординансъ, призывавшій отвѣтчика къ суду [3]); съ половины XVIII в. выдавались, по примѣру и образцу гродскихъ судовъ, позвы, которые вручались вознымъ отвѣтчику, и возный затѣмъ дѣлалъ заявленіе предъ урядомъ юрисдикціи о доставленіи позва. Выдавался позовъ отъ имени полковника (z zwierzchnosci zamkowej, a z władzy pułkownikowskiej), но встрѣчаются позвы и отъ имени самого „верховнаго судьи" (judex supremus)—старосты Любомирскаго [4]). Отвѣтчикъ долженъ былъ явиться въ день, „когда процессъ придется по реестру на настоящей сессіи". Въ случаѣ неявки, на неявившагося выдавалась кондемната, публиковавшаяся вознымъ [5]). Судебными доказательствами служили

подписями полковника и губернатора, напр. К. Ц. А. № 5685 f. 28—9, f. 84; sąd pułkownikowskie y ekonomski—напр. R. № 124.

[1]) А. Б. с. II с. 304, К. Ц. А. № 4571 f. 164, 167, 5308 f. 18, 5700 f. 3 v. (судья), 5689 f. 71, 5693 док. № 737 (инстигаторъ), ср. R. 1759.

[2]) Въ одномъ случаѣ судъ юр. Барской, постановляя рѣшеніе по дѣлу о грунтѣ, вопросъ объ отбываніи военной службы передаетъ на рѣшеніе полковника (К. Ц. А. № 5698 f. 29 v.): вѣроятно, мы имѣемъ здѣсь рѣшеніе, постановленное судьею (ср. подпись Загорскаго—ibid. f. 8).

[3]) К. Ц. А. № 5685 f. 148 v.: do tey sprawy pozwany, za pięciu ordynansami nie chciał stawac, a gdy p. namiesnik, sam przyszedszy, chciał go wziąc z rezydentem, od sądu przysłanym,—хотѣлъ ихъ бить; f. 183 v.: po wydanym iuz ordynansie dla rozsądzenia tu w zamku Barskim.

[4]) А. Б. с. II № 148, R. 1759 (позвы), см. еще № 5692 f. 67 v., 107; № 5689 док. № 155, 156 (заявленія诶 вознаго о врученіи позва).

[5]) К. Ц. А. № 5689 f. 42: заявленіе вознаго о публикаціи in stuba judiciorum кондемнаты ex vi regestri simplici sądu swego otrzymaney:

документы, показанія свидѣтелей, присяга. За отсутствіемъ ихъ судъ наряжалъ на мѣсто слѣдствіе (инквизицію), результаты котораго затѣмъ доставлялись въ судъ, обыкновенно—въ запечатанныхъ конвертахъ, или же поручалось самимъ сторонамъ запастись свидѣтельскими показаніями къ другому засѣданію, или къ слѣдующей каденціи [1]).

Въ процессахъ, требовавшихъ осмотра мѣстности, границъ, опроса сосѣдей, судъ наряжалъ т. н. комиссаровъ, которые на мѣстѣ постановляли рѣшеніе; оно могло быть окончательнымъ, если судъ уполномочивалъ на то комиссаровъ, или подлежало пересмотру и утвержденію суда; наконецъ комиссары могли, не рѣшая дѣла, передать его на дальнѣйшее разсмотрѣніе въ Барскій судъ (remissa). Подобнымъ же комиссарамъ поручалось размежеваніе, отводъ земель, раздѣлъ участковъ (pomiarkowanie). На такой „съѣздъ" (kondescensia) назначался часто „урядъ"—т. е. писарь шляхетскій или поручикъ, или кто-нибудь изъ намѣстниковъ, и въ придачу нѣсколько шляхтичей, иногда и возный; назначалось душъ четыре и больше, на случай непріѣзда (absentia unius vel duorum non obstante); комиссары получали за свой трудъ вознагражденіе отъ тяжущихся, обыкновенно поровну отъ сторонъ [2]).

Юрисдикціи полковничьяго суда подлежали шляхетскія тяжбы

Poniewaz strona pozwana do sądu ninieyszego nie staie, więc sąd stronie aktorowiey kondemnowac strone pozwaną dopuszcza pod winą banicyi wieczney; тоже № 5689 f. 27.

[1]) Напр. А. Б. с. II с. 226, 295, № 5685 f. 120 v.: поручикъ посылается судомъ на „инквизицію" (дѣло о потравахъ); 5691: истцу поручается представить свидѣтелей на новый срокъ, затѣмъ—за невозможностью представить въ судъ старѣйшаго свидѣтеля, посылается поручикъ на мѣсто.

[2]) А. Б. с. II № 95, 118, 121, с. 224, 307, К. Ц. А. № 5686 f. 33 (отвѣтчикъ долженъ былъ zobopolnym kosztem urząd sprowadzic на съѣздъ, но не сдѣлалъ это въ обѣщенный день и ввелъ истца въ напрасныя траты—на угощеніе), № 5694 f. 17 (innotescensya отъ комиссаровъ, назначенныхъ Любомирскимъ на съѣздъ).

всякаго рода, гражданскія и уголовныя: о правахъ шляхетства, о законномъ происхожденіи, о нарушеніи брака, о посагѣ, объ опекѣ и наслѣдствѣ, о правахъ владѣнія, о границахъ владѣній, о залогѣ, долговыхъ обязательствахъ и контрактахъ; далѣе: убійства, увѣчья, оскорбленія, разбой и грабежъ, потравы, кража, неповиновеніе „командѣ" и „зверхности", притѣсненіе подчиненныхъ. Наказанія, къ которымъ приговаривалъ судъ, были—денежные штрафы въ пользу потерпѣвшаго, на замокъ и въ пользу церквей или костеловъ (особенно если въ проступкѣ было преступленіе противъ нравственности) [1]), заключеніе въ вѣжу верхнюю, въ подземную или въ кордегарду—на крѣпостныя работы, смотря по тяжести проступка [2]); публичное извиненіе въ шляхетскомъ „колѣ", въ сельской громадѣ или „при людяхъ годныхъ"; лежанье въ церкви „крыжемъ" и т. п. [3]); къ смертной казни регулярный полковничій судъ не приговаривалъ, но извѣстенъ случай передачи на пытки [4]). За неисполненіе приговора судъ угрожалъ также денежнымъ штрафомъ, аре-

---

[1]) Напр. А. Б. с. II № 114, с. 279, R. № 124, 128, К. Ц. А. № 5685 f. 29, 5688 f. 21 v. (на францишканъ), 5685 f. 48 v. (на доминиканъ), 5685 f. 15, 5683 f. 10 (10 грив. на воскъ церкви радіевской).

[2]) А. Б. с. II № 95, 114, 122, 127, R. 1740, К. Ц. А. № 5687 f. 148 (за драку и неповиновеніе nie wieżą, ale kordegardą karany byc ma, w ktorey przez niedziel 5 siedzęc w kaydanach, iako insi winowaycy, robic z nimi rownie ma), f. 142: двухнедѣльный арестъ въ подземной вежѣ (wieżą dolną barską) за оскорбленіе шляхетской чести, № 5686 f. 30 v. (тоже, за побои).

[3]) А. Б. с. II № 102, К. Ц. А. № 5688 f. 5. (respectem niesłusznych obiekcyi w kole swoim deprekacyą uczynili), 5685 f. 51 (лежанье крыжемъ). Встрѣчается еще такая эпитимія: ma w cerkwi Haluzinski z gołą szablą przez słuzbą Bozą w przyszłą niedziele stac, a po skonczoney słuzbie Bozey ma publicznie i. p. Sieczynskiego przeprosic pod grzywnami 30 nieupnstnemi na zamek (за оскорбленіе поручика Сѣчинскаго)—К. Ц. А. № 5685 f. 146.

[4]) См. выше с. 358.

стомъ или банницiей (pod winą bannicyi wiecznej), которая въ такомъ случаѣ публиковалась вознымъ юрисдикцiи in loco consueto [1]). Средство для приведенiя въ исполненiе приговоровъ было одно—общее для всѣхъ инстанцiй: посылка на экзекуцiю партiи „резидентовъ“ или цѣлыхъ ротъ.

На рѣшенiе полковничьяго суда можно было апеллировать къ генеральному комиссару и самому Любомирскому [2]); апелляцiя (appellatio и motio) не допускались въ томъ случаѣ, если полковничьему суду было поручено комиссаромъ или старостою произнести окончательное рѣшенiе [3]). Иногда судъ по собственной инициативѣ отлагалъ болѣе серьезныя и трудныя дѣла на усмотрѣнiе комиссара или князя [4]). Права обжаловать судъ (motio) или апеллировать къ суду гродскому или трибунальскому зверхность XVIII в. не признавала за подчиненною ея юрисдикцiею шляхтою, хотя подобныя случаи происходили иногда. Зверхность смотрѣла на это неблагосклонно; выше упоминалось о распоряженiи Ю. Любомирскаго въ процессѣ Поповскихъ, чтобы „стороны подчинялись во всемъ юрисдикцiи барской“; дѣло о неисполненiи этого распоряженiя и „выламыванiи“ изъ-подъ юрисдикцiи барской было потомъ передано на судъ полковника (1735) [5]). Въ другомъ случаѣ шл. Баранецкiй былъ арестованъ за то, что обжаловалъ юрисдикцiю барскую въ гродѣ и земствѣ Летичевскихъ, и былъ вынужденъ дать заявленiе, что уничтожаетъ эту жалобу и впредь будетъ повиноваться бар-

---

[1]) А. Б. с. II с. 311, ср. с. 218; К. Ц. А. № 5692 f. 116 v., 117, 130, v. 197—1752 г.: заявленiя litvo вознаго о публикацiи банницiи za nieposłuszenstwo prawu.

[2]) Напр. А. Б. с II с. 280; объ апелляцiи къ генер. комиссару см. слѣдующее примѣчанiе.

[3]) А. Б. с. II с. 218, 312.

[4]) А. Б. с. II № 110, R. 1740, К. Ц. А. № 5688 f. 39: дѣло о ростовщичествѣ передается комиссару, aby takowe nie działy sie in posterum abusus y uciemiężenie przez zydow.

[5]) А. Б. с. II с. 218, ср. с. 170 и 237 (жалобы шляхты на отсутствiе апелляцiи).

ской юрисдикціи, обращаться къ ней во всѣхъ дѣлахъ, не поносить и т. п. [1]).

Иногда составъ суда для даннаго процесса спеціально опредѣлялся ген. комиссаромъ или самимъ старостою, при чемъ ему сообщались и спеціальныя полномочія [2]); иногда въ судѣ полковничьемъ засѣдалъ комиссаръ (судъ комиссарскій и полковничій [3])) или самъ староста. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ судъ былъ уже судомъ послѣдней инстанціи; это бывало въ цѣлыхъ сессіяхъ и въ отдѣльныхъ, особенно важныхъ процессахъ: такъ по дѣлу объ убійствахъ и др. преступленіяхъ, происшедшихъ въ Поповцахъ, въ судѣ Барскомъ засѣдалъ съ полковникомъ и др. лицами А. Любомирскій. Въ позвахъ 50-хъ гг. иногда упоминается, что на судѣ имѣетъ быть самъ князь (Любомирскій), jako supremus arbiter [4]). Наконецъ встрѣчается нѣсколько случаевъ такого оригинальнаго суда: въ одномъ случаѣ, въ самомъ громкомъ процессѣ всего XVIII в.—объ убійствѣ поручика Алатыяна Поповскаго, засѣдаютъ по распоряженію полковника семь намѣстниковъ Барской ординаціи и постановляютъ смертные приговоры для обвиненныхъ (одного приговариваютъ къ четвертованію, пятерыхъ къ отсѣченію головы); приговоръ ихъ

---

[1]) А. Б. с. II с. 302—3, К. Ц. А. № 5304 f. 1931: позовъ отъ Баранецкаго барскимъ урядникамъ о незаконномъ арестѣ.

[2]) А. Б. с. II с. 224, ср. № 96; см. также напр. К. Ц. А. № 5685 f. 26: za instrumentem wiel. Polanowskiego, gener. dobr i. o. xiężat Lubomirskich komisarza, засѣдаютъ полковн. Янвичъ и нам. Сѣчинскій (вмѣсто назначеннаго поручика Поповскаго): дѣло о кражѣ, нападеніи и пр., главные виновники приговорены къ „выволанью“ przez publicznego mistrza; № 5698 f. 5 v: отвѣтчица обратилась къ князю, и тотъ поручилъ разсмотрѣніе дѣла хорунжему своему Дембовскому, который долженъ принять участіе въ сессіи.

[3]) К. Ц. А. № 5686 f. 57, ср. 5687 f. 19 v. (судъ въ присутствіи комиссара).

[4]) А. Б. с. II № 136, 148 (подобный же позовъ въ К. Ц. А. № 5692 f. 67 v.).

затѣмъ утверждается послѣдовательно полковникомъ и княземъ-старостою; смертную казнь долженъ былъ (какъ обыкновенно) совершить мѣйскій палачъ, и дѣйствительно приговоръ былъ исполненъ надъ нѣкоторыми [1]). Въ другомъ случаѣ намѣстники kommendy swoiey (т. е. тѣхъ околицъ, къ которымъ принадлежали отвѣтчики, засѣдаютъ вмѣстѣ съ полковникомъ и поручикомъ по дѣлу о кражѣ меда, и также приговариваютъ одного изъ обвиненныхъ къ смертной казни, но за неимѣніемъ палача, казнь замѣнена годичнымъ заключеніемъ въ кордегардѣ, przy pracach, temu mieyscu zwykłych [2]). Въ обоихъ случаяхъ имѣемъ такимъ образомъ судъ о преступленіяхъ особенно тяжкихъ.

Кромѣ судебныхъ, полковникъ обладалъ военными и административными компетенціями, но о нихъ имѣется гораздо меньше свѣдѣній. Онъ считался, какъ видно, главнымъ начальникомъ военныхъ отрядовъ староства и предводителемъ шляхетской милиціи [3]). Административная власть его простиралась также на шляхетское населеніе, но разграничить сферу полковничьяго и губернаторскаго управленія очень затруднительно, и несомнѣнно губернаторъ, надзирая за правильнымъ исполненіемъ повинностей и охраняя старостинскія прерогативы, нерѣдко конкурировалъ съ полковничьею властью. Такъ наприм. вопросы объ отбываніи шляхтичами повинностей, о арендахъ шляхетскихъ корчемъ, объ отчужденіи шляхетскихъ зе-

---

[1]) А. Б. с. II № 124; о казни напр. упоминаютъ Поповскіе въ жалобѣ своей ibid. с. 237.

[2]) А. Б. с. II № 127; въ К. Ц. А. № 5685 f. 107 v. упоминается декретъ 1738 г. поручика Сѣчинскаго z pięciu temu namiesnikami przydanemi на грунтѣ с. Радіевецъ по иску о прудѣ,—особый видъ съѣзда.

[3]) Въ одномъ документѣ полковн. Бориславскій называется cohortium nobilitarium ad jurisdictionem arcis Barensis pertinentium et aliarum postcurialium colonellus—К. Ц. А. № 5284 f. 488 v. (ср. № 5282 f. 1675). Въ № 5690 f. 56 v. (1746) вспоминается о смотрѣ который устроилъ барскимъ ратникамъ въ Радомѣ полк. Бориславскій, chcąc bron y wszystek moderunek zlustrowac,

мель и т. п. находились подъ контролемъ и полковника и губернатора [1]). Даже такіе акты, какъ рѣшенія шляхетскаго кола, иногда поступали на утвержденіе губернатора [2]), хотя отдѣлить здѣсь постоянныя функціи губернатора отъ временнаго замѣщенія имъ полковника въ его отсутствіе затруднительно за скудостію данныхъ.

Перейдемъ къ другимъ чинамъ полковничьяго вѣдомства. Обязанности шляхетскаго писаря ординаціи Барской опредѣлены такъ въ присягѣ, данной М. Попелемъ при вступленіи въ должность писаря: буду правильно составлять всякаго рода акты по рѣшенію суда А. Бориславскаго (полковника) и I. Микулича, эконома Барской ординаціи, не руководясь ни подкупомъ, ни расположеніемъ; если мнѣ будетъ поручено слѣдствіе (inkwizicyi), долженъ буду выслушивать показанія обѣихъ сторонъ; всѣ являемые (въ книги юрисдикціи) акты буду принимать въ точности, и всякія порученія суда (in commisso, т. е. при назначеніи съѣзда) буду исполнять аккуратно [3]). Изъ этого перечня и изъ предшествующихъ указаній видно, насколько важную роль игралъ писарь въ строѣ староства.

Поручиковъ въ половинѣ XVIII в., какъ видно, бывало только по одному. Онъ является обычнымъ ассессоромъ полковничьяго суда, наряжается на слѣдствіе и въ съѣздовые суды, исполняетъ также административныя порученія [4]). Встрѣчаются упоминанія объ „ординансахъ" поручиковъ, изъ которыхъ видно, что къ нимъ обращалась шляхта съ жалобами (можетъ быть—въ отсутствіе полковника или губернатора), и поручики дѣлали распоряженія намѣст-

---

[1]) А. Б. с. II № 134, R. № 124 (ординансы полковника о повинностяхъ), подобное же напр. К. Ц. А. № 5688 f. 1 (ординансъ полковника, призывавшій на резиденцію), f. 45—распоряженіе полковника, чтобы въ околицѣ былъ только одинъ арендарь, № 5688 f. 67—полковникъ утверждаетъ арендный контрактъ; подоб. № 5684 f. 11 v. Ср. о губернаторѣ напр. К. Ц. А № 5684 f. 8 (утвержденіе контракта, декретъ о нарушеніи).

[2]) А. Б. с. II R. 1733.

[3]) А. Б. с. II № 119.

[4]) Напр. К. Ц. А. № 5691 f. 165: поручикъ посылается для выдѣла присужденнаго грунта; объ участіи въ судѣ и съѣздѣ см. выше.

никамъ о взысканіяхъ, разсмотрѣніи дѣла и т. п., или даже сами постановляли рѣшеніе [1]).

О хорунжихъ барскихъ извѣстій очень мало; въ одномъ позвѣ о нашествіи барской шляхты подъ предводительствомъ своихъ намѣстниковъ и поручика (praefectus), упоминается и хорунжій въ качествѣ вождя (vexillifer et commendans nobilitatis barensis), изъ чего можно заключить, что онъ дѣйствительно исполнялъ обязанность хорунжаго въ ополченіи; подобно поручику, въ мирное врему ему также давали судебно-административныя порученія—назначали на съѣзды и т. п. [2]).

Наконецъ въ вѣдомствѣ полковника должны были состоять чисто военные урядники староства. На первомъ мѣстѣ тутъ нужно поставить, конечно, коменданта fortecy Barskiej, начальствовавшаго надъ барскимъ гарнизономъ. Какъ упомянуто было, во 2-ой пол. XVII в. комендантъ не зависѣлъ отъ старосты и подчинялся непосредственно короннымъ властямъ; въ разсматриваемое время онъ совершенно вошелъ въ систему старостинскаго управленія и находился въ распоряженіи зверхности замковой. Въ серединѣ XVIII в. довольно долгое время комендантомъ былъ Тобіашъ Кейнъ или Кинъ, поручикъ, потомъ капитанъ. Онъ часто исполнялъ въ отсутствіи губернатора его обязанности (zwerzchnosc zamkowa, to iest i. p. Kien, vices i. p. gubernatora regens [3])), былъ нѣкоторое время и губернаторомъ, и вообще стоялъ въ самой тѣсной связи съ замковою зверхностью. Гарнизонъ состоялъ изъ отряда шляхтичей, поочередно отбывавшихъ въ немъ „резиденцію", и жолнерскихъ отрядовъ; въ 1765 г. на счетъ

---

[1]) Напр. К. Ц. А. № 5689 f. 1, 5692 f. 2, 5700 f. 77 v.—ординансы поручика намѣстнику, ср. А. Б. с. II R. № 124, гдѣ поручикъ наблюдаетъ за исполненіемъ воин. повинности; № 5308 f. 641: манифестъ въ гродѣ Летичевскомъ de insubsistentia декрета, постановленнаго поручикомъ (legionis B. praefectum), по дѣлу о пропавшемъ скотѣ: не былъ ли впрочемъ поручикъ въ этомъ случаѣ лишь комиссаромъ замковаго суда?

[2]) А. Б. с. II с. 179, 224.

[3]) А. Б. с. II с. 223.

Любомирскаго, по его заявленію, содержалось 40 „ленунговыхъ“ и 50 конныхъ, ludzi cudzozemskiego autoramentu, dostatecznie zregułowanych [1]). Въ мирное время гарнизонъ этотъ охранялъ тюрмы —вѣжу подземную, предназначенную для самыхъ тяжкихъ преступниковъ, вѣжу верхнюю, гдѣ отсиживали шляхтичи менѣе важные проступки, и кордегарду, гдѣ находились арестанты не-шляхтичи и изъ шляхтичей—посаженные за болѣе важные проступки [2]). Кромѣ того гарнизонъ, какъ упомянуто было, производилъ по распоряженію губернатора, полковничьяго суда или высшихъ властей экзекуціи и взысканія; между прочимъ это было обычное средство для взысканія долговъ арендарямъ-корчмарямъ [3]). Кромѣ барскаго гарнизона въ староствѣ содержались еще хоругви, иногда по нѣсколько, состоявшія подъ начальствомъ ротмистровъ, набиравшихъ отъ себя эти „компаніи“. Какъ видно, на содержаніе и проживаніе хоругви отводилось обыкновенно какое-нибудь село: такъ въ первой четверти XVIII в. для этой цѣли служили Петрани, владѣльцы которымъ съ большими издержками отдѣлались отъ этихъ „резидентовъ“ [4]); позже хоругвь стояла въ Молоховѣ (kompania Moło-

---

[1]) К. Ц. А. № 5512 f. 81 v.

[2]) См. А. Б. с. II с. 225 (о Кинѣ).

[3]) А. Б. с. II с. 212, 223; также напр. К. Ц. А. № 5691 f. 105: жалоба двухъ жолнеровъ барскаго гарнизона, посланныхъ въ Волковинцы dla wybierania y wyprawienia długow winnych u szlachty tameczney Abramkowi arendarzowi wołkowinskiemu, на побои, нанесенные имъ волковинскими шляхтичами.

[4]) Въ К. Ц. А. № 5689 f. 38 (1741) любопытный реестръ расходовъ, которые понесли Драгомирецкіе, windykuiąc wies Petranie od rotmistrzow, ktorzy osiadali na Petraniech za konsensami i. o. x. i. mci s. p. Jerzego Lubomirskiego со своими компаніями съ 1715 по 1721 г.: первымъ былъ упомянутый липка Милковскій (1715 г.), „выругованье“ его обошлось 160 зл.; потомъ липка Радзеевскій, обошелся въ 90 злот.; ротм. Минковскому и его компаніи, ktorzy się budowali w Petranich, за расходы, и на поѣздки къ Любомирскому—785 зл. Наконецъ Войцѣхъ Сѣчинскій стоилъ 256 зл.

chowska) и въ Чемерисахъ Волоскихъ (kompania Czemeryska)[1]. Въ серединѣ XVIII в. главнымъ контингентомъ не-шляхетскихъ хоругвей, очевидно, были волохи—они часто упоминаются, гдѣ идетъ рѣчь объ экзекуціяхъ[2].

Какъ для губернаторскаго, такъ и для полковничьяго вѣдомства высшею инстанціею по вопросамъ судебнымъ и административнымъ былъ генеральный комиссаръ имѣній князя старосты (иногда онъ называется г. комиссаромъ волости Барской). Къ нему поступали аппелляціи на рѣшенія полковничьяго суда, передавались на его рѣшеніе болѣе важныя дѣла, представлялись приговоры на утвержденіе. Ему приносили жалобы на распоряженія губернатора и полковника, онъ отдавалъ имъ распоряженія по разнымъ вопросамъ старостинскаго управленія; въ особенности часто встрѣчаются его распоряженія по вопросамъ объ отводѣ и продажѣ участковъ въ г. Барѣ, и вообще по дѣламъ объ имѣніяхъ собственно. Какъ было упомянуто, онъ засѣдалъ иногда самъ въ судѣ полковника, при чемъ, конечно, юрисдикція принадлежала ему[3].

Наконецъ систему старостинскаго управленія завершала особа старосты. Отдѣленный отъ населенія цѣлою системою урядовъ, рѣдко появляясь въ Барѣ, онъ обыкновенно не принималъ непосредственнаго участія въ управленіи. Къ нему восходили по временамъ на утвержденіе рѣшенія урядниковъ, апелляціи, жалобы на урядъ;

---

[1]) А. Б. с. II с. 211, 219, 285.

[2]) Напр. А. Б. с. II с. 224—5 (двѣ хоругви волоховъ), К. Ц. А. № 5684 f 85 (побитіе волоховъ роты Мурзенка, присланныхъ на экзекуцію, 1731), № 5689 f. 53—нападеніе на дворъ съ волохами и иными людьми, ktorzy tylko na to byli sprowadzeni, aby prawu nieposłusznych rebellizantow, jako jure victos, łapali.

[3]) См. выше, на с. 382, А. Б. с. II с. 215, также К. Ц. А. № 5685 f. 48 v.: губернаторъ жалуется на Коростовскихъ, что они подали на него ложный доносъ (libellum famosum) комиссару, будто онъ взялъ съ нихъ взятку и документы ихъ забралъ. Распоряженія о городскихъ земляхъ см. напр. № 4571 f. 115—120, 4572 f. 26, 72—3, ср. А. Б. с. II с. 400.

иногда помимо суда къ нему обращались шляхтичи въ своихъ тяжбахъ, и онъ своимъ ординансомъ разрѣшалъ ихъ непосредственно [1]). Но путешествіе къ старостѣ для устройства своихъ нуждъ было для барскаго обывателя дѣломъ хлопотнымъ и стоило значительныхъ издержекъ, потому къ нему обращались въ крайности, и личность jasnie oświeconego xięcia i. mci dobrodzieja рисовалась въ какой-то туманной доли, какъ существа высшаго. Онъ считался послѣднею инстанціею для барской администраціи и для судовъ (judex, arbiter supremus), и какъ мы видѣли, не допускалъ апелляціи къ короннымъ судамъ.

Всѣ чиновники староства замѣщались, конечно, старостою и отъ него получали вознагражденіе; такъ было и съ полковникомъ, который среди мѣстныхъ урядниковъ наиболѣе приближался къ понятію государственнаго чиновника. Изъ одного рескрипта Любомирскаго видно, что патентъ свой на полковничество барское полковникъ получалъ отъ него, и на содержаніе ему давалось село. Изъ реестра расходовъ Барскаго староства 1765 г. извѣстно, что губернаторъ получалъ годичнаго жалованія 1200 злот. (includendo pulbeczek miodu); писарь провентовый—250 зл., администраторы по 100—150 злот. [2]), подстаросты по 60—100 зл.; администраторъ деражeнскій, именовавшійся также губернаторомъ, получалъ больше всѣхъ—200 зл.; кромѣ того они, вѣроятно, получали доходы натурою. Шляхетскій писарь и поручикъ едва ли получали жалованіе сверхъ дохода, который имѣли изъ судебныхъ пошлинъ.

---

[1]) А. Б. с. II с. 186, 224—5, 231, 308, К. Ц. А. № 5304 f. 1054 декретъ Дембовскаго утвержденный кн. Любомирскимъ, № 5688 f. 112 v., 5691 f. 107 v., см. также документъ, цитированный на с. 373.

[2]) А. Б. с. II № 139, Expens fundi star. Barskiego 1765 г.—К. Ц. А. № 5512 f. 71 sq.; въ записи 1773 г. о доходахъ съ Бара, Ивановецъ и Чемерисъ Подмѣйскихъ № 5711 f. 1960 даны цифры иныя: губернатору барскому 300 зл., администратору 100 зл.; приходится думать что здѣсь показана та часть жалованья губернатору, которая платилась съ этихъ имѣній.

Шляхетскія околицы [1]) были организованы на одинъ образецъ, несмотря на то, что значительно различались величиною и составомъ своего населенія. Органами околичнаго управленія были намѣстникъ и шляхетское коло

„Шляхетское коло" представляло собою собраніе всѣхъ полноправныхъ хозяевъ околицы; имѣя въ виду нѣкоторыя указанія документовъ о предметахъ собраній и участникахъ, можно предполагать, что участвовали въ колѣ какъ дѣдичи, такъ и заставники (такъ какъ послѣдніе часто по контракту обязывались своимъ коштомъ отбывать лежащія на арендуемомъ участкѣ повинности), женщины-владѣлицы, наконецъ не-шляхтичи, владѣвшіе землями; шляхтичи-приймаки (zięci) и подданные въ колѣ не участвовали. Главнымъ предметами собранія служили—а) распредѣленіе повинностей: коло производило раскладку подымнаго, установляло очередь для отбыванія подводъ, и снаряженія резидентовъ [2]). Повинность пріурочивалась, очевидно къ грунту, а не къ лицу; околица раздѣлялась на равномѣрныя части, между которыми распредѣлялась очередь въ отбываніи повинносги; поэтому мы и встрѣчаемъ случаи комбинированія участковъ для уравненія повинностей. Между владѣльцами участковъ, входившихъ въ составъ упомянутыхъ болѣе крупныхъ частей околицы, въ свою очередь долженъ былъ наблюдаться извѣстный порядокъ въ отбываніи повинностей, но это было уже ихъ частное дѣло; предъ коломъ и зверхностью отвѣчали наличные за отсутствующихъ; заставникъ могъ отбывать „услуги" за дѣдича, или наоборотъ, согласно уговору [3]).

---

[1]) Напр. К. Ц. А. № 5684 f. 56 (okolicy Stepankowiec); долженъ впрочемъ оговориться, что терминъ okolica встрѣчается рѣдко, обыкновенно шляхетскія села называются просто селами, wieś, но я буду называть ихъ околицами для отличія отъ крестьянскихъ поселеній.

[2]) А. Б. с. II № 125 (подводы), К. Ц. А. № 5685 f. 63, 5688 f. 4 v. (раскладка подымнаго: regestr nowy na oddawanie podymnego w tymze kole swoim spisali, przy ktorym spisaniu aby z kazdey częsci choc po iednemu byli z dziedzicow).

[3]) А. Б. с. II с. 297; К. Ц. А. № 5688 f. 66 v.: декретъ, aby

b) Завѣдываніе всякаго рода хозяйственными дѣлами, касавшимися всей околицы: коло заключало арендные контракты на общественныя корчмы, сдавало въ наемъ находившіяся въ общественномъ пользованіи угодья и пр. [1]). Оно же распоряжается общинными землями: выдѣляетъ изъ общинныхъ грунтовъ участки церкви и причту (т. н. эрекціи), также сочленамъ своимъ за какія-либо услуги и т. п. [2]). Хотя встѣчаются указанія на полученіе земельныхъ участковъ въ околицахъ отъ князя, но распоряжаться свободными землями и общественными угодьями считала себя вправѣ только шляхетская громада [3]).

c) Какъ видно изъ нѣкоторыхъ указаній, коло претендовало иногда на права патроната относительно мѣстной церкви, но эти

Korodyowski (заставникъ) tak usługe należącą, jako y lenungi z teyze częsci odbywał, poniewaz dziedzic ne znaydyie się; въ одномъ спорѣ шляхтичъ предлагаетъ совладѣльцу: lub fortune nam odday, lub usługe z ney odbądz—№ 5690 f. 105; ср. на с. 354 пр. 2.

[1]) См. подобный приговоръ объ арендѣ земельнаго участка in extenso А. Б. с. II № 160, также № 126 (аренда корчмы), К. Ц. А. № 5685 f. 114: жалоба арендаря, что намѣстникъ narobił kłotnie: взялъ съ него porękawiczne и передалъ аренду другому, взявъ съ того большее porękawiczne, послѣ того какъ шляхта дала истцу уже и blankiet, rękami podpisany; судъ поручаетъ намѣстнику, szlachtę zebrawszy do koła, выбрать арендаря; № 5685 f. 131: мельница которую отдали въ аренду wszyscy generalnie pp. szlachta popowska, 5316 f. 705: дѣло о контрактѣ на выдѣлку поташа въ лѣсахъ с. Лопатинецъ, заключенномъ мѣстною шляхтою.

[2]) А. Б. с. II № 141 (шляхта елтуховская жертвуетъ священнику грунтъ, оставшійся при размежеваніи), К. Ц. А. № 5688 f. 51 (упом. эрекція на церковь с. Гришекъ, данная Радіевскими—перечислено 8), № 5312 f. 687 v. (тоже о радіевской эрекціи, a haeredibus libere benevoleque collato); А. Б. с. II № 146: коло даетъ намѣстнику свободное дворище za iego prace i trudy dla wsi całey.

[3]) См. А. Б. с II с. 295 (пожалованіе конфисков. участка), ср. с. 256 (za prawem j. o. x.); протестъ см. с. 301 (consensui universali cohaeredum... contrariis).

права присвоилъ себѣ князь-староста, и околица рѣдко ихъ осуществляла; въ 40-хъ гг. волковинская шляхта, не принявъ княжескаго кандидата, домогалась у митрополита признанія jus collationis, ссылаясь на прецедентъ 1716 г., когда мѣстный священникъ получилъ презенту отъ кола, и посылала по этому дѣлу своихъ ходатаевъ, съ немалыми издержками, но, кажется, напрасно. Коростовскіе и Галузинскіе также заявляли притязанія на право презенты, но осуществляли ли они его, неизвѣстно [1]. Независимо отъ того коло заботилось о благосостояніи церкви; въ одной тяжбѣ разсказывается, что коло (с. Степанокъ) избрало двухъ шляхтичей для завѣдыванія приготовленіемъ и продажею кануннаго меда (доходъ съ котораго поступалъ въ пользу церкви) [2].

Несомнѣнно, коло нѣкогда избирало и намѣстника, но въ XVIII в. это право, вѣроятно, тоже отошло въ область воспоминаній. За то коло содержало еще „пахолка", нѣчто въ родѣ теперешняго соцкаго, котораго одинъ декретъ называетъ слугою всего села (sługę całey wsi) [3].

d) Коло наблюдало обыкновенно за доброю нравственностью и поведеніемъ своихъ членовъ и благочиніемъ околицы; узнавъ напр., что одинъ изъ сельчанъ z naloznicami obcuie, коло пришло въ сильное негодованіе и постановило ихъ cum paenis corporalibus ze wsi alienowac; въ другомъ случаѣ шляхетское коло жалуется на безчинства одного изъ обывателей и составленіе пасквильныхъ стиховъ „на дамъ всего села" [4].

---

[1]) А. Б. с. П № 133, 135, 137; К. Ц. А. № 5691 f. 39 v.: gdy duchownego synowi na poswiecenie z całey wsi (Галузинецъ) dziedzice dali prezente, y zaproszeni byli do karczmy na porcye.

[2]) А. Б. с. П № 98.

[3]) К. Ц. А. № 5685 f. 63: дѣло въ судѣ полковничьемъ о томъ, что шл. Франовскій посланнаго къ нему за подымнымъ отъ намѣстника пахолка побилъ, не позволяя ему „брать грабежъ"; 5690 f. 82 (тоже побои похолку, od całey wsi na usługe postanowionego).

[4]) А. Б. с. П R. 1754, К. Ц. А. № 5691 f. 28; въ другой разъ

е) Наконецъ—въ связи съ перечисленными выше функціями стояла юрисдикція кола; практиковалась она въ первой инстанціи, причемъ дѣла изъ него могли переноситься въ замковый судъ, иногда тяжбы передавались сюда изъ замковыхъ судовъ; извѣстія о судѣ кола встрѣчаются впрочемъ рѣже, чѣмъ о судѣ намѣстника [1]).

Документовъ околичнаго самоуправленія вообще почти не сохранилось; кажется, декретъ кола представляетъ одно рѣшеніе по дѣлу о неосновательныхъ подозрѣніяхъ, возбужденныхъ шляхтичемъ противъ мѣстнаго арендатора; въ текстѣ судъ называется „судомъ кола нашего братерскаго"; онъ озабоченъ тѣмъ, „чтобы такія ссоры и неосновательныя тяжбы не происходили въ селѣ нашемъ, и приговариваетъ отвѣтчика къ штрафу на замокъ и принесенію извиненія; декретъ подписанъ поручикомъ (мѣстнымъ дѣдичемъ) и двумя шляхтичами [2]).

Въ общемъ, какъ было отмѣчено уже, околичное самоуправленіе было стѣснено и ограничено надзоромъ замковой зверхности; арендные контракты поступали на утвержденіе зверхности; раскладка повинностей могла быть отмѣнена (особенно по жалобѣ кого-либо изъ заинтересованныхъ); избраніе должностныхъ лицъ, повидимому, отошло отъ кола почти цѣликомъ; декреты его могли быть обжалованы и кассированы замковымъ судомъ; съ другой стороны—судебныя функціи перешли преимущественно въ руки намѣстника.

Намѣстникъ былъ предсѣдателемъ и представителемъ шляхетскаго кола (почему оно называется иногда „коломъ намѣстничь-

---

z deputacyi całego kola с. Радіевецъ была передана на судъ женщина по обвиненію въ дѣтоубійствѣ—№ 4571 f. 164.

[1]) Судъ кола: А. Б. с. II с. 318, R. 1749, К. Ц. А. № 5685 f. 197: судъ Барскій передаетъ дѣло на рѣшеніе кола.

[2]) А. Б. с. R. № 125; поручикъ Сѣчинскій, живя въ Галузинцахъ, игралъ въ дѣлахъ околицы вліятельную роль, почему, вѣроятно, и называется иногда поручикомъ галузинскимъ (ibid с. 219).

имъ", а намѣстникъ—„намѣстникомъ шляхетскаго кола") [1]. Древнѣйшее упоминаніе объ этомъ урядѣ имѣется въ позвѣ 1718 г., гдѣ перечисляются восемь намѣстниковъ (locitenentes), участвовавшіе съ прочей шляхтой, подъ предводительствомъ хорунжаго, въ нашествіи на Полонскія имѣнія Фр. Любомирскаго: очевидно, каждый изъ нихъ предводительствовалъ ополченіемъ своей околицы. Отголоскомъ такой роли намѣстника являлся позже выѣздъ его на смотры въ главѣ своей околицы [2]). Намѣстникомъ былъ всегда одинъ изъ шляхтичей данной околицы. Относительно способа замѣщенія этой должности я не нашелъ прямыхъ указаній; судя по тому, что нѣтъ никакихъ намековъ на его выборъ (а онъ, конечно, приводилъ бы въ сильное движеніе общину, и извѣстія о немъ въ такомъ случаѣ непремѣнно бы проскользнули въ документы), приходится думать, что въ серединѣ XVIII в. намѣстникъ назначался замковымъ начальствомъ, вѣроятно—полковникомъ. Удалялся онъ замковымъ начальствомъ, это несомнѣнно: имѣемъ рѣшеніе замковаго (т. е. полковничьяго) суда, которымъ намѣстникъ удаляется отъ должности (od szarzy namiesnikowstwa) за самоуправство [3]). Въ сферѣ судебной и военной онъ ближайшимъ образомъ подчинялся полковнику, въ сферѣ административной—ему и губернатору. Терминомъ для его власти была „коменда" [4]); отношенія къ намѣстнику населенія околицы, какъ и самого намѣстника къ высшему начальству, разсматривались, какъ основанныя на принципѣ военной дисциплины, и неповиновеніе или неуваженіе околичнаго населенія къ намѣстнику считалось нарушеніемъ trybu wojskowego [5]).

---

[1]) А. Б. с. П R. 1749, К. Ц. А. № 5687 f. 29: koła szlacheckiego y namiesnikowskiego, подоб. № 5690 f. 29 v., 5691 f. 40, № 5699 f. 37 ср. А. Б с. П R. 1756.

[2]) А. Б. с. П № 90, 114.

[3]) А. Б. с. П № 121.

[4]) Самъ намѣстникъ называется иногда „комендою"—К. Ц. А. № 5689 док. № 184 (u domu komendy).

[5]) Напр. К. Ц. А. № 5685 f. 28: aze i. m. p. Radziejowscy, nie trzymaiąc sie reguły y trybu woyskowego, a spetialiter i m. p. namiesnik

Нѣтъ сомнѣнія, что въ болѣе раннее время все управленіе околицею находилось въ рукахъ громады шляхтичей-владѣльцевъ, и выборный намѣстникъ былъ лишь исполнителемъ ся рѣшеній и представителемъ предъ замковою зверхностью и посторонними общинами и лицами [1]). Вѣроятно, принципъ военной дисциплины, обусловленный тѣмъ, что намѣстникъ завѣдывалъ ополченіемъ своей околицы и являлся ея предводителемъ, проникая все сильнѣе въ организацію староства, видоизмѣнилъ отношенія такимъ образомъ, что съ одной стороны—поставилъ намѣстника въ положеніе агента замковаго управленія, всецѣло подчиненнаго замковой зверхности [2]), съ другой стороны—сдѣлалъ изъ него околичное начальство, коменду, „диспозиціи" которой поручалась околица. Впрочемъ такъ какъ замковая зверхность близко стояла къ шляхетскому населенію и широко проникала въ околичныя отношенія, то и намѣстничья власть не могла получить широкихъ размѣровъ; ординансъ зверхности шелъ такъ сказать по пятамъ намѣстника и преграждалъ путь къ самовластію. Тѣмъ не менѣе значеніе намѣстника въ околичномъ строѣ было очень велико.

Въ документахъ на первый планъ выдвигается полицейскій характеръ его власти; главная обязанность его—„чинить добрый порядокъ въ околицѣ" [3]). Онъ надзираетъ за общественнымъ спокойствіемъ, арестуетъ его нарушителей, препровождая ихъ въ замокъ

---

występuiąc, w rycie dobrym, porządku ludzi, w komędzie swoiey maiących, nie trzymał, ich m. pp. Wasiutynskim pomocą będąc, dwor actora (Косинскаго) naiachac, rabowoc pozwolic wazył sie y ludzi nie strzymał etc.— приговорены къ 6-ти недѣльному аресту.

[1]) См. напр. К. Ц. А. № 5688 f. 103: намѣстникъ волковинскій отвѣчаетъ предъ судомъ полковничьимъ по иску шляхты лопатинской къ шляхтѣ волковинской (о забранномъ скотѣ), подоб. № 5685 f. 197; А. Б. с. II R. 1754: намѣстникъ заноситъ жалобу отъ имени кола.

[2]) Отношенія къ нему зверхности хорошо характеризуетъ письмо въ А. Б. с. II № 108.

[3]) А. Б. с. II с. 221.

или (въ менѣе важныхъ случаяхъ) производя расправу на мѣстѣ; принимаетъ мѣры благоустройства въ родѣ распоряженій объ огорожѣ полей во избѣжаніе потравъ (каждый господарь обязанъ былъ огораживать свою „дѣльницу“), о возстановленіи свободнаго проѣзда, въ случаѣ если кто перегородитъ или перекопаетъ дорогу или улицу и т. п. [1]). Намѣстнику „презентуютъ“ битыхъ для осмотра ранъ, особенно если не рѣшались ихъ везти для того къ замковому уряду; къ нему обращаются въ случаѣ потравы для опредѣленія размѣровъ убытковъ („обвести шкоду“); ему представляютъ приблудный скотъ, и при немъ же производятъ его продажу въ случаѣ ненахожденія хозяевъ; онъ налагаетъ арестъ на имущества въ случаѣ тяжбы; въ его присутствіи приносятъ присягу, подвергаютъ наказанію по приговору замковыхъ судовъ или мѣстнаго кола [2]); предъ нимъ же и съ его вѣдома заключаютъ контракты и сдѣлки [3]). Далѣе, намѣстникъ публикуетъ и приводитъ въ исполненіе приговоры замковыхъ судовъ и распоряженія замкового начальства (напр. о высылкѣ резидентовъ, о сборѣ подымнаго) [4]). Ему поручается

---

[1]) А. Б. с. II с. 223—4; К. Ц. А. № 5685 f. 120: на намѣстника жалуются, что происходятъ потравы przez nieporządek iego y nierozkazanie ogrodzic dzielnicami—намѣстникъ объясняетъ, что нѣсколько разъ напоминалъ.

[2]) К. Ц. А. № 5687 док. № 204 (осмотръ избитаго), № 5685 f. 106 v. (шляхтичъ обвиняется, что забралъ коней въ потравѣ, ani do namięsnika nie odprowadził, ani szkody liudzmi obwiod), f. 144 v. (приговоръ за убіеніе свиней въ потравѣ, nie doniosszy zwierchnosci); № 5693 док. № 1149, 608, (арестъ), № 5688 f. 6 v. (декретъ: сѣчь предъ намѣстникомъ обвиняемую, пока не дастъ показанія), А. Б. с. II с. 235 (присяга).

[3]) См. А. Б. с. II R. 127.

[4]) Напр. А. Б. с. II с. 269, 395; К. Ц. А. № 5683 f. 86: шляхтичи, отправляясь на резиденцію, заявляютъ объ этомъ намѣстнику; К. Ц. А. № 5685 f. 28 (ординансъ администратора о присмотрѣ за имуществомъ истца и доставкѣ отвѣтчика), ср. f. 148; 5689 f. 1 (ординансъ поручика: взять воловъ у отвѣтчика). Этою ролью намѣстника объ-

иногда вводъ во владѣніе или „помиркованье" земельныхъ споровъ, при содѣйствіи избранныхъ обѣими сторонами пріятелей. Онъ наряжается иногда въ комиссары па съѣзды [1]). На рѣшеніе намѣстника какъ было упомянуто, передаются иногда замковымъ судомъ менѣе важныя тяжбы [2]). Но онъ обладаетъ и самостоятельною юрисдикціею, хотя точно установить законные предѣлы ея затруднительно, и наряду съ извѣстіями о судѣ намѣстника встрѣчаются заявленія о „niesłusznem sądzeniu bez ordynansa pułkownikowskiego" [3]); въ 1733 г. намѣстникъ с. Буцень былъ оштрафованъ за то, что осмѣлился судить sądy criminalne bez wiadomosci zamkowey [4]). Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что судъ у намѣстника практиковался заурядно и на законномъ основаніи; въ одномъ документѣ волковинецкая шляхта, жалуясь на своего намѣстника, говоритъ, что если кто обратится къ его суду (kiedy zapozwą się do komendy), то онъ деньги возьметъ, а дѣла не разсудитъ. Какъ видно, у намѣстника чинился судъ иногда объ очень важныхъ преступленіяхъ, конечно—не шляхтичей; такъ въ одномъ случаѣ дѣло о дѣтоубійствѣ ограничилось разбирательствомъ у намѣстника и наказаніемъ розгами, и лишь по повторенія его коло передало это дѣло въ барскіе суды; не-шляхтичей въ намѣстничьемъ судѣ подвергали пыткамъ; иногда же намѣстникъ ограничивался производствомъ слѣдствія и затѣмъ препровождалъ отвѣт-

---

ясняется, почему онъ предъ судомъ выступаетъ обвинителемъ по дѣламъ о неисполненіи повинностей и распоряженій—напр. А. Б. с. П R. № 124 и 128.

[1]) Напр. К. Ц. А. № 5685 f. 148 v. (поручается намѣстнику sianozęc tę między stronami pomiarkowac), подобное—№ 5688 f. 4 v., № 5690 док. № 82; № 5638 док. № 218 (вводъ во владѣніе намѣстникомъ съ двумя шляхтичами). О съѣздѣ см. особенно указанное выше упоминаніе на с. 383 (пять намѣстниковъ съ поручикомъ).

[2]) Напр. № 5685 f. 197 v., № 5700 f. 102 (дѣло о коровѣ), 5698 f. 32 (рѣшеніе поручается намѣстнику съ двумя пріятелями).

[3]) К. Ц. А. № 5687 f. 22 (жалоба еврея Лахмана).

[4]) А. Б. с. П № 114 (Григ. Буцень упоминается въ качествѣ намѣстника подъ 1731 г.—К. Ц. А. № 5684 f. 5).

чика въ Баръ (особенно шляхтичей) [1]). Вообще судебныя компетенціи намѣстника имѣли на практикѣ широкое приложеніе. Приговоры намѣстника признавались замковою зверхностью [2]), и за неповиновеніе его декрету налагались Барскимъ судомъ денежные штрафы [3]). Апеллировали на декреты намѣстника, какъ и комиссаровъ, въсудъ Барскій [4]).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ судъ намѣстника былъ единоличный, это ясно изъ документовъ, въ другихъ случаяхъ онъ сливается съ судомъ кола [5]); послѣднее объясняется, конечно, тѣмъ, что намѣстникъ, будучи предсѣдателемъ кола, игралъ первенствующую роль и въ происходившихъ здѣсь судебныхъ разбирательствахъ. Самая юрисдикція намѣстника, очевидно, развилась на этой почвѣ, и первоначально онъ былъ, вѣроятно, лишь слѣдователемъ и исполнителемъ приговоровъ кола; съ другой стороны, его юрисдикція примыкаетъ къ формамъ суда съѣздоваго и третейскаго, какъ видно изъ предшествующихъ указаній, такъ что иногда трудно опредѣлить, гдѣ его юрисдикція является аттрибутомъ должности, и гдѣ онъ выступаетъ въ роли комиссара или „пріятеля".

---

[1]) А. Б. с. II № 134, ср. R. 1745, также № 143 (судъ у намѣстника о кражѣ, пытка), 157 (декретъ по дѣлу объ арендѣ); въ № 143 не ясно, происходилъ ли судъ у намѣстника по ординансу зверхности, или ординансъ былъ данъ о приведеніи въ исполненіе его рѣшенія; 5687 f. 4 (жалоба на намѣстника ratione niesprawiedliwego osądzenia y bez zadnych dowodow wydarcia gruntu), № 5690 f. 1 (oddawał pieniądze obwinionemu, sądząc się u namiesnika wołkowinskiego), 5689 f. 1; рѣшенія намѣстника: 5689 f. 65 (одолженныя вещи), 5700 f. 9 v. (долги арендарю).

[2]) Отмѣтимъ декретъ Барскаго суда, отмѣняющій рѣшеніе намѣстника въ виду того, что послѣднее состоялось уже послѣ того, какъ выданъ былъ ординансъ сторонамъ въ судъ Барскій—К. Ц. А. № 5685 д. № 328.

[3]) К. Ц. А. № 5699 f. 29 v. (10 грив. за неповиновеніе).

[4]) К. Ц. А. № 5700 f. 88 v. (pro relevatione dekretu namiestn. idzie i o naruszenie dekretu kondescensorialnego dekretem namiestn. wnosi).

[5]) К. Ц. А. № 5685 f. 197: судъ Бар. поручаетъ намѣстнику разобрать дѣло въ колѣ; № 5689 f. 78: dekret namiesnikowski, a bardziey całego koła (о четверикѣ сушенныхъ сливъ).

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Къ с. 24 пр. 6. Грамота издана въ Подол. епарх. вѣд. 1887 № 46.

Къ с. 25. Извѣстіе Чацкаго (O litewskich i pol prawach II p. 200) относительно тяжбы Язловецкихъ о наносахъ у Качибея, на которое ссылался раньше Новицкій (Изслѣдов. о крестьянахъ, с. 30), а теперь проф. Леонтовичъ (Очерки литов.-рус. права с. 28), не можетъ также служить доказательствомъ реальнаго владѣнія Польшею черноморскимъ побережьемъ; споръ могъ итти съ болѣе ранняго времени, быть тоже отзвукомъ прошлаго. О черноморскихъ владѣніяхъ Литвы см. еще въ новой работѣ проф. Маркевича: Г. Качибей или Хаджибей, въ XVII т. Зап. Одес. общ. ист. и древн.

Къ с. 32 и 38. Древнѣйшее датированное извѣстіе о барскомъ Поднѣстровьѣ находится въ грамотѣ Коріатовичей 1388 г., гдѣ упоминаются села Лядава и Бронница (ниже Могилева), при чемъ эти села тянутъ къ Бакотѣ. Проф. Леонтовичъ въ упомянутой книгѣ (с. 370) заявляетъ сомнѣніе въ подлинности этой грамоты, но соображеній своихъ не объясняетъ.

Къ с. 39. Агдашовъ, несомнѣнно, и есть Серебрія (можетъ быть это переводъ одного и того же имени, ак. по татарски—бѣлый), ср. с. 124.

Къ с. 58. Дашковцы 1493 г., какъ и Мытковцы, могутъ быть отнесены и къ побожскимъ селамъ этихъ именъ.

Къ с. 70. Можно указать и на Кудыевскихъ, которые (въ томъ числѣ и Иванъ Олисеевичъ) получаютъ грамоту на пуст. Кудовцы въ 1546 г., а Иванъ Олисеевичъ Cudziewsky выступаетъ еще въ 1543 г.—А. Б. с. I № 64.

Къ с. 88. О чемерисахъ и вообще татарской колонизаціи литовско-польской см. еще у Ролле, Sylwetki t. IX, Dzieje osadnictwa tatar-

skiego; чемерисовъ онъ считаетъ отатарившимися черемисами (p. 278). Не вижу основанія выдѣлять ихъ изъ среды тюркскихъ колонистовъ в. кн. Литовскаго. Тамъ же о стратегическихъ пріемахъ Претвича, p. 269 sq.

Къ с. 131. О воеводахъ и каштелянахъ см. еще у Губе Prawo polskie XIII w., od. IX.

Къ с. 147. Въ люстр. 1615 г. (Żródła V p. 6) упоминается dekret ziemski kamieniecki 1448 г.

Къ с. 155. Лановое въ числѣ поземельныхъ повинностей само собою подразумѣвается.

Къ с. 192. Во 2-ой пол. XVI в. извѣстна другая вѣтвь или родъ Елтуховъ въ Хмельницкомъ пов.; они владѣли с. Маркушовцами (къ з. отъ Уланова), и прозывались Маркушовскими—Архивъ VII, II с. 156, К. Ц. А. № 3612 док. № 94 (1591)—nob. Joltuch Markuszowski.

Къ с. 201. Въ подтвержденіе того, что прозвище Алатыяновъ Ляшковъ произошло отъ Алактивона Ляшка, можно указать на такую форму его имени—Alachthian (К. Ц. А. № 3601 f. 105 v.—6).

Къ с. 220. Фамилія Лопатинскихъ впрочемъ встрѣчается на Подольѣ и раньше: дочь Алактивона Поповскаго—Тача была за Лопатинскимъ, К. Ц. А. № 3601 f. 106.

Къ с. 225. Терминъ „служки" заурядъ прилагается къ барской шляхтѣ также въ ревизіи правъ 1564 г.—см. А. Б. с. II с. 361—2.

Къ с. 239. Что на польскихъ шляхтичей простиралась общая практика повинностей, подтверждаетъ льготная грамота 1566 г. (А. Б. с. II с. 364), гдѣ идетъ рѣчь о военной службѣ, замковыхъ работахъ, стаціи, крестьянскихъ податяхъ, и польскіе шляхтичи—Якимовскій, Буковскій, Гослицкій выступаютъ рядомъ съ туземцами.

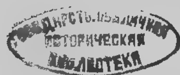
Къ с. 277. Въ спискѣ подстаростъ нужно прибавить Стржелецкаго, упом. подъ 1607 г. (К. Ц. А. № 5648, p. 86).

Къ с. 368. Въ спискѣ чиновниковъ нужно прибавить инстигатора Матвѣя Пашковскаго (1746)—К. Ц. А. № 5689 f. 71.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
10	1 св.	Приднѣпровьи	Приднѣпровьѣ
22	3 св.	1389	1388
24	15 сн.	земли	земли 1564 г.
25	14 св.	звукомъ	звукомъ,
27	1 св.	нихъ	степяхъ
29	9 сн.	R. 1404 и 1431	R. 1431
43	16 св.	1452	1456
47	4 св.	Kosrmynczicze	Koszmynczicze
48	8 и 6 сн.	f. 284.. violente	f. 33, v... violenter
61	9 св.	до XV в.	до XVI в.
66	11 св.	набѣга,	набѣги
71	9 сн.	Будни-Берлинскіе	Берлинскіе (Будни)
73	1 св.	конфискованы	отобраны
78	6 св.	конфискаціи	отобранію
87	13 св.	нихъ	немъ
93	3—4 св.	до прочныхъ выводовъ	къ прочнымъ выводамъ
	2 сн.	Каричинцы	Каричинцы,
97	8 св.	мы впервые	мы
	9 сн.	вмѣнялось	обыкновенно вмѣнялось
107	10 св.	XVII в.	XVI в.
108	12 сн.	полный	польный
128	12 сн.	1375	1374
140	8 сн.	такой	такой (какъ на Руси)
145	12 св.	смущать	особенно смущать
148	13 сн.	его	Теодорика
149	1 св.	исключительно	почти исключительно
151	2 сн.	внутр. ист.	изъ ист. сословій
154	14 сн.	пожалованіемъ	пожалованіяхъ
162	7 сн.	A. G. Z.	A. G. Z. V
	3 сн.	р.	ср.
165	14 сн.	ихъ можно	можно
180	2 св.	изъ всей шляхты	

183	15 св.	претензіи	права
189	9 св.	XVI в.	XV в.
210	12 св.	туземныъ	туземнымъ
213	10—11 св.	Козаровцахъ изъ Семяковецъ	Козяровскихъ изъ Зинечковецъ
214	7 сн.	f. 19	f. 20
219	4 сн.	А. Б. с. П	А. Б. с. I
231	13 св.	Кунатовскихъ	Кунатовскихъ, Морозовскихъ
235	7 св.	они	онѣ
244	16 сн.	королевскихъ	в. княжескихъ
267	16 сн.	привилегированную	непривилегированную
269	15 св.	городскихъ	гродскихъ
273	6 св.	комиссарское	ревизорское
279	11 св.	никать	проникать
283	12 св.	козакованя	козаковання
292	11 св.	Броневскоъу	Броневскому
300	4 св.	добычу,	добычу
315	2 св.	претендовавшими	претендовавшіе
316	11 св.	Петрани, только	Петрани
355	12 св.	имѣла отношеніе	
368	2 сн.	имѣновавшійся	именовавшейся



ОГЛАВЛЕНІЕ.

КАРТА
ЮГО-ВОСТОЧНАГО ПОДОЛЬЯ
XV–XVIII в.

Границы Барскаго староства въ XVI в.
" тоже XVIII "
" повѣтовъ XVI "
Граница Каменецкаго и Летичевск. пов. по размежеванію 1612 г.

Поселенія:
упоминаемыя до XVI в.; — въ XVI в.; — въ XVII в.; не подчеркнутыя — XVIII в.; отмѣченныя × принадлежавшія когда-либо къ Ровеко-Барскому староству.

Статистическія свѣдѣнія о поселеніяхъ Барскаго староства за XVI в.

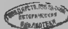
	1493	1530			1542		1552				
	Домы (domus)	Плуги (aratra)	Коморники (inquilini)	Священники (popones)	Плуги	Священники	Плуги (possessiones)	Урочные и на чиншу	Слуги	На волѣ (libertate gaudent)	Убогие
Баръ		des			libertate				—	—	—
— Русскій			—		gaudet		—				—
— Черемисскій			—				—				
Билиловцы		3	—		5		1		3	5	
Будки									—		
Васютинцы (Чукава					—						
Верещатинцы [2]	3	des			des					—	
Волковинцы		2	—		2			—		—	—
Галузинцы	2	des	—		des						
Герм[illegible]	5				1						
Глибоцъ	6						—				
Головчинцы							7			5	
Голодки								—		—	—
Гричковцы (Карачевцы)		1			1			—	—	—	
Деражня							23 [3]		2	2	
— Лука	14	27		1	[illegible]	1	20			[illegible]	
— Калинська	14						24		5	7	—
Выселокъ							7				
Елтухи										—	
Елтуховъ		des		—	des			liber	tate	gau	det
Ивановцы	17			—	7		26			10	
Карачинцы Рымов.	13			—	3	—	24			4	
Пот[illegible] Озровецъ		3½			3		10			2	
Козеровцы							—			—	
Комаровцы	7				2	—				—	
Крутибородинцы	4	1½			3		11			—	
Курыловцы											
Лука	—						12	1	1	4	
Матыйковъ	—										
Мальчовцы											
Маньковцы							1				
Межировъ							—			4	
Михоловцы							—				
Морозовка											
Мукаровъ Великій	22	6		1	7			—		8	2
— Татарскій					des		—				
Нестеровцы		des		—							
Новоселка	6	5		—			23				—
Петрани (Ременива)											
Покутинцы	6	9½	1		3		6		7	3	
Поповцы (на Бугѣ)		8			8		9	2	4	8	
Гадиевцы		2			3				—		
Семаковцы		—		—	—				—		
Сусловцы		3			5 [6]		6				1
Слободка		21	—		17		24	6 [5]	4	3	
Ходаки (Подарнава	—										
Черешневка		—									
Шершеневцы				—		—					
Шелеховъ			—				—	—			—
Щодрова		5					15		2	4	—
Ялтеновка									—		
[illegible]ковле (Шывинцы			—								

	1565						1565—6				
	Мѣщане	Тяглые	Урочные	Слуги	На волѣ	Убогие	Плуги	Коморники	Ремесленники (artifices)	Похожие (vagi)	Священники
Баръ	102	—			—	—	—				—
— Русскій	24			66 et	—		—		—	—	—
— Черемисскій	4			[illegible]tr [1]	—	—					—
Билиловцы		7		6	8	7	2				—
Будки		—									
Васютинцы (Чукава				—							
Верещатинцы [2]	—	10			—			—			
Волковинцы	—					—				—	
Галузинцы		6					—				
Герм[illegible]			—	2	7		—				
Глибоцъ		5					8			—	1
Головчинцы		0	1		2		2				
Голодки	—	3		—							
Гричковцы (Карачевцы)	—								—		
Деражня		17	4 [4]		7	4				—	
— Лука		23	2			3	7			—	
— Калинська		33	2		8	—	6				
Выселокъ			—								
Елтухи	—	7									
Елтуховъ	48						—				
Ивановцы		21	7	6	1	4	7	—			
Карачинцы Рымов.		20		2	4		4			—	
Пот[illegible] Озровецъ	—	2	1		5	—	3				—
Козеровцы	—	5					1½				
Комаровцы		—	—					—			
Крутибородинцы		6	1	1	6		8	2			
Курыловцы	—	15		—							—
Лука		15	2	3			7				
Матыйковъ					—		4			—	
Мальчовцы	—						3				
Маньковцы	—	11									
Межировъ		des	—						—		—
Михоловцы				—			—				—
Морозовка		2									—
Мукаровъ Великій			28	3		5	10	2	2		
— Татарскій	—					—	5		—	—	
Нестеровцы		7	—	—	10		2		—		
Новоселка		2 (5)	7 [5]		15		16		—		
Петрани (Ременива)		2							—	—	—
Покутинцы		3	—	4	3		7½			1	1
Поповцы (на Бугѣ)			11	1			4				
Гадиевцы							—				
Семаковцы		—			7		2		—		
Сусловцы	—		9		4		6				
Слободка		14	7 [7]	6			3				1
Ходаки (Подарнава					4		2				
Черешневка				2	8	—					
Шершеневцы		0	—			—			—		
Шелеховъ		1		—							—
Щодрова			16		3		7	—	—		
Ялтеновка		7			—			—	—		
[illegible]ковле (Шывинцы	—		1 [7]		4	—					

	1569				1570					
	Плуги	Коморники	Ремесленники	Похожие	Мѣщане	Тяглые	Урочные	Слуги	На волѣ	Убогие
Баръ				—	125	—				—
— Русскій	—				0					
— Черемисскій	—				68			61 [3]		
Билиловцы						4		3	13	
Будки									4	
Васютинцы (Чукава									4	
Верещатинцы [2]										
Волковинцы					—	4				
Галузинцы						[illegible]	—			
Герм[illegible]						7		2	3	
Глибоцъ	10					[illegible]			—	
Головчинцы			—			8		1	1	
Голодки		—		—					3	
Гричковцы (Карачевцы)	4				—			—		
Деражня						18	1 [4]	2		
— Лука			—		—	2.	—			
— Калинська						37	3	5	6	
Выселокъ		—								
Елтухи				—					4	
Елтуховъ					20					
Ивановцы						37	4		1	3
Карачинцы Рымов.	—					23	2		6	
Пот[illegible] Озровецъ		—				[illegible]			4	
Козеровцы										
Комаровцы					—	6				
Крутибородинцы						5				
Курыловцы	—			—		25				
Лука						24		2	—	
Матыйковъ										
Мальчовцы						24				
Маньковцы		—	—		—	12		5	4	
Межировъ								—		
Михоловцы	—								8	
Морозовка	1					[illegible]				
Мукаровъ Великій	19		3			3		3	4	5
— Татарскій	5			—		—		—		
Нестеровцы	2	3		1		3			1	
Новоселка	—	—				13			14	
Петрани (Ременива)		—			—	—				
Покутинцы	4		—			16				
Поповцы (на Бугѣ)						[illegible]			5	
Гадиевцы	—			—		8				
Семаковцы										
Сусловцы						5			5	
Слободка						16	1 [7]	5	7	
Ходаки (Подарнава		—	—			0	—			
Черешневка									9	
Шершеневцы										
Шелеховъ		—							1	
Щодрова						11			6	
Ялтеновка	—								3	
[illegible]ковле (Шывинцы	—								9	

	1578						1583				
	Плуги	Огородники (hortulani)	Коморники	Ремесленники	Похожие	Священники	Плуги	Огородники	Коморники	Ремесленники	Священники
Баръ											
— Русскій								—			
— Черемисскій						—		—	—	—	
Билиловцы				—						—	
Будки	—					—	1				
Васютинцы (Чукава	3				—						—
Верещатинцы [2]	5	11	3	4	—		5	1	3	4	—
Волковинцы	1		10		—			—	3		1
Галузинцы	8	15	—				8	9	—	—	
Герм[illegible]	3	8	—	—			7	8		—	
Глибоцъ	10					1	10	—			1
Головчинцы							6				
Голодки	5	6					3	6			
Гричковцы (Карачевцы)	4						4				—
Деражня											
— Лука	31	4	—	2	1	—	34½	3			1
— Калинська											
Выселокъ											
Елтухи	1						1				
Елтуховъ											
Ивановцы	[illegible]6½						33½				1
Карачинцы Рымов.	48½		6	4							
Пот[illegible] Озровецъ									—	—	—
Козеровцы	—		—								—
Комаровцы	16	4		—			16	4	6	1	
Крутибородинцы											
Курыловцы	4										
Лука	22½	2				1				1	
Матыйковъ	16		—	4		1	12			4	
Мальчовцы			—								
Маньковцы	19	—	—				13	3			
Межировъ							—				—
Михоловцы					—		1			—	
Морозовка										—	
Мукаровъ Великій	23			5		1	23	11		1	
— Татарскій											
Нестеровцы								—			
Новоселка											
Петрани (Ременива)							2 [2]	2			
Покутинцы	11	1					1	4			—
Поповцы (на Бугѣ)	8					1					
Гадиевцы	2			[illegible]		1	2			[illegible]	
Семаковцы							1½				
Сусловцы	10				1	1	5				
Слободка	14			2							
Ходаки (Подарнава		—									
Черешневка	3			—		—		—			
Шершеневцы											
Шелеховъ	8	1					[illegible]			7	
Щодрова	10	9		1	1	1			1		
Ялтеновка				—		—		—			—
[illegible]ковле (Шывинцы	2		4		—		2	4			

[1]) Въ эту же категорію отнесены и черемисы. [2]) Здѣсь же и Мытковцы. [3]) Вмѣстѣ съ мѣст. Деражнею. [4]) Сюда же отнесены корчмари. [5]) Вмѣстѣ съ показаннымъ въ этой люстраціи выселкомъ Новоселицкимъ. [6]) Вмѣстѣ съ Щодровою. [7]) Сюда же отнесены [illegible].



Въ книжныхъ магазинахъ Н. Я. Оглоблина продаются также слѣдующія работы того же автора:

Южнорусскіе замки въ пол. XVI в., историко-статистическій очеркъ. К. 1890. Ц. 25 к.

Волынскій вопросъ 1098—1102 г. К. 1891. Ц. 30 к.

Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. К. 1891. Ц. 2 р. 75 к.

Барская околичная шляхта до к. XVIII в., историко-этнографическій очеркъ. К. 1892. Ц. 20 к.

Къ вопросу о Болоховѣ. К. 1893. Ц. 15 к.

Дополнительныя главы къ изслѣдованію: „Барское староство, историческіе очерки". К. 1894. Ц. 50 к.

Цѣна 2 р. 25 к.